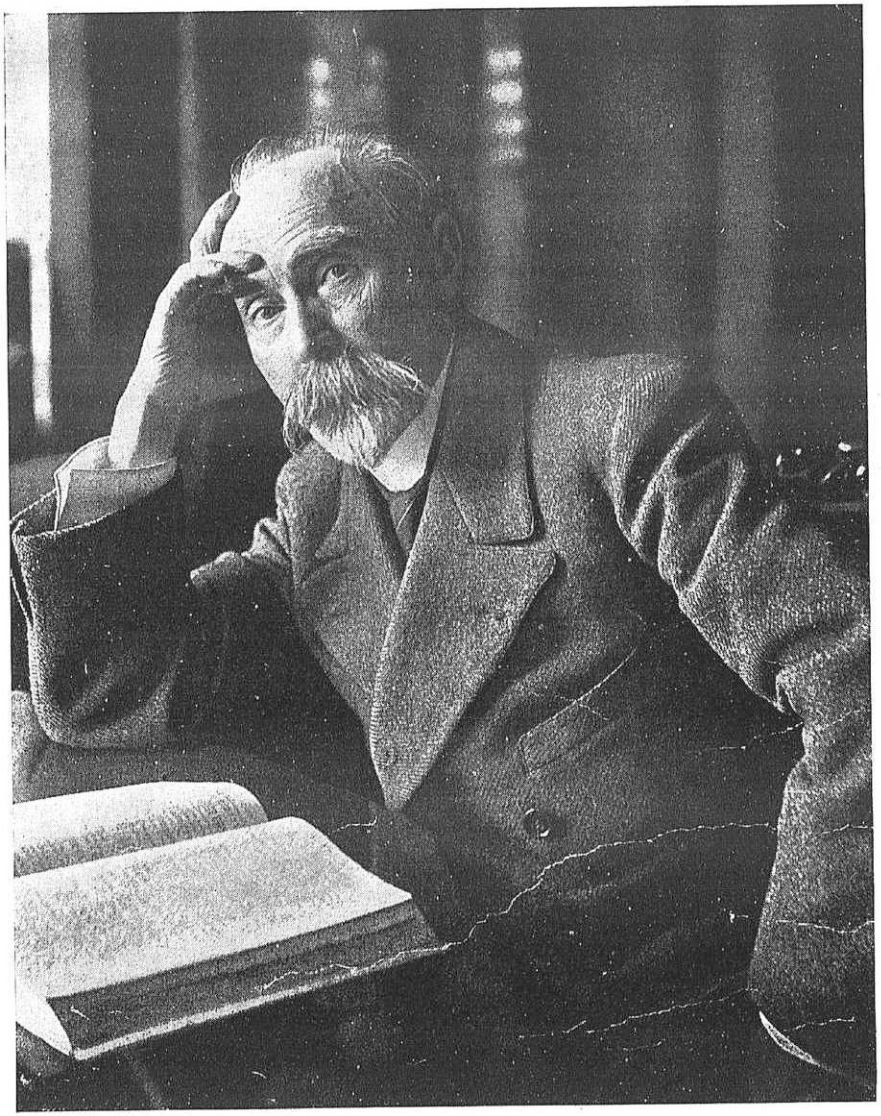

Георгий Валентинович
ПЛЕХАНОВ

ПЕТЕРБУРГ ж 1920

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

под редакцией Д. Б. РЯЗАНОВА

38 ~~700~~
947
738 I, II
801-17
873
М 55/206

СОЧИНЕНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ТОМ ПЕРВЫЙ

Часть I и II

(1878—1884 года)

(С портретом автора)

№480 ~~226~~
Библиотека Товарищеской ...

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ✻ 1920

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности.

Государственное Издательство.

Третья Государственная Типография.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОГО ТОМА.

Предисловие автора. . . . . VII—XVI

Часть первая.

1878—1883.

Корреспонденции. Стр.
Каменская станица (письмо первое) 3
С Новой Бумагопрядильни 6
Закон экономического развития общества и задачи социализма в России (ст. I) 7
Корреспонденция с бумагопрядильной фабрики Кенига 16
Закон экономического развития общества и задачи социализма в России (ст. II) 22
Волнения в среде фабричного населения 29
Каменская станица (письмо второе) 39
От редакции «Черного Передела» 42
«Черный Передел» 43
Передовая статья из № 1 «Черного Передела» 50
Передовая статья из № 2 «Черного Передела» 54
Об издании «Русской Социально-революционной Библиотеки» . . . 62
Предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической Партии» 72
Воспоминание об А. Д. Михайлове 74
А. П. Щапов 87

Часть вторая.

1883—1884.

Стр.

Об издании «Библиотеки Современного Социализма» 99
Социализм и политическая борьба 101
Послесловие (1917 г.) 155

Наши разногласия.

Письмо к П. Л. Лаврову (Вместо предисловия) 159

Введение.
1. В чем нас упрекают 173
2. Постановка вопроса 176
3. А. И. Герцен 177
4. Н. Г. Чернышевский 179
5. М. А. Бакунин 195
6. П. Н. Ткачев 202
7. Результаты 207

Глава I. Некоторые исторические справки.
1. Русский бланкизм 211
2. Л. Тихомиров 214
3. Группа «Освобождение Труда» 221
4. Л. Тихомиров в борьбе с группой «Освобождение Труда» . . . 226
5. Историческая роль капитализма 230
6. Развитие капитализма на Западе 238

Глава II. Капитализм в России.
1. Внутренний рынок 249
2. Число рабочих 254
3. Кустари 262
4. Кустарный промысел и земледелие 269
5. Кустарь и фабрика 271
6. Успехи русского капитализма 273
7. Сбыт 275

Глава III. Капитализм и общинное землевладение.
1. Капитализм в земледелии 277
2. Община 280
3. Разложение нашей общины 283
4. Идеальная община народников 291
5. Выкупная операция 300
6. Мелкое землевладение 308
7. Вывод 309

Глава IV. Капитализм и наши задачи.
1. Характер предстоящей революции 310
2. «Захват власти» 328
3. Вероятные последствия «народной» революции 335
4. Колебания Л. Тихомирова между бланкизмом и бакунизмом . . 349
5. Вероятные последствия захвата власти социалистами. 358

Глава V. Истинные задачи социалистов в России.
1. Социал-демократы и «зуботычины» 360
2. Пропаганда в рабочей среде 368

Глава VI. Заключение 378

Предисловие к настоящему *) изданию.

В этот первый том моих сочинений входят, между прочим, и те, которые относятся еще к *народническому* периоду моего развития и которые были напечатаны в свое время, главным образом, в «*Земле и Воле*» и «*Черном Переделе*». Пусть читатель не удивляется, поэтому, если на первой сотне страниц этого тома он встретит взгляды, не вяжущиеся с моим нынешним миросозерцанием, т.-е. с *марксизмом*. Но пусть не удивляется он также, если я прибавлю к этому, что основная мысль, лежавшая в моих народнических взглядах,—при всем несходстве этих взглядов со взглядами марксистов,—не так далека, как это может показаться на первый взгляд, от основной идеи марксизма, и что мое нынешнее миросозерцание представляет собой не более, как логическое развитие основной мысли, увлекавшей меня уже тогда, когда я работал в органах революционного народничества. Дело тут вот в чем.

Современные анархисты относятся, как известно, весьма отрицательно к *материалистическому об'яснению истории*. Оно кажется им одной из ошибочных и вредных «догм» марксизма. Не так смотрел на этот вопрос один из основателей современного анархического учения, покойный М. А. Бакунин. В своих сочинениях (в книге «*Государственность и анархия*», в полемике с Мадзини, если память мне не изменяет, в брошюрке «*Наука и насущное революционное дело*»), он называл теорию исторического материализма великим открытием и неоспоримой заслугой автора «*Капитала*». Такое отношение Бакунина к этой теории разделялось первоначально и многими его учениками. В народнический период моего развития, я,—как и все наши народники,—находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории. Я уже тогда был твердо убежден в том, что именно историческая теория Маркса должна

*) Женевскому изданию 1905 г., воспроизведением которого является настоящее издание.

Прим. ред.

дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности. Читатель легко убедится в этом, прочитав мою статью: «*Закон экономического развития общества и задачи социализма в России*», напечатанную в № 3 «*Земли и Воли*» и занимающую в этом томе стр. 7—16, а также мои статьи, появившиеся первоначально в № 1 «*Черного Передела*» и занимающие в этом томе стр. 43—54. В одной из этих статей я категорически говорил, что «экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов» (см. стр. 47 этого тома). Это уже несомненный марксизм. Но этот марксизм достиг до моего сознания, пройдя сначала через призму бакунинского учения, и потому он приводил меня к несостоятельным утопическим *выводам*. Какие же это были выводы? Те самые, которые делал Бакунин из материалистического объяснения истории. Он рассуждал, как известно, так: если *политические* отношения всякого данного общества основываются на его *экономических* отношениях, то «политика» ни в каком случае не может служить средством освобождения пролетариата; занимаясь «политикой», социалисты изменяют делу рабочего класса, который может свергнуть иго капитализма только путем *экономической* революции. На основании этого соображения, Бакунин и его последователи горячо и упорно восставали против того параграфа в уставе Международного Товарищества Рабочих, который гласит, что *политическая борьба должна служить средством достижения великой цели современного сознательного пролетариата*. Я, разумеется, не могу приводить здесь все те доводы, которые выдвигались бакунистами против этого параграфа: интересующийся ими читатель найдет их в известном «Mémoire de la Fédération jurassienne»; мне же достаточно сказать, что мы, русские народники, считали эти доводы неотразимыми, и сами горячо и упрямо осуждали всякую «политику».

Споры, происходившие в народническом обществе «Земля и Воля» около времени его распадения, целиком вертелись вокруг этой мысли о негодности «политики», как средства освобождения «трудящихся». Те из нас, которые продолжали признавать правильность этой мысли, сгруппировались вокруг газеты «*Черный Передел*»; те же, которые стали относиться к ней отрицательно, сложились в «Партию Народной Воли». Так как бакунинское отрицание «политики» несомненно было неосновательно и происходило из непонимания того, что в процессе общественного развития,—как и во всяком другом процессе,—причина является следствием,

а следствие, в свою очередь, становится причиной, то «народовольское» отрицание отрицания, т.-е. отрицание народовольцами мысли о вреде «политики», было совершенно правильно и являлось большим шагом вперед в истории нашей революционной мысли, как я это открыто признал еще в брошюре «Социализм и политическая борьба», воспроизведенной на 99—156 стр. этого же тома. Но слабая сторона «народовольской» теории состояла в том, что они, по немецкому выражению, вместе с водой выплескивали из ванны и ребенка: в борьбе с бакунинским отрицанием политики они зашли так далеко, что стали отрицать также и лежавшую в основе этого отрицания совершенно правильную, но плохо понятую Бакуниным и народниками теорию исторического материализма. Издававшаяся в России газета «*Народная Воля*» не раз обнаруживала большую симпатию ко взглядам Дюринга, который считает политическую силу основным двигателем исторического развития. Это была огромная ошибка, которая не замедлила наложить свою печать на все политические взгляды и на всю политическую деятельность народовольцев. Эта ошибка помешала им понять, что сила и значение всякой данной политической *партии* обусловливается силой и значением того общественного *класса*, интересы которого она представляет и защищает. А не понимая этого, народовольцы не сумели возвыситься и до понимания того, что наиболее революционная точка зрения нашего времени есть классовая точка зрения пролетариата. Народовольцы не пошли дальше бланкизма, распространение идей которого было облегчено литературной деятельностью покойного Н. Ткачева в середине семидесятых годов. Но точка зрения бланкизма, это—точка зрения *заговора*. Партия «Народной Воли» в самом деле была не более, как тайной организацией заговорщиков, пользовавшейся большими симпатиями со стороны так-называемого *общества* и по временам заводившей кое-какие связи с *рабочими*, но главные свои упования возлагавшей на революционную *интеллигенцию*. С этой стороны «народовольство» было *большим шагом назад* сравнительно с народничеством, которое, при всех своих ошибках, имело все-таки ту заслугу, что твердо помнило первый параграф устава Интернационала: *освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих* [1]). Правда, народники весьма своеобразно истолковывали этот параграф. Сообразно *крестьянскому* характеру того «народа», который они хотели освобождать, определенное понятие: *рабочие* замени-

[1]) Прошу читателя не забывать, что я говорю здесь о народниках *революционерах*. Легальные народники, вроде г. В. В., ожидали осуществления своих реформаторских планов от царизма. Но до них мне нет здесь никакого дела.

лось у них весьма расплывчатым понятием: *трудящиеся*. Но как бы там ни было, они все-таки стремились возбуждать революционную самодеятельность народной *массы*, и в этом отношении стояли несравненно выше народовольцев.

Чтобы устранить и ту, и другую односторонность, чтобы исправить ошибки как народников, так и народовольцев, необходимо было, во-первых, отвести политической борьбе надлежащее место в нашей революционной программе, а, во-вторых, суметь связать эту борьбу с основными положениями правильно понятого научного социализма. Попыткой решения этой, самой насущной тогда для нас, задачи и была моя брошюра «*Социализм и политическая борьба*».

Эпиграфом для этого своего сочинения я взял слова Маркса: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Этими словами я хотел напомнить *народникам* о том, что заниматься «политикой» вовсе еще не значит изменять интересам «трудящихся»; и теми же самыми словами я хотел поставить *народовольцам* на вид, что их политическая борьба будет плодотворной и победоносной только в том случае, если она станет *классовою* борьбой. Таким образом, точке зрения «интеллигентных» *заговорщиков* была противопоставлена мною точка зрения *рабочего* класса. Само собою разумеется, что заговорщикам это понравиться не могло, и совершенно понятно, что моя брошюра послужила поводом к полемике между мной и главным тогда публицистом «народовольства», ныне в реакции почивающим г. Л. Тихомировым.

Так же понятно и то обстоятельство, что наш *политический спор* тотчас же перешел на *экономическую почву*. Чтобы отстоять свою точку зрения *заговорщика*, г. Л. Тихомиров сделал попытку показать несостоятельность моей *классовой* точки зрения. С этой целью он пустился доказывать, что у нас разделение общества на классы зашло пока еще не далеко, что буржуазия наша совершенно бессильна, что рабочих у нас всего 800.000 и т. п. Словом, в споре со мной главный народовольческий публицист окончательно вдался в те историко-социологические рассуждения, к которым так охотно прибегали некогда славянофилы в своих литературных стычках с западниками. В самом деле, наши славянофилы имели довольно точное понятие о борьбе классов: не даром же исторические взгляды многих из них складывались под сильным влиянием буржуазных историков «гнилого» Запада. Даже Погодин совершенно определенно высказывался в том смысле, что западно-европейское общество было историческим продуктом многовековой классовой борьбы, и что в более или менее близком будущем

классовое господство *буржуазии* должно рухнуть под напором *пролетариата*. Но наша история шла, по мнению Погодина, совсем не так, как западная: у нас не было классов, не было классовой борьбы, и то, что на Западе достигается классовой борьбой, будет достигнуто у нас благодаря мудрому действию верховной власти. Революционные теоретики, вроде г. Тихомирова, почти целиком разделяли эту погодинскую философию русской истории, внося в нее лишь одну поправку: они объявляли, что наше общественное развитие совершалось и будет совершаться *вопреки* царской власти и благодаря здоровым инстинктам *народа* и прогрессивным стремлениям *интеллигенции*. Вот почему между тем, как славянофилы, вроде Погодина, приурочивали все свои упования на счастливое будущее к действиям *царского правительства*, революционные публицисты, вроде г. Тихомирова, всего ждали от действия *интеллигентных заговорщиков*. Но чем больше эти публицисты усваивали себе,—хотя и бессознательно,—существенное содержание славянофильской философии русской истории, тем более *взгляды их* утрачивали всякий революционный характер и тем более их революционные «*идеалы*» становились плодом простого и преходящего *настроения*. Это лучше всего видно на примере самого г. Л. Тихомирова: пока он сохранял свое революционное настроение, он оставался,—как я называл его еще в то время,—*взбунтовавшимся славянофилом*, а когда бунтовское настроение у него улетучилось, он поспешил войти в ту мирную гавань, в которой он почивает по сие время. Да и один ли г. Л. Тихомиров пережил подобное превращение?

Г. Л. Тихомиров обрушился на социал-демократические взгляды группы «Освобождение Труда» в статье «*Чего нам ждать от революции?*», напечатанной во второй книжке «Вестника Народной Воли». Я ответил ему в книге «*Наши разногласия*» (см. стр. 173—381 этого тома). Теперь может, пожалуй, показаться странным, что я счел нужным ответить на его статью целой книгой. Но в борьбе с г. Тихомировым я должен был перейти в наступление, а перейдя в наступление, я немедленно очутился в Авгиевых стойлах экономических предрассудков народничества, в которых мне поневоле пришлось замешкаться довольно долго. В примечании на стр. 381 этого тома я говорю о том, к чему свелись те возражения, которые были сделаны мне редакцией «Вестника Народной Воли». Здесь я прибавлю только, что мне было до последней степени неудобно писать за-границей об экономических отношениях России: недостаток литературного материала страшно стеснял меня буквально на каждом шагу. Тем не менее, я смею утверждать, что дальнейший ход экономического раз-

вития России как нельзя лучше подтвердил всё то, что я сказал об этом предмете в своей книге.

Один из «народовольцев» признавался мне, года три спустя после выхода моей книги, что, прочитав ее, он принял меня за человека, продавшегося царскому правительству. Ему надо было лично познакомиться со мной, чтобы убедиться в неосновательности своего предположения. Это достаточно характеризует прием, оказанный моей книге сторонниками старых воззрений в нашей революционной среде...

На этом останавливаться не стоит; полезнее будет сделать здесь следующие пояснения.

Когда я понял, к каким политическим выводам должно приводить правильно понятое материалистическое объяснение истории, и когда я стал марксистом, я понял также и то, что душу марксизма составляет его *метод*. Я с восторгом читал и перечитывал слова молодого Энгельса в «Deutsch-Französischen Jahrbüchern»: «Еще очень несовершенна та общественная философия, которая выдает два-три положения за свой конечный результат и предлагает «Морисоновы пилюли». Нам не так нужны голые результаты, как *изучение*. Результаты без развития, которое ведет к ним,—ничто: это мы знаем уже со времен Гегеля. А результаты, которые фиксируются, как неизменные, и не кладутся в основу дальнейшего развития, хуже чем бесполезны». Поэтому и я не столько дорожил нашими тогдашними «*результатами*»,—т.-е. практической программой группы «Освобождение Труда»,—сколько *методом* марксизма, его *точкой зрения*, огромные преимущества которой мне хотелось выяснить «русским социалистам». Я совершенно искренно говорил в своем открытом письме к П. Л. Лаврову: «Будущее нашей группы кажется Вам сомнительным. Я сам готов сомневаться в нем, поскольку речь идет о нашей группе, как таковой, а не о тех воззрениях, которые она представляет» (см. стр. 168 этого тома). Под воззрениями я разумел здесь именно теорию Маркса, рассматриваемую с точки зрения ее метода. Еще лучше видно это из следующих строк:

«Мы указываем нашей социалистической молодежи на марксизм, эту алгебру революции... эту «программу», научающую своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах революционного воспитания рабочего класса. И я уверен, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочие кружки усвоят эту единственную революционную программу. *В этом смысле* будущее нашей группы вовсе не сомнительно»... (стр. 170).

Наконец, в полном согласии с моим предпочтением метода результатам, я прибавлял:

«Повторяю, между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности. Поэтому мы ни в каком случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени. К тому же, мы наперед готовы признать, что она заключает в себе многие «недостатки и непрактичности», как всякий первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений. Но дело в том, что ни я, ни мои товарищи не имеем пока окончательно выработанной и законченной от первого до последнего параграфа программы. Мы только указываем нашим товарищам *направление*, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов; мы только отстаиваем верный и безошибочный критерий, с помощью которого они смогут, наконец, сорвать с себя лохмотья революционной метафизики, почти безраздельно господствовавшей до сих пор над нашими умами; мы только доказываем, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции (эти строки взяты из брошюры «Социализм и политическая борьба»). Наша программа еще должна быть закончена и закончена там, на месте, теми самыми кружками рабочих и революционной молодежи, которые станут бороться за ее осуществление. Поправки, дополнения, улучшения этой программы совершенно естественны, неизбежны, необходимы. Мы не боимся критики, а ожидаем ее с нетерпением, и уж, конечно, не станем, как Фамусов, затыкать перед нею уши. Представляя действующим в России товарищам этот первый опыт программы русских марксистов, мы не только не желаем соперничать с Народной Волей, но ничего не желаем так сильно, как полного и окончательного соглашения с этой партией. Мы думаем, что партия Народной Воли *обязана* стать марксистской, если только хочет остаться верной своим революционным традициям и желает вывести русское движение из того застоя, в котором оно находится в настоящее время».

При таком отношении к делу мы не могли не быть уступчивыми в том, что касалось *частностей*. Наиболее ярким примером нашей уступчивости может служить то, что было сказано мною в брошюре «Социализм и политическая борьба» по вопросу об общине. Для меня

уже тогда совсем не было сомнения в том, что наша сельская община не обладает никакой внутренней силой, необходимой для ее перехода «в высшую форму общежития», как выражались народники. Но в то время, когда я писал названную брошюру,—т.-е. летом 1883 года,—я готов был не то что отказаться от моего взгляда, на это я, разумеется, никогда не согласился бы, а не высказывать его в печатной полемике до тех пор, пока вопрос об общинном землевладении не подвергнется новому пересмотру *с точки зрения марксизма*. И я даже напоминал своим читателям о том, что вопреки уверениям народников,—которые искали в марксизме именно только «Морисоновых пилюль», не замечая его метода,—Маркс нигде не давал раз навсегда готового и закостеневшего ответа на этот вопрос. К сожалению или к счастью, это мое сдержанное отношение к предмету ничему не помогло и ничего не облегчило. Из статьи г. Л. Тихомирова я увидел, что наши противники не только не понимают его, но и не хотят понять, а следовательно, и никогда не поймут. Поэтому в «Наших разногласиях» я заговорил уже другим языком. Но что и там я не был таким неуступчивым, каким меня сочли многие и многие читатели, это видно из сказанного мною там же о «терроризме». Я говорил, что мы «нисколько не отрицаем важности террористической борьбы, которая естественно выросла из наших социально-политических условий и также естественно должна способствовать изменению их в лучшую сторону». В таком же духе высказывалась и написанная мною в конце 1883 г. «программа социал-демократической группы Освобождения Труда» [1]). Так как впоследствии я стал, как говорят у нас, «отрицать террор», то мои противники высказывали ироническое сожаление о том, что я не остался при моем старом взгляде на него. Но тут они забывали то, чего забывать не следовало. Поскольку у меня в «Наших разногласиях» речь шла о рабочих кружках и об «интеллигентах», посвящавших им *свои* силы, я и там не одобрял террора, по той простой причине, что мой предварительный революционный опыт показал мне, как сильно и быстро расстраивается,—благодаря террористическим увлечениям деятелей,—всякая организационная и агитационная деятельность

[1]) Кстати, кто-то,—если не ошибаюсь, Рязанов,—заметил, что выражение «Освобождение Труда» неправильно и что следовало сказать: освобождение рабочих или рабочего класса. Это так, и это показывает, что лицо, сделавшее это замечание, помнило тождественное замечание Маркса в его знаменитых «Glossen» на проект программы немецкой социал-демократической партии. Но беда не очень велика. В немецком переводе устава Интернационала, сделанном, если не самим Марксом, то, весьма вероятно, под его редакцией, тоже говорится об *освобождении труда*.

в рабочей среде. Я и тогда хотел, чтобы «чаша сия» миновала то, что я называл «элементами» будущей нашей рабочей партии.

«Есть другие слои населения,—говорю я в этой книге,—которые с гораздо большим удобством могут взять на себя террористическую борьбу с правительством. Но помимо рабочих нет другого такого слоя, который в решительную минуту мог бы повалить раненое террористами политическое чудовище».

Но «элементы будущей рабочей партии» составляли тогда очень мало заметное и очень слабое меньшинство в нашей революционной среде. И не к ним и обращалась моя речь о «терроре». Она обращалась к тому *большинству*, которое свысока смотрело на «занятия с рабочими» и видело в «терроре» самый важный прием борьбы с царизмом. Я прекрасно знал, что это большинство, взятое в его целом, никогда не перейдет на точку зрения пролетариата, и что, поэтому, если бы оно отказалось от увлечения террором,—на что рассчитывать тоже было тогда совершенно невозможно,—то оно сосредоточило бы свою деятельность на совершенно уже бесплодных попытках «захватить власть». При таком их настроении нельзя было не считать «террор» наиболее производительной затратой сил *этой части нашей тогдашней «социалистической» партии*. При том же моя уступчивость на счет предмета, по отношению к которому неуступчивость была бы во всех смыслах бесплодной, позволяла мне ожидать некоторой уступчивости со стороны, по крайней мере, некоторых народовольцев по вопросу о марксизме вообще и о «занятиях с рабочими» в частности. Стало быть, мне нужно было уступать, и я уступал, можно сказать, до последнего предела.

Но скоро обстоятельства изменились: настроение «интеллигентных» революционеров сделалось иное, да к тому же становилось всё более и более очевидно, что и *«ранить»-то* царизм сколько-нибудь серьезно может *только рабочий класс*, которому *неудобно* заниматься террором. Вот почему я счел своим политическим долгом предостеречь нашу нарождавшуюся социал-демократию от «террористических» увлечений. И я был бы очень рад, если бы меня убедили в том, что моя литературная деятельность не осталась без влияния с этой стороны. Но и это не значит, что я безусловно «отрицал» и «отрицаю террор». Повторяю, обстоятельства меняются, а террор не принцип. Может быть, скоро придет такое время, когда я не менее энергично стану высказываться в *пользу террора*.

«Терроризм» *не принцип*, а только прием борьбы. И когда я стану говорить *за* террор, тогда меня, пожалуй, опять упрекнут в про-

тиворечии; но те, которые упрекнут меня в нем, только покажут, что они способны усвоивать лишь мои «пилюли», по необходимости изменяющиеся с изменением обстоятельств,—и не могут усвоить себе тот *метод*, который помогает мне понять *общий исторический смысл этих обстоятельств*.

Впрочем, об этом мы поспорим, если будет нужно, впоследствии, а теперь я хочу заметить еще вот что. Есть люди, одновременно упрекающие меня и за то, что я был слишком уступчив по отношению к партии, «господствовавшей» в начале восьмидесятых годов, и за то, что я стал спорить с ней, т.-е. за то, что я выказал неуступчивость. Такая манера драть с одного вола две шкуры решительно противоречит всем правилам логики; лучше держаться какого-нибудь одного из этих двух упреков.

Если же кого интересует вопрос о размерах моей уступчивости (или неуступчивости), то я скажу, *что я ни уступчив, ни неуступчив*. Я—просто человек, преследующий известную цель и твердо решившийся употреблять для ее достижения такие приемы, которые в данный момент кажутся мне наиболее действительными.

Хочется мне еще напомнить, что те споры, которые нам, марксистам, пришлось вести с народниками и с «субъективистами» в девяностых годах, были в своей сущности лишь повторением того спора, который я вел в «нелегальной» литературе с г. Л. Тихомировым. Позиции борцов остались те же; только арена сделалась шире.

Еще два слова в заключение. Лассаль говорит в своей статье о Лессинге: «Всякое революционирование внешней действительности само остается внешним и теряется в песке, если духу не удается так же справиться с исторически унаследованным внутренним содержанием, провести свой новый принцип через все инстанции и области и все их заново построить на основе этого принципа». С тех пор, как я правильно понял марксизм, я всегда считал, что революционер изменяет самому себе и своему «*новому принципу*», если ограничивается одним «внешним *революционированием*». Этим и объясняется мое будто-бы излишнее пристрастие к *полемике*, этим объясняется также мой «догматизм», заставляющий меня решительно восставать против всяких попыток «*соединить Маркса*» с тем или другим из *идеологов буржуазии* или из *социалистов-утопистов*.

Г. Плеханов.

Флюэлен,
26 августа 1905 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1878—1883 г.г.

1878 г.

Корреспонденции [1]).

Каменская станица.

Вся русская история представляет не что иное, как непрерывную борьбу государственности с автономными стремлениями общины и личности. Борьба эта тянется красною нитью через всё 1000-летнее существование русского государства, принимает самые различные формы—от восстания Стеньки и Пугачева до возведения бегства от властей и полного отрицания государственности в религиозный догмат. Эта борьба на жизнь и смерть между двумя противоположными принципами отнюдь не прекращается и в настоящее время. Удалось ли государству внушить крестьянину другие привычки, другие стремления, можно ли опираться революционной партии на эти, повидимому, задавленные стремления к автономии общины и личности—это вопрос другой; я же в настоящем письме хочу только описать один из эпизодов этой борьбы—эпизод, имеющий тем бо́льший интерес для читателя, что он совершается на наших глазах. Я говорю о волнениях донских казаков, по поводу введения новых правил пользования общественными лесами. Правила эти состоят в следующем. Лес делится большими просеками на 30 равных участков. Рубка может происходить ежегодно только в одном из них. Воспрещается пасти в лесу скот. Вводится правильный сбор лесных плодов. Каждый казак имеет право только на определенное количество леса, между тем как до сих пор каждый казак пользовался всем, «куда топор и коса ходили». Недоверие казаков, как и всего народа, к его земским опекунам таково, что вопрос о том, целесообразны или нет предлагаемые меры, вовсе и не поднимался, и только те станицы, в которых преобладали степные хутора, согласились подписать приговор об отдаче леса под земскую опеку, лесные же почти все протестовали.

---

[1]) Эти корреспонденции были напечатаны впервые в № 2 «Земля и Воля», вышедшем 15 декабря 1878 г.

Особенно упорно держалась и держится Луганская станица Донецкого округа. Эта станица со своими хуторами окружена со всех сторон лесами. Удобные места для пастьбы скота отстоят верст на 15 от нее, и, разумеется, гонять скот так далеко очень неудобно, особенно, когда грозит еще перспектива постоянных штрафов. «Вышла свинья за ворота—она уж в лесу: вот тебе и потрава»—говорят казаки, и всякий знакомый с местностью вполне согласится с ними. Но не одни только эти неудобства заставляют протестовать против отдачи леса. Вековое недоверие народа к правительству таково, что, вслед за известием об «отнятии» лесов, пошли толки о том, что там-де пойдут отбирать озера, а после «хоть ложись да помирай».

Одна казачка, на станичном сборе, даже сравнила земство с парнем, который сулит девке золотые горы, покуда не добьется своего, а потом кругом обманывает ее.

Казаки, назначенные атаманом прокладывать просеки в лесу, отказались, по желанию всей Луганской станицы, выйти на работу. Из Черкасска наехало разное начальство, в том числе какой-то генерал, который хвастался перед казаками, что усмирял в 1861 г. бунтовавших крестьян. «Мы тебе не мужики!»—отвечали на это казаки. На одном из сборов, урядники, по приказанию начальства, стали-было записывать наиболее восставших против отдачи леса. Но это заметили казачки, которые вообще очень интересуются общественными делами,—кинулись на урядников и принялись их бить на глазах у начальства, которое бросилось бежать из станичного правления.

Началось-было следствие по этому делу, но станица заявила, что «били все». Несколько раз потом приказывали казакам выезжать для рубки просек в лесу, и ни разу они не послушались.

Приказано было собрать новый сход; но едва кончилась обедня, и атаман вышел из церкви, как его окружила толпа казаков, послышались ругательства и угрозы, которые едва не перешли в действие. Атаман немедленно же отказался от должности, и сход не мог состояться. Потом казаки отправились к квартире землемера, назначенного для межевания леса и проживавшего в станице, и грозились убить его, если он не уедет. Прошло несколько дней. Ночью, когда вся станица уже спала, кто-то выстрелил в окно хаты, занимаемой землемером. Хотя он не был даже ранен, но переполох был чрезвычайный. Утром землемер поспешил уехать из Лугани, а за ним и храбрый военачальник, усмирявший в 1861 году крестьян. Этот последний, еще накануне хвалившийся, что он хоть тридцать лет проживет в станице, а поставит на своем, так струсил, что не решился удирать без конвоя.

Всё начальство засело в Митякинской станице, в 25 верстах от Лугани, и оттуда требовало на суд тех казаков, которые отказались делать просеки в лесу. Последние не ехали, а требовали, чтобы суд сам ехал к ним. А пока тянулась между ними переписка, в Луганской станице шло следствие по делу «о покушении на жизнь таксатора». Подозревали сначала нескольких казаков—один был даже арестован,—но потом оказалось, что в ночь, когда было сделано покушение, он был на одном из хуторов. Стали валить всё на каких-то темных личностей, которые жили перед тем в станице, бывали даже на сходах и подстрекали будто бы казаков к бунту. Стали разыскивать этих таинственных посетителей, но оказалось, что их и след простыл. Всё дело было свалено на нигилистов.

К выстрелу население относится сочувственно и жалеет только, что таксатор не был убит. Между тем, казаки, которых требовали на суд по делу о неповиновении распоряжениям атамана, решились ехать: какой-то смельчак уговорил других, что им де и там ничего не посмеют сделать. Но когда они явились в Каменскую станицу,—главную в Донецком округе,—всех их (30 чел.) арестовали и посадили в острог. Но это только подлило масла в огонь: между казаками пошли толки о том, чтобы не платить совсем земских и страховых (штраховых, как они называют) денег. Они стали обвинять атамана в предательстве и грозились убить его. Казаков пугают военной экзекуцией, а они говорят, что «примут ее в пики». Поднялся вопрос: стоит ли давать землю (паек в 200 дес.) тем из офицеров, которые особенно энергично «усмиряли» казаков.

Чем всё это кончится—неизвестно; одно только можно сказать, что волнение не ограничивается одной Луганской станицей. В остальных станицах того же округа, напр., в Гундеровской, казаки хотя и не гонят таксаторов, но владеть лесами собираются по-старому, и приговор подписали только «господа», т.-е. офицеры, «чернь» же—простые казаки—противится ему.

Вообще, как бы ни было различно сопротивление, недовольство везде одинаково сильно. Припоминаются какие-то предсказания «стариков», которые давно говорили, что придет время, когда будут стеснять казаков, когда у них отберут все угодья, и тогда произойдут на тихом Дону смуты, и будет кровопролитие.

И теперь уже казаки других станиц начинают с завистью, смешанной с уважением, смотреть на луганцев.

«Ведь у нас какой народ-то: им бы, как луганцам, гнать таксатора, а они уперлись, что не отдадут лесу, да и только; а таксатор—вон уже просек в лесу наделал», говорила мне одна хуторская казачка.

До сих пор я рассказывал вам о событиях, которых или был очевидцем, или знаю от верных людей. Что же касается до слухов, то говорят, что в Слонской станице, Усть-Медведицкого, если не ошибаюсь, округа, за таксатором, выехавшим делать в лесу просеки, бегали казаки с шашками, так что он едва спасся. Волнуются и в Урюпинской станице, волнуются в Усть-Медведицкой, Казанской и Раскольницкой. До сих пор казаки воображают, что стоят на легальной почве. «Мы своей кровью завоевали эти места, говорят они, кто же может отобрать их у нас? Когда государь был на Дону, он прямо сказал, что у нас останется всё по старому».

Теперь, к осени, стали возвращаться казаки с войны и, понятно, встретят далеко не с радостью эту новую «царскую милость».

Интересно здесь особенно то, что казаки Донецкого округа, где волнение приняло самые большие размеры, составляли 3-й Орлова полк, имеющий самое большое число георгиевских кавалеров и отличившийся в забалканском походе. Эти герои возвращались домой и без того сильно раздраженные мошенничеством их полкового командира, полковн. Грекова, заменившего Орлова. По рассказам казаков, он не выдавал им совсем фуражу для лошадей, между тем, как сам получал по $2^1/_2$ руб. за каждый пуд сена, которое он будто бы выдавал лошадям. На возвратном пути при посадке на железную дорогу, казаки, если верить их рассказам, «приняли его в нагайки». После этого скандала, был вызван прежний командир полка, Орлов, который и взялся умиротворить казаков. На площади в нашей станице происходил публичный торг казаков с Орловым. Он предложил казакам 7.000 руб. с тем, чтобы они прекратили всякое неудовольствие на Грекова. Казаки насчитали, что он украл у них 200.000, и требовали их сполна, грозя в противном случае подать жалобу. В конце концов согласились на 25.000 руб., по рублю на водку каждому казаку и по 25 рублей на сотню для угощения. После этого публичного скандала, они разошлись по домам и, разумеется, только усилят собою контингент недовольных правительством.

С Новой Бумагопрядильни. Читатели помнят стачку на Новой Бумагопрядильне, что на Обводном канале, стачку, наделавшую столько шуму в Петербурге и провинциальных городах. В настоящее время на той же фабрике случилось следующее, не лишенное интереса, происшествие. 8 ноября (Михайлов день) рабочие этой фабрики не явились на работу, мотивируя свое отсутствие тем, что, дескать,—праздник, работать грех; между тем, на остальных фабриках работа шла своим чередом, и так как каждый рабочий день 2.000 чел. приносит очень значительный барыш г.г. хозяевам Нов. Бумаг., то естественно, что такое воздержание пришлось им очень не по вкусу. Чтобы вознаградить себя, г.г. хозяева решили увеличить рабочий день с 13 час. (от 5 ч. утра до 8 час. вечера, с вычетом 1 час. на еду), как это было до сих пор, до $13^1/_4$ и продолжать на этих условиях, пока из этих кусочков времени не составится полный рабочий день.

Два дня на фабрике работа продолжалась до $8^1/_4$ час., возбуждая общее неудовольствие рабочих; но на третий день кому-то пришло в голову завернуть главный газопроводный кран в 8 часов и, таким образом, прекратить работу. Как только кран был завернут, рабочие подняли крик, начали бить стекла, портить основу (испорчено 9 основ) и густой толпой повалили с фабрики. Верный союзник отечественной промышленности, полиция не успела на этот раз явиться во время для восстановления «тишины и порядка», но за то на другой день после этого происшествия на фабрику явилась целая масса охранителей, и до сих пор работа продолжается в их присутствии, хотя уже не до $8^1/_4$, а только до 8 час.

Началась разборка: кто потушил, не видал-ли, кто мог это сделать? Человек 7 рабочих таскали в участок, но они отвечали, что ничего не знают. Пристав (тот самый, что во время стачки, уговаривая рабочих идти на работу, угощал их апельсинами и поил их водкой) горячился и кричал, что он «ушлет их в Архангельскую губ.» (!), но и это не помогло. Одна женщина, которая работала недалеко от крана, будучи спрошена, показала, что какой-то человек с лицом, завязанным передником, влез на лестницу и затворил кран. Так и до сих пор неизвестно, кто потушил газ, хотя полиция употребляет все усилия для разыскания виновного, и фабрика кишит полицейскими.

1879 г.

Закон экономического развития общества и задачи социализма в России. [1])

«Основная задача социально-революционной партии—установить на развалинах теперешнего государственно-буржуазного порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованиям народа в том виде, как они выразились в мелких и крупных народных движениях и повсеместно присущи народному сознанию,—составляет, вместе с тем, справедливейшую форму общественной организации» (См. «Речь Мышкина»).

Было время, когда творить социальные перевороты считалось делом сравнительно очень нетрудным. Стоило устроить заговор, захватить в свои руки власть и затем обрушиться на головы своих подданных рядом благодетельных декретов. Человечество считали способным «познать по приказанию начальства» и провести в жизнь любую истину. Такое воззрение свойственно было, впрочем, не одним революционерам. Оно вытекало из общего взгляда на социальные явления, по которому все они обусловливаются волею одного или нескольких лиц, держащих «кормило правления». В истории каждого народа можно насчитать несколько более или менее эксцентричных законодателей, мечтавших перестроить страну по планам, выдуманным в их кабинетах и санкционированным их властью. Это было время теологического периода в развитии социологии. Как в природе, во время господства этого периода в естествознании, все явления объяснялись волею одного или нескольких божеств, так и в обществе ход его развития предполагался зависящим исключительно от влияния законодательной власти.

---

[1]) № 3 «Земля и Воля», 15 января 1879 г.

Развитие более правильных взглядов на социальные явления необходимо должно было вытеснить вышеупомянутые теории общественного обновления, и только небольшая кучка революционеров держится их в настоящее время.

Когда убедились, что история создается взаимодействием народа и правительства, причем за народом остается гораздо бо́льшая доля влияния,— большинство революционеров перестало мечтать о захвате власти. Они поняли, что перевороты бывают гораздо более прочными, когда они идут снизу. И вот явилось множество разработанных до мельчайших деталей социальных систем, которые предполагалось пропагандировать в массе, чтобы таким образом подготовить ее к желательному для революционеров социальному перевороту.

«Социалистические писатели 30-х и 40-х годов,—говорит один из талантливейших учеников и популяризаторов Маркса,—составили, как известно, громаднейшее множество планов желательного в интересах большинства народонаселения кооперативного устройства будущего общества. При этом, естественно, предполагалось, что люди могут по собственному желанию ввести в употребление какую им угодно форму сочетания труда, лишь бы она казалась им выгодною и разумною».

Поскольку эти взгляды обусловливали собою изменение старой формулы революционеров «всё для народа» в том смысле, что всё должно быть сделано посредством народа,—они были шагом вперед в воззрениях социалистов, но и они не отводили надлежащего места законам общественного развития. «Забывали,—говорит далее цитированный нами писатель,—что форму общественного строя нельзя придумать, нельзя и воротить назад, как невозможно перескочить из ремесла, помимо мануфактуры, в фабрику, и из фабрики в мануфактуру. Форма эта дается самой жизнью». А на жизнь-то социалисты 30-х и 40-х годов не обратили внимания. Придуманная ими форма общежития считалась годною для общества, какова бы ни была его экономическая история: они не знали пределов своей реформаторской фантазии. Метафизическая сущность—пропаганда считалась способною изменять по произволу ход истории. Мысль считалась всем, жизнь—ничем. Серьезное внимание на те элементы социальных переворотов, которые составляют результат предшествующей жизни общества,—социалисты обратили очень недавно.

Родбертус, Энгельс, Карл Маркс, Дюринг образуют блестящую плеяду представителей позитивного периода в развитии социализма. У автора «Капитала» социализм является сам собою из хода экономического развития западно-европейских обществ. Маркс указывает нам, как сама жизнь намечает необходимые реформы общественной кооперации страны, как самая форма производства предрасполагает умы масс к принятию социалистических учений, которые до тех пор, пока не существовало этой необходимой подготовки, были бессильны не только совершить переворот но и создать более или менее значительную партию. Он показывает нам, когда, в каких формах и в каких пределах социалистическая пропаганда

может считаться производительною тратою сил. «Когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития,—говорит он,—оно не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития, ни отменить их при помощи декрета; но оно может облегчить и сократить мучения родов». Влиянию пропаганды он указывает, таким образом, пределы в экономической истории общества. Дюринг, признавая вполне влияние личностей на ход общественного развития, прибавляет, что деятельность личности должна иметь «широкую подкладку в настроении масс».

Казалось бы, что научное обоснование социализма ничего, кроме пользы, для него принести не может. На деле вышло не так. Сам Маркс не предвидел, вероятно, какие выводы сделают из его учения люди, которым нужно, во что бы то ни стало, поддержать существующий порядок вещей. Мы говорим о выводах, которые делают из его учения наши либеральные публицисты. «В России социализм!—восклицают они:—да сам ересиарх Маркс не подписал бы ему permis de séjour в нашем отечестве. Ведь он признает, что социалистическая продукция должна развиться из капиталистической, и было время в западной Европе, когда останавливать развитие зарождавшегося капитала значило поворачивать назад колесо истории; вот почему Лассаль называет крестьянские войны в Германии реакционными. Россию нельзя еще назвать страной капиталистической продукции в том смысле, какой придает этому слову Маркс. Капиталистическое производство требует для своего развития образование класса «свободных от всего» и «вольных как птица» пролетариев, а у нас никакого обезземеления мужиков не было, напротив, наши крестьяне освобождены с землей, и крестьянская община служит лучшим оплотом против развития русского пролетариата. Россия застрахована от язвы социализма (блажен кто верует!). Закон смены экономических фазисов — есть общий закон для всякого общества, и, если вашим теориям и суждено когда-нибудь осуществиться, если социалистическую пропаганду и можно считать рациональной на Западе, то в России она и по Марксу несвоевременна!»—Поэтому, доскажем мы недосказанное в писаниях наших оппонентов,—задача русских последователей Маркса заключается в том, чтобы покровительствовать развитию отечественной промышленности, изменить вековым традициям своего народа и обезземеливать его, утешаясь сознанием того, что всё это необходимо для развития социализма в России.

Что касается до русских либералов, то им к подобной двойственности не привыкать стать: известно, что они издавна имели одну мерку для Запада, другую для России; что, сочувствуя расширению прав человека в Европе, они пели панегирики расширению прав квартальных надзирателей у себя дома. Наши вольтерианцы бывали нередко самыми ярыми крепостниками; либеральный друг энциклопедистов—Екатерина II—крестьянскими душами платила за свои египетские ночи. Еще Денис Давыдов воспевал эту двойственность в стихе:

А глядишь—наш Лафаэт,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.

Но такие вещи могут проделывать только люди, у которых искреннего отношения к проповедуемым ими убеждениям ровно столько же, сколько его было у римских авгуров времен Империи или сколько его есть у русских либералов времен Александра II. Социалистам же, доказавшим не один раз, что они не отделяют слова от дела, класть мужика под усовершенствованный пресс капиталистического производства—вовсе не к лицу.

Посмотрим же, к чему обязывает нас учение Маркса, тем более, что это будет очень полезно нам в виду необходимости установить исходные пункты нашей программы.

Общество не может перескочить через естественные фазы «своего развития, *когда оно напало на след естественного закона своего развития*», говорит Маркс. Значит, покуда общество не нападало еще на след этого закона, обусловливаемая этим последним смена экономических фазисов для него необязательна.

Естественно возникает вопрос: когда же западно-европейские общества—служившие объектом наблюдения для Маркса—напали на этот роковой след? Нам кажется, что это случилось именно тогда, когда пала западно-европейская община. Известно, что она разрушилась еще в борьбе с средневековым феодализмом. На месте общинного принципа, с его правом на землю каждого гражданина, стал сначала тот феодальный принцип, что право на землю дается только рождением, затем буржуазный принцип—что землею может владеть всякий, кто в состоянии заплатить за нее деньги.

Самый серьезный кризис западно-европейские общества пережили именно тогда, когда разрушение общины видоизменило тип земельных отношений в народе. Чем обусловилось падение западно-европейской общины—для нас теперь не важно; мы констатируем только факт замещения индивидуализмом общинного принципа. Постепенно развиваясь, индивидуализм, по внутренней необходимости, должен был подкопать феодализм, с помощью нарождавшегося капитала, научных открытий и изобретений.

Феодализм, действительно, пал под соединенными ударами своих могучих противников; но не надо забывать, что «дух», сообщивший этому движению жизнь, одушевлявший эти открытия,—был дух личности, индивидуализма... Этот принцип нашел свое политическое воплощение и произвел общественные потрясения—американскую революцию и французский переворот» (Дрепэр). Войдя всецело в жизнь западно-европейских народов, пропитавши собой все взаимные отношения людей, он, естественно, мог погибнуть только вследствие в нем самом заключавшихся противоречий; а эти последние могли выказаться во всей своей силе

только в капиталистической продукции. Сплачивая большие массы рабочих на фабриках, создавая общие им всем интересы, приучая их к той «социализации труда», на которую указывает Маркс, одним словом, воспитывая в людях социальные привычки, которые были забиты со времени падения общины, индивидуализм рыл сам себе могилу, и нет ничего удивительного в том, что социализм встречает такой радушный прием в местностях крупного машинного производства. Понятно поэтому всё значение капитализма—этой крайней формы воплощения индивидуализма—в деле подготовления умов рабочих масс к восприятию социалистических учений. В обществе, построенном на принципе индивидуализма, но в котором не существует социализации труда на фабриках и крупная промышленность не создает общих интересов рабочих масс, социализм необходимо должен был встретить гораздо более холодный прием. Различные социалистические «утопии» появлялись и в средние века, но тогда социализм был исповедуем отдельными личностями, в лучших случаях создавал религиозно-коммунистические секты; массовым же движением он стал только теперь, в классическое время капитализма, когда самою техникой производства люди обязываются к коллективизму; владеть и работать машиной одному нет никакой возможности, и рабочие должны владеть ею сообща, если не желают оставаться в вечной зависимости от фабриканта.

Теперь нам понятно, почему западно-европейские общества не могли ни «перескочить через естественные фазы своего развития, ни изменить их помощью декрета». Общественные привычки не могут быть изменены указом, точно так же, как не могут делать скачков. Изменение их обусловливается постепенным накоплением самых незначительных видоизменений.

Нам понятна также роль капитализма в деле постепенного сплочения рабочих масс. На Западе он, действительно, был естественным предшественником социализма; но мы полагаем, что ход развития социализма на Западе был бы совершенно иной, если бы община не пала там преждевременно. Сам принцип общественного землевладения не носит в себе того неизгладимого противоречия, каким страдает, положим, индивидуализм, поэтому он не носит в себе самом элементов своей погибели. Нам могут сказать, что противоречие принципа первобытной общины заключалось в том, что дальше своих пределов она ничего не видела, что она конкурировала со всеми другими общинами. Но мы возразим, что это было скорее в родовом, чем в первобытном общинном быте. Чтобы недалеко ходить за примером, мы укажем хоть на донских казаков, у которых земля находится во владении отдельных общин, но каждый член их считается вместе с тем членом всей казацкой области; поэтому он может переходить из общины в общину, в каждой из них имея право на надел. И такая земельная и областная федерация общин мыслима в любой стране, где общинный принцип не искажен противоположными ему влияниями. Точно так же возможность общинной обработки земли доказывается тем, что, даже при теперешних условиях, эта общинная обработка

существует в некоторых отдельных общинах. Факты эти крайне немногочисленны, но для доказательства того, что общинное владение землею, как оно практикуется в первобытной общине, нисколько не мешает коллективной обработке земли, достаточно было бы и одного факта с тем условием, конечно, чтобы он не был создан искусственно. Итак, в принципе первобытной общины, как она существует, положим, в России, мы не видим никаких противоречий, которые осуждали бы ее на гибель.

Поэтому, пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станциею на пути его прогресса. Тенденция этого закона будет заключаться, напротив, в понижении уровня социальных чувств нашего народа, между тем, как на Западе он был когда-то явлением действительно прогрессивным.

Откуда же эта разница в оценке значения одной и той же формы кооперации?—спросит, быть может, читатель. Не то ли это самое, в чем упрекаете вы либералов?—Но вопрос идет не о том, хороша или дурна форма капиталистической продукции сама по себе, а о том, какую форму кооперации она заменила собою. Если замененная ею форма общежития была низшего типа сравнительно с нею—общество прогрессировало; если же капитализм водворился в обществе, построенном на более справедливом принципе,—в общественном развитии был сделан попятный шаг.

Посмотрим же теперь, как развился капитализм на Западе и как он может развиться у нас. В первом случае он являлся на смену кооперации, хотя и отличной от него, но построенной на том же принципе индивидуализма (мы говорим о мануфактуре), поэтому «социализация труда» крупной промышленностью была положительным приобретением для социальных привычек народных масс. У нас же капитализм вытеснил собою поземельную общину, т.-е. такую форму кооперации, которая построена на гораздо более высоком принципе. И никакая «социализация труда» на фабриках не вознаградит того положительного упадка социальных чувств и привычек, который произойдет вследствие этого радикального изменения в отношениях народных масс к их главному орудию труда—земле.

Вообще, история вовсе не есть однообразный механический процесс. Да и сам Карл Маркс не принадлежит, сколько нам известно, к числу людей, охотно укладывающих человечество на Прокрустово ложе «общих законов». Возражая Мальтусу по поводу его «Опыта о народонаселении», он говорит, что абстрактные законы размножения существуют только для животных и растений. Было бы очень непоследовательно с его стороны отрицать существование «абстрактных законов» в вопросе о размножении человечества и признавать их в несравненно более сложных и запутанных явлениях развития человеческих обществ. Выражаясь строже, надо сказать, что общие законы социальной динамики существуют, но, переплетаясь и комбинируясь различно в различных обществах, они дают совершенно несходные результаты; точно так же, как одни и те же законы

тяготения дают в одном случае эллиптическую орбиту планеты, в другом—параболическую орбиту кометы.

Итак, мы не видим основательности в тех соображениях, в силу которых заключают, что Россия *не может* миновать капиталистической продукции. Поэтому социалистическую агитацию в России мы не можем считать преждевременной. Напротив, мы думаем, что теперь она своевременнее, чем когда-либо, только ее исходная точка и практические задачи не те, что на Западе. Основания для этой разницы в революционных приемах при поверхностном взгляде могут показаться незаслуживающими особенного внимания, но мы думаем, что много «разочарований» было бы избегнуто, много напрасно затраченных сил получило бы должное приложение, если бы это различие в задачах русских и западноевропейских социалистов было выяснено раньше.

В чем же дело?

Задачи социально-революционной партии не могут быть тождественны в двух обществах, экономическая история, современные формы общественных отношений которых представляют очень резкую разницу. Если мы не хотим вернуться к метафизическому социализму 30-х годов, мы должны признать, что максимум необходимых и возможных социальных реформ определяется формою землевладения и техникою земледелия, если речь идет о стране земледельческой,—формами и техникой промышленности, если говорим о стране, в которой преобладает обрабатывающая и добывающая промышленность.

Поясним нашу мысль примером. Возьмем два общества, положим, по 50 человек. Одно из них пусть состоит из рабочих ткацкой фабрики, где каждый станок составляет часть одной паровой машины. Если этим фабричным рабочим надоест работать на хозяина, то, как мы уже говорили выше, никакого другого способа владения этой машиной, кроме коллективного, им и придумать невозможно. Поэтому социально-революционная агитация на этой фабрике *может и должна* выставить на своем знамени принцип коллективного владения орудиями труда: техника производства создает необходимую для этого коллективизма подготовку в умах и характерах рабочих. Допустим теперь, что другие 50 человек составляют деревенскую общину. Пусть в этой общине практикуется экстенсивная культура земли. Самое употребительное при такой обработке земледельческое орудие—соха, с которою, как известно, может с удобством управляться один рабочий. Если эта община подвержена экономической эксплоатации со стороны государства или соседнего крупного землевладельца, то насущною задачею революционера будет устранение этих мешающих благосостоянию и дальнейшему развитию общины враждебных влияний; пропаганда же коллективного труда станет на очереди при замене экстенсивной культуры земли интенсивною и первобытных сох орудиями, по самой природе своей требующих кооперации всех или нескольких членов общины. Когда эта община увидит необходимость завести, положим, паровой плуг, то пропаганда коллективного владения

этим плугом будет несомненно успешна. «L'humanité agit avant de raisonner son action», и те или другие формы общественных отношений устанавливаются не «общественным договором», а экономическою необходимостью: роковая ошибка социалистов 30-х годов заключалась не в планах их, рассматриваемых безотносительно, а в том, что эти реформаторские планы совершенно игнорировали формы современной нам кооперации. Искренних и бескорыстных друзей человечества всегда и везде было очень и очень мало; тем с бо́льшей осмотрительностью должны они браться за практическую деятельность; тем строже должны они держаться правила: прикладывать свои силы только там и тогда,—где и когда они принесут наибольшую пользу.

Желательные социалистам формы общественных отношений—коллективное владение землею и орудиями труда—еще не имеют практического приложения на Западе. В формах капиталистической продукции существует только намек на них. Поэтому задачи социально-революционной партии заключаются в обобщении этих элементов общественного обновления, возведении их в стройную систему и в пропаганде в массах.

Способ капиталистической продукции таков, что пропаганда коллективного труда имеет столько же прецедентов в технике производства, как и пропаганда коллективизма владения; даже более: восприимчивость масс к этой последней идее развивалась именно из факта коллективного труда и только из него.

В нашем отечестве дело обстоит не так. Россия—страна, в которой земледельческое население составляет громадное большинство. Промышленных рабочих в ней едва ли можно насчитать даже один миллион [1]),

---

[1]) Мы приводим цифры, показывающие численное отношение земледельческого класса, с одной стороны, и промышленного и торгового—с другой: в Англии, Франции и Пруссии:

Классы.	Англия.	Пруссия.	Франция.
Земледельческий	7,3%	17,6%	13,7%
Торговый	3,6%	1,9%	4,0%
Промышленный . . .	22,7%	9,1%	10,6%

Точной статистики распределения населения по занятиям в России не существует. Если судить по численности сословий сельских и городских, то отношение будет таково:

Промышленные классы	10%
Земледельцы	86%

Распределив в процентах по занятиям одно производительное население Англии, Пруссии и Франции, мы получим следующие цифры:

Классы.	Англия.	Пруссия.	Франция.
Земледельческий.	17,0%	48,7%	37,0%
Торговый	8,3%	6,8%	11,0%
Промышленный . . .	52,5%	25,6%	28,4%

(См. «Сравн. статист.» Янсона, 98—106 стр.).

Эти цифры указывают на громадную разницу в хозяйственном складе России и главных европейских стран,—разницу, имеющую громадный интерес для всякого практического деятеля в России.

да и из этого сравнительно ничтожного числа большинство—земледельцы по симпатиям и положению. Преобладающая форма землевладения в России не только не нуждается в пропаганде, но составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле, она составляет для крестьянина завет всей его истории.

Коллективный труд не только служит у нас прецедентом коллективного владения, но, напротив, он сам может развиться только из этого последнего. Генезис этих двух главных черт социалистической продукции, как видит читатель, будет у нас совершенно обратный. Мы говорим «будет», потому что теперь, по нашему мнению, еще не настало время пропаганды коллективного труда. А не настало оно потому, что при том первобытном способе земледелия, какой практикуется нашим крестьянством, коллективный труд немного изменил бы условия успешности труда. Там же, где успешность труда находится в большей зависимости от дружного, артельного ведения дела—во всевозможных промыслах,—такая пропаганда может и должна иметь успех. Но там мы и без того видим всестороннее проведение артельного принципа в отношении русского рабочего люда; если наши промышленные артели и клонятся к упадку, то главная причина этого заключается во вредном влиянии кулаков, существование которых так же необходимо в нынешнем государстве, как существование паразитов на теле нечистоплотного человека. Значит, главные усилия и здесь должны быть направлены на устранение развращающего влияния современного государства. А оно может быть устранено только окончательным разрушением государства и предоставлением нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться «на всей своей воле».

Короче сказать, одно из требований западно-европейского социализма, коллективизм владения, составляет у нас существующий факт; другое, коллективизм труда, не имеет под собою почвы в технике русского земледелия.

Таким образом, мы à priori пришли к тем же практическим задачам, которые ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие.

Мы пришли к «Земле и Воле».

Но тем самым центр тяжести нашей деятельности переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации, для осуществления народно-революционного переворота в возможно-более близком будущем.

Практика 1873—1875 г.г. привела большинство незараженных доктринерством революционеров к тем же выводам. Вот что говорил один из выдающихся представителей тогдашнего движения, Мышкин, перед особым присутствием правительствующего сената, 15 ноября 1877 г. «Наша практическая задача,—говорил он,—должна состоять в сплочении, в объединении революционных сил, революционных стремлений, в слиянии двух главных революционных потоков: одного, недавно возникшего и проявившего уже достаточную силу—в интеллигенции, и другого, более глубокого, более широкого, никогда не иссякавшего потока—народно-революционного».

В следующих №№ мы постараемся показать, какие данные существуют в нашей истории и современной действительности для создания революционной организации; теперь же мы желаем предупредить одно очень вероятное возражение. Трудно строить практическую программу—скажут нам—на основании земельных отношений, которые не сегодня-завтра могут быть разрушены правительственными распоряжениями. Известно, что правительство начинает выказывать большую склонность к введению участкового землевладения; а когда оно будет введено, русский народ станет на след того закона, по которому только капитализм может привести его к социалистической общине.—Это не совсем так. Введение той или другой формы кооперации важно по тому влиянию, которое оказывает она на изменение народных привычек. Что коренного изменения народного характера нельзя ожидать тотчас же за падением общины—эту вполне понятную и à priori мысль,—доказывают некоторые факты из жизни малороссов. Влияние чуждой им польской культуры разрушило их поземельную общину уже несколько веков назад. Между тем, наделавшее столько шуму «чигиринское дело» началось именно из-за стремления крестьян ввести у себя общинное землевладение. Таких фактов, конечно, не много, но они доказывают, что коренного изменения не произошло и там.

А покуда настроение народных масс останется таким же, как теперь, наша программа не нуждается в изменении.

Корреспонденции.

С бумагопрядильной фабрики Кенига. Конец прошлого 1878 г. ознаменовался несколькими более или менее крупными столкновениями петербургских рабочих с нанимателями. Мы хотим рассказать о некоторых из них, заранее извиняясь в том, что несколько запоздали своим сообщением.

Самым характерным образом обрисовывает положение нашего «освобожденного» рабочего стачка на бумагопрядильной фабрике купца Кенига, потому мы отводим ей первое место в нашем рассказе. Читателям известно, что наши рабочие по своему экономическому положению резко разделяются на «заводских» и «фабричных». Между тем, как первые при меньшей продолжительности рабочего дня, получают плату почти достаточную для сносного (в русском смысле этого слова) существования, фабричные находятся в положении поистине ужасном. Рабочий день здесь не бывает короче 14 час.: в 5 час. утра рабочий становится на работу, домой возвращается в 8 час. вечера. Во всё это время ему дается только один час (от 12 до 1 час.) на обед и отдых. На некоторых фабриках продолжительность рабочего дня еще более. Его заработок редко доходит до 25 рублей в месяц, чаще же всего он колеблется между 17—20 руб. Из этой ничтожной суммы он должен найти средства для прокормления своей семьи, для уплаты податей и, наконец, для покрытия многочисленных и разнообразных штрафов. Эти последние составляют очень значительную отрицательную величину в заработке рабочего. Налагаются они под самыми различными, подчас весьма остроумными предлогами; так, напр., хотя работа на фабрике Кенига, по условию, должна начинаться в 5 час., предприниматель, по пословице «с миру по нитке—голому рубаха», начинал ее в $4^3/_4$ ч.; кто не являлся за пять минут до срока, установленного, таким образом, вопреки условию, подвергался уже штрафу.

Второй пример. При фабрике есть вечно-пьяный и ничего не смыслящий фельдшер. Самым радикальным средством от всех недугов рабочего он считает холодную воду, которою и обливает заболевших. Больничные сцены из гоголевского «Ревизора», как видит читатель, повторяются и в настоящее время. Несмотря на очевидное даже для рабочих невежество фельдшера, они обязаны были лечиться у него, под страхом штрафа за попытку получить более полезный совет на стороне. Если при расчете, происходящем 15 и 30 числа каждого месяца, рабочий позволит себе спросить, на каком основании сделан тот или другой вычет из следуемых ему денег, его штрафуют снова. Если хозяин не приезжал ко дню расчета и рабочие осведомлялись, когда же они получат «жалованье», они подвергались новому штрафу. Штрафовали за нечистоту машины, за местоимение «ты», употребленное в разговоре с мастером, и т. д. и т. д. О прогульных днях нечего и говорить; несмотря на то, что плата была поштучная, за каждый прогульный день рабочий должен был проработать 2 дня бесплатно.

При таком положении дел, спокойствие на фабрике, естественно, находилось в очень неустойчивом равновесии. Достаточно было малейшего повода, чтобы вызвать то, что на полицейском языке называется «бунтом». Таким поводом послужило следующее обстоятельство. При производстве работы на бумагопрядильной фабрике, получается много отброса, состоящего из порвавшихся ниток. Этот отброс образует возле станков кучу так-называемой «пыли». Для сортировки ее на фабрике Кенига существовали особые женщины. Незадолго до описываемого времени переменили на фабрике Кенига директора, и новая метла стала мести еще чище старой. Новый директор рассчитал разбиравших «пыль» женщин и возложил ее сортировку на «задних мальчиков» [1]).

29 ноября эти мальчики, числом 33 чел., заявили мастеру, что они не будут работать, пока их не избавят от этой новой обузы. Дело происходило в 12 ч., когда рабочие отправляются на обед. После обеда мальчики, действительно, не пошли работать и стали дожидаться хозяина у здания фабрики. Когда он явился к ним и они попытались изложить ему свои жалобы, он без разговоров послал их к чорту. Они разошлись по домам.

---

[1]) Каждый прядильщик (мюльщик) работает на двух станках, причем у него есть два подручных мальчика: т.-н. «средний» 17—19 лет и «задний» 12—14 лет. Эти последние работают те же 14 часов, что и взрослые.

Подождавши некоторое время своих подручных, мюльщики заявили мастерам, что не могут управиться со станками без помощи мальчиков. Мастер уверял, что к вечеру всё уладится. Но время приближалось к 8 час., а мальчики не являлись. Чтобы иметь возможность узнать имена «бунтовщиков», хозяин решил выдать всем бывшим налицо подручным билеты. Всякому, кто на другой день не предъявит такого билета при входе на фабрику, грозили хозяйской карой. Но едва мастер стал раздавать эти билеты, раздался свисток, возвещающий окончание работы, и только трое из подручных успели их получить.

Несмотря на это, когда рабочие стали на другой день собираться на фабрику, у подручных спрашивали билеты, и так как они были только у трех, то все остальные были прогнаны с работы. Г. Кениг переходил, таким образом, в наступление.

Но в это время малолетние стачечники получили неожиданное подкрепление. Их взрослые товарищи объявили мастерам, что будут работать только под условием исполнения требований «мальчиков». Фабричная администрация не была расположена к уступкам, рабочие, со своей стороны, решились привести угрозу в исполнение. Они вышли гурьбою из здания фабрики и присоединились к толпившимся на улице подручным. Они надеялись, что хозяин приедет для объяснения с ними, и им удастся убедить его сделать уступки. Кениг, однако, не являлся, и рабочие решили заявить полиции о своем отказе от работы. Толпой отправились они в участок, но здесь-то и начались мытарства «бунтовщиков». Дежурный околоточный послал их в Екатерингофский сад, куда обещался приехать для объяснений пристав. В 9 час. последний, действительно, появился в саду, сопровождаемый какою-то личностью, которую потом видели в III Отд., и вступил в переговоры с рабочими. Прежде всего он осведомился об именах близ стоявших прядильщиков. Он узнал и записал таким образом 4 фамилии, пока простяки не поняли, в чем дело, и не объявили ему, что знать имена для него не важно, так как отказались работать все. Они передали ему письменное изложение своих жалоб. Пристав запел обычную в этих случаях песню о том, что мешаться в отношения рабочих к хозяевам полиция не имеет права, так что сделать он ничего не может но, впрочем, передаст их заявление градоначальнику. Толпа стала расходиться по домам. Те 4 рабочих, имена которых успел записать пристав, были задержаны и отправлены в участок. Там их продержали до обеда и, отпуская, приказали явиться к 8 ч. вечера в III Отд. Несчастные ничего не понимали, но, явившись туда, они встретили своего хозяина с двумя мастерами. Начался разбор их взаимных обвинений. Первое слово дано было Кенигу. Если читатель припомнит защитительные речи гетевского Рейнеке-Лиса, он составит себе полное понятие о смысле кениговских объяснений. По его объяснениям, выходило, что рабочие его фабрики живут, как нельзя лучше, что его отношения к ним всегда были безукоризненны, так что стачку нужно целиком отнести насчет «посторонних внушений». Г. Кениг обещался даже узнать и указать полиции подстрекателей. Когда рабочие

пытались возражать ему, их не хотели и слушать. «Знаем мы эти речи,— закричали на них,—мы упечем вас туда, куда вы и не ждете. Завтра же идите на работу, в противном случае мы заставим вас работать силой; так и товарищам скажите».

С этим назиданием их отпустили домой. Третьеотделенское внушение не произвело, однако, ожидаемого впечатления, и на утро фабрика была пуста, как и накануне. Рабочие толпились около здания фабрики, но и не думали приниматься за работу. Часам к десяти утра приехал какой-то «генерал» из синих и спросил: «все ли рабочие налицо». Получив утвердительный ответ, он велел всем идти на двор фабрики. Тех, кто не шел во двор добровольно, вталкивали городовые. Когда на улице не осталось никого, фабричные ворота были заперты, и рабочим предложили войти в контору. Здесь их расставили двумя рядами, и генерал, сопровождаемый двумя мастерами, обошел все ряды; очевидно, кениговское указание на постороннее подстрекательство произвело впечатление у Цепного моста, и там решили поймать агитаторов. Но никого из посторонних не оказалось. После этой проверки генерал приступил к «увещанию». То ласково, то грозя строгим наказанием за ослушание, просил он рабочих покориться хозяину и приняться за работу.

Когда рабочие были, повидимому, достаточно обстреляны артиллерийским огнем жандармского красноречия, пустился в атаку сам г. Кениг; он прочитал новые правила, предлагая рабочим или согласиться на них, или убираться с фабрики. Как видит читатель, план атаки был составлен очень недурно; сначала жандармскоевнушение, затем, как снег на голову, новые правила и неизбежная для рабочих альтернатива—или идти на работу, или высказать себя «бунтовщиками» и «зачинщиками» в глазах строгого генерала. Рассчитывали на неизбежное в таких случаях отсутствие единодушия, на невозможность для более влиятельных рабочих высказаться и поддержать колеблющуюся массу. Этот план непременно удался бы, если бы г. Кениг не пересолил в своих вновь-высиженных правилах, которые оказались еще тяжелее старых. Эта бестактность погубила ловко задуманный гешефт. Рабочие единодушно заявили свое нежелание работать и начали выходить из конторы. Генерал окончательно потерял терпение. Угрозы тюрьмой, Сибирью и т. д. снова посыпались на «свободных» рабочих. «Вы слушаете злых людей»,—кричал потерявший всякий такт бурбон. «У меня здесь сто шпионов следят за всем, что происходит у вас, но если хозяин найдет, что этого мало, я пришлю еще столько же. Как только узнаю, что к вам ходят бунтовщики, сейчас же в Архангельск сошлю» и т. д. Однако, и эти новые громы не принесли желанного результата: рабочие разошлись по домам и решились на крайнюю меру, к которой всегда прибегает русский человек, пока не убедится, что ему остается апеллировать только к собственному кулаку—они решились подать просьбу наследнику. Утром 2 декабря человек 30 рабочих отправились к Аничкову дворцу. Оказалось, разумеется, что державный сынок так же не любит оборванной черни, как и его папенька: даже прошение не было принято. Какой-то

наивный офицер посоветовал им обратиться к Зурову. Совет был исполнен, и 4 декабря Зуров явился с ответом. Как видит читатель, это было только несколько дней спустя после знаменитого Зуровского «ответа» студентам-медикам. Энергичный градоначальник и в этом случае не изменил себе. Выругавши рабочих самыми непечатными словами, объявил им, что прочел их просьбу и завтра пришлет своего чиновника для разрешения их недоразумений с Кенигом. Вместо обещанного вестника мира, в ночь 5—6 декабря полиция начала ходить по квартирам рабочих и выгонять их на улицу. Собравши порядочную толпу, их потащили в III Отд. Новые застращивания, брань и новые приказания сегодня же становиться на работу. «Да нынче праздник»,—пытался возразить один из рабочих.—«Я тебе дам праздник, лентяй ты этакий,—закричал на него увещавший,—нынче нет праздника!» «Как нет? Да нынче Никола, ваше благородие», заговорили рабочие, и III-отделенские святоши должны были прикусить язык. В 7 час. утра рабочих выпустили, наконец, приказав им собраться у фабрики и ожидать там чиновника для окончательного решения дела. Приказание и на этот раз было исполнено: немедленно около здания фабрики образовалась толпа и стала ожидать, что будет. К уступкам никто из рабочих не был расположен. Часов около 9 утра к толпе подъехал Кениг и стал глумиться над рабочими: «Подождите, подождите, а мне ждать некогда, я покуда поеду в город». На заявление рабочих, что, за его отсутствием, чиновнику нельзя будет разобрать дело, Кениг на это ответил «подождите»,—и преспокойно отправился в город. Через несколько минут после его отъезда, приехал чиновник и, узнавши, что Кениг не хотел его дожидаться, смиренно заявил, что он может подождать «господина Кенига». Прошло около часу бесплодного ожидания на сильном морозе. Соскучившиеся рабочие начали донимать чиновника шуточками, высказывая предположение, что шинель недостаточно греет «генерала». Мало-по-малу шутки начали переходить в резкие замечания, а затем и в брань. «От него ничего не дождешься,—кричали рабочие,—он тоже, должно, с хозяина-то получил». Чиновник рассвирепел: «бери их, подлецов», крикнул он близ стоявшим городовым. Но четверо полицейских ничего не могли поделать с выведенною из терпения толпою: рабочие не позволили арестовать никого из своих товарищей. В эту критическую минуту вернулся из города Кениг, и рабочие успокоились в ожидании разбора их дела. Оказалось, что несчастный чиновник приезжал совершенно напрасно. Несмотря на все предыдущие застращивания, рабочие твердо настаивали на исполнении их требований, а так как Кениг не желал уступить, то все они взяли расчет.

Количество рабочих на бумагопрядильне Кенига было невелико: около 200 челов., из которых взрослых было не более 80. Поэтому он безъ труда нашел новых рабочих, которые согласились на условия поистине невероятные. Рабочий день продолжается ныне на бумагопрядильне Кенига с 5 часов утра до 12 часов вечера; из этих 19 час. только 1 час полагается на еду. Мы не говорим о других условиях,

которые были бы непонятны читателю, не имеющему специального знакомства с техникой прядильного ремесла. Скажем одно—все они сводятся к тому, что, затрудняя труд рабочего, сильно понижают и без того низкий заработок.

Пусть же судит читатель, ошибаются ли люди, утверждающие, что русский рабочий находится под двойным гнетом рабства экономического и политического.

В тех ремеслах, где продолжительность труда не достигает таких размеров, как в прядильном и ткацком, стачки не всегда кончаются в ущерб рабочим.

Так, напр., в конце августа, на фортепьянной фабрике Беккера, что на набережной Большой Невки, произошло столкновение рабочих с хозяевами по следующему поводу. В одной из мастерских фабрики работает до 40 человек. Половина из них т.-н. ящичники, столяры, делающие остов фортепьяно, остальные—сборщики—немцы. Все эти рабочие получали от хозяина квартиру, отопление и освещение. Говоря точнее, они жили частью в кухне, частью в мастерской. В описываемое нами время хозяину понадобилась кухня, и он безцеремонно приказал рабочим очистить ее. Таким образом, им предстояли новые расходы на квартиру, и они решили потребовать повышение поштучной платы, именно, набавить на каждый ящик по 2 р. (прежняя плата доходила до 29—38 руб. за ящик). Хозяин отвечал, что они легко могут увеличить свой заработок, если перестанут «понедельничать», т.-е. будут аккуратнее являться на работу в понедельник. Рабочие забастовали, через три дня хозяин объявил через мастера, что он согласен на повышение платы, и работа пошла по прежнему: только г. Беккер перестал заходить в мастерскую, опозорившую себя «бунтом».

Так же неудачно для хозяев кончились стачки на табачных фабриках Мичри и Шапшала. Эти последние стачки тем интереснее, что они произошли в среде исключительно женской.

24 сентября, на табачной фабрике Мичри появилось объявление, за подписью управляющего, гласившее приблизительно следующее:

«Сим объявляю, что папиросницы, получавшие 65 коп. за 1000 шт. папирос 1-го сорта, отныне будут получать 55 коп.; за 1000 папирос 2-го сорта, вместо прежних 55 коп., будет платиться 45 к.».

Это понижение платы мотивировалось плохим сбытом готовых папирос.

Мастерицы, как называют себя работницы, сорвали это объявление и отправились в контору для объяснений. Там они объявили приказчику, что несогласны работать за уменьшенную цену и просили принять у них палочки и машинки для делания папирос. Ответом на это заявление была непечатная брань со стороны приказчика. Он предложил им убраться немедленно, так как на их места много охотниц. Грубое обращение приказчика окончательно взорвало мастериц: палочки, машинки, скамейки по-

летели в окна; приказчик струсил и послал за хозяином. Г. Мичри не заставил себя долго ждать. Он немедленно явился на фабрику, и ласковая речь его, а более всего обещание не понижать плату успокоили толпу, состоявшую приблизительно из 100 мастериц. Попытка понизить и без того невысокую плату окончилась полной неудачей.

Через два дня та же история повторилась на табачной фабрике бр. Шапшал [1]), на Песках.

26 сентября на фабрике было вывешено следующее объявление:

«*Мастерицам табачной фабрики Шапшал.*

Сим объявляю, что, по случаю остановки товара, я сбавляю с каждой тысячи папирос—10 коп.

Шапшал».

Мастерицы, здесь уже в количестве 200, немедленно сорвали это объявление и на его место вывесили следующее:

«*Хозяину табачной фабрики Шапшал.*

Мы, мастерицы вашей фабрики, сим объявляем, что не согласны на сбавку, потому что и так от нашего заработка не можем порядочно одеться.

Мастерицы вашей фабрики».

Приказчик собрал мастериц и потребовал, чтобы они указали писавшую объявление. Это требование было встречено решительным отказом. Мастерицы объявили приказчику, что объявление писалось от имени всех их, и что ни одна из них несогласна на понижение платы. Они начали собираться и уходить. Приказчику оставалось только «умыть руки» и послать за хозяином. После тщетных попыток убедить мастериц работать за пониженную плату, г. Шапшалу пришлось уступить—величина платы осталась прежняя.

Закон экономического развития общества и задачи социализма в России [2]).

В № 3 нашего органа мы высказали наш взгляд на практические цели социальной партии в России, сводя их к созданию боевой народно-революционной организации под знаменем Земли и Воли: волнение фабричного населения, постоянно усиливающиеся и составляющие теперь злобу дня, заставляют нас раньше, чем мы рассчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашим городским рабочим в этой организации.

---

[1]) Хозяева разных табачных фабрик, очевидно, стакнулись понизить плату одновременно.

[2]) № 4 «Земля и Воля», 20-го февраля 1879 г.

Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей. В прошлом, не без некоторого основания, мы обращали все свои надежды, употребляли все свои усилия—на деревенскую массу. Городской рабочий занимал второстепенное место в расчетах революционеров, ему посвящалась, можно сказать, только сверхштатная часть сил. В городе пропаганда велась между делом, в минуты, когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась при том исключительно с целью выработать из городского рабочего пропагандиста для деревни же. Такое отношение к делу, естественно, исключало возможность, как настойчивой, систематической пропаганды, так и, в особенности, организации городских рабочих, и в настоящее время дает себя чувствовать очень плачевными результатами.

Городской рабочий, несмотря на сравнительную незначительность затраченных на него сил, проникся идеями социализма в довольно сильной степени. Теперь уже трудно встретить такую фабрику или завод, или даже сколько-нибудь значительную мастерскую, где нельзя было бы найти рабочих-социалистов. Но как ни отрадны подобные явления, они, однако, лишаются огромной доли своего значения, когда мы начинаем ближе присматриваться к положению этих спропагандированных рабочих в среде их товарищей. В течение минувшего года мы видели несколько крупных стачек на разных фабриках и заводах. Где в это время были наши социалисты, какую роль играли они в этих движениях? Почти никакой. Иногда о них вовсе не было слышно, в тех же случаях, когда они пытались действовать, влияние их оказывалось совершенно ничтожным. И это вполне понятно. Наши рабочие-социалисты даже между собою не связаны, не сорганизованы. «Северный Союз» представляет первую попытку организации. До последнего же времени рабочие-социалисты были разбиты на мелкие кружки, задававшиеся почти исключительно целями самообразования, имевшие иногда кассы, библиотеки, и в практической деятельности не шедшие дальше пропаганды. Рабочая масса относилась к рабочим-социалистам, как к чему-то чуждому, относилась часто насмешливо, иногда даже враждебно, и это—факт такого рода, в котором, к прискорбию, не может не сознаться всякий, знакомый с делом. Интересно, что масса даже сразу окрестила рабочих-социалистов именем «студентов», как бы намекая на их отчужденность, и эта кличка лишь в самое последнее время начала заменяться названием «социалиста». Понятно, что при таком взаимном отношении самая пропаганда не могла иметь большого успеха и вылавливала только отдельных личностей, не увлекая за собою массы.

Нам кажется, что причина этих печальных явлений заключается в самой постановке деятельности социалистов, и что при такой постановке масса рабочих никак не могла относиться к своим товарищам-социалистам иначе, чем относилась.

Прежде всего, рабочие-социалисты совершенно не были организованы, а, следовательно, не имели возможности действовать на массу дружно, систематично; тем менее они имели возможность обратить на себя внимание массы каким-нибудь крупным проявлением своих симпатий, своих желаний действовать в интересах рабочих. Сверх того, ставя своей целью пропаганду, развитие и образование себя самих и всего рабочего сословия, социалисты этим самым выходили из сферы тех интересов, которыми живет масса, которые ей наиболее близки и дороги. Масса существенно, кровно заинтересована прибавкой или уменьшением заработной платы, бо́льшей или меньшей прижимкой хозяев и мастеров, бо́льшей или меньшей свирепостью городового. А социалисты разводят перед нею разные теории, призывают ее к развитию, к образованию и тому подобным вещам, сводящимся иногда к чтению лекций о каменном периоде или о планетах небесных. Как может относиться масса к подобным людям? Она только видит в них нечто отличное от себя, думающее не в унисон с нею, иногда насмешливо задевающее ее верования и надежды, говорящее даже несколько иным языком; но какой-нибудь пользы для себя она не видит, не видит даже их желания быть полезными, потому что не понимает, каким образом сведения о каменном периоде могут привести к устранению чересчур придирчивого табельщика.

А между тем, масса всё это время жила своей жизнью, боролась за свои интересы и иногда практически ставила довольно радикальные решения социальных вопросов. Социалистам стоило только принять участие в этой жизни, в этой борьбе, обобщить решения и направить ее частные проявления в одно общее русло, и масса ясно увидела бы, что социалисты—ее друзья, ее помощники; тогда им не трудно было бы приобрести доверие и влияние, недостающее им теперь. Эта задача легко могла быть исполнена совокупными усилиями интеллигенции и социалистов-рабочих, если бы первоначальная ложная постановка городского вопроса не сбивала их с пути. Надо было относиться к городским рабочим, как к целому, имеющему самостоятельное значение, надо было изыскивать средства влиять на всю их массу, а это было невозможно до тех пор, пока в городских рабочих видели только материал для вербовки отдельных личностей.

Серьезному отношению к городским рабочим всегда мешал взгляд на их значение, по которому им отводилось самое второстепенное место. Справедлив-ли этот взгляд? Действительно-ли городской рабочий остается без крупной роли в будущем социальном перевороте? Нам кажется, что это мнение совершенно ошибочно.

Наши крупные промышленные центры представляют нам скопления десятков, иногда даже сотен тысяч рабочего люда. В огромном большинстве случаев—всё это те же крестьяне, что и в деревне. Фабрика для них является только видом отхожего промысла и, отвлекая их от деревни, хотя бы на целые годы, не уничтожает, однако, их деревенских связей и симпатий. Вопрос аграрный, вопрос общинной самостоятельности, земля и воля, одинаково близки сердцу рабочего, как и крестьянам. Словом, это

не оторванная от крестьянства масса, а часть того же самого крестьянства. Дело их одно—одна у них может и должна быть борьба. А между тем, в городах собирается цвет деревенского населения: более молодые, более предприимчивые по своему подбору, они, сверх того, устранены в городе от влияния более консервативных и боязливых членов крестьянской семьи; они, наконец, более видели и слышали, более широко наблюдали все общественные отношения. Не представляя западно-европейской оторванности от земледельческого класса, наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижной, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения. Благодаря этому, они явятся драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота. Тактическое же значение подобного союзника очевидно для каждого. Как бы ни было единодушно восстание деревень, оно, однако, рискует быть подавленным централизованными силами государства, если только не будет поддержано восстанием в самом центре, в самом средоточии правительственной власти. Городская революция должна и может отвлечь силы правительства и дать крестьянскому восстанию время окрепнуть и развиться до степени непобедимости. Только при подобном условии и мыслим успех социального переворота. Разойдясь по селам и деревням средней части России, из которой пополняется, главным образом, их контингент, городские рабочие сыграют роль «воровских прелестников», оказавших столько услуг Разинскому и Пугачевскому движению, они подготовят почву для приближающейся лавины революционного движения; это вторая, не менее важная служба, которую может сослужить город в общем ходе революционных событий в России.

Но для исполнения подобной миссии нужна именно *масса* городских рабочих, нужны революционизирование *всей* массы и организация, влияющая на *всю* массу. Осуществить как то, так и другое возможно лишь путем агитационной деятельности. Первое едва ли требует особых пояснений. Конкретный ум рабочего плохо поддается на отвлеченные логические соображения; для него гораздо понятнее пропаганда фактами, тем более, что эта пропаганда фактами по необходимости должна стать на почву обыденных и осязательных для него интересов. Что касается организации, куда, конечно, должны войти наиболее выдающиеся лица, то где же, как не в действии, могут лучше определиться лица, способные к действию, к влиянию? Эти лица выдвигаются борьбой, выясняются ею, и их остается тогда только вербовать. Приобретая, таким образом, вполне надежных людей, организация не поэтому только может рассчитывать на влияние,—они, сверх того, примут участие в борьбе за рабочие интересы, и масса тогда ясно увидит, что эти люди действительно стоят за нее, желают ей добра и умеют его достичь. Эта агитационная деятельность может вестись ежедневно и ежечасно на самых мелких даже фактах жизни рабочего, но особенный смысл и значение приобретает она во время стачек.

Каждый раз, когда рабочие той или другой фабрики сговариваются действовать за одно, вопрос об отношении к ним различных классов общества, до верховной власти включительно, ставится ребром. Рабочая масса на деле узнает своих друзей и врагов. Ей представляется хороший случай проверить искренность отношений к ней того воображаемого союзника, на которого она рассчитывала столько времени и которому она *подарила* столько веков нищеты. Как только она начинает изнемогать в борьбе, она обращает свои мольбы к Зимнему или Аничкову дворцу, и каждый раз, разумеется, эти мольбы остаются гласом вопиющего в пустыне. И она начинает, наконец, понимать, как жестоко ошиблась, рассчитывая на царскую помощь, а ежеминутная *прижимка* со стороны хозяина не дает впасть в отчаяние, толкает ее на борьбу волей-неволей.

Воспитательное значение таких разочарований очевидно, и нам удавалось проследить упадок веры в царскую помощь на тех фабриках, где к ней уже пробовали обращаться.

Но этого мало; совместная борьба рабочих с хозяевами развивает в них способность к согласному, единодушному действию. Рабочие разных губерний, иногда разных наречий, в спокойное время чуждавшиеся друг друга, сплачиваются и объединяются во время стачки.

Идея солидарности интересов всего рабочего сословия и противоположности их интересам привилегированных классов имеет превосходнейшую иллюстрацию в каждой стачке рабочих, в каждом столкновении их с нанимателями. Денежная помощь стачечникам, а если можно, одновременное прекращение работы на нескольких фабриках служат прекрасным воспитательным средством для массы.

Нам могут заметить, что стачки не всегда оканчиваются удачно для рабочих и, в случае поражения, они производят деморализующее влияние на массу. Мы думаем, что нет ничего ошибочнее такого взгляда на дело.

В самом деле, постараемся определить, в чем собственно заключается т. н. деморализирующее влияние кончившихся неудачно народных движений. Неудача, застращивая массу, разрушает ее уверенность в собственных силах. Но если-бы с этим и пришлось согласиться без всяких оговорок, то и тогда можно обратить внимание читателя на то обстоятельство, что развитие самоуверенности в массе есть далеко не единственный хороший результат активной борьбы, с ним сосуществует целый ряд положительных влияний этого способа действий, на которые неудача не оказывает никакого или почти никакого влияния. Более резкое определение идей рабочего сословия и, как неизбежное следствие этого, сознание солидарности интересов внутри его, разочарование в помощи, ожидаемой со стороны правительства,—все эти результаты получаются одинаково при *удачной* или *неудачной* стачке.

Что касается пресловутой потери самоуверенности в массах, нам кажется, этот вопрос решался слишком уж поспешно. Прежде чем терять что-либо, нужно им обладать, прежде чем лишиться уверенности в своих силах, нужно обладать этой уверенностью, хотя бы в течение очень

короткого времени. А всегда-ли обладает ею масса? Конечно, далеко не всегда. Очень часто она страдает именно полным отсутствием уверенности в своих силах; очень часто она имеет преувеличенное понятие о своей неспособности к сопротивлению. Представим же себе теперь, что такая, не сознающая величины своих сил масса вступает в борьбу и, на первый раз, неудачно. Мы говорим, что результатом такого поражения будет не окончательный упадок самоуверенности в массе, но, напротив, убеждение в том, что победоносный противник далеко не так страшен, как его рисовало раньше напуганное воображение.

При первых встречах с европейцами, вооруженными огнестрельным оружием, дикари думают, что сами боги пошли на них войною. Только рядом столкновений с мнимыми богами, столкновений, всегда кончающихся поражением дикарей, эти последние убеждаются в том, что противники их простые люди и, как таковые, вовсе не могут считаться непобедимыми. Паника проходит, сопротивление становится всё более и более стойким, и европейцам тяжелым опытом приходится убедиться, что горсти удальцов, как бы хорошо ни была вооружена она, недостаточно для завоевания страны.

«Не давайте массе вступать в открытую борьбу с ее притеснителями: неизбежные в этой борьбе поражения только деморализируют массу, лишают ее надежды на успех»,—говорят сторонники системы воздержания в деле революционной подготовки народа. Организуйте массу для борьбы, путем борьбы и во время борьбы: только таким образом создадите вы в ней самодеятельность, самоуверенность и стойкость, каких она не имела до сих пор, и благодаря отсутствию которых десяти городовых бывает часто достаточно, чтобы разогнать и навести ужас на целую толпу рабочих,—отвечаем мы.

Агитация есть, по нашему мнению, единственно возможное средство для достижения и упрочения влияния на массу; помимо ее возможно привлекать к делу только отдельных личностей,—но история создается народом, а не единицами. Или, может быть, мы пока еще настолько слабы, что и не можем получить необходимого для нас влияния на массу? Оставляя в стороне вопрос о нашей численности и силе, мы заметим только, что агитация есть лучшее средство для качественного и количественного увеличения наших сил.

Что бы ни говорили о целях английских trade-unions, эти последние обладают, во всяком случае, силой и влиянием, которым нельзя не позавидовать. Пусть читатель припомнит историю trade-unions до 1814 г., т.-е. до отмены законов против коалиции, пусть припомнит он, каким путем добились английские рабочие этой отмены и, если только он не думает, что и с самого начала своей истории они держались ошибочных практических приемов, он неизбежно должен будет согласиться с нами в том, что агитационный путь воздействия на массу дает гораздо более плодотворные результаты и гораздо скорее ведет к цели, нежели практиковавшийся, так сказать, до вчерашнего дня способ влияния на

отдельных личностей, — скорее ведет к цели уже потому, что не только не устраняет второго способа действий, но, напротив, дает возможность выбирать испытанных, действительно заслуживающих внимания личностей.

Влияйте на них, развивайте их, сколько позволяет ваше время и ваше собственное развитие, —это даст вам агитаторов более выработанных, ораторов более убедительных, но помните, что это только средство для лучшего достижения вашей главной цели — *агитации в массе*. Когда этим выработанным вашим влиянием личностям представится случай воздействия на массу, не останавливайте их, хотя бы им угрожала гибель. Съ точки зрения нравственности, на вас не будет ответственности потому, что каждый революционер должен заранее привыкнуть к мысли, что судьба уже обрекла его; с точки зрения пользы для дела, вас нельзя будет упрекнуть потому, что никогда еще гибель личностей во имя интересов массы и на ее глазах не проходила бесследно в истории...

Сильно обострившаяся борьба может повести к гибели всех сознательных революционеров в данной местности. Поверхностному наблюдателю может показаться, что дело придется начать сначала, что все труды пропали даром. Но это не так; личности погибли, но масса знает, за что они погибли, борьба дала ей опыт, которого она не имела раньше, борьба рассеяла ее иллюзии, она осветила настоящим светом смысл существующих общественных отношений. Такие уроки не пропадают даром.

Личности гибнут, но революционная энергия единиц переходит сначала только в оппозиционную, а затем, мало-по-малу, в революционную *энергию масс*. В этом заключается весь смысл борьбы, этим объясняется также тайна иногда поистине невероятных успехов гонимых и преследуемых религиозных сект и политических учений. Такой переход одного рода энергии в энергию другого, несомненно, высшего рода, никак не может считаться «неудачею», а потому и гибель личностей не может быть названа бесполезною. Заботы революционеров должны заключаться в том, чтобы найти наименьший эквивалент для такого перехода, стараться затратить *минимум сил*, необходимых, в данном случае, для влияния на массу.

Не говоря о множестве разнообразящихся до бесконечности практических приемов, ведущих к этой цели, в каждом частном случае, мы уже указывали на *организацию*, как на главное постоянное условие сбережения сил революционеров и увеличения производительности их труда.

Организация русского рабочего сословия, конечно, не может брать себе за образец тех способов организаций, которые практикуются в Западной Европе—то различие обусловливается различием политических условий борьбы в России и на Западе. При массе опасностей, которым подвергается всякая тайная организация,—а революционная организация и не может быть другою у нас, при тех преследованиях, которые грозят ее членам, выбор личностей должен быть строг и осмотрителен.

Вытекающие отсюда трудности расширения организации должны вознаграждаться исключительными способностями и преданностью делу со стороны лиц, посвященных в ее тайны, «страшная тайна и величайшее насилие в средствах» составляли отличительную черту английских рабочих союзов до 1824 года; и ни один мыслящий человек не упрекнет рабочую организацию за неразборчивость в средствах, когда она увидит себя вынужденною на насилие отвечать насилием, когда на террор правительства, закрепощающего рабочего фабриканту, карающего, как уголовное преступление, всякую попытку рабочих к улучшению своего положения, правительства, не останавливающегося перед поголовною экзекуциею детей, принимающих участие в стачке,—когда на белый террор такого правительства она ответит, наконец, красным...

Волнения в среде фабричного населения.

И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах...

Едва мы окончили в № 3 рассказ о стачке у Кенига, как нам приходится описывать стачку, происшедшую разом на двух фабриках и отразившуюся рядом волнений в среде всего фабричного населения Петербурга.

Наша легальная литература не посмела или не нашла нужным хоть сколько-нибудь распространиться об этих фактах. Только «Русская Правда» поместила несколько строк о стачке на Новой Бумагопрядильне.

Правительство, со своей стороны, свалило и в этом случае всю вину на подпольную агитацию.

Индифферентизм так называемого общества и Угрюм-Бурчеевские преследования со стороны правительства—вот что встречает рабочий в трудную минуту своей жизни

Социалисты, разумеется, не могут оставаться равнодушными зрителями таких важных событий в жизни рабочих, как стачка; но, спросим еще раз, мыслима-ли была-бы хоть какая-нибудь агитация, если бы она не имела прецедентов в положении рабочего?

Наши освободительные подвиги на Балканском полуострове так тяжело отразились на экономическом положении рабочих, что мы боимся надоесть читателю однообразием нашей летописи рабочей жизни, если описанию каждой стачки,—а они не замедлят своим повторением,—будем предпосылать описание экономического положения рабочего

Наша летопись, действительно, будет очень однообразна. Смысл описываемых ею событий всегда одинаков. Весь он выражается в одном силлогизме:

Первая посылка: 14-часовой труд не только для мужчин, но и для женщин и для детей, низкая заработная плата и штрафы, штрафы без конца...

Вторая посылка: общее хроническое недовольство рабочих, с одной стороны, и оборонительный и наступательный союз фабриканта и околоточного—с другой.

Вывод отсюда ясен: какой-нибудь мелкий, сам по себе неважный факт—и на фабрике происходит «бунт», со всеми его последствиями; эти последние можно всегда предсказать заранее; масса будет «искать правды» у всех, кто только прийдет на память в данную минуту; ей будут отвечать драгонадами те, к которым она до сих пор обращается с такою трогательною доверчивостью.

Что это—водевильное недоразумение или безобразная историческая драма? По нашему, это драма, имеющая гораздо бо́льший интерес, нежели всевозможные «битвы русских с кабардинцами»—происходят ли они под Телишем или под Карсом. Не все, впрочем, думают так, как мы. Эти последние битвы воспевались Тряпичкиными - очевидцами, им же имя легион. Наши газеты послали «специальных» корреспондентов на оба театра войны, но ни один из газетных строчил и не подумал заглянуть на Обводный канал или на Нарвскую заставу, хотя это и не стоило бы никаких издержек.

Пусть же читатель не сетует на нас за утомительные и подчас однообразные подробности. Ведь только наш, взапуски разыскиваемый сотнями шпионов, станок и печатает отчеты об этих драмах, что ежечасно и ежесекундно разыгрываются за всевозможными «заставами», на всевозможных «каналах» и «реках», в этих грязных и мрачных предместьях нашей столицы, где смертность вдвое более, чем в буржуазных кварталах города.

Но приступим к рассказу.

15-го января рабочие Новой Бумагопрядильни, по обыкновению, явились в 5 час. утра. Несколько часов прошло обычным порядком; но перед обедом в ткацкое отделение фабрики явился главный мастер и вывесил какое-то объявление. Объявление отличалось лаконизмом: в нем были только имена 44-х ткачей, назначенных «к расчету». Но мастер дополнил его довольно обстоятельным словесным объяснением. Он очень развязно заявил рабочим, что 44 их товарища выбрасываются на улицу за то, что они «бунтовщики», и что подобное правило будет и впредь «принято к руководству», и все неблагонадежные будут изгоняться с фабрики. Заявил он также, что вообще администрация фабрики, в виду постоянных «бунтов» рабочих, думает заменить мужчин-ткачей—женщинами и детьми.

Речь его была прервана взрывом негодования рабочих. Объявление было изорвано в клочки, сам оратор должен был ретироваться. Ткачи высыпали на улицу и разбрелись по домам обедать.

После обеда, как всегда бывает в подобных случаях, перед воротами фабрики образовалась толпа, через которую не прошел ни один из тех, кто еще колебался пристать к стачке.

Пролог разыгрался.

Опытный взгляд, впрочем, заметил бы «бунт», если-б и не видел толпы. Около фабрики забегали какие-то подозрительные личности, очень внимательно прислушивавшиеся к толкам рабочих, присматривавшиеся к их лицам.

«Фискалы, пауки!»—кричали им вслед рабочие; это—название, которым окрестили они шпионов.

Показались околоточные в полной форме, с револьверами на боку. Их сопровождали десятки городовых.

Обычные в этих случаях картины.

Полиция начала расспрашивать, в чем дело. Для начала ее обращение было очень мягко. Узнавши, что рабочие объявили забастовку, она мало-по-малу скрылась. Вероятно, еще не было получено надлежащих инструкций.

Рабочие, придя к единодушному решению относительно забастовки, тоже разошлись по домам. Нужно было выработать план действий, составить требования—и вот начались сходки. Сходки в таких случаях бывают двух родов. Иногда рабочие собираются открыто на улице, и тогда сходки бывают очень многочисленны; замечательно, что полиция никогда не решается нападать на них.

Иногда же они сходятся по квартирам. В грязной, низкой и душной комнате собирается несколько десятков рабочих; малолетние «подручные»—гамены наших рабочих кварталов—становятся на часы и зорко следят, не появится ли паук или полицейский.

Тут-то принимаются решения стоять до «конца», не идти против «общества» и т. д.; здесь же пишутся те прошения, которые подаются потом по начальству, и неизвестно, вызывают-ли в нем злобный смех или зевоту.

Вечером 15 января требования стачечников были формулированы следующим образом:

1. 44 человека, назначенных к исключению, должны остаться на своих местах.
2. Заработная плата должна быть повышена на 5 коп.
3. Рабочий день сократить на $2^1/_2$ часа.
4. Штрафы за поломку «вилок» (один из инструментов, необходимых для тканья) прекращаются, так как эти поломки—вещь неизбежная в работе.
5. При приеме готовых уже кусков полотна, кроме браковщиков от хозяина, должны присутствовать выборные от рабочих.
6. Несколько ненавистных мастеров и подмастерьев должны быть выгнаны.
7. Хозяин должен заплатить за всё время стачки, как будто работа и не прекращалась.

Эти требования были приняты единогласно, несколько раз прочитаны и потом, для памяти, записаны на бумаге.

Слухи о стачке на Обводном кан. стали распространяться между рабочими других фабрик, и на другой день человек 30—40 ткачей явились с *фабрики Шау*, что за Нарвской заставой; они решились пристать к стачечникам и предлагали выработать общие требования. Полного тождества в требованиях рабочих обеих фабрик быть не могло, так как порядки, практикуемые у Шау, несколько отличаются от принятых на Новой Бумагопрядильне.

Дело в том, что работа у Шау идет безостановочно и день и ночь. Рабочие разделяются на две смены: одни сутки одна смена работает 16 ч., другая 8, другие—наоборот. Трудолюбивый фабрикант не прекращает работу даже вечером накануне праздника—она кончается только в 6 ч. утра. В отношении низкой заработной платы и постоянных штрафов порядки, впрочем, одинаковы. Г. Шау принял на себя также и продовольствие рабочих: он имеет лавочку, в которой рабочие должны брать продукты; когда они являются за «получкой» в контору, там уже сделаны вычеты за «харчи», и иногда рабочему не достается получить ни гроша.

Правила, выработанные на общем собрании представителей рабочих обеих фабрик, мало чем отличались от предыдущих. Приведем, впрочем, требования рабочих г. Шау, «шавинских», как их называют остальные рабочие:

1. Чтобы на каждый вытканный кусок прибавили платы по 5 коп.
2. Чтобы прогульные дни не считались, если сам хозяин виноват в прогуле.
3. Чтобы основы выдавались хорошие, и чтобы материал выдавался при наших выборных.
4. Чтобы товар не браковали зря; чтобы за этим тоже наблюдали наши выборные.
5. Чтобы не штрафовали за полом инструмента, за отсутствие из фабрики по болезни или надобности и пр.
6. Чтобы за харчи платить не в конторе, как теперь, а в лавке, по получке денег на руки.
7. Чтобы на больницу платилось не по $1^1/_4$ коп. с рубля, как теперь, а по 10 коп. в месяц.
8. Чтобы за кипяток на фабрике рабочие не платили.
9. Чтобы утром давалось время с $8^1/_2$ до 9 ч. на завтрак.
10. Чтобы накануне праздников работа кончалась не в 6 час. утра, как теперь, а в 9 час. вечера.
11. Чтобы газовые горелки расположить, как лучше для работы; мы сами укажем места для них; а то теперь в иных местах вовсе свету нет.
12. Чтобы прогнать с фабрики подмастерьев: Никифора Арсентьева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Нам от них житья нет! и мы с ними не хотим работать.
13. За время стачки—денег с нас не вычитать, потому что мы не работаем не по своей вине, а по упорству хозяев.

14. Чтобы никого из нас не брали в полицию за то, что не работаем; а тех, что теперь забрали, пусть выпустят.

На сходке представителей от обеих фабрик обсуждались также меры для поддержания беднейших из стачечников, а таких, естественно, должно было более оказаться на фабрике Шау, где хозяин грозился прекратить выдачу припасов из своей лавки; поэтому решено было первые сборы отдать в пользу «шавинских». Сборы же предполагалось делать на всех фабриках и заводах; в этом смысле были напечатаны воззвания ко всем петербургским рабочим. Надежда на их помощь не оказалась тщетною; сборы делались почти повсеместно, и возбуждение рабочих во время этих сборов было подчас так велико, что грозило перейти в забастовку.

На фабрике Мальцева (на Выборгской стороне) разбросаны были прокламации стачечников; был даже арестован рабочий, подозреваемый в их распространении. Рабочие заволновались. Пошли толки о том, чтобы поддержать «новоканавцев», но хозяину, тактичным обращением и обещанием всяких благ в будущем, удалось восстановить спокойствие. Г. Чешеру (его фабрика тоже на Выборгской стороне) не удалось отделаться одними обещаниями—он должен был прибавить по 3 коп. на кусок, и только этою уступкою ему удалось отклонить грозившую стачку. Волновались рабочие на Охте... Так заразительно подействовал пример. Между тем, полиция и «науки» делали свое дело.

В ночь на 16—17 число произведено было несколько арестов и обысков. Арестовано было 6 человек из рабочих Шау, около 20 человек с Нов. Бумагопрядильни, один слесарь на Лиговке и т. д.

Со стороны полиции «в битвах с неприятелем» больше всех отличился некий Степанович. Он был еще во время мартовской стачки 1878 г. околоточным 3 участка Александро-Невской части, в районе которого находится Н. Б., и отличился такою энергией, что, хотя и был переведен куда-то в другой участок, но, едва повторилась стачка на Н. Б., он был снова переведен в 3 участок—усмирение бунтовщиков составляло его миссию.

Между тем, забастовка увлекала всё новые массы рабочих. 17 число было апогеем стачечных успехов. В этот день всё прядильное отделение Н. Б. присоединилось к стачке. Из начальственных мероприятий за это число можно отметить в нашей летописи приезд какого-то «полковника» за Нарвскую заставу, для выслушания жалоб рабочих. Такие миротворцы являются обыкновенно вместе с хозяевами забастовавших, сопровождаемые, как древне-римские консулы ликторами, целым отрядом жандармов. Наш полковник, конечно, не изменил этому почтенному обычаю. Он спросил собравшуюся толпу рабочих о причине забастовки. Ему подали письменное изложение жалоб. «Согласны вы на это требование?» спросил он, обращаясь к г. Шау; тот отвечал, разумеется, отрицательно,—«ну так чего же вы такие-сякие хотите? Да я вас...» и т. д. и т. д. Начались обычные увещания, обильно пересыпанные крепкими словами. «У меня, заключил храбрый полковник, сейчас 25.000 солдат под ружьем, попро-

буйте только бунтовать».—«Больно уж много ты, ваше благородие, для нас наготовил-то»—отвечали ему, с обычным юмором русского простого человека, рабочие—«нас всего-то здесь 300 челов. и с бабами, и с ребятишками, а мужиков-то не будет и 70».

«Полковник» понял, что зарапортовался и, для поддержания своего авторитета, приказал схватить одного из остряков, но толпа окружила его и не позволила бросившимся городовым исполнить начальническое приказание.

Переговоры кончились безуспешно.

Между тем, начавшиеся аресты производили свое действие на рабочих: снова собрались представители обеих фабрик и решили добиваться освобождения товарищей. Нужно сказать, что в числе рабочих, арестованных ночью с 16 на 17, был малолетний прядильщик—«подручный» с Н. Бумагопрядильни. Его товарищи, такие же малыши, как он, отправились утром в числе около 50 челов. к участку и требовали его освобождения. Пристав Бочарский мужественно вышел навстречу к этим «бунтовщикам» и, с помощью десятка городовых и 3—4 мастеров, погнал ребятишек на работу. Разумеется, придя на фабрику, все они тотчас же разбежались.

Взрослые рабочие последовали примеру своих подручных и решили вступить в переговоры с полициею относительно освобождения арестованных.

Часов около 10 утра, 18 числа, толпа рабочих, около 200 челов., собралась недалеко от фабрики.

Здесь было громогласно прочитано и одобрено следующее заявление:

«Мы, рабочие с Н. Бумагопрядильни, сим заявляем, что не пойдем на работу, пока не будут уважены все наши заявленные хозяину требования. Что же касается полиции, то мы отказываемся от всякого вмешательства с ее стороны для примирения нас с хозяином, пока не будут освобождены наши товарищи—люди, за которыми мы не знаем ничего худого. Если их обвиняют в чем-либо, пусть судят их у мирового, причем мы все будем свидетелями их невинности.

Теперь же их арестовали и держат без суда и следствия, что противно даже существующим законам».

Пока читалось это заявление, явился околоточный; он предлагал рабочим отправиться для объяснений к приставу, но они сочли более удобным переговорить с градоначальником. Путь рабочих лежал через Загородный пр. На нем есть дом мещанской гильдии с проходным двором. Едва рабочие прошли этот двор и вышли на Фонтанку, они были атакованы жандармами с приставом Бочарским во главе.

Пристав ехал на дрожках и махал палкой. С криком: «бей их, бунтовщиков» соскочил он с дрожек и кинулся на толпу; «рыцари ордена собачьей головы и метлы» поддержали своего полководца и началась расправа во вкусе Александра Освободителя...

Описывать ли эту сцену или воображение русского читателя восстановит ее во всех деталях, как давно и хорошо знакомую?

Оторопевших рабочих били и мяли лошадьми; разумеется, что здесь уже некогда было разбирать не только правого от виноватого, но даже рабочих от простых прохожих. «После разберем»—вот обычный девиз укротителей.

А после оказалось вот что.

11 человек пришлось отвозить в больницу; из них было несколько человек прохожих, попавшихся под руку. «Незначительных ссадин», в роде тех, что констатировал, по словам «Правит. Вестника», медицинский осмотр у студентов-медиков, после их избиения, оказалось, вероятно, немало у тех из рабочих, которых не сочли нужным отправлять в больницу. «Виктория» была решительная. «Внутренний враг» обратился в беспорядочное бегство, оставив в руках победителя 52 челов. пленных, которые и были препровождены в пересыльную тюрьму.

На поле битвы была оставлена засада, в которую и попадались интересовавшиеся участью своих товарищей и привлеченные слухами о побоище рабочие. Говорят, что цифра пленных в этот день дошла до 80.

Как, вероятно, весело сочинять и получать «реляции» о таких подвигах! Мы предлагаем нашему «обожаемому монарху» учредить годовщину этой битвы и праздновать ее разводом в манеже и обедом в Зимнем дворце.

Узнав о месте заключения пленников, родные и знакомые поспешили навестить их и снабдить деньгами и пищей. Их не только не допустили до свидания с арестованными, но некоторые из них были задержаны и также посажены в пересыльную.

Между тем, околоточный Степанович продолжал «тревожить неприятеля» партизанскими ночными атаками. Нечаянные нападения на артельные квартиры, обыски и аресты нескольких человек—в этом прошла вся ночь.

Печально встретили утро следующего дня рабочие Н. Бумагопрядильни.

В некоторых квартирах не осталось ни одного жильца, и они были заколочены, точно после чумы. В других—из 15 жильцов осталось всего 4—5 чел. Не было почти ни одной квартиры, где бы не был арестован хоть один жилец [1]).

К этому прямому насилию присоединилось, так сказать, косвенное. Полиция ходила по мелочным лавочкам и запрещала купцам выдавать рабочим в долг провизию. Только двое из лавочников (Балясников и Цветков) не послушались этого приказа и продолжали выдачу «на книжку».

Квартирных хозяев, у которых рабочие снимали свои артельные помещения, понуждали требовать уплату старых долгов, чтобы этим принудить рабочих выйти на работу.

Нужно сознаться,—меры эти были как нельзя более своевременны. Забастовка продолжалась уже несколько дней и, повидимому, довольно чувствительно отражалась на акциях «компании Н. Б.». Так, по

[1]) Нужно заметить, что фабричные рабочие живут артелями, человек по 10—15.

крайней мере, мы объясняем себе то обстоятельство, что, несмотря на совершенное отсутствие рабочих, г. директор Бумагопрядильни приказал ежедневно топить печи, разводить пары, зажигать газовые рожки утром и вечером, давать сигнальные свистки и т. д. При русской, если можно так выразиться, гласности, и такие меры служат иногда к поддержанию кредита.

Кроме того, г. директор снесся с III Отдел., и 20 чел. жандармов были присланы для охранения тишины и спокойствия. Засевши в доме Кобузева, на Обводном канале, эта шайка начала свои бесчинства. От директора ей присылалось угощение: водка и надлежащая закуска.— Идет мимо дома Кобузева фабричный и играет на гармонике. Из ворот выбегает жандарм, выхватывает гармонику и снова прячется во двор. Вечером из этого гнезда раздаются звуки оттнятой гармоники, крик, гам и разгульные песни. «Обещался Рюрик грабить по закону, а на место того—вон что вышло» припоминается нам место из одной сатиры.

По трактирам рыскали околоточные, городовые и шпионы; они без разговоров хватали всякого, кто хоть сколько-нибудь был похож на «подстрекателя».

Пока всё это происходило на Обводном канале, г. Шау решил не вводить «во искушение» полицию и покончить дело при помощи мероприятий, так сказать, экономических. Рабочих на его фабрике было немного, и он рассчитал, что может заменить их всех новым составом. Когда рабочие отказались брать расчет, он попросил у полиции одной услуги— принудить рабочих взять его.

Просьбу его, разумеется, поспешили исполнить; но полиция не могла отказать себе в удовольствии устроить облаву на бунтовщиков и повторила здесь те же сцены, что и на Обводном канале: обыски, аресты шпионство и здесь пошли полным ходом. Около деревни Волынки, за Нарвской же заставой, стояло всё это время несколько рот солдат.

Из 70-ти взрослых рабочих здесь было взято около 20-ти челов. Пойдет человек за чаем в трактир—и пропал, и не возвращается; где, куда делся,—его сожители не знают, и могут только догадываться.

Пошло несколько человек на Обводный канал на сходку—и также пропали без вести. Это была сходка, на которую собралось несколько десятков рабочих с обеих забастовавших фабрик; никто из них не вернулся домой; на утро послали мальчика на квартиру, где собиралась сходка—пропал и мальчик.

Как ни тяжело влияло всё это на рабочих Н. Бумагопрядильни, но они все-таки народ не в первый раз «бунтовавший», так сказать, уже обстрелянный; на «шавинских» же всё это нагнало панику: принужденные полицией взять расчет, они в ужасе бежали на другие фабрики или прятались у своих знакомых в городе.

Место их заняли новые рабочие—и фабрика снова пошла обычным ходом. Ходили потом слухи о каком-то неудавшемся покушении на целость здания фабрики, но определенного насчет этого таинственного покушения мы ничего пока сообщить не можем.

23 января вышло, наконец, «решение» взятых в плен на обоих театрах военных действий. Их разделили на две категории. Первую категорию, в которую вошли малолетние рабочие (до 15 л.), *пересекли поголовно* и освободили, пригрозивши вторичной поркой, если кто-нибудь из наказанных не пойдет на работу. Да, читатель, это факт, о котором тебе расскажет любой из рабочих Н. Бумагопр. Малолетних детей порют поголовно за участие в стачке.

Во вторую категорию вошли взрослые рабочие, которых выслали административным порядком частью на родину, частью в Вологодскую губ. До самого отъезда к ним не допускали никого из родных или знакомых. «С воли» сидящим не позволялось передавать ни деньги, ни даже съестные припасы. На Никол. вокзал их пригнали с партией преступников, которую сопровождал конвой солдат, усиленный на этот раз жандармским полувзводом. Пришедшие было проводить их товарищи лишь издали могли перекинуться с ними прощальным приветом.

Эта высылка произвела очень тяжелое впечатление на стачечников. У некоторых из высланных остались в Петербурге семьи, которые лишились, таким образом, всякой поддержки, что, при отсутствии заработка во время стачки, при запрещении лавочникам давать рабочим в долг съестные припасы, ставило их в положение совершенно безвыходное. Одна надежда была на сборы, делаемые в среде учащейся молодежи и рабочих других фабрик, но, при той сети шпионов, которой были окутаны стачечники, даже раздача денег беднейшим из них не могла производиться открыто; наконец, собранных денег не всегда хватало, и тогда стачечники сами собирали свои гроши для помощи голодавшим. Тот, кто хоть раз присутствовал при таких сборах, не забудет их никогда. Стоит толпа рабочих, человек в 80—90. Толкуют о положении дел; сообщают о новых подвигах полиции; принимают те или другие решения. «Послушайте, братья,— раздается из толпы голос,—я видал сегодня старика (называют имя); у него жена, ребятишки; верите ли, купил он давеча утром на гривенник харча, а завтра что будет есть—и сам не знает; надо бы помочь».— «Надо, надо»,—соглашается толпа.—«Эй, Ванюха! обходи народ с шапкой». Ванюха снимает картуз и обходит присутствующих. И тянется загрубевшая, мозолистая рука фабричного и кидает он в шапку серебряные и медные монеты, причем, положивший мало, считает долгом извиниться собственным стесненным положением. «Вот что, братья, я только 3 коп. кладу—ну ей Богу самому есть нечего».—«Знаем, знаем,—отвечают ему, ты об этом не говори, а кто что может, то и клади». В шапке оказывается несколько рублей, которые и вручаются кому-нибудь из присутствующих, для передачи по назначению. Иногда тот, для кого делаются такие сборы, оказывается присутствующим в толпе, и тогда деньги передаются ему непосредственно. «Спасибо вам, братцы,—кланяется тронутый рабочий,—дай вам Бог...»—«Не на чем, не на чем, мы должны помогать друг дружке, дело общее; мы тебе собрали от всего общества»— возражают ему.

— «Пауки через забор глядят»—раздаются тоненькие голоса «подручных»,—и толпа начинает расходиться.

А ночью новые обыски, новые аресты. Около 5 час. утра толпы городовых, под предводительством нескольких околоточных, ходят по квартирам рабочих, расталкивают их тесаками и буквально силой гонят их на работу; кто энергичнее протестует, тому приказывают «одеваться»—его арестуют и ведут в участок.

Днем происходят другие сцены. Стоит у дверей трактира рабочий, к нему подходит околоточный в сопровождении 5 городовых. «Что не идешь на работу?» Рабочий что-то отвечает. «Ах, ты такой-сякой». Околоточный хватает и трясет его за бороду, «так аж зубами он защелкал», говорил нам очевидец.

Идет фабричный на улице, навстречу ему околоточный. «Поравнялся с ним—да в бок кулаком... а потом развернулся да по щекам... да по щекам...» рассказывают потом друг другу рабочие.

Г-н хроникер «Вестника Европы»! точно ли крепостное право трудами людей вашего пошиба уничтожено в России?

Нам кажется, что оно только приняло иные формы. Кто из нас прав—пусть судит читатель.

Все описанные происшествия сломили, наконец, энергию рабочих. Стачка держалась 9 дней, на 10-й—шпулечницы (около 50) и часть мюльщиков вышли на работу. Первым прибавлено по 3 коп. за пуд смотанной пряжи; вторые не получили никаких уступок.

На другой день пошли на работу и ткачи, сначала чел. 100, после обеда около половины, а к вечеру только несколько десятков человек продолжали упорствовать. Теперь большинство работает, но опустошения, произведенные полицией в среде рабочих, так велики, что много станков остается не занятыми.

Фабрика снова в полном ходу; пыхтит пар, стучат колеса, покрикивают мастера и браковщики, и только унылые лица рабочих и несколько десятков семей, лишившихся трудовых рук своих отцов, содержащихся по «чижовкам»—напоминают о случившемся, да несколько десятков сосланных, которых их товарищи называют «политическими» и тем выделяют из массы ссылаемых за уголовные преступления,—разносят по отдаленным окраинам России весть о новой жизни рабочего, наступившей для него после 19 февраля 1861 г.

Еще недавно масса смотрела на «политических», как на «изменников» и «бунтовщиков»; некоторые не сильные в мышлении люди видели в этом проявление ее здравого смысла. Теперь масса знает, что называется бунтом на языке предержащих властей; она знает, что в числе «политических» есть ее люди, которые пострадали за «общее», «правое» дело.

Так популяризируется идея бунта и политических преступлений в России!

Стачечники вышли на работу; ходят слухи, что каждый из них заплатит трехруб. штраф. Может быть, они подчинятся и этому новому

грабежу. Но стачка все-таки не кончилась, только продолжение ее отсрочено на неопределенное время. В том-то и заключается жизненная сила таких протестов, что они вспыхивают, когда не удовлетворяется минимум даже самых необходимых потребностей массы. Никакие репрессии не застращают ее надолго, когда ей представляется альтернатива: бунтовать или умирать с голоду. А когда ей удается отвоевать себе удовлетворение этого минимума, явятся новые потребности, стойкость ее окрепнет, благодаря опыту, приобретенному в борьбе, и от бунта за 5-ти копеечную прибавку, она постепенно будет переходить к более и более широкому протесту, пока не исполнит, наконец, завета своих дедов и прадедов, завета всей русской истории, пока не возьмет в свои могучие трудовые руки красного знамени *Земли и Воли*.

Каменская станица.

(Письмо второе).

Я уже писал вам [1]) о так называемой Луганской истории, волновавшей население нашего округа с самого начала весны 1878 г. Вы помните, вероятно, что 30 чел. луганцев, «наряженных» для резки леса станичным начальством и отказавшихся исполнить это распоряжение, были посажены в каменский острог. Этих козлов отпущения держали в тюрьме до конца ноября, постоянно таская на допросы. Ответы арестованных были коротки и единодушны: «мы ни в чем не виноваты, бунтовали не мы одни; а вся станица, да и по прочим станицам также недовольны земством и разными прочими нововведениями и терпят только до поры до времени».

«Неповиновение власти» было слишком упорно, соблазн для других станиц слишком велик: начальство решилось действовать «со скоростью и строгостью». Посылать солдат в станицу, в которой, вместе принадлежащими ей хуторами, считается до 15 тыс. жителей, было слишком рискованно, поэтому изобретательное начальство прибегло к другому способу действий. В Луганскую станицу снова является какой-то «генерал» и обращается к проживающему там шпиону из отставных офицеров, Апостолову, с просьбою указать бунтовщиков и тем поддержать «основы». Тот, разумеется, не заставил повторять просьбы, и его усердие превзошло даже генеральское ожидание. Бунтовщиков оказалось целых полторы сотни, в число которых, замечу я от себя, попали казаки, даже не бывшие на сборах. Но проверять верность показаний «доносителя» была некогда, да и надобности не представлялось. Импровизированным бунтовщикам была объявлена следующая альтернатива: или уговорить казаков отдать лес, или

[1]) № 3 «Земли и Воли».

разделить участь арестованных раньше 30 чел., которым грозит Сибирь. Вы, мол, бунтовали, вы и усмиряйте. Усмирить они должны были в весьма короткий срок.

Узнав об этой дикой выходке начальства, луганцы призадумались. Поддержки другие станицы не оказывают, а начальство грозит Сибирью даже невинным, решено стереть Лугань с лица земли. Несколько дней шли всевозможные толки в станице и, наконец, стачечники решили, что «один в поле не воин». «Эх,—говорили они, с проклятием, подписывая приговор об отдаче леса,—поддержи нас другие станицы, не так бы кончилось дело». Как только приговор был подписан, немедленно были освобождены от следствия не только 150 чел., оболганных Апостоловым, но и те 30 чел., что содержались в каменском остроге. Тяжкие обвинения, которые взвалились на них, были забыты начальством тотчас же, как миновалась надобность в заложниках, на которых можно было бы сорвать сердце и показать спасительный пример строгости.

Так кончилась Луганская история; кончилась, как и множество других, так называемых, мелких бунтов, победою правительства, причем сопротивление населения во время «бунта» только редко и то не надолго переходило из пассивного в активное. Но причины, вызвавшие сопротивление, не только не перестали существовать, но, напротив, получили законную санкцию. Это, разумеется, только увеличивает неудовольствие казаков, и вот почему я думаю, что нам, быть может, придется еще увидеть эпилог только что закончившейся драмы.

А эпилог, пожалуй, будет интереснее самой драмы, хотя бы потому, что разыгрывать его будут не новички. Луганский «бунт» оставил казакам драгоценный опыт в подобных делах. Этот опыт показал, во-1), что для того, чтобы рассчитывать на какой-нибудь успех в борьбе с правительством, необходимо действовать дружно и единодушно; он показал, во-2), полную возможность единодушного действия, так как причины неудовольствия одинаковы во всем войске.

Казаки хорошо сознают это, и мне кажется, что ни в какой другой части населения России нельзя встретить более осмысленного и более сильного недовольства существующим порядком вещей.

Недовольны казаки своим новорожденным земством, которое отбирает леса, озера, реки, налагает пошлины на мельницы, налагает вместе с правительством акциз на соль, добываемую в войске, так как прежде добывание ее было вольное, и т. д.

Недовольны они плохим наделом земель. Это может показаться странным, так как всем известно, что свободных земель в войске пропасть. Но в том-то и дело, что из этих свободных земель никаких прирезок станицам не делается, хотя население растет. Официальный душевой надел казака в нашем округе считается 30 десятин, он и подать (положим небольшую—50 коп. с пая) платит за 30 десятин,—а, между тем, количество земли, действительно удобной для обработки, колеблется от 8 до 10 дес., да и то ценится так дешево, что арендная плата не превышает 50 копеек.

Рядом с этими, так сказать, экономическими причинами недовольства, являются правительственные, в роде отобрания оружия у казаков. По возвращении с театра военных действий у них в Киеве были отобраны пушки, а затем, когда они приехали в Черкасск—и ружья. Казаки объясняют эти меры тем, что начальство, дескать, боится общего бунта на Дону.

Насколько ненавидят казаки земство и как хорошо понимают они, что замена прежнего казацкого самоуправления земским—равносильна замене действительного, неподдельного самоуправления фиктивным и, притом, не дешево стоющим,—видно во всяком слове казака, толкуете ли вы с ним в хате, встретитесь-ли и разговоритесь по дороге или, наконец, явится ли он на сбор в станичное правление.

Случилось мне недавно пойти в один хутор, недалеко от нашей станицы. Дорогой меня нагнал казак, ехавший в телеге. После обычных приветствий и вопроса: «где (т.-е. куда) идешь»—вызвался подвезти меня до хутора. Я воспользовался предложением, и у нас завязался разговор, который, разумеется, тотчас же свелся на земство.

«Земство,—говорил мой собеседник,—будет постепенно отнимать наши права; оно хорошо знает, что если захочет отнять их сразу, то казаки взбунтуются все. Казак—что бык: если его будут приучать к упряжи постепенно, будет терпеть, пока хватит сил, если же сразу под ярмо—непременно взбесится. Многие еще не понимают земства и его подходов, когда же узнают, то это даром не пройдет, казаки—им не мужики».

«Если уже земство так умно, что всюду сует свой нос,—иронизировал другой казак на сборе в Гундеровской станице,—то пусть лучше обучает мою старуху хлебы печь, а к нам не мешается».

С кем из казаков ни заговорите, везде услышите одно и то же. Появляются свои доморощенные ораторы, которые производят сильное впечатление и на нашего брата, а о казаках и говорить нечего. Я встретил одного из таких выразителей общего недовольства. Теперь уже седой и вдобавок глухой, этот замечательный человек всю жизнь свою не мог осесться на одном месте. Летом он бурлачит, зимой ходит по хуторам и станицам и рисует планы. Пламенные речи свои он начинает словами: «приутих, приуныл славный Дон», далее следует мастерское сравнение прежнего вольного казачьего житья с настоящим, конечно, не в пользу последнего; оканчивает он их песней собственного сочинения, которой я, к сожалению, не мог записать, запомнил же только начало:

Ктой-то, братцы, наше войско
Губит, грабит, разоряет.
Ктой-то, братцы, нашу землю
Податями облагает.

Таково положение дел у нас на Дону в настоящее время. Сделать из описанного те или другие выводы предоставляю читателю.

ПУБЛ. Б-КА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

1880 г.

От редакции [1]).

В № 1 «Народной Воли» было уже заявлено о причинах прекращения издания «Земли и Воли» и появления двух новых органов, не совсем согласных между собою в определении практических задач русской социально-революционной партии.

Нам остается лишь дополнить сделанное там объяснение. Раскол в редакции «Земли и Воли» не ограничился к сожалению пределами литературного кружка; он выражал собою два различных течения, возникшие внутри народно-революционной партии. Которое из них более соответствует духу девиза этой партии—Земли и Воли,—какое из двух новых изданий уклонилось от первоначальной ее программы—об этом не место высказываться в нижеследующих немногих строках. Мы ограничимся, поэтому, замечанием, что «Земля и Воля» по-прежнему останется нашим практическим, боевым девизом, так как эти два слова наиболее полно и широко выражают народные потребности, стремления и идеалы.

В статье о «Черном Переделе» подробно говорится об отношении повсеместного ожидания народом передела земли к этой исторической революционной формуле. Что касается названия нашего издания органом социалистов-федералистов, то оно объясняется нашим убеждением, что лишь федеративный принцип в политической организации освободившегося народа, только полное устранение принудительного начала, на котором основаны современные государства, и свободная организация снизу вверх—может гарантировать нормальный ход развития народной жизни. Насколько торжество федеративного принципа может быть достигнуто одним ударом, одним победоносным революционным движением,—невозможно, конечно, сказать в настоящее время. Но партия должна направить все свои усилия к обеспечению его торжества, и социально-революционные издания не могут обходить молчанием этого важного вопроса.

Этнографический состав населения русского государства постоянно заставляет считаться с ним даже в современной нам практике. Малороссия, Белоруссия, Польша, Кавказ, Финляндия, Бессарабия—каждая из этих составных частей Российской империи имеет свои народные особенности, требует самобытного, автономного развития.

В виду этого, было бы весьма полезно развитие местной революционной литературы; но пока оно составляет задачу будущего. «Черный Передел», по необходимости, является органом всех русских социалистов, разделяющих основные положения его программы. Тем не менее, каждое указание на местные отличия в постановке социального вопроса и практических приемах партии всегда найдет самый радушный прием на страницах нашего издания.

[1]) Из передовой статьи в № 1 «Черный Передел», вышедшем 15-го января 1880 г.

Наконец, исходя из условий русских общественных отношений в постановке своей практической программы, русская социально-революционная партия не может упускать из виду положений научного социализма, которые должны служить для нее критерием при оценке различных сторон и форм народной жизни. Издание, имеющее в виду, главным образом, интеллигентных читателей—к которым мы относим также и часть городских рабочих,—даже обязано указывать на тесную связь русского революционного движения с общими выводами западно-европейской жизни и мысли, оттенять их тождество—в последнем счете—с стремлениями и задачами русской социально-революционной партии.

Сказанного, полагаем, достаточно, чтобы отклонить могущие возникнуть по поводу названия нашего органа недоразумения.

Черный Передел [1]).

Глас народа—глас Божий.

В многомиллионной массе русского крестьянства беспрерывно появляется, исчезает и вновь возникает множество самых разнообразных слухов, толков и ожиданий. Несмотря на свое видимое разнообразие, все эти слухи имеют один и тот же источник—страстное искание народом того или другого выхода из современного невыносимо-тяжкого положения. Но ни один из них не приобрел такого широкого, можно сказать, повсеместного распространения, ни один не остановил на себе в такой степени внимания правительства и интеллигентного общества, как слух о предстоящем, будто-бы, в скором времени переделе земли. Никто не может указать не только автора этого «превратного толкования», но даже и места первоначального появления последнего. Пущенный, быть может, одним из тех бывалых людей из народа, которым их продолжительное скитальчество по белому свету сообщает не псевдо-цивилизованные привычки городского обывателя из мещан, не презрительное отношение к «серой деревенщине», но глубокое, инстинктивное понимание народных потребностей и народного горя, слух этот облетел всю земледельческую Россию... и везде перешел в непоколебимую уверенность относительно скорого приближения «слушного часа» и т. п. Не заботясь о том, чьим «священным правам», каким «общественным основам» противоречит его желанный аграрный переворот, народ наш положил ожидание этого переворота в основание своего примирения с тяжелым настоящим, своих надежд на лучшее будущее. С точки зрения этого, по его мнению, неотвратимого факта, он оценивает все события внутренней и внешней жизни современной России. Покушение на жизнь императора, казни политических преступников, стеснение казаков, восточная война, пригото-

[1]) Статья из № 1 «Черного Передела».

вление к ревизии, все эти факты, несмотря на их очевидную несоизмеримость, взвешиваются народом исключительно с точки зрения его заветных ожиданий земельного передела, в каждом из них он видит только подтверждение основательности своих надежд. Правительственный циркуляр, изданием которого г. Маков едва не оказал медвежьей услуги популярности царского имени в народе, встречен последним с полным недоверием. «Так и перед волей не единожды читали и объявляли, а все-таки воля вышла»,—вот непредвиденный, вероятно, г. Маковым ответ, о своеобразную логику которого разобьется еще не одно правительственное заявление.

Влияние этой непоколебимой уверенности простирается даже на сферу чисто-коммерческих отношений: в некоторых местах крестьяне, как известно, отказываются от покупки земель и избегают долгосрочных арендных контрактов. По своему влиянию на народные умы, слух о переделе земли может сравниться разве только с теми слухами об уничтожении крепостного права, которые ходили в народе чуть-ли не с самого возникновения этого института в России, послужили поводом ко множеству мелких волнений, с каждым годом расширявшихся и возраставших в числе [1]), и убедили, наконец, правительство в том, что лучше «освободить народ сверху», нежели ждать, пока это освобождение будет предпринято снизу.

Не прошло еще и двадцати лет после «великой реформы» нынешнего царствования, как народ, со свойственной массам черной неблагодарностью, начинает поговаривать о переделе земли и толкует об этом с тою же роковою уверенностью, которая один раз уже вынудила правительство к уступке. Никто не может поручиться в том, что если бы правительство уступило и на этот раз, народ не потребовал бы от него новых и новых уступок, пока, постоянно ограничивая и урезывая самого себя, государство не дошло бы, наконец, до полного самоотрицания, а так как это последнее никак уже не может входить в правительственные виды, то никто не может поручиться и в том, что народ не будет вынужден удовлетворять своим потребностям путем того воздействия «снизу», тенет которого все правительства и все либералы в мире избегают так же старательно, как Мефистофель избегал креста. Что касается до нас революционеров-народников, то мы считаем такое воздействие неминуемым, так как вся внутренняя история России есть, по нашему мнению не что иное, как длинное, полное трагизма повествование о борьбе на жизнь и смерть между полярно-противоположными принципами народно-общинного и государственно-индивидуалистического общежития. Кровавая и шумная, как ураган, в минуты крупных массовых движений, в роде бунтов Разина, Пугачева и др., борьба эта не прекращалась ни на минуту, принимая самые разнообразные формы. Откупаясь от государственного

[1]) См. кн. *Романовича-Славатинского*: «Дворянство в России», где представлена перепись этих волнений.

вмешательства в его жизнь во времена Грозного, как откупался он когда-то от норманнов, хазар или, потом, татар; разбредаясь розно и заселяя пустынные степные окраины и лесные тайги северного поморья и Сибири; образуя шайки понизовой вольницы под предводительством своих любимых «атаманушек»; оплакивая «древнее благочестие» в глухих раскольничьих скитах, народ везде и всюду отстаивал одни и те же стремления, боролся за одни и те же идеалы общежития.

Свободное общинное самоустройство и самоуправление; предоставление всем членам общины сначала права свободного занятия земли «куда топор, коса и соха ходит», потом, с увеличением народонаселения, равных земельных участков с единственною обязанностью участвовать в «общественных разметах и разрубах»; труд, как единственный источник права собственности на движимость; равное для всех право на участие в обсуждении общественных вопросов и свободное, реальными потребностями народа определяемое соединение общин в более крупные единицы—«земли»: вот те начала, те принципы общежития, которые так ревниво оберегал народ и которые, кратко формулируясь в боевом девизе «Земля и Воля», в минуты, когда чаша народного долготерпения оказывалась переполненной до краев, обладали магическим свойством волновать умы массы от прикаспийской Астрахани до беломорского Соловецкого монастыря. С самых ранних времен своего существования государство вступило в противоречие с этими принципами. Отдача свободных дотоле общин в «кормление» представителям государственной власти, которые вмешивались в народную жизнь и лишили общину до тех пор неоспоримого ее права на решение возникавших внутри ее вопросов; произвольное обложение общин податями для непонятных народу и чуждых его интересам целей; захват общинных земель и раздача их частным лицам; раздача вотчин и поместий высшим классам и предоставление им права на крестьянский труд; полное закрепощение народа и насилие, насилие, насилие, от насильственного спаивания народа при «тишайшем» Алексее Михайловиче до обращения с помощью военных экзекуций сел в города и насильственного введения культуры картофеля при «незабвенном» Николае—вот те блага, которые приносило народу государство, те приемы, которых оно неуклонно держалось в продолжение всей своей истории. Напрасно г.г. официальные историки стремятся убедить нас в том, что русский народ не только добровольно призвал князей, но и всегда охотно подчинялся государственным порядкам. Это подчинение было настолько же добровольно, как и подчинение малорусского народа польскому или подчинение индийцев англичанам.

Во всех этих случаях было то же насильственное вторжение в народную жизнь, то же непонимание и игнорирование ее склада и особенностей, то же попрание народных прав, и еще неизвестно, который из трех народов более энергично протестовал, настойчивее отстаивал устои исконных бытовых форм своего общежития. До сих пор русское государство оставалось победителем в его борьбе с народом, но кто возь-

мется высчитать шансы этой борьбы в будущем? До сих пор торжество государства было полно и повсеместно. Оно сдавило народ железным кольцом своей организации; пользуясь ее преимуществами, оно с успехом подавляло не только мелкие и крупные народные движения, но и все проявления самостоятельной народной жизни и мысли; оно наложило свою тяжелую руку на казачество, исказило земельную общину; заставило народ заплатить за его исконное достояние — землю — выкуп, превышающий стоимость самой земли; но в то время, когда оно отпраздновало уже тысячелетний юбилей своего существования, когда оно, повидимому, уже нимало не сомневалось в окончательной гибели самобытной народной жизни, народ с полным спокойствием и ничем неразрушимою уверенностью заявляет, что далее так продолжаться не может, что сам царь поймет, наконец, эту невозможность и возьмет на себя почин перестройки общественных отношений в духе исконных народных идеалов. Ничто не могло так горько отравить торжества победителей, не могло нагляднее доказать, что влияние государственности было и остается до сих пор поверхностным, что оно не простирается на умы и воззрения массы, как этот замогильный голос заживо погребенного, но всё еще полного сил и способности к самобытному развитию, народа.

Вот почему правительство забило тревогу и, вопреки всем прежним официальным уверениям относительно того, что русская социально-революционная партия есть не более, как «горсть злонамеренных личностей», не имеющих никакой почвы и влияния в народе,—оно объявило, что ходящие в крестьянстве толки о переделе земли нужно целиком отнести на счет социалистической пропаганды. Оно приписало социалистам такое громадное влияние на народные умы, о котором они до сих пор не всегда позволяли себе даже мечтать. Такова логика официальных заявлений. Справедливость заставляет нас, однако, признать, что в подобной ошибке правительство виновато менее, чем это может показаться с первого взгляда.

Мудрено ли, что не имеющее понятия об особенностях склада жизни и правовых воззрениях народа, из всех событий русской истории знающее лишь историю дворцовых переворотов да летопись дворцовых крупных и мелких интриг, часто забывающее даже историю своих собственных «мероприятий», мудрено ли, говорим, что такое правительство с удивлением и страхом услышавшее о живущих в крестьянстве ожиданиях полного аграрного переворота, объяснило эти ожидания влиянием социально-революционной партии? Оно узнало, что народ не признает за высшими классами права собственности на землю, что он требует не только экспроприации земли у высших классов, но и установления совершенно иных, малопонятных с правительственной точки зрения, форм отношений к ней; оно узнало, словом, что народ ждет социальной революции, и, естественно, обвинило в том социалистов.

Читатель, сколько-нибудь знакомый с ходом возникновения партий вообще, и русской социально-революционной в частности, не нуждается,

конечно, в доказательствах того, что в данном случае следствие принято за причину. Не потому народные воззрения на землю и право владения и пользования ею противоречат воззрениям высших классов, не потому не согласуются они с понятием о собственности, санкционированным сводом государственных законов, что появилась в России социально-революционная партия. Напротив, эта последняя потеряла бы всякий смысл существования, навсегда осталась бы экзотическим растением, неизвестно кем и зачем пересаженным на русскую почву, если бы не было вышеупомянутой розни, если бы она не положила своего отпечатка на всю историю внутренних отношений в нашей стране, не проникала собою всех сфер человеческого общежития. Этою рознью только и вызвана к жизни наша партия, в ней заключаются наши надежды, в ней видим мы залог своего успеха и ее же считаем мы исходным пунктом, операционным базисом нашей революционной работы в народе. Полагаем, что не бесполезно будет остановиться на этом несколько долее.

Наши воззрения на практические задачи нашей партии составляются из двух слагаемых: общих указаний науки и специальных условий русской истории и современной действительности. Мы признаем социализм последним словом науки о человеческом обществе и в силу этого считаем торжество коллективизма в области владения и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строе общества. Мы знаем, что выражение «природа не делает скачков» одинаково приложимо как в сфере явлений природы, в тесном смысле этого слова, так и в ходе развития человеческих обществ. Мы помним, что каждый шаг на пути этого развития строго определяется предшествующей историей общества и его состоянием в данный момент, словом, всей суммой данных динамики и статики рассматриваемого общества. Но мы убеждены также и в том, что паллиативы не исцеляют социальных зол, что всякий общественный деятель должен стремиться провести в общество максимум необходимых и возможных реформ, что, выражаясь кратко, каждый общественный деятель должен быть *радикалом*. Так как экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнению, радикализмом экономическим. Усилия реформатора-радикала должны направляться, главным образом, на максимальное изменение к лучшему общественно-экономического строя, не справляясь о том, мирно или при насильственном сопротивлении со стороны лиц, заинтересованных в сохранении старого порядка, может совершиться это изменение.

Все эти положения суть не что иное, как выводы современной социологии, равно обязательные для всего человечества. Сознательно или бессознательно, следуя или противореча им на практике, с ними считались все реформаторы и революционеры, все общественные деятели от Будды до К. Маркса, от «великого» Ликурга до «маленького» Тьера или ген.-губ. Гурко включительно. Но едва захотим мы приложить эти положения

к практической деятельности в нашем отечестве, едва, вместо условий общественного развития вообще, мы заговорим об условиях русского прогресса в частности, мы, логикой тех же самых положений, обращаемся в русских *революционеров-народников*. Только в формах русской народной жизни находим мы здесь задатки для развития полного коллективизма в отношениях производителей к орудиям труда, только отстаивая эти формы, мы можем найти незыблемую опору в крестьянской массе; в устранении враждебных влияний и расчистке пути для правильного развития этих форм заключается сумма возможных в настоящее время экономических и, стоящих к ним в отношении следствия к причине, политических реформ в России [1]). Но для осуществления этого максимума реформ, нам прежде всего нужно обратить свои усилия на разрушение ныне существующего в нашем отечестве государственного строя. Государству закрепощена главная масса народного труда. Созданное им путем экспроприации земли у народа, малоземелье образует тот контингент искусственно оторванных от родной хаты и нивы батраков, из которого набирают «рабочие руки» фабрики и заводы. Тяжелыми поборами оно заставляет крестьянина искать средства для удовлетворения требований государства на стороне, т.-е. вынуждает его отдавать себя в жертву хозяйской эксплоатации. Оно поддерживает кулачество и ростовщический капитализм в деревне и, таким образом, подбирается к формам народной жизни с самой опасной стороны. Выше мы старались исторически осветить враждебность государства к всестороннему развитию форм народной жизни, теперь указываем на современные отношения народа к государству. Цель нашей статьи будет достигнута, если читатель согласится с нами, что всё принадлежащее последнему будет безвозвратно потеряно для народа, что каждый год его существования стоит народу массу бедствий, несчастий и горя, что оно деморализует народ, стараясь привить к нему формы чуждой ему жизни. Вот почему разрушение государственной организации должно составлять нашу первую задачу. А так как борьба с государством может совершаться только на почве «Земли и Воли», то мы, исходя из вышеизложенных общих положений социализма, приходим к необходимости агитации во имя тех же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и другие, приходим к тому, что мы называем революционным народничеством. Так, понимающий дело русский агроном, руководствуясь общими положениями агрономической науки, выросшей на почве иных условий народонаселения, сбыта, техники земледелия, утилизирует эти положения, сообразно с русскими условиями выгодной эксплоатации почвы.

Вот почему мы называем нашу газету «Черный Передел». В этих двух словах заключается решение крестьянского вопроса, от которого, в свою очередь, зависят все остальные. Конечно, решение это касается

[1]) Более полно эти мысли были развиты нами в № 3 «Земли и Воли» в статье «Закон экономического развития и задачи социализма в России», к которой мы и отсылаем читателя.

только экономической стороны упомянутого вопроса, но экономические отношения в обществе служат субстратом для всех остальных категорий человеческих отношений. Толкуя о «Черном Переделе», о земле, народ забывает, повидимому, о «Воле», т.-е. о той сумме общественных реформ, которая исторически связана с этим словом, даже более, народ нам, повидимому, считает возможным примирить передел земли с существованием современного государства: он ждет этого передела от царя.

Но как бы ни думал в настоящее время народ, от кого бы ни ждал он осуществления его требований, экономическая, поземельная революция неизбежно поведет за собою переворот во всех других общественных отношениях. В знаменитом девизе крупных народных движений воля так же неотделима от земли, как сила неотделима от материи, как следствие неотделимо от причины. Пусть народ ждет поземельной революции от царя, пусть он верит в него, видит в нем своего защитника и ходатая. Но царь, существующий в народном понятии, и царь, сидящий на русском престоле,—так же непохожи друг на друга, как римский народный трибун непохож на восточного деспота, как Кай-Гракх непохож на Шир-Али, и мы утверждаем, что даже происходившее под авторитетным знаменем Пугачевское движение логикою народных требований было бы доведено до полного отрицания царской власти, как мы понимаем ее теперь. А во-вторых, рано или поздно фикция должна исчезнуть перед указанием опыта, народ должен увидеть царскую власть в ее истинном свете.

Социально-революционная партия должна взять на себя заботу, как о скорейшем разрушении этой фикции, так и об уяснении народу и проведении в его сознание всех необходимых следствий ожидаемого им аграрного переворота. Толкая народ в активную борьбу с государством воспитывая в нем самодеятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждым мелким случаем для возбуждения народного неудовольствия и для сообщения народу, путем пропаганды словом и делом, правильных воззрений на смысл ныне существующих и желательных в будущем социальных отношений, социально-революционная партия должна довести народ от пассивного ожидания «Черного Передела», долженствующего совершиться сверху, до активных требований «Земли и Воли», предъявляемых снизу. В этом заключается задача и возможные пределы ее воздействия на народ, только на этом пути ожидает нашу интеллигенцию славное историческое будущее, только на нем и встретит она мост для перехода той громадной пропасти, которая отделяет интеллигенцию от народа чуть ли не со времени крещения Руси и проникновения в высшие классы чуждых народу, выработанных на истощенной почве разлагавшейся Византии, воззрений и понятий.

Все другие пути действия, как бы ни казались они радикальны, как бы много ни сулили они народу, будут ретроградны по своему существу, потому что все они предполагают не только сохранение государства, но и действие с его помощью. Как бы ни приспособлялось государство к народным потребностям и интересам, оно всегда во столько же раз меньше

даст народу, во сколько индивидуалистический принцип, лежащий в основе современного государства (не только русского, но и всякого другого), во сколько этот принцип ниже принципа коллективизма, мирской помощи и солидарности, на которых всегда строилась или стремилась построиться народная жизнь. В этом смысле мы и говорили, что голос народа, требующего аграрной революции, есть как бы голос Божий, указывающий нашей интеллигенции ее истинное, провиденциальное назначение.

С.-Петербург, 14 декабря [1]).

В то время, когда, вслед за наступившим после 1848 года затишьем, в западной Европе снова начало усиливаться рабочее движение, в России стали обнаруживаться революционные тенденции в среде интеллигентной молодежи. Пройдя несколько фазисов и захвативши известную часть рабочего населения, русское интеллигентно-революционное движение остановилось на так-называемом народничестве, которое и составляет ныне преобладающее течение в нашем революционном мире. Какое значение может иметь это движение в общей жизни страны? В состоянии ли оно изменить в течение веков установившееся отношение между народом и государством? В каком отношении стоит русское народничество к западно-европейскому социализму. Эти вопросы, представляющие интерес для всякого, кто рассматривает события нашей внутренней жизни не исключительно с точки зрения уголовного кодекса, естественно, должны быть разработаны изданием, посвященным пропаганде революционного народничества в среде нашей интеллигенции и указанию путей и способов его практического осуществления. В предлагаемом ряде следующих статей мы задаемся целью дать на них посильный ответ.

Прежде всего нужно установить сколько-нибудь определенную и точную терминологию. Это тем более необходимо в виду того, что с народничеством в разных странах и в различные периоды их общественного развития могут быть связаны совершенно различные и даже противоположные друг другу теоретические представления и практические программы.

Название «народно-революционной» может быть отнесено ко всякой партии, ставящей на своем знамени социальную революцию в интересах и согласно с воззрениями и идеалами народной массы. Но, употребленное без всяких оговорок, название это не дает еще никакого представления о характере долженствующего совершиться переворота. Современные ирландские агитаторы были бы народниками-революционерами, если бы, вместо более или менее паллиативных реформ, они указали низшему классу ирландского населения на аграрную революцию, как единственный выход из его бедственного положения. Агитация Гракхов в

[1]) «Черный Передел» № 1.

Риме, равно как и делавшиеся во время Цицерона предложения относительно передела земли, были радикально-народническими в полном смысле этого слова, так как они вполне совпадали с интересами беднейшей части римских граждан и их представлениями о справедливой организации поземельного владения. Но как в современной Ирландии, так и в древнем Риме, аграрная революция могла бы лишь передать право поземельной собственности в руки всего народа, не внося нового принципа в отношения людей к земле. Она могла бы только раздробить частную поземельную собственность, но не уничтожить ее совсем. В каждой из этих стран аграрная община исчезла уже задолго до названных нами аграрных волнений и в населении успело изгладиться всякое представление о коллективной поземельной собственности, по крайней мере, на пахотные земли.

Совершенно иное значение приобретают аграрные волнения в странах, где община является преобладающей формой крестьянского землевладения. Экспроприация крупных поземельных собственников необходимо ведет в этом случае не только к более справедливому распределению экспроприированных земель, но и к замене индивидуального владения ими коллективным, т.-е. обусловливает торжество высшего принципа имущественных отношений. Такой именно смысл имеют живущие в русском народе ожидания черного передела, которые, даже в тех частях нашего отечества, где существует подворно-наследственное владение землею, нередко связываются с представлением об общинном землевладении и душевой разверстке. Вследствие этого социалист, провозглашающий коллективное владение орудиями и объектами труда, по крайней мере, в той части своей пропаганды, которая касается поземельного владения, становится выразителем и обобщителем народных стремлений и, не отказываясь от своего выработанного наукою миросозерцания, он с полным правом может назвать себя *революционером-народником*, в лучшем значении этого слова.

Сочувствие массы земледельческого населения коллективным формам землевладения, в свою очередь, придает своеобразный вид, как постановке социального вопроса, так и практическим задачам социалистической партии в России, сравнительно с ее задачами на Западе.

Чтобы определить и выяснить это различие, нужно обратить внимание на те формы кооперации производителей на Западе, которые служат якобы прообразом организации труда и владения в будущем обществе. Эти формы созданы крупной капиталистической промышленностью. Соединяя в одно организованное целое изолированных производителей ремесленного периода, социализируя труд, она подготовляет почву для социализации владения, которое, со времени разрушения западно-европейской поземельной общины, стало индивидуалистическим, даже по отношению к недвижимой собственности. Так как в настоящее время уже не мыслим возврат к ремесленному изолированному производству, то единственно-возможное решение рабочего вопроса заключается в экспроприа-

ции капиталистов и организации коллективного владения орудиями труда.

Техника современного производства, начавшись социализацией труда, логически-неизбежно ведет к социализации владений, т.-е. к практическому осуществлению социалистических учений. Родившись на фабрике, рабочий социализм проникает и в деревню, вслед за исчезновением мелкой поземельной собственности и капиталистической организации земледельческих предприятий. При господстве индивидуального владения землею, социализация поземельного владения может явиться лишь как следствие социализации труда в таких предприятиях. Неудивительно поэтому, что социалистическая пропаганда встречает самый радушный прием в местностях, охваченных процессом капиталистического производства; напротив, мелкие собственники-крестьяне относятся к ней очень враждебно и составляют надежную опору реакционных партий. Классическим примером в этом случае может служить земледельческое население современной Франции. Но и там концентрация поземельного владения в руках крупных собственников рано или поздно вытеснит господствующую ныне систему землевладения, и французское крестьянство, силою экономической необходимости, вынуждено будет присоединиться к революционной армии городского пролетариата.

Таким образом, капитализм подготовляет почву социализму и является его необходимым предшественником. Но, как мог уже заметить читатель из вышеизложенного, неизбежность капиталистической продукции, как переходной ступени к социалистической организации будущего общества, признается нами лишь для тех сфер имущественных отношений людей, где индивидуализм являлся до сих пор исключительно господствующим принципом. Еще со времени феодализации поземельной собственности на Западе, этот последний вытеснил собою коллективное владение землею; что касается орудий труда, то они по самым свойствам своим требовали единоличного владения и лишь введение машин крупной промышленностью создало конкретную основу для применения к ним коллективного начала.

Поэтому все сферы общественных отношений в западно-европейском обществе должны были пройти чистилище капиталистической продукции, чтобы реорганизоваться на началах коллективизма. Там же, где эти последние проникают собою, по крайней мере, поземельные отношения массы, их дальнейшее развитие и распространение на движимые орудия труда может совершиться естественным путем, конечно, при благоприятных условиях. Коллективные формы владения даже движимой собственностью не представляют чего-либо нового и неизведанного в истории имущественного права. Мы встречаем их на первых ступенях общественного развития и если они, мало-по-малу разрушаясь, уступили, наконец, место торжеству противоположных им индивидуалистических форм во всех известных нам культурных странах, то до сих пор еще вопрос о причинах их исчезновения представляется далеко не решенным окончательно и безапелляционно в сторону внутренней необходимости. Напротив, даже с предвзятою мыслью

предпринятые исследования приводят лишь новые доказательства в пользу того мнения, что исчезновение коллективизма обусловливалось неблагоприятным стечением исторических условий. Они не только не носят в самих себе элементов разложения, но, напротив, при благоприятном стечении обстоятельств, прогрессируют и совершенствуются, налагая свою печать на все предприятия общинников. Стремление к коллективной организации промышленных предприятий было замечено во всех странах, где поземельная община сохранилась в более или менее полном виде.

Таково, напр., развитие артельных промыслов в тот период нашей истории, когда государственный гнет, с одной стороны, не успел еще подавить народной инициативы, а, с другой,—не породил еще того кулачества, которое монополизирует в настоящее время все отрасли промышленности.

Подобное же явление замечается и в Индии, где уже древнейшие законодательства упоминают о «людях, соединившихся с целью содействовать, каждый своими трудами, успеху общего предприятия». Несмотря на множество самых неблагоприятных исторических влияний, эти кооперативно-промышленные товарищества существовали вплоть до английского завоевания. Но, разумеется, применение принципа кооперации возможно только в тех сферах труда, где оно способно повести к увеличению его производительности. Современное состояние, напр., нашего земледелия, господство экстенсивной культуры почвы не благоприятствует общинной эксплоатации полей. Самое употребительное при такой обработке земледельческое орудие—соха, с которою, как известно, с удобством может управляться один рабочий. Разделение труда между отдельными работниками невозможно при подобном состоянии земледельческих орудий, а потому артельная обработка мирских земель не в состоянии была бы увеличить его производительность. В этом нужно искать разгадки того на первый взгляд странного явления, что, несмотря на всю привычку нашего крестьянина к артельной организации, он не применяет своего излюбленного артельного принципа к земледелию. Совсем иное значение имеет этот принцип в других отраслях сельского хозяйства и, вообще, крестьянского обихода. Покос лугов, вырубка леса, рытье канав и т. п. часто требуют дружных усилий всего мира, и здесь мы видим применение коллективного труда.

Таким образом, социализация земледельческого труда может явиться естественным следствием общинного землевладения лишь на известном уровне сельско-хозяйственной культуры. Введение интенсивных способов обработки почвы и более совершенных земледельческих орудий не только не затрудняется, но, напротив, значительно облегчается существованием неразделенной поземельной собственности в общине. А это введение поставит на очередь вопрос об артельной эксплоатации мирских полей. Тогда и пропаганда последней получит, так сказать, экономическую санкцию и будет, без всякого сомнения, плодотворной. В настоящее же время только общинное землевладение и артельная организация народной промышлено

ности составляет практически осуществимую в России часть социалистической доктрины. Поэтому они и должны быть взяты агитационным девизом русской социально-революционной партии. Говорим—агитационным, потому что возможность и пределы *пропаганды* в различных частных случаях могут и должны быть шире требований, непосредственно вытекающих из условий переживаемого Россией фазиса экономического развития.

Так понимаем мы различие, существующее в постановке и способах решения социального вопроса на западе Европы и в России. Но это различие не исчерпывается вышеуказанным. Как это понятно само собою, оно распространяется и на практические приемы нашей партии, что и составит предмет следующих статей.

Лондон, 2 сентября [1]).

Нам, социалистам конца 70 и начала 80 годов, пришлось быть современниками весьма серьезного перелома в общественной жизни России. Когда-то всесильный, нигде и ни в ком не встречавший сопротивления, абсолютизм обнаруживает старческую дряхлость и почти полную беспомощность. В его расслабленном организме жизнь поддерживается только усиленными приемами возбуждающих веществ в виде всевозможных «временных мероприятий», от военной диктатуры до заграничных займов и выпусков новых бумажных денег включительно. Всё искусство придворных знахарей, вся мудрость Зимнего Дворца пущены в оборот, но полученные до сих пор результаты едва ли могут назваться отрадными для бескорыстных и нанятых сторонников абсолютизма.

Это и неудивительно. По традиционной привычке—искать в казарме разрешение общественных вопросов, перепуганный самодержец решил, что храбрый генерал непременно должен быть «мудрым правителем» и, не долго думая, произвел «фельдфебеля в Вольтеры». Лорис-Меликов был облечен полномочиями, неслыханными в России со времен «Царя Земщины», блаженной памяти татарина Симеона Бекбулатовича. Занявши свой высокий пост, Михаил Тариэлович принялся спасать «порядок», «семью», «собственность» и всё, к чему взывают предержащие власти, когда начинают опасаться за свои прерогативы. Он «карал», «миловал», обещался чего-то «не потерпеть», кого-то призвать к «содействию власти», а в последнее время отважился даже на переименование III-го Отделения, со всеми его чадами и домочадцами, в департамент полиции политической. Но, вопреки уверению сикофантов, его воззвания не содержали в себе решительно ничего оригинального, его «реформы» оказались тем низкопробным политическим шулерством, в области которого наше правительство составило себе такую печальную известность.

[1]) Из «Черного Передела» № 2 1880 г.

Некоторая разница между нашими «помпадурами борьбы» замечается только в слоге. Михаил Тариэлович любит «штиль» высокий и просит общество о «содействии власти». «Сам» предпочитает язык, если не совершенно «подлый», то, во всяком случае, простой и безыскусственный. «Господа, говорит он, многие из вас—домовладельцы, следите, пожалуйста, за своими жильцами». В «добром русском сердце» такая откровенная просьба находит даже более сочувственный отклик, чем псевдо-либеральное красноречие бывшего диктатора. Это доказывается тем, что в ответ на призыв самодержца слушатели гаркнули немедленное и дружное «ура», между тем, как читатели Лорис-Меликовской прокламации и до сих пор продолжают чесать у себя в затылке. Что же касается сердец, лишившихся своей первобытной чистоты под тлетворным влиянием Запада, людей, недовольных современными русскими порядками, то опыт показал уже, как относятся они к правительственным просьбам о помощи и обещаниям реформ. О социалистах, разумеется, нечего и говорить. Эти люди до такой степени испорченные, что беседы с ними возможны только в застенках «департамента полиции политической». Но стоит припомнить земские адреса, записку профессоров Петербургского университета, стоит раскрыть книжку сколько-нибудь честного журнала, развернуть номер мало-мальски чистоплотной газеты, чтобы увидеть, как глубоко пал абсолютизм в общественном мнении. Обязанность вынимать правительство из петли, которой оно само себя захлестнуло, общество не отделяет и не может отделить от права участия в управлении и его контроля.

Тлетворное влияние Запада сказалось на всем общественном мнении, и правительству волей-неволей придется пойти на уступки. Александр Николаевич пока еще не понимает всей безысходности своего положения. Повидимому, он надеется еще поддержать колеблющуюся «храмину» абсолютизма соединенными силами дворников, полиции, жандармерии и всех забалканских и закавказских героев. Но, отличившиеся «в делах против неприятеля», полководцы не обнаруживают никаких талантов в походе против духа времени; высочайше пожалованные в соловьи кукушки остаются кукушками. А положение дел с каждым днем ухудшается. Невыносимая духота чувствуется во всей общественной атмосфере. Все сознают крайнюю ненормальность современного положения, все ищут выхода из него, но в умышленно поддерживаемой правительством темноте все бродят ощупью, сталкиваются, ушибаются, посылают друг другу проклятия и постоянно натыкаются на новые препятствия. «Слово и дело государево» распространяет настоящую панику, шпионство достигает небывалых размеров, и даже дети играют в военные суды и смертные приговоры.

Над Россией тяготеет проклятие, налагаемое историей на всякую отсталую и развращенную страну. Сама природа как будто ополчается на наше несчастное отечество и поражает его целым рядом бедствий. Неурожай, засуха, жучки, черви, голод, пожары, эпидемии, эпизоотии и

т. п. и т. п.—вот чем полны отделы внутренних известий наших газет; вот картина, по яркости красок, не уступающая картине египетских казней. Ни в чем неповинный народ бедствует, голодает, разоряется окончательно. Вслед за последнею коркою хлеба, он потеряет также и терпение. Как предвестники приближающейся грозы, то здесь, то там вспыхивают волнения. В некоторых местах крестьяне отказываются платить недоимки и ободряют себя тем соображением, что «хуже не будет». «Хуже не будет, хуже невозможно»—это вопль отчаяния, в котором народы, как и отдельные личности, решаются на всё, трусы делаются героями, самые слабые люди—силачами.

Так продолжаться долее не может. Общество увидит, наконец, всю глубину пропасти, на край которой привело его правительство, и, движимое чувством самосохранения, добьется необходимых реформ. В противном случае Гордиев узел современной безурядицы будет разрублен топором крестьянина.

Но вероятнее первый исход. Один из Александров—II-й или III-й—это, в сущности, все равно, вынужден будет высочайше пожаловать конституцию, которая удовлетворит интересам высших классов. На минуту нарушенное согласие между ними и монархом восстановится, голодающему народу кинут корку-другую хлеба, охранителей из «департамента» заменят охранители из Земского Собора, и «порядок» будет восстановлен, к общему удовольствию всех, заинтересованных в его сохранении.

В этом споре за власть между отживающим абсолютизмом и нарождающейся буржуазией, какую роль будут играть социалисты? Сосредоточат ли они свои силы на политической борьбе, или найдут для себя в народе дело более плодотворное, более достойное партии, написавшей на своем знамени экономическую революцию в интересах трудящихся масс?

Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь—желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем. «Света, больше света».—На этом требовании сойдутся все честные и уважающие себя люди в России. Но кроме выгод, которые несомненно принесет с собою политическая свобода, кроме задач ее завоевания, есть другие выгоды и задачи; и забывать о них невозможно именно в настоящее время, когда общественные отношения так обострились и когда, поэтому, нужно быть готовыми ко всему.

Кризисы, переживаемые обществом при замене одного режима другим, всегда сопровождаются некоторым брожением в народе; при благоприятных условиях оно разрешается рядом более или менее сильных волнений. И это понятно. Народу всегда тяжелее всех других классов приходится расплачиваться за ошибки правительства. Отсюда—недовольство, с особенной силой проявляющееся в минуты правительственной дезорганизации. Так было во время Великой Революции во Франции, так было в Германии в 1848 г. Народ возобновлял свою вековую распрю с господствующими классами и поджигал помещичьи замки, не справляясь о консервативном или либеральном образе мыслей их владельцев. Исходы таких волнений определялись, конечно, всей суммою современных им условий. Но в алгебраической сумме последних весьма значительную отрицательную величину—всегда составляло отсутствие в народе сплоченности, единства и организованности действий. В то время иначе и быть не могло. Крестьянские массы только в редких, исключительных случаях способны выдвинуть из своей среды достаточное количество организующих и руководящих элементов. Интеллигенция же того времени почти целиком стояла на стороне буржуазии и на благо народа смотрела сквозь призму интересов 3-го сословия. Это опять таки было естественно тогда, но совершенно непозволительно для социалистической интеллигенции нашего времени. Было бы очень печально, если бы, увлеченные политической борьбой, мы предоставили народным волнениям совершаться без нашего участия, воздействия и влияния. Поступая таким образом, мы собственноручно подписали бы себе патент на беспочвенность, который так усердно навязывают нам наши враги. Социалистическая «партия» без почвы и влияния в народе, без заботы о их приобретении—это non sens, «штаб без армии», мнимая величина, не имеющая значения в ходе общественной жизни страны. С такою партией было бы не нужно считаться ее врагам, они могли бы игнорировать ее требования, без всякой серьезной для себя опасности.

Итак, рассуждая даже исключительно с точки зрения нашего влияния на ход политических событий в России, мы должны поставить деятельность в народе превыше всех задач, как источник нашей силы и наших успехов в борьбе с врагами, которых в конституционной России у нас, конечно, будет не менее, чем теперь, и которые всеми силами будут стараться затруднять нашу деятельность, помешать нашей пропаганде, объявить нас вне закона.

Но какую же проповедь понесем мы в эту среду, какие задачи и цели укажем мы ей, как наиболее важные и легче всего достижимые? Экономический вопрос всегда и везде был и будет сильным, жгучим, самым существенным вопросом для трудящихся масс. С точки зрения этого вопроса они определяют свое отношение к существующему порядку вещей, благословляют или проклинают появление нового, отталкивают или поддерживают различные партии. Выступая активно в моменты общественных кризисов, народ преследует именно цель своего экономического освобождения. Вопросы политические имеют для него второстепенное значение, если не игнорируются им совершенно. В этом—несчастие всех дворянских и буржуазных партий и—залог несомненного успеха для социалистов, которые признают коренную важность экономического вопроса и решают его в

пользу трудящихся масс. Но здесь же и предостережение для социалистической интеллигенции. Всякое ее уклонение с пути экономической революции будет наказываться ослаблением ее связи с народом, потерей ее значения, падением ее влияния в народной среде.

Вот почему, при всем нашем сочувствии политической борьбе, на которую устремилось уже не мало сил, когда-то работавших вместе с нами, мы говорим, что борьба эта имеет лишь второстепенное значение; вот почему мы говорим: современное положение дел в России не только не требует сосредоточения *всех* наших сил на политической арене, но более, чем когда-либо, вызывает спрос на них со стороны народа.

* * *

«Но, говорят нам, деятельность в народе так затруднена; мы окружены в деревне целой сетью шпионов; каждый шаг наш наблюдается и принимается к сведению; о работе сколько-нибудь продолжительной нечего и думать. Мы должны от нее отказаться, если не хотим «тратить все силы на то, чтобы биться около народа, как рыба об лед».

На это мы заметим, что мы сами виноваты, если не воспользовались многими представлявшимися нам случаями усилить свое влияние и сделать популярным свое имя в народе. Стоит лишь припомнить волнения казаков на Урале, в Полтавской станице Кубанского Войска и на Дону; стачки рабочих в Серпухове, Костроме, селе Тейкове, наконец, в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе, чтобы увидеть, как обильна была наша жатва, и как мало оказалось жнецов. Во всех этих случаях социалисты не сделали и сотой доли того, что они должны были и могли сделать даже при существующих политических условиях. А сколько крестьянских волнений стало нам известно только тогда, когда «порядок был восстановлен», о скольких из них мы совсем не имели сведений? Одно только Чигиринское дело было попыткой утилизировать спорадически вспыхивающие в крестьянстве волнения, с целью создания в его среде более или менее широкой революционной организации. И результаты этой единственной в своем роде попытки едва ли подтверждают основательность вышеизложенных пессимистических взглядов. Крестьяне так горячо относились к вопросу своего освобождения, так охотно примыкали к организации, что неожиданно-обширное распространение ее, можно сказать, и погубили дело. Но случайность болтливости одного из членов могла бы быть устранена более осмотрительным приемом новичков в организацию; это сообщило бы ей устойчивость, и тогда, как знать, чем окончилось бы дело? Говорить ли о городских рабочих? Повторять ли, что Малиновские, Обнорские, Петры Алексеевы, Петерсоны и т. д. служат наглядным доказательством плодотворности нашей деятельности в рабочей среде. Лет 20—25 тому назад группа рабочих социалистов в России была бы «чудом родины своей», а в начале 80 г.г. нам пришлось услышать об аресте тайной типографии петербургских рабочих и о готовящемся к изданию социалистическом рабочем листке.

Мы не спорим, немало неудач пришлось нам пережить, но причины их надо искать не в свойствах народной среды и—по крайней мере, часть,—не в современных политических условиях, а в собственной нашей неловкости, в нашем собственном неумении. Но и это—болезни излечимые. Ряд наших недостатков располагается во времени, по убывающим, а не по возрастающим степеням. Но довольно об этом. Наша статья переросла уже намеченные для нее размеры, и мы почти до пост-скриптума должны были отложить многие, весьма существенные вопросы. Приемы революционной деятельности в народе должны прежде всего занять остающееся место. Перейдем же к их рассмотрению.

Выше мы постарались показать, что социалистическая интеллигенция лишится почвы в народе, если хоть на время откажется от преследования задач революции экономической. Мы говорили, что в минуты, когда народное внимание будет возбуждено политическими событиями в стране, социалистическая пропаганда—словом и делом—приобретет особенно важное значение и особенно внимательных слушателей; мы утверждали также, что если начнутся в народе волнения, на обязанности нашей интеллигенции лежит их расширение, организация и внесение в них возможно более широкой революционной идеи. Но для этого нужно иметь предварительно связи в народе, нужно упрочить свое положение в его среде. И чем скорее будут исполнены эти подготовительные работы, тем спокойнее мы будем смотреть на приближающиеся события, тем увереннее пойдем мы к своей цели.

Переход орудий и объектов труда в руки трудящихся—такова формула ее выражающая, таков девиз социалистической революции. И что бы ни принесли с собою грядущие события, мы никогда не должны терять ее из виду.

Трудная и долгая работа ее достижения не подходит, разумеется, под раз навсегда установленные шаблоны, не укладывается в неизменных рамках, а разнообразится в связи с условиями времени и окружающей среды. Устная и письменная пропаганда должна вносить в сознание народа идею социалистической революции со всеми ее выводами и последствиями. Но при настоящих условиях социалистическая пропаганда должна вестись тайным образом, при запертых дверях и опущенных сторах. Поэтому она поневоле будет затрагивать только отдельных личностей. Чтобы влиять на массу, нужно изыскивать другие способы действий. Посредственно или непосредственно, они заключаются в слове «агитация». В русской социалистической литературе достаточно уже занимались разработкой вопроса о значении агитационных приемов. Поэтому мы излишним считаем приводить новые аргументы в их пользу. Интереснее вопрос о точках опоры для нашей агитации, тех исходных пунктах ее, которые в главных чертах всегда могут быть указаны для данной среды и известного времени. Имея дело с массой, всегда можно указать среднюю арифметическую недовольства составляющих ее единиц, найти ту струну народного сердца, которая больнее всего затрагивается окружающей действительностью. Для русского крестьянина такую больную струну состав-

вляет, без сомнения, вопрос аграрный. Крестьянин с завистью смотрит на барскую и казенную землю; он недоволен своим наделом, задавлен ложащими на нем платежами; он ждет аграрных перемен, «черного передела», «слушного часу» и т. п. Но вместо хлеба, правительство и высшие классы подают ему камень. И по временам терпение его истощается, долго накоплявшееся недовольство прорывается пассивным сопротивлением или открытым бунтом. Тогда готова почва для социалистической агитации. Революционер должен явиться обобщителем частных причин народного недовольства, подвести их к знаменателю экономической революции, поддержать стойкость и энергию в протестующей массе. Насколько удастся ему эта работа в каждом частном случае, предсказать, конечно, невозможно. Масса не всегда одинаково настроена в пользу радикального решения волнующих ее вопросов. Но в этом направлении должны влиять на нее социалисты. Недоконченное в одном случае, довершится в другом, пропаганда дополнит влияние революционера на отдельных, выдающихся личностей, организация свяжет их в один революционный союз, образует из них звенья одной цепи, и основания народной социально-революционной партии, в данной местности, могут считаться заложенными.

Но, говоря об агитационном способе действий, мы должны коснуться тех сторон его, которые, при недостаточно внимательном к ним отношении, легко могут сделаться отрицательными. По нашему мнению, Сцилла и Харибда агитации лежит 1) в так называемых ближайших, минимальных требованиях и 2) в предрассудках массы, с которыми агитатору, во всяком случае, приходится считаться. Устремляясь на путь первых, мы из социалистов-революционеров превратились бы в социальных реформаторов; излишний оппортунизм по отношению к народным предрассудкам может привести нас к самым опасным компромиссам.

Аграрная революция, как выражается она в народных требованиях, сама по себе есть минимум в сравнении с задачами и требованиями социализма. Ставя эту революцию исходным пунктом своей агитации в народе, мы должны всеми силами стараться обобщать и расширять ее требования в социалистическом духе, а не урезывать их, отвлекая внимание народа на различные паллиативы. Организация поземельного кредита, увеличение наделов, уменьшение податей, расширение крестьянского самоуправления и ограждение его от произвола администрации—все эти и подобные им требования могут служить *поводом* для агитации, в том или другом частном случае. Но единственной *целью* ее должно быть приведение их к одному общему знаменателю экономической революции. Предлагать же эти полумеры всей массе крестьянства, как средство серьезных улучшений в ее судьбе—значило бы упрочивать, а не разрушать существующий ныне общественный строй. Сказанное относится ко всем моментам народной жизни, не исключая момента политических преобразований в России. В последнем случае, как и во всех других, на подготовленную ходом событий почву мы должны бросать семя экономической революции, хотя бы всходы не везде обещали быть одинаково хорошими.

Перейдем к вопросу о политических суевериях массы, расстаться с которыми ей иногда труднее, чем вступить в открытый бой с ее угнетателями. Может ли социалист утилизировать эти предрассудки для целей революции? Встретивши на страницах «Черного Передела» рассказ о Чигиринской попытке наших товарищей, многие приняли нас за апологетов такой утилизации. Но это ошибка. Ниже мы перепечатываем письмо, помещенное нами в польском социалистическом издании «Rownosci». Читатель может видеть из него, как относимся мы к «Чигиринскому делу». Здесь же мы скажем вообще, что вливание нового вина в старые меха совершенно неблагодарная работа, осужденная историей на полное бесплодие. И на страницах «Черного Передела» немыслима программа, ищущая в народных предрассудках опоры для социально-революционной деятельности, видящая в них фундамент и основу народного освобождения. Чем скорее и полнее совершится разрушение политических идолов народа, тем скорее пробьет час его экономической свободы. Социалистическая агитация всегда должна иметь в виду эту зависимость и не щадить усилий в борьбе с политическими суевериями массы. Только при соблюдении этого условия, созданные в народе революционные организации будут обнаруживать устойчивость и жизненность, растущие вместе с его сознанием и политической опытностью.

Заканчивая теперь нашу статью, мы нелишним считаем сделать небольшую оговорку. Когда мы говорили об условиях и способах социалистической деятельности в России, мы имели в виду, главным образом, крестьянскую среду. Мы указывали на важность агитации в этой среде, на необходимость сплачивания и организации выдвигаемых ею революционных сил; мы старались формулировать требования, во имя которых может совершиться слияние социалистической интеллигенции с массой земледельческого населения. Но это не значит, чтобы в *целях* наших лежал какой-нибудь особенный, крестьянский социализм. Мы совсем не отрицаем значения революционной работы в наших промышленных центрах. Такое отрицание невозможно для нас уже и потому, что мы не в состоянии определить заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в России. В настоящее время промышленное развитие России ничтожно, и понятие «трудящиеся массы» почти покрывается понятием «крестьянство». Поэтому, говоря о практической деятельности, мы, главным образом, имеем в виду экономический быт, нужды и требования земледельцев. И если грозе социального переворота суждено предупредить значительные изменения в общественном строе России—главный интерес этого переворота сосредоточится на вопросе аграрном. Но пока мы делаем свое дело, русская промышленность также не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли, и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим, центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам.

Распределение наших сил должно сообразоваться с этим органиче-

ским процессом. Укрепившись на фабрике и в деревне, мы займем позицию, соответствующую не современному только положению, но всему ходу экономического развития России. Написавши на своем знамени девиз:—«рабочий, бери фабрику, крестьянин—землю», связавши в одно целое революционные организации промышленных и земледельческих рабочих, мы можем предоставить ход экономических изменений в России их естественному течению и не бояться их колебаний в ту или другую сторону.

Об издании Русской Социально-Революционной Библиотеки.

В течение последних лет всё более и более ощущалась потребность в пополнении существующей на русском языке социалистической литературы. Мы имели, правда, за это время несколько периодических социально-революционных изданий, но они не могли пополнить наших литературных пробелов.

Эти издания не имели и не могли иметь в виду теоретических вопросов социализма. Дело в том, что ко времени их возникновения, т.-е. к концу 1877 и началу 1878 г.г,—наша социалистическая партия имела уже за собою опыт предшествовавших лет борьбы. На основании этого опыта подвергались критике старые способы действия, вырабатывались новые программы, проектировались новые практические приемы. А между тем, с прекращением заграничных социалистических изданий, единственным средством обмена мыслей по всем этим, не терпящих отлагательства, вопросам оставались единичные встречи тех или других лиц, или, так называемые, «сходки» социалистов. При многолюдности среды, в которой подымались эти вопросы, при постоянно-возраставшей бдительности полиции и отсутствии системы в возникавших на сходках прениях, ни тот, ни другой из названных способов не могли удовлетворить нуждам партии.

Жизнь настойчиво требовала расширения социалистической аудитории. Начиналось горячее, тревожное время. Завязывалась борьба, ребром поставившая многие, до тех пор неясно формулированные, вопросы. Выстрел Веры Засулич, ее оправдание присяжными; демонстрация перед зданием суда; демонстрация по поводу убийства Сидорацкого; стачка рабочих на Новой Бумагопрядильне и другие факты, столь же значительной революционной важности, популяризировали имя партии, обращали на нее внимание даже тех, кто до той поры вовсе не знал о ее существовании или объяснял все интригами внешних врагов. Пульс революционера забился сильнее, чем когда бы то ни было. В вихре событий, следовавших одно за другим с небывалой быстротой, чувствовалась необходимость столковаться, выработать общий план действий, обеспечить себе возможность говорить сразу нескольким тысячам человек. Тогда участились прокламации Петербургской Вольной типографии, появились номера социалистических газет. С тех пор, каждый деятельный и обладавший средствами кружок должен был включить издание органа в число своих необходимых функций.

Но то же самое положение дел, которое вызвало к жизни наши периодические издания, не позволяло им отвести много места теоретическим вопросам. Занимаясь обсуждением условий и шансов практической борьбы, они, естественно, носили на себе по преимуществу агитационный характер. Поставленная им самой жизнью задача заключалась в том, чтобы, при данных силах социально-революционной партии в России и при данном сопротивлении со стороны правительственной организации найти способы действий, которые сделали бы наиболее производительными наши неизбежные затраты. Необходимость и неизбежность социальной революции в современных европейских обществах, теоретические положения социализма служили первыми посылками при решении этой задачи и считались как бы не требующими доказательств и более детальной разработки. Их общею догматической формулировкою начиналась большая часть руководящих статей. И это не удивительно. Наши «подпольные» издания имели в виду определенный круг читателей, с которыми им не было нужды условливаться на счет своих исходных пунктов. Такими читателями были убежденные социалисты. Но если окончательно сложившийся социалист, во всем, что касалось оценки его практической деятельности, и не нуждался в иных способах аргументации, то не нужно забывать, что никакое новое учение, никакая новая партия не могут безнаказанно игнорировать теоретических вопросов. В России эта истина имеет бо́льшее, чем где бы то ни было, значение. До невероятности напряженная борьба с правительством не позволяет социалисту-революционеру спокойно заниматься пополнением пробелов в его образовании. У него нет для этого ни времени, ни подходящих условий. Попавши с самых молодых лет под огонь полицейских преследований, он часто не имеет даже комнаты, которую он мог бы назвать своею. Целые месяцы, а иногда и годы, он не имеет определенного местожительства. Он ведет скитальческий образ жизни и, вставши утром, не всегда знает, где найдет приют на следующую ночь. При таких условиях умственные занятия, если не совершенно невозможны, то крайне затруднены. Заинтересованный тем или другим историческим вопросом, тем или другим общим положением социализма, он не может читать многотомных исследований, не может искать в легальной литературе необходимых для него фактических данных. Да и много ли даст эта литература, в стране, где даже «Курс Позитивной Философии» Конта считается запрещенным сочинением. А между тем, не только умственные привычки и потребности, но и практическая польза могут требовать от социалиста увеличения его умственного багажа. Успешность пропаганды в среде интеллигенции или городских рабочих и не только социалистической теории, но и практических способов действия, находится иногда в прямой пропорциональности с разносторонностью образования пропагандиста.

Социалистическая литература одна могла придти в этом случае на

помощь практическим деятелям. Не задаваясь фантастически-широкими целями, она должна была представить систематическое и обстоятельное изложение социалистической доктрины, историю и связь этой последней с различными сторонами современной ей общественной жизни, обработать, с социалистической точки зрения, хотя бы важнейшие эпохи исторической жизни человечества. В своем изложении, отдельные книги и брошюры, с большим удобством, чем периодические издания, могли бы приспособляться к различным фазисам умственного развития читателей, к различным степеням выработанности их миросозерцания. Это было бы одним из незаменимых их преимуществ, так как рядом с убежденными социалистами, в числе читателей наших изданий, находились люди, еще не успевшие подвести итога своим теоретическим сведениям и своему жизненному опыту. Они не удовлетворялись уже тою спутанностью понятий, тем слабым намеком на определенность воззрений, которыми, волей или неволей, довольствуется наша многострадальная легальная литература, но они не перешли еще на другую сторону пропасти, отделяющей цензурное миросозерцание русского обывателя от миросозерцания социалиста. Эта пропасть так велика, что только очень немногие могли перескочить ее без посторонней помощи; лишь очень счастливая комбинация обстоятельств давала возможность самостоятельной выработки социалистических воззрений. Понятно, что насущная необходимость не только пополнять наши потери, но и постоянно увеличивать численность рядов социалистической партии, не соответствовала медленности и случайности такой выработки личностей. Нужно было ускорить этот переход из неопределенной оппозиции в ряды революционного социализма, надо было построить мост, по которому без труда и риска обессилеть в дороге могли бы перейти к нам эти люди, ищущие теоретической истины и житейской правды. Нужно было популяризировать, разрабатывать в деталях, освещать с различных точек зрения те общие посылки, которые служили исходною точкой в изданиях, трактующих о способах практической борьбы.

Мы до сих пор не исполнили этой обязанности или, если угодно, исполнили ее в весьма несовершенной степени.

На столе вещественных доказательств фигурируют, правда, во многих процессах, сочинения Бакунина, издания редакций «Вперед» и «Работника». Некоторые из них носят на себе печать недюжинного таланта и разносторонней эрудиции. Их изложение разнообразится от отвлеченной беседы с европейски-образованным читателем до сказки, понятной и десятилетнему ребенку. Но, не говоря уже о том, что эти издания становятся всё реже и реже, что трудность удовлетворения спроса на них возрастает с каждым годом, составленная из них библиотека все-таки не отличалась бы достаточной полнотой. Сочинения эти выходили в свет независимо одно от другого. Общего плана издания возможно более полной и разносторонней серии социалистических сочинений в то время не существовало. Эта неполнота и бессистемность сделала то, что русская социалистическая литература, с самых первых времен своего возникновения, не могла

совершенно удовлетворить требовательности читателей из среды, так называемой, интеллигенции. В течение же последних лет мы вовсе не обращали внимания на теоретическую литературу, несмотря на то, что в начале 80-ых г.г. читатель может быть в этом отношении требовательнее, чем был он десять лет тому назад. Если условия русской действительности требовали сосредоточения нашего внимания на поприще практической борьбы, то теоретическая работа шла своим обычным путем в среде западно-европейских социалистических партий. Литература последних обогащалась новыми приобретениями. Практическая жизнь также не стояла на одном месте, и во второй половине последнего десятилетия совершились события, заслуживающие полного внимания социалистов всех стран и народов. Таковы—волнения рабочих в Америке, ирландская аграрная агитация, конгрессы французских рабочих и т. п. Русский читатель узнает о них лишь по корреспонденциям цензурных газет, так как, заваленные материалами, наши периодические издания только изредка могли бросить беглый взгляд на общественные движения Запада.

Нам кажется, что настала пора серьезно задуматься об исправлении указанных недостатков. Чем ожесточеннее становится наша борьба с правительством, чем чаще сыплются на нас его удары, чем более усложняются условия, в которых нам приходится жить и действовать, тем крепче мы должны сжимать в своих руках спасительную нить наших руководящих принципов, тем чаще мы должны обращать на нее внимание всех окружающих, чтобы и они могли видеть и осязать ее во всей ее реальности. В лабиринте непредвиденных политических событий она предохранит нас от неразумных компромиссов и не позволит нам уподобиться библейскому Исаву, продавшему свое первенство за чечевичную похлебку. В потоке грязи и лжи, который выливают на нас наши противники, она поможет беспристрастному свидетелю отличить правого от виноватого, понять стремления социализма.

Так понимаем мы значение социалистической литературы для пропаганды наших идей в среде интеллигенции. Народная литература заслуживает не меньшего внимания со стороны русских социалистов.

Наши издания для народа состоят, главным образом, из более или менее талантливо написанных тенденциозных рассказов. Сказка составляет преобладающий элемент в этой литературе [1]). Характеристическою чертою последней является единообразие того среднего типа читателей, к пониманию которого приспособляется язык и способ аргументации авторов. Читая наши народные издания, можно подумать, что среда, для которой они предназначаются, не представляет резких различий по умственному развитию, общественно-экономическому положению и наиболее жизненным интересам ее отдельных составных частей. Можно подумать, что приемы и способы социалистической пропаганды остаются еди-

[1]) Просим иметь в виду, что все сказанное нами по поводу социалистической литературы на «русском» языке—относится, собственно, к великорусской литературе.

нообразными и неизменными, как в ватаге рыбаков на Волге, так и между рабочими больших городов, в станице казачьего войска и в мастерской мелкого ремесленника уездной глуши.—Даже более. До появления «Паровой машины» на малорусском языке, мы не имели ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помним о разноплеменном составе Российской империи. Предназначая свои народные издания для всего трудящегося люда, от одного конца России до другого, мы не приняли во внимание того обстоятельства, что русское государство состоит из различных народностей, вполне сохранивших, в низших слоях населения, свою национальную самобытность и свой язык. «Сказку о четырех братьях» могли понимать только великоруссы; Емелька Пугачев считался годным для оживления революционной традиции, как в Поволожье, так и в Малороссии, воспевающей своих народных героев, имевшей свои массовые движения. Как известно, проповедники христианства были в этом отношении практичнее, чем мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествии Святого Духа и о получении дара говорить на всех языках.—Практика не могла, разумеется, выиграть от такого рода приемов. Ставя солидарность интересов всего трудящегося мира как идеал, нельзя считать понятие о ней присущим миросозерцанию народа; помимо воздействия социалистов, нельзя считать ее исходным пунктом революционной пропаганды. Задача последней заключается не в том, чтобы предложить народу эту солидарность, как готовый абстрактный вывод, как догмат откровения, а в том, чтобы сделать самый процесс обобщения интересов трудящихся единиц понятным и доступным уму крестьянина, рабочего или казака. Перед их глазами, применяя способ наглядного обучения, нужно разложить формулу солидарности на ее составные части, которые содержит в себе обыденная жизнь. В этом заключается смысл и значение, так называемой, пропаганды или агитации на почве местных интересов. Но для их успехов социалистическая литература не должна игнорировать местные, национальные, исторические или экономические особенности, а, напротив, совершенно приспособить к ним свою деятельность и, уже исходя из всем понятных, местных интересов, стараться сглаживать шероховатости, примирять существующий между различными народностями или группами трудящихся антагонизм.

Возьмем хоть Казацкое Донское Войско. Как крестьянину, так и казаку прежде всего бросается в глаза экономическая и правовая разница их положения. Отсюда—антагонизм, заставляющий крестьянина с завистью посматривать на огромный, сравнительно, надел донца, а этого последнего презирать «мужика».—Наши народные революционные издания имеют в виду, как мы уже говорили, средний тип читателя. Этим типом служит крестьянин. Спрашивается, полагают ли русские социалисты совершенно оставить в покое казачество и, если нет, то какой успех будет иметь в казачестве революционная брошюра, трактующая о нуждах мужика, написанная крестьянским языком?—Факты показывают, что даже эти брошюры встречают там хороший прием и они делают свое дело,

если сопровождаются дельными комментариями. Но если почва для социалистического воздействия там хороша, то это тем более заставляет жалеть о полном отсутствии специально к ней приспособленных орудий ее возделывания. Действительно, мы не имеем ни одной книжки, ни одной прокламации, которая пыталась бы разъяснить казачеству его истинное отношение к государству, указать на выход из этого положения, на необходимость солидарности с презираемым на Дону мужиком. То же, разумеется, нужно сказать и о войске уральском и черноморском.

Если от казачества перейти к городским рабочим, то картина, представляемая нашею революционною литературою, не станет утешительнее. Можно сказать без преувеличения, что слой заводских рабочих совершенно лишен всяких подходящих для него социалистических изданий. Прежде всего, это—в большинстве случаев—городские мещане. И хотя их контингент и пополняется, частью, крестьянами, но эти последние, попавши в экономические условия, совершенно отличные от деревенских, скоро свыкаются с своим положением и приобретают все привычки постоянного жителя больших городов. Заводский рабочий, конечно, не перестает интересоваться земельным вопросом, но уже с точки зрения чисто-отрицательной. Не занимаясь более земледелием, и как знающий ремесло человек, не видящий выгоды в возврате к нему, он мечтает лишь о том, чтобы отделаться от лежащих на его наделе податей, которые часто превышают доходность земли. Центр тяжести его интересов заключается в вопросе о заработной плате, цене на квартиры и предметы первой необходимости или даже комфорта. Процесс капиталистического производства захватил его в свой механизм и наложил свой отпечаток на все его интересы, привычки и миросозерцание. Относительная высота его заработной платы дает ему возможность занимать комнату, а не угол [1]), жить и питаться до некоторой степени по-человечески, возвышает его потребности, и, в то же время, над его головой постоянно висит Дамоклов меч безработицы и полного, беспомощного нищенства. Неопределенность его положения делает его неподвижным, восприимчивым и недовольным. Он не презирает более немецкого платья,—он щеголяет им в праздник и тратит на него значительную часть заработка. Он чуждается деревенских оборотов речи и уснащает свои фразы иностранными словами; он хочет казаться образованным. Впрочем, выражение «*казаться*» было бы не совсем правильным. Жизнь в больших центрах разрушает в нем то равновесие, которое характеризует миросозерцание земледельца экономически-отсталой страны, и делает из него скептика, превращает ум его в tabula rasa, на которой жизнь постепенно очерчивает новый, более широкий кругозор. Эта умственная переборка вызывает действительное желание знать и учиться. Заводские рабочие следит за газетами, на столе более развитых из них появляются книги. Много ли даст им при таких условиях какая-нибудь «*Сказка о копейке*»?

[1]) Все, что мы говорим здесь о заводских рабочих, не относится к так называемым, чернорабочим, живущим нисколько не лучше крестьянина.

Аграрный вопрос представляет мало интереса для заводского рабочего. Самый способ аргументации и изложения наших народных изданий не соответствует степени его умственного развития. Возбудивши работу мысли в мозгу рабочего, вызвавши множество сомнений и недоразумений, они не дают и не могут дать на них ответа. Ему остается или искать разрешения интересующих его вопросов в беседе с пропагандистом, или приняться за чтение цензурных книг. Ни то, ни другое не в состоянии вознаградить рабочего за недостаток, доступной для его понимания, социалистической литературы. В стране, где сыщик может применить к себе слова писания: «Иде-же бо еста два или трие—ту есмь посреде их»—большие собрания очень затруднены, а частный, единичный обмен мыслей поневоле отличается отрывочностью и отсутствием системы. И чем больше будет возрастать число новообращенных, тем труднее будет социалистам заменять живою речью недостаток печатного слова. Наконец, нужно принять во внимание и то обстоятельство, что работа предшествовавших лет создала в рабочей среде известный контингент социалистов, контингент, который своими размерами перерос возможность личного воздействия наиболее развитых единиц. Что же касается до легальной литературы, то ее служение делу проповеди социализма может быть только косвенным. Она может дать материал, представить факты, исследования, которые, при правильной критике, послужат уяснению социалистических задач; но дело подобного рода критики—не ее дело. Большинство ее представителей или враждебно, или индифферентно по отношению к социализму. Наконец, существующие цензурные условия запрещают «вредные учения социализма и коммунизма». Ко всему этому нужно прибавить, что рабочий имеет слишком мало времени, чтобы в куче печатного хлама найти глубоко зарытое зерно истины, чтобы разносторонним и систематическим чтением выработать в себе способность ориентироваться среди недомолвок, иносказаний, а подчас и лицемерия легальной литературы. Ее объемистые томы предназначены не для тех, кто работает не менее 10 часов в сутки.

При отсутствии социалистической литературы, результаты чтения рабочими легальных изданий далеко не утешительны. Французская революция умещается рядом с Екатерининским Наказом. Парижская Коммуна—с фабричным законодательством в Англии, сочинения Чернышевского рядом с конституционными вожделениями либеральных газет и журналов. В конце концов, для рабочего ясно только то, что он пария в современном обществе, что он недоволен своим положением и готов взяться за оружие для его изменения к лучшему. В чем заключается это лучшее, какими путями можно к нему подойти? Это так же темно и неопределенно для него, как и для того французского рабочего, который, прийдя в 1848 г. к Луи-Блану, делегатом от своих товарищей, требовал декрета «об организации труда» и на вопрос, в чем должен состоять декрет, повторял только эти два слова. События, последовавшие во Франции после 1848 г., показали, кто остается в выигрыше от подобного положения дел.

Бессистемностью своей пропаганды мы готовим поле для интриг поли-

тических партий, которые выйдут же когда-нибудь из своего современного бессилия. Но тогда поправлять дело будет, пожалуй, уж поздно. Мы не говорим, конечно, об отдельных личностях. Счастливая комбинация условий дала некоторым из рабочих возможность приобрести солидное образование. Мы знаем таких лиц, но знаем также, что именно они-то и согласятся скорее всего со сказанным нами. В этих строках мы повторяем лишь то, что не один раз слышали от них самих. История их умственного развития есть история труда, на который способен только недюжинный ум. Из того, что западно-европейская рабочая среда выдвинула Бебелей, Мостов, Малонов и Варленов, нельзя еще заключать, что она не нуждается, так сказать, в социалистических букварях. Наши западно-европейские братья отлично знают цену печатного слова. Не говоря уже о Германии, которая является классической страной популярной социалистической литературы, можно указать на целую серию итальянских народных брошюр. В них трактуется *о государстве, о машинах и социализме, о коллективизме в социализме, о распределении* и т. д. и т. д. Французы сделали в этом отношении меньше других, но у них этот недостаток пополняется отчасти существованием рабочего органа («Prolétaire»), рабочими конгрессами и собраниями. Мы не должны пренебрегать этим примером. Нам могут сказать, конечно, что заводские рабочие, о которых мы говорили на предыдущих страницах, составляют лишь меньшинство, что большинство фабричных мало чем отличается от крестьян и, делая из своего фабричного труда род отхожего промысла, интересуется более вопросом о земле, чем вопросом о фабрике. Это верно лишь постольку, поскольку оно не говорит против необходимости социалистической литературы для фабричных. Труд на фабрике для многих из них, действительно, отхожий промысел. Но на этом промысле зиждется часто всё благосостояние семьи. Фабричный рабочий идет из той полосы России, где земля не окупает лежащих на ней платежей. Заработная плата составляет самую значительную часть в бюджете такого полупромышленного, полуземледельческого рабочего. Ее колебания отражаются на нем самым тяжелым образом и, волей-неволей, вызывают его на борьбу с капиталом. Можно ли сказать, что в этой борьбе ему не нужна помощь социалиста? А если да, то в чем должна состоять эта помощь, как не в уяснении целей и способов этой борьбы, в разъяснении истинных отношений труда к капиталу. Крупные стачки петербургских ткачей и прядильщиков показали, какую важность имеет существование рабочих организаций в промышленных центрах. Те же самые стачки показали, что влияние тайных организаций рабочих-социалистов находится в прямой зависимости от ясности понимания ими современных общественных отношений и задач экономической революции. Впрочем, это понятно и à priori. Пополнение социалистической литературы является одной из насущнейших задач современного рабочего движения в России. Это одна из серьезнейших услуг, какую только может оказать ему наша социалистическая интеллигенция, к которой нужно причислить и часть городских рабочих.

Аграрный вопрос представляет мало интереса для заводского рабочего. Самый способ аргументации и изложения наших народных изданий не соответствует степени его умственного развития. Возбудивши работу мысли в мозгу рабочего, вызвавши множество сомнений и недоразумений, они не дают и не могут дать на них ответа. Ему остается или искать разрешения интересующих его вопросов в беседе с пропагандистом, или приняться за чтение цензурных книг. Ни то, ни другое не в состоянии вознаградить рабочего за недостаток, доступной для его понимания, социалистической литературы. В стране, где сыщик может применить к себе слова писания: «Иде-же бо еста два или трие—ту есмь посреде их»—большие собрания очень затруднены, а частный, единичный обмен мыслей поневоле отличается отрывочностью и отсутствием системы. И чем больше будет возрастать число новообращенных, тем труднее будет социалистам заменять живою речью недостаток печатного слова. Наконец, нужно принять во внимание и то обстоятельство, что работа предшествовавших лет создала в рабочей среде известный контингент социалистов, контингент, который своими размерами перерос возможность личного воздействия наиболее развитых единиц. Что же касается до легальной литературы, то ее служение делу проповеди социализма может быть только косвенным. Она может дать материал, представить факты, исследования, которые, при правильной критике, послужат уяснению социалистических задач; но дело подобного рода критики—не ее дело. Большинство ее представителей или враждебно, или индифферентно по отношению к социализму. Наконец, существующие цензурные условия запрещают «вредные учения социализма и коммунизма». Ко всему этому нужно прибавить, что рабочий имеет слишком мало времени, чтобы в куче печатного хлама найти глубоко зарытое зерно истины, чтобы разносторонним и систематическим чтением выработать в себе способность ориентироваться среди недомолвок, иносказаний, а подчас и лицемерия легальной литературы. Ее объемистые томы предназначены не для тех, кто работает не менее 10 часов в сутки.

При отсутствии социалистической литературы, результаты чтения рабочими легальных изданий далеко не утешительны. Французская революция умещается рядом с Екатерининским Наказом. Парижская Коммуна—с фабричным законодательством в Англии, сочинения Чернышевского рядом с конституционными вожделениями либеральных газет и журналов. В конце концов, для рабочего ясно только то, что он пария в современном обществе, что он недоволен своим положением и готов взяться за оружие для его изменения к лучшему. В чем заключается это лучшее, какими путями можно к нему подойти? Это так же темно и неопределенно для него, как и для того французского рабочего, который, прийдя в 1848 г. к Луи-Блану, делегатом от своих товарищей, требовал декрета «об организации труда» и на вопрос, в чем должен состоять декрет, повторял только эти два слова. События, последовавшие во Франции после 1848 г., показали, кто остается в выигрыше от подобного положения дел.

Бессистемностью своей пропаганды мы готовим поле для интриг поли-

тических партий, которые выйдут же когда-нибудь из своего современного бессилия. Но тогда поправлять дело будет, пожалуй, уж поздно. Мы не говорим, конечно, об отдельных личностях. Счастливая комбинация условий дала некоторым из рабочих возможность приобрести солидное образование. Мы знаем таких лиц, но знаем также, что именно они-то и согласятся скорее всего со сказанным нами. В этих строках мы повторяем лишь то, что не один раз слышали от них самих. История их умственного развития есть история труда, на который способен только недюжинный ум. Из того, что западно-европейская рабочая среда выдвинула Бебелей, Мостов, Малонов и Варленов, нельзя еще заключать, что она не нуждается, так сказать, в социалистических букварях. Наши западно-европейские братья отлично знают цену печатного слова. Не говоря уже о Германии, которая является классической страной популярной социалистической литературы, можно указать на целую серию итальянских народных брошюр. В них трактуется *о государстве, о машинах и социализме, о коллективизме в социализме, о распределении* и т. д. и т. д. Французы сделали в этом отношении меньше других, но у них этот недостаток пополняется отчасти существованием рабочего органа («Prolétaire»), рабочими конгрессами и собраниями. Мы не должны пренебрегать этим примером. Нам могут сказать, конечно, что заводские рабочие, о которых мы говорили на предыдущих страницах, составляют лишь меньшинство, что большинство фабричных мало чем отличается от крестьян и, делая из своего фабричного труда род отхожего промысла, интересуется более вопросом о земле, чем вопросом о фабрике. Это верно лишь постольку, поскольку оно не говорит против необходимости социалистической литературы для фабричных. Труд на фабрике для многих из них, действительно, отхожий промысел. Но на этом промысле зиждется часто всё благосостояние семьи. Фабричный рабочий идет из той полосы России, где земля не окупает лежащих на ней платежей. Заработная плата составляет самую значительную часть в бюджете такого полупромышленного, полуземледельческого рабочего. Ее колебания отражаются на нем самым тяжелым образом и, волей-неволей, вызывают его на борьбу с капиталом. Можно ли сказать, что в этой борьбе ему не нужна помощь социалиста? А если да, то в чем должна состоять эта помощь, как не в уяснении целей и способов этой борьбы, в разъяснении истинных отношений труда к капиталу. Крупные стачки петербургских ткачей и прядильщиков показали, какую важность имеет существование рабочих организаций в промышленных центрах. Те же самые стачки показали, что влияние тайных организаций рабочих-социалистов находится в прямой зависимости от ясности понимания ими современных общественных отношений и задач экономической революции. Впрочем, это понятно и à priori. Пополнение социалистической литературы является одной из насущнейших задач современного рабочего движения в России. Это одна из серьезнейших услуг, какую только может оказать ему наша социалистическая интеллигенция, к которой нужно причислить и часть городских рабочих.

Точно также, едва ли кто станет отрицать значение социалистических изданий для крестьян. Мы далеки от того, чтобы предлагать распространение книг, как единственный способ социалистической деятельности в народе. Мы знаем, что есть другие приемы, которые не утратят своей важности никогда, а при существующих политических условиях в России, тем более выдвигаются на вид. Но как бы мало ни придавал значения распространению книг живущий в народе социалист, как бы ни считал он ограниченной сферу их возможного распространения, он все-таки должен согласиться, что они могут оказать ему весьма серьезные услуги. Прежде всего, он никогда не может обойтись без союзников из среды самого народа. Как местные люди, такие союзники должны служить связующим звеном между социалистической организацией и массой народа. При более близком знакомстве они могут и должны быть приняты в организацию. Тогда явится необходимость посвятить их в ее цели и задачи, и здесь-то начинается роль книжной пропаганды. Степень устойчивости и влиятельности организации и здесь, как в среде городских рабочих или в интеллигенции, прямо пропорциональна сознательности отношения ее членов к окружающей их действительности и средствам достижения лучшего будущего. В этом отношении, описание современного положения крестьянства, его наделов и лежащих на них платежей, количественное отношение мелкого и крупного землевладения в России, история крестьянского сословия, наконец, цели и стремления социально-революционной партии,—всё это могло бы быть весьма благодарною темою для наших народных изданий.

Подводя итог всему сказанному, мы увидим, что каждая из существующих отраслей социалистической литературы требует весьма значительного пополнения. Кроме того, в виду разницы экономического положения и привычек различных классов трудящегося населения России, наша народная литература должна, так сказать, дифференцироваться на несколько различных отраслей: издания для городских рабочих, казачества и крестьянства.

Сделать это тем более можно и должно, что та же самая борьба, которая ставит нам эту задачу, дает косвенные средства для ее разрешения. Известный процент русских социалистов постоянно должен искать убежища на чужбине. Личный состав нашей эмиграции, правда, постоянно меняется. Но и тех нескольких месяцев, которые приходится провести каждой отдельной личности за границей, достаточно, чтобы, так или иначе, способствовать делу пополнения социалистической литературы для интеллигенции, крестьян и рабочих. Кроме того, есть люди, возврат которых в Россию будет невозможен еще очень долгое время. Их обязанность заключается в том, чтобы досуг, остающийся от ежедневной борьбы за существование, посвятить делу социальной революции на родине; обязанность хорошо организованной партии состоит в утилизации их сил.

Мы предлагаем социалистам всех фракций и оттенков, выражаются ли их взгляды изданиями «Вперед», «Работника» или «Общины», «Земли и

Воли», «Начала», «Народной Воли», «Черного Передела» или« Громады»— соединиться для дела, несомненно полезного им всем.

Это дело—издание книг и брошюр, разрабатывающих теоретически вопросы, относящиеся к социализму. Весь ряд будет носить общее название *Русской Социально-революционной Библиотеки.*

Издания Русской Социально-революционной Библиотеки предназначаются:

1) *Для интеллигенции*, т.-е. для читателей, подготовленных к чтению серьезных трудов и располагающих необходимым для этого досугом.

2) *Для народа*, т.-е. для читателей, по недостатку времени или подготовки не могущих воспользоваться трудами первой категории. Сюда войдут популярные брошюры для рабочих, крестьян, казачества и т. д. Народные издания Русской Социально-революционной Библиотеки по языку и способу изложения будут применяться к важнейшим экономическим и этнографическим особенностям различных местностей России.

Более или менее полное достижение поставленной таким образом задачи зависит от той поддержки, какую окажут нашему предприятию различные социально-революционные кружки в России.

Для покрытия издержек издания образуется *фонд* Русской Социально-революционной Библиотеки.

Дела издания Русской Социально-революционной Библиотеки находятся в заведывании *Редакционной Комиссии*, состоящей из трех лиц и *кассира.*

Способы избрания комиссии и кассира и их функции будут установлены на первом собрании всех лиц, согласных содействовать изданию. Оно должно быть созвано через полгода по выходе первой книжки Русской Социально-революционной Библиотеки.

В настоящее время избрана по большинству голосов лицами, согласившимися участвовать своими трудами в издании, *временная Редакционная Комиссия* и ею избран кассир.

Дело временной редакционной комиссии ограничивается установлением порядка в издании предлагаемых ей трудов, соображаясь со временем их доставки и со средствами кассы. Комиссия имеет право устранять лишь труды, прямо отрицающие основные начала рабочего социализма, и те, которые явно лишены всякого литературного достоинства. Если она найдет, что присланные рукописи нуждаются в дополнениях или изменениях, то входит по этому вопросу в сношения с авторами, но не может без согласия последних делать какие-либо изменения в рукописях и, в крайнем случае, может внести в издание некоторые примечания. Если бы автор дозволил себе личные оскорбительные выражения относительно других членов социалистической партии, выражения, которые комиссия нашла бы неприличными и противоречащими самой цели издания, именно, соединению всех фракций русского социализма в серьезной обработке общих вопросов для общих целей, то комиссия созовет общее собрание, которому и предложит решить вопрос.

На обязанности *кассира* лежит ведение всех дел по кассе фонда и на его имя должна быть адресована вся переписка. Он же выдает расписки о получении денег в кассу или рукописей для редакционной комиссии.

Первое собрание всех русских социалистов, согласных участвовать трудами или взносами в издании, окончательно установит все подробности ведения дела, причем лица, не находящиеся на месте, передают свой голос другим.

Во временную Редакционную Комиссию избраны следующие лица *Л. Н. Гартман, П. Л. Лавров и Н. А. Морозов.*

1880 г.

1882 г.

Предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической Партии».

Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса пользуются у нас такою громкою и почетною известностью, что говорить о научных достоинствах «Манифеста Коммунистической Партии» значит повторять всем известную истину. Вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» начал новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы—эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма. Едва ли нужно, поэтому, объяснять мотивы, побудившие «Русскую Социально-революционную Библиотеку» издать «Манифест» на русском языке. Достаточно сказать, что вышедший в шестидесятых годах русский перевод его и едставляет собою теперь библиографическую редкость в полном смысле эт го слова. Кроме того, в перевод этот закралось, как нам кажется, несколько неточностей, мешавших правильному пониманию мыслей авторов. Мы решились сделать новый перевод этого великого, хотя и не объемистого произведения, которое разошлось в огромном количестве экземпляров во всех цивилизованных странах, и несомненно получило бы еще большее распространение, если бы образованные представители господствующих классов продолжали интересоваться наукой даже в том случае, когда выводы ее противоречат их интересам и предрассудкам.

Нам казалось, что издание русского перевода «Манифеста Коммунистической Партии» не только полезно, но и необходимо теперь, когда русское социалистическое движение окончательно уже выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, и вопрос о значении и задачах политической деятельности нашей партии становится жгучим практическим вопросом. Взаимная зависимость и связь политических и экономических интересов трудящихся указаны в «Манифесте» с полною ясностью. Авторы его сочувствуют «всякому революционному движению против существующих общественных и политических отношений». Но, отстаивая ближайшие, непосредственные цели всякого революционного движения, они в то же время не упускают из виду его «будущности». Поэтому «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии—с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит, косвенным образом, его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты.

Основания этой организации рабочего класса могут быть заложены уже в настоящее время. Русское социалистическое движение не ограничивается уже пределами того слоя, который принято называть учащеюся молодежью, мыслящим пролетариатом и т. п. Рабочие наших промышленных центров, в свою очередь, начинают «мыслить и стремиться к своему освобождению». Несмотря на все преследования правительства, тайные социалистические организации рабочих не только не разрушаются, но принимают всё более широкие размеры. Вместе с этим расширяется социалистическая пропаганда, растет спрос на популярные брошюры, излагающие основные положения социализма. Было бы очень желательно, чтобы имеющая возникнуть русская рабочая литература поставила себе задачей популяризацию учений Маркса и Энгельса, минуя окольные пути более или менее искаженного прудонизма.

Правда, у нас до сих пор еще довольно сильно распространено убеждение в том, что задачи русских социалистов существенно отличаются от задач их западно-европейских товарищей. Но не говоря уже о том, что окончательная цель должна быть одинакова для социалистов всех стран, рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западно-европейского общественного развития. Сочинения же Маркса и Энгельса представляют собой незаменимый источник для изучения общественных отношений Запада.

Скажем теперь несколько слов о «приложениях», помещенных нами в конце книги. В своем предисловии к немецкому изданию 1872 г. авторы «Манифеста» указывают на опыт Парижской Коммуны, «показавшей, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своих собственных целей». При этом они ссылаются на брошюру «Гражданская война во Франции», в

которой вопрос о развитии и значении современной государственной власти рассматривается подробнее. В виду того, что русское издание этой брошюры теперь уже совершенно разошлось, мы решили приложить к «Манифесту» перевод указанного авторами места из «Гражданской войны во Франции». Что касается Устава Международного Товарищества Рабочих, то мы считали его интересным дополнением к «Манифесту» потому, что это знаменитое Товарищество представляет собою в высшей степени плодотворный опыт международной организации рабочего класса на началах, впервые развитых в «Манифесте Коммунистической Партии». Несмотря на непродолжительность своего существования, Международное Товарищество Рабочих сделало свое дело, скрепивши «братскими узами солидарности» социалистические партии всего мира.

Воспоминание об А. Д. Михайлове [1]).

Я познакомился с А. Д. Михайловым осенью 1875 года, когда он, окончивши гимназический курс, поступил в Технологический институт в Петербурге. Знакомство наше состоялось на одной из многочисленных тогда студенческих сходок, на которых обсуждались занимавшие молодые умы вопросы о «знании и революции», «хождении в народ», пропаганде, агитации и т. п. Сходка, о которой я говорю, состоялась где-то около Технологического института в довольно просторной и высокой комнате, битком набитой студентами разных учебных заведений. Проспоривши часа два под-ряд, мы все почувствовали нестерпимую духоту и решили отворить форточку. Тогда наступил род перерыва, и прения приняли частный характер; собрание разбилось на небольшие группы, в которых продолжалось обсуждение различных спорных пунктов. Мы горячились и кричали, не обращая внимания на то, что, благодаря открытой форточке, собрание наше могло обратить на себя внимание дворников и полиции. Вдруг все голоса были покрыты чьим-то громким напоминанием об осторожности. Обернувшись в сторону говорившего, мы увидели довольно высокого, белокурого господина в красной шерстяной рубашке и высоких сапогах.

— Вы лучше помолчите, господа, пока форточка открыта,—продолжал белокурый господин, не проронивший до тех пор ни одного слова и потому не обративший на себя ничьего внимания.

Не знаю почему, все мы расхохотались над этим предостережением, но не отказались, однако, последовать благому совету. У многих явилось желание познакомиться с осторожным господином, одетым настоящим «нигилистом». Около него образовалась кучка, посыпались вопросы: где учитесь, как ваша фамилия и т. д. «Михайлов, студент Технологического института, первокурсник»,—обстоятельно пояснял, с легким заиканием

[1]) «На Родине» № 3.

белокурый господин, не обращаясь ни к кому в частности. Я был в числе вопрошавших и, узнавши, что Михайлов—технолог, спросил его о новых правилах, только что введенных Вышнеградским и вызывавших всеобщее неудовольствие студентов.

— Говорят, что не сегодня-завтра студенты откажутся ходить на репетиции и начнутся «беспорядки».

— Студенты очень возбуждены, и беспорядки весьма возможны, но я не приму в них ни малейшего участия,—отвечал мой новый знакомый.

Это откровенное заявление ужасно удивило меня, так как отказ поддерживать товарищей в их справедливых требованиях считался несомненным признаком трусости.

— Видите ли, в чем дело,—невозмутимо продолжал Михайлов,—они хотят сообща отказаться от репетиций, потому что каждый из них боится сделать это в одиночку. Я давно уже переступил этот Рубикон: с самого поступления в институт я не был ни на одной репетиции, так как считаю их совершенно бесполезными. Если бы и другие поступали как я, то новые правила были бы устранены фактически, и тогда не было бы надобности в «беспорядках» и неизбежных затем высылках.

— Но ведь те, которые не являются на репетиции, получают нуль, а за несколько нулей студент не допускается к экзамену.

— А пусть себе ставят нули, ведь нельзя же оставить на второй год всех студентов всех курсов.

— Но пока вы один, с вами это, наверное, случится.

— Это уже их дело, а я все-таки не пойду на репетиции, потому что это пустая трата времени.

На этом и прекратился мой разговор с Михайловым. Вскоре после нашей первой с ним встречи, действительно, начались «беспорядки» в Технологическом институте, а за ними последовали административные «водворения на родину». Михайлов был выслан одним из первых, хотя он сдержал слово и не принимал ни малейшего участия в «беспорядках». Его выслали как упрямого протестанта против новых порядков, доказавшего свою «злую волю» непосещением репетиций еще в то время, когда другие студенты являлись на них самым исправным образом. Его водворили, кажется, в Путивле, откуда он скоро перебрался в Киев.

В шумном водовороте петербургской студенческой жизни я скоро совсем забыл о Михайлове, не подозревая, что мне еще придется жить и действовать с ним вместе. Поэтому я таки порядком удивился, когда в октябре 1876 года, столкнулся с ним на императе конно-железной дороги. После первых приветствий, он рассказал мне свою Одиссею и прибавил, что, получивши разрешение вернуться в Петербург, он приехал с целью поступить в Горный институт или какое-нибудь другое высшее учебное заведение. В минуту нашей внезапной встречи он ехал на Садовую, чтобы осведомиться насчет правил приема в Институт Инженеров Путей Сообщения. Как человек практичный, он решил держать экзамены в двух учебных заведениях сразу, чтобы, «срезавшись» в одном, не ли-

шиться шансов на успех в другом. Нужно заметить, что приемные экзамены в Горный институт отличались тогда большою строгостью, так что опасения Михайлова касательно провала были не лишены основания. Впрочем, техника интересовала его в это время очень мало. Студенческий билет должен был доставить ему некоторую гарантию от преследований полиции, которая, как известно, вообще неблагосклонно смотрит на пребывание в Петербурге людей «без определенных занятий». Я не помню, удалось ли ему запастись этим громоотводом, знаю только, что, поселившись в столице, Михайлов посвящал всё свое время разыскиванию «настоящих революционеров». Припоминая теперь его тогдашний образ жизни, я думаю, что он должен был пережить страшно много за каких-нибудь два-три месяца. Он как бы переродился. Из уединенного обитателя Измайловского полка, каким я знал его год тому назад, он превратился в самого подвижного, самого живого члена студенческих «коммун», нигде не остающегося надолго, но вечно перекочевывающего из одной квартиры в другую. «Коммуны», в которых он вращался в это время, представляли собою иногда небольшую студенческую комнату, занимаемую вместе с настоящим ее хозяином целой массой пришлого населения. Я помню рассказ Михайлова об обстановке одной из таких коммун. На Малой Дворянской улице, на Петербургской стороне, в крошечном и низком деревянном домике, настоящей избушке «на курьих ножках», кто-то из знакомых Михайлова занимал комнату, помещавшуюся в первом этаже и выходившую окнами на улицу. Мало-по-малу, вместо одного постоянного жильца в ней оказалось целых шестеро, размещавшихся, как это легко себе представить, без всякой претензии на удобства. Спали на кроватях, спали на столах, спали на полу, и когда к постоянным обитателям комнаты присоединялось несколько «ночлежников», то весь пол был занят спящими, так что путешествие из одного угла комнаты в другой представляло собой настоящую «скачку с препятствиями». «Когда дворник отворял по утрам ставни наших окон,—рассказывал Михайлов,—то, пораженный этим необычайным зрелищем, он мог только произнести: «О, Господи!». В настоящее время, конечно, ни один дворник не ограничился бы такими лирическими порывами, но лет пять-шесть тому назад полиция снисходительнее смотрела на студенческие нравы и терпеливее «ожидала поступков». Она ни разу не потревожила Михайлова и его сожителей, которые, не довольствуясь обычным в их квартире многолюдством, часто устраивали сходки из нескольких десятков человек. В то время сходки, вообще, были очень многолюдны и оживленны. Наступившее после арестов 1873—1874 годов затишье, уступило место новому оживлению молодежи, на развалинах старых кружков вырастали новые организации, революционные «программы» предшествующего периода заменялись, так называемым, «народничеством».

Михайлов горячо интересовался всеми «проклятыми вопросами» этого периода нашего революционного движения и принимал деятельное участие во всех вызывавшихся ими дебатах. Посещая все сколько-нибудь

интересные собрания, он надеялся встретиться там с «настоящими революционерами», которые облегчили бы ему переход от слова к делу. Надежды его оправдались в очень скором времени. На одной из сходок, если не ошибаюсь, в описанной уже выше «коммуне» на Малой Дворянской улице, он познакомился с членами возникавшего тогда общества «Земля и Воля» и скоро сам был в него принят. Тогда окончился «нигилистический», как любил выражаться Михайлов, период его жизни. Он достиг своей цели, нашел подходивших к его воззрениям людей, нашел кое-какую организацию и энергически принялся за ее расширение. Теперь он уже не посещал «коммун», не ужасал дворников оригинальностью своего костюма. Он превратился в сдержанного организатора, взвешивающего каждый свой шаг и дорожащего каждой минутой времени. «Нигилистический» костюм с его пледом и высокими сапогами мог обратить на себя внимание шпиона и повести к серьезным арестам. Михайлов немедленно отказался от него, как только взялся за серьезную работу. Он оделся весьма прилично, справедливо рассуждая, что лучше истратить несколько десятков рублей на платье, чем подвергаться ненужной опасности. Во всем кружке «Земля и Воля» не было с тех пор более энергичного сторонника приличной внешности. Часто, после обсуждения какого-нибудь серьезного плана, он делал своему собеседнику замечание относительно неисправности его костюма и настаивал на необходимости ремонта этого последнего. Если собеседник отговаривался неимением денег, то Михайлов умолкал, но при этом записывал что-то шифром в свою книжечку. Через несколько дней он доставал деньги и сообщал адрес недорогого магазина платья, так что его неисправно одетому товарищу оставалось только идти по указанному адресу, чтобы вернуться домой в приличном виде. Другою, не менее постоянною заботою Михайлова был квартирный вопрос. Помимо обыкновенных житейских удобств, найденная им «конспиративная» квартира имела много других, незаметных для глаза непосвященного в революционные тайны смертного. Окна ее оказывались особенно хорошо приспособленные для установки «знака», который легко мог быть снят в случае появления полиции, так что, не входя еще в квартиру, можно было знать, что там «неблагополучно»; от других квартир она отделялась толстою капитальною стеною, так что ни одно слово не могло долететь до ушей, быть-может, нескромных соседей; план двора, положение подъезда,—всё было принято в соображение, всё было приспособлено к «конспиративным» целям. Я помню, как, показавши мне все достоинства только что нанятой им квартиры, на Бассейной улице, Михайлов вывел меня на лестницу, чтобы обратить мое внимание на ее особенные удобства.

— Видите, какая площадка,—произнес он с восхищением.

Признаюсь, я не понял—в чем дело.

— В случае несвоевременного обыска мы можем укрепиться на этой площадке и, обстреливая лестницу, защищаться от целого эскадрона жандармов,—пояснил мне Михайлов.

Вернувшись в квартиру, он показал мне целый арсенал различного оборонительного оружия, и я убедился, что жандармам придется дорого поплатиться за «несвоевременный» визит к Михайлову.

Но все эти хлопоты занимали Ал. Дм. лишь временно. Он собирался в «народ», на Дон или на Волгу, туда, где, по его мнению, еще жива была память о Разине и Пугачеве, где крестьянство не свыклось еще с ярмом государственной организации и не махнуло рукой на свое будущее. Но так как бродячая пропаганда 1873—1874 годов не принесла хороших результатов, то общество «Земля и Воля» решилось основать прочные поселения в народе, чтобы иметь возможность действовать осмотрительно, с знанием местности и разумным выбором личностей. Для этого, разумеется, нужно было занять известное положение в деревне, нужно было звание учителя, писаря, фельдшера или чего-либо подобного. Михайлов решился сделаться учителем, но не в православной, а в раскольничьей деревне. На пропаганду среди раскольников тогда возлагались очень большие надежды; беспоповцев, в особенности, считали, как и теперь считают многие, носителями неиспорченного народного идеала, которых без большого труда можно превратить из оппозиционного—в революционный элемент русской общественной жизни. Наилучшею репутациею пользовались, конечно, бегуны. Мысль о заведении с ними правильных и постоянных сношений была не нова, но осуществление ее представляло большие трудности. Михайлов не видел возможности познакомиться с представителями этой секты иначе, как через посредство других, менее крайних, менее преследуемых, а потому, естественно, и менее недоверчивых сект. Он решился научиться всем обрядам беспоповцев, усвоить главные основания их учения и затем, в качестве своего человека, поселиться учителем в какой-нибудь раскольничьей деревне. Окончательный выбор его пал на Саратовскую губернию.

Весною 1877 г. с разных концов России члены общества «Земля и Воля» двинулись в Поволожье для устройства «поселений». Пространство от Нижнего до Астрахани принято было за операционный базис, от которого должны были идти поселения по обе стороны Волги. В одном месте устраивалась ферма, в другом—кузница, там поселялся лавочник, здесь приискивал себе место волостной писарь. В каждом губернском городе был свой «центр», заведывавший делами местной группы. Саратовская и Астраханская группы непосредственно сносились с членами кружка, жившими в Донской области, а надо всеми этими группами стоял Петербургский «основной кружок», заведывавший делами всей организации. Много потерь и неудач пришлось испытать и «основному кружку» и местным группам, но в общем дела шли очень недурно. Как член «основного» петербургского кружка, Михайлов должен был принимать деятельное участие в организации Саратовской группы, но в то же время он усердно готовился к своей миссии среди раскольников. Приехавши в Саратов в конце июля 1877 года и увидевшись с Михайловым, я узнал от него, что он уже завел знакомства между саратовскими раскольниками, даже поселился у

одного из них на квартире и занимается изучением «писания». Его новый образ жизни не раз вызывал во мне удивление к его железной настойчивости и самой строгой выдержанности. Раскольничье семейство, в котором он поселился, обитало где-то на окраине Саратова и отличалось самыми патриархальными нравами. Много нужно было характера и терпения, чтобы приспособиться к этим допотопным нравам и не соскучиться выполнением раскольничьих обрядовых церемоний. Засидеться в гостях долее 6 час. вечера считалось в этой среде чуть не преступлением, начинавшееся с рассветом утро посвящалось всевозможным молитвам, «метаниям» и причитаниям; нечего и говорить о постах, которые соблюдались с педантическою строгостью. Живя в комнате, отделенной от хозяйского помещения лишь тоненькой перегородкою, Михайлов не мог скрыть ни одного своего шага от подозрительного глаза хозяев, и должен был взять себя в ежовые рукавицы, чтобы окончательно отделаться от столичных привычек. С поразительным терпением и аккуратностью молился он Богу, расстилая на полу какой-то «плат» и надевая на руку какой-то удивительный кожаный треугольник, висевший на длинном ремне. Помолившись и повздыхавши о своих грехах, он принимался за чтение священных книг, и по целым дням назидался рассуждениями о пришествии Ильи и Еноха, о двуперстном сложении, о кончине мира и т. п. Скоро он так преуспел в этой раскольничьей теологии, что решился принять участие в диспутах, часто происходивших в православных храмах между православным духовенством и раскольничьими начетчиками. Он сообщил мне о своем намерении и мы условились идти вместе. «Во едину от суббот», в октябре или ноябре 1877 года, мы явились с ним в, так называемую, «Кивонию», которая служила главной ареной обличительной деятельности саратовского духовенства. Всенощная уже окончилась, и оставшаяся в церкви публика, очевидно, дожидалась диспута. Скоро причетник поставил посредине церкви два аналоя, зажег около каждого из них по большому подсвечнику и стал поджидать «батюшек», ковыряя в носу и напевая какую-то молитву. Мы воспользовались этой свободной минутой, чтобы расспросить его о предстоящем диспуте. Михайлова более всего интересовал вопрос о том, кто из раскольничьих «столпов» будет отстаивать «древнее благочестие». Но к великому его огорчению причетник отвечал, что раскольники почти перестали ходить на диспуты, так как, не довольствуясь книжной мудростью, «батюшки» доносят на своих оппонентов полиции, и за несогласие с духовной властью раскольники получают должное воздаяние от власти светской. Благодаря этому известию, диспут утратил в глазах Михайлова почти всякий интерес, но он все-таки решился остаться «посмотреть, что будет». Нам недолго пришлось ожидать появления православных «светильников церкви». Из алтаря вышли один за другим два священника, неся в каждой руке по огромной книге, в кожаном порыжелом переплете. Подойдя к аналоям и возведя глаза к небу,—они объявили, что целью их «собеседования» будет оспаривание не помню уже какого догмата раскольников «австрийского согласия». Михайлов насторожился.

«Вот, например, раскольники утверждают, что перед пришествием антихриста церковь погибнет», смиренномудро говорил один из «батюшек», «а, между тем, в Писании сказано...»

«Созижду церковь мою и врата адовы не одолеют ю»,—подхватывал его товарищ, перелистывая порыжелые фолианты и отыскивая в них приличный случаю текст.

«О, Господи, помилуй нас грешных»,—сокрушенно шептал кто-то в толпе, и «батюшки» переходили к новому пункту раскольничьих «лжеучений».

Не подлежало никакому сомнению, что оппонентов в толпе не имеется. Смиренномудрые «лики» батюшек озарились уже было сознанием победы, как вдруг Михайлов попросил некоторых разъяснений. Дело шло о пришествии Ильи или Еноха; Михайлов утверждал, что для него не ясен смысл относящегося сюда пророчества. «Батюшки» разъясняли его «сомнения», он немедленно высказывал новые. Диспут оживился. Не интересовавшись никогда ни Ильей, ни Енохом, я был совершенным профаном в этих вопросах и не понимал решительно ничего во всем споре. Я видел только, что Михайлов говорит очень самоуверенно, что его не смущают возражения «батюшек», и что на каждый из приводимых ими текстов, он приводит не менее веское свидетельство того или другого святого. Окружающие слушали его с большим вниманием, а «батюшки» чувствовали себя, как видно было, не совсем ловко. Они не ожидали такого отпора и несколько растерялись. Михайлов настойчиво допрашивал их, как понимают они пришествие Еноха—духовно или телесно, «батюшки» почему-то избегали прямого ответа.

Не знаю, чем кончилось бы это препирательство, если бы Михайлов не имел неосторожности упомянуть о бегунах. Как только он назвал эту секту, оппоненты его снова почувствовали себя на твердой почве.

— Ну да ведь бегуны и царя не признают,—воскликнул один из них.

— «Бога бойся, царя почитай»,—вторил другой громовым голосом.

Михайлов не имел ни малейшего желания толковать с ними о политике и, в свою очередь, стал отвечать уклончиво. Через несколько минут «собеседование» окончилось. Мы направились к выходу.

— А позвольте вас спросить,—обратился к Михайлову один из священников,—вы где живете.

Я вспомнил слова причетника и начал опасаться, что развязка диспута будет иметь место в полицейском участке.

— Да я не здешний, я из Камышина,—заявил, не смущаясь, Михайлов.

— Да остановились-то вы где?—допрашивал батюшка.

— У одного знакомого, я ведь всего на два дня сюда приехал.

— Вы не подумайте, что я для чего-нибудь,—успокаивал неотвязчивый диспутант,—мне только хотелось бы поговорить с вами, я вижу в вас сомнения...

Кое-как отделавшись от его допросов, мы вышли на улицу. Михайлов был доволен своим дебютом. Он убедился, что его усидчивые занятия не остались без результата, и что он приобрел уже некоторый навык в богословских спорах. «Победихом, победихом»,—повторял он с веселым смехом, и решился, не откладывая долее, ехать в какую-нибудь раскольничью деревню.

Его останавливала лишь необходимость отбывания воинской повинности. Солдатчина могла надолго отвлечь его от исполнения задуманного им предприятия. Но ему повезло неожиданное счастье. Отправившись в Москву и записавшись в одном из призывных участков, он вынул номер, по которому его зачислили в запас и отпустили на все четыре стороны. Он немедленно возвратился в Саратов и недели через две поселился где-то среди спасовцев в качестве «своего» (т.-е. не назначенного от земства, а нанятого самими раскольниками) учителя

Более я не встречался уже с ним в Саратове. Обстоятельства заставили меня вернуться в Петербург, где я прожил всю зиму 1877—1878 года. Михайлов изредка сообщал «основному кружку» о своих успехах среди раскольников, но письма его были довольно лаконичны и бедны подробностями. «Весною приеду, расскажу более», заключал он обыкновенно свои сообщения. Мы ждали его в средине мая.

Читатель помнит, конечно, какими бурными событиями ознаменовалась в Петербурге весна 1878 г. Стачки рабочих, процесс В. И. Засулич, давший повод к кровавому столкновению публики с полицией, демонстрация в честь убитого Сидорацкого, в которой приняли участие люди весьма солидного общественного положения,—всё это давало повод думать, что русское общество начинает терять терпение и готово серьезно протестовать против произвола правительства. Живя в провинции, Михайлов только по газетам мог следить за положением дел в Петербурге. Его воображение дополняло газетные известия, и он был убежден, что в скором времени предстоят еще более крупные события. Он не вытерпел, и в начале апреля уже мчался в Петербург, чтобы принять участие в тамошних волнениях. Надежды его, однако, не оправдались, одна ласточка «не сделала весны». Энергия петербургского общества истощилась в очень короткое время, газеты не дотянули начатой ими либеральной ноты, и скоро всё вошло в обычную уныло-казенную колею: социалистам оставалось только примириться с новым разочарованием и продолжать начатую в народе работу. Махнул рукой на петербургскую «революцию» и Михайлов. Он снова сосредоточил все свои помыслы на революционной деятельности среди раскольников. Но, заручившись знакомством и связями в этой среде, он, как организатор по преимуществу, не удовлетворялся уже своею прежнею ролью одинокого наблюдателя раскольничьей жизни. Он стремился сорганизовать целый кружок лиц, знающих историю раскола, начитанных «от Писания» и могущих не приспособляться только, но и приспособлять к своим идеалам окружающих лиц. Он требовал от нашего

кружка основания особой типографии с славянским шрифтом, специальной целью которой было бы печатание различных революционных изданий для раскольников. Чтобы хоть несколько подготовиться к своей будущей роли реформатора раскола, он начал усердно посещать Публичную Библиотеку, пользуясь каждой свободной минутой для изучения богословской литературы. К сожалению, времени у него было очень мало. Его организаторский талант делал необходимым участие его в различных революционных предприятиях, требовавших иногда весьма продолжительной беготни. К этому присоединился пересмотр программы общества «Земля и Воля» и устава его организации. По смыслу выработанного в начале 1877 г. временного устава петербургского основного кружка, программа общества должна была подвергаться, если не ошибаюсь, ежегодному пересмотру с целью изменения или расширения ее, сообразно с указаниями опыта. Но так как весною 1878 г. у нас не было еще ни малейшего сомнения в практичности нашей программы, то оставалось только ввести в нее несколько дополнительных пунктов о деятельности в народе. Не так скоро покончили мы с уставом. Михайлов требовал радикального изменения устава в смысле большей централизации революционных сил и большей зависимости местных групп от центра. После многих споров почти все его предложения были приняты, и ему поручено было написать проект нового устава. При обсуждении приготовленного им проекта немалую оппозицию встретил параграф, по которому член основного кружка обязывался исполнить всякое распоряжение большинства своих товарищей, хотя бы оно не вполне соответствовало его личным воззрениям. Михайлов не мог даже понять точки зрения своих оппонентов. «Если вы приняли программу кружка, если вы сделались членом организации, то в основных пунктах у вас не может быть разногласий с большинством ее членов», повторял он с досадой. Вы можете разойтись с ними во взгляде на уместность и своевременность порученного вам предприятия, но в этом случае вы должны подчиниться большинству голосов. Что касается до меня, то я сделаю всё, что потребует от меня организация. Если бы меня заставили писать стихи, я не отказался бы и от этого, хотя и знал бы наперед, что стихи выйдут невозможные. Личность должна подчиняться организации». В конце концов, был принят и этот параграф, с тем, однако, добавлением, что организация должна, по возможности, принимать в соображение личные наклонности различных ее членов.

Покончивши с уставом, Михайлов снова углубился было в изучение раскольничьей литературы, но события всё более и более отклоняли его от избранного им пути. Большинство членов основного кружка предложило Михайлову отложить на неопределенное время деятельность его среди раскольников и принять участие в организации некоторых из задуманных тогда предприятий. Волей-неволей ему пришлось подчиниться этому решению и оставить на время мысль о возвращении в Саратов. Было бы неудобно рассказывать здесь о том, что именно делал в это время Михайлов [1]). Я замечу только, что теперь, как и всегда, он фигурировал, главным образом, в роли организатора. Так, напр., осенью 1878 г. ему поручено было ехать в Ростов на Дону с тем, чтобы собрать сведения о происходивших тогда в Луганской станице волнениях и, если окажется возможным, принять участие в движении казаков, организовавши, предварительно, особую организационную группу из местных «радикалов». Михайлов отправился по назначению, но, едва прибывши в Ростов, был снова отозван в Петербург, где во время его отсутствия произошли многочисленные аресты. По возвращении в Петербург, он нашел только немногие остатки незадолго перед тем сильного и прекрасно организованного «основного кружка». Положение дел было самое печальное. Оставшиеся на свободе члены организации не имели ни денег, ни паспортов, у них не было даже возможности снестись с провинциальными членами организации, так как они не знали их местопребывания. Такая дезорганизация грозила, разумеется, новыми провалами. Я помню, что, приехавши в Петербург спустя около недели после арестов, я не знал о них решительно ничего и только благодаря случайной встрече с одним из уцелевших членов нашей организации, я не пошел на квартиру Малиновской, где полицейские хватали всякого приходящего. Михайлов принялся восстановлять полуразрушенную организацию. С утра до вечера бегал он по Петербургу, доставая деньги, приготовляя паспорта, заводя новые связи, словом поправляя всё, что было поправимо в нашем тогдашнем положении. Скоро дела наши пришли в некоторый порядок, и общество «Земля и Воля» не только не распалось, но приступило даже к изданию своей газеты. Неутомимая деятельность Михайлова за этот период времени составляет одну из самых главных заслуг его перед русским революционным движением. Он уже окончательно теперь отказался от мысли возвратиться в Саратов и весь отдался организационным заботам.

В принципе Михайлов по-прежнему признавал деятельность в народе главною задачею общества «Земля и Воля», но он думал, что, при наличных силах этого общества, нельзя было надеяться на сколько-нибудь серьезный успех в крестьянской среде. «В настоящую минуту нам, находящимся в городах, нечего и думать об отъезде в деревню,—говорил он, по возвращении из Ростова,—мы слишком слабы для работы в народе. Соберемся сначала с силами, создадим крепкую и обширную организацию, и тогда перенесем центр тяжести наших усилий в деревню. Теперь же волей-неволей приходится нам сосредоточить свое внимание на городских рабочих и учащейся молодежи». В то время мы были, действительно, так слабы, что никому из нас и в голову не приходило не соглашаться с Михайловым. Порешивши остаться в Петербурге, мы подразделили деятельность «основного кружка» на несколько различных отраслей, так что каждому из нас предстоял особый род работы. На Михайлове

[1]) *Прим. к новому изданию.* Теперь, когда Михайлова уже нет в живых, можно сказать, что он участвовал тогда в попытке освободить Войнаральского.

лежали, главным образом, хозяйственные заботы. Он заведывал паспортной частью, типографией, распространением «Земли и Воли», переписывался с провинциальными членами нашей организации, доставал и распределял средства между различными ветвями кружка и т. д. [1]). Уже это одно требовало очень значительной затраты времени, но Михайлов этим не ограничился. Аккуратный и точный до педантизма, он всегда умел так распределить свои занятия, что у него оставалось по несколько свободных часов ежедневно. Этими часами, которые, казалось бы, составляли законное время отдыха, он воспользовался для деятельности среди рабочих. Здесь, как и везде, он фигурировал, главным образом, в роли организатора. Не имея возможности лично посещать рабочие кварталы, он старался, по крайней мере, собирать сведения обо всем, что происходило в революционных рабочих группах, снабжал их книгами, деньгами, паспортами, а главное, давал множество разнообразных и всегда разумных советов. Кроме того, вращаясь среди петербургской революционной молодежи, он сближался с личностями, способными, по его мнению, взяться за революционную пропаганду между рабочими, вводил их в занимавшуюся этим делом группу, способствовал, таким образом, расширению последней. В особенности сблизился он с «рабочей группой» во время большой стачки в январе или в феврале 1879 г. Рабочие фабрики Шау и так называемой Новой Бумагопрядильни на Обводном канале забастовали почти одновременно, сговорившись через посредство своих делегатов «стоять дружно» и начинать работу не иначе, как с общего согласия стачечников обеих фабрик. Более 1.500 человек осталось, временно, без всякого заработка, а следовательно, и без всяких средств к существованию, если не считать кредита в мелочных лавочках. Кроме того, предвиделись вмешательство полиции и административные расправы с «бунтовщиками». Нужно было организовать немедленную материальную помощь всем стачечникам и обеспечить семейства арестованных или высланных в особенности. Работа закипела. Сборы производились повсюду, где была какая-нибудь надежда на успех: между рабочими, студентами, литераторами и т. д. При своих огромных связях Михайлов часто в один день собирал такую сумму, какой не собирали другие сборщики за всё время стачки. Каждый день, явившись на заседание «рабочей группы» [2]), Михайлов предъявлял ей довольно значительную сумму денег и немедленно начинал самые обстоятельные расспросы. С довольным видом, пощипывая свою эспаньолку, выслушивал он рассказы людей, сошедшихся из разных концов Петербурга, занося в свою записную книжечку всевозможные поручения относительно паспортов, прокламаций, даже оружия и костюмов. Выработавши план действий на следующий день, собрание расходилось, и Михайлов спешил по какому-нибудь новому делу, на свидание с тем или другим «человечком», на собрание какой-нибудь другой группы нашего общества или самого «основного кружка».

[1]) *Прим. к новому изданию.* Прибавлю, что, главным образом, благодаря его усилиям взялся за свою оригинальную деятельность знаменитый Клеточников, которому многие из нас,—я в том числе,—обязаны были тем, что могли счастливо избегать полицейских ловушек.

[2]) Из предыдущего изложения читатель понял уже, вероятно, что «рабочею группою» называлась группа, специальною целью которой была деятельность среди городских рабочих; в нее входили как рабочие, так и «интеллигенция».

Ал. Дм. никогда не мог увлечься каким-нибудь специальным делом до забвения, хотя бы и временного, других отраслей революционного дела. Каждое отдельное предприятие имело для него смысл лишь в том случае, когда он видел, понимал и, если можно так выразиться, осязал связь его со всеми остальными функциями общества «Земли и Воли». Не будучи никогда литератором ни по случаю, ни по призванию, он не пропускал ни одного собрания редакции издававшейся тогда «Земли и Воли»: он не мог быть спокоен, пока не знал состава приготовляемого номера и содержания каждой его статьи. Редакция до такой степени привыкла к присутствию Михайлова на ее собраниях, что часто отсрочивала их, если он был чем-нибудь занят. «Я очень люблю читать Михайлову свои статьи,—говорил мне один из членов редакции [1]),—замечания его так удачны, так метки, что с ним почти всегда приходится согласиться, и часто я переменяю весь план статьи, прочитавши ему черновую рукопись». Критические приемы Михайлова не лишены были некоторой своеобразности. Кроме согласия с программой, доказательности и хорошего слога, он очень ценил в статьях краткость изложения. Как только на собраниях редакции приступали к чтению имевшихся в ее распоряжении рукописей, А. Д. вынимал часы (мимоходом замечу, имевшие удивительное свойство останавливаться на ночь: «тоже спать хотят», говорил он заводя их утром) и замечал, во сколько времени может быть прочитана та или другая статья. «Не торопитесь, потише,—останавливал он читающего,—публика читает, обыкновенно, медленнее.. 25 минут, несколько длинно... Вы бы как-нибудь покороче; а кроме того, я хотел вам заметить»... Следовали замечания по существу дела.

Выход каждого № «Зёмли и Воли» ознаменовывался некоторым торжеством на квартире Михайлова. Тогда бывало «разрешение вина и елея». В маленькой комнатке, наш «Кагон-цензор», как называли мы его тогда, приготовлял скромное угощение. Часов в девять вечера появлялись виновники торжества, —члены редакции «Земли и Воли», —и начиналось «празднество». Михайлов откупоривал бутылку коньяку, наливал из нее каждому по рюмке и тотчас же запирал в шкап. Затем выступали на сцену какая-то «рыбка» и чай со сладким печеньем. Спустивши стору и установивши «знак» для кого-нибудь из запоздавших, Михайлов оживленно и весело беседовал с гостями, отдыхая от тревог и волнений истекшего месяца. Эти собрания были едва ли не единственным развлечением Ал. Дм.; в театр он не мог пойти, если бы и захотел, так как это было

[1]) *Прим. к нов. изд.* Это был Л. Тихомиров.

бы «неосторожно»: там его могли узнать шпионы, у своих знакомых он оставался не долее, чем это требовало дело. Каждый вечер шифровал он в своей записной книжечке расписание предстоящих на завтра дел и свиданий, и, ложась спать, он долго еще ворочался в постели, стараясь припомнить каждую мелочь. Пробуждаясь на утро, он прежде всего бросал беглый взгляд на маленький клочек бумаги, висевший над его кроватью и составлявший единственное украшение комнаты На этой бумажке красовалось написанное крупными буквами лаконическое напоминание: «*Не забывай своих обязанностей*». Как медный «змий» спасал евреев от телесных недугов, надпись эта спасала Михайлова от случайных искушений и слабостей: желания проспать долее положенного времени, почитать утром газету и т. д. Взглянувши на эту надпись, он немедленно вскакивал с постели, тщательно чистил платье и, одевшись «прилично», принимался за свою ежедневную беготню по Петербургу.

Личных друзей в обществе «Земля и Воля» у Михайлова было очень немного. По характеру своему, он более чем кто-нибудь другой склонен был согласиться с Прудоном в том, что «любовь есть нарушение общественной справедливости». Про него говорили, что он любит людей только со времени вступления их в «основной кружок» и только до тех пор, пока они состоят членами последнего. И нельзя не согласиться, по крайней мере, с положительной стороной этой характеристики. К каждому из своих товарищей он относился с самою нежною заботливостью, хотя и не упускал случая сердито поворчать за неисправность или неосторожность. Несомненно также, что революционная работа до такой степени проникала собой все помыслы и чувства Михайлова, что он не мог полюбить человека иначе, как на «деле» и за «дело». Для столкновения с людьми помимо этого дела у него просто не было времени.

Весною 1879 года совершился крутой перелом в воззрениях Михайлова. Он всё более и более начал склоняться к так называемому террористическому способу действий. Перелом этот произошел, конечно, не вдруг. Некоторое время Михайлов не высказывался принципиально против старой программы, хотя не упускал случая заметить, что мы не имеем и десятой доли сил, необходимых для ее выполнения. Но, мало-по-малу, новый способ действий выяснился для него окончательно, и когда весною 1879 г. Соловьев и Гольденберг приехали в Петербург, жребий был брошен, Михайлов сделался террористом. С этих пор начинается новый период его жизни, который мне известен менее, чем предыдущие.

Я не знаю, придется ли мне еще встретиться с Михайловым, послужит ли он еще революционному делу, или погибнет в каторжной тюрьме [1]), несмотря на свой железный характер. Но я уверен, что у всех, знавших

[1]) Как известно, Михайлов осужден на пожизненную каторжную работу. Это наказание представляет собою смягчение первоначального приговора—смертной казни «чрез повешение».

Прим. к нов. изданию. В тюрьме Михайлов скоро умер.

Михайлова, никогда не изгладится образ этого человека, который, подобно Лермонтовскому Мцыри, «знал *одной* лишь думы власть, *одну*, но пламенную страсть»: этой думой было счастье родины, этой страстью была борьба за ее освобождение.

1882 г.

1883 г. [1]).

Афанасий Прокофьевич Щапов (жизнь и сочинения), сочинение профессора Н. Я. Аристова (посмертное издание). С.-Петербург 1883 г.

Книга покойного Аристова вызвала очень мало толков в нашей «легальной» литературе. Мы прочли где-то, что это объясняется ее недостатками. Но такое объяснение едва ли можно признать удовлетворительным. При всех своих недостатках, книга эта, наверное, возбудит огромный интерес в лучшей части нашей читающей публики по той простой причине, что она говорит о личности, слишком дорогой для всякого, кто не остался равнодушным к нашему освободительному движению последних десятилетий. Исторические труды А. П. Щапова оказали и продолжают оказывать большое влияние на умственное развитие нашей нарождающейся демократии. Если они и не легли в основу, то, по крайней мере, были весьма значительным вкладом в теорию народничества, которое до сих пор составляет едва ли не преобладающее направление в русской революционной и оппозиционной среде. Но до сих пор не было еще систематического и критического обзора ни самой теории народничества в ее целом, ни тех элементов ее, из которых она сложилась исторически. Уже по одному этому можно и должно было посвятить сочинению Аристова хотя бы одну статью, хотя бы в одном из тех журналов, которые борются теперь против фальсифицированного народничества. Исторические труды Щапова не составляют библиографической редкости и могли бы с большою пользою пополнить пробелы, нередкие в книге Аристова; что же касается жизни Щапова, то она заключает в себе столько глубоко поучительного, что не мешало бы лишний раз напомнить о ней читателям и противопоставить ее «безмятежному житию» наших официальных ученых.

Вернее всего, что именно особенности жизни Щапова и послужили причиною молчания наших журналов о книге Аристова. Слишком трудно писать в цензурных рамках о такой нецензурной личности, как автор «Земства и раскола», лишенный кафедры и потом сосланный в Иркутск за демонстрацию весьма недвусмысленного свойства.

«По нынешним временам» о нем можно писать разве лишь в духе покойного «профессора, доктора русской истории и инспектора историко-

[1]) «Вестник Народной Воли», № 1.

филологического института князя Безбородко, в Нежине» Аристова, почти на каждой странице своей книги оплакивающего обнаружившийся в Щапове «задор судить и рядить о делах практических», развитие в нем «интереса к политике» и т. д., и видящего причину гибели Щапова лишь в его «диком праве и непростительном упорстве». Кто не желает говорить в этом духе о нашем даровитом историке, кто припоминает его безвременную гибель не с тем, чтобы воззвать к русской молодежи.

Смотрите, вот пример для вас,
Он горд был, не ужился с нами.

тот рискует никогда не увидеть своей статьи в печати, потому что волей-неволей должен будет высказать несколько горьких истин о современном политическом положении России. Пользуясь свободой заграничного органа, мы, со своей стороны, считаем нелишним посвятить несколько страниц изложению нашего взгляда на жизнь и исторические теории Щапова.

Покойный Афанасий Прокофьевич Щапов принадлежал к числу самых типичных и самых замечательных представителей нашего мыслящего пролетариата. Сын сельского дьячка, принадлежавший, по матери, к бурятскому племени, он стоически выйес все мытарства бурсы и семинарии и отправился в Казанскую духовную академию со страстным желанием продолжать свое научное образование. Несколько лет прожил он, погруженный в свои книги и рукописи, по семнадцати часов в сутки простаивал за своей конторкой, так что от его сапог оставались углубления, и студенты прозвали эти углубления «ямами нового столпника, блаженного Афанасия»; наконец, назначен был, по окончании курса, «баккалавром» академии по кафедре русской истории. В эту пору своей жизни он еще до такой степени чужд был каких бы то ни было политических стремлений, до такой степени оставался «великим труженником чистой науки», что решился-было идти в монахи, когда возникло сомнение в том, что его оставят при академии. Но он обладал слишком живым характером, чтобы остаться индифферентным в виду освободительного движения, охватившего наше общество после крымской войны. Он страстно любил свою науку, но еще страстнее любил он тот народ, «многочисленные бедствия которого во все века» он часто оплакивал «навзрыд» (стр. 39). Страдания народа, «беды и напасти забитого и угнетенного крестьянства» слишком резко запечатлелись в его душе с детства, чтобы он мог на всю жизнь остаться бесстрастным кабинетным тружеником. Всеобщее возбуждение умов ускорило неизбежный перелом в характере молодого ученого. «Крестьянская реформа наэлектризировала Щапова до последней степени, и надо было ожидать если не громового удара, то сильного треска. Своим страстным увлечением и порывистой энергией, страшной силой убеждения и непреклонного характера, необычайной задушевностью и горячей любовью к народу он электризовал и студентов»

И вот тогда-то и стал обнаруживаться у него «задор судить и рядить о делах практических», как повествует не без высокомерного презрения инспектор историко-филологического института князя Безбородко. «Много я мог бы наговорить дельного, жизненного нашим деревянным правителям, да разве они снизойдут до того, чтобы выслушать,—говорил он с раздражением.—Мысль подчас так мучит, так напрягает голову, что и самых тяжелых вздохов, а за вздохами слез мало для облегчения мысленного давления. Слово, свободное слово—единственный простор мысли. Это—ее свежий воздух...» Но так как этого воздуха не было, то поневоле приходилось задумываться о том, как бы очистить атмосферу русской жизни, не дожидаясь согласия на то «деревянных правителей», и припоминать историю прежде бывших попыток этого рода. Так, напр. Афанасий Прокофьевич с большою симпатиею относился к декабристам. По этому поводу Аристов сообщает в своей книге факт в высшей степени интересный и едва ли не единственный в истории наших университетов. Раз, будучи уже приглашен на кафедру русской истории в университет Щапов заявил, что будет читать о декабристах. «Само собой разумеется, что 7-ая аудитория к назначенному часу была битком набита; едва успел Щапов взойти на кафедру, растворилась дверь, вошел помощник попечителя Тихомандрицкий и занял место. Наступила мертвая тишина. Лектор при неожиданности немного растерялся: достал из кармана бумажку на которой написан был конспект, повертел ее в руках и опять положил ее в карман, потом опять вынул конспект и тотчас заявил, что лекция его имеет предметом историю декабристов... Он начал говорить с такой свободой и о таких подробностях, как будто дело шло о самых обыкновенных вещах между близкими приятелями. Эту лекцию Щапов заключил стихами:

Иной восстанет грозный мститель,
Иной родится мощный род:
Страны своей освободитель
Проснется дремлющий народ.

«Восторженный взрыв рукоплесканий и криков пронесся, словно буря, с треском и громом, и проводил смельчака-доцента» (стр. 59).

Такая смелая и откровенная речь, такое явное сочувствие революционной попытке, о которой лишь за несколько лет до того была с высочайшего одобрения издана лживая и полная клевет книга барона Корфа,—были и до сих пор остаются «не ко двору» нашим университетам.

Молодой доцент скоро попал на замечание, и бездненская история была лишь внешним поводом для его увольнения. «Как фанатик своих убеждений,—читаем мы в книге Аристова,—он привык высказывать их не стесняясь; если бы даже грозили ему страдания за откровенность он не посмотрел бы на них, а только закалился бы в своем стремлении» (стр. 64). Такой характер заранее обрекал Щапова на мученичество и отнимал у него возможность спокойно продолжать свою научную карьеру

Он умер не академиком, а ссыльным, лишенным не только научных пособий,—но даже средств к существованию. «Не задолго до кончины своей он иногда *приходил голодным к знакомым и просил, чтобы накормили его:* обыкновенной его домашней пищей был чай с хлебом. Отсутствие питания ускорило развязку дела и сокрушило его злополучную жизнь; *без добрых людей и раньше он мог бы умереть с голода*».

Щапов скончался 27 февраля 1876 г. Весьма характерно, что сообщение о его кончине не разрешено было к печатанию в газете «Сибирь», и общество иркутское узнало о его смерти, когда «уже он давно лежал в земле сырой». Так погиб этот ученый представитель русского мыслящего пролетариата, бывший, по словам Аристова, целую жизнь заступником русского народа.

Покойный инспектор также огорчается этой безвременной гибелью, но он обвиняет в ней не тех, кого следует. Мы уже сказали, что он винит в ней больше всего самого Щапова.

Упомянувши о речи, послужившей поводом к аресту Щапова, наш автор с горечью восклицает, что «минутное торжество бесцельной политики убило наповал развитие науки». Мы высоко ставим благородную и талантливую личность Щапова и не сомневаемся в том, что он мог бы вести политическую агитацию с большею целесообразностью, а потому и с большим успехом. Но мы никак не можем признать вредным для науки пробуждение в ученом политических интересов. Кому же не известно, что очень многие из западно-европейских ученых принимают деятельное участие в политической жизни своей страны, в парламентских заседаниях и в избирательной агитации и в то же время делают для своей специальности не меньше, чем сделали все вместе взятые студенты Казанской духовной академии, политической индифферентизм которых с такой похвалой оттеняет в своей книге Аристов. Пора же, наконец, русским ученым понять, что наука может беспрепятственно развиваться лишь там, где ее учения свободны, и что такая свобода мыслима лишь в свободном государстве. На основании этой аксиомы можно сказать, что наши политические мученики делают для будущего развития русской науки больше, чем ученые филистеры, не видящие потребностей нашей современной действительности из-за реторт, летописей или кристаллов. Тому, кто назвал бы нашу мысль преувеличением, мы напомним следующие слова одного из величайших немецких мыслителей. «Я убежден,—говорит Фихте, обращаясь к студентам в 1813 г.,—я убежден, что царству исконного врага человеческого рода—зла вообще, в различные эпохи являющегося в самых различных видах, конец может быть положен только развитием науки в человеческом роде. Вам известно, что я разумею под этим воплощение знания, разума, мудрости в самую жизнь...

Но эта духовная война против зла требует внешнего мира, спокойствия, тишины, неприкосновенности ведущих ее личностей. Если бы это условие было нарушено, если бы свободное развитие человеческого духа стеснялось или запрещалось, тогда *прежде всего другого* должно было бы

завоевать эту свободу, ничего не щадя для нее, жертвуя даже кровью и состоянием, потому что, если она не завоевана, и пока она не завоевана немыслимо никакое улучшение человеческих отношений и человеческий род должен вести позорное и бесцельное существование». Мы знаем, конечно, что не все ученые мужи могут возвыситься до такой точки зрения, что сама Германия была и остается классической страной «книжных червей» всевозможных специальностей; но пора же Вагнеру понять, что он только Вагнер, и не удивляться тому, что доктор Фауст задыхается в своем ученом кабинете.

Перейдем к историческим идеям Щапова. В книге Аристова мы не находим критики этих идей. Покойный доктор русской истории ограничился лишь немногими заметками относительно «своеобразного проселочного пути», проложенного Щаповым в своей науке, да несколькими ворчливыми выходками против его «скороспелых выводов». Но он дает нам небезынтересные сведения о ходе развития и занятий нашего талантливого историка и об отношении его к современным ему литературным направлениям. Он рассказывает, что Н. Г. Чернышевскому сильно хотелось привлечь на свою сторону Щапова, но с тем, чтобы он изменил хоть отчасти свой исторический взгляд, с этой целью он устроил с ним свидание на масленице 1862 г. Целый вечер продолжался горячий спор между ними о коренных воззрениях на русскую историческую жизнь и современное состояние народов. Щапов узнал только при прощании, с кем он вел долгий и дельный спор—и, однако, ни на шаг не уступил из своих выработанных убеждений. С той поры участие его в «Современнике» сделалось сомнительным... (стр. 91). За две страницы перед тем мы читаем, что, «сталкиваясь с сотрудниками Современника», Елисеевым, Пыпиным, Помяловским и другими, Щапов не мог помириться с направлением этого журнала, считая его искусственным, сочиненным и непригодным для русского народа, наметившего свой жизненный путь, по которому и следует сознательно вести его «истинно-образованным людям». Это разногласие нисколько не удивит нас, если мы припомним, что в Щапове были очень сильны славянофильские тенденции.

В основе его миросозерцания лежало, как известно, противоположение «двух опытов земского строения: 1) опыта свободного самоустройства и саморазвития, в форме земли русской, земства, земсковечевого мира, 2) опыта едино-державно-бюрократического строительства, в форме государства, империи всероссийской». Он настолько же отрицательно относился ко второму из названных периодов, как горячо защищал первый. Эта ненависть к централизационной эпохе нашей истории коренилась, с одной стороны, в сильном сочувствии Щапова к народным массам, которые расплачивались страшною ценою за создание сильного русского государства. Всякий, знакомый с его сочинениями, помнит, вероятно, с каким сочувствием описывает Щапов борьбу «сельской России» против всепоглощающей государственности. С другой стороны, его взгляды являлись естественной реакцией против односторонности предшествовавших историков.

«Когда я изучал,—пишет он,—историю Устрялова и Карамзина, мне всегда казалось странным, отчего в их истории не видно нашей сельской Руси, истории масс, так называемого, простого черного народа? Разве это громадное большинство не имеет прав на просвещение, на историческое развитие и значение? Прочитайте летописи, акты и писповые книги, вы увидите, что строителями России были крестьяне всюду и везде, и они вынесли на своих могучих плечах светлое будущее нашего отечества». Это признание исторической самодеятельности народных масс и эта симпатия к ней заставляли его с особенной любовью останавливаться на том времени, когда Московские приказы и Петербургские канцелярии не довели еще до ничтожного минимума «излюбленного народом самоуправления», когда «жизнь русского народа слагалась во всех отношениях *естественно* свободно. без искусственного расписания русского народонаселения, «*по земле и воде*», когда «каждая область с мелкими подразделениями имела свою самобытность и самостоятельное управление, сложившееся естественно, по требованию жизни народонаселения». В своей симпатии к этому периоду Щапов, в свою очередь, доходил до крайности. Хотя он и признавал, что «законы исторического роста, воспитания и народного организма так же естественны и вечны, как законы природы», хотя он и понимал, что с этой точки зрения «самые реформы петровской эпохи централизационной системы и бюрократические учреждения его могут иметь силу жизненности и воспитательности исторической»,—но это признание не мешало ему смотреть на несколько столетий русской истории, как на одну огромную ошибку. В очерке «русского управления XVIII-го века» он доказывает, что сущность всего правительственного строительства в течение XVIII и первой половины XIX столетий состоит в непрерывном, последовательном отрицании предшествовавших учреждений установлениями последующими, в изменении комиссий, проектов и положений». По смыслу этих слов выходит, что государственно-централизационная эпоха русской истории привела и могла привести лишь к отрицательным результатам. И в этом случае один из родоначальников русского народничества сходится с самым блестящим представителем—если так можно выразиться—манчестерской исторической школы на Западе. Читатель помнит, что, по мнению Бокля, самые мудрые распоряжения государей заключаются в отмене законов, изданных их предшественниками.

Развиваясь далее, это воззрение Щапова на историческую роль русского государства совпало в умах наших народников с анархическим учением Прудона и Бакунина и послужило как бы его историческим объяснением.

Взгляды Щапова на раскол и на революционные движения «сельской России» подтверждали, казалось, убеждение русских анархистов в том, что народ наш обладает «прирожденными» антигосударственными и коммунистическими стремлениями. Здесь не место входить в оценку исторической роли государства вообще и русского государства в частности. Но не мешает обратить внимание на то интересное обстоятельство, что разногласие между Н. Г. Чернышевским и А. П. Щаповым заключалось совсем не в отношении к общине. Первый из названных писателей защищал ее энергичнее, чем кто бы то ни было до и после него. Яблоком раздора был именно вопрос о государстве, его исторической роли и желательном для демократов отношении его к народу в настоящее время. Как видно из его «Очерков политической экономии», Ник. Гавр. Чернышевский хорошо понимал, что социалистический переворот, устраняя разделение общества на классы, должен, в конце концов, уничтожить существующее ныне противоположение между обществом и государством. Но это была отдаленная цель и необходимый вывод из пересоздания общественно-экономических отношений, самое это пересоздание было, повидимому, мыслимо для него лишь под условием энергического воздействия со стороны государства. Его статья «Экономическая деятельность и законодательство» по сущности своей аргументации ровно столько же касается анархистов, как и экономистов манчестерской школы. Защищая общинное землевладение, Н. Г. Чернышевский ставил его под охрану и покровительство государства, которое играло роль главного рычага во всех его реформаторских проектах. Само собой разумеется, что понятие о государстве, как факторе общественного прогресса, не совпадало у него с понятием об «единодержавно-бюрократическом государстве». Причину неудачи пресловутых «реформ прошлого царствования» он видел, как это показывают его «Письма без адреса», именно в том, что они были предприняты без активного участия общества и народа. Он придавал огромное значение созданию свободных политических учреждений, но он понимал, что желательные для него экономические реформы одинаково затрагивают интересы народа на всем пространстве России, и потому должны быть предприняты по государственной, а не местной, общинной или областной инициативе.

С своей стороны, А. П. Щапов обращал главное внимание не на экономическую, а на общественно-правовую сторону реформ, интересовавших русских демократов и социалистов того времени. Хотя эти две стороны социального строя очень тесно связаны между собой, хотя общественно-правовые реформы бывают часто необходимым условием осуществления экономических реформ, но нужно заметить, что при выработке своей практической программы всякий общественный деятель должен прежде выяснить себе свои экономические задачи, а затем уже изыскивать подходящие для них политические средства. В противном случае, он рискует стать в противоречие с своей собственной целью и симпатизировать таким общественно-правовым реформам, которые лишат представляемый им класс возможности прийти прямым путем к экономическому благосостоянию. Убежденный в том, что экономический быт русского народа также создался естественным путем колонизации и промысловой деятельности, сообразно с местными условиями», что внутреннее поземельное устройство и экономическое саморазвитие носило (в доцентрализационный период нашей истории) областной оттенок», покойный историк видел в возврате к федеративному строю едва ли не главное условие экономиче-

ского освобождения народа. Он забывал, что, при разделении общества на классы, федеративный строй, может быть, по крайней мере, таким же удобным орудием эксплоатации большинства меньшинством, как и централистический. Он забывал также, что для низшего класса народа, главная сила которого состоит в его численности, лучшею школою которого является жизнь в больших центрах, политическое раздробление равносильно ослаблению, а иногда и полному уничтожению возможности низвергнуть давящее их иго. Чтобы не ходить далеко за примером, укажем хоть на историю швейцарского фабричного законодательства, существующего в своем настоящем виде благодаря инициативе общесоюзного правительства. Отчеты фабричных инспекторов наглядно показывают, каким сильным препятствием к осуществлению даже этих далеко не идеальных законов являются местные, общинные власти, естественно находящиеся под влиянием крупных промышленников. Существующие в той же Швейцарии так называемые «communes bourgeoises», предоставляющие исключительные права коммунальным старожилам, также могли бы убедить любого из крайних последователей Щапова, что в экономическом развитии всякого цивилизованного народа рано или поздно наступает период, когда общинные рамки становятся слишком тесными для выражения и защиты интересов рабочего класса; когда права граждан находят надежное для себя обеспечение не в общинных, а в государственных учреждениях. Сам Щапов никогда не требовал, разумеется, полного уничтожения государства, как средства освобождения народных масс; этот вывод был сделан из его воззрений лишь нашими бакунистами. Но, благодаря невыясненности своих экономических понятий, он никогда не представлял себе ясно тех требований, с какими может обратиться к государству современное рабочее сословие. «Пожелаем мирским сходам больше простора, свободы в своем саморазвитии,—писал он в статье «Сельский мир и мирской сход»,—а крестьянам больше прав свободного пользования землями, лесами и другими источниками народного богатства, простора для торгово-промышленного развития, возрастания богатых сел на степень городов, без искусственного указного вмешательства».

Если мы сравним эту программу Щапова с тем, что писал и предлагал Н. Г. Чернышевский,—сделавши, разумеется, поправки на неизбежные, по независящим от редакции обстоятельствам, недомолвки,—то мы увидим, что первый стоит в таком же отношении ко второму, как современный демократ к *социал-демократу*. Один желает *свободного* личного и общественного развития и считает уменьшение государственного вмешательства в экономическую жизнь общества самым главным и чуть ли не единственным условием этого развития. Его экономические требования ограничиваются предоставлением «крестьянам побольше прав свободного пользования землями, лесами и другими источниками народного богатства». Другой понимает уже, что это пользование «землями и лесами» требует не только «свободы», но и целесообразной организации, без которой «возрастание богатых сел до степени городов» поведет лишь к угне-

тению рабочего класса; в истории народов он видит не только борьбу, двух абстрактных принципов *федерализма и централизма*, но и те экономические условия, которые создали федералистические и централистические государства; он прослеживает борьбу классов через все пройденные ею фазисы, анализирует те политические формы, которые служили защитой для эксплоататоров; определяет те общественно-экономические задачи, которые выросли в процессе вековой борьбы общественных классов,—и приходит к тому заключению, что община сделалась слишком узким базисом для решения этих задач, и что рабочий класс должен не разрушать так дорого стоившую ему государственную машину, а видоизменять и утилизировать ее для своих целей. В то время, как русский *демократ* стремится лишь как можно более ограничить сферу государственного вмешательства, родоначальник русской *социальной* демократии ставит этому вмешательству ясные цели, определяемые экономическими задачами рабочего класса.

Едва ли нужно прибавлять, что наши симпатии лежат на стороне последнего. При всем уважении к А. П. Щапову, как честному борцу за свои убеждения и талантливому историку, пролившему новый свет на одну из интереснейших сторон русской истории, мы не можем не видеть односторонности и угловатости его воззрений. Если тот период нашей истории, в продолжение которого жизнь русского народа «слагалась»—как уверяет Щапов—во всех отношениях естественно и свободно—мог привести лишь к единодержавно-бюрократическому строю», то ясно, что русская свобода того времени носила зародыш смерти в своих собственных недрах; ясно также, что социально-политические отношения, в результате которых явилась эта свобода, заключали в себе коренные недостатки: «естественное» развитие их привело к деспотизму московского и петербургского периодов. Нам заметят, пожалуй, что деспотизм являлся следствием внешних, а не внутренних условий, что он зародился и укрепился в борьбе с иноземными завоевателями. Пусть будет так. Но тогда зачем же нам идеализировать тот печальный период народной беспомощности, который если и оставлял русскому народу какой-нибудь выбор, то лишь выбор между чужеземными или домашними поработителями. Не должны ли мы припомнить в этом случае слова Маркса, который говорит, что «социальная революция девятнадцатого столетия может черпать свою поэзию не в прошлом, а только в будущем», что «она не может начаться до тех пор, пока не уничтожатся все суеверия прошлого», что между тем как «предшествующие революции нуждались в всемирно-исторических образцах и воспоминаниях, революция девятнадцатого столетия должна предоставить мертвым хоронить своих мертвецов», и «сосредоточить свое внимание на своем собственном содержании». Мы уверены, что пришла уже пора критической оценке всех элементов нашего народничества. Между этими элементами взгляды Щапова на взаимные отношения народа и государства, на раскол и общину—занимают, как мы сказали, очень видное место и уже по одному этому заслуживают полного внимания наших социалисти-

ческих писателей Чем тверже ступят русские революционеры на точку зрения научного социализма, тем определеннее им представится созидающая экономическая роль русского народного государства; чем яснее сознают они экономические задачи социалистической революции, тем очевиднее будет для них, что старые формы народной жизни и народного миросозерцания слишком тесны для того, чтобы воплотить в себя практику и теорию нового движения. Укрепившись в этом сознании, наша социально-революционная партия начнет третий, непредвиденный Щаповым, период «земского строительства», равно-далекий как от земско-вечевого, так и от единодержавно-бюрократического «опыта»—именно *период социально-демократический.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1883—1884 г.г.

Об издании «Библиотеки Современного Социализма».

Борьба с абсолютизмом —историческая задача, общая русским социалистам с другими прогрессивными партиями в России—не принесет им возможного влияния в будущем, если падение абсолютной монархии застанет русский рабочий класс в неразвитом состоянии, индифферентным к общественным вопросам или не имеющим понятия о правильном решении этих вопросов в своих интересах.

Поэтому социалистическая пропаганда в среде наиболее восприимчивых к ней слоев трудящегося населения России и организация, по крайней мере, наиболее выдающихся представителей этих слоев составляет одну из серьезнейших обязанностей русской социалистической интеллигенции.

Необходимым условием такой пропаганды является создание рабочей литературы, представляющей собою простое, сжатое и толковое изложение научного социализма, и выяснение важнейших социально-политических задач современной русской жизни, с точки зрения интересов рабочего класса.

Но, прежде чем взяться за создание такой литературы, наша революционная интеллигенция должна сама усвоить современное социалистическое миросозерцание, отказавшись от несогласимых с ним старых традиций. Поэтому критика господствующих в ее среде программ и учений должна занять важное место в нашей социалистической литературе.

Всякий, знакомый с современным состоянием нашей социалистической литературы, знает, как мало удовлетворяет она обоим вышеуказанным требованиям. Члены группы, впервые приступившей к изданию «Черного Передела» (в 1879—1880 г.г.), решились всеми зависящими от них средствами способствовать пополнению этих пробелов и с этой целью приступают теперь к изданию *«Библиотеки Современного Социализма»*.

Вполне признавая необходимость и важность борьбы с абсолютизмом, они полагают в то же время, что русская революционная интеллигенция слишком игнорировала до сих пор вышеуказанные задачи организации рабочего класса и пропаганды социализма в его среде; они думают, что борьба ее с правительством не сопровождалась в достаточной мере подготовлением русского рабочего класса к сознательному участию в

политической жизни страны. Разрушительная работа наших революционеров не дополнялась созданием элементов для будущей рабочей социалистической партии в России.

Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «*Черного Передела*» образуют ныне новую группу «*Освобождение Труда*» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями [1]).

Успех первого предприятия этой группы зависит, конечно, от сочувствия и поддержки со стороны действующих в России революционеров. Поэтому она и обращается ко всем кружкам и лицам в России и за границей, сочувствующим вышеизложенным взглядам, с предложением обмена услуг, организации взаимных сношений и совместной выработки более полной программы для работы на пользу общего дела.

Группа эта смотрит на «Библиотеку Современного Социализма», как на первый опыт, удача которого дала бы ей возможность расширить свое дело и приступить к изданию социалистических сборников или даже периодического обозрения.

Задача, поставленная себе издателями «Библиотеки Современного Социализма», едва ли нуждается после всего сказанного, в более подробном объяснении. Она сводится к двум главным пунктам:

1) Распространению идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса, и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.

Женева,
25 сентября 1883 г.

---

[1]) В виду неоднократно повторявшихся слухов о состоявшемся будто бы соединении старой группы «Черн. Пер.» с «Нар. Вол.», мы считаем нужным сказать здесь несколько слов по этому поводу. В последние два года, действительно, велись между обеими группами переговоры о соединении. Но, хотя два-три члена нашей группы даже вполне примкнули к «Нар. Воле», полное слияние не могло, к сожалению, состояться. Как читатель может увидеть из брошюры «Социализм и политическая борьба», это слияние затрудняется нашим разногласием с «Нар. Вол.» по вопросу о так называемом «захвате власти», а также некоторых практических приемах тактики революционной деятельности, вытекающей из этого пункта программы. Обе группы имеют, однако, теперь так много общего, что могут действовать, в огромном большинстве случаев, рядом пополняя и поддерживая друг друга.

СОЦИАЛИЗМ
и
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая брошюра может подать повод ко многим недоразумениям или даже неудовольствиям. Лица, сочувствующие направлению «Земли и Воли» и «Черного Передела» (органов, в редактировании которых я принимал участие), могут упрекнуть меня в том, что я отступил от теории, так называемого, народничества. Сторонникам других фракций нашей революционной партии может не понравиться моя критика дорогих им воззрений. Считаю нелишним, поэтому, небольшое предварительное объяснение.

Стремление работать *в народе* и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса»—эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне по прежнему. *Теоретические* же его положения, действительно, кажутся мне во многих отношениях ошибочными. Годы пребывания за границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня, что торжество стихийного народного движения, в роде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения, и что они не могут «развиться в высшую коммунистическую форму» без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партии. Поэтому я думаю, что рядом с борьбой против абсолютизма русские революционеры должны стремиться, по крайней мере, к выработке элементов для создания такой партии в будущем. В этой созидательной деятельности им, по необходимости, придется перейти на почву современного социализма, так как идеалы «Земли и Воли» не соответствуют положению промышленных рабочих. И это будет очень кстати теперь, когда теория русской самобытности становится синонимом застоя и

реакции, а прогрессивные элементы русского общества группируются под знаменем осмысленного «западничества».

Перехожу к другому пункту моего объяснения. Здесь, прежде всего, скажу в свою защиту, что я касался не лиц, а мнений, и что частные разногласия мои с той или другой социалистической группой ни мало не уменьшают моего уважения ко всем искренним борцам за освобождение народа.

Кроме того, так называемое террористическое движение открыло собою новую эпоху в развитии нашей революционной партии—эпоху *сознательной политической борьбы* с правительством. Эта перемена в направлении деятельности наших революционеров делает необходимым пересмотр всех взглядов, унаследованных ими от предыдущего периода. Жизнь требует внимательного пересмотра всего нашего умственного багажа при нашем вступлении на новую почву, и я смотрю на свою брошюру, как на посильный вклад в это дело критики, давно уже начавшейся в нашей революционной литературе. Читатель не забыл еще, вероятно, биографии А. И. Желябова, заключающей в себе строгую и часто весьма верную критическую оценку программы и деятельности кружка «Земли и Воли». Очень может-быть, что мои критические попытки окажутся менее удачными, но едва ли было бы справедливо признать их менее своевременными.

Г. П.

Женева,
25 октября 1883 г.

Социализм и политическая борьба.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая.
Карл Маркс.

С тех пор, как русское революционное движение окончательно выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, вопрос о политических задачах социалистов сделался самым насущным, самым жгучим вопросом для нашей партии. Из-за него расходились люди, связанные многими годами совместной практической деятельности, из-за него распадались целые кружки и организации. Можно даже сказать, что все русские социалисты временно разделились на два лагеря, державшиеся диаметрально-противоположных взглядов на «политику». Как и всегда бывает в подобных случаях, дело не обошлось без крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу, проявлением в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов, осквернением чистоты социалистической программы. Другие не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, в ее мнимых интересах, идти на компромиссы с либерально-оппозиционными элементами нашего общества. Некоторые доходили даже до того, что считали вредным для настоящего времени всякое проявление классового антагонизма в России. Таких взглядов держался, напр., Желябов, которому «русская революция представлялась, по словам его биографа, не исключительно в виде освобождения крестьянского или даже (?) рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще» [1]). Другими словами, революционное движение против абсолютной монархии сливалось в его представлении с социально-революционным движением рабочего класса во имя своего экономического освобождения; частная, специально-русская задача настоящего времени заслоняла собою общую задачу рабочего класса всех цивилизованных стран. Далее этого разногласие идти не могло, и разрыв стал неизбежен.

Время сгладило, однако, крайности и разрешило значительную часть спорных вопросов в удовлетворительном для обеих сторон смысле. Мало-по-малу все или почти все признали, что начатая политическая борьба должна продолжаться до тех пор, пока широкое освободительное движение в народе и обществе не разрушит здания абсолютизма, как землетрясение разрушает курятник, если можно употребить энергическое выражение Маркса. Но очень многим из наших социалистов борьба эта до сих пор представляется каким-то вынужденным компромиссом, временным торжеством «практики» над «теорией», насмешкой жизни над бессилием мысли. Сами «политики», оправдываясь от сыпавшихся на них упреков,

[1]) См. брошюру «Андрей Иванович Желябов», стр. 110.

избегали всякой апелляции к основным положениям социализма, а ссылались опять на неотразимые требования действительности. В глубине души они и сами, повидимому, верили, что им не совсем к лицу политические тенденции, но утешали себя тем соображением, что только в свободном государстве они могут предоставить мертвым хоронить своих мертвецов и, покончивши всякие счеты с политикой, всецело посвятить себя делу социализма. Это смутное убеждение приводило иногда к нелишенным курьеза недоразумениям. Разбирая речь «русского гостя» на Хурском Конгрессе и пытаясь оправдаться от мнимого упрека в политиканстве, «Народная Воля» заметила, между прочим, что ее сторонники не социалисты и не политические радикалы, а просто «народовольцы». Орган террористов полагал, что на «Западе» внимание радикалов исключительно поглощено политическими вопросами, а социалисты, наоборот, знать не хотят «политики». Всякий, знакомый с программами западно-европейских социалистов, понимает, конечно, насколько ошибочно такое представление по отношению к огромному их большинству. Известно, что социальная демократия Европы и Америки никогда не придерживалась принципа политического «воздержания». Ее сторонники не игнорируют «политики». Они только не представляют себе задач социалистической революции в виде «возрождения всего народа вообще». Они стараются организовать рабочих в особую партию, чтобы отделить, таким образом, *эксплоатируемых от эксплоататаров* и дать политическое выражение экономическому антагонизму. Откуда же взялась у нас уверенность в том, что социализм обусловливает собою политический индифферентизм,—уверенность, стоящая в полном противоречии с действительностью? У Шиллера Валленштейн говорит Максу Пикколомини, что человеческий ум широк, между тем как мир узок, и что поэтому мысли легко уживаются в первом, между тем как вещи резко сталкиваются между собою во втором. Должны ли мы сказать про себя, что в нашем мозгу, наоборот, не могут ужиться рядом понятия о таких вещах, которые не только прекрасно уживаются на практике, но и вообще немыслимы вне взаимной связи? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно, прежде всего, привести в ясность те представления о социализме, которые существовали у наших революционеров в эпоху возникновения в их среде политических тенденций. Убедившись в том, что эти представления были ошибочными или отсталыми, мы посмотрим, какое место отводит политической борьбе то учение, которому даже буржуазные его противники не отказывают в названии *научного социализма*. После этого нам останется только сделать в наших общих выводах поправки, неизбежные в виду тех или других особенностей современного положения дел в России—и наша тема будет исчерпана; политическая борьба рабочего класса с врагами, принадлежащими к той или иной исторической формации, окончательно обнаружит перед нами свою связь с общими задачами социализма.

I.

Социалистическая пропаганда оказала огромное влияние на весь ход умственного развития в цивилизованных странах. Нет почти ни одной отрасли общественной науки, на которую эта пропаганда не повлияла бы в том или ином смысле. Она частью разрушила старые, научные предрассудки, частью превратила их из наивного заблуждения в софизм. Понятно, что еще сильнее должно было отозваться влияние социалистической пропаганды на самих сторонниках нового учения. Все традиции прежних «политических» революционеров подверглись беспощадной критике, все приемы общественной деятельности были анализированы с точки врения «нового Евангелия». Но так как дело научного обоснования социализма было закончено лишь с появлением «Капитала», то понятно, что результаты этой критики далеко не всегда были удовлетворительны. А так как, с другой стороны, в утопическом социализме существовало несколько школ, почти равносильных по своему влиянию, то мало-по-малу выработался род какого-то среднего социализма, которого и придерживались люди, не претендовавшие на основание новой школы и не принадлежавшие к числу особенно рьяных сторонников школ, прежде существовавших. «Этот эклектический социализм представляет собою,—как говорит Фр. Энгельс,—различных оттенков смесь из наиболее общепризнанных и наименее глубоких критических замечаний, экономических положений и общественных идеалов различных основателей сект, смесь тем легче получаемую, чем скорее составные части ее утрачивают в потоке дебатов—как камни в ручье—свои острые углы и грани» [1]. «Этот средний социализм,—замечает тот же автор,—господствует до сих пор в головах большинства рабочих в Англии и Франции» [2]. Мы, русские, могли бы прибавить, что такая же точно смесь господствовала в половине семидесятых годов в умах наших социалистов и представляла тот общий фон, на котором выделялись два крайние направления, так называемых, «впередовцев» и «бакунистов». Первые склонялись к немецкой социал-демократии, вторые представляли собою русское издание анархической фракции Интернационала. Расходясь между собою в очень многом, почти во всем, оба направления сходились—как это ни странно сказать—в отрицательном отношении к «политике». И нужно сознаться, что анархисты были в этом отношении последовательнее русских социал-демократов того времени.

С анархической точки зрения политический вопрос является пробным камнем всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицают всякие сделки с современным государством, но исключают из своих представлений

---

[1]) Cм. Entwicklung des Sozialismus, S. 18.

[2]) Прим. ко 2-му изданию. *Теперь во Франции окончательно восторжествовал марксизм*, основные положения которого признаются, в более или менее искаженном виде, даже «оппортюнистами» из лагеря Жореса.

о «будущем обществе» всё, что напоминает так или иначе государственную идею. «Автономная личность в автономной общине»—таков был и есть девиз всех последовательных сторонников этого направления. Известно, что родоначальник его, Прудон, поставил себе, в своем органе «La voix du peuple», не совсем скромную задачу «сделать по отношению к идее правительства (которую он смешивал с государственной идеей) то же, что сделал Кант по отношению к идее религиозной» [1]), и дошел в своем государственном рвении до того, что объявил самого Аристотеля «скептиком в вопросе о государстве» [2]). Решение поставленной им себе задачи было очень просто и вытекало, если угодно, совершенно логично из экономических учений французского Канта. Прудон никогда не мог представить себе экономического строя будущего иначе, как в форме товарного производства, исправленного и дополненного ногой, «справедливой» формой обмена на началах «конституированной стоимости». При всей «справедливости» этой новой формы обмена, она не исключает, разумеется, ни купли, ни продажи, ни долговых обязательств, сопровождающих товарное производство и обращение. Все эти сделки предполагают, конечно, различные договоры, которыми и определяются взаимные отношения обменивающихся сторон. Но в современном обществе «договоры» основываются на общих правовых нормах, обязательных для всех граждан и охраняемых государством. В «будущем обществе» дело должно будет происходить несколько иначе. *Революция должна была, по мнению Прудона, уничтожить «законы», оставляя одни «договоры»*. «Не нужно законов, вотированных большинством или единогласно,—говорит он в своей «Idée générale de la Révolution au XIX siècle»,—каждый гражданин, каждая коммуна и корпорация установят свои особые законы» (p. 259). При таком взгляде на дело, политическая программа пролетариата упрощалась до последней возможности. Государство, признающее лишь общие и обязательные для всех граждан законы, не могло служить даже средством для достижения социалистических идеалов. Пользуясь им для своих целей, социалисты лишь укрепляют то зло, с искоренения которого должна начаться «социальная ликвидация». Государство должно «разложиться», открывая, таким образом, «каждому гражданину, каждой коммуне и корпорации» полную свободу издавать «свои собственные законы» и заключать необходимые для для них «договоры». Если же анархисты не будут терять времени в пе-

[1]) См. «Confession d'un révolutionnaire», Préface, p. 4.

[2]) До какой степени Аристотель был «скептиком» в вопросе о государстве, видно из первой главы первой книги его «Политики», где он говорит, что «государство есть самая законченная форма общественности»; что цель его есть «высшее благо», и что, поэтому, оно оказывается явлением «естественным в самом высоком смысле этого слова, а человек есть животное, самой природой предназначенное к государственной форме общественности» (B. I, C. I, §§ I—XI немецкого издания Зюсемиля 1879 года). Автор «Политики» так же «скептично» относится к государству, как Прудон к товарному производству: первый не мог представить себе иной, высшей формы общественности, второй не подозревал, что продукты могут распределяться между членами общества, не являясь в виде товаров.

риод «ликвидации», то «договоры» эти будут заключены в духе «Системы экономических противоречий», и торжество «Революции» будет обеспечено.

Задача русских анархистов упрощалась еще более. «Разрушение государства» (занявшее мало-по-малу в анархической программе место рекомендованного Прудоном его «разложения») должно было расчистить путь для развития «идеалов» русского народа. А так как в этих «идеалах» общинное землевладение и артельная организация промыслов занимают очень видное место, то предполагалось, что «автономные» россияне демократического происхождения будут заключать свои «договоры» уже не в духе прудоновской взаимности, а скорее в духе аграрного коммунизма. Как «прирожденный социалист», русский народ не замедлит понять, что одно общинное владение землею и орудиями производства не гарантирует еще желанного «равенства», и вынужден будет взяться за организацию «автономных общин» на совершенно коммунистических основаниях.

Впрочем, русские анархисты—по крайней мере, анархисты, так называемого, «бунтарского» оттенка—мало задумывались об экономических последствиях проповедуемой народной революции. Они считали своею обязанностью устранить те общественные условия, которые мешали, по их мнению, нормальному развитию народной жизни; но они не спрашивали себя о том, по какому пути пойдет это развитие, освободившись от внешних препятствий. Что эта своеобразная переделка на революционный фасон знаменитого девиза манчестерской школы: laissez faire, laissez passer, исключала всякую возможность серьезной оценки современного состояния нашей общественно-экономической жизни и уничтожала всякий критерий для определения самого понятия о «нормальном» ходе ее развития—этого также не подозревали ни «бунтари», ни появившиеся впоследствии «народники». При том же подобная оценка была бы совершенно безнадежной попыткой до тех пор, пока исходной точкой рассуждений наших революционеров оставались учения Прудона. Слабейшею частью этих учений, пунктом их логического грехопадения, является понятие о товаре и меновой стоимости, т.-е. именно те посылки, на основании которых только и можно сделать правильное заключение о взаимных отношениях производителей в экономической организации будущего. С точки зрения прудоновских теорий не имеет никакой особенной важности то обстоятельство, что современное русское общинное землевладение отнюдь не исключает товарного производства. Прудонист понятия не имеет о «внутренней, неизбежной диалектике», превращающей товарное производство на известной стадии его развития, в—капиталистическое [1]). Его русскому кузену и в голову не приходило, поэтому, спросить себя, достаточно ли разъединенных усилий «автономных» лиц, коммун и корпораций для борьбы с этой тенденцией товарного производства, грозящей снабдить в один прекрасный день некоторую часть «прирожденных» коммунистов «благоприобретенными» капиталами и превратить их в эксплоататоров остальной

[1]) См. «Das Kapital», 2 Auflage, S.S. 607—608.

массы населения. Анархист отрицает созидающую роль государства в социалистической революции именно потому, что не понимает задач и условий этой революции.

Мы не можем вступать здесь в подробный разбор ни анархизма вообще, ни «бакунизма», в частности [1]). Мы хотим лишь обратить внимание наших читателей на то обстоятельство, что как Прудон, так и русские анархисты были, с своей точки зрения, вполне правы, возводя «политическое невмешательство» в основной догмат своей практической программы. Социально-политический склад русской жизни, казалось, в особенности оправдывал обязательное для всех анархистов отрицание «политики». Прежде чем выступить на поприще политической агитации, русский «*обыватель* должен превратиться в *гражданина*, т.-е. завоевать себе хоть какие-нибудь политические права, а прежде всего, разумеется, право думать, что хочет, и говорить, что думает. Такая задача сводится на практике к «политической революции», а опыт западной Европы ясно «показал» всем анархистам, что такие революции никакой пользы народу не принесли, не принесут и принести не могут. Соображение же о необходимости политического воспитания народа путем участия его в общественной жизни своей страны, не могло иметь места уже потому, что анархисты считают, как мы видели, такое участие не воспитанием, а развращением народных масс: оно развивает в них «веру в государство», а следовательно, и тенденцию к государственности или, как сказал бы покойный М. А. Бакунин, заражает его официально-общественным ядом, и, во всяком случае, отвлекает его хоть на малое время от единственно ныне полезного и спасительного дела—от бунта [2]). Притом же по философии истории наших «бунтарей» выходило, что русский народ целым рядом крупных и мелких движений доказал свои антигосударственные наклонности, а потому и может считаться достаточно зрелым в политическом отношении. Поэтому прочь всякое «политиканство»! Поможем народу в его антигосударственной борьбе, сольем в один революционный поток его разрозненные усилия—и тогда неуклюжее здание государства разлетится

[1]) Напомним только читателю возражение, сделанное Прудону Риттингаузеном. «Власть, правительство со всеми его формами,—говорил неутомимый пропагандист теории прямого народного законодательства,—представляют собою лишь *виды* того *рода*, который называется: *Вмешательство общества в отношения людей к вещам, а через посредство вещей—и друг к другу*. Я вызываю г. Прудона бросить мне в лицо, как результат его умственной работы, следующее заключение: «Нет, не нужно такого вмешательства общества в отношения людей к вещам и друг к другу!» См. Législation directe par le peuple et ses adversaires, p. 194—195. Риттингаузен думал, что «поставить вопрос таким образом—значит решить его», так как «г. Прудон сам признает *необходимость такого вмешательства*». Но он не предвидел, что ученики пойдут дальше учителя, и что теория анархии выродится, наконец, в теорию «социального аморфизма». Современные анархисты не признают никакого вмешательства общества в отношения индивидуумов, как они неоднократно заявляли это на страницах некоторых своих органов.

[2]) См. весьма интересную и характерную брошюру *М. А. Бакунина* «Наука и насущное революционное дело».

в прах, открывая своим падением новую эру социальной свободы и экономического равенства! В этих немногих словах выражалась вся программа нашего «бунтарства».

В этом беглом обзоре программ различных фракций русских революционеров мы не должны упускать из виду, что взгляды, с точки зрения которых «всякие конституции» являлись, по выражению старого Ф. Г. Якоби, лишь более или менее невыгодной сделкой с чертом—такие взгляды, говорим мы, были свойственны не одним народникам и анархистам. Если читателю известна полемика Фр. Энгельса с П. Ткачевым [1]), то он, вероятно, помнит, что редактор «Набата», расходясь с бакунистами по вопросу о практической борьбе, совершенно сходился с ними в основных взглядах на социально-политическое положение нашего отечества. Он рассматривал его через ту же призму русской самобытности и «прирожденных коммунистических наклонностей русского народа [2]). Как истинный бланкист, он не отрицал, разумеется, «политики», но понимал ее исключительно в форме заговора с целью захвата государственной власти. Эта цель занимала, повидимому, всё поле зрения наших тогдашних бланкистов и приводила их ко многим противоречиям. Оставаясь последовательными, они должны были признать, что деятельность их может быть полезна делу прогресса лишь в том исключительном случае, когда направляемый ими удар ни на волос не минует своей цели. Если задуманный захват власти не удастся, если заговор будет открыт или революционное правительство будет низвергнуто либеральной партией, то русский народ не только ничего не выиграет, но, напротив, рискует очень много потерять. В особенности, гибелен последний из предположенных случаев. Либералы создадут сильное правительство, борьба с которым будет гораздо труднее, чем борьба против современной «абсолютно-нелепой» и «нелепо-абсолютной» монархией; а «огонь экономического прогресса» разрушит коренные основы народной жизни. Под его влиянием, разовьется обмен, упрочится капитализм, уничтожится самый принцип общины, словом, река времен унесет тот камень, с которого рукой подать до коммунистического неба. В случае неудачи, русские бланкисты должны были нанести страшный вред делу народного освобождения и попадали, таким образом, в трагическое положение Вильгельма Телля, рисковавшего жизнью собственного сына. Но так как они едва ли отличались ловкостью мифического швейцарского «крамольника», то русский народ не крикнул бы им:

Стреляй! я не боюсь!

если бы усвоил их взгляд на «коренные основы» своей жизни и был приглашен высказать свое мнение об их программе.

Такая узкая и безнадежная философия русской истории должна была логически вести к тому поразительному выводу, что экономическая отста-

[1]) См. «Offener Brief an Herrn F. Engels».

[2]) Чтобы убедиться в этом, стоит лишь сравнить названное «Письмо к Фр. Энгельсу» с цитированной выше брошюрой М. А. Бакунина.

лость России является надежнейшим союзником революции, а застой должен красоваться в качестве первого и единственного параграфа нашей «программы-минимум». «Каждый день приносит нам новых врагов, создает новые враждебные нам общественные факторы»,—читаем мы в первом ноябрьском номере «Набата» за 1875 год. «Огонь подбирается и к нашим государственным формам. Теперь они мертвы, безжизненны. Экономический прогресс пробудит в них жизнь, вдохнет в них новый дух, даст им силу и крепость, которых пока еще в них нет» и т. д. Но если Иисусу Навину удалось, по библейскому рассказу, остановить солнце «на десять степеней», то время чудес прошло, и нет ни одной партии, которая могла бы крикнуть: «стойте, производительные силы, не шевелись, капитализм!». История так же мало обращает внимания на опасения революционеров, как и на реакционные иеремиады. «Экономический прогресс» делает свое дело, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществят свои намерения. Каждая фабрика, основанная в Петербурге, каждый лишний «работничек», принятый ярославским кустарем, усиливает роковое будто бы для революции «пламя прогресса», а следовательно, и уменьшает вероятность народного торжества. Можно ли назвать революционным такой взгляд на взаимное отношение различных общественных сил в России? Мы думаем, что нет. Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрашивать старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути.

Кружок «впередовцев» понимал незрелость и ошибочность вышеизложенных воззрений, и было время, когда он мог получить преобладающее умственное влияние в нашей революционной среде. Это было именно то время, когда практический опыт порядком-таки поистрепал основы старого, анархического народничества, и все его сторонники чувствовали, что их программа нуждается в тщательном пересмотре. Тогда последовательная критика всех ее теоретических и практических положений могла сделать приближающийся перелом в движении еще более решительным и бесповоротным. За такую критику удобнее всего было взяться именно «впередовцам», которые, стоя почти целиком на точке зрения социал-демократии, были совершенно свободны от всех народнических традиций. Но, чтобы иметь успех, критика их должна была *не осуждать, а выяснять и обобщать* те насущные потребности русской жизни, которые всё более и более толкали наших революционеров на путь политической борьбы. Между тем, «впередовцы» отрицали «политику» так же решительно, как и анархисты. Они не думали, правда, что социализм несовместим с вмешательством в политическую жизнь буржуазного государства, и вполне оправдывали программу западно-европейской социал-демократии. Но они полагали, что возможность открытой организации рабочего класса

в особую политическую партию куплена в современном «правовом» государстве слишком дорогою ценой: окончательным торжеством буржуазии и соответствующим эпохе капитализма ухудшением положения рабочих. Они забывали, что при оценке этого положения нужно принимать во внимание не только распределение национального дохода, но и *всю организацию производства* и *обмена*, не только *среднее количество* потребляемых рабочим продуктов, но и самый *вид*, который принимают эти продукты [1]), не только *степень* эксплоатации, но—и в особенности—*ее форму*, не только *факт порабощения* рабочих масс, но также и те *идеи* и *понятия*, которые зарождаются и могут зародиться в голове рабочего под влиянием этого факта [2]). Они едва ли согласились бы с тем, что фабричный рабочий должен оказаться восприимчивее к социализму, чем временнообязанный крестьянин; тем менее признали бы они, что переход, напр., от натурального хозяйства к денежному увеличивает возможность сознательного движения рабочих масс во имя своего экономического освобождения. Философско-историческая часть учения Маркса осталась для них непрочитанною главою любимой книги; они слишком верили во всемогущее влияние своей пропаганды, чтобы искать для нее опоры в объективных условиях общественной жизни. И, подобно социалистам утопического периода, они сводили к этой пропаганде всю дальнейшую историю своей страны вплоть до социального переворота. При такой постановке вопроса они могли, вместе с анархистами, сказать, пародируя известную фразу Прудона—la révolution est au dessus de la politique. Но именно потому они и не могли вывести наше движение из той мертвой точки, в которую оно попало в конце семидесятых годов, благодаря отрицанию всякой политической борьбы, с одной стороны, и невозможности создать, при современных политических условиях, сколько-нибудь сильную рабочую партию—с другой.

Честь сообщения нового размаха нашему движению бесспорно принадлежит «Народной Воле». У всех еще на памяти те нападения, которые вызвали против себя тенденции народовольцев. Пишущий эти строки сам принадлежал к числу решительных противников этого направления, и хотя совершенно признает теперь, что борьба за политическую свободу стала злобою дня современной России, но до сих пор разделяет далеко не все взгляды, высказывавшиеся в «народовольческих» изданиях. Это не мешает ему, однако, признать, что в спорах, происходивших в организации «Земли и Воли» около времени ее распадения, народовольцы были совершенно правы, пока они оставались на почве нашего практического опыта. Этот опыт и тогда уже приводил к поразительным и совершенно неожиданным выводам, хотя мы и не смели сделать их

[1]) Т.-е. являются ли они в виде товаров или непосредственно потребляются семьею производителя, его господином или, наконец, государством, не являясь вовсе на рынке.

[2]) Просим иметь в виду, что мы говорим не о редакции журнала «Вперед», а о действовавших в России сторонниках этого органа.

именно вследствие их неожиданности. Попытки практической борьбы «против государства» в сущности и тогда уже должны были навести на ту мысль, что русский «бунтарь» непреодолимою силою обстоятельств вынужден направлять свою агитацию не против государства вообще, а только против *абсолютного* государства, воевать не с государственной, а с бюрократической идеей, не во имя полного экономического освобождения народа, а во имя устранения тех тягостей, которыми обременяет народ самодержавное императорство. Конечно, аграрный вопрос лежал в основании всех или почти всех проявлений народного недовольства. Иначе и быть не могло в среде земледельческого населения, где «власть земли» сказывается решительно во всем складе и нуждах частной и общественной жизни. Этот аграрный вопрос настойчиво требовал своего разрешения, но он не вызывал *политического* недовольства. Крестьяне с спокойною уверенностью ожидали решения этого вопроса сверху; они «бунтовались» не во имя земельного передела, а против притеснений администрации, против непомерных тягостей податной системы, против азиатского способа взыскания недоимок и т. д. и т. д. Формулой, обобщавшей большую часть случаев активного протеста, являлось «правовое государство», а не «Земля и Воля», как нам всем казалось в то время. Но если это было так, и если революционеры считали своею обязанностью принимать участие в разрозненной и несмысленной борьбе отдельных общин против абсолютной монархии, то не пора ли было им понять смысл своих собственных усилий и направить их с большею целесообразностью? Не пора ли им было призвать к этой борьбе все прогрессивные, живые силы России и, найдя для нее наиболее общее выражение, атаковать абсолютизм в самом центре его организации? Отвечая утвердительно на эти вопросы, «народовольцы» только подводили итог революционному опыту предшествующих лет; поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этих итогов и сознательно продолжали идти по дороге, на которую мы выступили, имея ошибочное понятие об ее направлении. «Терроризм» совершенно логически вырос из нашего «бунтарства».

Но с появлением «Нар. Воли» логическое развитие нашего революционного движения переходило уже в тот фазис, в котором оно не могло более удовлетворяться народническими теориями доброго старого,—т.-е. чуждого политических интересов,—времени. Примеры перерастания теории практикой очень нередки в истории человеческой мысли вообще и революционной мысли в частности. Внося то или другое изменение в свою тактику, подвергая тем или другим переделкам свою программу, революционеры часто и не подозревают, какому серьезному испытанию подвергают они общепризнанные в их среде учения. Многие из них так и умирают в тюрьмах или на виселицах, вполне уверенные в том, что они действовали в духе именно тех учений, между тем как в сущности они были представителями новых тенденций, возникших на почве старых теорий, но уже переросших их и готовых найти новое теоретическое выражение. Так было и у нас с тех пор, как окрепло «народовольческое»

направление. С точки зрения старых народнических теорий, направление это не выдерживало критики. Народничество стояло в резком отрицательном отношении ко всякой государственной идее; народовольцы рассчитывали осуществить свои социально-реформаторские планы с помощью государственной машины. Народничество откреплялось от всякой «политики»; народовольцы видели в «демократическом политическом перевороте» самое надежное «средство социальной реформы». Народничество основывало свою программу на так называемых «идеалах» и требованиях крестьянского населения, народовольцы должны обращаться, главным образом, к городскому и промышленному населению, а следовательно, и отвести интересам этого населения несравненно более широкое место в своей программе. Словом, в действительности, «народовольство» было новым и всесторонним отрицанием народничества, и пока спорящие стороны апеллировали к основным положениям последнего, «новаторы» были совершенно неправы: их практическая деятельность стояла в непримиримом противоречии с их теоретическими взглядами. Нужен был полный пересмотр этих взглядов, чтобы придать программе «Народной Воли» характер цельности и последовательности; практическая революционная деятельность ее сторонников должна была, по крайней мере, *сопровождаться* теоретической революцией в умах наших социалистов; взрывая Зимний дворец, нужно было, вместе с тем, взорвать и наши старые анархические и народнические традиции. Но «ход идей» и здесь отстал от «хода вещей», и пока еще трудно предвидеть, когда он, наконец, его нагонит. Не решаясь разорвать с народничеством, новая фракция необходимо должна была прибегать к фикциям, приносящим с собою хоть кажущееся разрешение присущих ее программе противоречий. Идея русской самобытности получила новую переработку, и если прежде она вела к полному отрицанию политики, то теперь оказывалось, что самобытность русского общественного развития именно в том и заключается, что экономические вопросы решались и должны решаться у нас путем государственного вмешательства. Весьма распространенное у нас в России незнакомство с экономической историей Запада способствовало тому, что подобного рода «теории» никого не приводили в изумление. Период капиталистического накопления в России противопоставлялся периоду капиталистического производства на Западе, и неизбежное несходство этих двух фазисов развития экономической жизни приводилось, как убедительнейшее доказательство, во-первых, нашей самобытности, а во-вторых, обусловленной этой самобытностью целесообразности «народовольческой программы».

Нужно ли прибавлять, что наши революционные писатели, как и большинство русских писателей вообще, смотрели на «Запад» с точки зрения еврейского мальчика в известном рассказе Вейнберга? Бедному школьнику весь свет казался подразделенным на две равные части: «Россию и за-границу», причем достойные внимания черты различия существовали для него лишь между этими «половинами» земного шара,—«за-граница» же представлялась ему совершенно однообразным целым. Русские «само-

бытные» писатели сделали в этой остроумной географической классификации лишь одно нововведение: они подразделили «за-границу» на Восток и Запад и, не долго думая, принялись сравнивать этот последний с нашей «громкой державой», игравшей при этом роль какой-то «Срединной Империи». Историческое развитие Италии отождествлялось, таким образом, с историческим развитием Франции, в экономической политике Англии не усматривалось никакой разницы с экономической политикой Пруссии, деятельность Кольбера валилась в одну кучу с деятельностью Ричарда Кобдена, своеобразно «патриотическая» физиономия Фридриха Листа терялась в толпе «западно-европейских» политико-экономиков, старавшихся, по совету Тюрго, «забыть, что существуют на свете государства, разделенные границами и различно организованные». Как все кошки в темноте кажутся серыми и совершенно походят друг на друга, так и общественные отношения различных государств «Запада» утрачивали всякие несходства при отраженном свете нашей самобытности. Очевидно было одно: «Франки» давно уже «обуржуазились, между тем как «храбрые Россы» сохранили невинность «первых человеков» и, в качестве избранного народа, идут самобытным путем к своему спасению. Чтобы достигнуть обетованной земли, им нужно лишь неуклонно держаться этой стези самобытности и не удивляться тому, что программы русских социалистов стоят в противоречии с научными положениями западно-европейского социализма, а иногда и со своими собственными посылками!

Типическим образчиком фикций, наскоро придуманных для соглашения практической программы «Народной Воли» с народническими теориями, было известное пророчество о том, что в будущем русском Учредительном Собрании 90% депутатов явятся сторонниками социальной революции, если только мы добьемся всеобщего избирательного права. Здесь теория нашей самобытности дошла уже до Геркулесовых столбов, за которыми ей грозила гибель со стороны самого простого здравого смысла. Народники «старой веры», твердо держась догмата «самобытности», допускали, все-таки, что эта самобытность нуждается еще в некоторой окончательной отделке. Одни находили, что у русского народа находится еще в слишком зачаточном состоянии бугор... виноваты!—чувство храбрости и независимости, другие стремились к тому, чтобы реализовать самобытное настроение русского народа в виде не менее самобытной революционной организации. Но все одинаково признавали необходимость предварительной работы в народе. Народовольцы пошли далее. В передовых статьях первых же №№ своего журнала они стали развивать ту мысль, что такая работа, во-первых, бесплодна («биться в народе, как рыба об лед»), а во-вторых, и излишня, потому что 90% депутатов, сочувствующих социальной революции, более чем достаточно для осуществления стремлений русских народников. Программа «Народной Воли» не могла придать себе народнического характера иначе, как доводя до абсурда все характеристические особенности народнического миросозерцания.

В этом заключается отрицательная заслуга народовольческих фикций.

Они будили критическую мысль русских революционеров, представляя им в утрированном виде «самобытные» черты их народнической программы. Но едва ли можно даже заводить речь о положительной заслуге этих фикций. Они укрепляли временно энергию бойцов, нуждавшихся в теоретическом обосновании своей практической деятельности, но, сшитые на живую нитку, они не выдерживали ни малейшего прикосновения серьезной критики и своим падением компрометировали дело борьбы, которая велась под их знаменем. Нанеся своею практическою деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества и сделавши так много для развития революционного движения в России, «Народная Воля» не может найти себе оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма. Но чтобы стать на эту новую точку зрения, она должна подвергнуть очень серьезному пересмотру свою программу, так как теоретические промахи и пробелы этой программы не могли не придать ей известной практической односторонности.

Прежде чем говорить, в каком смысле должен быть предпринят этот пересмотр, постараемся,—согласно нашему плану,—выяснить отношение научного социализма к политическим движениям рабочего класса.

II.

Но что такое научный социализм? Под этим именем мы разумеем то коммунистическое учение, которое начало вырабатываться в начале сороковых годов из утопического социализма под сильным влиянием гегелевской философии, с одной стороны, и классической экономии—с другой; то учение, которое впервые дало реальное объяснение всему ходу развития человеческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиков буржуазии и «во всеоружии знания своего века» выступило на защиту пролетариата. Это учение не только с полною ясностью показало всю научную несостоятельность противников социализма, но, указывая ошибки, оно в то же время давало им историческое объяснение и, таким образом, как сказал некогда Гайм о философии Гегеля, «привязывало к своей триумфальной колеснице каждое побежденное им мнение». Как Дарвин обогатил биологию поразительно простой и вместе с тем строго-научной теорией происхождения видов, так и основатели научного социализма показали нам в развитии производительных сил и в борьбе этих сил против отсталых «общественных условий производства» великий принцип изменения *видов общественной организации*. Едва ли нужно говорить, кого считаем мы основателями этого социализма. *Заслуга эта бесспорно принадлежит Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу*, учение которых именно так относится к современному революционному движению в цивилизованном человечестве, как относилась когда-то, по словам одного из них, передовая немецкая философия к освободительному движению в Германии: оно составляет его *голову*, между тем как пролетариат составляет его *сердце*. Но само собою разумеется, что разви-

тие научного социализма еще не закончено и так же мало может остановиться на трудах Энгельса и Маркса, как теория происхождения видов могла считаться окончательно выработанной с выходом в свет главных сочинений английского биолога. За установлением основных положений нового учения должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов, разработка, дополняющая и завершающая переворот, совершенный в науке авторами «Коммунистического Манифеста» [1]). Нет ни одной отрасли социологии, которая не приобретала бы нового и чрезвычайно обширного поля зрения, усваивая их философско-исторические взгляды. Благотворное влияние этих взглядов и теперь уже начинает сказываться в области истории права и, так называемой, первобытной культуры. Но эта философско-историческая сторона современного социализма слишком еще мало известна у нас в России, и потому мы считаем не лишним сделать здесь несколько выписок, знакомящих с нею читателя словами самого Маркса.

Ведя свою родословную, между прочим, «от Канта и Гегеля», *научный социализм является тем не менее самым смертельным и решительным противником идеализма.* Он изгоняет его из его последнего убежища—социологии, в которой его принимали с таким радушием позитивисты. Научный социализм предполагает «материалистическое понимание истории», т. е. он объясняет духовную историю человечества развитием его общественных отношений (между прочим, под влиянием окружающей природы). С этой точки зрения, как и с точки зрения Вико, «ход идей соответствует ходу вещей», а не наоборот. Главной же причиной того или иного направления их развития является состояние производительных сил и соответствующая им экономическая структура общества. «В своей общественной жизни люди наталкиваются, говорит Маркс [2]), на известные, необходимые, независящие от их воли отношения, именно на отношения производства, соответствующие той или другой степени развития производительных сил. Вся совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соответствуют известные формы общественного сознания. Соответствующий материальной жизни способ производства обусловливает собою процессы социальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятия определяют общественную жизнь людей, но, наоборот, их общественная жизнь обусловливает собою их понятия... Правовые отношения, равно как и формы государ-

[1]) *Прим. ко 2-му изд.* Впоследствии г. г. «критики Маркса» упрекали нас, «ортодоксов», в том, что мы восставали против всякой попытки дальнейшего развития взглядов Маркса. Читатель видит, что я не обнаруживал склонности к подобному восстанию. Но само собою разумеется, что в качестве ученика Маркса, понимавшего великое значение его теории, я должен был восстать против всякой попытки заменить некоторые положения марксизма старыми, давно отжившими буржуазными «догмами». И эту свою обязанность я исполнил, как мог.

[2]) См. «Zur Kritik der Politischen Oekon.», Vorwort, S. S. IV—VI.

ственной жизни, не могут быть объяснены ни сами собою, ни так называемым, общим развитием человеческого духа, но коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, обозначил именем гражданского общества; анатомию же гражданского общества нужно искать в его экономии.. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в столкновение с существующими отношениями производства, или—говоря юридическим языком—с имущественными отношениями, внутри которых они до тех пор вращались. Из форм, способствующих развитию производительных сил, эти имущественные отношения делаются его тормозами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания изменяется более или менее быстро вся возвышающаяся на нем огромная надстройка. Ни одна общественная формация не исчезает раньше, чем разовьются все производительные силы, которым она предоставляет достаточно простора; и новые высшие отношения производства никогда не занимают места старых раньше, чем выработаются в недрах старого общества материальные условия их существования. Поэтому, можно сказать, что человечество всегда ставит себе лишь исполнимые задачи, ибо, при внимательном рассмотрении, всегда оказывается, что самая задача является лишь там, где материальные условия ее решения уже существуют или находятся в процессе своего возникновения».

Теперь понятно, почему Маркс и Энгельс отзывались с такой презрительной насмешкой об «истинных социалистах» Германии конца сороковых годов, ставших в отрицательное отношение к борьбе немецкой буржуазии против абсолютизма и «проповедующих народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но рискует всё потерять». Историческое учение Маркса и Энгельса представляет собою настоящую «алгебру революции», как выразился когда-то Герцен о философии Гегеля. Поэтому, они сочувствовали «всякому революционному движению против существующих общественных и политических отношений»; потому же они отнеслись с горячим сочувствием и к русскому движению, сделавшему Россию, по их выражению, передовым отрядом европейской революции.

Но, несмотря на всю их ясность и недвусмысленность, взгляды Маркса подали, однако, повод ко многим недоразумениям в области революционной теории и практики. Так, например, у нас часто говорят, что теории научного социализма неприменимы к России, потому что они выросли на почве западно-европейских экономических отношений. Учению Маркса подсказывается тот смешной вывод, что Россия должна пройти совершенно те же фазы историко-экономического развития, которые были пройдены Западом. Под влиянием убеждения в неизбежности этого вывода, уже не один русский философ, незнакомый ни с Марксом, ни с историей Западной Европы, опочился на автора «Капитала», обвиняя его в узости и шаблонности взглядов. Но, разумеется, это была борьба с ветреными мельницами. Наши дон-Кихоты не понимали, что история

западно-европейских отношений положена Марксом лишь в основу *истории капиталистического производства*, которое родилось и выросло именно в этой части света. Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни автор «Капитала», ни его знаменитый друг и сотрудник не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они только ищут в них объяснения всех ее общественно-политических и умственных движений. Что они не игнорируют значения нашей поземельной общины, видно уже из того обстоятельства, что не далее, как в январе 1882 года, они не считали возможным сделать решительное предсказание относительно ее будущей судьбы. В предисловии к нашему переводу «Манифеста коммунистической партии» (Женева, 1882 г.), они даже прямо говорят, что русская община может, при известных обстоятельствах, «непосредственно перейти в высшую коммунистическую форму землевладения». Эти обстоятельства стоят, по их мнению, в тесной связи с ходом революционного движения на западе Европы и в России. «Если русская революция—говорят они—послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (Маниф. комм. партии, VIII). Едва ли хоть одному «народнику» придет в голову отрицать такого рода условность решения вопроса об общине. Едва ли кто-нибудь может утверждать, что гнет современного государства благоприятен для развития или хотя бы для сохранения поземельной общины. Точно так же, едва ли хоть один человек, понимающий значение международных отношений в экономической жизни современных цивилизованных обществ, может отрицать, что развитие русской общины «в высшую коммунистическую форму» тесно связано с судьбою рабочего движения на Западе. Оказывается, таким образом, что во взгляде Маркса на Россию нет ничего противоречащего самой очевидной действительности, и нелепый предрассудок относительно его крайнего «западничества» лишается всякой тени разумного основания.

Но существует другое недоразумение, которое непосредственно касается интересующего нас вопроса о значении политической борьбы в деле переустройства социальных отношений и коренится в ошибочном понимании взгляда Маркса на роль экономического фактора в развитии человеческой культуры. Взгляд этот часто истолковывался многими в том смысле, что автор «Капитала» придает политическому строю общества лишь самое ничтожное значение, считает его незаслуживающею внимания второстепенною частностью, которая не может служить не только целью, но даже и средством плодотворной деятельности. Нередко и до сих пор можно встретить у нас «марксистов», которые именно на этом основании игнорируют политические задачи социализма. Экономические отношения,

говорят они, лежат в основании всякой общественной организации. Изменение этих отношений составляет причину всякого политического переустройства. Чтобы освободиться от ига капитала, рабочий класс должен иметь в виду не следствие,—а причину, не политическую, а экономическую организацию общества. Политическая организация не приблизит рабочих к их цели, так как их политическое порабощение будет продолжаться до тех пор, пока не будет устранена экономическая зависимость их от имущих классов. Употребляемые рабочими *средства* борьбы должны быть приведены в соответствие с ее *целью*. Экономическая революция может быть достигнута только путем борьбы на экономической же почве.

При некоторой последовательности, понимаемый таким образом «марксизм» должен был бы изменить самый взгляд социалистов на цели и средства социальной революции, и вернуть их к знаменитой формуле Прудона: «политическая революция—цель, экономическая революция—средство». Точно так же он должен был бы значительно сблизить, по крайней мере, в теории, социалистов-революционеров с последователями «консервативного социализма», который так решительно противится политической самодеятельности рабочего класса. Последний честный и умный представитель этого социализма, Родбертус, именно потому и не сошелся с Лассалем, что знаменитый агитатор старался выдвинуть немецких рабочих на путь самостоятельной политической деятельности. Не Маркс, а Родбертус, *не революционный*, *а консервативный*, *монархический* социализм отрицает значение «политических примесей к революционным целям» рабочего класса. И консерваторы прекрасно понимают, почему они так делают; но те, которые хотят примирить революционное движение рабочего класса с отрицанием «политики», те, которые подсказывают Марксу практические тенденции Прудона или даже Родбертуса,—наглядно показывают, что они не понимают автора «Капитала» или сознательно извращают его учение. Мы говорим о сознательном извращении, потому что известная книга московского профессора г. Иванюкова есть ни что иное, как именно такое сознательное извращение всех следствий, вытекающих из основных положений научного социализма. Книга эта показывает, что наши русские *полицей*-социалисты не прочь эксплоатировать для своих реакционных целей даже такую теорию, под знаменем которой совершается самое революционное движение нашего века. Одно это обстоятельство могло бы сделать необходимым подробное выяснение *политической* программы современного социализма. Мы и приступим теперь к этому выяснению, не пускаясь, однако, ни в какую полемику с г.г. Иванюковыми, так как достаточно выяснить истинный смысл той или другой теории, чтобы тем самым опровергнуть умышленные ее искажения. Притом же нас гораздо более интересуют здесь те революционеры, которые, при всей искренности своих стремлений, слишком еще пропитаны, хотя, быть может, и бессознательно, анархическими учениями, и потому готовы видеть в сочинениях Маркса мысли, уместные только в «Общих идеях революции в XIX веке». Критика выводов, сделанных ими из философско-историче-

ских взглядов Маркса, логически приведет нас к вопросу о так называемом *захвате власти* и покажет нам, насколько правы те, которые усматривают в этом акте какое-то преступление против идеи человеческой свободы, а равно и те, которые, наоборот, видят в нем альфу и омегу всего социально-революционного движения.

Посмотрим, прежде всего, какое значение имеют понятия о причине и следствии в применении к общественным отношениям.

Если мы толкнем рукой или кием биллиардный шар, то он придет в движение; если мы ударим сталью о кремень, то появится искра. В каждом из этих случаев очень легко определить, какое явление служит причиной и какое—следствием. Но эта легкость решения задачи обусловливается лишь крайнею ее простотою. Если вместо двух одиноко стоящих явлений, мы возьмем процесс, в котором одновременно замечается несколько явлений, или даже несколько рядов явлений, то дело значительно усложнится. Так, например, горение свечи есть, относительно говоря, довольно сложный процесс, в результате которого является свет и теплота. Казалось бы, поэтому, что мы, безо всякого риска ошибиться, можем назвать выделяемую пламенем теплоту одним из следствий этого химического процесса. Так оно и есть до известной степени. Но если бы каким-нибудь способом мы ухитрились лишить пламя выделяемой им теплоты, то горение тотчас прекратилось бы, так как интересующий нас процесс не может происходить при обыкновенной температуре. Поэтому оказался бы до известной степени правым и тот, кто сказал бы, что теплота есть *причина* горения. Чтобы не уклоняться от истины ни в ту, ни в другую сторону, мы должны были бы сказать, что теплота, явившаяся в данный момент *следствием горения, в следующий за тем момент* является его *причиной*. Значит, по отношению к процессу горения в продолжение нескольких моментов, мы должны сказать, что теплота является и *следствием* его и *причиной*, или, другими словами, *ни следствием, ни причиной*, а просто одним из явлений, вызываемых этим процессом и, в свою очередь, составляющих необходимое для него условие. Возьмем другой пример. Всякому, «даже необучавшемуся в семинарии», известно, что, так называемые, растительные процессы человеческого организма оказывают огромное влияние на психические явления. То или другое настроение духа оказывается *следствием* того или другого физического состояния организма. Но раз существует известное настроение духа, то самые растительные процессы часто испытывают на себе его влияние, и оно делается, таким образом, *причиной* тех или других изменений в физическом состоянии организма. Чтобы и здесь не погрешить ни в ту ни в другую сторону, мы должны сказать, что психические явления и растительная жизнь организма представляют собою два ряда сосуществующих процессов, причем каждый из этих рядов испытывает влияние другого. И если бы какой-нибудь медик стал игнорировать психические влияния на том основании, что душевное настроение человека есть следствие физического состояния его организма, мы сказали бы, что школьная

логика лишила его всякой способности к разумной медицинской практике. Общественная жизнь отличается еще большею сложностью, чем жизнь индивидуального организма. Поэтому в ней еще более заметна относительность понятий о причине и следствии. По учению классической экономии, высота заработной платы определяется, в среднем выводе, уровнем насущнейших потребностей рабочего. Значит, данная высота заработной платы есть *следствие* данного состояния потребностей рабочего. Но, с своей стороны, потребности эти могут повыситься лишь в случае повышения заработной платы, потому что иначе не было бы достаточной причины для изменения их уровня. Следовательно, данная высота заработной платы есть *причина* данного состояния потребностей рабочего. Из этого логического круга нельзя вырваться с помощью школьных категорий причины и следствия. И мы будем попадать в него на каждом шагу наших социологических рассуждений, если забудем, что «причина и следствие суть понятия, имеющие значение лишь в применении к отдельным случаям; но раз мы рассматриваем этот случай в его общей мировой связи, то причина и следствие совпадают, их противоположность исчезает при созерцании всемирного взаимодействия, в котором причина и следствие постоянно меняются местами, и то, что теперь или здесь—следствие, станет там или тогда причиной, и наоборот» (Фр. Энгельс) [1]).

Сделавши эту оговорку, постараемся определить теперь, в каком смысле нужно понимать причинную связь между экономическими отношениями и политическим строем данного общества.

Чему учит нас, в этом случае, история? Она показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы,—противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами, с одной стороны, и народом—с другой, если только последний был поставлен в условия, хоть немного благоприятные для его умственного развития. В государствах древнего *Востока мы видим борьбу между воинами и жрецами;* весь драматизм истории античного мира заключается в борьбе аристократии и демоса, патрициев и плебеев; средневека выдвигают горожан, которые стремятся завоевать политическое господство в пределах своих коммун; наконец, современный рабочий класс ведет политическую борьбу с буржуазией, достигшей полного господства в новейшем государстве. Всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития. Чтобы не заходить далеко, вспомним историю «третьего сословия», этого класса, который с гордостью может смотреть на свое прошлое, полное блестящих завоеваний во всех отраслях жизни и мысли. Едва ли кому-нибудь может придти в голову упрекнуть буржуазию в отсутствии

[1]) См. Herrn Eugen Duehring's Umwaelz. der Wissensch, S. 6.

такта и уменья достигать своих целей наиболее подходящими средствами. Никто не станет также отрицать, что ее стремления имели вполне определенный экономический характер. Это не помешало ей, однако, вступить на путь политической борьбы и политических завоеваний. То с оружием в руках, то путем мирных договоров, то во имя республиканской независимости своих городов, то во имя усиления королевской власти—нарождающаяся буржуазия вела в течение целых столетий беспрерывную, упорную борьбу с феодализмом, и уже задолго до французской революции могла с гордостью указывать врагам на свои успехи. «Различны были шансы, и неодинаков успех в великой борьбе горожан против феодалов—говорит историк [1])—и не только сумма вольностей, вырванных силою или полученных путем мирного соглашения, была не повсюду одинакова, но даже и при одних и тех же политических формах города пользовались часто различною степенью свободы и независимости». Тем не менее, смысл движения был тождествен повсюду и знаменовал собою начало социальной эмансипации третьего сословия и упадка аристократии, светской и духовной [2]). В общем, это движение принесло горожанам «муниципальную независимость, право выбора всех местных властей, точную определенность в повинностях», обеспечило права личности внутри городских коммун [3]), дало буржуазии более высокое положение в сословных государствах «старого режима», и рядом постоянных завоеваний привело ее, наконец, к полному господству в современном обществе. Ставя себе совершенно определенные, хотя со временем и изменяющиеся, социально-экономические цели, почерпая средства для своей дальнейшей борьбы из приобретенных уже выгод своего материального положения, буржуазия не упустила ни одного случая дать правовое выражение достигнутым ею ступеням экономического прогресса и, наоборот, с таким же искусством пользовалась каждым своим политическим приобретением для новых завоеваний в области экономической жизни. Не далее, как в половине сороковых годов текущего столетия, английская «Лига против хлебных законов» добивалась, по остроумному плану Ричарда Кобдена, усиления своего *политического* влияния в «графствах» ради отмены ненавистной ей «монополии», имевшей, повидимому, исключительно *экономический* характер.

История есть величайший диалектик, и если, в ходе ее движения, разум превращается, по выражению Мефистофеля, в бессмыслицу, а благодеяние становится источником страданий,—то не менее часто в историческом процессе следствие становится причиной, а причина оказывается следствием. Вырастая из экономических отношений современного ему общества, политическое могущество буржуазии, в свою очередь, служило и служит незаменимым фактором дальнейшего развития этих отношений.

Теперь, когда буржуазия близится к окончанию своей исторической роли, и пролетариат становится единственным представителем прогрессивных стремлений в обществе, мы можем наблюдать явление, аналогичное вышеуказанному, хотя и совершающееся при изменившихся условиях. Во всех передовых государствах цивилизованного мира, в Европе так же, как и в Америке, рабочий класс выступает на поприще политической борьбы, и чем сознательнее относится он к своим экономическим задачам, тем решительнее выделяется он в особую политическую партию. «Так как существующие ныне политические партии всегда действовали лишь в интересах имущих для охранения их экономических привилегий— читаем мы в программе северо-американской социалистической рабочей партии,—то рабочий класс обязан организоваться в большую рабочую партию, чтобы *добиться политической силы в государстве* и завоевать, с ее помощью, экономическую независимость, потому что освобождение рабочего класса может быть совершено лишь самими рабочими» [1]). В том же духе и вполне согласно с программой немецкой социал-демократии высказывается французская рабочая партия, которая признает, что пролетариат должен стремиться к экономической революции «всеми зависящими от него средствами, не исключая и всеобщего избирательного права, превращаемого, таким образом, из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в *орудие освобождения*». Испанская рабочая партия также стремится к «завоеванию политической власти» для устранения препятствий, стоящих на пути к освобождению рабочего класса [2]).

В Англии, где, со времени прекращения чартистского движения, борьба пролетариата сосредоточивалась исключительно на экономической почве,—политические стремления рабочих начинают снова оживать в последнее время. Не далее, как несколько лет тому назад немецкий экономист Луи Брентано с торжеством констатировал в своей книге «Das Arbeitsverhältniss etc.» полное исчезновение «социал-демократических» тенденций в Англии и с истинно-буржуазным самодовольством глубокомысленно философствовал на ту тему, что «в настоящее время Англия снова образует *одну* нацию», что «современные английские рабочие снова составляют часть великой либеральной партии», а не стремятся к захвату государственной власти, чтобы с ее помощью «перестроить общество в своих интересах» (стр. 110). Опубликованный недавно манифест английской «демократической федерации» показывает, что радость буржуазного экономиста была несколько преждевременна. Демократическая федерация стремится вызвать политическое отделение эксплоатируемых от эксплоа-

[1]) См. Essai sur l'histoire du Tiers Etat, par *Aug. Thierry*, p. 33—34.

[2]) Сторонники феодализма прекрасно понимали цели горожан и связь их политических и экономических требований. «Коммуна есть слово новое и гнусное—говорит аббат Гибер—и вот что оно означает—люди, обязанные нести повинности, платят своему господину должную ими ренту один только раз в год. Когда они совершают какое-нибудь преступление, они платят установленный законом штраф, а что касается денежных обложений, которым подвергаются обыкновенно крепостные, то они освобождаются от них совершенно». *Laurent*, La féodalité et l'église, p. 546.

[3]) Люгихский Статут устанавливает принцип неприкосновенности жилища в следующем энергическом выражении: «*Бедняк в своем жилище—король*». *Lauret*, ibid., p. 540.

[1]) *Von Studnits*, Nordamerikanische Arbeiterverhältnisse, S. 353.

[2]) Мы цитируем эту программу по книге *Б. Малона*—Le nouveau parti, t. I, p. 15.

таторов и приглашает первую из этих «наций» именно к захвату государственной власти с целью переустройства общества в интересах рабочих. «Пришло время,—говорит названный манифест,—когда народная масса необходимо должна взять в свои собственные руки заведывание касающимися ее делами; политическая и социальная сила представляет собою в настоящее время монополию людей, живущих трудом своих сограждан. Землевладельцы и капиталисты, завладевшие Верхней Палатой и пополняющие нижнюю, стремятся лишь к охранению своих собственных интересов. Возьмите свою судьбу в свои собственные руки, устраните этих богатых паразитов обеих групп и рассчитывайте только на самих себя!» Манифест требует *«полного права голосования для всех взрослых мужчин и женщин»* Соединенного Королевства и других политических реформ, осуществление которых «показало бы только, что мужчины и женщины этой страны стали господами у себя дома». Далее перечисляется,—в качестве ближайших требований английской демократической федерации,—целый ряд мер, необходимых для развития «здорового, независимого и серьезно образованного поколения, готового организовать труд каждого на пользу всех и *овладеть, наконец, всей социально-политической машиной государства*, в котором перестанут тогда существовать классовые различия и привилегии».

Таким образом, и английский пролетариат снова выступает на тот путь, на который давно уже вышли работники других цивилизованных государств.

Но подобно тому, как буржуазия не только боролась с аристократией на почве существующих уже политических отношений, а стремилась также перестроить эти отношения в своих интересах, пролетариат не ограничивает свою политическую программу захватом современной государственной машины. В его среде все более и более распространяется убеждение в том, что «каждый порядок вещей, определяющий взаимное положение граждан и их имущественные и трудовые отношения, соответствует особой форме правления, которая служит для него средством осуществления и сохранения в одно и то же время» [1]). Между тем, как представительная (монархическая или республиканская) система была девизом буржуазии, пролетариат *требует прямого народного законодательства, как единственной политической формы*, при которой возможно осуществление его социальных стремлений. Это требование рабочего класса занимает одно из первых мест в программе социальной демократии всех стран и стоит в самой тесной связи со всеми остальными пунктами ее программы [2]). Вопреки Прудону, пролетариат продолжает смотреть на «политическую революцию», как на самое могущественное средство достижения экономического переворота.

[1]) См. Sozialdemokratische Abhandlungen, von *M. Rittinghausen*, drittes Heft, Ueber die Nothwendigkeit der direckten Gesetzgebung durch das Volk, S. 3.

[2]) См. программу немецкой и северо-американской рабочих партий. Манифест английской демократической партии также требует «прямого голосования по всем важным вопросам».

Уже одно это свидетельство истории должно было бы предрасположить нас к той мысли, что не ошибочная теория, а верный практический инстинкт лежит в основе политических тенденций различных общественных классов. Если, несмотря на полное несходство в других отношениях, все классы, ведущие сознательную борьбу со своими противниками, начинают на известной стадии своего развития стремиться обеспечить себе политическое влияние, а затем и господство—то ясно, что политический строй общества представляет собою далеко не безразличное условие для их развития. А если мы видим, кроме того, что ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причин раскаиваться в своем интересе к «политике»; если, напротив, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобретал политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляет собою такое средство социального переустройства, годность которого доказана историей. Всякое учение, противоречащее этой исторической индукции, лишается значительной доли убедительности, и если бы современный социализм действительно осуждал политические стремления рабочего класса, как нецелесообразные, то уже по одному этому он не мог бы называться научным.

Проверим теперь наше наведение дедуктивным путем, принимая философско-исторические взгляды Маркса за посылки для наших выводов.

Представим себе общество, в котором данный класс пользуется полным господством. Он добился этого господства благодаря преимуществам своего экономического положения, которые открывают, согласно нашим посылкам, путь ко всем другим успехам общественной жизни. В качестве *господствующего* класса, он, разумеется, приспособляет общественную организацию к наиболее выгодным условиям своего существования и тщательно устраняет из нее все, что может так или иначе ослабить его влияние. «Господствующий класс каждого данного периода—справедливо говорит Шеффле—есть также и творец его права и обычаев. Его члены повинуются лишь инстинкту самосохранения, когда они стараются упрочить свое господство и удержать его на возможно-более продолжительное время за своими потомками, как необходимое условие их привилегированного положения и средство эксплоатации угнетенных... Почти ни одна часть положительного права не пользуется таким почетом со стороны господствующих сословий данного времени, ни одной не приписывается в такой степени характер «вечных» институтов или даже «священных» основ общества, как той, которая упрочивает сословные права и защищает классовое господство [1]). И до тех пор, пока господствующий класс будет носителем наиболее прогрессивных общественных идеалов, созданный им строй будет удовлетворять всем требованиям социального развития. Но как только экономическая история данного общества выдвинет новые элементы поступательного движения, как только его «производительные силы при-

[1]) См. *Шеффле*, Bau und Leben des soz. Körpers, B. III, S.S. 91 und 102.

дут в столкновение с существующими отношениями производства—или, говоря юридическим языком—с имущественными отношениями, внутри которых они до тех пор вращались», прогрессивная роль данного господствующего класса будет окончена. Из представителя прогресса он сделается заклятым его врагом и, разумеется, воспользуется государственной машиной с целью самообороны. Политическая власть сделается в его руках самым могучим орудием реакции. Чтобы открыть свободный путь развитию производительных сил общества, необходимо устранить тормозящие это развитие имущественные отношения, т.-е. произвести, как говорит Маркс, „социальную революцию. Но это невозможно до тех пор, пока законодательная власть находится в руках представителей старого порядка, т.-е., говоря другими словами, пока она охраняет интересы господствующего класса. Неудивительно, поэтому, что новаторы, т.-е. представители угнетенного класса или классов, будут стремиться выбить из рук своих противников и обратить против них это страшное оружие. Сама логика вещей выдвинет их на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются целью экономического переворота. Лассаль сказал глубокую истину, когда заметил в предисловии к своей «Системе приобретенных прав», что «там, где юридические отношения, переходя в область частного права, теряют, повидимому, всякую связь с политикой, в них *оказывается гораздо более политического, чем в самой политике*, потому что они представляют собою элемент тогда социальный» [1]).

В практической жизни дело происходит, конечно, далеко не так скоро, как это можно было бы предположить, рассуждая a priori. Угнетенный класс лишь постепенно уясняет себе связь между своим *экономическим* положением и своею *политическою* ролью в государстве. Долгое время он не понимает во всей ее полноте даже своей экономической задачи. Составляющие его индивидуумы ведут тяжелую борьбу за свое повседневное существование, не задумываясь даже о том, каким сторонам общественной организации обязаны они своим бедственным положением. Они стараются избегать наносимых им ударов, не спрашивая себя, откуда и кем направляются в последнем счете эти удары. В них нет еще классового сознания, в их борьбе против отдельных угнетателей нет никакой руководящей идеи. Угнетенный класс еще не существует *для себя;* он *будет* со временем передовым классом общества, но он еще не *становится* им. Сознательно организованной силе господствующего класса противостоят лишь разрозненные, единичные стремления отдельных личностей или отдельных групп личностей. Так, напр., и теперь еще не редкость встретить рабочего, который ненавидит особенно энергичного эксплоататора, но не подозревает еще необходимости борьбы против целого класса эксплоататоров и устранения самой возможности эксплоатации человека человеком.

[1]) См. System der erworbenen Rechte, Leipzig 1880, erster Theil, Vorrede, S. VII.

Мало-по-малу процесс обобщения делает, однако, свое дело, и угнетенные начинают сознавать себя классом. Но они еще слишком односторонне понимают особенности своего классового положения: пружины и двигатели общественного механизма в его целом остаются еще скрытыми от их умственных взоров. Класс эксплоататоров представляется им просто совокупностью отдельных предпринимателей, несвязанных нитями политической *организации*. На этой ступени развития в понятиях угнетенных как и в голове профессора Лоренца фон Штейна, неясна еще связь между «обществом» и «государством». Предполагается, что государственная власть стоит выше антагонизма классов, ее представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующих сторон. Угнетенный класс относится к ним с полным доверием и приходит в большое удивление, когда обращенные к ним с его стороны просьбы о помощи остаются без ответа. Не останавливаясь на частных примерах, мы заметим только, что подобная путаница понятий обнаруживалась до последнего времени английскими рабочими, которые вели весьма энергичную борьбу на экономической почве и в то же время находили возможным фигурировать в рядах той или другой буржуазной политической партии.

Только на следующей и последней ступени развития угнетенный класс всесторонне выясняет себе свое положение. *Теперь он понимает, какая связь существует между обществом и государством, и не аппеллирует на притеснения своих эксплоататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплоатации.* Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которою можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет. Рассчитывая лишь на самих себя, угнетенные начинают понимать, что «*политическая* самопомощь есть, как говорит Ланге, важнейший из всех видов *социальной* самопомощи». Они стремятся тогда к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих социальных отношений и приспособления общественного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния. Разумеется, они тоже не вдруг достигают господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключающей в умах противников всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступок, требуют лишь таких реформ, которые дали бы им не господство, а только возможность расти и созревать для будущего господства, реформ, которые удовлетворили бы самые насущные, самые ближайшие их требования, и хоть немного расширили бы сферу их влияния на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. Так называемая революция есть только последний акт в длинной

драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбою *политической* [1]).

Спрашивается теперь, целесообразно ли поступили бы социалисты, если бы они стали удерживать рабочих от «политики» на том основании, что политический строй общества обусловливается экономическими его отношениями? Конечно, нет. Они лишили бы рабочих точки опоры для их борьбы, отняли бы у них возможность сконцентрировать свои усилия и направить свои удары на созданную их эксплоататорами общественную организацию. Вместо этого рабочим пришлось бы вести партизанскую войну с отдельными эксплоататорами или, самое большее, с отдельными группами этих эксплоататоров, на стороне которых всегда стояла бы организованная сила государства. Именно такую ошибку делали русские социалисты из, так называемой, интеллигенции, когда они порицали (в № 4 «З. и В.») «Северно-Русский Рабочий Союз» за то, что он выставил в своей программе известные политические требования. Ту же ошибку повторило «Зерно», которое рекомендовало рабочим вести борьбу на экономической почве, добиваться сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и т. п., даже убивать шпионов и особенно нелюбимых мастеров и предпринимателей, но ни одним словом не обмолвилось о *политических* задачах русских работников. Это отсутствие синтеза в революционных взглядах и программах наших социалистов не могло не оказать самого вредного влияния на результаты их деятельности. Охраняя политический индифферентизм рабочих, как важнейший признак радикализма их экономических требований, мы тем самым оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кроме того, обрывая наши программы именно на том пункте, где нужно было подвести политический итог социальным требованиям рабочего класса, мы уменьшали практическое значение этих программ в глазах рабочих, лучше нас понимавших, до какой степени бесплодна разрозненная борьба против отдельных эксплоататоров. К счастью, наше рабочее движение очень рано перерасло эту первую фазу своего развития. Ответ «Северно-Русского Рабочего Союза» редакции «Земли и Воли» (см. № 5 этого издания) показал, что, по крайней мере, члены этого Союза раньше нашей «интеллигенции» поняли всю неуместность «политического невмешательства» рабочего класса.

Все это прекрасно, скажет иной читатель, но ваша аргументация не попадает в цель. Мы не отрицаем, что рабочему классу было бы *полезно* добиться политического влияния и захватить государственную власть в свои руки; мы утверждаем только, что в настоящее время это *невозможно* для него по многим причинам. Ваша ссылка на историю буржуазии недоказательна, так как положение пролетариата в буржуазном обществе вовсе не сходно с положением третьего сословия в государствах «старого режима». Сам Маркс признает это несходство и формулирует его следующим образом в «Коммунистическом манифесте». «Под гнетом лежавшего на нем ига средневековой крепостной возвысился,—говорит он,—до степени члена коммуны, подобно тому, как горожанин вырос до буржуа, несмотря на гнет феодального абсолютизма. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы с прогрессом промышленности улучшать свое положение, опускается все ниже и ниже. Работник становится нищим, и нищета развивается быстрее, чем население и богатство буржуазных стран». Если каждый прогрессивный шаг буржуазии в области производства и обмена сопровождался «соответствующими политическими завоеваниями», то в этом нет ничего удивительного: всякому известно, что улучшение материального благосостояния того или другого класса сопровождается возрастанием его политического влияния. Но именно тот факт, что политические завоевания буржуазии предполагали увеличение ее богатства—именно этот факт и заставляет безнадежно смотреть на политические движения рабочего класса. Все более и более превращаясь в «нищих», рабочие должны, повидимому, утратить и ту долю влияния, которую они приобрели в борьбе за интересы буржуазии, побивая врагов своих врагов,—остатки абсолютной монархии, землевладельцев, непромышленную буржуазию» и т. д. Политическая борьба рабочего класса нецелесообразна, потому что, в силу экономического его положения, она осуждена на неудачу.

При всей своей внутренней несостоятельности, возражение это кажется, на первый взгляд, до такой степени решительным, что его невозможно обойти молчанием. Оно является последним основанием аргументации тех сторонников теории политического невмешательства, которые считают себя последователями Маркса [1]). Поэтому, с его устранением теория невмешательства падает окончательно, и политические задачи современного социализма выступают в их истинном свете.

Доля рабочего класса в национальном продукте постоянно уменьшается,—это не подлежит ни малейшему сомнению. Он становится беднее не только относительно, но и абсолютно, его доход не только не воз-

[1]) *Примечание ко 2-му изд.* Эти строки были написаны за 15 лет до выступления г. Бернштейна в роли «критика Маркса». Пусть судит сам читатель, прав ли этот «критик» и его многочисленные единомышленники, упрекающие нас, «ортодоксов», в том, что мы понимаем революцию пролетариата, как простую и почти моментальную «катастрофу».

[1]) *Примечание к 2-му изд.* Это покажется парадоксом, но на самом деле теория политического невмешательства рабочего класса формулирована была Бакуниным, *как вывод из материалистического объяснения истории.* Бакунин, бывший горячим сторонником этого объяснения, рассуждал так: если политический строй всякого данного общества основывается на его экономике, то *политическая* революция излишня; она сама явится результатом *экономической* революции. Этот человек, который был когда-то учеником Гегеля, и который должен был бы, кажется, изощрить свою логику, никак не мог понять, что результатом экономики является не только всякий данный, *готовый* политический строй, но и всякое новое политическое движение, которое, возникнув на почве данных экономических отношений, в свою очередь, служит необходимым *орудием* их переустройства. На этом *недоразумении* до сих пор строются все *наиболее серьезные* возражения *анархистов* против *социал-демократов.*

растает в одинаковой прогрессии с доходом других классов общества, но он падает; реальная заработная плата современного пролетария (количество достающихся ему предметов потребления) меньше, чем была плата рабочего 500 лет тому назад—это доказано исследованиями Роджерса, Дюшатлэ и др. [1]). Но отсюда вовсе еще не следует, что в настоящее время экономические условия менее благоприятны для политического движения рабочего класса, чем были они в четырнадцатом веке. Мы говорили уже выше, что, при такого рода оценке экономических условий данной страны, нужно принимать во внимание не только распределение национального дохода, но, главным образом, организацию производства и способ обмена продуктов. Сила зарождавшейся буржуазии заключалась не столько в ее богатстве, сколько в том общественно-экономическом прогрессе, носителем которого она некогда явилась. Не увеличение ее дохода толкнуло ее на путь революционной борьбы и обеспечило возрастание ее политического влияния, а противоречие между вызванными ею к жизни производительными силами и теми условиями, в которых совершались производство и обмен продуктов в феодальном обществе. Сделавшись представительницей прогрессивных требований в этом обществе, она собрала под свое знамя все его недовольные элементы и повела их на борьбу против режима, ненавистного огромному большинству народа. Не деньги а неразвитое состояние рабочего класса создало ей руководящую роль в этом освободительном движении. Ее богатство, ее и тогда уже относительно довольно высокое общественное положение были, конечно, необходимы для исполнения этой роли. Но чем обусловливалась эта необходимость? Прежде всего невозможностью для нее вести дело разрушения старого порядка без помощи низших слоев населения. Здесь-то и помогло ей ее богатство. Оно принесло ей влияние на ту самую массу, которая должна была сражаться за ее господство. Не будучи богатой, буржуазия не была бы и влиятельной, а без влияния на народ она не победила бы и аристократии, потому что она была сильна не собственной силой, а той силой, над которой она уже господствовала и которой она повелевала, благодаря своим капиталам. Спрашивается теперь, *возможно ли* для пролетариата такое влияние на какой-нибудь другой класс населения и *нужно ли* оно для его торжества? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы услышать решительное «нет» от всякого, понимающего современное положение рабочего класса. Пролетариату *невозможно* влиять на низшие классы так, как влияла когда-то на него буржуазия, по той простой причине, что нет таких классов, которые стояли бы ниже его; он представляет собою самую последнюю экономическую формацию современного общества. Да ему и *не нужно* добиваться такого влияния, потому что он, в то же время, есть *самый многочисленный* слой этого общества, потому

[1]) *Примечание ко 2-му изданию.* Это касается «теории обнищания», наделавшей столько шума во время «*Бернштейниады*». О ней см. в моей статье «*Критика наших критиков*», в 2—3-ей книжке «Зари».

что, вместе с другими слоями трудящегося населения, он всегда был именно тою средою, вмешательство которой решало политические споры. Говорим—самый многочисленный класс, потому что все «прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же именно ею и создается. Средние слои, мелкие купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне—все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование, как средних слоев. Следовательно, они консервативны. Еще того более, они реакционны, они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они имеют революционное значение, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата».

Прежде рабочий класс побеждал, состоя под начальством буржуазии, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти все трудности борьбы падают на его долю, между тем, как почти все выгоды и почести победы достаются его союзнице. Теперь он не довольствуется этой служебной ролью и обращает против буржуазии ту самую силу, которая некогда принесла ей победу. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возрасла и продолжает возрастать в той же пропорции, в какой совершались и совершаются концентрация капиталов и распространение крупного производства. Она возрасла, кроме того, в той самой мере, в какой умножился политический опыт рабочего класса, выведенного самой буржуазией на арену общественной деятельности. Можно ли сомневаться, что пролетариат, оказавшийся некогда достаточно сильным, чтобы разрушить феодальный абсолютизм под руководством буржуазии, будет современем достаточно силен, чтобы сломить политическое господство буржуазии по своей собственной инициативе? Буржуазия могла победить феодализм лишь благодаря своему богатству, пролетариат победит буржуазию именно потому, что его удел—«нищета»—становится уделом все бо́льшей и бо́льшей части современного общества.

Но в истории развития буржуазии богатство оказало ей и другую и притом весьма «*производительную* услугу», как выразились бы экономисты. Оно дало ей знание, сделало ее самым передовым и образованным слоем тогдашнего общества. Может ли пролетариат приобрести это знание, может ли он быть одновременно и самым бедным, и самым развитым из всех общественных классов? Политическое господство невозможно для него вне этого условия, потому что без знания—нет силы!

Мы говорили уже, что сама буржуазия начала политическое воспитание пролетариата. Она заботилась об его образовании, поскольку это было нужно ей для борьбы с ее врагами. Она расшатала его религиозные верования там, где это было необходимо для ослабления политического значения духовенства; она расширила его правовые воззрения там, где ей нужно было противопоставить «естественное» право писанному праву сословного государства. Теперь стал на очередь экономический во-

прос, и политическая экономия играет теперь—по выражению одного очень умного немца [1])—такую же важную роль, какую играло в XVIII столетии естественное право. Захочет ли буржуазия быть руководительницей рабочего класса при исследовании отношений труда к капиталу, этого вопроса из вопросов всей общественной экономии? Она неохотно берет на себя даже эту выгодную для нее роль, потому что поднимать этот вопрос значит уже угрожать ее господству. Да и *может ли* она выполнить эту роль хотя бы так, как она выполнила ее когда-то по отношению к религии и праву? Нет! Ослепленные интересами своего класса, ее ученые представители давно уже утратили всякую способность к объективному, «научному исследованию общественных вопросов. В этом и заключается вся тайна современного упадка буржуазной экономии. Рикардо был последним экономистом, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имел достаточно ума, чтобы понять диаметральную противоположность интересов труда и капитала. Сисмонди был последним экономистом-буржуа, у которого было достаточно чувства, чтобы нелицемерно оплакать этот антагонизм. После них *общие*, теоретические исследования буржуазных экономистов утратили, большею частью, всякое научное значение. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить историю политической экономии со времен Рикардо и полюбоваться произведениями Бастиа, Кери, Леруа-Болье или хотя бы современных катедер-социалистов. Из мирных и объективных мыслителей буржуазные экономисты превратились в воинственных охранителей и стражей капитала, направляющих все свои усилия на то, чтобы перестроить с военными целями самое здание науки. Но несмотря на эти воинственные упражнения, они отступают беспрерывно и оставляют в руках неприятелей ту научную территорию, на которой они когда-то властвовали бесконтрольно. В настоящее время люди, совершенно чуждые каких бы то ни было «демагогических» стремлений, уверяют, будто рабочие «лучше какого-нибудь Пр. Смита или Фаухера способны усваивать самые абстрактные понятия» в экономической науке. Так думал, например, человек, имя которого пользуется огромным авторитетом среди немецких экономистов, но который с своей стороны питал к ним самое глубокое презрение. «Мы смотрим на рабочих, как на детей—прибавлял этот человек,—между тем как они переросли уже нас на целую голову [2]).

Но нет ли в его словах преувеличения? Может ли рабочий класс понимать «абстрактные» вопросы общественной экономии и социализма, не говорим уже лучше, но так же, как люди, затратившие целые десятки лет на свое образование?

На чем основываются положения современного научного социализма? Представляют ли они собою измышления какого-нибудь досужего благодетеля человеческого рода или являются обобщением тех самых явлений, с

[1]) *Примечание ко 2-му изд.* Т.-е. Родбертуса.
[2]) *Примечание ко 2-му изд.* Я опять имею в виду Родбертуса.

которыми мы все так или иначе сталкиваемся в своей ежедневной жизни, объяснением тех самых законов, которыми определяется наше участие в производстве, обмене или просто в распределении продуктов? Кто решит этот вопрос в последнем смысле, тот согласится, что рабочий класс имеет много шансов для правильного понимания «самых абстрактных» законов общественной экономии, для усвоения самых отвлеченных положений научного социализма. Трудность понимания законов той или другой науки обусловливается неполным знакомством с данными, лежащими в основании этих законов. Там, где речь идет лишь об явлениях повседневной жизни, где научный закон обобщает лишь каждому известные случаи, там люди практического дела не только отлично понимают теоретические положения, но и могут иногда научить самих теоретиков. Спросите сельского хозяина о влиянии отдаленности рынка на цену его продуктов или плодородия почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о влиянии расширения сбыта на удешевление производства. Спросите рабочего, откуда берется прибыль его предпринимателя... Вы убедитесь, что все эти люди знают Рикардо, никогда не видавши даже обертки его сочинений. А ведь эти вопросы пользуются репутацией весьма сложных и «абстрактных» вопросов; ведь по поводу их пролиты целые моря чернил, написано такое огромное количество томов, что, приступая к изучению экономической науки, можно ужаснуться этих ворохов печатной бумаги. И так во всем, во всех частях общественной экономии! Возьмите хоть теорию меновой стоимости. В двух словах вы можете объяснить рабочему, чем и как она определяется; а вот многие из г.г. буржуазных экономистов до сих пор не хотят или не могут понять этой весьма простой теории и впадают в спорах о ней в такие грубые логические ошибки, за которые ни один учитель арифметики не постеснялся бы поставить единицу ученику «младшего возраста». Поэтому мы и думаем, что цитированный нами писатель был прав, что в настоящее время единственною понятливою аудиториею по жгучим социальным вопросам может быть только аудитория, состоящая из пролетариев или людей, ставших на точку зрения пролетариата. А раз усвоены основные положения общественной экономии—понимание научного социализма не представляет уже трудности: рабочий и здесь будет следовать лишь указаниям своего практического опыта. Эта сторона дела прекрасно выяснена самим Марксом. «Если пролетариат провозглашает разложение *всего современного порядка*—читаем мы в его «*Критике гегелевской философии права*»,—то он высказывает этим лишь тайну *своего собственного существования*, потому что оно есть *фактическое разложение* этого порядка. Если пролетариат требует *отрицания частной собственности*, то этим он только возводит на степень *общественного принципа* то, что уже возведено в *его* принцип самим обществом, что воплотилось уже в нем, как отрицательный общественный результат, без всякого содействия с его стороны» [1]).

[1]) См. Deutsch-Französische Jahrbücher, 1 u. 2 Lieferung, S.S. 81—85.

Мы видим, стало быть, что пролетариат не нуждается в материальном богатстве, чтобы развиться до понимания условий своего освобождения. Его нищета,—обусловленная *не бедностью и дикостью общества, а недостатками общественной организации,—такая* нищета не только не затрудняет, но облегчает понимание этих условий.

Законы распределения продуктов в капиталистическом обществе в высшей степени неблагоприятны для рабочего класса. Но свойственные капитализму организации производства и форма обмена впервые создают и объективную и субъективную возможность эмансипации трудящихся. Капитализм расширяет миросозерцание рабочего, уничтожает все предрассудки, унаследованные им от старого общества; он толкает его на борьбу и в то же время обеспечивает победу, увеличивая его численный состав и предоставляя в его распоряжение экономическую возможность организации царства труда. Развитие техники увеличивает власть человека над природой и поднимает производительность труда до такой степени, что обязательность его не может послужить препятствием, но, наоборот, явится необходимым условием всестороннего развития всех членов социалистического общества. В то же время, характеризующая капитализм социализация *производства* прокладывает путь для обращения в общую собственность его *средств и продуктов*. Акционерные компании, эта высшая в настоящее время форма организации промышленных предприятий, устраняют капиталистов от всякой активной роли в экономической жизни общества и превращают их в трутней, исчезновение которых не может произвести ни малейшего замешательства в ходе этой жизни. «Если деятельному роду майордомов удалось некогда без труда свергнуть с престола обленившуюся королевскую династию,—говорит консерватор Родбертус,—то почему бы живая и энергичная организация рабочих (служебный персонал компаний составляют *квалифицированные работники*), почему бы такая организация не была бы в состоянии устранить со временем собственников, превратившихся в простых рантьеров?.. А между тем, капитал уже не может свернуть с этой дороги! Переживши период расцвета, капитал превращается в своего собственного могильщика!»

Почему бы, спросим мы в свою очередь, та самая организация рабочих, которая будет в состоянии «устранить собственников, сделавшихся простыми рантьерами», почему бы такая организация не в состоянии была захватить в свои руки государственную власть и добиться, таким образом, политического господства? Ведь первое предполагает второе: «устранить» собственников может только такая организация, которая в состоянии преодолеть их *политическое* сопротивление.

Но и это не все; существуют другие общественные явления, которые также увеличивают вероятность *политической* победы пролетариата.

«По мере развития крупной промышленности, целые слои господствующего класса переходят в ряды пролетариата, или, по крайней мере, подвергаются опасности потерять свое общественное положение. Они также являются воспитательным элементом в среде пролетариата.

Наконец, в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса, внутри всего старого общества, достигает такой сильной степени, что некоторая часть господствующего сословия отделяется от него и примыкает к революционному классу, несущему знамя будущего. Как часть дворянства соединилась некогда с буржуазией, так переходит теперь к пролетариату часть буржуазии, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения».

У негров северной Гвинеи есть одна в высшей степени замечательная легенда. По словам этой легенды, «бог призвал к себе однажды двух сыновей первой человеческой пары. Один из них был белый, другой—чернокожий. Положивши перед ними кучу золота и книгу, бог приказал черному брату, как старшему, выбирать любой из этих предметов. Тот выбрал золото, и младший брат получил, таким образом, книгу. Неизвестная сила немедленно перенесла его тогда, вместе с книгой, в отдаленную и холодную страну. Но, благодаря своей книге, он сделался ученым и стал страшен и силен. Старший же брат остался на родине и прожил достаточно долго, чтобы увидеть, насколько наука выше богатства».

Буржуазия обладала когда-то и знанием, и богатством. В противоположность черному брату негритянской легенды, она вступила во владение и золотом, и книгой, потому что бог человеческих обществ, история, не признает прав несовершеннолетних классов и отдает их в опеку их старших братьев. Но настало время, когда обделенный историей рабочий класс вышел из детского возраста и буржуазии пришлось с ним делиться. У нее осталось золото, между тем, как ее младший брат получил «книгу», благодаря которой он, несмотря на мрак и холод своих подвалов, стал и теперь уже «силен и страшен». Мало-по-малу научный социализм вытесняет буржуазные теории со страниц этой магической книги, и скоро пролетариат прочтет в ней, как завоевать ему материальное довольство. Тогда он сбросит с себя позорное иго капитализма и покажет буржуазии, «насколько наука выше богатств».

III.

В первой главе мы старались исторически объяснить возникновение того убеждения, что социализм несовместим ни с какой «политикой». Мы видели, что в основе этого убеждения лежало прудоновско-бакунинское учение о государстве—с одной стороны—и некоторая непоследовательность наших социал-демократов семидесятых годов—с другой. Кроме того, оно встречало поддержку в общем колорите того фона, на котором выделялись оба вышеназванные направления. Фон этот состоял, как мы сказали словами Энгельса, из смеси различных учений различных основателей социалистических сект. Известно, что социалисты-утописты относились совершенно отрицательно к политическим движениям рабочего класса, в которых они видели «лишь слепое недоверие к новому Евангелию». Этот отрицательный взгляд на «политику» был занесен к нам вместе с уче-

нями утопистов. Задолго до начала сколько-нибудь сильного революционного движения в России, наши социалисты готовы были —подобно «истинным» социалистам Германии конца сороковых годов (см. «Коммун. Ман.», стр. 32)—«расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе слова, буржуазному праву, буржуазной свободе и равенству», совершенно забывая, что все эти нападки «имеют в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией», т.-е. именно те условия, о завоевании которых только еще должна была пойти речь в нашем отечестве [1]).

В результате всех этих влияний получилась такая твердая уверенность в неуместности всякой политической борьбы, помимо борьбы революционной в узком и вульгарном значении этого слова, что мы стали с предубеждением смотреть на те социалистические партии Западной Европы, которые видели, например, в избирательной агитации могучее средство воспитания и организации рабочих масс. Все сделанные путем этой агитации политические и экономические приобретения казались нам непростительным оппортунизмом, гибельной сделкой с демоном буржуазного государства, равносильной отказу от блаженства в будущей социалистической жизни. Мы и сами не замечали, что наши теории завели нас в заколдованный круг неразрешимых противоречий. Мы считали поземельную общину исходной точкой социально-экономического развития России, и в то же самое время, отказываясь от политической борьбы, мы добровольно лишали себя всякой возможности предохранить эту общину, путем государственного вмешательства, от разрушительных влияний настоящего времени. Мы должны были, таким образом, оставаться равнодушными зрителями процесса, разрушающего тот самый фундамент, на котором мы хотели строить здание будущего.

Мы видели, однако, что логика событий вывела русское движение на другую дорогу и заставила русских революционеров, в лице партии «Народной Воли», добиваться политического влияния и даже господства, как одного из самых могучих факторов экономической революции. Мы видели также, что, выступая на эту дорогу, наше движение вырастало настолько, что социально-политические теории различных разновидностей прудонизма оказались для него слишком узкими и неудобными. Свойственный русской общественной жизни ход вещей пришел в столкновение с ходом господствовавших в нашей революционной среде идей, и тем вызвал новое умственное течение.

Это новое умственное течение, сказали мы далее, до тех пор не отделается от свойственных ему теперь противоречий, пока не сольется с несравненно более глубоким и широким течением современного социализма. Русские революционеры должны стать на точку зрения социаль-

[1]) Сказанное не относится, впрочем, к группе, издававшей «Народное Дело» в Женеве, группе, неоднократно заявлявшей свое отрицательное отношение к «теории политического невмешательства».

ной демократии Запада и разорвать свою связь с «бунтарскими» *теориями* так же, как они уже несколько лет тому назад отказались от «бунтарской *практики*, вводя новый, *политический* элемент в свою программу. Сделать это им будет не трудно, если они постараются усвоить себе правильный взгляд на политическую сторону учения Маркса и захотят подвергнуть пересмотру приемы и ближайшие задачи своей борьбы, прилагая к ним этот новый критерий.

Мы видели уже во второй главе, к каким ложным выводам подали повод философско-исторические посылки современного социализма. Сама «Народная Воля» не замечала, повидимому, ошибочности этих выводов и склонна была «даже к защите социологической точки зрения Дюринга о преобладающем влиянии политико-юридического элемента общественного строя на экономический», как выразился П. Л. Лавров, характеризуя новейшие направления в русском революционном движении [1]). Только этою склонностью и можно объяснить содержащуюся во внутреннем обозрении № 6 «Народной Воли» полемику против каких-то «непосредственных толкователей» исторической теории Маркса, основывающих свой взгляд, по словам автора, «главным образом, на известной триаде Гегеля», неимеющих «иного индуктивного материала» для своих выводов и объясняющих «Гегелев закон» в том смысле, что дурное просто в своем крайнем развитии приведет к хорошему [2]). Достаточно познакомиться с программой немецких социал-демократов или французских коллективистов, чтобы видеть, как понимают «историческую теорию Маркса» его западно-европейские последователи и, если угодно, «непосредственные толкователи». Со своей стороны, мы можем уверить наших русских товарищей, что эти «толкователи» понимают «Гегелев закон» вовсе не «в том смысле, что дурное, просто в своем крайнем развитии, приведет к хорошему», и к тому же пользуются им как «*индуктивным* материалом» лишь при изучении истории немецкой философии, в которой этот закон занимает весьма видное место и из которой его, *во всяком случае*, не выкинешь, как не выкинешь, по народному выражению, слова из песни. Цитированное нами место есть почти буквальное повторение слов Дюринга, упрекавшего Маркса в том, что в его исторической схеме «гегелевское отрицание отрицания играет, за недостатком лучших и более ясных средств, роль повивальной бабки, при помощи которой будущее выйдет из недр настоящего» [3]). Но

[1]) См. статью «*Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма*», «*Календарь Н. В.*», стр. 109.

[2]) *Примечание ко 2-му изд.* Впоследствии этот вздор на разные лады повторяли наши «легальные» критики,—Н. Михайловский и братия. Вообще, надо заметить, что эти господа в спорах с нами не могли придумать ровно ничего нового сравнительно с тем, что писалось против нас в *нелегальной* литературе. Кто хочет убедиться в этом, пусть прочтет статью г. Тихомирова во 2-й книжке «Вестника Народной Воли» («Чего нам ждать от революции?») и сравнить с теми доводами, которые пришлось, долго спустя, опровергать Бельтову в своей книге. «Нелегальная» мысль давно опередила у нас «легальную».

[3]) См. «Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Sozialismus», dritte Auflage, S. 498.

эта выходка понесла уже заслуженную кару со стороны Энгельса, разоблачившего все научное ничтожество произведений бывшего берлинского доцента. Зачем же повторять чужие ошибки и становиться, на таком шатком основании, в отрицательное отношение к величайшей и самой революционной общественной теории XIX века? Ведь без революционной теории нет революционного движения, в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства,—революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а, следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная, по своему внутреннему содержанию, идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире. И пока наше движение будет происходить под знаменем отсталых или ошибочных теорий, оно будет иметь революционное значение лишь *некоторыми*, но далеко не всеми своими сторонами. В то же время оно, без ведома своих участников, будет носить в себе зародыши реакции, которые лишат его и этой доли значения в более или менее близком будущем, потому что, как сказал еще Гейне, всякому

Новому времени новый костюм
Потребен для нового дела.

А ведь настанет же, наконец, оно, это действительно-новое время, и для нашего отечества.

Впрочем, неверное понимание тех или других положений современного социализма не составляет еще главного препятствия для окончательного выхода нашего революционного движения на путь, проложенный рабочим классом Запада. Ближайшее знакомство с литературой «марксизма» покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя «пролетариев всех стран». Они убедятся тогда, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции, которые правы, каждая по своему, потому, что, при всей своей односторонности, каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной жизни.

Есть другое препятствие для развития нашего движения в только что указанном направлении. Оно заключается в том отсутствии у нас политического глазомера, которое с самого начала движения мешало нашим революционерам привести свои ближайшие задачи в соответствие со своими силами, и которое обусловливается ни чем другим, как недостатком политического опыта у русских общественных деятелей. Отправлялись ли мы в народ с целью распространения социалистических изданий, селились ли мы в деревнях для организации протестующих элементов нашего крестьянства, вступали ли мы в непосредственную борьбу с представителями

абсолютизма, мы везде повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали в расчет, во всей его полноте, ожидающего нас сопротивления общественной среды, и торопились возвести временно благоприятствуемый обстоятельствами способ действия в универсальный принцип, исключающий все другие способы и приемы. Все наши программы находились, благодаря этому, в совершенно неустойчивом равновесии, из которого их могла вывести самая незначительная перемена в окружающей обстановке. Чуть не каждые два года меняли мы эти программы, и не могли остановиться на чем-либо *прочном*, потому что всегда останавливались на чем-нибудь *узком* и *одностороннем*. Подобно тому, как, по словам Белинского, русское общество, не имея еще литературы, пережило уже все литературные направления, русское социалистическое движение, не сделавшись еще движением нашего рабочего класса, успело уже перепробовать всевозможные оттенки западно-европейского социализма.

Предпринятая «Народной Волей» борьба с абсолютизмом,—выдвигая наших революционеров на более широкий путь деятельности, заставляя их стремиться к созданию действительной *партии*,—будет, без всякого сомнения, сильно содействовать устранению односторонности кружков. Но, чтобы прекратить эту постоянную смену программ, чтобы отделаться от этих привычек политических номадов и приобрести, наконец, умственную оседлость, русские революционеры должны довести до конца дело критики, начавшееся с возникновением в их среде сознательных политических тенденций. Они должны стать в критическое отношение к той самой программе, которая сделала необходимой критику *всех* прежних программ и теорий. «Партия Народной Воли» есть дитя переходного времени. Ее программа есть последняя программа, родившаяся в тех условиях, которые делали нашу односторонность неизбежным и потому законным явлением. Расширяя политический горизонт русских социалистов, программа эта сама не свободна еще от односторонности. В ней также заметно отсутствие политического глазомера, способности сообразовать ближайшие цели партии с ее действительными или возможными силами. Партия Народной Воли напоминает человека, идущего по настоящей дороге, но еще не имеющего понятия о расстояниях и потому уверенного в том, что он тотчас же может «верст сто тысяч отмахать и нигде не отдыхать». Практика разрушит, разумеется, его иллюзию, но это разрушение может стоить ему очень дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежат ли семимильные шаги к области фантазии.

Под хождением семимильными шагами мы разумеем упомянутый уже фантастический элемент в интересующей нас программе, который во втором нумере «Народной Воли» выразился в уверенности относительно социально-революционного (мы не говорим *социалистического*) большинства в будущем русском Учредительном Собрании, а в № 8—9 проявил себя в рассуждениях о «захвате власти временным революционным правительством». Мы глубоко убеждены, что этот фантастический элемент в

высшей степени вреден для самой партии «Народной Воли». Как партии социалистической, он вреден ей тем, что отвлекает ее от ее непосредственных задач в среде рабочего класса в России; как партии, взявшей на себя инициативу нашего освободительного движения,—он вреден ей тем, что всегда будет отталкивать от нее очень много средств и сил, которые могли бы, при других условиях, притекать к ней из среды так называемого общества. Объяснимся подробнее.

К кому обращается, к кому *может* и должна обращаться «Народная Воля» в своей борьбе с абсолютизмом? «Привлечение в организацию (Народной Воли) *отдельных лиц из среды крестьянства*,—способных к ней примкнуть,—читаем мы в «Календаре Народной Воли» [1]),—конечно, всегда признавалось очень желательным... Но что касается организации в настоящее время *в массе* крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов». Быть может, партия «Народной Воли» рассчитывает опереться на более передовой слой нашего трудящегося населения, т.-е. на городских рабочих? Она, действительно, придает весьма большое значение делу пропаганды и организации в их среде, она считает, что «городское рабочее население должно обратить на себя серьезное внимание партии». Но уже самая мотивировка необходимости этого дела показывает, что, по ее понятиям, городские рабочие должны быть лишь одним из элементов нашего революционного движения. Они «имеют особенно важное значение *для революции*, как по своему положению, так и по относительно бо́льшей развитости,—поясняет нам тот же документ,—успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска». Значит, предстоящая революция не будет рабочей революцией в полном смысле этого слова, но рабочие должны принять в ней участие, так как они «имеют *для нее* особенно важное значение». Какие же другие элементы войдут в это движение? Мы видели уже, что войдет, между прочим, «войско», а в войске «при настоящих условиях пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надежд. Гораздо удобнее воздействие на *офицерство:* более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию!» Это, конечно, совершенно справедливо, но не будем пока останавливаться на этом и пойдем далее. Кроме рабочих и «офицерства», партия Народной Воли имеет в виду также либералов и «Европу», по отношению к которой «политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие *народов*, вызвать к этой революции симпатии европейского общественного мнения». Для достижения этой цели «партия должна знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации, с истинными целями партии, со значением нашего революционного движения, как выражения всенародного протеста». Что же касается «либералов», то в отношении к ним «следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что, при современной постановке партионных задач, интересы наши и их заставляют совместно действовать против правительства».

[1]) «Подготовительная работа партии», стр. 129 в примечании.

Мы видим, таким образом, что партия «Народной Воли» рассчитывает не на один только рабочий и крестьянский классы и даже не главным образом на эти классы. Она имеет в виду также и общество, и офицерство, которое, в сущности, есть «плоть от плоти и кость от костей» того же общества. Она хочет убедить либеральную часть этого общества, что «при современной постановке партионных задач» интересы русского либерализма сходятся с интересами русской социально-революционной партии. Что же она делает, чтобы вселить в русских либералах это убеждение? Она издает, во-первых, программу «Исполнительного Комитета», в которой говорится, что «*народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей». В известном «Письме к Александру III» Исполнительный Комитет также требует «созыва представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями». Такая программа, действительно, совпадает с интересами русских либералов, и для ее осуществления они, пожалуй, примирились бы и со всеобщим избирательным правом, которого не может не требовать «Исполнительный Комитет». Во всем этом программа названного «Комитета» обнаруживает гораздо большую зрелость, чем все предшествовавшие ей программы. Но, не говоря уже о таком крупном промахе, как требование свободы сходок, слова, печати и избирательных программ лишь «в виде временной меры» [1]), припомним другие заявления партии «Народной Воли». Орган этой партии поспешил предупредить читающую публику, что большинство депутатов Учредительного Собрания будет состоять из сторонников радикального экономического переворота. Мы уже говорили выше, что эта уверенность была не более, как фикцией, придуманной для соглашения несогласимых между собою элементов народовольческой программы. Взглянем теперь на печатное выражение такой уверенности с точки зрения тактики. Спрашивается, разве экономический переворот входит в интересы русского либерализма? Разве наше либеральное общество сочувствует аграрной революции, которой, по словам «Народной Воли», будут добиваться крестьянские депутаты? Западно-европейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где «красный призрак» принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, «либералы» готовы были искать защиты в объятиях самой бесцеремонной военной диктатуры. Думал ли террористический орган, что наши русские либералы составят исключение из этого общего правила? Если так, то на чем основывал он свое убеждение? Думал ли

[1]) См. «Письмо к Александру III», «Календарь Народной Воли», стр. 14.

он также, что современное «общественное мнение Европы» до такой степени проникнуто социалистическими идеями, что будет сочувствовать созыву социально-революционного Учредительного Собрания? Или он думал, что, трепеща красного призрака у себя дома, европейская буржуазия будет аплодировать появлению его в России? Само собою разумеется, что ничего подобного он не думал и ничего подобного не забывал. Но зачем же, в таком случае, было делать это рискованное заявление? Или орган партии «Народной Воли» был до такой степени убежден в неминуемом осуществлении своего пророчества, что считал нужным побудить членов организации к принятию мер, соответствующих важности ожидаемого события? Но в виду того, что в том же органе деятельность в народе объявлялась бесплодною, мы думаем, что заявление это имело, скорее, успокоительный, чем побудительный характер: социально-революционное большинство в Учредительном Собрании ожидалось, *несмотря* на то, что названная деятельность напоминает собою теперь «*наполнение бездонных бочек Данаид*».

Само по себе, заявление это могло бы считаться неважным, тем более, что «Народная Воля» сама, повидимому, рассталась с преувеличенно-радужными надеждами на состав будущей русской Конституанты. Мы думаем так потому, что передовая статья № 8—9 говорит об экономическом перевороте, который, в случае отсутствия социально-революционной инициативы в самом народе, должен быть совершен «временным революционным правительством» ранее созыва Учредительного Собрания. Автор статьи совершенно справедливо видит лишь в таком перевороте гарантию того, что «на созванный Земский Собор явятся истинные представители народа». Прежняя иллюзия «Народной Воли» рассеялась, таким образом, окончательно. Но, к сожалению, она исчезла лишь за тем, чтобы уступить место новой, еще более вредной для дела самой партии «Народной Воли». Фантастический элемент программы не уничтожился, он принял только новый вид и называется теперь тем самым «*захватом власти временным революционным правительством*», который должен доставить партии возможность совершить упомянутый экономический переворот. Само собою понятно, что эта новая «постановка партионных задач» ни в коем случае не может внушить ни русским либералам, ни буржуазной Европе мысли о солидарности их интересов с интересами русского революционного движения. Как ни забито, как ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохранения и ни в каком случае не пойдет добровольно навстречу «красному призраку»; указывать ему на такую «постановку» задач партии—значит лишать себя его поддержки и рассчитывать лишь на свои собственные силы. Но настолько ли велики эти силы, чтобы не рискованно было отталкивать от себя такого союзника? Могут ли наши революционеры действительно захватить в свои руки власть и удержать ее хоть на короткое время, или все толки об этом представляют собою ни что иное, как выкраивание шкуры зверя, не только еще не убитого, но, по обстоятельствам дела, и не

подлежащего убиению? Вот вопрос, который становится в последнее время злобою дня революционной России...

Спешим оговориться. Предыдущие страницы должны были уже убедить читателя, что мы не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собою последний и в этом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую, на известной ступени общественного развития, должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти. Den Teufel halte, wer ihn hält! говорит Фауст.

Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только разрушение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно *понимание* этой задачи предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. *Решение* же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но *такой* пролетариат и *не позволит* захватить власть даже самым искренним благожелателям. Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельным деятелем на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного опекуна к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог-бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что такая опека была бы вредной, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее «железный канцлер» или революционная организация. Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки, с тем, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началах—не *анархии*, конечно, которая принесла бы ему новые бедствия,—но *пан*-архии, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс

не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более, чем сомнителен.

Так понимаем мы вопрос о захвате власти в социалистической революции. Применяя эту точку зрения к русской действительности, мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России.

«Народная Воля» считает современное соотношение политических и экономических факторов на русской почве особенно «выгодным» для социалистов. Мы согласны, что оно более выгодно для них в России, чем в Индии, Персии или Египте, но его, конечно, невозможно и сравнивать с западно-европейскими общественными отношениями. И если «Народная Воля» пришла к своему убеждению, противопоставляя наши порядки не египетским или персидским, а французским или английским, то она впала в очень крупную ошибку. Современное «соотношение общественных факторов на русской почве» обусловливает собою невежество и индифферентизм народной массы; когда же такие свойства были выгодны для дела ее освобождения? «Народная Воля» полагает, повидимому, что индифферентизм этот начинает исчезать, так как в народе все более и более «пробуждается ненависть к привилегированным, правящим сословиям и настойчивое стремление к радикальному изменению экономических отношений». Но что же выходит из этого стремления? «Ненависть к привилегированным сословиям» еще ровно ничего не доказывает: она не сопровождается часто ни одним лучем политического сознания. Притом же в настоящее время нам нужно строго различать *сословное* сознание от сознания *классового*, так как старые сословные подразделения не соответствуют более экономическим отношениям России и готовятся уступить свое место формальному равенству граждан в «правовом государстве». Если «Народная Воля» взглянет на современное миросозерцание нашего крестьянства с точки зрения развития в нем *классового и политического* сознания, то она едва ли будет настаивать на выгодности соотношения наших общественных факторов для дела социального переворота. Ведь не может же она считать «выгодными» для этого дела хотя бы те толки, которые идут в среде крестьянства по поводу ее собственной борьбы с правительством. Как ни сильно сказывается в этих толках «ненависть к правящим классам», но в виду того, что самое революционное движение приписывается крестьянами крепостническим проискам дворян и чиновников, «временное революционное правительство» будет находиться в большой опасности, когда народ начнет «отвоевывать экономическое равенство у своих вековых угнетателей и эксплоататоров». Тогда нынешнее соотношение интересущих нас факторов обнаружит, пожалуй, свойства, весьма *невыгодные* для временно восторжествовавших заговорщиков. Да и что значит «отвоевать экономическое равенство»?

Достаточно ли для этого экспроприировать крупных землевладельцев, капиталистов и предпринимателей? Не нужно ли для этого организовать, известным образом, и самое производство? А если да, то благоприятны ли ей современные экономические отношения России, иначе говоря, много ли шансов на ее успех обещает нам экономический фактор? Мы думаем, что нет, и думаем так по следующей причине. Всякая организация предполагает известные, определяемые ее целью и характером, свойства организуемого. Социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который делал бы эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны, и, следовательно, отличался бы весьма значительной определенностью. Другими словами, социалистическая, как и всякая другая, организация требует соответствующей ей основы. Этой-то основы и нет в современной России. Старые устои народной жизни слишком узки, разнородны и односторонни и, кроме того, слишком уже расшатаны, а новые—только еще вырабатываются. Объективные общественные условия производства не созрели еще для социалистической организации, а потому и в самих производителях нет еще ни стремления, ни способности к такой организации: наше крестьянство не может еще ни понять, ни решить этой задачи. *Поэтому «временному правительству» придется не «санкционировать», а совершать «экономический переворот»*, если его не снесет волной народного движения, если только оно встретит достаточно повиновения со стороны производителей.

Но декретами не создашь условий, чуждых самому характеру современных экономических отношений. «Временному правительству» придется мириться с тем, что есть, брать то, что даст ему современная русская действительность в качестве основы его реформаторской деятельности. И на этой-то узкой и шаткой основе здание социалистической организации будет строиться руками правительства, в которое войдут: во-первых, городские рабочие, пока еще мало подготовленные к такой трудной деятельности, во-вторых, представители нашей революционной молодежи, всегда оставшейся чуждой практической жизни, и, в-третьих, «офицерство», в экономических познаниях которых весьма позволительно усомниться. Мы не хотим делать весьма вероятного предположения относительно того, что, рядом со всеми этими элементами, во временное правительство проникнут и либералы, которые будут не сочувствовать, а мешать социально-революционной «постановке партионных задач». Мы предлагаем читателю взвесить лишь выше перечисленные обстоятельства и затем спросить себя: много ли вероятности успеха имеет «экономический переворот», начавшийся при этих обстоятельствах? Точно ли выгодно для дела социалистической революции существующее ныне «соотношение политических и экономических факторов на русской почве»? И не принадлежит ли уверенность в выгодности этого соотношения к числу фикций, заимствованных из анархически-бунтарского миросозерцания и доведенных в программе новой, *политической* партии до совершенно уже

невозможной крайности? А ведь этой фикцией определяются ближайшие «непосредственные задачи» партии, на ней основывается стремление к немедленному «захвату власти», стремление, пугающее наше общество и придающее односторонний характер всей деятельности наших революционеров!

Нам возразят, быть-может, что «Народная Воля» и не думает приступать к социалистической организации общества тотчас же после захвата ею власти, что проектируемый ею «экономический переворот» имеет целью лишь воспитание народа для будущей социалистической революции. Посмотрим, возможно ли такое предположение, и если—да, то какие следуют из него выводы?

Передовая статья № 8—9 «Народной Воли» говорит об экономическом равенстве, которое будет «отвоевано» самим народом, а в случае недостатка в нем инициативы, создано временным правительством. Мы говорили уже, что это так называемое экономическое равенство возможно лишь при социалистической организации производства. Но допустим, что «Народная Воля» считает его возможным и при других условиях, что экономическое равенство будет, по ее мнению, достаточно обеспечено переходом земли и орудий производства в собственность трудящихся. Такое мнение было бы ничем другим, как возвратом к старым народническим идеалам «Земли и Воли» и, с экономической точки зрения, обнаруживало бы те же самые слабые стороны, которые свойственны были этим идеалам. Взаимные отношения отдельных общин друг к другу, превращение продуктов труда общинников в товары и связанное с ним капиталистическое накопление грозили бы сделать это «равенство» весьма неустойчивым. При самостоятельности мира, «как экономической и административной единицы», при «широком областном самоуправлении, обеспеченном выборностью всех должностей и принадлежности земли народу»,— которых требует программа Исполнительного Комитета, центральное правительство не *могло бы* принять никаких мер для упрочения этого равенства; если даже и предположить, что оно придумало бы такие меры, которые упразднили бы не только писанные законы Российской империи, но и законы самого товарного производства. Да оно и не захотело бы принимать таких мер, так как оно состояло бы из представителей того «освобожденного экономически и политически народа», идеалы которого в лучшем случае выражались бы словами «Земли и Воли» и не оставляли бы места для какой-либо организации национального производства (мы не говорим уже об *интернациональном*).

Предположим, что в виду этой опасности «временное правительство» «Народной Воли» не передаст захваченной им власти народным представителям и превратится в постоянное. Тогда ему будет предстоять такая альтернатива: или оно должно будет оставаться равнодушным зрителем медленного разложения созданного им «экономического равенства», или оно вынуждено будет *организовать* национальное производство. Решить эту трудную задачу оно должно будет или в духе современного социализма, чему помешают как его собственная непрактичность, так и современная степень развития национального труда и привычки самих трудящихся, или же оно должно будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что, вместо перувианских «сынов солнца» и их чиновников, национальным производством будет заведывать социалистическая каста. Но русский народ и теперь уже слишком развит, чтобы можно было льстить себя надеждою на счастливый исход таких опытов над ним. Несомненно, кроме того, что при такой опеке народ не только не воспитался бы для социализма, но или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность, лишь благодаря возникновению того самого экономического *не*равенства, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства. Мы не говорим уже о влиянии международных отношений и о невозможности перувианского коммунизма даже на востоке Европы XIX или XX столетия.

Впрочем, зачем так много говорить о *результатах* захвата власти нашими революционерами. Вероятен ли, возможен ли самый захват? По нашему мнению, очень, очень мало вероятен; так мало вероятен, что его можно считать совсем невозможным. Наш «мыслящий пролетариат» сделал уже очень много для освобождения своей родины. Он расшатал абсолютизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса. Он составляет переход от высших классов общества к низшему, обладает образованием первых и демократическими инстинктами второго. Это положение облегчало ему разностороннюю работу агитации и пропаганды. Но то же самое положение дает ему очень мало надежды на успех заговора с целью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантов, энергии и образования: нужны связи, богатство и влиятельное общественное положение заговорщиков. Именно этого-то и недостает нашей революционной интеллигенции. Пополнить этот недостаток она может, лишь вступая в союз с другими недовольными элементами русского общества. Допустим, что ее планы встретят сочувствие со стороны этих элементов, допустим, что к заговору примкнут богатые землевладельцы, капиталисты, чиновники, штаб-и обер-офицеры. Успех заговора станет тогда вероятнее, хотя вероятность эта будет еще очень невелика: припомним только исход бо́льшей части известных в истории заговоров. Но главная опасность будет грозить *социалистическому* заговору не со стороны существующего правительства, а со стороны его собственных участников. Вошедшие в него влиятельные и высокопоставленные лица могут быть искренними социалистами лишь в виде «счастливой случайности». Относительно же бо́льшей части этих лиц не может быть никаких гарантий в том, что они не пожелают воспользоваться захваченною ими властью для целей, не имеющих ничего общего с интересами рабочего класса. А раз заговорщики отклонятся от социалистической цели заговора, его можно считать не только бесполезным, но даже вредным для

социального развития страны; ведь нельзя же из ненависти к абсолютизму сочувствовать успехам «новейших Сеянов»—как выражается Степняк в своей известной книге,—которые захотели бы воспользоваться заговором в своих собственных интересах. Таким образом, результаты заговора социалистической интеллигенции с целью захвата власти в ближайшем будущем станут тем более сомнительными, чем более сочувствия встретит он во влиятельных сферах, т.-е. чем вероятнее будет его внешний успех; и наоборот, результаты такого заговора, поскольку речь идет о намерениях его участников, будут тем несомненнее, чем более его сфера ограничится нашей социалистической «интеллигенцией», т.-е. чем невероятнее будет его счастливый исход. Все заставляет думать, что в настоящее время русскому социалистическому заговору грозила бы неудача скорее второго, чем первого рода.

В виду всего сказанного, мы думаем, что единственною нефантастическою целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* России,—с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая, вместе с «правами человека», обеспечила бы рабочим «права гражданина» и дала бы им, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны. Не пугая никого далеким пока «красным призраком», такая политическая программа вызывала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма [1]). И между тем, как захват власти той или другой тайной революционной организацией всегда останется лишь делом этой организации и лиц, посвященных в ее планы, агитация в пользу названной программы была бы делом всего русского общества, в котором она усиливала бы сознательное стремление к политическому освобождению. Тогда интересы либералов действительно «заставили» бы их «вместе с социалистами действовать против правительства», потому что либералы перестали бы встречать в революционных изданиях уверения в том, что ниспровержение абсолютизма будет сигналом социальной революции в России. Вместе с тем, другая, менее пугливая и более трезвая, часть либерального общества перестала бы видеть в революционерах непрактичных юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этот невыгодный для революционеров взгляд уступил бы место уважению общества не

[1]) *Примечание ко 2-му изданию.* Сочувствие «общества» для нас очень важно. И мы можем,—точнее: у нас *было много шансов*,—приобрести его, ни на йоту не изменяя своей программе. Но, разумеется, для перехода этой *возможности в действительность* необходим *такт*, которым мы не всегда обладаем. Вот, например, мы иногда нускаемся ругать «капитал» как раз *по тому поводу*,—хотя, конечно, *и не за то*,—что он «бунтует». Маркс никогда не сделал бы такой грубой тактической ошибки. Он нашел бы, что она достойна Карла Грюна и других «истинных социалистов».

только к их героизму, но и к их политической зрелости. Постепенно это сочувствие перешло бы в активную поддержку или, что вероятнее, в самостоятельное общественное движение, и тогда пробил бы, наконец, час падения абсолютизма. Социалистическая партия играла бы в этом освободительном движении весьма почетную и выгодную роль. Ее славное прошлое, ее самоотвержение и энергия придали бы вес ее требованиям, и она имела бы, по крайней мере, шансы завоевать, таким образом, *народу* возможность политического развития и воспитания, а *себе* право открытого обращения к нему с своею проповедью и открытой организации его в особую партию.

Но этого мало. Вернее, это недостижимо без одновременной деятельности другого рода и в другой сфере. Без силы нет и права. Всякая конституция—по прекрасному выражению Лассаля—соответствует или стремится придти в соответствие с *«реальными, фактическими отношениями силы, существующими в стране»*. Поэтому наша социалистическая интеллигенция должна позаботиться о том, чтобы еще в до-конституционный период изменить эти фактические отношения русских общественных сил в пользу рабочего класса. В противном случае, падение абсолютизма далеко не оправдает надежд, возлагаемых на него русскими социалистами или даже демократами. Требования народа и в конституционной России могут быть оставлены совсем без внимания или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиления его податной способности, ныне почти совершенно истощенной хищническим характером государственного хозяйства. Сама социалистическая партия, завоевавши либеральной буржуазии свободу слова и действия, может очутиться «в исключительном» положении, подобном положению современной немецкой социал-демократии. *В политике на благодарность вчерашних союзников и нынешних врагов может рассчитывать лишь тот, кому невозможно рассчитывать на что-либо более серьезное.*

К счастью, русские социалисты могут строить свои надежды на более прочном основании. Они могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс. Сила рабочего, как и всякого другого класса, зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы, в первый же период конституционной жизни России, наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самим рабочим, но интеллигенция должна выяснить им главнейшие ее пункты, как, например, радикальный пересмотр современных аграрных отношений, податной системы и фабричного

законодательства, государственная помощь производительным ассоциациям и т. п. Все это может быть достигнуто лишь путем усиленной работы в среде, по крайней мере, наиболее передовых слоев нашего рабочего класса, путем устной и печатной пропаганды и организации рабочих социалистических кружков. Эти задачи всегда занимали, правда, более или менее видное место в программах наших социалистов, а «Календарь Народной Воли» может убедить нас в том, что они не были забыты даже в пылу самой ожесточенной борьбы с правительством (смотри «Подготовительную работу партии»), рубрику—В, *Городские рабочие*). Но мы предлагаем всякому, знакомому с нашим революционным движением, припомнить и сравнить, сколько сил и средств поглотила разрушительная работа и сколько пошло их на подготовление элементов для будущей *рабочей социалистической партии*. Не виня никого, мы думаем, однако, что распределение революционных сил было слишком односторонне. А между тем, мы напрасно стали бы объяснять это свойством самих революционных сил или той рабочей среды, на которую им нужно было воздействовать, согласно их собственной программе. Появление и успех таких изданий, как «Зерно» и «Рабочая Газета», показывают, что наши революционеры не утратили склонности к пропаганде, а наши рабочие не остались к ней равнодушны. Названные издания не избежали, конечно, ошибок, иногда весьма существенных, но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Главная беда в том, что в издании этих листков не видно той энергии, с какой ведется литературная пропаганда в «интеллигентных» слоях общества, что арестованная типография не заменяется новой, что за невозможностью вести дело издания в России оно не переносится за-границу и т. д. Из всех заграничных журналов, а их было у нас немало, только «Работник» и имел в виду читателей из народа, и в этом величайшая заслуга его издателей. Но «Работник» давно уже прекратился, а мы ничего не слыхали о новых попытках в этом роде, хотя бы и с другою программою, более подходящей к изменившимся взглядам русских социалистов. А что издано у нас для рабочих в России, кроме «Зерна» и «Рабочей Газеты»? Ровно ничего. Ни одной книжки, ни одной брошюры [1])! И это в то время, когда революционное движение обратило на себя всеобщее внимание, и народ, с жадностью ловя все слухи и толки, в недоумении спрашивал себя: чего хотят эти люди? Можно ли после этого удивляться тем нелепым ответам на этот вопрос, которыми он довольствуется иногда, за неимением лучших. Повторяем, мы не виним *никого*, но *всем* советуем обра-

[1]) *Примечание ко 2-му изд.* Отсюда видно, что идея популярного органа совсем не новость в нашей литературе. Но это обстоятельство, разумеется, не помешало ей казаться опасным новшеством многим товарищам *не далее, как накануне нашего второго съезда*, когда я являлся между «искровцами» едва ли не единственным ее сторонником Теперь эта идея получила уже практическое,—более или менее удачное,—осуществление. Лучше поздно, чем никогда. Но если бы вы слышали, читатель, какие изумительные доводы приводились против этой идеи в только что указанное, еще недалекое от нас, время, вы воскликнули бы, как Фауст: Wie weh, wie weh, wie weh!

тить внимание на эту сторону дела, чтобы во-время наверстать упущенное [1]).

Таким образом, борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной и наступательной роли—с другой, такова, по нашему мнению, «постановка партийных задач», единственно возможная в настоящее время. Связывать в одно два таких существенно-различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества—*значит отдалять наступление и того, и другого*. Но от нас зависит *сблизить* эти два момента. Мы должны последовать прекрасному примеру немецких коммунистов, которые шли, по словам *Манифеста*, «рядом с буржуазией, поскольку она являлась революционной в борьбе своей против абсолютной монархии» и, в то же время, ни на минуту не переставали вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата». Поступая таким образом, коммунисты хотели, чтобы «немецкая буржуазная революция послужила лишь непосредственным прологом революции рабочей».

Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны дают право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия «*пришла слишком поздно*», то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не «слишком поздно» начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее вполне современным и насущным.

Во избежание недоразумений оговоримся. Мы не держимся того взгляда—скорее, как мы видели, навязанного школе Маркса, чем существовавшего в действительности,—взгляда, по которому социалистическое движение не может будто бы встретить поддержки в нашей крестьянской среде до тех пор, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. Мы думаем, что—в общем—русское крестьянство отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую «национализацию земли». При возможности сколько-нибудь свободной агитации в его среде [2]) оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы, разумеется, внести требование такого рода мер в свою программу. Но мы не преувеличиваем сил наших социалистов и не игнорируем тех препятствий, того сопротивления среды, с которыми им неиз-

[1]) «В истекшем году—читаем мы в Прибавлении к «Листку Н. В.» № 1 (1883 г., стр. 61)—был целый ряд стачек, которые, *благодаря отсутствию организации рабочих*, кончались большею частью неудачей».

[2]) *Примечание ко 2-му изданию.* Т.-е. при конституции.

бежно придется считаться в своей деятельности. Поэтому, *и только поэтому*, мы думаем, что им следует, на первое время, сосредоточить главное свое внимание на промышленных центрах. Современное сельское население, живущее при отсталых социальных условиях, не только менее промышленных рабочих способно к сознательной политической *инициативе*, но и менее их *восприимчиво* к движению, начатому нашей революционной интеллигенцией. Ему труднее усвоить социалистические учения, потому что условия его жизни слишком непохожи на условия, породившие эти учения. К тому же, крестьянство переживает теперь тяжелый, критический период. Прежние «старо-дедовские устои» его хозяйства рушатся, «сама несчастная община дискредитируется в его глазах», по признанию даже таких «стародедовски» народнических органов, как «Неделя» (см. 39 №, статью г. N. Z. «*В родных местах*»); новые же формы труда и жизни еще только складываются, и этот созидательный процесс обнаруживает наибольшую интенсивность именно в промышленных центрах. Как вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образует в других местах новые осадки и отложения, так процесс русского социального развития образует новые общественные формации, разрушая вековые формы отношения крестьян к земле и друг к другу. Эти новые общественные формации носят в себе зародыши нового общественного движения, которое одно только и может положить конец эксплоатации трудящегося населения России. Промышленные рабочие, обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство, примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства. Говорим *о систематической пропаганде* потому, что отдельные случаи пропаганды и агитации в крестьянстве, конечно, не должны быть упускаемы и в настоящее время. Едва-ли нужно прибавлять, что наши социалисты должны были бы изменить распределение своих сил в народе, если бы в среде крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движение.

Такова «программа», которая самою жизнью подсказывается русской революционной социалистической партии. Сумеет ли она выполнить эту программу? Захочет ли она покинуть фантастические планы и замыслы, которые, надо сознаться, очень много говорят чувству и воображению? Пока еще трудно отвечать на это с уверенностью. «Объявление об издании «Вестника Народной Воли» говорит о политических задачах революционной партии лишь в самых общих выражениях. Редакция «Вестника» называет эти цели «совершенно определенными» и не считает, повидимому, нужным снова определять их в своем объявлении. Можно опасаться, поэтому, что она не сочтет также нужным спросить себя, соответствуют ли «совершенно определенные условия» современной русской действительности «совершенно определенным целям» партии Народной Воли? В таком случае, новый орган оставит неудовлетворенной самую насущную потребность нашей революционной литературы, потребность в критическом пересмотре устаревших программ и традиционных способов действия. Но мы надеемся, что будущее рассеет наши опасения. Нам хочется думать, что новый орган трезво взглянет на те задачи нашей революционной партии, от решения которых зависит ее будущее. Общественная жизнь отнесется к ее современным иллюзиям с тою же беспощадностью, с какой отнеслась она к иллюзиям наших «бунтарей» и пропагандистов. *Лучше теперь же последовать ее указаниям, чем оплачивать, впоследствии, ее суровые уроки новыми расколами и новыми разочарованиями.*

Послесловие.

(1917).

Брошюра «Социализм и политическая борьба», вышедшая в 1883 г., была первым печатным выражением социал-демократических взглядов на русском языке.

Если бы мне предложили указать главную мысль этой брошюры, то я сказал бы, что в ней я рекомендовал социалистическое учение Маркса и Энгельса, как своего рода нить *Ариадны*, способную вывести нас из лабиринта наших тогдашних политических и практических противоречий. Кроме того, опираясь на это учение, я доказывал, что Л. Тихомиров и другие теоретики «Народной Воли» ошибались, считая возможным совпадение у нас момента низвержения старого порядка с моментом социалистического переворота. В течение некоторого времени, эта вторая моя мысль была общепризнанной в нашей социал-демократической среде. Теперь у нас опять воскресает (см. тезис Ленина) старое представление о возможности совпадения двух разных моментов. Наша экономическая действительность далеко еще не такова, чтобы представление это могло опереться на какие-нибудь объективные данные. Оно представляет собою идейный пережиток, унаследованный нами от той эпохи, когда мы твердо держались субъективного метода в социологии.

В другой своей статье «Еще раз социализм и политическая борьба», помещенной в 1900 г. в первой книжке «Зари», я отстаивал ту мысль, что так как момент падения старого порядка не может совпасть у нас моментом социалистического переворота, то наш рабочий класс совершил бы огромную политическую ошибку, если бы захотел изолировать себя от других классов общества, заинтересованных в завоевании и упрочении политической свободы. Эта мысль тоже получила всеобщее признание, по крайней мере, в среде наших марксистов. *Но уже в 1905 г. Ле-*

нин и его единомышленники стали всеми силами стремиться к изоляции «пролетариата и крестьянства». Теперь это стремление появляется с новой силой. Почти излишне прибавлять, что оно отнюдь не может быть оправдано действительным соотношением сил в нашей стране, и что здесь мы опять имеем перед собой один из старых идейных пережитков. Что он может наделать страшно много вреда, этого не видят только слепорожденные.

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ.

Письмо к П. Л. Лаврову.

(Вместо предисловия).

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Вы недовольны группой «Освобождение Труда». В № 2 «Вестника Народной Воли» Вы посвятили ее изданиям особую заметку, и хотя заметка эта очень невелика, но заключающихся в ней двух с половиной страниц было достаточно для выражения Вашего несогласия с ее программой и Вашего неудовольствия по поводу ее отношения к «партии Народной Воли».

Привыкши издавна уважать Ваши мнения, зная, кроме того, с каким вниманием прислушивается к ним наша революционная молодежь всех оттенков и направлений, я позволю себе сказать несколько слов в защиту группы, к которой Вы отнеслись, как мне кажется, не совсем справедливо.

Я тем более считаю себя вправе сделать это, что в своей заметке Вы говорите, главным образом, о моей брошюре «Социализм и политическая борьба». Ею вызваны Ваши упреки, ее автору удобнее всего и отвечать на них.

Вы находите, что эта брошюра может быть разделена на две части, «к которым», по Вашему мнению, «Вам приходится отнестись различно». Одна часть этой брошюры, «именно вторая глава, заслуживает такое же внимание, как все серьезные труды по вопросам социализма». Другая, значительная доля ее—говорите Вы—посвящена полемике против прежней и настоящей деятельности партии Народной Воли, заграничным органом которой имеет в виду быть Ваш журнал. И Вы не только не согласны с мнениями, высказанными мною в этой части моей брошюры, но самый факт «полемики против Народной Воли» кажется Вам заслуживающим строгого порицания. Вы думаете, что «не особенно трудно было бы доказать г. Плеханову, что его нападения могут-быть встречены весьма вескими возражениями тем более, что—может-быть вследствие поспешности—он цитирует неточно». Вы убеждены также, что моя «собственная программа действия заключает в себе, может-быть, гораздо большие недостатки и непрактичности, чем те, в которых я обвиняю партию Народной Воли». Но для указания этих недостатков и непрактич-

ностей Вы, к величайшему моему сожалению, не имеете свободного времени. По Вашим словам, «орган партии Народной Воли» посвящен борьбе против политических и социальных врагов русского народа; эта борьба так сложна, что требует от Вас «*всего* Вашего времени, *всех* Ваших трудов». Вам «нет ни досуга, ни охоты» посвящать долю Вашего издания «на полемику против фракций русского революционного социализма, считающих, что для них полемика с Народной Волей более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплоататорами русского народа». Надеясь, что само время разрешит спорные вопросы в Вашу пользу, Вы не считаете полезным «подчеркивать не особенно значительное разногласие» Ваше с Освободителями труда—как Вам угодно называть нас [1])—прямыми ударами, направленными на фракцию, большинство членов которой может быть не сегодня-завтра в рядах Народной Воли». Это превращение «освободителей труда» в народовольцев кажется Вам тем более вероятным, что, по Вашим словам, «сам г. Плеханов, как он указал в предисловии к своей брошюре, совершил уже достаточно значительную эволюцию в своих политико-социальных убеждениях», и Вы «имеете основание надеяться—на новые шаги» с моей стороны «в том же направлении». Дойдя до этого пункта в своей «эволюции», пункта, который кажется Вам, повидимому, апогеем возможного в настоящее время развития русского социализма, я сознаю, быть-может,—надеетесь Вы—и еще одну сторону практической задачи всякой группы общественной армии, действующей против общего врага: именно, что расстраивать организацию этой армии—даже если в ней видишь, или предполагаешь некоторые недостатки—дозволительно только или врагам *дела* этой армии (из числа которых Вы меня исключаете) или, группе, которая сама, своею деятельностью, своею силою и организациею способна стать общественною армией в данную историческую минуту». Но такая роль «находится, по Вашему мнению, в далеком, да пожалуй и несколько сомнительном будущем» для «Освободителей труда» как таковых, т.-е. не завершивших еще цикла своих превращений и изображающих собою в настоящее время нечто в роде народовольческих личинок или куколок.

Таково, многоуважаемый Петр Лаврович, содержание всего сказанного Вами о моей брошюре, переданное почти дословно. Я, быть-может, утомил Вас обилием цитат из Вашей собственной заметки, но, с одной стороны, я боялся нового обвинения в том, что я—«не точно цитирую», а кроме того я считал нелишним напомнить читателю Ваши слова во всей их полноте, чтобы, таким образом, облегчить ему произнесение окончательного приговора по нашему делу. Вы знаете, что читающая публика есть главный, верховный судья во всех спорах, возникающих в свободной «республике слова». Неудивительно, поэтому, что каждая из сторон должна принимать все меры для выяснения этой публике истинного характера спорного вопроса.

[1]) По поводу этого, придуманного Вами, названия, я позволю себе, мимоходом, заметить следующее: «Освобождение Труда» есть девиз и название нашей группы. Но называть группу «Освобождение Труда» группой «Освободителей труда»—значит грешить против этимологии. Поясню это примером, Ваши сотрудники очень много говорят о «народоправлении»; при некоторой логической последовательности они должны были бы согласиться, что самое название их «партии»—Народная Воля—является ничем иным, как девизом, выражением стремления к такому политическому строю, представление о котором связывается со словом народоправление. Но значит ли это, что они могут претендовать на титул *народоправителей?*

Изложивши Ваши замечания на мою брошюру и Ваши соображения о принятой группою «Освобождение Труда» тактике по отношению к «партии Народной Воли», я перехожу теперь, многоуважаемый Петр Лаврович, к тем объяснениям, без которых невозможно правильное понимание мотивов, побудивших меня и моих товарищей поступать именно так, а не иначе.

Собственно говоря, я мог бы признать всякий разговор о таких мотивах совершенно излишним, а читатель может найти его очень малоинтереснем. Как? Разве вопрос о ближайших задачах, тактике и научном обосновании всей деятельности наших революционеров не составляет для нас самого важного, самого насущного вопроса русской общественной жизни? Разве вопрос этот может уже считаться решенным окончательно и безапелляционно? И разве не обязан всякий революционный писатель способствовать выяснению его всеми силами, какими он только обладает, со всем вниманием, на какое он только способен? Или выяснение это может быть признано полезным лишь в том случае, когда в результате его получается то убеждение, что, не обладая непогрешимостью папы, русские революционеры не сделали, однако, ни одной ошибки в своей практической деятельности, ни одного промаха в своих теоретических рассуждениях, что «все обстоит благополучно» как в том, так и в другом отношении. Или люди, не разделяющие этой приятной уверенности, должны быть осуждены на молчание и чистота их намерений может быть заподозрена всякий раз, когда они берутся за перо, чтобы обратить вниманке революционеров на то, как ведется и как должно быть ведено, по их крайнему разумению, революционное дело? Если Спиноза еще в XVII столетии говорил, что в свободном государстве каждому должно быть предоставлено право думать, что он хочет, и говорить, что он думает, то возможно ли, чтобы это право могло быть подвергнуто сомнению в конце XIX века, в среде социалистической партии хотя бы и самого отсталого государства Европы? Признавая право свободной речи в принципе, занося требование его в свои программы, русские социалисты не могут предоставить *пользование* этим правом лишь той фракции или «партии», которая претендует на гегемонию в данный период революционного движения. Я думаю, что теперь, когда наша легальная литература подвергается самому беспощадному гонению, когда в нашем отечестве, в области мысли, как и во всех других сферах деятельности, «все живое все честное косится»,—я думаю, что в такое время от революционного писателя можно скорее потребовать объяснения его *молчания*, чем *факта появления* того или другого из его произведений. И если Вы согласитесь с этим,—а не

согласиться едва ли возможно,—то Вы согласитесь также и с тем, что нельзя же осуждать на лицемерие писателя-революционера, который очень и очень многим должен пожертвовать, по прекрасному выражению Герцена, «человеческому достоинству свободной речи». А если и это так, то можно ли винить его, если он прямо, без обиняков и недомолвок, высказывает то, что думает о тех или других программах революционной деятельности. Я уверен, уважаемый Петр Лаврович, что Вы ответите на этот вопрос отрицательно. За это мне ручается, помимо всего другого, Ваша подпись под «Объявлением об издании Вестника Народной Воли», где, на странице VIII, мы читаем следующее: «Социализм, как всякая жизненная историческая идея, вызывает многочисленные, хотя не особенно существенные, разногласия между своими приверженцами, и много как теоретических, так и практических вопросов в нем остаются спорными. Вследствие бо́льшей сложности, бо́льших затруднений и меньшей давности в развитии русского социализма, более или менее заметные расхождения во взглядах между русскими социалистами, могут быть еще многочисленнее. Но это, повторяем, именно доказывает, что русская социалистическая партия есть партия живая, вызывающая энергическую работу мысли, энергические убеждения среди своих сторонников, партия, не успокоившаяся на догматическом веровании в заученные формулы».

Я не понимаю, каким образом редактор, подписавший это объявление, может встречать с неудовольствием литературные произведения группы, разногласия которой с Народной Волей он именно считает «не особенно значительными» («В. Н. В.» № 2, отд. II, стр. 65, строка 10 снизу); я не могу допустить, чтобы журнал, напечатавший это объявление, мог относиться враждебно к людям, «неуспокоившимся на догматическом веровании в заученные формулы». Ведь нельзя же думать, что вышеприведенные строки были написаны лишь для того, чтобы объяснить читателю, почему «программа, поставленная «Вестником Народной Воли», охватывает взгляды, в некоторой мере нетожественные между собою» («Объявл. об изд. В. Н. В.», стр. VII). Нельзя также предполагать, что, поставив себе такую «определенную программу», «В. Н. В.» признает жизненное значение «более или менее заметных расхождений между русскими социалистами» лишь в том случае, когда они «не выходят из пределов» этой программы, «охватывающей взгляды, в некоторой мере нетожественные между собою». Это значило бы быть терпимым лишь по отношению к членам своей собственной церкви, признавать с героями Щедрина, что оппозиция невредна лишь в том случае, если она не вредит. Такой либерализм, такая терпимость немного отрадного заключали бы в себе для всех русских социалистов-«нонконформистов», которых теперь, повидимому, не мало, так как Вы в своей заметке говорите о «фракциях, считающих, что для них полемика против Народной Воли своевременнее» и т. д. Из этих слов явствует, что таких фракций по крайней мере, две и что «В. Н. В.», «имеющий в виду быть органом объединения всех русских социалистов-революционеров», до сих пор далеко не достиг еще

своей цели. Я думаю, что такая неудача должна была бы расширить, а не суживать пределы свойственной его редакции терпимости.

Вы советуете мне не «расстраивать организацию» нашей революционной армии. Но, прежде всего, позвольте мне спросить Вас, о какой «общественной армии» говорите Вы? Если под этой метафорой Вы понимаете организацию «партии Народной Воли»,—то я никогда не думал, что моя брошюра окажет на нее разрушительное действие, и убежден, что первый спрошенный Вами народоволец успокоит Вас на этот счет. Если же под «расстраиванием организации общественной армии» Вы понимаете привлечение к нашей группе людей, по тем или другим причинам стоявших вне «партии Народной Воли», то от такого привлечения «организация общественной армии» может только выиграть, так как в ее среде появится новая группа, составленная, так сказать, из новобранцев. Кроме того, с каких это пор обсуждение пути, по которому идет та или другая армия, выражение уверенности в том, что существует другой путь, который вернее и скорее приведет ее к победе—стало считаться «расстраиванием организации этой армии». Я думаю, что такое смешение понятий возможно только в диких полчищах азиатских деспотий, а никак не в армиях современных цивилизованных государств. Кому же не известно, что критика тактики, принятой той или другой армией, может повредить разве лишь военной репутации генералов этой армии, которые, пожалуй, не прочь будут «наложить палец молчания» на нескромные уста. Но причем же здесь «организация армии», да и кто ее предводители? Вы знаете, что такие предводители могут быть или выбранными самими рядовыми, или назначенными сверху. Допустим на минуту, что Исполнительный Комитет играет роль предводителя нашей революционной армии. Спрашивается, обязаны ли повиноваться ему даже те, которые не участвовали в его избрании, а если он назначен сверху, то кто и какую имел власть для этого назначения?

Вы относите нашу группу к «фракциям русского революционного социализма, считающим, что для них полемика с «Народной Волей» более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплоататорами русского народа». Позвольте мне спросить Вас, думаете ли Вы, что к числу особенностей русского народа и «данной исторической минуты» относится и то обстоятельство, что борьба «против его эксплоататоров» может быть ведена без распространения идей, в которых выражались бы смысл и тенденция этой борьбы. Мне ли, бывшему бунтарю, доказывать Вам, бывшему редактору журнала «Вперед», что рост революционного движения немыслим без распространения наиболее передовых, наиболее здравых, словом, наиболее революционных идей и понятий в соответствующем слое общества? Ваше ли внимание нужно обращать на то обстоятельство, что социализм—как он выразился в сочинениях Маркса и Энгельса—представляет собою самое могучее духовное оружие в борьбе со всевозможными эксплоататорами народа? В распространении же учений названных писателей именно и заключается цель моих товарищей, как это ясно высказано в объявлении

об издании «Библиотеки Современного Социализма». Что социализм школы Маркса во многом расходится с «русским социализмом, как он выразился» в нашем революционном движении вообще и в «партии Народной Воли» в частности—это не подлежит ни малейшему сомнению, так как «русский социализм» до сих пор еще носит очень длинную бакунистскую косу за своей спиною. Что русским марксистам нередко приходится, поэтому, становиться в отрицательное отношение к некоторым «заученным формулам» русского социализма—это также вполне понятно и естественно; но отсюда еще никоим образом не следует, что они борьбу против революционеров предпочитают борьбе против правительства. В «Вестнике Народной Воли» некто г. Тарасов усиливается опровергнуть одно из основных положений исторической теории Маркса [1]). Статья г. Тарасова занимает первое место, так сказать передний угол во 2 № «В. Н. В.». Значит ли это обстоятельство, что г. Тарасов находит, что для него полемика против Маркса «своевременнее, чем борьба с русским правительством и с другими эксплоататорами русского народа»? Или полемика, уместная и «своевременная» под пером дюрингианцев, бакунистов и бланкистов, становится оскорблением величества русской революции, как только возвышают свой голос марксисты? Справедливо ли, скажу больше, объяснимо ли такое отношение со стороны писателя, столько раз заявлявшего о своем согласии с теориями Маркса?

Я хорошо знаю, что решение вопроса о задачах нашей революционной партии с точки зрения названных теорий представляет собою далеко не легкую задачу. Основные положения этих теорий составляют, собственно говоря, лишь «большую посылку» силлогизма, так что люди, одинаково признающие правильность и великое научное значение этой первой посылки, могут соглашаться или расходиться между собою в выводе, смотря по тому, как понимают они вторую, «малую» посылку, роль которой должна играть та или иная оценка современной русской действительности. Я нисколько не удивляюсь, поэтому, Вашему несогласию с нашей программой, хотя и думаю, что, оставаясь марксистом, Вы не в состоянии были бы «доказать» мне, что «моя» программа заключает в себе «гораздо большие недостатки и непрактичности», чем те, в которых я «обвиняю партию

[1]) С г. Тарасовым я еще надеюсь побеседовать особо, по окончании его статьи. Теперь же замечу, что г. Тарасов совсем не понял ни Маркса, ни его «эпигонов» и в своей святой простоте полемизирует, в сущности, против маленького буржуа Жоржа Молинара, а отнюдь не против великого социалиста Карла Маркса. Точно также «метод» г. Тарасова приводит меня в большое смущение. Почтенный автор очевидно заимствовал его из той же самой буржуазной науки, «банкротство» которой он так неопровержимо доказал в первом № «Вестника». Как буржуазные писатели для доказательства своих «естественных законов» имели обыкновение изобретать «дикарей», которые, разумеется, ни о чем так не мечтали, как о «сбережении и накоплении капитала», так и г. Тарасов, сознательно уже игнорируя данныя современной этнологии, изобретает «дикарей», которые оказываются явными бланкистами и стремятся лишь к «захвату власти» над своими соседями. Этот своеобразно-*индуктивный* метод грозит привести к полному «банкротству» социалистическо-дюрингианскую «науку» г. Тарасова.

Народной Воли». Но никакие разногласия в оценке современной русской действительности не объяснят мне и моим товарищам того несправедливого отношения, в какое Вы стали к нам в своей заметке.

Я обращаюсь к беспристрастию читателя. На письменном столе редактора «Вестн. Народн. Воли» лежат две брошюры, изданные группой «Освобождение Труда». Одна из этих брошюр представляет собою перевод того сочинения Энгельса, которое уважаемый редактор называет «самым замечательным произведением социалистической литературы за последние годы». Вторая из этих брошюр, по словам того же редактора, одною своею частью заслуживает «такое же внимание, как и все серьезные труды по вопросам социализма». Другая часть этой брошюры заключает в себе «полемику против прежней и настоящей деятельности «Народной Воли», полемику, которая имеет целью доказать этой партии, что, «нанеся своею практическою деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества и сделав так много для развития революционного движения в России, партия Народной Воли не может найти оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма» [1]). И эта-то *одна часть одной части* изданий группы «Освобождение Труда», доказывает, по мнению нашего редактора, что названная группа задается чуть ли не исключительною целью «полемики против Народной Воли» и ради этой цели готова отказаться от борьбы с правительством. При самой незначительной доле беспристрастия, читатель согласится, что такое умозаключение от части к целому не оправдывается характером других частей этого целого.

Я не отрицаю полемического или, вернее, критического характера «одной части» своей брошюры. Но что полемика против Народной Воли не являлась исключительной целью даже этой, инкриминированной, ее части,—видно уже из того, упущенного Вами, Петр Лаврович, из виду обстоятельства, что моя критика не ограничивалась одним народовольческим периодом русского движения. Я критиковал там и другие его формации. И если уже из факта печатного и притом *мотивированного* выражения моего несогласия с той или другой революционной программой следует, что полемика против этой программы составляет главную цель моей литературной деятельности, то в интересах истины нужно было бы значительно расширить выдвинутое против меня обвинение. Следовало сказать, что главною целью моей литературной деятельности является полемика против анархистов, бакунистов, народников старого толка, народовольцев и, наконец, «марксистов—не понимающих значения политической борьбы в деле эмансипации пролетариата». Кроме того, нужно было бы принять в соображение еще и то обстоятельство, что «другая доля брошюры г. Плеханова посвящена изложению и подтверждению философско-исторической стороны учения Маркса и Энгельса». Тогда было бы ясно,

[1]) См. бр. «Социализм и политическая борьба», стр. 20 (стр. 117 этого первого тома собр. соч.).

что я виновен в распространении тех революционных взглядов, которые я разделяю, и в полемике против тех, которые кажутся мне ошибочными. Но и это не все. При внимательном рассмотрении всех обстоятельств дела из него явствовало бы, что мое преступление совершено «по заранее обдуманному намерению», так как еще в «Объявлении об издании Библиотеки Современного Социализма» я и П. Аксельрод прямо заявляем, что задача наших изданий сводится:

1) К распространению идей научного социализма, путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса, и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.

Таков истинный характер вызвавшего Ваше неудовольствие «деяния». Чтобы сделать хоть один упрек человеку, его совершившему, нужно прежде всего доказать, что теперь не представляется никакой надобности в критике господствующих в нашей революционной среде программ и учений, или что эта критика должна превратиться, как выражался когда-то Белинский по другому, конечно, поводу, в «скромную служительницу авторитета, льстивую повторяльщицу избитых общих мест». Но я уже говорил, что едва ли найдется писатель, который решился бы поддерживать такое неслыханное положение, и уж ни в каком случае не Вы, многоуважаемый Петр Лаврович, станете утверждать, что нашей революционной партии пора «успокоиться на догматическом веровании в заученные формулы». А если это так, то

Wozu der Laerm.

Впрочем, не решаясь вполне отрицать значение критики в нашей революционной литературе, многие думают, повидимому, что не всякая отдельная личность и не всякая группа личностей имеет право критиковать учения и тактику «действующей партии».

После выхода в свет моей брошюры мне не раз приходилось слышать замечания в этом смысле. «Партия действия», «традиция Народной Воли», «героическая борьба»—вот фразы, которыми прикрывалась боязнь самомалейшего прикосновения к «заученным формулам» нашего революционного катехизиса. Мое право на выражение моих несогласий с «партией Народной Воли», или, вернее, с ее литературными произведениями, подвергалось оспариванию совершенно независимо от вопроса о том, кто прав,—я или публицисты нашей «партии действия». Прислушиваясь к этим нападкам на мою брошюру, я невольно вспоминал аргументацию «Саламанкского баккалавра» дона Иниго-и-Медрозо-и-Комодиос-и-Папаламиендо в знаменитой controverse des mais. «Mais, monsieur, malgré toutes les belles choses que vous venez de me dire,—говорил этот диалектик,—vous m'avouerez que votre église anglicane, si respectable, n'existait

pas avant dom Luther et avant dom Eccolampade; vousêt est out nouveaux: donc vous n'êtes pas de la maison!»

И я спрашивал себя, неужели аргументация, подсказанная великим сатириком своим злейшим врагам, может быть серьезно употреблена в дело русскими революционерами, и карикатура католического «баккалавра» станет точным изображением русских диалектиков из революционной среды. Согласитесь, многоуважаемый Петр Лаврович, что нет ничего печальнее такого рода перспективы и что никакие опасения за целость «организации» ровно ничего не значат в сравнении с опасением такого ужасного умственного упадка.

В интересах Народной Воли лежит самое решительное противодействие вырождению нашей революционной литературы в революционную схоластику. А между тем, Ваша заметка, многоуважаемый Петр Лаврович, может скорее поддержать, чем ослабить рвение наших революционных «баккалавров». Высказанное Вами убеждение в том, что «расстраивать организацию революционной армии» дозволительно или врагам *дела* этой армии или группе, которая сама, своею деятельностью, своею силою и организациею способна стать общественною армиею в данную историческую минуту», Ваше указание на то обстоятельство, что для нашей группы «эта роль находится еще в далеком, да пожалуй и несколько сомнительном будущем»—все это может подать повод к тому выводу, будто по Вашему мнению наша группа «в свои лета» хотя и может «сметь свое суждение иметь», но должна старательно припрятывать его каждый раз, когда оно противоречит мнениям редакции того или другого из периодических изданий «партии Народной Воли». Разумеется, такой вывод из сказанного Вами был бы неправильным; но не нужно забывать того обстоятельства, что люди не всегда рассуждают по всем правилам строгой логики.

Самый принцип, высказанный Вами в только что цитированных строках, может вызвать много печальных недоразумений. Эти строки могут послужить совершенно «несвоевременным» avis для читателей-нонконформистов. Они могут навести их на такие, приблизительно, размышления Группе, способной стать «общественной армией в данную историческую минуту», *дозволительно* «расстраивать организацию» нашей революционной армии. Тем более «дозволительно» этой последней, в качестве заслуженного и испытанного войска, «расстраивать организацию» тех «несогласномыслящих» групп, гегемония которых кажется ей делом очень далеким, «да пожалуй и несколько сомнительным». Какую же революционную фракцию считает «общественной армией» редакция «Вестника Народной Воли»? Вероятно—«партию Народной Воли». Значит... но вывод ясен, и вывод в высшей степени печальный для групп, которые, подобно нам, полагали до сих пор, что можно критиковать чужие воззрения, но нельзя «расстраивать» чужие организации, а лучше идти с ними «рядом, поддерживая и пополняя друг друга» [1]).

[1]) См. объявление об издании «Библиотеки Совр. Социализма», стр. 3 в примечании.

Будущее нашей группы кажется Вам сомнительным. Я сам готов сомневаться в нем, поскольку речь идет о нашей группе, как таковой, а не о тех воззрениях, которые она представляет [1]).

Дело вот в чем.

Ни для кого не тайна, что наше революционное движение находится теперь в критическом периоде. Террористическая тактика Народной Воли поставила перед нашей партией целый ряд в высшей степени жизненных и важных вопросов. Но, к сожалению, они до сих пор остаются неразрешенными. Находившийся у нас в обращении запас бакунистских и прудонистских теорий оказался недостаточным даже для правильной *постановки* этих вопросов. Выгнутая прежде в одну сторону палка перегнулась теперь в другую. Прежнее, лишенное всякого основания отрицание «политики» уступило место столь же мало основательной уверенности во всемогуществе конспираторского «политиканства». Программа петербургской «Нар. Воли» была поставленным на голову бакунизмом, с его славянофильским противопоставлением России Западу, с его идеализацией первобытных форм народной жизни, с его верой в социальное чудотворство революционных организаций нашей интеллигенции. Исходные теоретические положения программы остались неизмененными, и только практические выводы оказались диаметрально-противоположными прежним. Отрекшийся от политического воздержания бакунизм описал дугу в 180 градусов и возродился в виде русской разновидности бланкизма, основывающей свои революционные надежды на экономической отсталости России.

Этот бланкизм пытается теперь создать свою особую теорию, и в последнее время нашел довольно полное выражение в статье г. Тихомирова «Чего нам ждать от революции»? В этой статье употреблен в дело весь арсенал, каким только располагают русские бланкисты для защиты своей программы. Г. Тихомирову нельзя отказать в умении владеть оружием: он ловко группирует говорящие в его пользу факты, осторожно обходит явления противоположного характера и не без успеха апеллирует к чувствам читателя там, где не надеется подействовать на его логику. Оружие его подновлено, подчищено, подточено. Но присмотритесь к нему внимательнее, и вы увидите, что оружие это есть ни что иное, как старомодная шпага бакунизма, ткачевизма, украшенная новым клеймом: реакционных теорий мастер В. В. в Петербурге. Ниже я сделаю некоторые выписки из «Открытого письма к Фр. Энгельсу» П. Н. Ткачева, и Вы сами увидите, многоуважаемый Петр Лаврович, что товарищ Ваш повторяет лишь то, что десять лет тому назад было высказано редактором «Набата» и что вызвало резкий ответ Энгельса в небезызвестной Вам брошюре «Soziales aus Russland». Неужели же десять лет движения не научили ничему лучшему наших писателей? Неужели «партия Народной

[1]) *Примеч. ко второму изданию.* Теперь странно даже и читать эти споры о будущности социал-демократии в России. Теперь она господствует между революционерами и, конечно, была бы еще сильнее, если бы не раздоры в ее собственной среде.

Воли» не хочет понять исторический смысл понесенных ею жертв, политического значения своей, поистине, геройской борьбы с абсолютизмом? Находясь вне России, ни я, ни вы не можем сказать ничего определенного о настроении, господствующем в настоящее время среди народовольцев. Но насколько можно судить по явлениям, происходящим вне организации «Народной Воли»—несомненно, что не под ткачевским знаменем суждено возродиться революционному движению. Наша революционная молодежь находится в нерешительном, колеблющемся состоянии, она изверилась в старые способы действия, а множество возникающих в ее среде новых программ и теорий показывает, что ни одна из них в частности не в состоянии охватить всех действительных интересов и всех насущных задач нашего движения. Скептицизм вступает в свои права, Народная Воля утрачивает свое прежнее обаяние. Три с лишним года, протекшие со времени дела 1-го марта, характеризуются упадком революционной энергии в России. Нельзя оспаривать это печальное явление. Но многие и многие объясняют его, как мне кажется, слишком поверхностным образом. Говорят, что наше движение ослабело под влиянием правительственных преследований. Я слишком верю в «своевременность» русской революции, чтобы удовольствоваться таким шаблонным объяснением. Я думаю, что потенциальная энергия русской революции огромна, непобедима, и что если реакция и поднимает голову, то лишь потому, что мы не умеем перевести эту потенциальную энергию в кинетическую. Общественные задачи современной России не могут найти удовлетворительное решение в традиционной, заговорщицкой программе бланкизма. Мало-по-малу эта избитая программа превратится в Прокрустово ложе русской революции. Ее призрачным, фантастическим целям будут один за другим принесены в жертву все те способы действия, все те элементы движения, которые составляли его силу, обусловливали его влияние. Террористическая борьба, агитация в народе и в обществе, возбуждение и развитие народной самодеятельности—все это имеет для бланкиста лишь второстепенное, подчиненное значение. Его внимание сосредоточено прежде всего на заговоре с целью захвата власти. Он не заботится о развитии общественных сил, о создании таких учреждений, в результате которых явилась бы невозможность возврата к старому режиму. Он старается лишь скомбинировать готовые уже общественные силы. Он не считается с историей, не стремится понять ее законы и направить сообразно с ними свою революционную деятельность; он просто заменяет историческое развитие своей конспираторской сноровкой [1]). А так как рост революционных сил России еще далеко не закончен, так как они находятся еще в процессе des Werdens, то это насильственное прекращение их развития должно иметь очень вредные последствия, упрочивать

[1]) Наглядный пример: один из параграфов устава, так называемых, нечаевцев прямо говорит, что общий принцип организаций—не убеждать, т.-е. не вырабатывать, а сплачивать те силы, которые уже есть налицо.

существование реакции, вместо того, чтобы служить делу прогресса. В этом случае может произойти одно из двух. Или будущее русской революции окажется поставленным на карту самого несбыточного из всех—«социально-революционного»—заговора, или из недр оппозиционной и революцинной России выдвинется новая сила, которая, отодвинув на задний план «партию Народной Воли», возьмет в свои руки дело нашего движения.

Для социалистов было бы очень невыгодно, если бы руководство борьбой перешло в руки наших либералов. Это сразу лишило бы их всего прежнего влияния и на долгие годы отсрочило бы создание социалистической партии в передовых слоях народа. Вот почему мы и указываем нашей социалистической молодежи на марксизм, эту алгебру революции, как я назвал его в своей брошюре, эту «программу», научающую своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах революционного воспитания рабочего класса. И я уверен, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочие кружки усвоят эту единственно революционную программу. В этом смысле «будущее» нашей группы вовсе не «сомнительно», и я не понимаю, откуда берется в этом случае скептицизм у Вас, у писателя, не далее, как в том же втором № «Вестника», называющего Маркса «великим учителем, который ввел социализм в его научный фазис, доказал его историческую правомерность и в то же время положил начало организационному единству рабочей революционной партии». Ведь нельзя же признавать теоретические положения «великого учителя» и умозаключать от них к бакунизму или бланкизму на практике.

Повторяю, между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности. Поэтому мы ни в каком случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени [1]). К тому же, мы наперед готовы признать, что она заключает в себе многие «недостатки и непрактичности», как всякий первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений. Но дело в том, что ни я, ни мои товарищи не имеем пока окончательно выработанной и законченной от первого до последняго параграфа программы. Мы только указываем нашим товарищам *направление*, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов; мы только отстаиваем верный и безошибочный критерий, с помощью которого они смогут, наконец, сорвать с себя лохмотья революционной метафизики, почти безраздельно господствовавшей до сих пор над нашими умами; мы только доказываем, что «наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники

[1]) *Прим. ко второму изданию.* Очень недавно, совсем на-днях, такое же мое заявление было понято социал-демократической газетой «Пролетарий» за выражение неуверенности в правильности моего мнения. Но дело объясняется иначе. Я никогда не хотел urare in verba magistri.

и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции» [1]). Наша программа еще должна быть закончена и закончена там, на месте, теми самыми кружками рабочих и революционной молодежи, которые станут бороться за ее осуществление. Поправки, дополнения, улучшения этой программы совершенно естественны, неизбежны, необходимы. Мы не боимся критики, а ожидаем ее с нетерпением, и уж, конечно, не станем, как Фамусов, затыкать перед нею уши. Представляя действующим в России товарищам этот первый опыт программы русских марксистов, мы не только не желаем соперничать с Народной Волей, но ничего не желаем так сильно, как полного и окончательного соглашения с этой партией. Мы думаем, что партия Народной Воли *обязана* стать марксистской, если только хочет остаться верной своим революционным традициям и желает вывести русское движение из того застоя, в котором оно находится в настоящее время.

Говоря о революционных традициях Народной Воли, я имею в виду не одну только террористическую борьбу, не одни аттентаты и политические убийства. Я говорю о том расширении русла русского движения, которое было необходимым следствием этой борьбы и которое показало нам, до какой степени узки, абстрактны и односторонни были исповедуемые нами в то время теории. Вместе с Александром II динамит убил и эти теории. Но как русский абсолютизм, так и бакунизм, во всех его разновидностях, только убиты, а не похоронены. Они уже не живут, не развиваются, но они еще продолжают разлагаться и своим разложением заражают всю Россию, от самых консервативных до самых революционных ее слоев. Только здоровая атмосфера марксизма может помочь Народной Воле закончить так блистательно начатое ею дело, потому что, как говорил Лассаль, «с высоких вершин науки можно раньше увидеть зарю рассвета, чем среди обыденной сумятицы». Марксизм укажет нашим «народовольцам», каким образом, привлекая к движению новые, почти еще незатронутые им слои, они могут вместе с тем обойти подводные камни гибельных односторонностей, каким образом, утилизируя прогрессивные стороны назревающей либеральной революции, они могут, тем не менее, до конца остаться верными делу рабочего класса и социализма. Совершенно чуждые узкого духа сектантства, мы желаем Народной Воле не неудач, а дальнейших успехов, и если мы протягиваем ей *только одну* руку для примирения, то это происходит потому, что другою рукою мы указываем ей на теории современного научного социализма со словами—«*сим победишь*».

К сожалению, Спенсер совершенно верно замечает, что консерватизм всякой организации прямо пропорционален ее совершенству. Суровая практика борьбы с абсолютизмом выработала крепкую и сильную организацию Народной Воли. Совершенно необходимая и в высшей сте-

[1]) «Социализм и политическая борьба», стр. 56 (см. стр. 140 настоящего I т. собр. соч.).

пени полезная, организация эта не составляет исключения из общего правила и препятствует теоретическим успехам партии Народной Воли, стремясь возвести в догмат и увековечить ту программу и те учения, которые могли иметь лишь временное, переходное значение. В конце своей брошюры «*Социализм и политическая борьба*» я выражал надежду, что «*Вестник Народной Воли*» сумеет критически отнестись к теоретическим промахам в программе и практическим пробелам в деятельности Народной Воли. «Нам хочется думать, говорил я, что новый орган трезво взглянет на те задачи нашей революционной партии, от решения которых зависит ее будущее». Я ожидал, что женевский «Вестник» пойдет дальше петербургской «Народной Воли». Но если Вы, многоуважаемый Петр Лаврович, прочтете внимательно статью г. Тихомирова, то Вы сами убедитесь, что высказанные в ней взгляды представляют собою огромный шаг назад даже по отношению к «Народной Воле». И это совершенно естественно. Теоретические посылки старой программы «Народной Воли» так шатки и противоречивы, что идти вперед, опираясь на них,—значит опускаться вниз. Остается ожидать, что другие прогрессивные элементы «партии Народной Воли» возвысят, наконец, свой голос и что революционное движение внутри этой партии пойдет, как шло оно всегда и везде, то есть—*снизу*.

А до тех пор, пока этого не случится, мы не перестанем будить общественное мнение наших революционеров, сколько бы ни вызывала наша литературная деятельность нападок, упреков и обвинений, как бы ни было нам тяжело то обстоятельство, что даже Вы, многоуважаемый Петр Лаврович, встречаете эту деятельность с неудовольствием, Вы, на одобрение и сочувствие которого мы еще так недавно могли, казалось нам, рассчитывать. Мы спорим с народовольцами в интересах их собственного дела и надеемся, что они согласятся с нами рано или поздно. Если же искренность наша будет заподозрена, если в нас увидят врагов, а не друзей—мы утешимся сознанием правоты своего дела. Убежденные марксисты, мы останемся верны девизу нашего учителя и пойдем своей дорогой, предоставив людям говорить, что им вздумается.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

Г. Плеханов.

Женева,
22 июля 1884 года.

Введение.

I. В чем нас упрекают.

Сказанное мною выше о нападках, упреках и обвинениях — не пустая фраза. Группа «Освобождение Труда» существует еще очень недавно, а, между тем, как много пришлось нам услышать возражений, порожденных лишь упорным нежеланием вдуматься в сущность нашей программы; как много недоразумений вызвано было одним желанием подсказать нам мысли и намерения, никогда не приходившие нам в голову! Одни прямо, другие косвенно, намеками и полунамеками, избегая наносить нам «прямые удары», не называя наших имен, но употребляя наши выражения и истолковывая вкривь и вкось наши мысли,—изображали нас сухими книжниками, доктринерами, готовыми пожертвовать счастьем и благосостоянием народа в интересах стройности и гармоничности своих, высиженных в кабинете, теорий. Сами теории эти объявлялись каким-то заморским товаром, распространение которого в России было бы так же вредно для нее, как ввоз английского опия вреден для Китая. Давно уже пора положить конец этой путанице понятий, давно пора выяснить эти, более или менее искренние, недоразумения.

Я начинаю с самого важного.

В первой главе своей брошюры «Социализм и политическая борьба» я сказал несколько насмешливых слов по адресу революционеров, боящихся «буржуазного» экономического прогресса и неизбежно приходящих «к тому поразительному выводу, что экономическая отсталость России является надежнейшим союзником революции, а застой должен красоваться в качестве первого и единственного параграфа нашей программы-минимум». Я говорил там, что русские анархисты, народники и бланкисты могут сделаться «революционерами по существу, а не по названию», лишь «революционизируя свои собственные головы, учась понимать ход исторического развития и становясь в его главе, а не упрашивая старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути [1]).

В конце третьей главы той же брошюры я старался убедить своих читателей в том, что «связывать в одно два таких существенно различных момента, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти два момента

[1]) «Социализм и политическая борьба», стр. 12—13 (См. стр. 112 настоящего издания).

совпадут в истории нашего отечества—*значит отдалять наступление и того и другого* [1]). Я выражал, далее, ту мысль, что «современное сельское население, живущее при отсталых социальных условиях, не только менее промышленных рабочих способно к сознательной политической *инициативе*, но и менее их *восприимчиво* к движению, начатому нашей революционной интеллигенцией»... «К тому же — продолжал я—крестьянство переживает теперь тяжелый критический период. Прежние «стародедовские устои» его хозяйства рушатся, сама несчастная община дискредитируется в его глазах, по признанию даже таких «стародедовски»-народнических органов, как «Неделя», новые же формы труда и жизни еще только складываются, и этот созидательный процесс обнаруживает наибольшую интенсивность именно в промышленных центрах».

Эти—и другие, подобные им—места подали повод к тому умозаключению, будто я и мои товарищи, убедившись, что ближайшее будущее принадлежит у нас капитализму, готовы толкать трудящееся население России в железные объятия капитала, и считаем «несвоевременной» всякую борьбу народа за свое экономическое освобождение.

В статье «*Чего нам ждать от революции?*» г. Тихомиров, описывая «курьезную роль» тех общественных деятелей, программы которых «лишены связи с жизнью», особенно подробно изображает «трагическое положение» социалистов, думающих, «что для выработки материальных условий, необходимых для возможности социалистического строя, Россия обязательно должна пройти через стадию капитализма». В изображении г. Тихомирова положение это оказывается просто отчаянным, в нем.

Что ни шаг, то—ужас!

Нашим социалистам приходится «хлопотать о создании класса, во имя которого они хотят действовать, а для этого приходится желать скорейшей раскассировки тех миллионов рабочего люда, которые существуют в действительности, но, не будучи по несчастью пролетариями, не имеют роли в научной схеме социального прогресса». Но грехопадение этих педантов социализма не может ограничиться сферой «хлопот» и «желаний». Wer A sagt, muss auch B sagen! «Будучи последовательным и ставя интересы революции выше своей личной нравственной чистоплотности, социалист тут должен был бы прямо вступить в союз с рыцарями *первоначального накопления*, у которых не дрогнет сердце и рука развивать разные «прибавочные стоимости» и объединять рабочих в единоспасающем положении нищего пролетария». Революционер превращается, таким образом, в сторонника эксплоатации труда, и г. Тихомиров вполне «своевременно» спрашивает—«где же тогда различие между социалистом и буржуа?».

Я не знаю, каких именно «социалистов» имел, в данном случае, в виду почтенный автор. Он вообще, как заметно, не любит «прямых ударов» и, не указывая своих противников, просто сообщает читателям, что,

[1]) Ibid., стр. 76. (см. стр. 153 настоящего издания).

дескать, «прочие-другие» думают так-то и так-то. Читатель остается в полной неизвестности относительно того, кто же эти *прочие - другие* и точно ли они *думают* то, что *говорит* за них г. Тихомиров. Я не знаю также, разделяют ли читатели его ужас перед положением критикуемых им социалистов. Но затронутый им предмет так интересен, обвинения, выставленные им против *некоторых* социалистов, так сходны с обвинениями, не раз выдвигавшимися против нас самих, отрицательное решение вопроса о капитализме до такой степени определяет собою всю программу г. Тихомирова, все его «ожидания от революции»,—что именно его статья должна послужить *поводом* для возможно более полного и всестороннего выяснения этого вопроса.

Итак, «должна» или не «должна» Россия пройти через «школу» капитализма?

Решение этого вопроса имеет огромную важность для правильной постановки задач нашей социалистической партии. Неудивительно, поэтому, что на него давно уже было обращено внимание русских революционеров. До самого последнего времени огромное большинство их склонно было категорически решать его в отрицательном смысле. Я также отдал дань общему увлечению, и в передовой статье 3 № «*Земли и Воли*» я старался доказать, что «история вовсе не есть однообразный механический процесс», что капитализм был необходимым предшественником социализма лишь «на Западе, где поземельная община разрушилась еще в борьбе с средневековым феодализмом»; что у нас,—где эта община «составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле»,—торжество социализма может быть достигнуто совсем другим путем; коллективное владение землею может послужить исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах. «Поэтому, умозаключал я, главная задача наша заключается в создании боевой народно-революционной организации для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем».

Я поддерживал, таким образом, еще в январе 1879 года то же положение, которое отстаивает г. Тихомиров, правда

Mit ein bischen anderen Worten,

теперь, в 1884 г., говоря, что за той «таинственной чертой, где бурлят и пенятся волны исторического потока», т.-е., выражаясь проще, за падением современного социально-политического строя, «нас ждет» не царство капитализма, как утверждают «некоторые», а «начало социалистической организации России». Необходимость создания «боевой народно-революционной организации» отходит у г. Тихомирова на второй план и уступает место конспираторской организации нашей интеллигенции, которая должна захватить власть и тем дать сигнал народной революции. В этом случае его взгляды расходятся с моими прежними взглядами ровно на столько, на сколько программа «Народной Воли» отличается от про-

граммы «Земли и Воли». Но ошибки, сделанные г. Тихомировым, по отношению к экономической стороне вопроса, почти «тождественны» с ошибками, сделанными мною в названной статье. Вследствие этого, возражая г. Тихомирову, я должен буду часто делать поправки в той аргументации, которая казалась мне когда-то совершенно убедительной и безапелляционной.

Уже по одному тому, что точка зрения г. Тихомирова не отличается свежестью и новизною,—я не могу ограничиться критикой его доводов, а должен рассмотреть по возможности полно все, что говорилось ранее его в пользу отрицательного решения интересующего нас вопроса. Русская литература предшествующих десятилетий дает нам гораздо более ценный критический материал, чем статья «Чего нам ждать от революции?».

2. Постановка вопроса.

В самом деле, г. Тихомиров не сумел даже правильно поставить этот вопрос.

Вместо того, чтобы сказать все, что мог он сказать в пользу возможности положить «начало социалистической организации» на развалинах современного социально-политического строя России, г. Тихомиров посвящает в своей статье чуть не целую главу на критику того «утешения», которое остается у людей, верящих в «историческую неизбежность русского капитализма». Он вообще как-то слишком быстро и неожиданно, даже не перешел, а соскочил с той объективной точки зрения, на которой стоял в начале первой главы, где он доказывал, что «логика истории, исторический ход событий и так далее» есть «сила стихийная, своротить которую с выбранного ею пути не может никто, именно потому, что самый путь выбирается ею не произвольно, а выражает равнодействующую линию, слагающуюся из комбинации тех сил, вне которых общество не заключает в себе ничего реального, способного производить какое-нибудь действие». Спрашивается, остановится ли эта «сила стихийная» перед соображением о *безутешности* русских социалистов? Очевидно, нет. Значит, прежде чем толковать о том, что было бы с русскими социалистами в случае торжества капитализма, нужно было постараться составить себе «правильное представление об этой силе и ее направлении», представление, «обязательное для каждого общественного деятеля, потому что без соответствия с нею,—политическая программа не может иметь никакого значения», как в этом нас убеждает тот же г. Тихомиров. Но он предпочитает обратный метод. Он старается прежде всего запугать своих читателей, а потом уже, в «последующих главах», намечает «в общих чертах» те «цели и средства нашей революции», которые позволяют нам верить в возможность отклонить от уст России чашу капитализма. Не говоря пока ничего о том, насколько удачна была его попытка запугивания своих читателей-социалистов, я замечу только, что такой прием аргументации не должен был бы употребляться при решении серьезных общественных вопросов.

По причинам, в рассмотрение которых здесь неуместно было бы вдаваться, русскому интеллигентному человеку пришлось сильно интересоваться «ролью личности в истории». Много писали об этом «проклятом» вопросе, еще больше толковали о нем в разных кружках, а между тем и до сих пор русские общественные деятели часто не умеют даже ограничить сферу *необходимого* от сферы *желательного*, и готовы, по временам, спорить с историей почти так же, как спорил Хлестаков с трактирным слугою. «Ведь нужно же мне что-нибудь есть, ведь этак я могу совсем отощать!» говорил бессмертный Иван Александрович.—Ведь какой же я после этого буду социалист? Ведь этак мне придется «прямо вступить в союз с рыцарями первоначального накопления!»—воскликнет, пожалуй, иной читатель под влиянием тихомировских запугиваний. Но нужно надеяться, что рассуждение г. Тихомирова о непреодолимой силе «логики истории» будет значительно способствовать устранению этого крупного «промаха незрелой мысли».

Точка зрения группы «Освобождение Труда» с своей стороны ведет, как мне кажется, к устранению такого рода злоупотреблений «субъективным методом в социологии». Для нас желательное вырастает из необходимого и ни в каком случае не заменяет его в наших рассуждениях. Для нас свобода личности заключается в знании законов природы,—т.-е., между прочим, и истории,—и в умении *подчиняться* этим законам, т.-е., между прочим, *и комбинировать их наивыгоднейшим образом*. Мы убеждены, что, когда «общество ступило на след естественного закона своего движения, оно не может ни перескочить естественные фазы своего развития, ни устранить их декретами». «*Но оно может сократить и облегчить мучения родов*». В этом «сокращении и облегчении мучений родов» и состоит, по нашему мнению, одна из важнейших задач социалистов, убедившихся в «исторической неизбежности капитализма в России». В *возможности* облегчения этих мучений и должно заключаться их утешение. *Последовательность*, навязываемая им г. Тихомировым, есть, как мы увидим ниже, последовательность метафизика, не имеющего ни малейшего понятия о диалектике общественного развития.

Но не будем уклоняться от нашего предмета.

3. А. И. Герцен.

Еще в начале пятидесятых годов А. И. Герцен, доказывая неизбежность социалистической революции на Западе, уже ставил перед нарождающейся русской демократией тот

> Вечно тревожный и новый вопрос,

который с тех пор

> Столько голов беспокойных томил...
> Столько им муки принес...

и который послужил поводом, между прочим, и для нашей «полемики против партии Народной Воли».

«Должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития, или ее жизнь пойдет по иным законам?» [1]) спрашивал он в своих «Письмах к Линтону».

«Я совершенно отрицаю необходимость этих повторений,—спешил ответить знаменитый писатель.—Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаниями исторического развития наших предшественников: но так, как зародыш проходит до рождения все низшие ступени зоологического существования. Оконченный труд и добытый результат входят в общее достояние всех понимающих—это круговая порука прогресса, майорат человечества... Всякий школьник должен сам найти решение Евклидовых предложений — но какая огромная разница между трудом Евклида, открывшего их, и трудом ученика нашего времени!»... «Россия проделала свою эмбриогению в европейском классе. Дворянство с правительством представляют у нас европейское государство в славянском. Мы прошли все фазисы политического воспитания, начиная от немецкого конституционализма, от английского канцелярского монархизма до поклонения 93 году... Народу русскому не нужно начинать снова этот тяжкий труд... Зачем ему проливать кровь свою для достижения тех полурешений, до которых мы дошли и которых вся важность состояла только в том, что мы через них дошли до иных вопросов, до новых стремлений. Мы за народ отбыли эту тяжелую работу—мы поплатились за нее виселицами, казематами, ссылкою, разорением и нестерпимою жизнью, в которой живем!»

Связующее звено, мост, по которому русский народ может перейти к социализму, Герцен видел, конечно, в общине и связанных с нею особенностях народного быта. «Русский народ собственно стали узнавать—говорит он—только после революции 1830 года. С удивлением увидели, что русский человек, равнодушный, неспособный ко всем политическим вопросам—бытом своим ближе всех европейских народов подходит к новому социальному устройству»... «Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-government по городам и всему государству, сохраняя народное единство—вот в чем состоит вопрос о будущем России, т.-е. вопрос той же социальной антиномии, которой решение занимает и волнует умы запада» [2]).

В его уме по временам возникало, правда, сомнение относительно этой исключительной близости русского народа «к новому социальному устройству». В том же «Письме» он спрашивает Линтона—«может, вы скажете на это, что в этом русский народ походит на некоторые азиатские народы, и укажете на сельские общины у индусов, довольно схожие с нашими?». Но, не отвергая нелестного сходства русского народа с «некоторыми азиатскими», он усматривал, однако, между ними весьма, казалось ему, существенные различия. «Не общинное устройство держит азиатские народы в неподвижности, а их исключительная народность, их

[1]) *Искандер*, «Старый мир и Россия», стр. 31—32.
[2]) Ibid., стр. 37.

невозможность выйти из патриархализма, освободиться от рода;—мы не в таком положении. Славянские народы... имеют большую удобовпечатляемость; они легко усваивают себе языки, нравы, обычаи, искусство и технику других народов. Они равно обживаются у Ледовитого океана и на берегах Черного моря». Эта «большая удобовпечатляемость», дающая славянам возможность «выйти из патриархализма, освободиться от рода», и решала весь вопрос, по мнению Герцена. Авторитет его был так велик, предлагаемое им сокращение пути к социализму было так соблазнительно, что русская интеллигенция начала шестидесятых годов мало была склонна скептически относиться к найденному им решению «социальной антиномии» и вовсе, повидимому, не задумывалась над вопросом о том,—через какие именно местности пролегает этот исторический проселок и кто же именно поведет им русский народ, «равнодушный, неспособный ко всем политическим вопросам»? Для нее важно было прежде всего найти хоть какую-нибудь философскую санкцию своим радикальным стремлениям, и она довольствовалась на первый раз тем отвлеченным соображением, что никакая философия в мире не может заставить ее примириться с буржуазными «полурешениями».

Но этого отвлеченного соображения было, конечно, недостаточно для начертания практического способа действия, для выработки сколько-нибудь целесообразных приемов борьбы с окружающею обстановкой. Данных для решения этой новой задачи нужно было искать вне философии истории, хотя бы и более строгой и научной, чем философия Герцена. Между ее абстрактными формулами и конкретными нуждами общественной жизни лежала целая пропасть, которую можно было заполнить лишь целым рядом новых, все более и более частных формул, требовавших знакомства опять-таки с целым рядом все более и более сложных явлений. Впрочем, философия оказала в этом случае русской мысли косвенную услугу, познакомив ее с диалектическим методом и научивши ее той, столько раз забытой потом истине, что в общественной жизни «все течет», «все изменяется», и что явления этой жизни могут быть поняты лишь в движении, в процессе своего возникновения, развития и исчезновения.

4. Н. Г. Чернышевский.

«*Критика философских предубеждений против общинного землевладения*» была и остается самым блестящим в нашей литературе опытом приложения диалектики к анализу общественных явлений. Известно, какое огромное влияние имела статья эта на развитие нашей революционной интеллигенции. Она укрепила ее веру в общину, *доказавши*, что этот вид землевладения может, при известных условиях, прямо перейти в коммунистическую форму развития. Но, строго говоря, как сам Н. Г. Чернышевский, так и его последователи делали из «критики философских предубеждений» выводы более широкие, чем это допускалось характером

посылок. Найденное Чернышевским решение вопроса о судьбе общины было, в сущности, чисто алгебраическим, да и не могло быть иным, так как он противопоставлял его чисто алгебраическим формулам своих противников. Русские манчестерцы доказывали, что общинное землевладение необходимо и везде должно уступить, мало-по-малу, место частной поземельной собственности. Такова была выставленная ими схема развития имущественных отношений. Н. Г. Чернышевский доказал, во-первых, что схема эта не охватывает всего процесса развития, так как на известной его стадии общественная собственность снова должна стать господствующей формой; кроме того, он совершенно основательно указывал на то обстоятельство, что нет никаких оснований приписывать неизменную, раз навсегда определенную продолжительность тому историческому промежутку, который отделяет эпоху первобытного коммунизма от времени сознательного переустройства общества на коммунистических началах. Говоря вообще, этот промежуток есть x, который в каждой отдельной стране приобретает особое арифметическое значение в зависимости от комбинации внешних и внутренних сил, определяющих ее историческое развитие. Так как эта комбинация сил необходимо должна быть очень разнообразна, то неудивительно, что интересующий нас x,—т.-е. продолжительность господства частной собственности,—становится в известных случаях бесконечно-малой величиной, т.-е. может, без большой ошибки, быть приравнен *нулю*. Таким образом была доказана *абстрактная возможность* непосредственного перехода первобытной общины в «высшую, коммунистическую форму». Но именно, благодаря абстрактному характеру *аргументации*, этот общий результат философско-исторической диалектики был одинаково применим ко всем странам и народам, сохранившим общинное землевладение,—от России до Новой Зеландии, от сербской задруги до того или другого племени краснокожих индийцев [1]). Поэтому он оказывался недостаточным для приблизительного хотя бы предсказания будущей судьбы общины в каждой из этих стран, взятой в отдельности. Абстрактная *возможность* еще не есть конкретная *вероятность*; тем менее можно считать ее окончательным доводом там, где речь идет об *исторической необходимости*. Чтобы сколько-нибудь серьезно говорить об этой последней, нужно было бы перейти от алгебры к арифметике и доказать, что в интересующем нас случае,—все равно, в России или в государстве ашантиев, в Сербии или на Ванкуверовом острове,—x действительно будет равняться нулю, т.-е. частная собственность должна погибнуть еще в зародыше. Для этого необходимо было бы обратиться к статистике, к оценке внутреннего хода развития данной страны или данного племени и внешних влияний на них, иметь дело уже не с *родом*, а с *видом* или даже с *разновидностью*, не с первобытно-коллективной недвижимой собственностью вообще, а с русской, или сербской, или ново-зеландской поземельной общиной в част-

[1]) *Прим. ко второму изд.* В то время еще не было окончательно выяснено, что русская сельская община не имеет ничего общего с первобытным коммунизмом. Теперь это стоит вне сомнения.

ности, принимая в соображение, как все враждебные или благоприятные ей влияния, так и то состояние, в которое она пришла в данное время, благодаря этим влияниям.

Но на такое исследование мы не находим даже намека в «Критике философских предубеждений против общинного землевладения», в которой Н. Г. Чернышевский имел дело с «философствующими мудрецами». В других же случах, в которых ему пришлось спорить с «экономизирующими мудрецами», разрушать предубеждения, которые «вытекают из непонимания, забвения или незнания *общих* истин, относящихся к материальной деятельности человека, к производству, труду и общим его законам»—в этих статьях он также говорил лишь о выгодах коллективного землевладения вообще, и получал, таким образом, в результате опять-таки лишь алгебраические формулы, лишь общие экономические теоремы [1]).

Впрочем, с его стороны это нисколько не удивительно. Критик Милля мог иметь в виду лишь дореформенную общину, еще не вышедшую из условий натурального хозяйства и приведенную к одному знаменателю нивеллирующим влиянием крепостного права. Это влияние не устраняло, конечно, свойственных сельской общине «экономических противоречий», но оно держало их в скрытом состоянии, и тем доводило их практическое значение до ничтожного минимума. Поэтому Н. Г. Чернышевский мог довольствоваться тем соображением, что у нас «масса народа до сих пор понимает землю, как общинное достояние», что «каждый русский имеет и родную землю и право на участок ее. И если он сам откажется от этого участка или потеряет его, то за детьми его остается право, в качестве членов общины, самостоятельно требовать себе участка». Хорошо понимая, что освобождение крестьян поставит их в совершенно новые экономические условия, что «Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него, и наш быт, доселе остававшийся почти чуждым влиянию тех экономических законов, которые обнаруживают свое могущество только при усилении экономической и торговой деятельности, начинает быстро подчиняться их силе», что «скоро и мы, может быть, вовлечемся в сферу полного действия закона конкуренции», он заботился лишь о сохранении той формы землевладения, которая помогла бы крестьянину начать новую экономическую жизнь при наиболее выгодных условиях. «Каковы бы ни были ожидающие Россию преобразования,—писал он еще в апреле 1857 года,—да не дерзнем мы коснуться священного, спасительного обычая, оставленного нам нашею прошедшею жизнью, бедность которой с избытком искупается одним этим драгоценным наследием,—да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землею,—на это благо, от приобретения которого теперь зависит благоденствие земледельческих классов Западной Европы. Их пример да будет нам уроком».

[1]) *Примеч. к новому изд.* Ср. мою статью «Н. Г. Чернышевский» в № 1 журнала «Социал-Демократ», Женева 1890 года.

Мы не пишем здесь разбора всех взглядов Н. Г. Чернышевского на общинное землевладение, а только стараемся оттенить их наиболее характерные черты. Не вступая в неуместные здесь детали, мы скажем только, что выгоды, ожидаемые им от общинного землевладения, могут быть сведены к двум главным пунктам, из которых один относится к области права, а другой—к области сельско-хозяйственной техники.

ad. I. «Русское общинное устройство, говорит он словами Гакстгаузена, бесконечно важно для России, особенно в настоящее время, в государственном отношении. Все западно-европейские государства страдают одною болезнью, исцеление которой доселе остается *неразрешенной задачей* [1])—они страдают пауперизмом, пролетариатством. Россия не знает этого бедствия; она предохранена от него своим общинным устройством. Каждый русский имеет и родную землю и право на участок ее. И если он сам лично откажется от этого участка, или потеряет его, то за детьми его остается право, в качестве членов общины, самостоятельно требовать себе участка» [2]).

ad. II. Описавши, по тому же Гакстгаузену, быт Уральских казаков, «вся область которых составляет одну общину и в хозяйственном, и в военном, и в гражданском отношении», Н. Г. Чернышевский замечает: «Если уральцы доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда введены будут в хлебопашество машины, то уральцы будут тогда очень рады, что сохранилось у них устройство, допускающее потребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин». При этом он замечает, впрочем, что рассуждает только для примера о том, «как будут думать уральские казаки в будущее время, которое еще неизвестно когда придет (хотя успехи механики и технологии несомненно доказывают, что такое время придет)—до слишком отдаленного будущего времени нам нет дела: наши пра-пра-правнуки, вероятно, сумеют прожить на свете и своим умом, без наших забот,—довольно будет того, если мы станем заботиться о себе и своих детях».

Читатель, знакомый с сочинениями Чернышевского, знает, конечно, что такого рода оговорки не мешали ему очень много думать и «заботиться» о будущем времени. Один из снов Веры Павловны наглядно показывает нам, в каком виде рисовались в его воображении социальные отношения «очень отдаленного будущего», так же как практическая деятельность его героини дает нам некоторое понятие о тех способах, которыми можно было содействовать приближению этой счастливой эпохи. Странно было бы поэтому, если бы автор «Что делать?» не поставил дорогой ему формы современного крестьянского землевладения в связь с идеалами будущего, хотя и далекого, но желательного и, главное, неизбежного. И действительно, он не один раз возвращается к этому предмету в своих статьях об общинном землевладении, рассматривая влияние

[1]) *Курсив принадлежит мне.*

[2]) Сочинения *Н. Г. Чернышевского*, т. V. Genève 1879. Об общинном владении землею, стр. 135.

этой формы имущественных отношений на характер и привычки крестьян. Он несогласен, разумеется, с тем мнением, что «община убивает энергию в человеке». Мысль эта «решительно противоречит всем известным фактам истории и психологии», доказывающим, напротив, что «в союзе укрепляется ум и воля человека». Но главное преимущество общинного землевладения заключается в поддержании и воспитании того духа ассоциации, без которого немыслима рациональная экономия будущего. «Введение лучшего порядка дел чрезвычайно затрудняется в Западной Европе безграничным расширением прав отдельной личности... не легко отказываться хотя бы от незначительной части того, чем привык уже пользоваться, а на Западе отдельная личность привыкла уже к безграничности частных прав. Пользе и необходимости взаимных уступок может научить только горький опыт и продолжительное размышление. На Западе лучший порядок экономических отношений соединен с пожертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено. Он противен привычкам английского и французского поселянина». Но «то, что представляется утопией в одной стране, существует в другой, как факт... те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского, как факт его народной жизни... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Мы видим, какие печальные последствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело *возвратить западным народам свою утрату*. Пример Запада не должен быть потерян для нас» [1]).

Такова сделанная Чернышевским оценка значения общинного землевладения в настоящей и будущей экономической жизни русского народа. При всем нашем уважении к великому писателю, мы не можем не видеть в ней некоторых промахов и односторонностей. Так, например, «исцеление» западно-европейских государств от «язвы пролетариатства» едва ли можно было признать «неразрешенной задачей» в конце пятидесятых годов, через много лет после появления «Манифеста Коммунистической партии», «Нищеты философии» и «Положения рабочего класса в Англии». Не только «исцеление», но все историческое значение пугавшей Н. Г. Чернышевского «болезни» было указано в трудах Карла Маркса и Фридриха Энгельса с полнотою и доказательностью, остающимися до сих пор образцовыми. Но русский экономист, как это видно по всему, не был знаком с названными сочинениями, а социалистические утопии предшествующего им периода, конечно, оставляли очень много теоретических и практических вопросов без сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Главный же пробел в миросозерцании утопистов обусловливался тем обстоятельством, что «они не видели в пролетариате никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движе-

[1]) Сочинения, том V, стр. 16—19.

ния», что они не становились еще на точку зрения борьбы классов, и что пролетариат существовал для них «лишь в качестве более других страдающего класса» [1]). Заменяя «постепенно подвигающуюся вперед классовую организацию пролетариата—общественной организацией своего собственного изобретения», и в то же время расходясь между собою по вопросу об основах и характере этой организации будущего, они, естественно, приводили своих русских читателей к той мысли, что самые передовые умы Запада не справились еще с социальным вопросом. К тому же, «сводя дальнейшую историю мира к пропаганде и практическому выполнению своих реформаторских планов», они не могли удовлетворить своими учениями человека такого сильного критического ума, как Чернышевский. Он должен был самостоятельно искать реальных «исторических условий» освобождения западно-европейского рабочего класса, и нашел их, повидимому, в возврате к общинному землевладению. Мы знаем уже, что, по его мнению, «от приобретения этого блага теперь зависит благоденствие земледельческих классов Западной Европы». Но как бы кто ни смотрел на историческое значение *русской* общины, едва ли не для всех социалистов очевидно, что на Западе ее роль безвозвратно покончена и что для западных народов путь к социализму лежал и лежит *от общины через частную собственность*, а не наоборот, не от частной собственности через общину. Мне кажется, что если бы Н. Г. Чернышевский лучше выяснил себе тот «трудный и долгий путь», по которому идет Запад к «лучшему порядку экономических отношений», если бы он, кроме того, точнее определил экономические условия этого «лучшего порядка», то он увидел бы, во-первых, что «Запад» стремится к обращению средств производства в государственную, а не в общинную собственность, а, во-вторых, понял бы, что «язва пролетариатства» сама из себя создает свое лекарство. Он лучше оценил бы тогда историческую роль пролетариата, а это, в свою очередь, дало бы ему возможность шире взглянуть на социально-политическое значение русской общины. Объяснимся.

Известно, что всякую форму общественных отношений можно рассматривать с весьма различных точек зрения. Можно рассматривать ее с точки зрения тех выгод, которые она приносит данному поколению; можно, не довольствуясь этими выгодами, заинтересоваться способностью ее к переходу в другую, высшую форму, более благоприятную экономическому благосостоянию, умственному и нравственному развитию людей; можно, наконец, в самой этой способности к переходу в высшие формы различать две стороны: пассивную и активную, *отсутствие препятствий для перехода* и присутствие живой, внутренней силы, не только *могущей* совершить этот переход, но и вызывающей его, как необходимое следствие своего существования. В первом из этих случаев мы рассматриваем данную общественную форму с точки зрения *сопротивления* приносимому извне прогрессу, во втором—с точки зрения *полезной исторической работы*.

[1]) «Манифест Коммунистической партии», стр. 36—37.

Для философии истории, равно как и для практического деятеля-революционера, имеют значение лишь те формы, которые способны к бо́льшему или меньшему количеству этой полезной работы. Каждая ступень исторического развития человечества интересна именно постольку, поскольку стоящие на ней общества сами из себя, путем внутренней своей самодеятельности, вырабатывают силу, способную разрушить старые формы социальных отношений и построить на их развалинах новое, лучшее общественное здание. Говоря вообще, самое количество препятствий для перехода на высшую ступень развития находится в тесной связи с величиной этой живой силы, потому что она есть не что иное, как результат разложения старых форм общежития. Чем энергичнее процесс разложения, тем бо́льшее количество силы им освобождается, тем менее устойчивости сохраняют отжившие социальные отношения. Другими словами, как историка, так и практического революционера интересует не статика, а динамика, не консервативная, а революционная сторона, не гармония, а противоречия общественных отношений, потому что дух этих противоречий есть именно тот дух, который

Stets das Böse will und stets das Gute schaft.

Так было до сих пор! Само собою понятно, что так не должно быть всегда и что весь смысл социалистической революции заключается в устранении того «железного и жестокого» закона, по которому противоречия общественных отношений находили лишь временное разрешение, в свою очередь, становившееся источником новой безурядицы и новых противоречий. Но совершение этого величайшего из переворотов, этой революции, которая должна сделать, наконец, людей «господами их общественных отношений»—немыслимо без «наличности» необходимой и достаточной для него исторической силы, порождаемой противоречиями нынешнего буржуазного строя. В передовых странах современного цивилизованного мира сила эта не только находится в наличности, но возрастает ежечасно и ежеминутно. История является, следовательно, в этих странах союзницей социалистов, и с постоянно возрастающей быстротою приближает их к преследуемой ими цели. Таким образом, еще один—будем надеяться *последний*—раз мы видим, что «сладкое» могло выйти лишь из «горького», что для совершения *хорошего* «дела» история должна была, если можно так выразиться, обнаружить *злую* «волю». Экономия буржуазных обществ, совершенно «ненормальная и несправедливая» в области распределения, оказывается гораздо более «нормальной» в сфере развития производительных сил, и еще более «нормальной» в сфере производства людей, желающих и способных, говоря словами поэта, «здесь на земле основать царство небесное». Буржуазия «не только выковала оружие, которое нанесет ей смертельный удар», т.-е. не только довела производительные силы передовых стран до такой степени развития, на которой они не могут уже примириться с капиталистической формой производства, «она породила также людей, которые направят это оружие—современных работников, *пролетариев*».

Из этого следует, что для полной оценки политического значения данной общественной формы необходимо принимать в соображение не только те экономические выгоды, которые она может принести одному или нескольким поколениям, не только пассивную способность ее к усовершенствованию под влиянием какой-нибудь благодетельной внешней силы, но и, главным образом, ее внутреннюю способность к дальнейшему самостоятельному развитию в желательном направлении. Без такой всесторонней оценки анализ общественных отношений всегда останется неполным и потому ошибочным; данная социальная форма может оказаться вполне рациональной с одной из этих точек зрения, будучи в то же время совершенно неудовлетворительной с другой. И это будет каждый раз, когда нам придется иметь дело с неразвитым населением, не ставшим еще «господином своих общественных отношений». Только объективная революционность самих этих отношений может вывести отсталых субъектов на путь прогресса. Если же данная форма общежития не обнаруживает этой революционности, если, более или менее «справедливая» с точки зрения права и распределения продуктов, она отличается в то же время большою косностью, отсутствием внутреннего стремления к самоусовершенствованию в данном направлении, то социальному реформатору приходится или проститься со своими планами, или апеллировать к иной, внешней силе, которая могла бы пополнить недостаток внутренней самодеятельности в данном обществе и реформировать его, хотя и не против воли его членов, но во всяком случае без их активного и сознательного участия.

Что касается Н. Г. Чернышевского, то он, как кажется, упустил из виду революционное значение западно-европейской «болезни»—пауперизма. Ни мало неудивительно, что, напр., Гакстгаузен, о котором так часто приходилось говорить ему в статьях об общинном землевладении, видел в «пауперизме—пролетариатстве» одну только отрицательную сторону. *Политические* его взгляды были таковы, что революционное значение пролетариата в истории западно-европейских обществ никак не могло быть отнесено им к положительным, выгодным сторонам этой «язвы». Понятно, поэтому, что он с восторгом описывал те учреждения, которые могут «предупредить пролетариатство». Но взгляды, вполне понятные и последовательные в сочинениях одного писателя, часто ставят читателя в затруднение, встречаясь в статьях другого. Признаемся, мы не понимаем, какой смысл должны мы вложить в следующие слова Чернышевского о Гакстгаузене. «Как человек практический, он очень верно предугадывал в 1847 году близость страшного взрыва со стороны пролетариев Западной Европы; и нельзя не согласиться с ним, что благодетелен принцип общинного землевладения, который ограждает нас от страшной язвы пролетариатства в сельском населении» [1]). Здесь речь идет уже не об экономических бедствиях пролетариата, которым, впрочем, ни в чем не

[1]) Ibid., стр. 100.

уступают бедствия русского крестьянства; не говорится также ничего и о социальных привычках русского крестьянина, с которыми во всяком случае еще поспорит западно-европейский промышленный рабочий своей привычкой к коллективному труду и всевозможным ассоциациям. Нет, здесь речь идет о «страшном взрыве со стороны пролетариев», и Н. Г. Чернышевский даже в этом отношении считает «благодетельным» принцип общинного землевладения, «который ограждает нас от страшной язвы пролетариатства». Нельзя допустить, что отец русского социализма с таким же ужасом относился к политическим движениям рабочего класса, как барон фон-Гакстгаузен. Нельзя думать, что его мог испугать самый факт восстания пролетариата. Остается предположить, что его смущало поражение, понесенное в 1848 году рабочим классом, что его сочувствие к политическим движениям этого класса отравлялось мыслью о безрезультатности политических революций, о бесплодности буржуазного режима. Такое объяснение кажется, если не достоверным, то, по крайней мере, вероятным, при чтении некоторых страниц из его статьи «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», именно тех страниц, на которых он выясняет различие демократических стремлений от либеральных. «У либералов и демократов существенно различны коренные желания, основные побуждения,—говорит он.—Демократы имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве, с одной стороны, уменьшить силу и богатство высших сословий, с другой—дать более веса и благосостояния низшим сословиям. Каким путем изменить в этом смысле законы и поддержать новое устройство общества, *для них почти все равно* [1]). Напротив того, либералы никак не согласятся предоставить перевес в обществе низшим сословиям, потому что эти сословия, по своей необразованности и материальной скудости *равнодушны* к интересам, которые выше всего для либеральной партии, именно *к праву свободной речи и конституционному устройству. Для демократа—наша Сибирь, в которой простонародье пользуется благосостоянием, гораздо выше Англии, в которой большинство народа терпит сильную нужду.* Демократ из всех политических учреждений непримиримо *враждебен только одному*—аристократии; либерал почти всегда находит, что только при известной степени аристократизма общество может достичь либерального устройства. Потому либералы питают к демократам смертельную неприязнь... либерализм понимает свободу очень узким, чисто формальным образом. Она для него состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения. Он не хочет понять, что юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением. Ни мне, ни вам, читатель, не запрещено обедать на золотом сервизе, к сожалению, ни у вас, ни у меня нет и, вероятно, никогда не будет средств для удовлетворения этой изящной идеи, потому

[1]) В этих выписках курсив повсюду принадлежит мне.

я откровенно говорю, что ни мало не дорожу своим правом иметь золотой сервиз, и готов продать это право за один рубль серебром или даже дешевле. *Точно таковы для народа все те права, о которых хлопочут либералы.* Народ невежествен, и почти во всех странах большинство его безграмотно; не имев денег, чтобы получить образование, не имея денег, чтобы дать образование своим детям, каким образом станет он дорожить правом свободной речи? Нужда и невежество отнимают у народа всякую возможность понимать государственные дела и заниматься ими—скажите, будет ли дорожить, может ли он пользоваться правом парламентских прений?.. Нет такой европейской страны, в которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно к правам, составляющим предмет желаний и хлопот либерализма. Поэтому либерализм обречен повсюду на безсилие: как ни рассуждать, а сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа» [1]).

Не прошло и десяти лет после появления только что цитированной статьи Н. Г. Чернышевского, как европейский пролетариат, в лице передовых своих представителей объявил, что средство достижения своей великой экономической цели он видит в своих политических движениях и что «социальное освобождение рабочего класса немыслимо без политического его освобождения». Необходимость постоянного расширения политических прав рабочего класса и окончательного завоевания им политического господства признана была Международным Товариществом Рабочих. «Первый долг рабочего класса заключается в завоевании себе политического могущества»—говорит первый Манифест этого Товарищества. Само собою понятно, что рабочее население Англии ближе и способнее к политическому могуществу, чем сибирское «простонародье», и по этому одному никто, кроме прудонистов, не сказал бы в шестидесятых годах, что «Сибирь выше Англии». Но и в то время, когда Н. Г. Чернышевский писал свою статью, т.-е. в конце пятидесятых годов, можно было заметить, что в среде «невежественного и безграмотного народа» «почти всех» западноевропейских стран был целый слой,—т.-е. опять-таки тот же пролетариат,—который не пользовался «правом свободной речи и правом парламентских прений» вовсе не по равнодушию своему к ним, а лишь благодаря реакции, воцарившейся после 1848 г. во всей Европе и озаботившейся прежде всего устранением народа от обладания этими «отвлеченными правами». Разбитый, так сказать, по всей линии, оглушенный ударами реакции, разочаровавшийся в своих радикальных и «демократических» союзниках из среды буржуазных партий, он действительно впал как бы во временную летаргию и мало интересовался общественными вопросами. Но поскольку он интересовался ими, он не переставал видеть в приобретении политических прав и в рациональном пользовании ими могучего средства своего освобождения. Даже многие из тех социалистических сект,

[1]) «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X». Русская социально-демократическая библиотека, выпуск третий, стр. 5—8.

которые прежде были совершенно равнодушны к политике, стали обнаруживать большой интерес к ней именно в начале пятидесятых годов. Так, например, во Франции фурьеристы сошлись с Риттингаузеном и весьма энергично проповедывали принцип прямого народного законодательства. Что касается до Германии, то ни «демократ» Иоган Якоби со своими приверженцами, ни коммунисты школы Маркса и Энгельса не сказали бы, что для них «почти все равно, каким бы путем ни изменить законы» в смысле уменьшения силы и богатства высших сословий и обеспечения благосостояния низших классов. У них была вполне определенная *политическая* программа, «непримиримо враждебная» далеко не «одной аристократии».

Западно-европейское крестьянство действительно оставалось часто равнодушным ко всяким «отвлеченным правам» и готово было, пожалуй, по временам предпочесть сибирские порядки английским. Но в том-то и дело, что истинные, не буржуазные демократы, т.-е. демократы-*социалисты*, обращаются не к крестьянству, а к пролетариату. Западно-европейский крестьянин, как собственник, относится ими к «средним слоям» населения, слоям, которые «имеют революционное значение лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, а будущие свои интересы, *поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата*» [1]). Это различие очень существенно. Западно-европейские «демократы» только тогда и вышли из бесплодной области политической метафизики, когда научились анализировать понятие о «народе», и стали отличать революционные его слои от консервативных.

Для полноты исследования вопроса об общинном землевладении Н. Г. Чернышевскому нужно было бы взглянуть на дело именно с этой последней социально-*политической* точки зрения. Ему нужно было показать, что общинное землевладение не только способно предохранить нас от «язвы пролетариатства», не только представляет много выгодных условий для развития сельско-хозяйственной техники (т.-е. для машинной обработки больших пространств земли), но и способно создать в России такое же подвижное, такое же восприимчивое и впечатлительное, такое же энергичное и революционное население, как западно-европейские пролетарии. Но этому-то и мешал его взгляд на «народ» «почти всех стран» Западной Европы, как на «невежественную» и в большинстве случаев «безграмотную» массу, равнодушную к «отвлеченным» политическим правам. Недостаточно оттененная в его представлении, политическая роль западно-европейского пролетариата не могла напрашиваться на сравнение с политическим будущим русских крестьян-общинников. Пассивность и политический индифферентизм русского крестьянства не могли смущать того, кто не ожидал большой политической самодеятельности от рабочего класса Запада. В этом обстоятельстве лежит одна из причин того, что

[1]) См. «Манифест Коммунистической партии», стр. 14 моего перевода.

Н. Г. Чернышевский ограничил свое исследование об общинном землевладении соображениями, относящимися к области права, распределения продуктов, агрономии, но не задался вопросом о политическом влиянии общины на государство и государства на общину.

Этот вопрос так и остался невыясненным. А вследствие этого остался невыясненным и вопрос о способах перехода от общинного *землевладения* к общинной *обработке* и—главное—к окончательному торжеству социализма. Каким образом современная сельская община перейдет в коммунистическую общину или растворится в коммунистическом государстве? Как может содействовать этому революционная интеллигенция! «Что делать» этой интеллигенции? Отстаивать общинное землевладение и вести коммунистическую пропаганду, заводить производительные ассоциации, в роде швейных мастерских Веры Павловны, надеясь, что со временем как эти мастерские, так и сельские общины поймут выгоды социалистического строя и возьмутся за его осуществление? Допустим, что так; но путь этот долог, можно ли поручиться, что он на всем своем протяжении будет прям и гладок, что на нем не встретится непредвиденных препятствий и неожиданных поворотов? А что если правительство будет преследовать социалистическую пропаганду, запрещать ассоциации, отдавать под полицейский надзор и ссылать их членов? Бороться с правительством, завоевать свободу речи, сходок и ассоциаций? Но тогда нужно будет признать, что Сибирь не выше Англии, что «отвлеченные права», о которых «хлопочут либералы», составляют необходимое условие народного развития, нужно, словом, начать политическую борьбу. Но можно ли рассчитывать на ее благоприятный исход, можно ли завоевать сколько-нибудь прочную политическую свободу? Ведь «как ни рассуждать, а сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа», а эта масса, если не в других странах, то в России не придает никакого значения «праву свободной речи» и ровно ничего не понимает в вопросе о «праве парламентских прений». Если либерализм именно «поэтому обречен на бессилие», то откуда возьмутся силы у социалистов, которые станут бороться за «права, составляющие предмет желаний и хлопот либерализма»? Как выйти из этого затруднения? Занести в свою программу вместе с «отвлеченными правами» политической свободы конкретные требования экономических реформ? Но нужно ознакомить народ с этой программой, т.-е. нужно опять вести пропаганду, а, ведя пропаганду, мы опять встречаемся с правительственными преследованиями, а правительственные преследования опять толкают нас на путь политической борьбы, безнадежной вследствие равнодушия народа и т. д. и т. д.

С другой стороны, очень вероятно, что «уральцы, если доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда будут введены очень сильные машины для хлебопашества, будут очень рады, что сохранилось у них устройство, допускающее употребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин». Очень вероятно

также, что «будут рады» и те крестьянские общества, которые «*доживут* в нынешнем своем устройстве» до введения земледельческих машин. Ну, а чему могут быть рады те земледельцы, которые не *доживут* до этого времени «в нынешнем своем устройстве»? Чему будут рады сельские пролетарии, попавшие в батраки к общинникам? Эти последние сумеют довести эксплоатацию рабочей силы до той же степени интенсивности, на какой она будет стоять в частных хозяйствах. Русский «народ» разделится, таким образом, на два класса: эксплоататоров—*общин* и эксплоатируемых—*личностей*. Какая судьба ожидает эту новую касту париев? Западноевропейский пролетарий, ряды которого постоянно возрастают, благодаря концентрации капиталов, может льстить себя тою надеждою, что раб—сегодня, он станет независимым и счастливым работником—завтра; может ли утешать себя такою перспективой русский пролетарий, возрастание численности которого будет замедлено существованием общинного землевладения? Не ожидает ли его рабство без надежды, суровая борьба

без торжества, без примиренья?

Чью сторону должна будет принять в этой борьбе наша социалистическая интеллигенция? Если она будет отстаивать пролетариат, то не придется ли ей сжечь все, чему она поклонялась, и отталкивать общину, как оплот мелко-буржуазной эксплоатации?

Если такие вопросы не возникали в уме Н. Г. Чернышевского, который писал об общинном землевладении до уничтожения крепостного права и мог надеяться, что развитие сельского пролетариата будет сделано невозможным—путем тех или других законодательных постановлений, то неизбежно все или почти все они должны были явиться перед нашими революционерами семидесятых годов, которые знали характер пресловутой реформы 19 февраля. Как ни трудно придумать такие законы, которые ограждали бы общину от разложения, не налагая вместе с тем самого нестерпимого гнета на весь ход нашей промышленной жизни, как ни трудно сочетать коллективизм крестьянского *землевладения* с денежным хозяйством и с товарным *производством* всех продуктов, не исключая и земледельческих продуктов самих общин, но обо всем этом еще можно было говорить и спорить до 1861 года. Крестьянская же реформа должна была придать такого рода спорам и разговорам вполне определенную подкладку. В своих экскурсиях в область более или менее сомнительного будущего, наши революционеры должны были исходить из бесспорных фактов настоящего. А это настоящее имело уже очень мало общего со старой, знакомой Гакстгаузену и Чернышевскому картиной дореформенной крестьянской жизни. «Положение 19 февраля» выбило общину из устойчивого равновесия натурального хозяйства, и предало ее во власть всех законов товарного производства и капиталистического накопления. Выкуп крестьянских земель должен был, как мы это увидим ниже, совершаться на основаниях, враждебных принципу общинного землевладения. Кроме того, сохранивши общину в интересах фиска, наше законодатель-

ство предоставило, однако, двум третям домохозяеев право окончательного раздела общинных земель на подворные участки. Переделы были также затруднены и, в довершение всего, на «свободных земледельцев» был наложен совершенно несообразный с их платежными силами гнет податей и повинностей. Все протесты крестьян против «нового крепостного права» были подавлены силою розг и штыков, и «новую» Россию охватила горячка денежных спекуляций. Железные дороги, банки, акционерные компании росли, как грибы. Приведенное выше предсказание Н. Г. Чернышевского относительно предстоящих России «значительных экономических преобразований»—исполнилось раньше, чем великий учитель молодежи дошел до места своей ссылки. Александр II был царем буржуазии так же точно, как Николай был солдатским и дворянским царем.

С этими неопровержимыми фактами необходимо было считаться нашей революционной молодежи, отправлявшейся в начале семидесятых годов «в народ», с целью социально-революционной пропаганды и агитации. Теперь имелось в виду уже не освобождение помещичьих крестьян от крепостной зависимости, а освобождение всего трудящегося населения России от ига эксплоатации всякого рода; теперь речь шла уже не о крестьянской «реформе», а об «установлении крестьянского братства, где не будет ни моего, ни твоего, ни барыша, ни угнетения, а будет работа на общую пользу и братская помощь между всеми» [1]). Чтобы основать такое «крестьянское братство», нужно было обращаться уже не к правительству, не к Редакционной Комиссии и даже не к «обществу», а к самому крестьянству. Предпринимая такое освобождение трудящихся, которое должно быть делом «самих трудящихся», необходимо было с бо́льшею точностью исследовать, определить и указать революционные факторы народной жизни, а для этого нужно было перевести на арифметический язык абстрактные, алгебраические формулы, выработанные передовой литературой предшествующих десятилетий, подвести итог всем тем положительным и отрицательным влияниям русской жизни, от совокупности которых зависел ход и исход начинаемого дела. А так как наша молодежь еще из статей Чернышевского знала, что «масса народа до сих пор понимает землю, как общинное достояние, и количество земли, находящейся в общинном владении... так велико, что масса участников, совершенно выделившихся из него в полновластную собственность отдельных лиц, по сравнению с ним незначительна», то именно с общинного землевладения и должно было начаться изучение революционных факторов русской жизни.

Как отразились на общине противоречивые постановления «Положения 19 февраля»? Обладает ли она достаточною устойчивостью для борьбы с неблагоприятными для нее условиями денежного хозяйства? Не ступило ли уже развитие нашей крестьянской жизни на тот путь «естественного закона своего движения», с которого уже не в состоянии будут совратить ее ни строгость законов, ни пропаганда интеллигенции? А если нет, если

[1]) См. «Хитрую механику», изд. 1877 г., стр. 47—48.

наш крестьянин-общинник до сих пор может без большого труда усвоить социалистические идеалы, то ведь это пассивное дело усвоения должно сопровождаться энергичным актом осуществления, требующим борьбы с многочисленными препятствиями; способствуют ли условия жизни нашего крестьянства выработке в нем активной энергии, без которой остались бы бесполезными все его «социалистические» *предрасположения?*

Различные фракции нашего движения различным образом решали эти вопросы. Большая часть революционеров готова была согласиться с Герценом в том, что русский народ «равнодушен, неспособен» к политике. Но склонность к идеализации народа была так велика, взаимная связь различных сторон общественной жизни была так плохо выяснена в умах наших социалистов, что в этой неспособности «ко всем *политическим* вопросам» видели как бы гарантию против буржуазных «полурешений», как бы доказательство большой способности народа к правильному решению вопросов *экономических.* Интерес и способность к *политике* считались необходимыми лишь для *политических* революций, которые во всей нашей социалистической литературе того времени противополагались «*социальным*» революциям, как злое начало — доброму, как буржуазный обман—полному эквиваленту за пролитую народом кровь, за понесенные им потери. «Социальной» революции соответствовал, по нашим тогдашним понятиям, интерес к *социальным* же вопросам, который и усматривался в жалобах крестьянства на малоземелье и податные тягости. От сознания народом своих ближайших нужд до понимания «задач рабочего социализма», от горьких сетований на эти нужды до социалистической революции—путь, казалось, был не долог и лежал опять-таки через общину, казавшуюся нам прочной скалой, о которую разбились все волны экономического движения.

Но как одна точка не определяет положение линии на плоскости, так и поземельная община, на идеализации которой сходились все наши социалисты, не обусловливала собою сходства их программ. Все чувствовали, что и в самой общине, и в миросозерцании и привычках общинников есть много—частью недоделанного и недоконченного, а частью и прямо противоречащего социалистическим идеалам. Способ устранения этих недостатков и служил яблоком раздора для наших фракций.

Впрочем, и в этом отношении была черта, которую можно признать общею всем нашим революционным направлениям.

Этой общей им всем чертой была вера в возможность могущественного, решающего влияния нашей революционной интеллигенции на народ. Интеллигенция играла в наших революционных расчетах роль благодетельного провидения русского народа, провидения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону. Как бы кто из революционеров ни объяснял современное порабощение русского народа—недостатком ли в нем *понимания,* отсутствием ли сплоченности и революционной *энергии,* или, наконец, полною *неспособностью* его политической *инициативе*—каждый думал, однако что вмешательство

интеллигенции устранит указываемую им причину народного порабощения. Пропагандисты были уверены, что они без большого труда научат крестьянство истинам научного социализма. Бунтари требовали немедленного создания «боевых» организаций в народе, не воображая, что оно может встретить какие-либо существенные препятствия. Наконец, сторонники «Набата» полагали, что нашим революционерам стоит только «захватить власть»,—и народ немедленно усвоит социалистические формы общежития. Эта самоуверенность интеллигенции уживалась рядом с самой беззаветной идеализацией народа и с убеждением—по крайней мере большинства наших революционеров—в том, что «освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся». Предполагалось, что формула эта получит совершенно правильное применение, раз только наша интеллигенция примет народ за объект своего революционного воздействия. О том, что это основное положение устава Международного Товарищества Рабочих имеет другой, так сказать, философско-исторический смысл, что освобождение данного класса может быть его собственным делом лишь в том случае, когда в нем самом является самостоятельное движение во имя своей эмансипации,—обо всем этом наша интеллигенция частью не задумывалась вовсе, а частью имела довольно странное представление. Так, например, в доказательство того, что народ наш сам, без помощи интеллигенции, начал уже понимать условия своего истинного освобождения—приводилось недовольство его реформой 1861 года. В доказательство же его способности к самостоятельному революционному движению—ссылались обыкновенно на наши «крестьянские войны», на бунты Разина и Пугачева.

Тяжелый опыт скоро показал нашим революционерам, что от жалоб на малоземелье бесконечно далеко до выработки определенного классового сознания и что от бунтов, происходивших 100 и 200 лет тому назад, нельзя умозаключать к готовности народа восстать в настоящее время. История нашего революционного движения семидесятых годов была историей разочарований в «программах», казавшихся самыми практичными и безошибочными.

Но нас интересует в настоящее время история революционных идей, а не история революционных попыток. Для нашей цели необходимо подвести ито всем тем социально-политическим воззрениям, которые достались нам в наследство от предшествующих десятилетий.

Посмотрим же, что завещала нам, в этом случае, каждая из главных фракций семидесятых годов.

Поучительнее всего будут для нас теории М. А. Бакунина и П. Н. Ткачева. Программа, так называемых, пропагандистов, сводившая к распространению социалистических идей всю дальнейшую историю России, вплоть до революции, страдала слишком заметным идеализмом. Они рекомендовали русским социалистам пропаганду так же точно, как рекомендовали бы они ее при случае социалистам польским, сербским, турецким, персидским, словом, социалистам любой страны, лишенной возможности организовать рабочих в открытую политическую партию. Вышеприведенное герценовское сравнение судьбы «Евклидовых положений» с вероятной историей социалистических идей могло бы служить типическим примером их аргументации в пользу своей программы. Они понимали это сравнение, само по себе довольно рискованное, в том абстрактном и одностороннем смысле, что для усвоения раз выработанных социально-политических понятий достаточно субъективной логики людей, не поддерживаемой объективной логикой общественных отношений. Они сделали мало ошибок в анализе общественных отношений России по той простой причине, что совсем почти не брались за такой анализ.

5. М. А. Бакунин.

Не так рассуждал Бакунин. Он понимал, что воздействие революционной интеллигенции на народ возможно лишь при наличности известных исторических условий, лишь при существовании в самом народе более или менее сознательного стремления к социалистическому перевороту Поэтому он исходил из сравнения «народных идеалов» с идеалами нашей интеллигенции, конечно анархического направления.

По его мнению, в русском народе существуют в самых широких размерах те два элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции. «Он может похвастаться чрезмерной нищетою, а также рабством примерным (sic). Страданиям его нет числа и переносит он их не терпеливо, а с глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и пугачевским бунтом, и не перестающим поныне проявляться в беспрерывном ряде частных крестьянских бунтов» [1]). Совершить победоносную революцию ему мешает не «недостаток в общем идеале, который был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель». Если бы такого идеала не было, «если бы он не выработался в сознании народном, по крайней мере в своих главных чертах, то надо было бы отказаться от всякой надежды на русскую революцию, потому что такой идеал выдвигается из самой глубины народной жизни, есть непременным образом результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы и вместе с тем есть как бы образное и общепонятное, всегда простое. выражение его настоящих требований и надежд... если народ не выработает сам из себя этого идеала, то никто не будет в состоянии ему его дать». Но «нет сомнения», что такой идеал существует в представлении русского крестьянства, «и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты».

Автор «Государственности и анархии» насчитывает шесть «главных черт» русского народного идеала: три хороших и три дурных. Присмот-

[1]) «Государственность и анархия», примечание А, тр.

римся к этой классификации повнимательнее, так как миросозерцание М. А. Бакунина наложило свой отпечаток на взгляды многих из тех наших социалистов, которые никогда не были его последователями или даже выступали в качестве его противников.

«Первая и главная черта, это всенародное убеждение, что земля, вся земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее своим трудом. Вторая столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта одинаковой важности с двумя предыдущими, это квази-абсолютная автономия, общинное самоуправление, и, вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству».

«Вот три главные черты, которые лежат в основании русского народного идеала. По существу своему, они вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся за последнее время в сознании пролетариата латинских стран, несравненно ближе ныне стоящих к социальной революции, чем страны германские. Однако русский народный идеал омрачен тремя другими чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно (Nota bene) затрудняют и замедляют осуществление его.. Эти три затемняющие черты. 1) патриархальность; 2) поглощение лица миром; 3) вера в царя... Можно было бы прибавить, в виде четвертой черты, христианскую веру, официально-православную или сектаторскую, но... у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе» [1]).

Против этих-то отрицательных черт народного идеала и должны бороться «всеми силами» русские революционеры, и такая борьба «тем возможнее, что она уже существует в самом народе».

Уверенность в том, что сам народ начал уже борьбу против отрицательных «черт» своего идеала, представляло собою очень характерную «черту» всей программы русских бакунистов. Она являлась соломинкой, за которую хватались они, чтобы спастись от логических выводов из их собственных посылок и от результатов сделанного М. А. Бакуниным анализа народного идеала. «Ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего в нем уже не существует не только в зародыше, но даже в некоторой степени развития»—читаем мы в «примечании А», столько раз уже цитированном нами. Оставаясь последовательным, русский бакунист должен был бы «отказаться от всякой надежды на русскую революцию», если бы народ сам не заметил «затемняющих черт» своего идеала и если бы его недовольство этими чертами не достигло уже «некоторой степени развития». Понятно, поэтому, что в эту сторону должна была направиться вся диалектическая сила родоначальника русского «бунтарства».

[1]) «Государственность и анархия», примечание А, стр. 10

Нужно заметить, кроме того, что в этом пункте М. А. Бакунин был очень недалек от вполне правильной постановки вопроса о шансах социально-революционного движения в России и от серьезного, критического отношения к характеру и «идеалам» нашего народа. Такого критического отношения именно и недоставало русским общественным деятелям. Еще А. И. Герцен поражался отсутствием сколько-нибудь определенной и общепринятой характеристики русского народа. «Иные говорят только о всемогуществе царя, о правительственном произволе, о рабском духе подданных; другие утверждают, напротив, что петербургский империализм не народен, что народ, раздавленный двойным деспотизмом правительства и помещиков, несет ярмо, но не мирится с ним, что он не уничтожен, а только несчастен, и в то же время говорят, что этот самый народ придает единство и силу колоссальному царству, которое давит его. Иные прибавляют, что русский народ—презренный сброд пьяниц и плутов; другие же уверяют, что Россия населена способною и богато одаренною породою людей» [1]).

С тех пор, как были впервые написаны цитированные мною строки прошло уже тридцать лет, а между тем и до сих пор, и не только иностранцы, которых имел в виду Герцен, но и русские общественные деятели придерживаются диаметрально-противоположных взглядов на характер и «идеалы» русского народа. Нет ничего удивительного, конечно, в том, что всякая партия склонна преувеличивать сочувствие народа к ее собственным стремлениям. Но ни во Франции, ни в Германии, ни в какой-либо другой западной стране нельзя встретить того противоречия во взглядах на крестьянство, какое нас поражает в России. Это противоречие ведет подчас к весьма забавным недоразумениям. Различие в социально-политическом миросозерцании людей самых противоположных направлений определяется часто одним только различием в понимании «народных идеалов». Так, например, г. Катков и г. Аксаков согласились бы с г. Тихомировым в том, что «политическая программа... должна брать народ, каков он есть, и только в этом случае будет способна производить воздействие на его жизнь». Затем, редактор «Руси» мог бы принять, что «на 100 миллионов жителей» у нас «приходится 800.000 рабочих, объединенных капиталом», как уверяет г. Тихомиров в своей статье «*Чего нам ждать от революции?*»; редактор же «*Московских Ведомостей*» счел бы, может быть, эту оценку слишком низкой и указал бы на многие неточности в статистических выкладках г. Тихомирова Тем не менее, и тот, и другой подписались бы обеими руками под тем мнением, что Россия страна земледельческая, что к ней не приложимы результаты «анализа общественных отношений, сделанного.. в капиталистических странах Европы», что толковать о политическом и экономическом значении русской буржуазии смешно и нелепо, что русские социал-демократы осуждены на «положение поистине трагическое», и что, наконец, говоря о том, «каков есть» народ, нужно

[1]) «Русский народ и социализм», Лондон 1858, стр. 7—8.

иметь в виду именно наше крестьянство. Несмотря, однако, на то, что миросозерцание литературных представителей наших крайних (в различные стороны) партий «охватывает взгляды, в некоторой мере» тождественные между собою, выводы, делаемые ими из своих посылок, оказываются диаметрально-противоположными. Пишет о народе г. Тихомиров,—и мы с удовольствием узнаем, что, «разочаровываясь в самодержавии царей», народ наш может перейти «только к самодержавию народа», что «в революционный момент наш народ в политическом отношении не может оказаться раздробленным, когда речь зайдет об основном принципе государственной власти. Точно также он окажется совершенно единодушным в экономическом отношении по вопросу о земле, т.-е. по вопросу основному для современного русского производства» (sic). Веселое настроение духа окончательно овладевает нами, когда мы читаем, что «ни по нравственной силе, ни по ясности общественного самосознания, ни по вытекающей отсюда исторической устойчивости—мы ни один из наших общественных слоев не можем поставить рядом с крестьянско-рабочим классом», что «впечатление интеллигенции не обманывает ее, и в момент окончательной развязки современной путаницы политических отношений—народ, конечно, выступит более сплоченным, чем хотя бы прославленная (кем?) буржуазия».

Мы видим, что народ «хочет хорошо», как уверял когда-то французов один русский писатель, и, преисполненные радостью, готовимся уже грянуть—«гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс!», как вдруг нам попадается на глаза «Русь»—и мы опускаемся с неба на землю. Оказывается, что народ «хочет» совсем скверно. Он боготворит царя, отстаивает телесные наказания, не помышляет ни о каких революциях и готов немедленно разносить в прах г.г. народолюбцев, как только относительно их получится «строгая телеграмма». В ссылках на современную действительность, и даже на историю, здесь, как и в статьях г. Тихомирова, нет недостатка. Что за странность! Обращаемся к известным своим беспристрастием исследователям народной жизни, в роде г. Успенского, и наше разочарование только усиливается. Мы узнаем, что народ наш находится под «властью земли», которая заставляет его довольно логически умозаключать к абсолютизму, не делая даже намека на переход к «самодержавию народа». Тот же г. Успенский убеждает нас, что не только у таких крайних полюсов, как г.г. Аксаков и Тихомиров, но и у людей одинаковых приблизительно, воззрений существуют диаметрально противоположные взгляды на народ.

Чем же обусловливается все это вавилонское столпотворение, вся эта путаница понятий?

Бакунинская классификация различных сторон «народного идеала» дает нам довольно вероятное объяснение. Все дело в том, что г. Тихомиров кладет в основу своих социально-политических рассуждений некоторые положительные «черты» этого идеала (те самые, которые «по существу своему вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся в сознании пролетариата латинских стран»): «всенародное убеждение, что земля, вся

земля, принадлежит народу, и что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами». И хотя автора статьи «Чего нам ждать от революции?» не особенно обрадовала бы третья черта, «одинаковой важности с двумя предыдущими», т.-е. «решительно враждебное отношение к государству», но эта вражда в самой бакунинской классификации является лишь следствием «квази-абсолютной автономии общинного самоуправления», на котором опираются многие надежды г. Тихомирова [1]). О «затемняющих» чертах народного идеала (патриархальность, поглощение лица миром, «суеверие народа, естественным образом сопряженное в нем с невежеством», нищетою и т. д.) наш автор или ничего не знает или ничего не хочет сообщить своим читателям. Г. Аксаков поступает наоборот. Он строит свою аргументацию именно на этих последних «чертах», забывая или умалчивая о противоположных. Статьи г. Успенского также перестают приводить нас в изумление. Он сопоставил Ормузда с Ариманом, дурные стороны идеала с хорошими, и пришел в тупой переулок «власти земли», из которого нет, повидимому, выхода ни крестьянину ни всей России, которая стоит на крестьянине, как земля «на трех китах»; изображенные же им народолюбцы опять-таки видели—кто светлые, а кто «несчастные» черты народного характера и идеала, а потому и не могли придти ни к какому соглашению. Все это совершенно понятно и нельзя не поблагодарить покойного Бакунина за тот ключ, который он дал нам для понимания односторонности как его собственных последователей, так и бо́льшей части наших народников вообще.

Но Бакунин не даром изучал когда-то немецкую философию. Он понимал, что предложенная им классификация «черт народного идеала» — берем ли мы одни хорошие, или одни «несчастные», или, наконец, и счастливые и «несчастные черты»—объясняет только китайскую сторону вопроса. Он понимал, что народ нужно «брать» не «каков он есть», а каким он *стремится стать и становится* под влиянием данного исторического движения. В этом случае Бакунин был гораздо ближе к Гегелю, чем к г. Тихомирову. Он не удовольствовался тем убеждением, что именно «*таков* есть» народный идеал, но озаботился изучением «черт» этого идеала в их развитии, в их взаимном соотношении. Именно в этом пункте он был, как я сказал выше, очень недалек от правильной постановки вопроса. Если бы он надлежащим образом применил диалектический метод к объяснению народной жизни и народного миросозерцания, если бы он лучше усвоил ту «доказанную Марксом несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествовал и предшествует... политическому праву», а, следовательно, и социально-политическим идеалам «народов», если бы он своевременно вспомнил, что

---

[1]) «Крестьянство умеет устроить свое самоуправление, умеет принять в мирское владение землю и общественно распоряжаться ею», «В. Н. В.» № 2, стр. 225.

«в доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г. Маркса» [1]), то мне не пришлось бы, вероятно, спорить с г. Тихомировым, так как от «бакунизма» не осталось бы и следа.

Но Бакунину изменила диалектика или, вернее, он изменил ей.

Вместо того, чтобы исходить из «экономических фактов» в своем анализе социально-политического идеала русского народа, вместо того, чтобы ожидать переработки этого *старого* «идеала» от влияния *новых* тенденций в экономической жизни народа, автор «Государственности и анархии» устанавливает совершенно произвольную иерархию «недостатков» народного идеала, стараясь найти такую комбинацию «несчастных» его «черт», при которой одна из них нейтрализируется или даже совершенно уничтожается другою. Это превращает всю его аргументацию в совершенно произвольную игру совершенно произвольными определениями. Автор, бывший, казалось, так недалеко от истины, вдруг удалился от нее на бесконечное расстояние по той простой причине, что он лишь *чувствовал* необходимость диалектической оценки народного миросозерцания, но не сумел или не захотел *сделать* ее. Вместо ожидаемой диалектики явилась на сцену софистика. «Бакунизм» был спасен, но выяснение задач русской революционной интеллигенции не подвинулось ни на один шаг вперед.

Иерархия различных недостатков народного идеала установляется таким образом. «Поглощение лица миром и богопочитание царя собственно вытекают, как естественные результаты... из патриархальности». Сама община оказывается «ничем иным, как естественным расширением семьи, рода» [2]), а царь—«всеобщим патриархом и родоначальником, отцом всей России». Именно «*поэтому* власть его безгранична». Отсюда понятно, что патриархальность оказывается «главным, историческим злом», против которого мы обязаны «бороться всеми силами». Но как бороться «против исторического зла» анархисту, не имеющему «намерения и ни малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного им самим»? Не иначе, как опираясь на историческое развитие народного идеала. Но способствует ли развитие русского народного идеала устранению из него затемняющей черты патриархальности? Несомненно, и именно вот каким образом: «война против патриархальности ведется ныне чуть ли не в каждой деревне и в каждом семействе, и община, мир до такой степени обратились теперь в орудие ненавистной народу государственной власти и чиновнического произвола, что бунт против последних становится вместе с тем и бунтом против общиного и мирского деспотизма [1]). Не смущаясь тем, что борьба против общинного деспотизма не может не пошатнуть самого принципа общинного землевладения, автор считает вопрос окончательно решенным, и уверяет, что «остается богопочитание царя», которое «чрезвычайно пошатнулось и ослабло в самом сознании народном за последние десять или двенадцать лет», даже не потому, что пошатнулась «патриархальность», а «благодаря мудрой и народолюбивой политике Александра II благодушного». После многих испытаний русский народ «начал понимать, что у него нет врага пуще царя». Интеллигенции приходится только поддерживать и усиливать это антицарское направление в народной мысли. В заключение, той же интеллигенции рекомендуется бороться против еще одного «главного недостатка», не упомянутого при вышецитированном перечислении черт народного идеала. Недостаток этот, «парализирующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание в России,—это замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских миров»... Если принять во внимание, что «разъединение крестьянских миров» есть результат того обстоятельства, что «каждая община составляет в себе замкнутое целое, вследствие чего ни одна из общин не имеет, да и не *чувствует* [2]) надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи», что «соединяются они между собою только посредством батюшки-царя, только с его верховной, отеческой власти», то приходится сознаться, что на интеллигенцию возлагается нелегкая задача. «Связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей... между собою, и там, где это возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством»... сделать так, «чтобы лучшие или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости и каждой области знали таких же крестьян всех других деревень, волостей, областей»,... «убедить их в том, что в народе живет несокрушимая сила, которая могуча только, когда она собрана и действует одновременно,... и что до сих пор она не была собрана»; связать и организовать «села, волости, области по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения»,—словом, прибавить несколько новых, очень хороших «черт» к народному характеру и идеалу и устранить из них несколько коренных недостатков,—это работа, достойная титанов! И за это-то гигантское предприятие приходится браться в том убеждении, что «нужно быть олухом царя небесного или неизлечимым доктринером для того, чтобы вообразить себе, что можно что-нибудь дать народу, подарить ему какое бы то ни было материальное благо или новое умственное или нравственное содержание, новую истину и произвольно дать его жизни новое направление или, как утверждал.. покой-

[1]) «Государственность и анархия», стр. 223—224.

[2]) М. А. Бакунин, очевидно, и не подозревал, что община является в истории раньше патриархата и существует у народов, не имеющих и тени «патриархальности». Впрочем, эту ошибку он разделял со многими из своих современников, например, с Родбертусом, а пожалуй и с Лассалем, который в своей схеме истории собственности («System der erworbenen Rechte», t. I, SS. 217—223) совсем не упоминает о первобытной общине.

Примеч. ко 2-му изданию. Повторяю, что русская сельская община не имеет ничего общего с первобытной общиной. Но в начале восьмидесятых годов это еще не было установлено. *Г. П.*

[1]) «Государственность и анархия», примечание А, стр. 19

[2]) Курсив принадлежит мне.

ный Чаадаев, писать на нем, как на белом листе, что угодно» [1])... Можно ли вообразить более вопиющее противоречие между теоретическими положениями «программы» и намеченными ею практическими задачами?

Людям, не желавшим окончательно разрывать с логикой, оставалось или отказаться от практической части этой программы, удерживая основные ее положения, или преследовать указанные ею практические задачи, стараясь подыскать для них новое теоретическое обоснование. Так оно и вышло впоследствии

6. Н. Ткачев.

Но рядом с бакунизмом, носившим в своих собственных недрах элементы своего разложения, существовало другое течение в русской революционной партии. Крайне враждебное анархической философии М. А. Бакунина, оно сходилось с ним,—как я говорил уже в брошюре «Социализм и политическая борьба»,—в оценке современной русской действительности. В то же время от многих промахов автора «Государственности и анархии» направление это было застраховано, так сказать, меньшею претенциозностью, низшим логическим типом своей аргументации.

М. А. Бакунин пытался найти оправдание для рекомендуемого им способа действий в самом ходе развития народного миросозерцания, но, употребивши в дело неподходящий критерий, он вынужден был подставить на место исторического развития русской общественной жизни логические скачки своей собственной мысли. П. Н. Ткачев, родоначальник того направления, к которому мы переходим теперь, совсем не задумывался о диалектическом анализе наших общественных отношений. Он умозаключал к своей программе непосредственно от *статики* этих отношений. Современный склад русской жизни казался ему как бы нарочно придуманным для социальной (что, по его терминологии, значило—*социалистической*) революции. Толковать о прогрессе, развитии—значило для него изменять народному делу. «Теперь, или очень не скоро, быть-может, никогда!»—таков был девиз его органа «Набат». Ту же мысль высказывает он в своей брошюре «Задачи революционной пропаганды в России», она же проходит через каждую строку его «Открытого письма к Энгельсу». Не пускаясь в трудный путь диалектики, он не делал свойственных Бакунину неверных логических шагов, над которыми он так едко смеялся в своей «Анархии мысли». Он был последовательнее Бакунина в том смысле, что тверже держался своих посылок и делал из них более логические выводы. Вся беда заключалась лишь в том, что не только эти посылки, но и та точка зрения, на которую он становился при их выработке, были ниже бакунинских, по той простой причине, что они были ни чем иным, как упрощенным бакунизмом, бакунизмом, отказавшимся от всякой попытки создать свою философию русской истории

[1]) «Государственность и анархия», примечание А, стр. 9.

и предавшим такого рода попытки революционной анафеме. Немногих выписок из сочинений Ткачева будет достаточно, чтобы подтвердить все сказанное.

Начнем с «Открытого письма к г. Фридриху Энгельсу».

Письмо это имеет целью «помочь невежеству» Энгельса, доказать ему, что «осуществление социальной революции не встречает в России никаких препятствий», и что «в каждую данную минуту возможно возбудить русский народ к единодушному революционному протесту» [1]). Способ доказательства этого тезиса так своеобразен, так характерен для истории развития «бедной русской мысли», так важен для понимания и правильной оценки программы «партии Народной Воли», до такой степени предвосхищает всю аргументацию г. Тихомирова, что заслуживает самого серьезного внимания читателей.

По мнению П. Н. Ткачева, было бы ребячеством мечтать о пересаждении на русскую почву «Международной Ассоциации Рабочих». Этому препятствуют социально-политические условия России. «Да будет Вам известно, говорит он Энгельсу, что мы в России не располагаем ни одним из тех средств революционной борьбы, которые находятся к Вашим услугам на Западе вообще и в Германии в частности. У нас нет городского пролетариата, нет свободы прессы, нет представительного собрания, нет ничего, что давало бы нам надежду соединить (при современном экономическом положении) в один хорошо-организованный, дисциплинированный рабочий союз... забитую, невежественную массу трудящегося люда»... «У нас немыслима рабочая литература, но если бы создание ее и было возможно, то она оказалась бы бесполезной, так как большинство нашего народа не умеет читать» Личное влияние на народ также невозможно, благодаря полицейским постановлениям, преследующим всякое сближение интеллигенции с черным народом. Но все эти неблагоприятные условия—уверяет Энгельса автор Письма—«не должны приводить Вас к той мысли, что победа социальной революции более проблематична, менее обеспечена в России, чем на Западе. Ни в каком случае!.. Если у нас нет некоторых из тех шансов, которые есть у Вас, то мы можем указать много таких, которых не хватает у Вас».

В чем же заключаются эти шансы? Почему мы можем ждать революции и чего должны ожидать от нее?

«У нас нет городского пролетариата, это, конечно, верно; но зато у нас совсем нет буржуазии. Между страдающим народом и угнетающим его деспотизмом государства у нас нет никакого среднего сословия; наши рабочие должны будут бороться лишь с *политической силой—сила капитала* находится у нас еще в зародыше»...

«Наш народ невежествен—это также факт. Но зато он в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист, по инстинкту, по традиции»...

[1]) «Offener Brief», S. 10.

«Отсюда ясно, что, несмотря на свое невежество, народ наш стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада, хотя они и образованнее его».

«Народ наш привык к рабству и повиновению—этого также нельзя оспаривать. Но Вы не должны заключать отсюда, что он доволен своим положением. Он протестует, непрерывно протестует против него. В какой бы форме ни проявлялись эти протесты, в форме ли религиозных сект, называемых расколом, в отказе ли от уплаты податей, или в форме восстаний и открытого сопротивления власти—во всяком случае он протестует, и по временам очень энергично»...

«Правда, эти протесты узки и разрозненны. Но, несмотря на это, они в достаточной мере доказывают, что народу невыносимо его положение, что он пользуется каждым случаем, чтобы дать волю накопившемуся в его груди чувству озлобления и ненависти. И поэтому русский народ можно назвать инстинктивным революционером, несмотря на его кажущееся отупение, несмотря на отсутствие у него ясного сознания своих прав»...

«Наша интеллигентная революционная партия немногочисленна,—это также верно. Но зато она не преследует никаких других идеалов, кроме социалистических, а враги ее почти еще бессильнее ее, и это их бессилие идет ей на пользу. Наши высшие сословия не представляют собою никакой силы,—ни *экономической* (они для этого слишком бедны), ни политической (они слишком тупы и слишком привыкли во всем полагаться на мудрость полиции). Наше духовенство не имеет никакого значения... Наше государство только издали представляется силой. В действительности его сила—кажущаяся, воображаемая. Оно не имеет корней в экономической жизни народа. Оно не воплощает в себе интересов какого-либо сословия. Оно равномерно давит все классы общества и пользуется равномерною ненавистью со стороны их всех. Они терпят государство, переносят его варварский деспотизм с полным равнодушием. Но это терпение, это равнодушие... является продуктом ошибки: общество создало себе иллюзию о силе русского государства и находится под волшебным ее влиянием». Но немного нужно, чтобы рассеять эту иллюзию. «Два-три военных поражения, одновременное восстание крестьян во многих губерниях, открытое восстание в резиденции в мирное время—и ее влияние мгновенно рассеется, и правительство увидит себя одиноким и всеми покинутым».

«Таким образом, мы и в этом отношении имеем более шансов, чем Вы (т.-е. Запад вообще и Германия в частности). У Вас государство отнюдь не мнимая сила. Оно опирается обеими ногами на капитал; оно воплощает в себе известные экономические интересы. Его поддерживает не только солдатчина и полиция (как у нас), его укрепляет весь строй буржуазных отношений... У нас... наоборот—наша общественная форма обязана своим существованием государству, государству, так сказать, висящему в воздухе, государству, которое не имеет ничего общего с существующим социальным порядком, корни которого кроются в прошедшем но не в настоящем» [1]).

Такова социально-политическая философия П. Н. Ткачева.

Если бы как-нибудь по ошибке наборщика под вышеприведенными выписками была поставлена ссылка на статью «Чего нам ждать от революции?», то едва ли сам г. Тихомиров заметил бы эту погрешность: до такой степени копия, появившаяся в свет в апреле 1884 года, похожа на оригинал, вышедший десять лет тому назад. Но увы, что значит слава первого открытия?! Г. Тихомиров ни единым словом не упоминает о своем учителе! С своей стороны автор «*Открытого письма г. Ф. Энгельсу*» не счел нужным сослаться на «*Государственность и анархию*», вышедшую еще в 1873 году и содержащую ту же самую характеристику русских общественных отношений и те же уверения в том, что русский крестьянин—«коммунист по инстинкту, по традиции». Фр. Энгельс был совершенно прав, говоря в своем ответе Ткачеву, что аргументация этого последнего построена на обычных «бакунистских фразах».

Но к чему же приводит бакунизм, потерявший веру в возможность устранить путем непосредственного влияния «несчастные черты» народного идеала и сосредоточивший свое внимание на том *счастливом* обстоятельстве, что наше *государство* «висит в воздухе» и «не имеет ничего общего с существующим социальным порядком», а «*осуществление социальной революции* не представляет никаких трудностей»? Понятно—к чему. «Если капитал у нас еще в зародыше», и «рабочим приходится бороться лишь с *политическою силою*» царизма, если народ с своей стороны «всегда готов» к восстанию, как пушкинский Онегин—к дуэли, то революционная борьба приобретает исключительно «политический» характер. А так как, кроме того, у нас нет возможности «соединить в хорошо-организованный, дисциплинированный союз забитую, невежественную массу трудящегося люда»; нет возможности создать рабочую литературу и не было бы даже пользы в ее создании, то выходит, что эту политическую борьбу должны вести вовсе не рабочие. Об этом должна позаботиться та самая «немногочисленная интеллигентская революционная партия», сила которой заключается в ее социалистических идеалах и в бессилии ее врагов. Но этому сильному чужим бессилием меньшинству, как по современным русским условиям, так и по самой сущности ее отношений ко всем прочим общественным силам,—не остается ничего другого, как создавать тайную организацию и подготовлять coup d'état в ожидании благоприятных для решительного удара обстоятельств «военных поражений» России, «одновременных бунтов в нескольких губерниях» или «восстания в резиденции». Другими словами, изверившийся в «прогресс» бакунизм самым прямым путем приводит нас к заговору с целью ниспровержения существующего правительства, захвата власти и организации социалистиче-

[1]) «Offener Brief», S.S. 4—5—6.

ского общества с помощью этой власти и «прирожденных, традиционных» склонностей русского крестьянства к коммунизму. Все это мы и видели в произведениях П. Н. Ткачева гораздо раньше, чем узрели в статье г. Тихомирова.

Но для полного знакомства с программой Ткачева, или, как говорил он, той «фракции, к которой принадлежит все, что есть в нашей революционной интеллигентной молодежи смелого, умного и энергичного»,— нужно обратиться к другим произведениям редактора «*Набата*», так как «Открытое письмо» заключает в себе лишь уверения в том, что «современный период (русской) истории самый удобный для совершения социальной революции», да указание на такие «общие черты» программы, как «прямое воззвание к народу», создание крепкой революционной организации и строгой дисциплины. Из брошюры же «Задачи революционной пропаганды в России» мы почерпаем ту оригинальную мысль, что «насильственная революция тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство сознало свои потребности, но когда оно решается, так сказать, навязать ему это сознание». Наконец, в сборнике «критических очерков П. Н. Ткачева», изданных под одним общим заглавием «Анархия мысли», мы, в главе, направленной против программы журнала «Вперед» и брошюры «Русской социально-революционной молодежи», уже прямо встречаемся со следующей альтернативой. «Необходимо выбрать одно из двух: или интеллигенция должна захватить после революции власть в свои руки, или она должна противодействовать, задерживать революцию до той блаженной минуты, когда «народный взрыв» не будет более представлять опасностей, т.-е. когда народ усвоит результаты мировой мысли, приобретет недоступные ему знания». Уже из того обстоятельства, что знания признаются «недоступными народу»—ясно, куда склоняются симпатии П. Н. Ткачева.

Организация заговора с целью захвата власти становится главною практическою задачею пропаганды газеты, а потом журнала «Набат». Параллельно с этим идет пропаганда террора и возвеличение «так называемого нечаевского заговора» на счет кружков пропагандистов. «Для нас, революционеров, не желающих долее сносить несчастий народа, не могущих долее терпеть своего позорного рабского состояния, для нас, не затуманенных метафизическими бреднями и глубоко убежденных, что русская революция, как и всякая другая революция, не может обойтись *без вешания и расстрела жандармов, прокуроров, министров, купцов, попов*, словом, не может обойтись без «насильственного переворота», для нас, материалистов-революционеров, *весь вопрос сводится к приобретению силы власти, которая теперь направлена против нас*». Эти строки, напечатанные в 1878 году [1]), когда никто и не думал еще о создании «партии Народной Воли», с достаточною ясностью показывают, где нужно искать

[1]) См. журнал «Набат», 1878 год (№ и месяц не обозначены), статью «Революционная пропаганда», стр. I.

источника тех практических идей, пропаганду которых приняла на себя эта партия. Мы думаем, поэтому, что редакция «Набата» была по своему права, когда, констатируя в 1879 году «полнейшее фиаско» хождения в народ—она с гордостью прибавляла: «Мы *первые* указали на неизбежность этого фиаско, мы *первые*... заклинали молодежь сойти с этого гибельного анти-революционного пути и снова вернуться к традициям непосредственно-революционной деятельности и боевой, централистической революционной организации (т.-е. традициям нечаевщины). И наш голос не был голосом вопиющего в пустыне»... «Боевая организация революционных сил, дезорганизация и терроризация правительственной власти—таковы были с самого начала основные требования нашей программы. И в настоящее время эти требования стали, наконец, осуществляться на практике». Увлекшись террористической деятельностью, редакция заявляет даже, что «*в настоящее время наша единственная задача*— терроризировать и дезорганизовать правительственную власть» [1]).

7. Результаты.

Ниже мы увидим, какое значение имеют сделанные мною выписки в вопросе о «наших разногласиях». Теперь же взглянем на изложенные нами программы с чисто исторической точки зрения и спросим себя— насколько удовлетворительно был ими поставлен и решен вопрос о состоянии русской общины и о способности русского народа к сознательной борьбе за свое экономическое освобождение?

Мы видели, что как М. А. Бакунин, так и П. Н. Ткачев очень много говорили о коммунистических инстинктах русского крестьянства. Ссылки на эти инстинкты составляют исходную точку их социально-политических рассуждений, главное основание их веры в возможность социалистической революции в России. Но ни автор «Государственности и анархии», ни редактор «Набата» ни мало не задумывались, повидимому над вопросом о том, потому ли существует община, что народ наш «проникнут принципами общинного землевладения», или потому он «проникнут» этими «принципами», т.-е. имеет привычку к общине, что живет в условиях коллективного владения землей? Если бы они внимательнее отнеслись к этому вопросу, ответ на который не может быть сомнительным, то им пришлось бы перенести центр тяжести своей аргументации из области рассуждений о народных «инстинктах» и идеалах в сферу исследований о народном хозяйстве. Тогда им пришлось бы обратить внимание на историю землевладения и вообще права собственности у первобытных народов, на возникновение и постепенный рост индивидуализма в общинах охотничьих, кочевых и земледельческих племен, на социально-поли-

[1]) «Набат», 1879 г., №№ 3, 4, 5, стр. 2—3.

тическое влияние этого нового «принципа», становящегося мало-по-малу господствующим. Применяя результаты такого рода исследований к России, им пришлось бы сделать оценку тех разлагающих общину условий, значение которых в особенности возрасло со времени уничтожения крепостного права. Эта оценка логически привела бы их к попытке определить силу и значение индивидуалистического принципа в хозяйстве современной сельской общины в России. Затем, так как значение этого принципа, — под влиянием враждебных коллективизму условий, — постоянно возрастает, то им нужно было бы узнать величину ускорения, приобретаемого индивидуализмом в ходе его вторжения в право и хозяйство общинников. Определивши, с возможною в таких случаях точностью, величину этого ускорения, они должны были бы перейти к изучению свойств и развития той силы, с помощью которой они думали не только предупредить торжество индивидуализма и не только восстановить сельскую общину в ее первобытном виде, но и придать ей новую, высшую форму. При этом возник бы очень важный, как мы видели, вопрос о том, явится ли эта сила продуктом внутренней жизни общины или результатом исторического развития высших сословий. Во втором из предположенных случаев, интересующая нас сила оказалась бы чисто-внешнею силою по отношению к общине, и тогда им прежде всего нужно было бы спросить себя, достаточно ли одних внешних влияний для переустройства экономической и социально-политической жизни данного класса? Покончивши с этим вопросом, пришлось бы немедленно считаться с другим, а именно—где должно искать точку приложения этой силы, в сфере ли *условий жизни* или в области *привычек мысли* нашего крестьянства? В заключение, им нужно было бы доказать, что *сила сторонников социализма увеличивается с большей быстротой, чем совершается рост индивидуализма в русской экономической жизни.* Только сделавши это обстоятельство по крайней мере *вероятным,* они могли бы доказать *вероятность* той социальной революции, которая, по их мнению, не могла встретить в России *«никаких»* затруднений.

В каждом из вышеперечисленных случаев им пришлось бы иметь дело не со статикой, а с динамикой наших общественных отношений, «брать» народ не таким, «каков он есть», а таким, каким он *становится*, рассматривать не неподвижную *картину*, а совершающийся по известным законам *процесс* русской жизни. Им пришлось бы употребить в дело то самое орудие диалектики, которое уже употреблялось Чернышевским для изучения вопроса об общине в самом абстрактном его виде.

К сожалению, ни Бакунин ни Ткачев не сумели, как мы видели, подойти с этой, наиболее важной, стороны к вопросу о шансах социальной революции в России. Они довольствовались тем убеждением, что народ наш «коммунист по инстинкту, по традиции», и если Бакунин обращал должное внимание на слабые стороны народных «традиций» и народного инстинкта, если Ткачев видел, что устранить такого рода слабые стороны можно лишь путем учреждений а не логических доводов, то

все-таки ни тот, ни другой из названных писателей не довели дело анализа до конца. Взывая к нашей интеллигенции, они ожидали социальных чудес от ее деятельности, и полагали, что ее преданность заменит народную инициативу, ее революционная энергия займет место внутреннего стремления русской общественной жизни к социалистической революции. Народное хозяйство, уклад жизни и привычки мысли нашего крестьянства рассматривались ими именно, как неподвижная картина, как законченное целое, подлежащее лишь незначительным видоизменениям вплоть до самой социальной революции. В представлении тех самых писателей, которые, конечно, не отказались бы признать современные им формы народной жизни результатом исторического развития,—история как бы «останавливала свое течение». От времени выхода в свет «Государственности и анархии» или «Открытого письма к Фр. Энгельсу» вплоть до первого или «второго дня после революции», сельская община должна была, по их мнению, остаться в своем нынешнем виде, от которого так недалек будто бы переход к социализму. Весь вопрос был в том, чтобы поскорее приняться за дело и идти по подлежащей дороге. «Мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления... Мы не можем и не хотим ждать... Пусть каждый соберет поскорее свои пожитки и спешит отправиться в путь!» писал редактор «Набата». И хотя по вопросу о направлении этого пути между Бакуниным и Ткачевым были коренные разногласия, но, во всяком случае, каждый из них был уверен, что если молодежь пойдет по указанному *им* пути, то успеет еще застать общину в состоянии желательной прочности. Хотя «каждый день приносит нам новых врагов, создает новые враждебные нам общественные формы», но эти новые формы не изменяют взаимного отношения факторов русской общественной жизни. Буржуазия продолжает отсутствовать, государство продолжает «висеть в воздухе». Погромче ударивши «в набат», поэнергичнее взявшись за революционную работу, мы успеем еще спасти «коммунистические инстинкты» русского народа и, опираясь на его привязанность к «принципам общинного землевладения», сумеем совершить социалистическую революцию. Так рассуждал П. Н. Ткачев, так же или почти так же рассуждал и автор «Государственности и анархии».

Наша молодежь читала произведения обоих писателей и, поделившись на фракции, действительно спешила взяться за дело. С первого взгляда может показаться странным, каким образом ткачевская или бакунинская программа могла найти адептов в той самой интеллигентной среде, которая воспитывалась на сочинениях Н. Г. Чернышевского и уже по одному тому должна была выработать привычку к более строгому мышлению. Но дело—в сущности—просто и объясняется отчасти влиянием того же Чернышевского.

Гегель не даром отводил в своей философии такое важное место вопросу о методе, и не даром также те из западно-европейских социалистов, которые с гордостью «ведут свою родословную», между прочим, «от Гегеля и Канта», придают гораздо бо́льшее значение *методу* исследова-

пия общественных явлений, чем данным его результатам [1]). Ошибка в результатах *непременно* будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких *частных* случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой *частной* истине. Но серьезное отношение к методологическим вопросам возможно лишь в обществе, получившем серьезное философское образование. Русское же общество никогда не могло похвастаться таким образованием. Недостаток философского развития с особенною силою сказался у нас в шестидесятых годах, когда наши «мыслящие реалисты», создавши культ естественных наук, открыли жестокое гонение на философскую «метафизику». Под влиянием этой антифилософской пропаганды, последователи Н. Г. Чернышевского не могли усвоить себе приемы его диалектического мышления, а сосредоточивали свое внимание лишь на *результатах* его исследований. В результате же этих исследований являлась, как мы знаем, уверенность в возможности непосредственного перехода нашей общины в высшую, коммунистическую форму общежития. Это убеждение страдало односторонностью уже в силу своей абстрактности, и ученики, оставшиеся верными духу, а не букве сочинений Чернышевского, конечно, не замедлили бы перейти, как я выразился выше, от алгебры к арифметике, от общих отвлеченных рассуждений о *возможных* переходах одних социальных форм в другие к подробному изучению вопроса о современном состоянии и *вероятной* будущей судьбе русской общины в частности. Так называемый «русский» социализм был бы поставлен, таким образом, на совершенно твердую почву. К сожалению, наша революционная молодежь даже и не подозревала, что у ее учителя был какой-то особенный метод мышления. Успокоившись на результатах его исследований, она видела его единомышленников во всех писателях, отстаивавших принцип общинного землевладения, и между тем как сам автор «Критики философских предубеждений» никогда не мог сойтись, например, со Щаповым [2]), наша молодежь видела в исторических трудах последнего лишь новую иллюстрацию и новые доводы в пользу мнений своего учителя. Тем менее могла она подвергать строгой критике новые революционные учения. П. Н. Ткачев и М. А. Бакунин казались ей людьми совершенно одного направления с Н. Г. Чернышевским. Ученики Гегеля не оставили камня на камне в его системе, строго держась того самого метода, который завещал им великий мыслитель. Они держались духа, а не буквы его системы. Последователи Н. Г. Чернышевского не решались даже подумать о критическом отношении к мнениям своего учителя. Строго держась каждой буквы его писаний, они утратили всякое понятие об их духе. Вследствие этого, они не сумели сохранить в чистом виде даже результатов исследований Чернышевского, и из смеси их с славянофильскими тенденциями образовали ту своеобразную теоретическую амальгаму, из которой выросло потом наше *народничество*.

[1]) «Мы далеко не так нуждаемся в голых результатах, как в *изучении*,—говорит Фр. Энгельс;—мы знаем уже со времени Гегеля, что без ведущего к ним развития—результаты не имеют никакого значения; они хуже, чем бесполезны, если на них прекращается исследование, если они не становятся посылками для дальнейшего развития».

[2]) См. книгу Аристова: «А. П. Щапов, жизнь и сочинения», С.-Петербург, стр. 89—92.

Таким образом, предшествующая социалистическая литература завещала нам несколько (не нашедших подражателей) попыток применения диалектического метода к решению важнейших вопросов русской общественной жизни, и несколько социалистических программ, из которых одна рекомендовала социалистическую пропаганду, считая русское крестьянство столь же восприимчивым к ней, как и западно-европейский пролетариат; другая—настаивала на организации всенародного бунта, а третья, не считая возможной ни пропаганду, ни организацию, указывала на захват власти революционной партией, как на исходный пункт русской социалистической революции.

Теоретическая постановка революционного вопроса не только не подвинулась вперед со времени Чернышевского, но во многих отношениях отступила назад, к полуславянофильским воззрениям Герцена. Русская революционная интеллигенция начала семидесятых годов не прибавила ни одного серьезного аргумента в пользу отрицательного решения поставленного еще Герценом вопроса о том, «должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития»?

ГЛАВА I.

Некоторые исторические справки.

I. Русский бланкизм.

Теперь прошло уже десять лет со времени появления важнейших из программ семидесятых годов. Десять лет усилий, борьбы и тяжелых, иногда, разочарований показали нашей молодежи, что организация революционного движения в крестьянстве невозможна при современных русских условиях. Бакунизм и народничество, как *революционные* учения, отжили свой век и находят теперь радушный прием лишь в *консервативно*-демократическом литературном лагере. Им предстоит или совершенно утратить свои отличительные черты и слиться с новыми, более плодотворными революционными течениями, или застыть в своем старом виде и служить опорой для политической и социальной реакции. Наши пропагандисты старой пробы также сошли теперь со сцены. Не то с теориями П. Н. Ткачева. Хотя в течение целых десяти лет «каждый день приносил нам новых врагов, создавал новые, враждебные нам общественные факторы», хотя социальная революция «встретила» за это время некоторые немаловажные «препятствия», русский бланкизм возвышает теперь свой голос с особенной силой, и, по прежнему уверенный в том, что «современный исторический период особенно благоприятен для совершения социальной револю-

ции»; он по прежнему обвиняет всех «несогласномыслящих» в умеренности и аккуратности, повторяя на новый лад свою старую погудку: «теперь или очень не скоро, быть может никогда! мы не имеем права ждать, пусть каждый соберет свои пожитки и спешит отправиться в путь», и так далее, и так далее. С этим-то окрепшим и, если можно так выразиться, помолодевшим ткачевизмом и приходится иметь дело всякому, кто хотел бы писать о «разногласиях», существующих в настоящее время в русской революционной среде. С ним тем более придется считаться при исследовании вопроса о «судьбе русского капитализма».

Я уже не один раз говорил, что статья г. Тихомирова «Чего нам ждать от революции?» представляет собою лишь новое, дополненное, хотя в то же время, во многих отношениях, ухудшенное издание социально-политических воззрений П. Н. Ткачева. Если я не ошибся в распознавании характеристических черт русского бланкизма, то литературная деятельность «партии Народной Воли» сводится к повторению на разные лады ткачевских учений. Разница лишь в том, что для Ткачева «переживаемый нами момент» относился к началу семидесятых годов, а для публицистов «партии Народной Воли» он совпадает с концом того же и началом следующего десятилетия. При полном отсутствии того, что немцы называют «историческим смыслом», русский бланкизм с большою легкостью переносит и будет переносить это понятие об особенно благоприятном для социальной революции «моменте» с одного десятилетия на другое. Оказавшись лже-пророком в восьмидесятых годах, он с достойным лучшей участи упорством возобновит свои пророчества через десять, через двадцать, через тридцать лет, и будет возобновлять их вплоть до того времени, когда рабочий класс поймет, наконец, условия своего социального освобождения и будет встречать его проповедь самым гомерическим хохотом. Для пропаганды бланкизма благоприятен каждый исторический момент, кроме момента, действительно благоприятного для социалистической революции.

Но пора точнее определить употребляемые мною выражения. Что такое бланкизм вообще? Что такое русский бланкизм?

П. Л. Лавров надеется, как мы видели что «большинство членов» группы «Освобождение Труда»—«может быть не сегодня-завтра в рядах «Народной Воли». Он утверждает, что «сам г. Плеханов совершил уже достаточно значительную эволюцию в своих политико-социальных убеждениях, чтобы мы имели основание надеяться на новые шаги с его стороны в этом же направлении». Если «партия Народной Воли» стоит, поскольку можно судить об этом по ее литературным произведениям, на точке зрения бланкизма, то выходит, что и моя «эволюция» совершается «в этом же направлении» Проповедуемый мною в настоящее время марксизм представляет собою, следовательно, лишь чистилище, через которое должна пройти моя социалистическая душа для окончательного успокоения в лоне бланкизма. Так ли это? Будет ли такого рода «эволюция» прогрессивной? Как представляется этот вопрос с точки зрения современного научного социализма?

«Бланки прежде всего политический революционер, читаем мы в одной

статье Энгельса, социалист лишь по своим чувствам, симпатизирующий народу в его страданиях, но не имеющий своей особой социалистической теории, и не предлагающий никаких определенных мер социального переустройства. В своей политической деятельности он был, главным образом, так называемым *«человеком дела»*, убежденным в том, что небольшое число хорошо организованных людей, выбравши подходящий момент и произведя революционную попытку, может увлечь народную массу одним-двумя успехами и совершить, таким образом, победоносную революцию. В царствование Луи-Филиппа он мог организовать это ядро, конечно, лишь в виде тайного общества, и тогда произошло то, что всегда происходит при заговоре. Составляющие его люди, утомившись вечной сдержанностью и напрасными обещаниями, что дело скоро дойдет до решительного удара, потеряли, наконец, всякое терпение, перестали повиноваться, и тогда оставалось одно из двух: или дать распасться заговору, или начинать революционную попытку без всякого внешнего повода. Такая попытка и была сделана (12 мая 1839 г.), и была подавлена в самом начале. Впрочем, этот заговор Бланки был единственный, который не был открыт полицией.

«Из того, что Бланки всякую революцию представлял себе в виде Handstreich небольшого революционного меньшинства, сама собою следует необходимость революционной диктатуры после удачного переворота; конечно, диктатуры не целого революционного класса, пролетариата, но небольшого числа тех, которые совершили Handstreich и которые сами еще ранее того подчинялись диктатуре одного или немногих избранных.

«Читатель видит—продолжает Энгельс,—что Бланки есть революционер старого поколения. Подобные представления о ходе революционных событий слишком уже устарели для немецкой рабочей партии, да и во Франции могут встретить сочувствие лишь со стороны наименее зрелых или наименее терпеливых рабочих».

Мы видим, таким образом, что социалисты новейшей, научной школы смотрят на бланкизм, как на устаревшую уже точку зрения. Переход из марксизма в бланкизм, конечно, не невозможен,—чего не бывает на свете?—но он ни в каком случае не будет признан ни одним из марксистов прогрессом в «политико-социальных убеждениях» кого-либо из их единомышленников. Только с точки зрения бланкиста такая «эволюция» может быть признана прогрессивной. И если почтенный редактор «Вестника Народной Воли» не изменил самым коренным образом своих воззрений на социализм школы Маркса, то его пророчество относительно группы «Освобождение Труда» должно привести всякого беспристрастного читателя в совершенное недоумение.

Мы видим, кроме того, из приведенных слов Энгельса, что ткачевское понимание «насильственной революции», как чего-то «навязанного» меньшинством большинству, есть ни что иное, как бланкизм, который можно было бы назвать самым чистопробным, если бы редактор «Набата» не вздумал доказывать, что в России социализм не нужно даже навязывать большинству, коммунистическому «по инстинкту, по традиции».

Отличительной чертою русской разновидности бланкизма является, таким образом, лишь заимствованная у Бакунина идеализация русского крестьянства. Перейдем теперь к воззрениям г. Тихомирова и посмотрим, подходят ли они под это определение или представляют собою новую разновидность «русского социализма».

2. Л. Тихомиров.

Я утверждаю, что в них нет решительно ничего нового, кроме нескольких исторических, логических и статистических ошибок.

Эти ошибки, действительно, представляют собою нечто новое, оригинальное, характеристичное лишь для миросозерцания г. Тихомирова. Ни бланкизм вообще, ни русский бланкизм в частности не играли никакой роли в их возникновении и в их своеобразной «эволюции».

Появление их вызвано причиною чисто отрицательного свойства: незнанием, которое вообще играет довольно видную роль в генезисе социально-политических понятий нашей интеллигенции, а в статье г. Тихомирова достигает совсем уже нескромных размеров.

Читателю нетрудно будет проверить справедливость нашего отзыва, если он потрудится вместе с нами над распутыванием скомканной и во многих местах оборванной нити «самобытных» рассуждений нашего автора.

Начнем с истории революционных идей в России и на Западе.

«Еще немного лет назад—говорит г. Тихомиров—социалисты, исходя из анализа общественных отношений, сделанного их учителями в капиталистических странах Европы, признавали политическую деятельность скорее вредною в интересах собственно народной массы, так как полагали, что конституция будет у нас орудием организации буржуазии, каким является в Европе. На основании этих соображений в среде наших социалистов можно было даже встретить мнение, что из двух зол—самодержавный царь для народа все-таки лучше, нежели царь конституционный. Другое направление, так называемое либеральное, имело противоположный характер» и т. д. [1]).

Русские социалисты «признавали политическую деятельность скорее вредною... исходя из анализа... сделанного их учителями в капиталистических странах Запада». О каком «анализе» говорит г. Тихомиров? Каких учителей имеет он в виду? С кого он «портреты пишет, где разговоры эти слышит»? Известно, что западно-европейская социалистическая мысль, исходя из анализа..., сделанного в капиталистических странах Европы», представляла и до сих пор представляет «два типа отношений к вопросу о политической деятельности». Последователи Прудона проповедуют политическое воздержание и советуют следовать ему вплоть «до другого дня после революции». Для них «политическая революция—цель, экономическая революция—средство». Поэтому они хотят начинать с экономического

[1]) «Вестник Народной Воли», № 2, стр. 231.

переворота, полагая, что при современных условиях политическая деятельность «скорее вредна в интересах собственно народной массы», и что конституция является лишь «орудием организации буржуазии». Другое направление «имело противоположный характер». Уже «Deutsch-Französische Jahrbücher», вышедшие в Париже в 1844 году, наметили в общих чертах *политическую* задачу рабочего класса. В 1847 году Маркс писал в своей «Misère de la philosophie»: «Не говорите, что социальное движение исключает движение политическое. Никогда не бывает политического движения, которое не было бы в то же время и социальным. Только при таком порядке вещей, при котором не будет классов и антагонизма классов, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями* [1]). В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс опять возвращаются к тому же вопросу, доказывают, что «*всякая классовая борьба есть борьба политическая*», и самым едким образом смеются над «теми истинными социалистами», по мнению которых—как и по мнению г. Тихомирова—конституция «является в Европе» лишь «орудием организации буржуазии». По мнению авторов «Манифеста», социализм, выступавший против освободительного движения буржуазии, «утрачивал свою педантическую невинность» и становился орудием *политической и социальной реакции*. Та же самая мысль повторялась затем много раз в других произведениях как самих авторов *Манифеста*, так и их последователей. Можно сказать, что почти каждый нумер каждой социал-демократической газеты каждой европейской страны воспроизводит эту мысль в том или другом виде. Карл Маркс и марксисты сделали все, чтобы выяснить свои социально-политические взгляды и показать неосновательность прудонистской «программы».

И после такой-то блестящей литературной деятельности, деятельности, открывающей собою новую эпоху в истории социалистической мысли «Европы», мы слышим, что русские социалисты отрицали целесообразность политической борьбы лишь потому, что «исходили из анализа, сделанного их учителями в капиталистических странах Запада»! Можно ли серьезно говорить теперь о каком-нибудь другом «анализе общественных отношений» Западной Европы, кроме анализа, заключающегося в сочинениях Маркса и Энгельса? Это уместно было бы лишь в историческом сочинении, трактующем об ошибках и односторонностях предшественников Маркса. Но г. Тихомиров или совсем незнаком с литературой марксизма, или понял ее так же, как г. Иванюков, «банкротство» которого было возвещено и отчасти доказано в первой книжке «Вестника». Русские социалисты говорили о вреде политической деятельности не потому, что они вообще «исходили из анализа общественных отношений» Западной Европы, а потому, что они исходили из ошибочного, мелкобуржуазного «анализа» Прудона. Но все ли они были прудонистами? Все ли они придерживались учения Бакунина, этого, так сказать, реформатора прудонизма? Кому же не

[1]) «Misère de la philosophie», стр. 177—178.

известно, что далеко не все! П. Н. Ткачев точно так же, как и решительно все западно-европейские бланкисты, исходя, впрочем, не из «анализа, сделанного в капиталистических странах Европы», а из традиций французского якобинства, жесточайшим образом нападали на принцип «политического воздержания». Разве П. Н. Ткачев не писал именно «еще много лет тому назад»? Разве его мнения не должны быть занесены в историю русской революционной мысли? Г. Тихомиров сделал бы очень рискованный шаг, решившись ответить на последний вопрос утвердительно: а что если его собственная философия действительно окажется лишь новым изданием философии Ткачева? Ведь сравнение очень легко сделать каждому читателю.

Но одни ли бакунисты и бланкисты существовали «еще немного лет тому назад» в русском революционном движении? Не было ли других направлений? Не было ли писателей, которые знали, что конституция «является в Европе»... «орудием организации» *не только* буржуазии, но и еще другого класса, интересов которого социалисты не могут игнорировать, не изменяя своему знамени? Мне кажется, что—были, и были именно в лагере противников Ткачева, который, восставая против той мысли, что политическая деятельность «скорее вредна в интересах собственно народной массы», требовал однако или всего или ничего, или захвата власти социалистами или политического застоя России. Когда на этом основании он вздумал припугнуть русских социалистов призраком капитализма и буржуазной конституции, то вот что ответил ему один известный русский писатель, обращаясь к нашей «социально-революционной молодежи»: «Вам говорят, что революция необходима для России теперь или она не осуществится никогда. Вам рисуют картину развивающейся у нас буржуазии и говорят вам, что с ее развитием борьба станет труднее, что революция будет невозможна. Очень плохо думает автор о вашей сообразительности, если думает, что вы поддадитесь на его аргументы»... «Какое основание думать, что борьба народа с буржуазией в России была бы немыслима, если бы, действительно, в России установились формы общественной жизни, подобные формам заграничной? *Разве не развитие буржуазии, именно, вызвало пролетариат к борьбе?* Разве не во всех странах Европы раздаются громко призывы к близкой социальной революции? Разве не сознает буржуазия опасность, которая грозит ей от рабочих и все приближается?.. Наша молодежь вовсе не так отрезана от мира, чтобы вовсе не знать этого положения дел, и люди, желающие уверить ее, что господство буржуазии было бы непоколебимо у нас, чересчур рассчитывают на ее недостаток знания, *рисуя ей фантастическую картину Европы*».

Ясно, что автор этих строк никоим образом не считает конституцию «орудием организации» одной только «буржуазии», каким она «является в Европе» по словам г. Тихомирова. Прав или неправ этот автор—пусть г. Тихомиров судит, как хочет, но нельзя было не упомянуть о нем, говоря о «типах отношений» нашей интеллигентной мысли» к вопросу о политической деятельности. Если цитируемый нами автор—нынешний со-

редактор г. Тихомирова, П. Л. Лавров [1])—и не признавал целесообразности политической борьбы в России, то уж ни в каком случае не потому, что «исходил» из бакунистского анализа «общественных отношений в капиталистических странах Европы». Со стороны г. Тихомирова совершенно непростительно такое невнимание к литературной деятельности его уважаемого товарища.

Впрочем, будем беспристрастны, постараемся указать смягчающие его вину обстоятельства. Чем объясняется это невнимание? Почему г. Тихомиров заносит всех русских социалистов недавнего прошлого в список бакунистов и умалчивает о литературной деятельности П. Л. Лаврова, забывает о Ткачеве уже теперь, когда «башмаков еще не износили» контрабандисты, доставлявшие «Набат» в Россию? По очень простой причине. «Ничто не ново под луною», утверждают скептики. И если эту мысль нельзя признать безусловно верною, то несомненно все-таки, что во многих программах «русского социализма» решительно «ничто не ново». А между тем, сторонникам этих программ очень приятно заявить, что их направление было первым «гласным проявлением» такого-то и такого-то «сознания». Чтобы доставить себе подобное удовольствие, остается лишь кое-что позабыть в истории русского революционного движения и кое-что прибавить к ней от себя. Тогда будет ясно, что «наша интеллигентная мысль» представляла собою какую-то заблудшую овцу, пока не появилась данная программа; но с тех пор, как авторы этой программы произнесли свое «да будет свет»—начался «величественный восход солнца», как выражается Гегель об эпохе французской революции. Надлежащая точка зрения была найдена, заблуждения были рассеяны, истина—открыта. Удивительно ли, что люди, которым приятный самообман дороже «тьмы горьких истин», соблазняются такого рода перспективой и, забывая о своих предшественниках и современниках, приписывают своей «партии» открытие таких приемов борьбы, которые часто не были не только открыты, но даже *поняты* ею правильным образом?

Г. Тихомиров увлекся именно такими шаблонными приемами исторического исследованяя. Ему хотелось показать, что хотя «в общей массе русская революционная интеллигенция», вопреки знаменитому «анализу», и «не могла отрешиться от борьбы против политического гнета», но все это, однако, «делалось только невольно и само собой. Идея действительной равноправности политического и экономического элементов в партионной программе—нашла себе ясное и громкое признание только с появлением Народовольства» [2]) (которому наш автор бьет челом и большою буквой). Чтобы доказать свое положение, г. Тихомиров и приписал всем русским социалистам взгляды, разделявшиеся только бакунистами. Так как эти последние считали политическую деятельность «скорее вредною», а народовольцы признали ее скорее полезною, то ясно, что честь первого откры-

---

[1]) См. его брошюру «Русской социально-революционной молодежи», стр. 22—24.
[2] «В. Н. В.», № 2, стр. 232.

тия пользы политической деятельности принадлежит «народовольству». Упоминать о Ткачеве было неудобно, потому что тогда обнаружилось бы, что он проповедовал именно того рода «равноправность политического и экономического элементов в партионной программе», которая «нашла ясное и громкое признанье» будто бы «только с появлением народовольства». Упоминать о литературных произведениях своего соредактора г. Тихомиров также не нашел «своевременным», так как для их критики и оценки пришлось бы стать на точку зрения, совершенно непривычную для человека, до сих пор воображающего, что нет другого «анализа общественных отношений» Западной Европы, кроме анализа, «сделанного» Прудоном и прудонистами, Бакуниным и бакунистами.

Г. Тихомиров «сделал» для возвеличения своей партии все возможное и прихватил даже немножко невозможного. Он решился, например, утверждать, что «бывшие основатели *Черного Передела*» принадлежали когда-то к числу «самых ярых противников конституции». А между тем, если бы он руководствовался в своих исторических изысканиях стремлением к истине, а не интересами «партионной политики», то он не забыл бы, что в первом же № «*Черного Передела*», в «Письме к бывшим товарищам», высказывается следующий взгляд на конституцию, далеко не соответствующий его представлению «о бывших основателях» названного органа: «*Не подумайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще против конституции, против политической свободы,*—говорит автор этого письма.—Я слишком уважаю человеческую личность, чтобы быть против политической свободы... Говорить, что идея политической свободы для народа вещь непонятная, ненужная—не резон. Она (т.-е. политическая свобода) для него такая же необходимая потребность, как и для интеллигентного. Разница в том, что эта потребность у народа срастается с другими, более насущными, основными потребностями экономического свойства. Эти-то последние должна принять в резон каждая социально-революционная партия, если она желает, чтобы политическая свобода была вполне обеспечена и гарантирована от узурпаций и искажений враждебных ей элементов».

В этих строках есть кое-какие неточности в выражениях, неправильности в определении понятий. Но заключить из них, что «основатели Черного Передела» были «противниками конституции», да еще противниками «самыми ярыми»—может лишь человек, или окончательно распростившийся с логикой, или сознательно игнорирующий факты в интересах своей «партии», или, наконец, совсем незнающий этих фактов, т.-е. незнающий той самой истории революционных идей в России, о которой он трактует «с ученым видом знатока».

Но, быть-может, основатели «Черного Передела» изменили свои взгляды на конституцию впоследствии? Посмотрим. Под редакцией этих «основателей» вышло два №№ названного органа. Мы знаем уже, какие взгляды на политическую свободу заключаются в первом №; что же находим мы во втором?

«Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение абсолютизма в России; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь—желать его продолжения», читаем мы в передовой статье этого №. «*Мы знаем цену политической свободы* и можем пожалеть лишь о том, что и русская конституция отведет ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем... Но кроме выгод, которые несомненно принесет с собою политическая свобода, *кроме задач ее завоевания*,—есть другие выгоды и задачи; и забывать о них невозможно именно в настоящее время, когда общественные отношения так заострились и когда, поэтому, нужно быть готовым ко всему».

Таким ли языком говорят «самые ярые противники конституции»?

В программе «Черного Передела» были, конечно, весьма существенные ошибки. Их было в ней не меньше, чем в программе «партии Народной Воли». Но с успехом критиковать эти ошибки можно только с точки зрения научного социализма, а вовсе не с точки зрения «народовольских» публицистов. Эти последние страдают тем же самым недостатком, каким страдали когда-то «основатели Черного Передела»—именно неумением критически отнестись к социально-политическим формам нашей народной жизни. Люди, мирящиеся с идеализацией этих форм и строящие на ней свои практические планы, обнаруживают более последовательности, умозаключая к программе «Черного Передела», чем подписываясь под программой «партии Народной Воли».

Пусть г. Тихомиров попробует доказать противное.

Впрочем, у него едва-ли хватит на это времени. Ему нужно будет раньше показать, чем отличается его революционное миросозерцание от миросозерцания П. Н. Ткачева, чем отличается социально-политическая философия статьи «Чего нам ждать от революции?» от социально-политической философии «Открытого письма к Фр. Энгельсу». Пока он не выполнит этой трудной задачи, рассуждение его об историческом значении «народовольства» будут лишены всякого значения. Читатель может признать, что *действия* «народовольцев» были героическими, а *теории* их были из рук вон плохими и, главное, совсем не новыми; другими словами, он может сказать, что народовольцы-террористы были героями, а народовольцы-писатели людьми... не стоявшими на высоте своей задачи. Этого вывода не пошатнет даже ссылка на тот факт, что «социалисты в народовольстве первый раз дорасли до значения партии, и при том партии, быть-может, наиболее сильной в стране». Если бы в этих словах не было и тени преувеличения, то и тогда из них можно было бы сделать лишь тот вывод, что бывают времена, когда, несмотря на ошибочные и незрелые теории, энергичные партии могут «дорасти» до преобладающего влияния в стране. Но и только. Умозаключать от влияния той или другой партии к безошибочности ее теорий могут лишь люди, совершенно незнакомые с историей. «Народовольство» не ново даже в том отношении,

что ход его идей далеко отстал от «хода вещей», им самим «чинимых». Мало ли было партий, непонимавших исторического значения своей деятельности, мало ли было фикций, совершенно несоответствовавших смыслу «партионных» действий? Из того, что индепенденты дорастали временно «до значения партии... быть может, наиболее сильной в стране», еще нельзя выводить, что в их религиозных учениях было более здравого смысла и логики, чем в учениях других партий. А ведь индепендентам удалось даже «захватить власть», что пока только обещают сделать русские бланкисты.

Пока наш автор станет собирать материалы для более прочного возвеличения политической философии «народовольства», мы будем иметь достаточно времени для обстоятельного изучения статьи «Чего нам ждать от революции?» и всестороннего определения миросозерцания г. Тихомирова.

Мы знаем уже, что он или сам недостаточно хорошо знаком, или не хотел давать своим читателям случай хорошо познакомиться с новейшей историей социализма вообще и «русского социализма» в частности. Перейдем теперь к его рассуждениям об истории вообще и об истории капитализма в частности.

В эти поучительные рассуждения он вдается по следующему неожиданному поводу:

«Политическая борьба,—говорит он,—сделалась таким безапелляционным выводом русской жизни, которого отрицать никто не решается. Но, не решаясь на это, некоторая часть социалистов точно также не может привести этот вывод в связь с привычными теоретическими взглядами, и в попытках отыскать ее приходит к искусственным построениям, совершенно искажающим смысл политической борьбы, предпринятой «Народной Волей».

Какая же это «некоторая часть социалистов», и что это за «привычные» их взгляды? На предыдущих страницах статьи г. Тихомирова мы прочли, что «еще немного лет назад социалисты... признавали политическую деятельность скорее вредною в интересах собственно народной массы». Мы решили тогда, что, по мнению г. Тихомирова, все русские социалисты «еще немного лет назад» были бакунистами, так как он не упомянул ни единым словом о других направлениях. Мы узнали также, что «народовольство» заметило ошибку русских социалистов и помогло им «понять характер исторического развития России». Теперь оказывается, что «некоторая часть» русских социалистов не может разделаться со своими «привычными взглядами» и приходит к выводам, «совершенно искажающим» смысл деятельности народовольцев. Очевидно, г. Тихомиров имеет в виду русских бакунистов, не успевших «понять характер развития России»? Так говорила бы логика, но не совсем так говорит наш автор.

«Исходя из мысли, что Россия должна будто бы неизбежно пройти через фазис капиталистического развития, чтобы стать способной к восприятию и осуществлению идей социализма, они (т.-е. социалисты, принадлежащие к упомянутой «некоторой части») стараются увлечь русских революционеров на путь борьбы чисто-политической, исключительно за конституцию, оставив, как невозможную фантазию, всякую мысль одновременно с переворотом политическим достигнуть в бо́льшей или меньшей степени переворота экономического».

«Какой, с божьей помощью, поворот!»—воскликнем мы словами Щедрина; но, к сожалению, этот лирический порыв не разрешит терзающих нас «проклятых вопросов». Откуда же взялась эта «некоторая часть» русских социалистов, и—что еще удивительнее—откуда взяла она свои «привычные взгляды», если «еще немного лет назад» *все* русские социалисты отрицали целесообразность политической борьбы? Каким образом люди, не придающие значения этой борьбе, могут «исходить из мысли, что Россия должна... неизбежно пройти через фазис капиталистического развития»? Эта мысль может быть верною, может быть ошибочною, но она, во всяком случае, мысль *новая*, и никаким образом не относится к «привычным» теоретическим взглядам никакой «части русских социалистов», за это ручается нам как история вопроса о капитализме в России вообще, так и историческая ссылка самого г. Тихомирова. А если эта мысль новая, то основывается она, вероятно, на каких-нибудь новых «теоретических взглядах», бывших неизвестными или несимпатичными русским социалистам «еще немного лет назад». А если в русской социалистической мысли возникло новое направление, то его следовало назвать, определить, указать его генезис, а не отделываться полунамеками на какие-то «привычные теоретические взгляды», ровно ничего не объясняющие в данном случае.

Впрочем, мы уже заметили выше, что г. Тихомиров не любит «прямых ударов» и нимало не походит на Святослава, который, ополчаясь на того или другого из своих врагов говорил ему заранее: «Иду на тя». Г. Тихомиров «идет» на своих противников без предварительного объявления войны. Это, конечно, дело его вкуса, а о вкусах, как известно, не спорят.

Недоумевая, однако, «зачем же так секретно» поступает наш автор, мы должны «своим умом» дойти до решения в высшей степени интересного для нас вопроса о новом течении в русском социализме. Мы сами отказались от многих старых, «привычных теоретических взглядов» русских социалистов, как знать, может быть, мы и сойдемся с разбираемыми г. Тихомировым новаторами. Правда, они непривлекательны в изображении г. Тихомирова, но ведь «сколько раз твердили миру», что нужно выслушивать и противную сторону!

3. Группа «Освобождение Труда».

По мнению «социалистов этой формации», стремление к экономическому перевороту «только вредно, потому что пугает либералов «красным призраком» и лишает нас их содействия при борьбе за конституцию».

Эти слова о «красном призраке» звучат чем-то знакомым. В какой статье, в какой брошюре они встречаются! Ба! Да ведь я употребил это выражение в своей брошюре «Социализм и политическая борьба», где я говорил, что народовольцы пугают наше общество красным призраком.

Что если все сказанное г. Тихомировым есть не что иное, как притча, в которой под «некоторой частью социалистов» нужно понимать группу «Освобождение Труда», а под «привычными теоретическими взглядами»—взгляды членов этой группы? Но нет, это было бы слишком уже комично.

В самом деле, разве группа «Освобождение Труда» отказывалась когда-нибудь от «всякой мысли одновременно с переворотом политическим достигнуть в *большей или меньшей степени* переворота экономического»? Какой вздор! Мы не верим только в ту своеобразную теорию, по которой дело известного *класса* может быть совершено «в бо́льшей или меньшей степени»—кружком. Мы говорим только, что если адвокат может представлять своего клиента *на суде*, то никакой Комитет—Исполнительный, Распорядительный или как бы там его ни называли—не может представлять рабочего класса в *истории;* что освобождение этого класса *должно быть его собственным делом,* и что для совершения этого дела ему нужно приобрести политическое воспитание, понять и усвоить идеи социализма. Мы думаем, что возможность экономического освобождения рабочего класса возрастает прямо-пропорционально быстроте и интенсивности этого процесса воспитания и усвоения. Наша социалистическая интеллигенция, со стороны которой было бы ребячеством даже задумываться о совершении экономического переворота собственными силами, может, однако, оказать рабочим неоценимую услугу, подготовляя их к воплощению в жизнь «общей идеи рабочего сословия». Уже в первом литературном произведении группы «Освобождение Труда», в брошюре «Социализм и политическая борьба», ясно сказано, что наша интеллигенция «должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и *экономические интересы,* равно как и взаимную связь этих интересов. Она должна позаботиться о том, чтобы еще в до-конституционный период *изменить фактические отношения русских общественных сил в пользу рабочего класса...* Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой. Подробная выработка этой программы должна быть предоставлена самим рабочим, но интеллигенция должна выяснить им главнейшие ее пункты, как, напр., *радикальный пересмотр современных аграрных отношений, податной системы и фабричного законодательства,* государственная помощь производительным ассоциациям и т. п.» [1]). Похоже ли все это на отказ от «всякой мысли одновременно с политическим переворотом достигнуть в бо́льшей или меньшей степени экономического переворота»! Надеюсь, что—нет; а так как

[1]) «Социализм и политическая борьба», стр. 73.

г. Тихомиров слишком умный человек, чтобы не понять таких простых вещей, и слишком добросовестный писатель, чтобы сознательно извращать их значение, то, очевидно, под «некоторой частью социалистов» он разумел не группу «Освобождение Труда», а под «привычными теоретическими взглядами» не взгляды, изложенные в брошюре «Социализм и политическая борьба».

По всей вероятности, и упоминание о «красном призраке» заимствовано им не из моей брошюры. Если бы это было так, то я мог бы не без основания упрекнуть г. Тихомирова в том, что он «неточно цитирует». Говоря о «красном призраке», я не рекомендовал нашим социалистам отказаться от стремления «достигнуть в бо́льшей или меньшей степени переворота экономического». Я рекомендовал им отказаться от «стремления» болтать о близости экономического переворота в то время, когда ими не сделано ничего или сделано очень мало для действительчого осуществления такого переворота и когда уверенность в его близости может основываться лишь на самой ребяческой идеализации народа. Я противопоставлял болтовню о красном призраке действительной работе на пользу экономической эмансипации рабочего класса, как в этом может убедиться всякий, кто прочтет 71 и следующие страницы моей брошюры, на которых встречается, между прочим, указание на пример немецких коммунистов 1848 года. Или г. Тихомиров обвинит самого Маркса в том, что он отказывался некогда от «всякой мысли одновременно с политическим переворотом достигнуть в бо́льшей или меньшей степени переворота экономического»? Положим, наш автор, как это видно по всему, очень плохо знаком с западно-европейской социалистической литературой, но такое вопиющее невежество было бы уже совершенно непростительно. Нет, очевидно, не мою брошюру и не мои слова о «красном призраке» имел в виду г. Тихомиров.

Но раз зашла речь об этом призраке, не мешает объяснить подробнее, по какому случаю я упомянул о нем в своей брошюре.

В конце передовой статьи № 6 «Народной Воли» мы читаем следующее обращение к нашему, так называемому, обществу:

«Мы, *действующие в интересах общества,* убеждаем это общество выйти, наконец, из малодушной апатии; мы заклинаем его возвысить голос за свои интересы, за интересы народа, за жизнь своих детей и братьев, систематически преследуемых и убиваемых» [1]).

В «Календаре Народной Воли» я прочел, что «в отношении к либералам следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановке партионных задач, *интересы наши* и их заставляют совместно действовать против правительства» [2]).

В то же время, убеждение г. Тихомирова в том, что за падением абсолютизма нас ждет «начало социалистической организации России» было

[1]) Цитирую по первому заграничному изданию.
[2]) «Календарь», 129.

не первым «гласным» проявлением надежд «партии Народной Воли». Под этим «началом социалистической организации России» разумелись не те успехи рабочей программы-минимум, которые Маркс называет первой победой экономии труда над экономией капитала, а—«социальная революция» во вкусе «Набата». Для убеждения читателей в возможности такой революции было придумано учение об особенно будто бы благоприятном для нее соотношении политического и экономического факторов на русской почве.

Наконец, агитационное влияние террористической борьбы, «предпринятой» партией Народной Воли, распространялось гораздо более на «общество», чем на «народ», в тесном смысле этого слова.

В виду всего этого, я и спрашивал себя—кого же обманывает «партия Народной Воли»: самое себя или «общество»? Каким софистом нужно быть для того, чтобы убедить «либералов», что «современная постановка партионных задач», т-е., социальная (не говорю *социалистическая*) революция во вкусе Ткачева, «заставляет их» (либералов) действовать «совместно» с народовольцами против правительства? Где водятся «либералы», до такой степени наивные, что они могли бы не заметить белых ниток этой софистики? Во всяком случае не в России. «Убеждая» наше общество «выйти, наконец, из малодушной апатии», «Народная Воля» уверяет его, вместе с тем, что, выходя из апатии и разрушая абсолютизм, оно *непосредственно* работает на пользу социальной революции. Пропаганда «Народной Воли», рассуждал я, не может иметь успеха в нашем обществе.

С другой стороны, террористическая борьба, при всей своей бесспорной важности, не имеет решительно ничего общего с «началом социалистической организации России». Что же сделано «Народной Волей» для подготовления такой организации? Создавала ли она тайные революционные кружки в народной среде? Но почему же ничего не слышно о таких кружках? Вела ли она социалистическую пропаганду в народе? Но где же созданная ею народная литература? Кроме весьма плохо редижированной «Рабочей Газеты», мы не знаем ровно ничего. Это значит, что «начало социалистической организации» России ждет партию «Народной Воли», так сказать, без всякого приглашения со стороны этой последней. А на такую любезность истории едва ли можно рассчитывать. «Народная Воля» собирается пожать то, чего не сеяла, отыскивает социальную революцию, так сказать, произрастающую в диком состоянии. Она направляет ружье в одного зайца и думает, что убивает другого. Ее *ожидания* «от революции» совсем не соответствуют тому, что *сделано* ею для этой революции. А если это так, то не пора ли согласовать выводы с посылками и понять, что террористическая борьба есть борьба за политическую свободу и ничего более? Не пора ли признать, что эта борьба велась главным образом «в интересах общества», как в этом признается № 6 «Народной Воли»? Не пора ли перестать пугать общество появлением «красного призрака» с той стороны, с которой никогда не может показаться красное знамя рабочего класса? Толки об этом логически-невозможном

появлении вредны не по одному тому, что «лишают нас содействия» либералов «при борьбе за конституцию». Они вселяют в нас ни на чем не основанную уверенность в том, что социалистическая революция «ждет нас помимо всяких усилий с нашей стороны, отвлекают наше внимание от самого важного пункта: *организации рабочего класса для борьбы с его настоящими и будущими врагами*. Таков, и только таков, был смысл сказанного мною о «красном призраке».

Во Франции, накануне войны 1870 года, были люди, которые кричали, что французские войска не «встретят препятствий» по дороге в Берлин, и очень мало думали о вооружении и продовольствии солдата. Были в ней и другие люди, которые говорили, что, не пугая никого призраком «дяди», следует заняться прежде всего организацией военных сил страны. Кто лучше понимал интересы своего отечества?

Но мое объяснение увлекло меня в сторону. Я хотел изучать Тихомировскую философию истории, а перешел к объяснениям по поводу «красного призрака».

«Некоторая часть социалистов» своей либеральной программой и своими «привычными теоретическими взглядами» должна вывести нас на истинный путь и вернуть к интересующему нас «сюжету».

Что еще говорит эта «некоторая часть», и как побивает ее г. Тихомиров?

По словам нашего автора, эта «часть» почти ограничивается в своей аргументации вышеприведенными рассуждениями о конституции и страшном призраке. Она даже не позаботилась объяснить свое «чрезмерное пристрастие к конституции». Это зловредное пристрастие «является несколько непонятным, как вообще все эти (какие это *все*?) программы— и в целом производит впечатление чего-то не договоренного, не вполне определившегося. Они однако порождаются одной общей точкой зрения, уже вполне определенной». Хорошо хоть это; какая же точка порождает «все эти программы»? т.-е., между прочим, и программу «некоторой части» социалистов? Очень плохая, потому что она «создает направление», имеющее «разлагающее влияние на революционную партию».

«Мы говорим о том направлении, которое считает историческою неизбежностью русский капитализм, и, мирясь с этим, яко бы, неизбежным фактом, утешает себя мыслью, что без прохождения через школу капитализма Россия не могла бы стать способной к осуществлению социалистического строя».

Это, положим, не ново, так как на предыдущей странице мы читали, что «некоторая часть социалистов» исходит из мысли, что «Россия должна будто бы неизбежно пройти через фазис капиталистического развития» и т. д. Общая точка зрения, «порождающая *все эти* программы», оказывается ни чем иным, как исходной точкой *одной из этих* программ. Но если это не ново и не совсем логично, то несомненно интересно. Теперь становится ясной причина «чрезмерного пристрастия к конституции» некоторой части наших социалистов. «В самом деле, для чего нам нужна

конституция? — спрашивает г. Тихомиров.—Ведь не для того же, чтобы дать буржуазии новые средства для организации и дисциплинирования рабочего класса посредством обезземеления, штрафов и зуботычин. Таким образом броситься прямо в омут головой может лишь человек, вполне преклонившийся перед неизбежностью и необходимостью капитализма в России». «Некоторая часть социалистов» преклонилась перед этой неизбежностью, и раз согрешивши, таким образом, в мыслях своих, она уже не может остановиться на наклонной плоскости греха и порока. Мало того, что она обнаруживает «пристрастие к конституции», позорное в глазах всякого правоверного бакуниста, она начинает или начнет в весьма непродолжительном времени снисходительно относиться к «обезземелению, штрафам и зуботычинам» в противоположность г. Тихомирову, который не хочет ни буржуазии, ни обезземеления, ни штрафов, ни зуботычин. Но зачем же нужны все эти ужасы «некоторой части социалистов»? Дело—ясное. «При настоящем положении России, русского капитализма, русского фабричного рабочего—пропаганда политической борьбы должна временно приводить человека, верующего в историческую необходимость капитализма—к полному отказу от социализма. Рабочий, способный к классовой диктатуре, почти не существует. Стало быть, политической власти ему не доставишь. Не гораздо ли выгоднее временно совершенно оставить социализм, как бесполезную и вредную помеху ближайшей и необходимой цели? Так рассудит человек последовательный и умеющий собой жертвовать». Теперь известно, откуда являются штрафы и зуботычины, хотя и не совсем еще очевидно—суждено ли им существовать лишь в напуганном воображении г. Тихомирова, или действительно перейти в программу «некоторой части социалистов».

Ниже мы постараемся решить этот важный вопрос, а теперь поспешим вернуться к г. Тихомирову, который вступает теперь в генеральное сражение с социалистами, убежденными в исторической неизбежности русского капитализма.

4. Л. Тихомиров в борьбе с группой «Освобождение Труда».

«Не основана ли аргументация его сторонников (т.-е., повидимому, сторонников капитализма) на целом ряде софизмов?»—спрашивает он читателя.

«Нам указывают на Францию, на Германию (а на Англию не указывают? «Некоторая часть социалистов», очевидно, слона-то и не приметила), где капитализм объединил рабочих. Стало быть—он необходим и для объединения наших. Совершенно таким же способом аргументируют сторонники рабства. Они также указывают на роль рабства в первобытной истории, где оно приучило дикого к труду, дисциплинировало аффекты человека и усилило производительность труда. Все это совершенно справедливо. Но следует ли из этого, чтобы миссионер в центральной Африке (где рабство и без того уже существует, напомню я г. Тихомирову) занялся обращением негров в рабство или чтобы педагог применил систему рабского принуждения к воспитанию детей?»

Читатель поспешит согласиться, конечно, что не «следует», и г. Тихомиров, заранее уверенный в его ответе, продолжает свою аргументацию. «История человечества идет подчас самыми невероятными путями. Мы уже не верим в десницу Божию, направляющую каждый шаг человечества и указывающую ему наиболее скорые и верные пути к прогрессу. Напротив, эти пути в истории бывали иной раз слишком кривыми и наиболее рискованными изо всех, какие можно придумать. Случалось, конечно, что исторический факт, вредный и задерживающий развитие людей одними сторонами своими—другими, напротив, служил делу прогресса. Таково было и значение рабства. Но эта школа не лучшая и не единственная. Современная педагогия доказала, что рабское принуждение—это самый худший изо всех способов приучения к труду... Точно также по вопросу о развитии крупного производства—позволительно усомниться, чтобы пути истории были в этом отношении лучшими и на-веки для всех народов единственно возможными... Совершенно верно, что в истории некоторых европейских народов капитализм, породивши массу зла и несчастий, имел однакоже одним из своих последствий нечто и хорошее, а именно создание крупного производства, посредством которого подготовил до некоторой степени (?!) почву для социализма. Но ни откуда не следует, чтобы другие страны, например, Россия, не имели для развития крупного производства других путей... Все заставляет думать, что тот способ обобществления труда, к которому был способен капитализм—один из самых худших, потому что он, действительно подготовляя во многом возможность социалистического строя, в то же время, другими своими сторонами, во многом отдаляет момент его наступления. Так, например, капитализм, наряду с механическим сплачиванием рабочих, развивает среди них конкуренцию, подрывающую их нравственное единство; точно также он стремится держать рабочих на гораздо более низком уровне развития, чем это возможно по общему состоянию культуры; точно также он прямо отучает рабочих от всякого контроля за общим ходом производства и т. д. Все эти вредные стороны капиталистического обобществления труда—не подрывают окончательно значения хороших сторон, но во всяком случае бросают в колесо истории целый ряд толстых палок, без сомнения замедляющих ее движение к социалистическому строю».

Я не без цели сделал эту огромную выписку из статьи г. Тихомирова. Именно эти страницы и показывают нам оригинальную сторону философско-исторической теории нашего автора. П. Н. Ткачев, полемизируя с Энгельсом, так сказать, головою выдавал «Запад» своему западно-европейскому противнику. «Ваши теории основаны на западных отношениях, мои—на наших русских; вы правы по-западно-европейски, я прав по-русски»—говорила каждая строка его «Открытого письма». Г. Тихомиров идет далее. С точки зрения своего «чистого» русского разума, он критикует ход западно-европейского развития, производит целое следствие о

«ряде толстых палок», брошенных «в колесо истории» и «без сомнения замедляющих ее движение к социалистическому строю». Он держится, повидимому, того убеждения, что истории свойственно самостоятельное движение в направлении «к социалистическому строю», совершенно независимое от отношений, созданных тем или другим ее периодом, в данном случае периодом капитализма. Роль последнего в этом «движении истории»—второстепенная и даже довольно сомнительная. «Действительно подготовляя во многом возможность социалистического строя», капитализм «в то же время другими своими сторонами отдаляет момент его наступления». Но что же сообщает истории это «движение»? Ведь г. Тихомиров «не верит уже в десницу божию», которая с успехом могла бы разрешить роковой для его философии истории вопрос о «первом толчке». Как жаль, что эта оригинальная теория «производит впечатление чего-то недоговоренного, не вполне определившегося».

Ах, уж этот г. Тихомиров! Любит же он, как видно, потолковать о материях важных! Шутка ли, в самом деле, это убеждение в том, что «история идет подчас самыми невероятными путями», эта уверенность в том, что эти «пути бывали иной раз слишком кривыми и наиболее рискованными из всех, какие *можно придумать*»! Он наверное скоро «придумает», если уже не «придумал», и для «Запада» другой путь к социализму, менее кривой и рискованный, чем путь, по которому шли эти страны, родившие Ньютона, Гегеля, Дарвина, Маркса, но, к сожалению, слишком легкомысленно удалившиеся от Святой Руси и ее самобытных теорий. Г. Тихомиров не спроста, очевидно, заявляет, что «позволительно усомниться, чтобы пути истории были в этом отношении (т.-е. в отношении перехода к социализму) лучшими» и т. д. Не смущайтесь скромностью этого сомнения! Г. Тихомиров касается здесь знаменитого вопроса о том, лучший ли наш мир из всех, какие можно придумать», или он страдает некоторою «рискованностью»? Нельзя не пожалеть о том, что наш автор ограничивает свои исследования de optimo mundo одной областью истории. Он наверное привел бы своих читателей к благодетельному сомнению в том, что ход развития нашей планеты был самым лучшим из всех, «какие можно придумать». Интересно было бы знать—жив ли еще maître Pangloss, бывший преподаватель метафизико-теологико-космоло-нигологии в вестфальском замке Тундер-тен-Тронк? Почтенный доктор был, как известно, оптимистом и не без успеха доказывал, что «пути истории» были лучшими «из всех, какие можно придумать». На знаменитый вопрос о том—не могла ли история римской культуры обойтись без насилия, испытанного целомудренной Лукрецией, он ответил бы, конечно, отрицательно. Г. Тихомиров—скептик и сочтет «позволительным усомниться» в правильности панглоссовского решения этого вопроса. Подвиг Секста наверное кажется ему «рискованным» и самым худшим из всех, «какие можно придумать». Такое разногласие могло бы подать повод к весьма назидательным для потомства философским прениям.

Для нас, очень мало интересующихся *возможной* историей *возможного* Запада *возможной* Европы и совсем уже равнодушных к тем историческим «путям», какие «мог бы придумать» тот или другой досужий метафизик—для нас важно здесь то обстоятельство, что г. Тихомиров не понял смысла и значения одного из важнейших периодов *действительной* истории *действительного* Запада *действительной* Европы. Сделанная им оценка капитализма не удовлетворила бы даже самых крайних славянофилов, давно уже предавших своей *восточной* анафеме всю *западную* историю. Эта оценка полна самых вопиющих логических противоречий. На одной странице статьи «Чего нам ждать от революции?» мы читаем о «могучей культуре Европы», культуре, которая «дает тысячи средств возбудить любознательность дикаря, развить его потребности, наэлектризовать его нравственно» и т. д., а на следующей,—нас, русских дикарей, «наэлектризованных нравственно» этими строками, тотчас же погружают в холодную воду вышеупомянутого скептицизма. Оказывается, что «капитализм, породивши массу зла и несчастий, имел однако же одним из своих следствий *нечто и хорошее*, а именно создание крупного производства, посредством которого подготовил *до некоторой степени* почву для социализма». Все «заставляет» г. Тихомирова думать, что тот способ обобществления труда, к которому был способен капитализм—один из самых худших, и т. д. [Словом, г. Тихомиров стоит перед вопросом об исторической роли капитализма в таком же недоумении, в каком стоял известный генерал перед вопросом о шарообразности земли:

> Говорят, земля шарообразна,
> Готов я это допустить,
> Хоть, признаюсь, что как-то безобразно,
> Что должен я на шаре жить...] [1]).

Под влиянием этой скептической философии у нас возникает масса «нерешенных вопросов». Мы спрашиваем себя—существовала ли «могучая культура Европы» в докапиталистический период, и если нет, то не капитализму ли она обязана своим возникновением, а если—да, то почему г. Тихомиров мимоходом только упоминает о крупном производстве, приписывая ему лишь «механическое сплачивание рабочих»? Если египетский фараон Хеопс для постройки своей пирамиды «механически сплачивал» сотни тысяч рабочих, то похожа ли его роль в истории Египта на роль капитализма в истории Запада? Нам кажется, что разница лишь количественная: положим, Хеопсу удалось «механически сплотить» гораздо меньше рабочих, но зато он наверное «породил» меньшую «массу зла и несчастий». Как думает об этом г. Тихомиров? Точно также и римские латифундии, своим «механическим сплачиванием» закованных в цепи рабочих, «породивши массу зла и несчастий», вероятно, «подготовили до некоторой сте-

[1]) Строки, стоящие в скобках, были выпущены мною в первом издании по совету В. И. Засулич, которая находила их слишком резкими. Теперь можно надеяться, что их резкость ничему не повредит, и я восстановляю их здесь. *Г. П.*

пени почву» для перехода античного общества к социализму? Что скажет нам тот же г. Тихомиров? В его статье мы не находим ответа на эти вопросы, и

Die Brust voll Wehmuth
Das Haupt voll Zweifel,

мы поневоле обращаемся к западным писателям. Не разрешат ли они наших сомнений?

5. Историческая роль капитализма.

«Буржуазия (а следовательно, и капитализм, г. Тихомиров, не так ли?) играла в истории в высшей степени революционную роль»—читаем мы в «Манифесте Коммунистической партии».

«Всюду, где она достигла господства, буржуазия разрушила все старые, патриархально-идиллические отношения. Она безжалостно разорвала пестрые феодальные нити, связывавшие человека с его повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». Въ холодной воде эгоистическаго расчета потопила она порывы набожной мечтательности, рыцарскаго воодушевления и мещанской сантиментальности...

«Буржуазия разоблачила ту ленивую неподвижность, которая составляла естественное дополнение грубого средневекового проявления силы, до сих пор восхищающего реакционеров. Только она показала, какие плоды может приносить человеческая деятельность. Чудеса ее искусства существенно отличаются от египетских пирамид, римских водопроводов и готических соборов, ее завоевания не имеют ничего общего с переселениями народов и крестовыми походами.

«Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства, в его организации, а следовательно, во всех общественных отношениях. Неизменное сохранение старых способов производства было, напротив, первым условием существования всех предшествовавших ей промышленных классов. Постоянные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечное движение и вечная неуверенность—отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все прочные, окаменелые отношения, с соответствующими им, исстари установившимися воззрениями и представлениями,—разрушаются, все вновь образовавшиеся оказываются устарелыми прежде, чем успевают окостенеть. Все сословное и неподвижное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свои взаимные отношения и свое жизненное положение.

«Своей эксплоатацией всемирного рынка буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран. К великому огорчению реакционеров она лишила промышленность национальной

почвы. Старые национальные отрасли производства уничтожены или уничтожаются с каждым днем Они вытесняются новыми отраслями промышленности, введение которых является вопросом жизни для всех цивилизованных наций, теми отраслями промышленности, которые обрабатывают не местные только сырые продукты, но произведение самых отдаленных стран. В свою очередь, фабричные продукты этой новой промышленности потребляются не только внутри страны, но и во всех частях света. Прежние, удовлетворявшиеся с помощью местных продуктов, потребности заменились новыми, для удовлетворения которых необходимы произведения отдаленнейших стран и разнообразнейших климатов. Прежняя национальная замкнутость и самодовольство уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов. Этот всесторонний обмен распространяется также и на произведения умственного труда. Плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все более и более невозможными, и из многих национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

«Быстрым усовершенствованием орудий производства и бесконечно облегченными средствами сообщения буржуазия толкает на путь цивилизации все, даже самые варварские народы. Низкие цены товаров являются в ее руках тою тяжелой артиллерией, с помощью которой разрушает она все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Она заставляет все нации принять буржуазные способы производства, под угрозой полного их разорения; она заставляет их усвоить так называемую цивилизацию, т.-е. сделаться буржуа. Словом, она творит новый мир, по своему образу и подобию.

«Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вызвала к жизни огромные города, в высокой степени увеличила городское население, сравнительно с сельским, и вырвала, таким образом, значительную часть жителей страны из отупляющей обстановки деревни. И рядом с этим подчинением деревни городу, она поставила варварские и полуварварские страны в зависимость от цивилизованных, крестьянские народы—от народов буржуазных, Восток—от Запада.

«Менее чем во сто лет своего господства, буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Подчинение человеку сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, эксплоатация целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, как бы из земли выросшие населения... в каком из предшествующих поколений могли предполагать, что подобные производительные силы таятся в недрах общественного труда?»

Так понимают значение капитализма «революционеры по логике и чувству», Карл Маркс и Фр. Энгельс. А как понимают его умные и образованные *консерваторы?*

Почти так же. «Акционерные предприятия (высшая фаза развития капитализма, не так ли, г. Тихомиров?)... имеют свою историческую миссию—читаем мы в одном из писем Родбертуса к Р. Мейеру,—они должны дополнить дело рук божиих, прорыть перешейки там, где всемогущий забыл или считал несвоевременным сделать это, соединить под морским дном или через морскую поверхность страны, разъединенные морем, пробуравить высокие горы и т. д., и т. д. Пирамиды и финикийские каменные постройки не могут идти в сравнение с тем, что сделает еще акционерный капитал» и т. п.

Таково общее культурно-историческое значение капитализма. А каково влияние его в частности на рабочих, на их умственный склад, на их нравственные привычки?

С какими рабочими пришлось иметь дело капитализму в начале его развития? «Не трудно догадаться, каков был умственный и нравственный характер этого класса,—читаем мы у Энгельса об английских ткачах.—Отрезанные от больших городов, до такой степени отрезанные, что старые люди, жившие вблизи городов, никогда там не бывали, пока машины не лишили их дохода и не вынудили искать заработка в городах—они стояли на моралальном и интеллектуальном уровне земледельцев... они видели в своем сквайре своего естественного опекуна, они обращались к нему за советами, предоставляли на его решение свои маленькие распри и питали к нему все то уважение, которое создается такими патриархальными отношениями... Короче, тогдашние английские промышленные рабочие жили и думали так же, как это и теперь еще можно встретить кое-где в Германии [1]): отсталыми и оторванными от внешнего мира, без умственной деятельности и без сильных колебаний в их положении. Они редко умели читать и еще реже писать, аккуратно посещали церковь, не занимались политикой, не конспирировали, не мыслили, услаждались телесными упражнениями, с величайшим благоговением слушали чтение библии и прекрасно уживались с высшими классами общества, благодаря своей нетребовательности. Но, именно, поэтому они были умственно мертвы (слушайте, слушайте, г. Тихомиров!), жили лишь своими мелкими, частными интересами, своими прялками и садиками, и ничего не знали о том сильном движении, которое происходило тогда в человечестве. Им приходилась по душе их растительная жизнь, и *без промышленной революции* (т.-е. капитализма, г. Тихомиров) они никогда не вышли бы из этого романтического и чувствительного, но недостойного человека, существования. Они были не людьми, а только рабочими машинами в руках немногих аристократов, которым принадлежала до тех пор руководящая роль в истории; промышленная революция сделала только вывод из этого положения, окончательно превращая рабочих в машины и лишая их последней тени самостоятельности, но в то же время возбуждая их к умственной деятельности и завоеванию человеческого существования. Она, эта промышленная революция в Англии,

[1]) Писано в начале сороковых годов.

вырвала рабочих «из их апатии по отношению к общечеловеческим интересам» и «втолкнула их в водоворот истории» [1]).

Так говорит Энгельс, которого буржуазные экономисты обвиняют в том, что он слишком радужными красками изображал положение рабочих в до-капиталистический период и слишком мрачно описал то же положение в период капитализма. Такими обвинениями изобилует, напр., книга Бруно Гильдебранда «Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft».

Но что нам Запад, с его лжемудрецами, как сказал бы г. Аксаков, послушаем Моисея и пророков, почитаем самого Бакунина.

«Со времени Возрождения и Реформации вплоть до Революции, буржуазия (благодаря нарождающемуся капитализму, г. Тихомиров, или нет?), если не в Германии, то в Италии, Франции, Швейцарии, Англии, Голландии, была героем и представителем революционного гения истории. Из ее недр вышла бо́льшая часть свободных мыслителей XVIII века, религиозные реформаторы двух предшествующих столетий и апостолы человеческой эмансипации, включая сюда и немецких деятелей прошлого века. Она одна, опираясь, конечно, на могучую руку верившего в нее народа, сделала революцию 1789 и 1793 годов. Она провозгласила падение королевской власти и церкви, братство народов, права человека и гражданина. Вот ее права; они бессмертны!» [2])

И в виду этих-то бессмертных заслуг западно-европейского капитализма, человек Востока, г. Тихомиров, не может отказаться от своего славянофильского презрения к Западу, и, лениво позевывая, заявляет, что этот путь развития все-таки был не лучший из всех, «какие можно придумать». Во всей истории буржуазии он видит лишь «массу зла» и «механическое сплачивание рабочих». В этом «сплачивании» заключается для него все значение «крупного производства». Говоря о рабстве, он еще упоминает о вызванном им увеличении производительности труда, переходя же к капитализму, он даже не намекает на те, «как бы волшебством созданные, могущественные средства производства», которые одни только и могли подготовить победу пролетариата! О влиянии капитализма на развитие философии, общественного и частного права, философии истории, естествознания и литературы—он не имеет ни малейшего представления. А между тем это влияние не подлежит сомнению, и было время, когда русские писатели понимали влияние классовых отношений в обществе (а чем же, как не капитализмом, создано отношение классов в *современном* обществе?) на ход развития наук вообще и философской мысли в частности. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали их авторы, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ, говорит

[1]) «Die Lage der arbeitenden Klasse in England», S.S. 13—14.
[2]) «Dieu et l'Etat», Genève 1882, p.p. 92—93.

Н. Г. Чернышевский [1])... Философские системы насквозь проникнуты духом тех политических партий, к которым принадлежали авторы систем». Или г. Тихомиров полагает, что политические и философские системы эпохи капитализма ниже соответствующих систем средних веков? Или он думает, что свойственные капитализму теории были хуже тех, какие он сам может «придумать»? Пусть же в таком случае он «придумывает» их сколько угодно, пусть продолжает игнорировать историю западно-европейской культуры! В этой распре редактора «Вестника Народной Воли» с Западом, первый потеряет очень много, а последний ровно ничего.

Впрочем, не г. Тихомирова нужно считать зачинщиком этой распри. Наш автор повторяет по этому вопросу лишь сказанное в разных статьях г. В. В., который вообще склонен, как известно, суживать культурно-историческое значение западного капитализма и, наоборот, преувеличивать то же значение современной русской «власти», «не имеющей солидного противника в обществе» и потому «могущей не опасаться тех факторов прогресса, с которыми вели непрерывную войну западно-европейские правительства» [2]). Пересмотрите внимательно всю полную бесконечных повторений и потому довольно объемистую книгу о «Судьбах капитализма в России», и вы не встретите других указаний на значение капитализма, кроме указания на «обобществление труда», которое в свою очередь приравнивается к «объединению рабочих» и развитию в них тех или других, симпатичных г. В. В., чувств. И эта-то узкая и односторонняя оценка целиком перенесена г. Тихомировым в свою статью, на ней-то основывает он свои *ожидания* «от революции»! Наш автор забыл, как видно, прекрасный совет, данный Лассалем одному из своих противников: «учитесь, учитесь, но только не по журнальным статьям».

Русские писатели не довольствуются своей, до нелепости узкой, философией истории капитализма. Они подвергают эту форму производства своему анализу и, так сказать, своим умом находят свойственные ему противоречия. Но какие! Эти противоречия не разрешаются исторической диалектикой путем замены старой социальной формы новой, выросшей в недрах первой из самого, повидимому, последовательного развития, лежащего в ее основе принципа. Это не те противоречия, исторический смысл которых выражается словами Гете—

Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage.

Это противоречия, не имеющие *никакого* исторического смысла и вытекающие лишь из того отношения мелко-буржуазного наблюдателя к предмету его наблюдений, которое может быть выражено словами: «десять раз примерь,—один раз отрежь». Это своего рода эклектизм, который во всем видит хорошую и дурную сторону, одобряет первую, осуждает вторую и грешит лишь тем, что не видит никакой органической связи между «светлыми» и «затемняющими» чертами данной исторической эпохи. Капитализм мог бы сказать таким критикам словами Фейербаха: «ты осуждаешь мои недостатки, но знай, что ими обусловливаются мои достоинства». Русские писатели применяют в этом случае к историческим категориям метод Прудона, который видел задачу диалектики в указании хороших и дурных сторон каждой *экономической* категории. «Il veut être la synthèse—замечает о нем Маркс,—il est une erreur composée».

[1]) «Антропологический принцип в философии», стр. 2—3.
[2]) «Судьбы капитализма в России», предисловие, стр. 6.

Говорят, что Прудон был одно время учеником Бакунина. Не у одного ли общего учителя заимствовал он метод, общий ему со многими русскими критиками капитализма?

Блестящим представителем этого метода «сложной ошибки» может служить опять-таки тот же г. Тихомиров, который, указавши хорошую сторону капитализма—сплачивание рабочих, немедленно переходит к указанию темных его сторон. Мы видели уже, в какой степени соответствует действительности его «похвала» капитализму. Неудивительно, если и высказанное им порицание оказывается ни на чем не основанным.

«Капитализм, наряду с механическим сплачиванием рабочих, развивает среди них конкуренцию, подрывающую их нравственное единство»...

Г. Тихомирову хочется, очевидно, «придумать» такой переходный путь к социализму, который не знал бы конкуренции. Оставляя в стороне вопрос о роли конкуренции в существовании экономической категории, называемой меновой стоимостью и приводящей труды различных специалистов к одному общему знаменателю простого человеческого труда, без понятия о котором немыслимы были бы сознательные коммунистические тенденции,—обратим внимание на указанную нашим автором *дурную* сторону конкуренции. Здесь мы прежде всего заметим, что «подрывать» можно лишь то, что существует в действительности, а не в симпатиях и «ожиданиях» г. Тихомирова. Существовало ли нравственное единство рабочих в до-капиталистический период? Мы уже знаем, что нет. В самую цветущую пору цехового производства существовало «нравственное единство» рабочих одной ассоциации или—самое бо́льшее—*одной отрасли труда* в пределах весьма ограниченной местности; понятия же о рабочем, как рабочем, сознания единства всего производительного класса никогда не существовало [1]). Капитализм подорвал, разрушил, устранил «нравственное единство» патентованных *специалистов* и создал на его месте нравственное единство «*пролетариев всех стран*», что и было достигнуто им

[1]) «Хотя все рабочие, к каким бы профессиям они ни принадлежали, имеют в сущности одни интересы—говорит Симон о средневековых рабочих союзах—и потому должны были бы образовать одну всеобщую ассоциацию... но, вместо того, дух антагонизма брал верх над духом общественности и между рабочими не переставало господствовать разделение. Начало битв, в которые вступали члены различных ассоциаций, восходит ко времени возникновения самих ассоциаций... В виду этой смертельной борьбы, не имеющей никакого разумного основания, можно подумать, что слова: человек человеку—волк сказаны были философом именно в виду членов этих враждебных ассоциаций». «Etude historique et morale sur le compagnonage» par *G. Simon*, Paris 1853, pp. 43—44. Нужно сознаться, что капитализму было очень нетрудно «подорвать» такое «нравственное единство рабочих» предшествующего ему периода!

путем конкуренции. Почему же г. Тихомиров так нападает на нее? Мы видели уже, что, по его мнению, история имеет какое-то самостоятельное, абстрактное «движение к социалистическому строю»; раз дано такое «движение», можно уже безнаказанно «критиковать» все те двигатели и пружины, которые впервые привели передовое человечество «к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свои взаимные отношения и свое жизненное положение».

Капитализм «стремится держать рабочих на гораздо более низком уровне развития, чем это возможно по общему состоянию культуры».

Эта фраза кажется целиком выхваченною из протоколов Эйзенахского конгресса немецких катедер-социалистов, по мнению которых социальный вопрос сводится к вопросу о поднятии *рабочих* на более высокий «уровень развития». Но катедер-социалисты знают, чего они требуют, хотя до сих пор еще, несмотря на все свои усилия, они не решили, как достичь требуемого. Они понимают всемирно-историческое, революционное значение современного пролетариата, и хотят подорвать это значение своими паллиативами, навязать рабочим девиз Родбертуса—«monarchisch, national, sozial». Под более высоким уровнем развития они разумеют несколько более высокую и обеспеченную заработную плату и гораздо бо́льшую ограниченность, несравненно меньшую отзывчивость рабочего класса. Они знают, что «железный закон» заработной платы есть смертный приговор современному обществу и не прочь *позолотить* этот закон для отмены приговора. Они предвидят, что если дело останется в его современном положении, то скоро пролетариат возьмет *все*, и потому они всеми силами стремятся заставить его променять предстоящее ему первенство за чечевичную похлебку. Они хотят буржуазии без пролетариата. Но чего хочет г. Тихомиров? В каком из предшествующих капитализму исторических периодов рабочий класс стоял на более высоком уровне развития, чем в настоящее время? Было ли так в античном мире, в эпоху рабства, или в средние века, в эпоху крепостничества? Или г. Тихомиров сравнивает буржуазное общество с «будущим», социалистическим? Если так, то, конечно, он прав в том смысле, что общественный строй «будущей всемирно-исторической эпохи» приведет развитие человека в бо́льшее соответствие с созданными цивилизацией производительными силами. Но, не говоря уже о том, что обвинять капитализм в том, что он не социализм,—значит не понимать исторического генезиса социализма, мы заметим г. Тихомирову, что он, по обыкновению, запутался в терминологии. Социалистическое общество немыслимо, разумеется, без трудящихся, но можно наверное сказать, что в нем не будет *рабочих:* рабочий предполагает предпринимателя-капиталиста, землевладельца и т. д. совершенно так же, как раб предполагает рабовладельца, а серв—феодального господина. Изречение г. Тихомирова сводится, в таком случае, к тому удивительному положению, что современные рабочие стоят на более низком уровне развития, чем рабочие того общества, в котором совсем нет рабочих.

Или г. Тихомиров сравнивает положение рабочих в капиталистическом обществе с положением их при тех социальных отношениях, «какие можно придумать» в качестве переходных ступеней к социализму? Если так, то пусть он «придумывает» в добрый час такие отношения, мы прочтем его *выдумку* с большим интересом. Но пусть он не слишком уж сильно увлекается вымыслом, пусть не забывает он, что нужно различать *степень* культуры от ее *типа*, и что если степень материальной культуры современного пролетария очень невысока, то, тем не менее, она все-таки остается культурой самого высшего типа из всех, до сих пор существовавших. Мы не говорим уже об умственной и нравственной культуре этого класса, стоящего по своему развитию несравненно выше производительных классов всех предшествовавших периодов. Пусть г. Тихомиров обратит серьезное внимание на это развитие, которого не заменят ни первобытные формы землевладения и производства, ни строгая дисциплина, созданная тем или другим «Комитетом» в революционных организациях разночинцев.

«Точно так же» капитализм «прямо отучает рабочих от всякого контроля за общим ходом производства и т. д.».

На это неожиданное обвинение капитализм мог бы ответить русской поговоркой: «чем богат, тем и рад». Он не может приучать рабочих к контролю «за общим ходом производства» по той простой причине, что такого контроля он и сам не знает. Промышленные кризисы обусловливаются, между прочим, именно отсутствием этого контроля. Но спрашивается, мыслим-ли такой контроль вне социалистического общества? Пусть г. Тихомиров попробует доказать, что—да, тогда мы потолкуем с ним обстоятельнее. Теперь же повторим ему, что обвинять капитализм в том, что он не есть социализм,—значит обвинять историю в том, что она не начала прямо с осуществления программы «Манифеста Коммунистической партии», вместо своего «*движения* к социалистическому строю».

Многим читателям весь этот спор о значении западного капитализма может показаться совершенно излишним.—Нам интересен не Запад, а Россия, скажут они, зачем же так долго останавливаться на оценке исторического развития Запада? Пусть г. Тихомиров кое-что просмотрел, кое-что перепутал в этом вопросе. Какое отношение имеет это к нашим домашним делам?

Самое непосредственное. Г. Тихомиров «критикует» западный капитализм с совершенно определенною практическою целью выработки программы для русской социально-революционной партии. Он «ждет» известных благ «от революции», между прочим, на основании своей оценки западно-европейской истории. Верна эта оценка—основательны и его ожидания; и наоборот: обнаруживает эта оценка полное незнакомство с историей Запада и с приемами современной философско-исторической критики,—самые «ожидания» г. Тихомирова оказываются крайне легкомысленными. Поэтому я и посвятил много страниц выяснению той путаницы, которая с удобством уместилась на двух страницах (238 и 239) 2 № «Вестника». Покончивши с нею, мы можем перейти к русским вопросам.

6. Развитие капитализма на Западе.

«Не сотворяйте же себе кумира из частного предпринимательского капитала—восклицает г. Тихомиров, возвратившись из своей философско-исторической экскурсии,—тем паче, что большой еще вопрос, сумеет ли такого рода капитал сделать для России хоть то (!), что сделал для Европы. Наше современное положение значительно разнится от положения европейских стран в момент, когда они начали организовывать национальное производство на основе частного капитала. Там частный предприниматель имел перед собою громадные рынки и не имел особенно страшной для себя конкуренции. У нас совсем нет рынков, и частный предприниматель в каждом начинании встречает непосильную конкуренцию европейского и американского производства».

Все эти соображения нашего автора опять не принадлежат ему, а заимствованы у г. В. В. Но не вдаваясь, однако, в их генеалогию, посмотрим, насколько они основательны. Здесь перед нами опять вырастает трудная и неблагодарная задача распутывания самой невероятной путаницы фактов и понятий.

Прежде всего мы спросим г. Тихомирова, почему он нападает именно на «*частный*» предпринимательский капитал и ничего не упоминает о других видах того же *предпринимательского* капитала? Почему он, по выражению Родбертуса, предпочитает блондинов брюнетам? Думает ли он, что *государственный* предпринимательский капитал в руках железного канцлера лучше частного капитала в руках Бёрзига или Круппа?

Или он противопоставляет частный предпринимательский капитал—такому же капиталу рабочих ассоциаций? Но почему же он не оговорил, в таком случае, что симпатии его к предпринимательскому капиталу, не принадлежащему частным лицам, простираются лишь на одну разновидность этого капитала. Да и можно ли симпатизировать этой разновидности без новых и весьма существенных оговорок?

Германская социал-демократия требует государственного кредита для рабочих ассоциаций, но она по опыту знает, что они могут иметь успех, т.-е. не выродиться в эксплоататоров чужого труда, лишь под условием строгого контроля на основе социалистических принципов. Представительницей такого контроля могут и должны явиться рабочие социалистические партии. Таким образом, кто говорит о государственном кредите рабочим ассоциациям,—говорит об упрочении влияния рабочей партии или предлагает меру, могущую повести за собою лишь раскол в среде пролетариата и упрочение влияния буржуазии или правительства. Г. В. В. не боится этого последнего исхода, и потому он смело обращается к «существующей власти» со своими реформаторскими проектами. Г. Тихомиров принадлежит к непримиримым врагам абсолютизма, и в то же время весьма скептически относится к возможности возникновения у нас буржуазного режима и рабочей социалистической партии. Поэтому его планы создания рабочих промышленных товариществ,—планы, о которых, впрочем, мы, благодаря его запутанной терминологии, *можем лишь догадываться*,—относятся к тому более или менее далекому будущему, когда «захват власти революционерами» послужит «исходным пунктом революции». А так как нам придется еще много говорить об этом захвате и о возможных его последствиях, то мы и не будем останавливаться здесь на рассмотрении условий, при которых русские рабочие промышленные товарищества могут способствовать делу социализма. Теперь же, поставив г. Тихомирову на вид неясность и неопределенность его экономической терминологии, перейдем к его историческим противопоставлениям.

Что «наше современное положение значительно разнится от положения европейских стран в момент, когда они (оне) начали организовывать национальное производство на основе частного капитала»—эта мысль не подлежала бы сомнению, если бы была хоть сколько-нибудь сносно формулирована. Каждый школьник знает, что во всей истории нет двух фактов, совершившихся при вполне тождественной обстановке; неудивительно, поэтому, что каждый исторический период каждой страны «значительно разнится» от соответствующего периода всякой другой страны. Но, именно вследствие этого, можно a priori сказать, что шаблонное противопоставление России «Западу» теряет всякий человеческий смысл, если не сопровождается целым рядом оговорок, поправок и дополнений, так как под Западом Европы понимается не одна, а много весьма различных стран. Г. Тихомиров не видит надобности в этих дополнениях. Он противопоставляет «современное положение России» тому «*моменту*» в истории «европейских стран, когда они начали организовывать национальное производство на основе частного капитала». Но, не говоря уже о том, что нельзя «организовать национальное производство на основе частного капитала» и что полная анархия, т.-е. отсутствие какой-нибудь организации, составляет отличительную черту «национального производства» капиталистических стран; даря г. Тихомирову эти логические и терминологические промахи,—мы спросим его, точно ли в один «момент» было положено начало капиталистического производства «в европейских странах»? Не было ли, напротив, таких «моментов» ровно столько, сколько было «европейских стран», вступавших на путь капитализма? А если да, то не разнились ли «значительно» эти исторические «моменты» один от другого? Было ли похоже начало английского капитализма на начало капитализма в Германии? Поскольку нам известно, совсем непохоже, так непохоже, что в свое время и в Германии возникло мнение, будто эта страна совсем не имеет данных для развития крупной обрабатывающей промышленности и должна навсегда остаться земледельческою страною. Люди, державшиеся этого мнения, ссылались именно на то обстоятельство, что «современное» им положение Германии «значительно разнится» и т. д. Что скажет нам г. Тихомиров об этом вопросе вообще и об этих лжепророках в частности?

В брошюре «Социализм и политическая борьба» я говорил о тех русских писателях, которые оказываются приверженцами географической

николы, основанной еврейским мальчиком в рассказе Вейнберга. «Русские самобытные писатели—говорил я—сделали лишь одно нововведение в остроумной географической классификации бедного школьника: они подразделили «за-границу» на Восток и Запад и, недолго думая, принялись сравнивать этот последний с Россией, игравшей при этом роль какой-то Срединной Империи». Когда я писал эти строки, мне и в голову не приходило, что такого рода нелепости могут быть повторены на страницах органа, редактируемого, между прочим, П. Л. Лавровым. Теперь я вижу, что сам соредактор г. Лаврова оказывается последователем еврейского мальчика и валит в одну кучу какого-то «придуманного» им «момента» целый ряд в высшей степени сложных и «значительно» разнообразных исторических явлений. «Вестнику Народной Воли» суждено, как видно, во многом и во многом обмануть ожидания своих читателей!

Впрочем, у г. Тихомирова есть в этом случае смягчающее обстоятельство. Он введен был в свою ошибку убеждением в том, что в «европейских странах», в известный уже нам исторический «момент», «частный предприниматель имел перед собою громадные рынки и не имел особенно страшной для себя конкуренции», между тем как «у нас совсем почти нет рынков». Если бы это было справедливо, то его противопоставление России Западу имело бы достаточное основание. Как бы ни были различны условия, при которых нарождался капитализм в каждой из «европейских стран», но между ними была бы одна в высшей степени важная общая черта, не повторяющаяся в современной России: присутствие «громадных рынков» для сбыта. Это счастливое для «европейских стран» обстоятельство должно было бы придать совсем иную окраску экономической истории Запада. Вся беда в том, что г. Тихомиров, или, вернее, автор, из статей которого он почерпнул это убеждение, жестоко ошибается. В названных странах частный предприниматель вовсе не имел перед собою «громадных рынков». Буржуазия *создала* рынки, а не застала их *готовыми*. В предшествовавший ей феодально-ремесленный период не было не только «громадных рынков», но и вообще не существовало рынков в новейшем смысле этого слова: тогда обменивался лишь избыток, остаток от собственного потребления производителя, ремесленники же работали *по заказу* для данного лица в данной местности, а не для сбыта на рынке. Кто имеет хоть малейшее понятие об экономических отношениях средних веков, тот не будет оспаривать сказанного. Точно так же всякий, «даже не обучавшийся в семинарии», поймет, что спрос, а вместе с ним и рынки могли расти лишь рядом с производством, будучи вызываемы этим последним и вызывая его в свою очередь. «Чаще всего потребности родятся прямо из производства или из порядка вещей, основанного на производстве. Всемирная торговля зиждется почти всецело на потребностях не личностей, а производства» [1]). Современный же, действительно «громадный», всемирный рынок характеризуется именно тем,

[1]) «Misère de la philosophie», p. 16.

что на нем не потребление вызывает производство, а наоборот. «Крупная промышленность, вынуждаемая самими находящимися в ее распоряжении орудиями производить в постоянно возрастающих размерах, не может ожидать спроса, производство предшествует потреблению, предложение вынуждает спрос» [1]).

Что Западная Европа не имела «особенно страшной конкуренции» в период возникновения капитализма—это можно признать для краткости неоспоримым, хотя нередкое в то время запрещение ввоза в «европейские страны» продуктов восточной промышленности и показывает, что западные мануфактуры боялись азиатской конкуренции. Но «особенно страшными» конкурентами западно-европейских производителей были те же западно-европейские производители. Это перестанет казаться парадоксом, когда мы припомним, что капитализм начал развиваться в различных «европейских странах» далеко не в один и тот же «момент», как это думает г. Тихомиров. Когда развитие промышленности доходило в одной из этих стран до известной степени интенсивности, когда представители капитала достигали такой силы и такого влияния, что могли делать законодательство орудием своих целей—оказывалось, что «частный предприниматель в каждом начинании встречает непосильную конкуренцию» со стороны соседних стран. Тогда начиналась агитация в пользу государственного вмешательства. История XVII столетия с его тарифами, служащими предметом дипломатических переговоров, с его коммерческими войнами, требовавшими колоссальных для того времени расходов, наглядно показывает нам, какие огромные усилия должны были делать «европейские страны» для приобретения этих, будто бы готовых, рынков. Дело шло не только о завоевании внешних рынков, но и об отстаивании рынка внутреннего. Нужно ли иллюстрировать эту, казалось бы, всем известную историю примерами? Это будет, пожалуй, нелишним, в виду невежества наших доморощенных и самобытных экономистов. Начнем с Франции.

Кольбэр «видел, что Франция получала из-за границы гораздо более товаров, чем посылала туда; что, несмотря на существование турских и лионских мануфактур, Италия продолжала доставлять шелковые изделия, золотые и серебряные ткани, золотую пряжу; что Венеция ежегодно получала от нее несколько миллионов за свои зеркала и кружева; что Англия, Голландия, Испания снабжали ее шерстяными товарами, пряностями, красками, кожами и мылом... Он видел... что большие компании и колонии, которые пытался завести Ришелье, были разорены, и что вся морская торговля Франции была еще в руках англичан и голландцев. Чтобы помешать этому вторжению во французские порты, уже Фукэ установил налог в пятьдесят су с тонны товаров, привезенных на иностранных судах, и постоянные жалобы голландцев доказывали Кольбэру, что его предшественник нанес им чувствительный удар. Таково было положение. Кольбэр задался целью изменить его в пользу Франции, освободить нацию от

[1]) Ibid., p. 48.

всякого коммерческого рабства и поднять ее путем развития промышленности до уровня наиболее цветущих наций» и т. д. [1]). Он так усердно принялся за дело, что тарифом 1667 года прямо хотел «уничтожить» голландскую торговлю. «Англичане и голландцы отвечали ему тем-же; спор о тарифе послужил поводом к войне 1672 года, и наконец Нимвегенский мир вынудил Францию восстановить тариф 1664 года» [2]).

Мы видим, что Франция вовсе не «имела перед собою» громадных рынков, ей нужно было еще завоевать их с помощью целесообразной экономической политики, дипломатических переговоров и даже оружия. Кольбэр рассчитывал только на «время и большое прилежание», благодаря которым Франция могла, по его мнению, стать «учительницей наций, дававших ей уроки».

Известно, что покровительственная и запретительная политика Франции не прекратилась с прекращением влияния Кольбэра так же точно, как она не ему обязана была первым своим возникновением. Лишь после Версальского мира французское правительство делает в 1786 году первый шаг в направлении к свободе торговли. Но эта попытка оказалась неблагоприятной для французской промышленности. По трактату с Англией 1786 года за шерстяные и хлопчато-бумажные ткани, фарфоровые, фаянсовые, глиняные и стеклянные изделия взималось лишь 12% стоимости в каждой из договорившихся стран; на металлические изделия: железные, стальные, медные и т. п. пошлина равнялась 10%; ткани из льна и конопли были обложены пошлиной по тарифу, установленному для наиболее благоприятствуемых наций; но Англия, будучи в состоянии производить все эти продукты на 30, 40, 50% дешевле, чем французские фабриканты, скоро стала хозяйничать на французском рынке. Вот почему избиратели 1789 года почти единогласно требовали более энергического покровительства французской промышленности. Правительства реставрации и июльской монархии также придерживались строго покровительственного тарифа. Для обеспечения сбыта французских товаров колониям было запрещено торговать с какою-либо другой страной, кроме метрополии. Лишь с 1860 года начинается поворот в пользу свободной торговли, но и этот поворот вызывает очень сильную оппозицию в стране, и порицается, между прочим, Прудоном. Наконец, не далее как в 1877 г., боязнь английской конкуренции вызывает со стороны протекционистов образование «Ассоциации для защиты национального труда». Тариф 1882 года представляет собою компромисс между требованиями покровительства и стремлениями к свободной торговле, обнаруживаемыми главным образом представителями коммерческого капитала [3]).

Такова история «громадных рынков», бывших в распоряжении французских капиталистов. Слышал ли о ней что-нибудь г. Тихомиров?

---

[1]) *Levasseur*, «Histoire des classes ouvrières en France», t. 2, p.p. 174—175.

[2]) См. *Henry W. Farnam*, «Die innere französische Gewerbepolitik von Colbert bis Turgot», S. 17.

[3]). См. «Histoire du commerce français» par *Ch. Périgot*, Paris 1884.

А Германия, на которую «указывает» нашему автору «некоторая часть социалистов»?

Здесь дело стояло не лучше. Здесь также «частный предприниматель в каждом своем начинании» встречал «непосильную конкуренцию» более передовых стран. Известно, что немецкий капитализм имеет сравнительно недавнее происхождение. Не только в предшествующие столетия, но даже в начале нынешнего века Германия не могла даже и думать о конкуренции с Францией или Англией. Возьмем для примера Пруссию. В 1800 году Пруссия совершенно запрещает ввоз иностранных шелковых, полушелковых и хлопчатобумажных изделий. В предшествующие 80 лет правительство на одни только шелковые фабрики в Берлине, Потсдаме, Франкфурте-на Одере и Кепенике издержало более десяти милл. талеров (из чего г. Тихомиров может с ясностью видеть, что не одно русское правительство употребляло усилия для «организации» национального производства «под началом буржуазии»). Но французские и английские изделия были настолько лучше прусских, что запрещение иностранного ввоза обходилось контрабандой, которой не могли истребить никакие строгие меры законодательства. Победы Наполеона лишают Пруссию возможности спасать свои мануфактуры за «стеною» запретительного тарифа. Вместе с вторжением французских войск начинается наплыв французских товаров в завоеванные местности. В начале декабря 1806 года завоеватели требуют пропуска всех французских товаров, с оплатой лишь невысокой таможенной пошлины, во все части Пруссии, занятые наполеоновской армией. Напрасно прусское правительство ставит им на вид, что туземная промышленность не может вынести конкуренции французских фабрикантов. Напрасно доказывает оно, что берлинские фабрики держались до тех пор лишь благодаря покровительственному тарифу, с падением которого население окончательно обнищает и фабричные рабочие пойдут по миру. Победоносные полководцы буржуазной Франции отвечают, что ввоз в страну французских товаров представляет «естественное следствие» завоевания. Таким образом, рядом с политической борьбой правительств шла экономическая борьба народов, или, вернее, тех слоев народов, в руках которых и до сих пор сосредоточиваются средства производства. Рядом с борьбой армий шла борьба фабрикантов, рядом с соперничеством полководцев шла конкуренция товаров. Французской буржуазии нужно было овладеть новым рынком, прусская—всеми силами стремилась отстоять тот, который был в ее руках, благодаря покровительственному тарифу. Где же здесь готовые «громадные рынки»? Когда, вслед за объявлением войны 1813 года, прусские промышленники избавились, наконец, от своих французских конкурентов, у них явились новые, еще более опасные противники. Падение континентальной системы открыло английским товарам доступ на европейские рынки. Огромное количество их наводнило Пруссию. Дешевизна их делала конкуренцию с ними невозможною для местных производителей, при той невысокой пошлине, какой были обложены теперь товары дружественных и нейтральных государств. Жалобы прусских фабрикантов

снова заставляют правительство ограничить ввоз в Пруссию, по крайней мере хлопчатобумажных изделий [1]). С тех пор до настоящего времени правительство Пруссии, да и всей вообще Германии, не решается отказаться от покровительственного тарифа, опасаясь «непосильной конкуренции» более передовых стран. И если русские бланкисты захватят власть еще при жизни Бисмарка, то железный канцлер не откажется, вероятно, открыть им тайну своей торговой политики и убедит наших журналистов, что «громадные рынки» не растут и никогда не расли на деревьях.

Перейдем к Америке.

«Северно-американские колонии в отношении промышленности были поставлены своей метрополией в такую полную зависимость, что в них не должны были иметь места никакие роды промышленности, кроме домашнего производства и обыкновенных ремесл. В 1750 году основанная в Массачузетсе шляпная фабрика обратила на себя такое внимание парламента и вызвала такую ревность с его стороны, что все роды фабрик (в колониях, конечно) были объявлены вредными учреждениями (common nuisances). Еще в 1770 году великий Чатам, обеспокоенный первыми попытками фабричного производства в Новой Англии, заявил, что ни один гвоздь не должен быть изготовлен в колониях». Во время войны за независимость, благодаря разрыву с Англией, «фабрики всякого рода получили сильный толчек», что, в свою очередь, повлияло на земледелие и повело к увеличению ценности земли. «Но так как после парижского мира конституция штатов мешала выработке общей торговой системы и тем открывала свободный доступ английским фабрикатам, конкуренции которых не могли вынести только что возникшие фабрики Северной Америки, то промышленное процветание страны исчезло еще скорее, чем возникло.—По совету новых теоретиков, говорил после один оратор в конгрессе об этом кризисе, мы покупали там, где могли купить всего дешевле, и наши рынки были наводнены чужими товарами. *Наши мануфактуристы были разорены*, наши купцы обанкротились, и все эти причины так вредно повлияли на земледелие, что наступило общее обесценение землевладения, а с ним и банкротство наших землевладельцев».

Мы видим отсюда, что была, в свое время, гроза и на американское производство, «непосильная конкуренция» которого угрожает теперь русскому «частному предпринимателю». Какие же громоотводы придумали американцы? Убедило ли их это в том, что их положение «значительно разнится от положения европейских стран, в момент, когда они начали организовывать национальное производство на основе частного капитала»? Отказались ли они от крупной промышленности? Ничуть не бывало. Наученные горьким опытом, они повторили лишь старую историю охранения своего внутреннего рынка от иностранной конкуренции. «Конгресс был осажден петициями ото всех штатов в пользу покровительственных мер для туземной промышленности», и уже в 1789 году был обнародован тариф, сделавший значительные уступки местным фабрикантам в этом смысле. Тариф 1804 года пошел еще далее в этом направлении, и наконец, после нескольких колебаний в противную сторону, строго покровительственный тариф 1828 года окончательно обеспечил американских производителей от английской конкуренции [1]).

[1]) «Die neuere Nationaloekonomie», von *Dr. Moritz Meyer*.

Еще раз, где же те «громадные» рынки, о которых говорит г. Тихомиров? Я совершенно согласен, что указываемый им ход развития западно-европейского капитализма должен быть признан более «прямым» и наименее «рискованным»: чем рискует «частный предприниматель», имея «перед собой громадные рынки»? Но г. Тихомиров, с своей стороны, должен согласиться, что этот ход развития «придуман» им, или, вернее, его учителем, в интересах доктрины, и не имеет ничего общего с действительной историей Запада. Дело происходило там до такой степени иначе, что Фридрих Лист устанавливает даже особый закон, по которому каждая страна может выступить на поприще борьбы на всемирном рынке,—лишь давши окрепнуть своей промышленности, путем господства на своем внутреннем рынке. По его мнению, «переход каждой нации от дикого состояния к пастушескому и от пастушеского—к земледельческому, равно как и первые шаги земледелия, лучше всего совершаются под влиянием свободной торговли». Затем, «переход земледельческих народов в класс земледельческо-мануфактурно-торговых наций мог бы лишь в том случае совершиться при свободе торговли, если бы во всех нациях, призванных к развитию мануфактурной силы, *один и тот же жизненный процесс совершался в одно и то же время*, если бы нации не ставили друг другу никаких препятствий на пути экономического развития, если бы они не мешали успехам друг друга войной и таможенными системами. Но так как нации, достигшие превосходства в мануфактурах, торговле и мореплавании, видели в этих успехах самое действительное средство для приобретения и упрочения политического влияния на другие нации—то они (т.-е. передовые нации) и стремились создать такие учреждения, которые были и до сих пор остаются рассчитанными на то, чтобы обеспечить этим нациям монополию в мануфактурах и торговле и воспрепятствовать успехам отсталых народов. Совокупность этих учреждений (запрещение ввоза и пошлины на него, ограничение судоходства, премии за вывоз и т. д.) называется таможенной системой. Под «влиянием более ранних успехов других наций, таможенной системы чужих стран и войн, более отсталые нации оказываются вынужденными искать в самих себе средств для перехода от земледельческого состояния к мануфактурному; они должны ограничить торговлю с передовыми странами,—поскольку она мешает этому переходу,—посредством собственной таможенной системы. Эта последняя оказывается, поэтому, вовсе не

[1]) См. «Das nationale System der politischen Oekonomie», von *Friedrich List*, zweite Auflage, 1842, B. I, Cap. 9. Ср. также «Geschichte der Nationaloekonomie» von *Eisenhart*, III Buch, 2 Kapitel.

выдумкой спекулятивных голов, как это утверждают некоторые, а естественным следствием стремления наций гарантировать прочность своего существования и прогресса или даже своего преобладающего влияния. Но это стремление может быть признано законным и разумным, лишь поскольку оно *не мешает* экономическому развитию обнаруживающей его нации, а *напротив способствует* ему и не противоречит более высокой цели человечества—будущей всемирной конфедерации» [1]).

Так говорил Фридрих Лист, хорошо понимавший интересы современного ему немецкого капитализма и грешивший лишь некоторою высокопарностью в определении будущих, «более высоких целей человечества», которые для буржуазии сводятся не ко «всемирной федерации», а к ожесточенной борьбе на всемирном рынке. Лист не смущался ни обвинением его взглядов в отсталости, ни указанием на невозможность для Германии приобрести сколько-нибудь счастливые шансы будущей борьбы на всемирном рынке. На первое возражение он отвечал, что он вовсе не безусловный противник свободной торговли, так как требует лишь временных для нее ограничений, и при том стоит за нее в пределах германского таможенного союза. На второе возражение он отвечал критикой самой теории рынков или, вернее, условий их завоевания. Он указывал на то обстоятельство, что отсталые страны могут и должны заключать между собою союзы для совместной борьбы против более сильных врагов, что эти отсталые страны должны озаботиться заведением собственных колоний. «Каждая промышленная нация должна стремиться к тому, чтобы вступить в непосредственный обмен со странами жаркого пояса, и если мануфактурные нации второго разряда понимают свои интересы, они должны действовать так, чтобы ни одна нация не приобретала преобладающего влияния в области колониальных владений» [2]). Возможность заведения новых колоний он подтверждал указанием на то, что до сих пор еще огромное число удобных местностей жаркого пояса не утилизировано в этом отношении европейцами.

В то время, когда Лист вел свою агитацию, очень многие сомневались в возможности возникновения в Германии крупной обрабатывающей промышленности. Теперь уже никто в этом не сомневается, а между тем предложенная им программа экономической политики и до сих пор не выполнена окончательно. Лишь теперь поднимается в Германии вопрос о заведении колоний. Действительность превзошла его ожидания. Для упрочения немецкой крупной промышленности достаточно было одной части его программы.

Теперь не только ни один скептик не спрашивает, возможна ли крупная обрабатывающая промышленность в отечестве Листа, но г. Тихомирову «указывают», между прочим, «на Германию, где капитализм объединил рабочих» и где «частный предприниматель» имел будто бы перед

[1]) «Das Nationale System» etc., S.S. 18—19.
[2]) *List* ibid., S.S. 560—561.

собою «громадные рынки». До такой степени забылись первые, трудные шаги этой страны на поприще капитализма! А много ли времени прошло с тех пор, как писал Лист? Всего полстолетия, всего в пять раз больше того периода, в течение которого русские бланкисты делают бесплодные усилия для «захвата власти». Что если бы Маркс, Энгельс и их последователи, проникшись тем убеждением, что нужно брать народ, «как он есть», и что немецким коммунистам сороковых годов нужно было, по картинному выражению г. Тихомирова, «еще только хлопотать о создании класса, во имя которого они хотели действовать», что если бы Маркс и Энгельс, говорю я, махнули рукой на «Запад» и решили, что «исходным пунктом» социальной революции в Германии должен быть «захват власти» силами тогдашнего «Союза коммунистов»? Что если бы они направили к этой цели всю свою деятельность? Далеко ли была бы теперь немецкая социал-демократия? А ведь вопрос о таком «захвате власти» вовсе не представляет собою исключительной черты русского движения. Он поднимался даже в «Союзе коммунистов» и вызвал разделение его на две фракции: Маркса-Энгельса с одной стороны и Виллиха-Шаппера—с другой.

История этого разделения так поучительна, что не мешает рассказать ее читателям.

«Со времени поражения революции 1848—1849 года, партия пролетариата на континенте лишилась всего, чем обладала она в течение этой короткой эпохи: свободы прессы, слова и права ассоциаций, т.-е. легальных средств организации партии. После 1849 года, как и перед 1848, перед пролетариатом был только один путь,—путь тайных союзов... Одна часть таких тайных союзов имела своею непосредственною целью ниспровержение существующей государственной власти. Это было уместно во Франции, где пролетариат был побежден буржуазией и где нападение на существующее правительство было равносильно нападению на буржуазию». Другая часть этих тайных обществ действовала в таких странах, как Германия, «где и буржуазия и пролетариат одновременно находились под гнетом полуфеодальных правительств, где, следовательно, победоносная борьба против существующей власти должна была не лишить буржуазию господства, а, напротив, передать его в ее руки или в руки так называемых средних сословий»,—в таких странах передовые представители пролетариата, не отказываясь от участия в предстоящей революции, видели свою ближайшую цель не в захвате власти, а в подготовке рабочей партии будущего. Такова, между прочим, была цель «Союза коммунистов», в котором главная роль принадлежала Марксу и Энгельсу. «Союз коммунистов» был, поэтому, не обществом заговорщиков, а обществом, стремившимся к тайной организации пролетариата, потому что немецкий пролетариат находился под интердиктом, был лишен *огня и воды*, печати, слова и ассоциаций». Само собою понятно, что такого рода деятельность, «которая имела в виду выработку не *правительственной, а оппозиционной партии будущего*», заключала в себе мало привлекательного для людей мало развитых и нетерпеливых, и тогда «от *Союза коммунистов* отделилась фракция, которая требовала если

не действительных заговоров, то хоть заговорщицкой внешности и прямого союза с демократическими героями дня». Мотивы разрыва, который многими приписывался личным ссорам вождей обеих фракций, следующим образом мотивировались самими участниками этих событий.

По словам Маркса, «меньшинство (фракция Виллиха и Шаппера) ставит на место критического миросозерцания—догматическое, на место материалистического—идеалистическое. Вместо действительных отношений, оно принимает свою собственную волю за главный революционный двигатель. Между тем как мы говорим рабочим: вы должны пережить еще 5, 20, 50 лет гражданской войны и народных движений, и притом не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но также и для того, чтобы перевоспитать самих себя, стать способными к господству; меньшинство говорит наоборот: мы должны теперь же достичь господства, или нам не остается ничего делать. Между тем как мы именно немецким рабочим указываем на неразвитое состояние немецкого пролетариата, вы самым плоским образом льстите национальному чувству и сословным предрассудкам немецкого ремесленника [1]), что, конечно, представляет собою гораздо более популярный прием. ...Подобно демократам, вы подставляете на место революционного развития революционные фразы» и т. д., и т. д.

С своей стороны, Шаппер так формулировал свои воззрения.

«Я действительно высказывал атакованное здесь воззрение, потому что я вообще держусь его с энтузиазмом. Весь вопрос заключается в том—мы ли начнем рубить головы, или их отрубят нам. Сначала восстанут рабочие во Франции, а затем и мы в Германии. Если бы это было не так, то мне действительно не оставалось бы ничего делать. Но если наши планы осуществятся, то мы можем принять меры, которые обеспечат господство пролетариата (как г. Тихомиров обещает принять меры, которые обеспечили бы России «народоправление», заметим мы в скобках). Я с фанатизмом держусь этого взгляда, центральный же комитет (фракции Маркса) хочет противного» и т. д.

Этот спор происходил 15 сентября 1850 г., когда произошел окончательный разрыв между названными фракциями. Каждая из них взялась за свою работу. Виллих и Шаппер стали готовиться к захвату власти, Маркс и Энгельс продолжали подготовлять «оппозиционную партию будущего». Прошло 15 лет, и эта «партия будущего» стала грозою буржуазии всех народов и стран, взгляды авторов «Коммунистического Манифеста» были усвоены десятками тысяч рабочих. А что сделали Виллих и Шаппер? Удался ли им немедленный «захват власти»? Все знают, что нет, но не все знают, что тот же «фантастический» Шаппер очень скоро должен был убедиться в несбыточности своих планов, и даже «много лет

[1]) Впрочем, едва ли даже фракция Шаппера издавала когда-нибудь воззвания, в роде известной прокламации на малорусском языке по поводу антиеврейских беспорядков, с которой редакция «Народной Воли» заявила свою полную солидарность и которая представляет собою именно самую плоскую лесть национальным предрассудкам русского народа.

спустя, умирающий, за день до своей смерти» не мог говорить о своих неудавшихся затеях без «едкой иронии» [1]).

Фракции в роде Виллих-Шапперовской представляют собою естественный результат неразвитости общественных отношений. Они появляются и могут иметь некоторый успех в период очень неразвитого состояния пролетариата и самых первых попыток его добиться своего освобождения. «Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по содержанию своему, необходимо являлась реакционной»—как говорит «Манифест Коммунистической партии». Когда, под влиянием более развитых отношений, в передовых странах вырабатывается, наконец, серьезная социалистическая литература, то она частью подвергается более или менее своеобразным переделкам в странах, считающих свою отсталость признаком «самобытности», частью дает повод к неверным истолкованиям и реакционным практическим программам. Не только в России, но также и в Польше и вообще на всем Востоке Европы, мы и теперь еще встречаем или можем встретить «социальных революционеров» во вкусе Виллиха и Шаппера [2]). Само собою разумеется, что дальнейшее развитие европейского Востока также дискредитирует их «ожидания от революции», как оно дискредитировало ожидания Виллиха-Шаппера в Германии.

ГЛАВА II.

Капитализм в России.

I. Внутренний рынок.

Мы знаем теперь, что каждая отсталая страна может, на первое время, до переполнения внутреннего рынка, устранять «непосильную конкуренцию» своих более развитых соседей путем таможенной системы. Соображение г. Тихомирова о том, что у нас совсем почти нет рынков, теряет таким образом значительную часть своего удельного веса. Для отсталых стран вопрос может быть формулирован лишь таким образом: успеет ли—

[1]) См. «Enthüllungen über den Kommunisten-Process zu Köln» von *Karl Marx* 2 издание, из которого мы заимствуем все вышеприведенные подробности.

[2]) Эти строки были написаны в то время, когда мы еще не могли выяснить себе направления «органа международной социально-революционной партии» (?) «Walka Klas». В настоящее же время, после появления трех № № этого органа, можно с уверенностью сказать, что он поставил своею главною задачей пропаганду «теорий» во вкусе Виллиха-Шаппера. Впрочем, о свойственных такому направлению теориях нужно говорить с большою осторожностью, так как, по замечанию Маркса, «Partei Schapper-Willich hat nie auf die Ehre Anspruch gemacht eigne Idee zu besitzen. Was ihr gehört ist, das eigentümliche Missverständniss fremder Ideen, die sie als Glaubensartikel fixirt und als Phrase sich angeeignet zu haben meint».

и на сколько именно успеет—западный капитализм втянуть их в свой водоворот прежде, чем уступит место высшей форме общественности? Чтобы ответить на него, нужно внимательно взвесить современное состояние каждой такой страны в отдельности. С своей стороны, мы сделаем это в следующей главе, а теперь вернемся к г. Тихомирову и посмотрим, как делает он этот анализ.

Всякий, следивший за нашими общественными течениями последнего времени, знает, конечно, что именно в сторону обеспечения внутреннего рынка и направляются усилия наших «частных предпринимателей». Это стремление встречает себе поддержку как в правительственных сферах, так и в прессе, а также и в той среде, которую не признать «интеллигенцией» можно лишь на основании своеобразной терминологии г. Тихомирова. Не мало наших профессоров и ученых группируются уже под этим знаменем. Тем не менее, дело русского капитализма кажется г. Тихомирову очень трудным, «если не вовсе безнадежным». По его мнению, «промышленность развивается туго. Она постоянно жалуется на недостаток интеллигентных и энергичных сил». Это, конечно, до некоторой степени, справедливо; но указывает ли это обстоятельство на «безнадежность стремлений русского капитализма»? Не обусловливается ли «тугое развитие» русской промышленности влиянием современного политического гнета? Что свободные учреждения составляют необходимое условие капитализма на известной стадии его развития—это давно уже известно каждому, как в «Европе», так и в России, где еще в пятидесятых годах раздавались голоса, требовавшие свободы ради успехов промышленности. Г. Тихомиров мог бы с большою для себя пользою прочитать речь покойного И. Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», произнесенную в июне 1856 г. в торжественном собрании казанского университета. Эта речь помогла бы ему понять, каким образом тот же самый капитализм, который прячется сначала под «мантию самодержца», приходит, мало-по-малу, в противоречие с интересами абсолютной монархии и начинает фрондировать, разумеется, по своему, умеренно и аккуратно. «Трудно себе представить, до какой степени дурная администрация, отсутствие безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурные учреждения действуют гибельно на бережливость, накопление, а вместе с тем и на умножение народного капитала,—говорит названный экономист.—Междоусобные войны, борьба политических партий, нашествия, мор, голод не могут иметь того гибельного влияния на народное богатство, как деспотическое и произвольное управление. Чего не перенесли благословенные страны Малой Азии, каких не испытали они переворотов, и постоянно вновь обращались в земной рай, покуда не скрутила их турецкая администрация. Что было с Францией в XVIII-м столетии, когда над земледельческим народонаселением тяготела безобразная система налогов и когда, в добавок еще, под видом последних, каждый чиновник мог смело и безнаказанно грабить? Против воров и разбойников есть управа, но что же делать с органами и служителями верховной власти, считающими свое место

доходным производством? Тут иссякает всякая энергия труда, всякая забота о будущем, об улучшении своего быта... капиталы, М. Г., и накопление их, тогда только исполнят настоящее свое назначение, *когда открыта полная и свободная стезя для их деятельности*». Напрасно г. Тихомиров ссылается на то обстоятельство, что «царствование Александра II было сплошною попыткой монархии восстановить свою прочность путем организации России под началом (?) буржуазии», как на аргумент в пользу мысли о безнадежности стремлений русского капитализма. История французской абсолютной монархии, начиная с Генриха IV, была также почти «сплошною попыткой» поддержать прочность старого государственного строя путем организации Франции «под началом буржуазии». Уже на собрании Генеральных Штатов 1614 года дворянство жалуется на это в самых недвусмысленных выражениях. Мы говорили уже выше, какие заботы прилагал министр Людовика XIV к промышленному развитию Франции. В XVIII веке, накануне революции, создается целая школа экономистов, которые проповедуют солидарность интересов капитализма и абсолютной монархии, провозглашают буржуазный принцип «Laissez faire, laissez passer» и указывают в то же время на Китай, как на образец политического устройства. Монархия всеми силами старается приспособиться к новым условиям, поскольку это возможно без отказа от абсолютной власти. На самом краю своего гроба, при открытии Генеральных Штатов 1789 года, она, устами Людовика XVI, осуждая «иллюзии», обещает удовлетворить все «разумные» требования страны. Но неумолимая логика вещей показывает неожиданным,—даже для многих и многих буржуа,—образом, что самым «разумным», хотя и не всеми сознанным, требованием страны было падение абсолютизма. Политические идеалы физиократов оказались самою несбыточною утопией. И эту невозможность сочетания абсолютизма с дальнейшим развитием буржуазии понимали очень многие современники физиократов. Укажем хоть на социалиста Мабли и его «Doutes proposées aux philosophes économistes». В его время буржуазия, как класс, не задумывалась еще о «захвате» верховной политической власти в стране; но он не говорил, подобно г. Тихомирову, что «если бы она имела достаточно силы, она сделала бы это теперь». Он знал, что бывают исторические эпохи, в которые сила и политическое сознание данного класса растут с такой же быстротой, как уровень речной воды после вскрытия льда. Он знал также, что сила каждого класса есть понятие относительное, определяющееся, между прочим, степенью падения его предшественника и уровнем развития его наследника. При неразвитости народа, французская буржуазия являлась единственным классом, способным к господству. Абсолютизм мешал дальнейшему развитию Франции под ее руководством, и потому был осужден на погибель. Буржуазия возмутилась против того самодержавия, под «мантией» которого она доросла до «крамолы». Мабли предвидел этот исход и, несмотря на свои коммунистические идеалы, сознавал, что ближайшее будущее принадлежит буржуазии.

Если бы не только общественным классам, но даже философским и политическим теориям можно было отказывать в значении и будущности на том основании, что все они развиваются некоторое время под эгидой принципа, не совместного с их дальнейшим развитием, то нам пришлось бы отрицать всю человеческую культуру и «придумывать» для нее новые, менее «рискованные пути». Разве философия не зародилась в недрах и на счет теологии? «Единство, подчинение, свобода суть те три отношения, в которые постоянно становилась философия христианской эпохи к церковной теологии»—говорит Фридрих Ибервег в своей истории философии [1]), и этот порядок взаимных отношений знания и веры может быть признан всеобщим законом, если мы, с своей стороны, прибавим, что «свобода» расчищает себе путь лишь посредством самой ожесточенной борьбы за существование. Каждый новый общественный или философский принцип зарождается в недрах—и потому на счет питательных соков—старого, ему *противоположного*. Умозаключать отсюда к «безнадежной» судьбе нового принципа, значит, не знать истории.

Наши самобытники, действительно, знают ее очень плохо. Слушая рассуждения манчестерцев о вреде государственного вмешательства и зная в то же время, что русские капиталисты очень падки на такое вмешательство, поскольку оно выражается в покровительственном тарифе, субсидиях, гарантиях и т. п., русские доморощенные социологи заключают отсюда, что путь развития нашего капитализма диаметрально противоположен ходу развития капитализма западно-европейского: на Западе буржуазия говорит только о «невмешательстве», у нас—только о субсидиях и гарантиях. Но если бы г.г. В. В. и К° не верили на слово экономистам манчестерской школы и хоть на время оторвались бы от своих «самобытных» источников, то они узнали бы, что не всегда и не везде западно-европейская буржуазия стояла за принцип невмешательства у себя дома и еще того менее стояла за него в колониях. Узнавши это, они увидели бы, что их противоположения лишаются почти всякого смысла. Известно, что коренная ошибка буржуазных экономистов манчестерской школы именно в том и заключается, что они возводят в вечные и неизменные «естественные законы» те принципы, которые имеют лишь преходящее значение. Не разделяя «ожиданий» буржуазных экономистов от будущего, многие русские самобытники убеждены, однако, в правильности их взглядов на прошлое. Они верят, что в истории Запада государственное вмешательство и правительственная поддержка никогда не были нужны западно-европейской буржуазии и ничего, кроме вреда, ей не приносили. В этом-то и состоит главный недостаток наших самобытных теорий и программ. Г. В. В. верит на слово манчестерцам и считает лишним хоть немного ознакомиться с экономической историей Европы. Г. Тихомиров верит на слово г. В. В., и в возрастании влияния интересов русской буржуазии на экономическую политику последнего двадца-

[1]) «Grundriss der Geschichte der Philosophie», III Th., S. 2.

типятилетия («царствование Александра II было сплошною попыткою» и т. д.) видит главный признак слабости и мертворожденности русского капитализма.

До г. В. В., сторонника абсолютизма и уже по одному тому злейшего реакционера, нам нет никакого дела. Но, признаемся, нас очень огорчает легковерие редактора революционного органа.

Что интересы русской буржуазии приходят теперь в непримиримое противоречие с интересами абсолютизма—это знает всякий, следивший хоть с некоторым вниманием за ходом русской жизни в последнее десятилетие [1]). Что та же самая буржуазия умеет, однако, извлекать пользу из существующего режима и потому не только поддерживает некоторые его стороны, но и целиком стоит за него в известных своих слоях—это также неудивительно. Развитие данного общественного класса есть слишком сложный процесс, чтобы по некоторым частным сторонам его можно было умозаключать обо всем его направлении. Наша буржуазия переживает теперь важную метаморфозу: у нее развились легкия, которые требуют уже чистого воздуха политического самоуправления, но в то же время у нее не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она продолжает дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма. Корни ее сидят еще в почве старого режима, но верхушка ее достигла уже развития, указывающего на необходимость и неизбежность пересадки. Кулаки до сих пор продолжают обогащаться, благодаря хищническому характеру нашего государственного хозяйства; но крупные заводчики, фабриканты, торговцы и обуржуазившиеся земледельцы понимают уже, что приобретение политических прав необходимо для их благосостояния. За это нам ручаются нередкие в последнее десятилетие петиции правительству, в одной из которых наши крупные промышленники и торговцы просили даже правительство не принимать никаких финансовых мер без совещания с представителями крупного капитала. Какова тенденция такой петиции? Не показывает ли она, что гибельное влияние абсолютизма самым наглядным и осязательным образом отражается на доходах торгово-промышленных компаний? Не говорит ли она нам, что система личного воздействия каждого отдельного предпринимателя на министров и министерства,—путем всякого рода «ходатайств», пожертвований «на патриотизм» и откровенных подкупов,— становится уже недостаточной и недействительной и потому стремится уступить место организованному и законному участию промышленного класса в управлении страною? С. С. Поляков и до сих пор может находить, что подкупленные им министры лучше ответственных, конституционных министров. Но конкуренты Его Превосходительства, побежденные им с помощью приношений и взяток, наверное, не разделяют его воззрений. Политический режим, выгодный для отдельных *личностей*, становится невыгодным для предпринимательского *класса*, в его целом.

[1]) *Примечание ко второму изданию.* Нынешнее поведение русской буржуазии доказывает, что указанное мною противоречие было в самом деле непримиримо.

Представители этого класса, конечно, не выходят на улицу, не строят баррикад, не издают даже подпольных листков. Но буржуазия вообще не любит таких «рискованных» средств. Даже и в Западной Европе она лишь в самых редких случаях первая поднимала знамя восстания; большею же частью она лишь исподволь расшатывала ненавистный ей порядок и пожинала плоды побед народа, который боролся «против врагов своих врагов». Что же касается тайной политической пропаганды, то какая же она была бы буржуазия, если бы не понимала значения разделения труда? Она предоставляет вести это дело так называемой интеллигенции, не отвлекаясь сама от задач своего материального обогащения. Она знает, что ее дело «верное» и что начатая нашей интеллигенцией политическая борьба рано или поздно очистит поле для ее господства. Разве итальянская буржуазия не предоставляла революционерам таскать из печи каштаны политического освобождения и объединения, и разве не она теперь питается этими каштанами.

А если революционеры «захватят власть» и сделают социальную революцию? В это она не верит, да скоро перестанут верить и сами революционеры. Скоро они все поймут, что если люди развертывают зонтики, когда идет дождь, то из этого еще не следует, что дождь может быть вызван развернутыми зонтиками; скоро они убедятся, что если «захват» политической власти есть неизбежное следствие развития рабочего, как и всякого другого класса, то отсюда еще никак нельзя заключить, что достаточно «революционерам из привилегированной среды» захватить власть, чтобы сделать трудящееся население России способным к совершению социалистического переворота. Скоро все наши социалисты поймут, что служить интересам народа можно лишь, организуя и подготовляя народ к *самостоятельной борьбе* за эти интересы.

Но для русской буржуазии как нельзя более выгодна уверенность некоторых наших революционеров в ее бессилии. Она и сама, пожалуй, готова повторять их песню. Она даже делает это при каждом удобном случае. Возьмем хоть вопрос о числе наших промышленных рабочих. По словам нашего автора, в России «на 100.000.000 населения приходится всего 800.000 рабочих, объединенных капиталом»; к тому же это относительно ничтожное число рабочих у нас... не возрастает, а, быть может, даже (!) совсем стоит на одной цифре». Заметивши, что—«*не возрастает*» и значит именно «*стоит на одной цифре*», проследим генезис этого убеждения.

2. Число рабочих.

Г. Тихомиров повторяет здесь слова г. В. В., которому принадлежит честь констатирования численного застоя нашего рабочего класса. Для В. В. все значение капитализма сводится к «объединению рабочих»; понятно, почему он употребил так много усилий для доказательства того положения, что число наших рабочих «стоит на одной цифре». Раз доказано это положение,—доказана и неспособность капитализма, хоть в каком-нибудь смысле, содействовать успехам русской культуры. Люди, знающие, что роль капитализма не ограничивается одним «объединением рабочих»—знают также, что констатируемый г. В. В. факт все еще ничего не доказывал бы, даже в том случае, если бы он был верен. Люди же, знакомые со статистикой современной России, знают, кроме того, что не верен и самый факт. В самом деле, как доказывает его г. В. В.? Из одной статьи «Вестника Европы» он «почерпнул следующую таблицу, касающуюся истории русских фабрик и заводов, не обложенных акцизом»:

	Число рабочих.	Число фабрик.	Сумма производ. в руб.	Производ. на 1 раб. в руб.
В 1761 г. было	7.839	200	2.122.000	
» 1804 » »	95.202	2.423	26.750.000	около 300
» 1842 » »	455.827	6.930	97.865.000	
» 1854 » »	459.637	9.444	151.985.000	» 330
» 1866 » »	393.371	16.451	342.910.000	» 870

Из этих данных г. В. В. заключает, что с 1842 года, т.-е. с тех пор, как Англия разрешила свободный вывоз машин, а главным образом с 1854 г. развитие русского производства начало следовать развитому им «закону», т.-е. что «рядом с увеличением его (капитала) оборотов идет уменьшение числа рабочих,—производство расширяется не в ширь, а в глубь» [1]). Так ли это? Не совсем.

Чтобы найти «закон» развития русского производства, нужно брать во внимание все русское производство в его целом, а не отдельные его части. Почему же г. В. В. строит свой вывод лишь на данных, относящихся к «фабрикам и заводам, не обложенным акцизом»? Этого не знаем ни мы ни, вероятно, г. Тихомиров, повторяющий чужие слова без надлежащей критики. А, между тем, пока этот вопрос остается без ответа, найденный г. В. В. «закон» будет стоять лишь на одной ноге. В истории западно-европейского капитализма можно найти не мало примеров «расширения производства не в ширь, а в глубь». Во Франции, по словам Мородэ-Жоннеса, общая сумма стоимости продуктов шерстяного производства возросла в период времени от 1811 до 1850 г.г. на 74%, количество употребляемых в нем станков увеличилось почти вдвое, число же занятых им рабочих «уменьшилось на 15.000» [2]). Доказывает ли это, что число французских рабочих, начиная с 1811 года, «стоит на одной цифре» или даже уменьшается? Нисколько; убыль их в одной отрасли производства возмещается прибылью в других; в четыре десятилетия, предшествующие 1850 году, капитализм, несомненно, вовлек в свой водоворот огромную массу рабочих, хотя, конечно, не доставил им обеспеченного заработка, как в этом хотят уверить читающую публику буржуазные экономисты. Г. В. В. нужно было доказать, что подобное же

[1]) См. «Судьбы капитализма в России», стр. 26—27.
[2]) «Statistique de l'industrie de la France», p. 34.

явление не имело места в России, тем более, что именно с сороковых годов у нас получили быстрое развитие некоторые производства, обложенные акцизом.

Сделал ли он это? Он не мог этого сделать, потому что приводимые им цифровые данныя не годятся ни для каких серьезных выводов; цифры, относящиеся, например, к 1842 году просто-на-просто несоизмеримы с цифрами, относящимися ко второй половине шестидесятых годов: они собирались различными учреждениями, при помощи различных приемов и потому имеют неодинаковую степень достоверности. До 1866 года в основании статистических исчислений лежали преимущественно сведения Министерства Финансов, доставляемые самими фабрикантами и большею частью очень неточные. До 1861 года, заводы, обложенные акцизом, вовсе не входили в счет. И, наконец, только в 1866 году, благодаря стараниям центрального статистического комитета, получаются уже более точные цифры. Г. В. В. поступил бы осторожнее, если бы совсем не строил никаких законов на шатком основании такой «статистики». Но, не говоря уже об этом, приводимые им цифры не сходятся с данными центрального статистического комитета, т.-е. единственными данными, заслуживающими хоть некоторого доверия. По сведениям этого комитета, общая цифра рабочих, занятых «мануфактурной промышленностью» в Европейской России (не считая Царства Польского и Финляндии), равнялась 829.573. По различным же группам производства она распределялась следующим образом:

	Рабочих.
По обработке волокн. веществ	294.866
» дерева	14.639
» животных продуктов	38.757
» минеральных продуктов	49.332
» металлов	128.058
» химических произв.	13.728
» табаку	26.116
» питательных продуктов	262.026
» разных производств	3.052 [1]

«О чем поют эти цифры»—спросим мы словами г. В. В.? Прежде всего о том, что даже в производствах, не обложенных акцизом, число рабочих было в 1866 г. гораздо выше той цифры, которая должна была свидетельствовать в пользу его «закона».

Но и эти цифры неточны, и они ниже действительности. В прибавлении к главе о мануфактурной промышленности г.г. издатели «Военно-статистического Сборника» сознаются, что «в указателе к выставке (1870 года) и в атласе Тимирязева» они «встретили много фабрик и заводов, которых не оказывалось в прежних источниках». Страницы 913—914 «Сборника», напечатанные мелким, крайне убористым шрифтом, целиком заняты перечислением таких фабрик. В этом новом списке упоминаются лишь такие предприятия, производство которых не ниже 25.000 рублей, бо́льшая же часть его говорит о фабриках, производство которых превышает 100.000 р. с. Но и атлас г. Тимирязева был неполон. По заявлению г. Скальковского, основанному на словах «многих фабрикантов», помещенные в этом атласе цифры «оказываются все-таки далекими от истины», даже после поправок, сделанных в них г.г. Алафузовым и Александровым [1]).

[1]) См. «Военно-статистический Сборник», выпуск IV, Россия, СПБ. 1871 г., стр. 322—325.

И это совершенно понятно. Именно с 1842 года, т.-е. со времени разрешения свободного вывоза машин из Англии, многие «не обложенные акцизом отрасли нашего производства получили сильное развитие и «в ширь» и «в глубь». С этих пор, например, только и начинают развиваться наши бумагопрядильни. Этому развитию «отчасти содействовало и то, что в 1841 году... у нас была возвышена пошлина на привозную пряжу». И хотя пошлина эта была отменена в 1850 году, тем не менее успех русского бумагопрядения был уже обеспечен, собственная пряжа стала все более и более вытеснять привозную. Какой переворот произошел в нашей бумажной фабрикации в какие-нибудь сорок лет, о том можно судить из следующих цифр:

В 1824—1825 г.г. было привезено		74.268 п. сырца
		2.400.000 » пряжи
» 1844 г.	» »	590.000 » сырца
		600.000 » пряжи
» 1867 г.	» »	3.394.000 » сырца
		186.804 » пряжи

А что этот «переворот» вызван был расширением нашей капиталистической промышленности после 1842 г., между прочим, и «в ширь», видно из того обстоятельства, что многие ткацкие, бумажные и другие фабрики датируют у нас с очень недавнего времени. «Развитие бумагопрядения отразилось и в дальнейшей обработке бумажной пряжи. Ткацкие крестьянские станки из тесных изб мало-по-малу начали переходить в просторные светелки с 10 и более станами, на которых *работали*, кроме хозяина, и *наемные люди*. ...Наконец, получили совершенно новый вид белильное, красильное и набивное производство. *Из домашних и ремесленных заведений по этим частям образовались настоящие фабрики*, из которых некоторые в короткое время сравнялись с заграничными» [2]). В «одном из наименее промышленных уездов Московской губернии», именно—Клинском, по словам г. Эрисмана, «наибольшее число существующих теперь мелких ткацких фабрик было основано в конце 60-х и начале 70-х годов. Бумагопрядильня Балина и Макарова (432 рабочих обоего пола) была основана в 1840 году; самоткацкая бумажная фабрика Каулена, Капустина и Красногорова (776 чел. обоего пола)—в 1849 году; шелкоткацкая и ковровая фабрика Фландена (275 раб.)—в 1856 году;

[1]) См. «Стенографический очерк заседаний 3-го отделения первого всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков» и т. д., стр. 37.

[2]) «Военно-статистич. Сборн.», выпуск IV, стр. 378.

самоткацкая бумажная фабрика Кашаева (от 500 до 700 руб.)—в 1864 году. Спичечное производство получило свое начало в 1863 году устройством первого завода Захарова (на 2 его зав. 90 чел.; на зав. Штрама 60). Приблизительно в то же время значительно расширилась начавшаяся уже выделка опоек устройством нескольких новых заводов в Стешине. Что касается развития фабричной промышленности в уезде в течение 70-х годов, то о ней можно судить по следующим цифрам, показывающим число *тех из осмотренных нами* фабрик и заводов, которые заведомо устроены *после 1871 года:*

Ткацких фабрик	16
Отбельных и красильных заведений	3
Красильных заведений	3
Кожевенных заводов	3
Зеркальных заведений	6
Сандальная мельница	1
Бахромное заведение	1
Механический завод	1
Паточный завод	1
Картофельно-терочный завод	1
Спичечный завод	1
Химический завод	1
Сапожное заведение	1

В действительности, число фабричных заведений, основанных после 1871 года, а в особенности количество мелких ткацких фабрик, устроенных в 1870-х годах, значительно больше, нежели здесь показано, так как, во-первых, мы не посетили всех мелких заведений, и, следовательно, ничего не можем сказать о времени их основания, во-вторых же—даже в осмотренных нами заведениях мы не всегда получили точные сведения о времени их возникновения.

Кроме того, надобно заметить, что и в настоящее время (1880 г.) в Клинском уезде устраиваются новые фабрики. Так, напр., товарищество Кашаева расширяет свое производство, устраивая бумагопрядильную фабрику; Ф. О. Захаров выстроил новый спичечный завод при г. Клине; при сельце Щекине, Троицкой волости, возникло новое грохотопленное заведение, принадлежащее крестьянину Никифору Павлову; паровой лесопильный завод при Завидовской станции Ник. жел. дороги расширил свое производство; наконец, при Солнечногорской станции устроен завод Фришмака, изготовляющий колесную мазь» [1]).

«О чем поют» эти факты, заимствованные из экономической жизни одного из наименее промышленных уездов Московской губ.? Ни в каком случае не о том, что число фабричных рабочих «стоит на одной цифре».

[1]) «Сборник статистических сведений по Московской губ.», Отдел санитарной статистики, т. III, выпуск I, Эрисман, Исследование фабричных заведений Клинского уезда, Москва 1881 г., стр. 7—8.

Скорее всего они поют о том, что наши самобытные писатели употребляют слишком уже самобытные приемы для доказательства русской самобытности. Это—вообще; а г. Тихомирову они напевают о том, что в основе его программы лежит слишком поверхностное знакомство с современным состоянием нашей промышленности. Г. Тихомиров совершенно ошибается, если серьезно думает, что у нас «количество фабрично-заводских рабочих не превышает 800.000 человек». Для фабрик и заводов Европейской России (не считая, конечно, Царства Польского) число это, по официальным сведениям, действительно «не превышает» указанного г. Тихомировым числа: в 1879 году оно равнялось 711.097, причем сюда *не вошло, однако, число рабочих на винокуренных заводах.* Но г. Тихомиров забыл, что эта «цифра» относится лишь к обрабатывающей промышленности. Он совсем не принял в расчет горнозаводских рабочих. А между тем, в горнозаводской промышленности рабочих в том же 1879 году было 282.959 человек, а в следующем 1880 году число это *увеличилось* почти на десять тысяч. В сумме получается 1.003.143. Но можно ли признать эту цифру точной хоть приблизительно? Не забудем, что это официальные цифры, которые собираются нашей администрацией и которым сама эта администрация дает насмешливое название «министерских цифр». Мы уже знаем, что еще издатели «Военно-статистического Сборника» указывали на то обстоятельство, что получаемые таким образом цифры «большею частью неполны и ниже действительности». На «Первом Всероссийском Съезде фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью», в заседании 3 отделения Съезда, 29 мая 187[illegible] года, также было констатировано, что «существующий способ собирания статистических сведений о промышленности исключительно путем срочных ведомостей, доставляемых земскою полицией, до *крайности неудовлетворителен*», и что собранные таким образом статистические данные значительно ниже действительности. По мнению Н. С. Ильина—«что у нас нет *статистики* ни промышленной, ни торговой,—это такие известные истины, которые каждый знает» [1]). Эта неполнота и неточность остаются неоспоримым фактом и в настоящее время. В цитированном уже исследовании г. Эрисмана мы читаем (стр. 6), что, по собранным им сведениям, *«число рабочих» оказалось вдвое больше, нежели оно показано в ведомости исправника».* Это зависит, по его словам, «главным образом от того, что владельцы фабрик и заводов, будучи спрошены официальным путем о количестве рабочих на принадлежащих им заведениях, *почти всегда показывают значительно меньше действительности».* Есть ли какие-нибудь основания думать, что при более точном статистическом исследовании мы не встретили бы того же и в других уездах и губерниях России? А если нет, то ведь и общую сумму фабрично-заводских рабочих нужно будет увеличить почти «вдвое». Что это предположение едва ли грешит преувеличением, видно из прений, имевших место на упомянутом уже «Съезде

[1]) См. Стенографический отчет заседаний 3-го отделения названного Съезда, стр. 47 и 54.

фабрикантов». По словам г. А. Б. фон-Бушена, некоторые из фабрикантов «прямо сознавались ему, что они *на половину уменьшают действительность*». Г. Т. С. Морозов, представитель одной из крупнейших в России фирм, сообщил, что «когда полиция собирает сведения, то, напр., большой фабрикант велит приказчику: напиши так, как было прошлый год; и доставляются подобные сведения из году в год, штука в штуку, в течение десяти лет, тогда как и количество вырабатываемого материала, и число рабочих, все изменилось. Чиновник все пишет, что ему ни скажут; он не знает дела». По словам г. М. П. Сыромятникова, «*есть много примеров*, что уменьшают производительность *вдвое*, и не мелкие, но очень солидные производители; *иногда уменьшают* свои показания и в *десять раз*. Это факт достоверный». Просим читателей не забывать, что все эти разоблачения делаются самими фабрикантами, для которых вопрос о такого рода проделках есть все-таки «вопрос деликатный». Что же нам думать о писателях, не только строющих свои социально-политические теории на данных, неточность которых очевидна a priori, но продолжающих утверждать, что «число фабричных рабочих стоит на одной цифре» даже после того, как сами фабриканты объяснили им весьма несложную причину этого явления? В лучшем случае мы должны признать, что эти писатели не знают предмета, о котором рассуждают!

Но зачем же прибегают фабриканты к указанным хитростям? «Большая часть—отвечает г. фон-Бушен—показывает неправду умышленно, из боязни обложения какими-нибудь сборами... некоторые прямо заявляли, что некоторые земства облагают фабрики налогами пропорционально числу *станков*, *рабочих* и т. п., следовательно, есть прямой расчет показывать меньше». Когда являются собиратели статистических сведений, «заводчик говорит,—да они, вероятно, от земства, должно быть, хотят обложить каким-нибудь сбором по числу рабочих, и делает распоряжение, чтобы показали рабочих вдвое меньше» [1]).

Отсюда мы с ясностью видим, каким образом для русской буржуазии оказывается выгодной уверенность наших революционеров в ее экономическом бессилии. Опасаясь подоходного налога и всяких других напастей на свои капиталы, наши «частные предприниматели» всеми силами стараются скрыть действительные размеры своего производства. Наши революционеры с поразительною наивностью принимают их охи и вздохи за чистую монету; ни на минуту не сомневаются в точности выставляемых ими данных; строят на них целые теории о «соотношении сил на русской почве», и распространяют в нашей молодежи ошибочное представление о формах эксплоатации русского народа. Но именно тем самым наши революционеры и играют в руку «рыцарей первоначального накопления» и капиталистического производства.

Впрочем, несправедливо было бы обвинять «Вестник Народной Воли» в распространении таких ошибочных понятий. Главная вина «Вестника»

[1]) Ibid., стр. 31.

заключается в том, что он постоянно противоречит себе, что, по евангельскому выражению, правая рука его не ведает о том, что творит левая. Г. Тихомиров уверяет читателей в том, что русская «промышленность развивается туго». В статье же «Положение рудокопов и заводских рабочих на Урале», написанной «*по личным наблюдениям*» и помещенной в том же 2 № «В. сть. Нар. Воли», мы встречаем совершенно противоположное. Автор этой статьи «уверен», что если его читатели видели когда-нибудь «разные локомотивы, сеялки, веялки и пр. и пр. крупные машины, сделанные у нас в России, нашими рабочими», то у многих из них, читателей «Вестника», вырывалось следующее восклицание: «Каково!! Да, да, черт дери!» [1]). Россия, исполинскими шагами идет вперед! Ведь еще, так сказать, вчера в России ничего не могли по этой части сделать не только хорошо, но даже мало-мальски сносно... Ведь еще каких-нибудь 50 лет назад у нас считалось чуть ли не десять заводов на всю Россию, а теперь? теперь на одном Урале одних железоделательных считается чуть ли не 200, а сколько в Петербурге, в Москве и пр., и пр. Да это еще что, дайте нам только свободу... В каких-нибудь 10—15 лет после этого число заводов у нас удвоилось бы, и самое производство, техника улучшилась бы» и т. д. Автор статьи думает, что это несколько растянутое «восклицание» выражает действительное положение дел «верно». По его словам,—а его слова основываются, как мы знаем, на «личных наблюдениях»—мы «в последнее время в этом (т. е. в промышленном отношении) сделали громадные успехи: число заводов все увеличивается, техника улучшается (вот тебе и «развивается туго»!). Последняя наша выставка показала, что некоторые наши металлические заводы стоят почти наравне с лучшими заводами Европы» [2]). Извольте разобраться во всей этой путанице! Кому верить, г. Тихомирову или человеку, «лично наблюдавшему» развитие нашей промышленности? В довершение курьеза заметим, что когда этому последнему «приходится читать» написанные не по личным наблюдениям «статьи какого-нибудь нашего ученого или неученого писателя о положении наших рабочих, то, кроме горького смеха», они в нем «ничего не вызывают». Воображаю, как мефистофелевски расхохотался он, прочитавши сообщение г. Тихомирова о «тугом» развитии нашей промышленности!

Но оставим *экономические противоречия* «Вестника Народной Воли» и возвратимся к г. Тихомирову: в настоящее время часть интересует нас больше целого.

Мы показали нашему автору, что сообщенные им данныя не соответствуют даже «официальной правде». Мы привели, кроме того, данныя, на основании которых можно быть уверенным, что эта «официальная правда», в свою очередь, не соответствует действительности. Теперь мы

[1]) Само собою разумеется, что мы не отвечаем за красоту слога цитируемого нами автора.

[2]) «В. Н. В.», № 2, стр. 155—156.

скажем ему, что он просто-на-просто не умеет обращаться даже с теми неверными статистическими цифрами, какие находятся в его распоряжении, так как оперирует с величинами, совершенно несоизмеримыми. По его словам, в нашей «стране на 100 миллионов жителей приходится 800.000 рабочих, объединенных капиталом»—отношение весьма неблагоприятное для нашей промышленности. Но цифра 100.000.000 (точнее—101.342.242) выражает собою население всей империи, т.-е. не только Европейской России (76.589.965), но Царства Польского (7.319.980), Финляндии (2.060.782), Кавказа с Карской и Батумской областями (6.254.966), Сибири (3.965.192), Средней Азии (5.151.354). Количество же рабочих указано г. Тихомировым на основании полицейских данных, относящихся только к одной Европейской России, и притом исключительно к одной «мануфактурной промышленности». Что сказать о таких приемах сравнительного статистического исследования?

3. Кустари.

Но это не все. Приводя свои цифры, он имеет в виду рабочих, «объединенных капиталом», находящихся «в более или менее значительной зависимости от буржуазии» и т. д. Знает ли он, что число таких рабочих гораздо выше вероятного числа фабрично-заводских рабочих, собственно так называемых? В этой зависимости находится огромное число кустарей, утративших почти всякую самостоятельность и очень успешно «объединяемых» капиталом. На это обстоятельство было указано уже в «Военно-статистическом Сборнике», вышедшем в 1871 году. Более новые исследования вполне подтверждают эти указания. Так, например, от г. В. С. Пругавина мы узнаем, что «*в одной* Московской губернии количество ткачей-кустарников простирается до 50.000 челов. Между тем, из всего громадного ткацкого района Московской губернии на выставку явилось в качестве экспонентов *всего лишь 12 кустарей*. ...Причина этого факта заключается главным образом в том, что *громадная масса ткачей*-кустарников *работает не на себя*, а на более или менее крупных хозяев, которые раздают крестьянам на дома сырой материал производства. Словом, *в ткацких промыслах господствует домашняя система крупного производства*» [1]). Во Владимирской губернии «чрезвычайно разнообразные» ткацкие промыслы играют в высшей степени важную роль в экономической жизни населения. В *одной* бывшей Опаринской *волости*, Александровского уезда одним шерстяным производством «занято 22 селения, в которых работает 1.296 человек». Стоимость ежегодно производимого кустарями продукта—155.000 рублей. Что же, находятся эти кустари вне более или менее полной зависимости от буржуазии? К сожалению, нет. «Обращаясь к экономике промысла, мы встречаем здесь прежде всего тот факт, что масса кустарей лишена самостоятельного кустарного хозяйства

[1]) *В. С. Пругавин*, «Кустарь на выставке 1882 года», Москва 1882 г., стр. 9.

и работает на мастеров или фабрикантов». Дело зашло в этом отношении так далеко, что «в производстве краски, где самостоятельный кустарь получает в $1^1/_2$ раза больше, чем зависимый промышленник, *число работающих на себя производителей равно лишь* $9^0/_0$ общего числа кустарей» [1]).

Что шерстяное кустарное производство стало уже на «путь естественного движения» капитализма — видно как из самой «экономики» этого промысла, так и из неравенства, создаваемого им в среде крестьян. «Шерстяной промысел, с его резкими переходами, от полного застоя к оживлению во время войны—познакомил их (кустарей), по крайней мере, более крупных производителей, с промышленной спекуляцией, со всеми прелестями ажиотажа, с быстрым обогащением и еще более быстрыми крахами... Разбогатевшие фабриканты [2]) прежде всего торопятся воздвигнуть палаты по 9—15 окон в каждом этаже. В деревне Корытцеве такие дома составляют половину. В Опаринском округе, при виде каменного или вообще большого дома, вы можете быть уверены, что здесь живет мастерок-фабрикант» [3]).

Наибольшее развитие во Владимирской губ. получил бумаго-ткацкий промысел. «В одном Покровском уезде работает более 7.000 ткацких станков, вырабатывающих ежегодно товара на $2^1/_2$ милл. руб. В Александровском уезде бумажное производство охватило 120 селений, в которых работает слишком 3.000 ткацких станков». Но и здесь обнаруживается указанный выше процесс превращения кустарного промысла в капиталистическую систему крупного производства. «Интересно проследить—говорит г. В. С. Пругавин—в рассматриваемом промысле постепенный процесс перехода мелкой кустарной формы производства в крупную, самоткацкую. Между этими двумя экономическими формами производства существует много переходных; говорить о них, значит рассматривать постепенный процесс капитализации кустарного ткачества. В Покровском уезде мы встречаем, напр., в бумажном производстве всевозможные формы промышленных единиц. Господствующей формой является до сих пор кустарная изба. В настоящее время в Покровском уезде работает на домах 4.903 станка, а на самоткацких 3.200 станков. Переходными же ступенями являются светелки, в которых сосредоточены 2.330 станов и которые от 6—10 станов достигают размеров настоящих фабрик—в 100 и более станов. На таких крупных ручных светелках зависимость ткача от фабриканта выражается резче, чистый заработок кустаря меньше, условия работы менее благоприятны, чем в мелких промышленных единицах. Еще шаг—и мы в области самоткацкого производства, где кустарь-ткач уже окончательно превратился в деятельного рабочего. *Число крупных светелок в Покровском уезде постоянно возрастает и часть их в самое последнее время уже перешла к самоткацкой работе.* Число мелких само-

[1]) Ibid., стр. 10.
[2]) Просим заметить, что они выходят из тех же крестьян.
[3]) Ibid., стр. 11.

стоятельных ткачей-кустарников очень ограничено. В Александровском уезде *их совсем нет*. В Покровском уезде число их не превышает 50 чел. Хотя крупные светелки по существу ничем не отличаются от мелких, тем не менее большие размеры этих светелок и постоянное возрастание их в количественном отношении несомненно указывают на тенденцию и постепенное фактическое приближение чисто кустарной формы бумаго-ткацкого производства к форме крупной, фабричной к типу капиталистической организации народного труда» [1]).

Перейдем к другим уездам той же Владимирской губернии.

«Экономическая организация бумажного ткачества в Юрьевском уезде—читаем мы в другом труде того же В. С. Пругавина—в общем сходна с той, которую мы наблюдали в Александровском и Покровском уездах. Как и в двух раньше рассмотренных нами уездах,—экономические условия бумажного производства вылились здесь в форму домашней системы крупного производства... 98,95% всего производимого в Юрьевском уезде бумажного товара вырабатывается путем домашней системы *крупного производства*, и только 1,05% приходится на долю»... вы думаете самостоятельных кустарников? Нет, «на долю мелких самостоятельных фабрикантов» [2]).

Вообще во всей северо-западной части Владимирской губернии «прядильные и ткацкие фабрики заняли собою почти все свободные руки, и народонаселение здешнее почти все обратилось в фабричных рабочих, так что мелкие ручные производства здесь представляются не более, как *последними остатками* некогда сильной кустарной промышленности. Конечно, обладание землей еще сохранило крестьянину этого края *некоторые* черты земледельца, в особенности в тех местностях, где земля плодородна, но его подчинение капиталу едва ли слабее, чем и всякого бездомного фабричного рабочего. Многие чистые кустарники, при всей своей кажущейся самостоятельности в производстве, вполне зависят от перекупщиков, которые в сущности являются фабрикантами-заказчиками, только без фирм» [3]).

В Шуйском бумаго-ткацком округе еще в конце шестидесятых и начале семидесятых годов, «с открытием новых механических ткацких заведений, сельское население очень быстро начало стягиваться на большие фабрики и переходить в чисто-фабричный класс рабочих. Таким образом, сельский труд ткачей окончательно утрачивает и ту последнюю тень самостоятельности, какою он пользовался при работе в «светелке», этих низких, смрадных сараях, уставленных станами и битком набитых рабочими обоего пола и возраста» [4]).

[1]) Ibid., стр. 13.

[2]) Общее количество станов в Юрьевском уезде равняется 5.690, из них на крупных хозяев работает 5.630, на мелких фабрикантов 60. Что остается на долю самостоятельных производителей? См. «Сельские общины, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда, Влад. губ.», Москва 1884, стр. 60—61.

[3]) См. «Статистический Временник Российской Империи», выпуск III, Материалы для изучения кустарной промышленности и ручного труда в России, СПБ. 1872, стр. 198.

[4]) Ibid., стр. 200.

Ошибочно было бы думать, что указанные факты имеют место *лишь* в Московской и Владимирской губерниях. В Ярославской губернии мы видим совершенно то же самое. Еще Н. Ф. Штукенберг, в своем «Описании Ярославской губернии» [1]) говорил о ткачах села Великого, которых он насчитывал 10.000 человек, как о самостоятельных производителях. Он писал этот очерк на основании данных М. В. Дел, относившихся к сороковым годам. В то время и «до 1850 года полотняное производство в селе Великом носило чисто крестьянский, кустарный характер. Каждая крестьянская изба была полотняною фабрикою. Но в 1850 году *крестьянин* этого села Лакалов устроил ткацкие станки и стал скупать в Тульской губ. пряжу, часть которой отдавал для тканья крестьянам. Примеру Лакалова последовали многие другие и таким образом стали образовываться полотняные фабрики. На Великосельских фабриках ежегодно раздавалось крестьянам, не только своим, но и костромским и владимирским, пряжи до 30.000 пуд. В одном с. Великом выделывалось крестьянами в 1867 году до 100.000 кусков... За несколько лет назад в с. Великом полотняным производством занимались только женщины, но теперь с введением самолетов (усовершенствованных ткацких станков) ткачество сделалось почти исключительною принадлежностью мужчин и мальчиков, начиная с 10 лет» [2]). Эта последняя перемена означает, что ткачеству отведена уже более важная роль при распределении занятий между членами крестьянской семьи. И действительно. Льнопрядение и тканье полотен составляют теперь «главный промысел крестьян в местности, окружающей село Великое». Какую роль играет *фабрика в кустарном* ткачестве крестьян, видно из того обстоятельства, что «с развитием в этой местности льнопрядильных и льнотрепальных фабрик, равно как и заводов для беления полотен химическим способом, льняная промышленность развивается там с каждым годом» [3]).

В Костромской губернии льнопрядение и ткачество доставляли и доставляют «заработки крестьянам обоего пола в особенности в селениях Кинешемского, Нерехотского, Костромского и Юрьевецкого уездов». Но и здесь беда в том, что «с развитием льнопрядильных фабрик, выделка льняных изделий из домашней пряжи почти совсем упала в крае, так как крестьяне убедились в невозможности соперничать с фабричным приготовлением пряжи и стали тщательнее обделывать и продавать самый лен, не превращая его в домашнюю пряжу и *свое* полотно».

Не нужно забывать, что домашнее ткачество давало иногда занятие целой крестьянской семье в течение 9 месяцев, т.-е. трех четвертей года. Куда же понесет свой труд эта семья теперь, когда «со введением самоткацких машин и механического прядения ручное ткачество и ручная

[1]) Статистические труды Штукенберга, статья X, «Описание Ярославской губ.» СПБ. 1858.

[2]) См. цитированный уже выпуск «Временника», стр. 149—150.

[3]) См. «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства», прил. I, отд. II, стр. 166.

аппретура изделий уменьшились более, чем на половину»? Понятно—куда. «Крестьяне предпочитают работу на ближайших фабриках домашнему производству ткацких изделий» [1]).

Некоторые отрасли кустарного производства Калужской губернии, повидимому, составляют исключение из общего, указываемого нами, правила. Там крестьянские ткацкие побивают большие купеческие фабрики. Так, напр., ленточное и тесемочное производства «возникли в Малоярославском уезде с учреждением в 1804 г. бумажно-тесемочной фабрики к. Малютина, производство которой с 20.000 руб. достигло в 1820 г. до 140.000 руб., но случаю устройства мельничных станков Рошэ, на которых 1 работник может зараз ткать 50 лент или тесемок. Но когда такие же станки стали вводиться и в окрестных крестьянских ткацких, то производство Малютинской фабрики упало в 1860 г. до 24.000 р., и наконец эта фабрика совсем закрылась». Наши самобытники умозаключат отсюда, что русскому кустарю не страшна конкуренция капиталиста. Но такое умозаключение будет столь же легкомысленным, как и все прочие их попытки установления тех или других экономических «законов». Во-первых, если бы над Малютинской фабрикой и действительно восторжествовал самостоятельный кустарь, то нужно было бы еще доказать, что торжество это может быть продолжительным. История ткацкого промысла той же губернии дает сильный повод к сомнению. Открытая в 1830 г. первая бумаго-ткацкая фабрика в имении П. М. Губина также не могла выдержать конкуренции деревенских производителей и кустарный промысел процветал до 1858 г. Но «с этого времени стали вводиться *механические* самоткацкие фабрики, с паровыми двигателями, которые, в свою очередь, начали вытеснять ручной ткацкий труд. Так в Медынском уезде работало прежде до 15.000 ручных станков, в настоящее же время работает только 3.000» [2]). Кто поручится нам, что и в области тесемочного и ленточного производства новые улучшения техники не перетянут чашки весов на сторону крупных капиталистов? Ведь прогресс промышленности неизменно сопровождается относительным возрастанием постоянной части капитала, в высшей степени гибельным для мелких производителей. Кроме того, большой ошибкой было бы думать, что в приведенных нами случаях борьба шла между самостоятельными производителями, с одной стороны, и капиталистами—с другой. Губинскую фабрику подорвали не самостоятельные производители, а «небольшие ткацкие заведения в крестьянских избах», тотчас понизившие *заделную фабричную плату*». Борьба шла между крупным и маленьким капиталом, при чем этот последний восторжествовал путем увеличения эксплоатации трудящихся. То же самое было и в тесемочно-ленточном производстве. Станки Рошэ приобретались «мастерками», а не самостоятельными кустарями. Ткач, ленточник и тесемочник все более и более утрачивают всякую тень самостоятельности, так что им при-

[1]) Ibid, стр. 170—171.
[2]) «Доклад» и т. д., отдел II, стр. 158—159.

ходится выбирать лишь между местным фабрикантом и «мастерками», которые «берут основу у московских фабрикантов, ткут из нее материю на своей домашней фабрике за *поаршинную плату*, или раздают для этого другим крестьянам, и затем отправляют готовую работу к фабриканту». Многие из этих мастерков ведут довольно крупное, по своему, дело и превращаются в настоящих «фабрикантов». В Малоярославском уезде 2 бумаготкацкие «кустарные фабрики» занимают до 40 рабочих; 5 бумаго-тесемочных крестьянских фабрик в Овчининской и Неделинской волостях имеют 145 станков при 163 рабочих; бумаго-ленточная фабрика в Овчининской волости—7 станков и 8 рабочих и т. д. [1]). В Московской губернии в «кустарном» парчевом производстве существуют «крестьянские парчевые фабрики с оборотом на сотни тысяч рублей» [2]).

«О чем поют эти цифры» и факты? Г. Пругавина они убедили в том, что «кустарное ткачество фатальным образом, хотя и медленно, переходит в крупную форму производства». Но можно ли ограничить этот вывод одним ткачеством? Увы! Есть немало других отраслей кустарного производства, в которых только слепой не заметит того же самого процесса.

Вот перед нами башмачный промысел Александровского уезда Влад. губ. В этом промысле «значительные размеры основного и оборотного капитала и ничтожная роль мелких мастерских в производстве, строго проведенное в крупных заведениях, детальное разделение труда и незначительные размеры затрат из общей суммы оборота на покупку труда—все это с поразительною ясностью свидетельствует, что мы имеем дело с производством, которое переходит из стадии ремесла на степень мануфактуры» [3]).

А вот кустари-кожевники, которые «все более уменьшаются в числе», и причиною этого уменьшения является конкуренция со стороны крупных заводов. «Заводы, благодаря лучшим условиям, как материальным, так и техническим, имеют возможность работать лучше и дешевле кустарей. Не подлежит никакому сомнению, что кустарям-кожевникам трудно устоять перед конкуренцией заводского производства, более удовлетворяющего потребностям времени».

Вот, наконец, производство картофельного крахмала и патоки. В Московской губернии «промысел этот сосредоточивается в 43 селениях, в которых насчитывается 130 заведений, из них 117 крахмальных и 13 паточных. Здесь нет еще крупных фабрик, какие мы видим в ткацких округах, но кустарное производство и здесь начинает принимать капиталистический характер. В этом промысле весьма видную роль играет наемный труд: так, в 29,8% всех заведений исключительно он представляет рабочую силу, на 59,7% он участвует в производстве наравне с

[1]) «Доклад», отд. II, стр. 158—159.
[2]) «Статистический Временник», вып. 3, стр. 308.
[3]) В. *С. Пругавин*, «Кустарь на выставке», стр. 28.

членами хозяйской семьи [1]) и только 10% сбходится почти без его помощи. Причины этого факта кроются в значительной величине основного капитала, непосильного для большинства крестьян».

Кузнечный промысел Новгородской, Тверской и всех тех губерний, в которых он играет сколько-нибудь важную роль в крестьянском быту, все мелкое металлическое производство Нижегородской губ.—также показывают окончательную потерю всякой самостоятельности производителями [2]). Кустари не испытали еще здесь конкуренции крупного промышленного капитала, но роль эксплоататора отлично исполняют—свой брат-крестьянин или купцы, от которых производители получают сырой материал и которым они передают готовый продукт.

В Нижегородской губернии «есть не мало таких местностей, где целые общества живут исключительно ручными произведениями и, по условиям жизни, мало чем разнятся от фабричных рабочих. Таковы известные селения Павлово, Ворсма, Богородское, Лысково и некоторые волости и селения Семеновского и Балахнинского уездов» [3]). Рабочие не «объединены» здесь капиталом, но они несомненно *закабалены* ему и составляют, так сказать, иррегулярную армию капитализма. Зачисление их в регулярное войско является лишь делом времени и хозяйского расчета.

Современное положение кустарей так неустойчиво, что часто потеря самостоятельности начинает угрожать производителям единственно вследствие улучшения способов производства. Так, напр., кустарь И. Н. Костыльков изобрел четыре машины для производства гребней. Они в весьма значительной степени увеличивают производительность труда и стоят, собственно говоря, очень недорого. Тем не менее, г. Пругавин выражает весьма справедливое опасение того, что «они произведут весьма крупное изменение в области экономической организации гребенного производства», разумеется, в смысле подрыва самостоятельности производителей. Г. Пругавин полагает, что следовало бы «придти в этом случае на помощь массе кустарей гребенщиков, дать им возможность овладеть машинами на началах коллективизма». Конечно, было бы очень хорошо сделать это; но вопрос в том, *будет* ли это сделано? Нынешние власть предержащие, как известно, очень мало сочувствуют «началам коллективизма», а мы решительно не знаем—скоро ли у нас будут власти, симпатизирующие таким началам, скоро ли, например, у кормила правления станет «партия Народной Воли», которая положила бы «начало социалистической организации России». А пока эта партия будет лишь толковать о захвате власти,

[1]) Каково положение работников в этих семьях-предпринимателях, видно из следующих слов г. Эрисмана: «Сын владельца зеркального заведения, будучи нами спрошен, занимается ли он в подводной (т.-е. натиранием ртутью зеркальных стекол) отвечал: «нет, мы себя не портим». *Эрисман*, ibid., стр. 260.

[2]) См. статью о «Кузнечном промысле в Уломской волости, Череповецкого уезда, Новгородской губ.» в цитированном уже «Докладе».

[3]) «Статистич. Врем. Российской Империи» вып. 3, стр. 83.

дело может измениться только в худшую сторону; нынешние кандидаты в пролетарии—завтра могут совсем стать таковыми. Можно ли игнорировать этот факт при изучении экономических отношений современной России? Число кустарей равняется у нас нескольким *миллионам*, и многие отрасли кустарного промысла частью переходят, частью совсем уже перешли в домашнюю систему крупного производства. По сведениям, собранным еще за 1864 год, «приблизительное число рабочих, занятых по деревням выделкою бумажных изделий из пряжи на счет фабрикантов (только одних таких рабочих!) было 350.000 человек». Говорить после этого, что число наших промышленных рабочих не превышает 800.000—значит изучать Россию лишь с помощью статистических упражнений письмоводителей становых приставов и квартальных надзирателей.

4. Кустарный промысел и земледелие.

До сих пор наши кустари остаются еще крестьянами. Но какие это крестьяне! Из так называемого подспорного промысла кустарное производство превратилось во многих местах в главную доходную статью крестьянина. Это ставит земледелие в зависимое, подчиненное положение. На нем отражаются все колебания нашей промышленности, все перипетии ее развития. По словам того же г. Пругавина, «*расстройство крестьянского хозяйства*» ткачей Владимирской губернии является неизбежным следствием наших промышленных кризисов. При такой зависимости земледелия от промышленного труда не нужно быть пророком, чтобы предсказать время окончательного падения крестьянского хозяйства ткачей: оно совпадает с переходом «домашней системы крупного производства»—в систему фабричную. Прежний кустарь должен будет бросить одну часть своих занятий, чтобы не лишиться их обеих. И он, конечно, предпочтет бросить землю, которая в промышленной полосе России далеко не оплачивает лежащих на ней податей и повинностей. Факты отказа крестьян от земледелия и теперь уже имеют место.

По словам г. А. Исаева, упомянутое выше село Великое «давно уже перестало быть деревней. Из всего числа домохозяев (до 700) только 10—15 обрабатывают землю, большинство же не умеет владеть ни сохой, ни даже косой... Эти 10—15 домохозяев и крестьяне ближайших к Великому селений арендуют у велик. селов всю общественную землю с платою 1 руб. за десятину пашни (при такой высоте «поземельной ренты» нетрудно и совсем отказаться от земли, заметим мы мимоходом). Низкому уровню хлебопашества вполне соответствует и положение скотоводства: едва на 3 двора приходится 1 корова и 1 лошадь... Великосел утратил облик крестьянина».

Да и в одном ли селе Великом мы можем наблюдать процесс этой утраты? Еще «Военно-статистический Сборник» констатировал тот факт, что хлопчато-бумажная кустарная промышленность «во многих местах есть занятие побочное; но есть местности, где оно является главным и

даже единственным» [1]). Точно также «сапожничество служит теперь главным средством существования для кимрских крестьян и отодвинуло земледелие на второй план. В Кимрском районе обращают внимание исследователя много запущенных полос земли; упадок земледелия и вольно бросается в глаза»—сообщает нам г. Пругавин. Как истый народник, он утешает себя тем соображением, что «в данном случае следует винить не столько самый промысел, сколько те неблагоприятные условия, в каких находится земледельческий труд», и что большинство кустарей «*еще не окончательно* бросило землю». Но, во-первых, цитированный уже «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства» показывает, вопреки г. Пругавину, что именно большинство кимрских крестьян «бросило землю» окончательно [2]); а во-вторых, все сказанное им по этому поводу представляет собою довольно сомнительное утешение. Кем бы и чем бы ни было вызвано падение земледелия, оно представляет собою существующий факт, благодаря которому многие кустари могут скоро совсем вырваться из-под «власти земли». Конечно, теперь еще можно было бы замедлить этот процесс, поставивши земледелие в лучшие условия. Но здесь опять-таки является вопрос—кто же поставит его в эти условия? Существующее правительство? Оно не хочет. Революционная партия? Она еще не может. А до тех пор, пока солнце взойдет, роса очи выест, пока наши революционеры будут иметь силу для осуществления своих реформаторских планов,—от крестьянского земледелия многих местностей может остаться лишь одно воспоминание.

Упадок земледелия и разложение старых «устоев» крестьянского мира представляют собою неизбежное следствие развития кустарного производства, конечно, при настоящих, *действительных*, а не при тех *возможных* условиях, которыми утешаются наши Маниловы и которые неизвестно еще когда будут. Так, например, в Московской губ. «частые сношения (кустарей) с московским торговым миром действуют разлагающим образом на обычно-правовые отношения. Мир совершенно не вступается в семейные разделы, а вершит их старшина или волостной суд «*по закону*», детей отец делит *по завещанию*... после смерти мужа бездетная вдова лишается недвижимой собственности (дома), которая переходит к родственникам мужского поколения, а сама получает $^1/_7$ часть [3]). Каким образом тот же кустарный промысел, дойдя до известной степени развития, стремится подорвать земледелие,—видно из примера крахмально-паточного производства. «Характерным фактом в районе рассматриваемого промысла является *крайне неравномерное распределение между домохозяевами надельной земли*. Так в деревне Цибино, Бронницкого уезда, 44,5% всей земли, нарезанной на 166 домохозяев, находятся в руках всего только 18 заводчиков из *крестьян*, причем на каждого из них приходится по 10,7 душевых наделов, между тем как 52 исправных домохозяев владеют всего 172 душевыми наделами или по 3,3 надела на двор. Понятно, что чем более будет увеличиваться доходность промысла... тем более будет у заводчиков побуждений захватывать в свои руки по возможности бо́льшее количество земли, и весьма возможно, что и те 35 домохозяев, которые обрабатывают теперь свои наделы наймом, при повысившихся арендных ценах, найдут более выгодным отказаться от обработки своих наделов и передадут их заводчикам. Совершенно те же явления встречаются и в других селениях, в которых более или менее развит крахмально-паточный промысел».

[1]) Стр. 384.

[2]) «В этом селении всех крестьянских и бобыльских дворов считается до 670, и только не более 70 домохозяев занимается хлебопашеством, пользуясь всею принадлежащею селению землею» (сапожным промыслом они уже не занимаются». «Доклад», отд. II, стр. 153). Сведения эти сообщены «старшиною и крестьянами Кимрской волости».

[3]) *Пругавин*, «Кустарь на выставке».

5. Кустарь и фабрика.

Но довольно, мы не пишем исследование о кустарной промышленности в России. Мы хотим лишь указать на бесспорные факты, самым неотразимым образом свидетельствующие о переходном состоянии нашего народного хозяйства. В то время, как люди, сделавшие из защиты народных интересов главную цель своей жизни, закрывают глаза на самые многознаменательные явления, капитализм идет своей дорогой, выбивает самостоятельных производителей из их непрочных позиций и создает в России армию рабочих тем же самым испытанным способом, какой уже практиковался им «на Западе». «С экспроприацией прежде самостоятельных крестьян и отнятием у них средств производства идет уничтожение сельских побочных промыслов, процесс отделения мануфактуры от земледелия. Однако, собственно мануфактурный период не ведет еще ни к каким радикальным преобразованиям. Нужно помнить, что мануфактура лишь понемногу овладевает национальным производством и что в ее основании лежат городские ремесла и сельские домашние, побочные промыслы. Если в известных пунктах, в известных отраслях производства, она уничтожает эти последние, то она *вызывает их к существованию в другом месте*, потому что она нуждается в них для обработки сырого материала.. Она *создает*, поэтому, новый класс мелких сельских производителей, который занимается земледелием, как побочной отраслью, главным же образом занят промышленным трудом, произведения которого прямо или через посредство купцов, продает мануфактурам... Только крупная промышленность с ее машинами дает капиталистическому земледелию прочную основу, окончательно экспроприирует огромное большинство сельского люда и заканчивает отделение земледелия от сельской домашней промышленности» [1]). Мы переживаем в настоящее время именно этот процесс постепенного охватыванья нашей национальной промышленности мануфак-

[1]) «Das Kapital», 2 Aufl., S. 779—780.

турой. И именно этот процесс *«вызывания к существованию»* или, по крайней мере, временного оживления многих отраслей мелкой кустарной промышленности дает г. В. В. et cons. возможность с кажущимся успехом доказывать, что у нас не имеет места «капитализация кустарного промысла» [1]). Ничтожная плата, за которую кустари продают свой труд, несколько замедляет переход к крупной машинной индустрии. Но как в этом явлении, так и в его несомненных последствиях, нет и не может быть ничего *самобытного*. «Удешевление рабочей силы посредством простого злоупотребления трудом женщин и малолетних, простого хищничества по отношению ко всем нормальным условиям труда и жизни, равно как и основывающееся на этом удешевление товаров и вообще капиталистическая эксплоатация,—наталкивается, наконец, на известные, неустранимые более естественные пределы. Как скоро достигнут этот пункт... бьет час введения машин и быстрого превращения изолированной домашней работы (или также мануфактуры) в фабричное производство» [2]). Мы видели, что этот час пробил уже для уездов Шуйского бумаго-ткацкого округа. Скоро пробьет он и в других промышленных местностях. Раздача работы «на дома» выгодна для капиталистов лишь до тех пор, пока промышленный труд является побочным, подспорным занятием кустаря. Доход от земледелия позволяет работнику довольствоваться невероятно низкою платою. Но как только прекращается этот доход, как только хлебопашество окончательно вытесняется промышленным трудом,—капиталисту приходится довести заработную плату до уровня знаменитого минимума потребностей трудящегося. Тогда ему становится выгоднее эксплоатировать рабочих на фабрике, где самая коллективность труда усиливает его производительность. Тогда-то и наступает эра крупной машинной промышленности.

Бумагопрядильное и ткацкое производства являются, как известно, самыми передовыми отраслями современной капиталистической индустрии. Вот почему в них оказывается уже почти совершенно законченным про-

[1]) Каким образом совершается указанный процесс, понятно для всякого, усвоившего сущность домашней системы крупного производства. На всякий случай приводим пояснительные факты. «Ситцевые фабриканты набивают обыкновенно или чужие ткани по заказу посторонних лиц, или свой собственный товар, закупив пряжу и отдавая ее для ткачества по разным местам». Успешное ведение дел ситцевыми фабрикантами должно вести к усилению раздачи пряжи «по разным местам», а следовательно, и к развитию мелкой кустарной промышленности. Кустарное хлопковое производство достигло обширного развития *при участии многих купцов капиталистов*, которые, закупив бумажную пряжу, либо снуют ее в своих заведениях и потом отпускают ткачам, либо, не снованную, передают мастерам, которые, занимаясь одним только сновáнием и раздачею пряжи по деревням, служат посредниками между капиталистами и ткачами». «Военно-статистический Сборник», вып. IV, стр. 381 и 384—385. Фирма «Саввы Морозова сыновья», занимающая 18.310 постоянных рабочих, имеет их, кроме того, 7.490 «на стороне». Эти «сторонние» рабочие суть ничто иное, как кустари, обязанные своим существованием крупной промышленности. Такого рода факты, стоящие к капитализму в самом недвусмысленном отношении, умиляют тем не менее народников до забвения простейших истин политической экономии.

[2]) «Kapital», S. 493—494.

цесс, еще только начинающийся, а пожалуй и совсем еще не начавшийся в некоторых других производствах. В то же время явления, имевшие место в наиболее усовершенствованных отраслях промышленности могут и должны считаться пророческими по отношению к другим ее сферам. Совершившееся там вчера, может совершиться здесь сегодня, завтра, или вообще в самом недалеком будущем [1]).

6. Успехи русского капитализма.

Г. Тихомиров не признает успехов русского капитализма. Мы и сами готовы сказать нашей буржуазии: «что делаешь, делай скорей». Но, «к сожалению или к счастью», она не нуждается в понуканиях. Еще г. А. Исаев, возражая на книгу русского «штатс-социалиста», обратил внимание читателей на нашу обрабатывающую промышленность. По его мнению, недавняя всероссийская выставка может служить лучшим ответом на преждевременные ликования по поводу печальных, будто бы, «судеб капитализма в России».—«Стоит развернуть класс волокнистых веществ—говорил он,—от него так и запахнет миллионами. Даже по выделке полотна мы имеем немало фабрик, производящих 1—1,5 милл. в год. А в классе изделий из хлопчатой бумаги 1 милл. является совершенно ничтожной цифрой. Даниловская мануфактура производит на 1,5 милл. в год, Гюбнер—на 3, Каретниковы—на 5,5, 2 фирмы Барановых—на 11, товарищество Ярославской мануфактуры—на 6 милл., Прохоровых—на 7, Кренгольмской мануфактуры—до 10 милл. и т. д. Сахарные заводы представляют нам также громадное производство на 5, 6, 8 милл. Даже табачное производство имеет миллионеров своими представителями... А цифры за 1878—1882 г.г. показывают нам крупное расширение производства, поглотившегося в год русско-турецкой войны». Эти и многие другие факты привели г. Исаева к тому заключению, что «крупное частно-капиталистическое производство в России развивается безостановочно» [2]). Да и не один г. Исаев держится такого взгляда. Последняя всероссийская выставка убедила г. В. Безобразова, что в нашей промышленности «прогресс истекшего десятилетия (со времени петербургской выставки 1870 года) очевиден; сравнительно с положением дел 25 лет тому назад этот прогресс нашей промышленности—в особенности мануфактурной—громаден: она не узнаваема во многих отношениях... Вместе с улучшением качества наших продуктов, нужно заметить еще огромное расширение, затеваемое во всех отраслях нашей промышленности в течение последних 25 лет. Это расширение особенно заметно в последнее десятилетие, со времени окончания кризиса, вызванного уничтожением крепостного права и турецкой войной. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить фактуры наших

[1]) *Прим. ко 2-му изд.* Впоследствии эти мои мысли были недурно развиты в некоторых исследованиях г. Туган-Барановского.

[2]) «Юридический Вестник», январь 1883 г., ст. «Новости экономической литературы», стр. 102.

фабрикантов со сведениями, сообщаемыми последней официальной статистикой нашего министерства финансов. Эта статистика относится к 1877 году. Сравнение цифр мануфактурного производства за 1877 и 1882 годы (цифры последнего по фактурам) показывает страшное увеличение количества продуктов за этот пятилетний период: во многих больших предприятиях оно удвоилось [1]). Очень большое число фабрик основано в эти последние 5 лет. Первое место принадлежит промышленности, обрабатывающей волокнистые вещества (шелк, сукна, льняные и бумажные ткани). Наша хлопчато-бумажная промышленность получила огромное развитие; некоторые из ее продуктов могут быть поставлены наряду со всем, что есть наиболее совершенного и прекрасного в Европе» [2]). Эти выводы людей науки вполне подтверждаются цитированным выше корреспондентом «Вестника Народной Воли», лично наблюдавшим «громадные успехи» крупного производства в нашем отечестве. Наконец, то же самое говорят иностранцы, писавшие и пишущие о России. Некоторые отрасли нашей промышленности и теперь уже ставятся ими наряду с западно-европейскими. Таково, например, производство сахара, которое, по словам Ед. де Молинари, стоит au premier rang de l'industrie de l'Europe» [3]). В 1877 году русский рафинад явился даже на заграничных рынках, именно во Франции. Наряду с такими фактами стремление и прилив иностранных *производительных* капиталов в страну есть верный признак того, что капитализм встречает в ней удобное поле для своего дальнейшего развития. А мы видим, что иностранные капиталисты с большою нежностью посматривают на Россию, и не упускают случая основать в ней новые промышленные предприятия. Какой смысл имело бы это стремление, если бы промышленность действительно развивалась так «туго», как это кажется г. Тихомирову? Но в том-то и дело, что это мнение отстаивается, главным образом, в интересах доктрины, для торжества которой наши самобытные писатели готовы игнорировать целый ряд фактов самого недвусмысленного характера. «Тугое развитие» свойственно не столько русскому капиталистическому производству, сколько тем из наших революционеров, программы которых никак не могут притти в соответствие с нашей современной действительностью.

А капиталистическое накопление, обращение денег в стране, кредитные операции? Их успехи поистине громадны. До 1864 года у нас почти совсем не был частных кредитных учреждений; в этом году «капитал Государственного Банка доходил до 15 милл. руб., да разными лицами было внесено на проценты 262,7 милл. руб.; из этих сумм на нужды торговли было употреблено всего 42 милл. руб. (23,7 милл. выданы были под векселя, да 18,6 милл. в ссуды под процентные бумаги)». Прошло 13 лет и положение дела стало неузнаваемо. «К 1877 году капитал всех кредитных учреждений составлял уже 167,8 милл. руб., да разными лицами было внесено на проценты (%, текущий счет, срочные вклады и пр.) 717,5 милл. руб., т.-е. капитал возрос на 1018%, текущие счеты, вклады и пр. на 173%, вместе же на 220%, следов., эти суммы более, чем утроились. Вместе с тем и распределение их совершенно изменилось. В 1864 году в ссуды и под векселя из этих сумм было выдано только 15%, к 1877 году они были почти все помещены в ссудах и векселях, именно 96%... Ссуды возросли с 1864 до 1877 года с 18,6 на 337,9 милл. руб., или на 1829%. Рост учетной операции, торговой в тесном смысле, был еще сильнее за то же время: с 23,7 милл. руб. сумма учетных векселей увеличилась до 500 милл. руб., т.-е. на 2004%!! Вместе с увеличением всей суммы денег, вложенных на проценты, подвижность их более, чем удвоилась. В 1863 году сумма вложенных денег обернулась менее двух раз; в 1876 году она уже обернулась 4,75 раза».

«Кредит и железные дороги ускоряют обращение натурального хозяйства в денежное. Денежное же хозяйство—хозяйство товарное—есть хозяйство капиталистическое; следовательно, и кредит и железные дороги ускоряют переворот хозяйственных условий производства, при которых производители являются собственниками орудий производства, в такие условия, где производители становятся наемными рабочими» [1]).

7. Сбыт.

Приведенные факты не нуждаются в дальнейших комментариях. Ясно, внятно, убедительно говорят они, что, по крайней мере, по отношению к промышленности обрабатывающей нам пора уже перестать закрывать глаза перед действительностью, пора уже убедиться, что действительность эта имеет очень мало общего с теми наивными иллюзиями, которые характеризовали народнический период нашего движения. Пора иметь мужество сказать себе, что в названной сфере не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит у нас капитализму. Все условия обмена, все отношения производства все более и более складываются в благоприятном для него смысле.

Что же касается сбыта, то мы уже говорили, что вопрос о нем вовсе не так уже неразрешим, как это думает г. В. В. и его эпигоны. Переход всякой страны от натурального хозяйтва к денежному необходимо сопровождается огромным расширением ее внутреннего рынка, и без всякого сомнения этот рынок всецело достанется у нас нашей буржуазии. Но это еще не все. Предусмотрительный капиталист предвидит уже его

[1]) При этом сравнении нужно, конечно, принимать в расчет уже указанную выше неточность и неполноту нашей официальной статистики, на основании которой определяются размеры производств в 1877 году. Но, в общем, выводы г. Безобразова подтверждаются и личными его наблюдениями. «Я сам—говорит он—мог констатировать это увеличение нашей мануфактурной промышленности во время моего путешествия по московскому промышленному округу».

[2]) «Economiste français» 26 Aout 1882, lettres de Russie par *Wlad. Besobrasoff*.

[3]) См. «Journal des Economistes», Juillet 1883, «L'industrie du sucre en Russie.

[1]) *Николай—он*, Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства «Слово» 1870, кн. 10, стр. 86—135.

переполнение и спешит приобрести рынки внешние. Некоторые из русских товаров найдут, конечно, сбыт и на Западе, а другие отправятся на Восток, в сопровождении «белых» и других генералов, имеющих патриотическую миссию «упрочения нашего влияния в Средней Азии».—На попоследнем съезде наших заводчиков и фабрикантов не даром обсуждался вопрос о «мерах для развития торговых сношений с Балканским полуостровом» и о заключении «торговых трактатов с Азией». В этом направлении были уже сделаны практические попытки, и нет оснований ожидать, что им суждено окончиться неудачей. Сношения с Востоком не новость для русских предпринимателей, и хотя иностранная конкуренция часто тяжело отзывалась на их интересах, но ошибочно было бы думать, что страны, ранее других выступившие на путь капитализма, имеют или могут навсегда сохранить монополию наиболее дешевого провоза, наименее дорогого производства и наилучшего качества товаров. Франция позже Англии выступила на этот путь, а между тем успела же она отвоевать себе почетное место на международном рынке. То же можно сказать, сопоставляя Германию с Францией, и т. д. На «Западе» есть много стран, которым так же, как и России, трудна промышленная борьба с наиболее передовыми государствами, а между тем никому из революционных писателей этих стран и в голову не приходило «самобытничать» на манер наших народников. Правда, современные производительные силы далеко опережают в своем росте возможность расширения сбыта, международный рынок близится к окончательному переполнению, периодические кризисы стремятся перейти в один сплошной хронический кризис. Но пока еще не наступило такое время,—ничто не мешает появлению на рынке новых конкурентов, опирающихся на какие-нибудь физические особенности своей страны или исторические условия своего общественного развития: дешевизну рабочих рук, сырого материала и т. п. Можно сказать более,—появление таких конкурентов именно и приблизит час падения капитализма в наиболее развитых странах. Конечно, торжество рабочего класса в Англии или во Франции необходимо отразится на развитии всего цивилизованного мира, оно сократит господство капитализма в остальных странах. Но и это все дело будущего, отделенного от нас более или менее длинным промежутком времени, в течение которого наш капитализм может стать и, как мы видели, становится полновластным хозяином России. Довлеет дневи злоба его, и что бы ни сулила нам в будущем предстоящая Западу социалистическая революция,—злобой нынешнего дня является у нас все-таки капиталистическое производство [1]).

[1]) *Примечание ко второму изданию.* Отсюда видно, что я никогда не разделял той теории, которая была придумана нашими народниками,—а из их сочинений перешла даже в «*Британскую энциклопедию*»,—и согласно которой в России невозможно развитие капитализма, так как эта страна не имеет рынков. Мой взгляд на этот вопрос изложен был, вскоре после выхода «*Наших разногласий*», в другом месте следующими словами: По учению теоретика народничества, г. В. В., «появление на всемирном рынке новых конкурентов, в лице новых стран, должно считаться отныне невозможным, так как рынок этот окончательно завоеван более передовыми государствами.

ГЛАВА III.

Капитализм и общинное землевладение.

I. Капитализм в земледелии.

Но главной, единственной основою нашего общественного хозяйства является земледелие—говорят обыкновенно г. В. В. и К°. Развитию капиталистического хозяйства в этой области, приложению к земле «частного предпринимательского капитала» мешает община, которая была и остается несокрушимым оплотом против капитализма. Крупное земледельческое хозяйство у нас не только не вытесняет собою мелкого, но, наоборот, все более и более уступает ему дорогу. Крупные землевладельцы и арендаторы спекулируют лишь на повышение поземельной ренты, отдавая в руки мужика все земледельческое хозяйство. Крестьянское же хозяйство должно вести к торжеству крестьянских, а не капиталистических форм производства.

Хотя во всей этой аргументации ошибки довольно тесно перепутаны с истиной, но заключающаяся в ней истина ни в каком случае не убе-

Поэтому В. В. сомневается в будущности русского капитализма. ...Теория В. В. не лишена известной доли остроумия, но, к сожалению, обнаруживает полнейшее незнакомство с историей. Было время, когда на всемирном рынке почти исключительно господствовала Англия, и это господство отсрочивало решительное столкновение английского пролетариата с буржуазией. Монополия Англии была нарушена появлением на всемирном рынке Франции и Германии, а теперь монополия Западной Европы подрывается конкуренцией Америки, Австралии и даже Индии, что, конечно, поведет к заострению взаимных отношений между пролетариатом и буржуазией в Европе. Мы видим отсюда, что теория г. В. В. совсем не подтверждается действительным ходом событий. Г. В. В. думает, что, раз добившись господства на всемирном рынке, более развитые в промышленном отношении страны окончательно закрывают доступ к нему менее развитым странам, *и тем толкают эти последние на путь социальной реформы*, маковая *реформа и должна быть предпринята* будто бы стоящим выше классовых интересов *правительством*, например, правительством Его Императорского Величества самодержца всероссийского. Факты же показывают совсем обратное. Они говорят нам, что менее развитые страны не стоят на одном месте, а постепенно расчищают себе путь на всемирный рынок и своею конкуренцией *толкают более развитые страны на путь социальной революции, которая будет совершена сознавшим свою классовую задачу пролетариатом*, опирающимся на свои собственные силы и захватившим политическую власть в свои собственные руки.

Теперь я прибавлю, что мои соображения были как нельзя лучше подтверждены дальнейшим развитием всемирного хозяйства и что в их пользу можно было бы привести множество данных, как из относящихся к этому вопросу английских синих книг, так и из отчетов английских консулов. Замечу также, что, с другой стороны, я никогда не был сторонником той теории рынков вообще и кризисов в частности, которая, как зараза, распространилась в нашей легальной литературе марксизма в девяностых годах. По смыслу этой теории,—главным пропагандистом которой надо признать г. Туган-Барановского,—*перепроизводство* оказывается невозможным; а кризисы объясняются простою диспропорциональностью в распределении средств производства. Эта теория очень отрадна для буржуазии, которую она приводит к тому отрадному убеждению, что производительные силы капиталистического общества никогда не перерастут свойственных ему отношений производства. И неудивительно, что один из лучших теоретиков

дительна. Земледелие почти повсюду является наиболее отсталой отраслью национального производства, отраслью, которой капитализм начинал овладевать лишь после того, как он прочной ногой утверждался в промышленности, собственно так называемой: «Только крупная промышленность, с ее машинами, дает капиталистическому земледелию твердую основу». Не логично, поэтому, заключать к отсутствию или даже полной невозможности буржуазных отношений производства в данной стране на том основании, что отношения эти еще не успели охватить земледелия. Г. Тихомирову кажется, например, что в период великой революции французская буржуазия была так сильна, что могла помешать фактическому установлению самодержавия народа [1]). А между тем, вплоть до самой революции приложению «частного предпринимательского капитала» к земле препятствовали многочисленные остатки феодальных отношений, земледелие было в страшном упадке, поземельные собственники предпочитали жить в городах, сдавая свои земли «половникам» или арендаторам из среды буржуазии; эти последние так же, как и наши современные «Разуваевы», вовсе не думали о правильной земледельческой культуре, в свою очередь передавали арендованные земли крестьянам и заботились лишь о возможно более выгодных условиях такой передачи [2]). Помешало ли это обстоятельство победе буржуазии и торжеству капитализма во Франции? Если нет, то почему у нас оно окажет не только более сильное, но, — как думают народники,—решающее влияние на все наши отношения производства? Во Франции в то время уже не было общины? Прекрасно. Но как во Франции, так и во всей «западной Европе» был феодальный режим, были в свое время цехи, которые сильно затрудняли развитие капитализма, «стесняли производство, а не облегчали его». Эти «цепи» не остановили, однако, хода общественно-экономического развития. Наступила пора, когда «их нужно было разбить и они были разбиты». Чем застрахована от такой же судьбы русская община?

ков современной буржуазии, г. Вернер Зомбарт, отнесся к ней с большою нежностью в своем реферате, прочитанном 15-го сентября 1903 г. на съезде «*Союза Социальной Политики*» в Гамбурге (см. Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik über die Lage der in der Seeschiffahrt beschäftigten Arbeiter und über die Störungen im deutschen Wirtschaftsleben während der Jahre 1900 ff., Leipzig 1903, S. 130). Удивительно только то, что г. В. Зомбарт считает выдающегося русского ученого Тугана-Барановского отцом этой будто бы новой теории. Настоящим отцом этого совсем не нового учения был *Жан Баттист Сей*, в «курсе» которого она и изложена с достаточной полнотой. Очень интересно то обстоятельство, что в этом отношении буржуазная экономия возвращается на точку зрения вульгарного экономиста, которого она избегает называть, как бы уступая похвальному чувству стыдливости. Кроме г. Тугана-Барановского, у нас теорию Ж. Б. Сэя проповедывал г. Владимир Ильин в «Заметке по вопросу о теории рынков» («Научное Обозрение», январь 1899 г.) и в книге о «Развитии капитализма в России». В этом последнем сочинении г. Владимир Ильин обнаруживает, впрочем, значительный *эклектизм*, свидетельствующий о том, что в нем не всегда молчала теоретическая совесть марксиста.

[1]) «Вестник Нар. Воли», ст. «Чего нам ждать от революции?», стр. 251.

[2]) «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века», *Н. Кареев*, Москва 1879, гл. II, стр. 117 и след.

Г. Николай—он, гораздо основательнее знакомый с нашим пореформенным хозяйством, чем все русские революционные и консервативные самобытники вместе взятые, не колеблется признать, что само «Положение» (о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости) было у нас «лебединою песнью старого процесса производства», и что последовавшая за ним деятельность законодательства, *направленная в совершенно противоположную сторону*, «по результату оказала *более существенное влияние* на весь народный хозяйственный быт», чем крестьянская реформа. По мнению этого писателя, «приложению капитала к земле, исполнению его исторической миссии у нас мешает «Положение», наделившее производителей орудиями труда. Капиталистическому же хозяйству способствует вся пореформенная государственно-хозяйственная деятельность. ...Течение капиталистическое, однако, *видимо пересиливает*. Все данные говорят в пользу того, что все большая и большая часть производителей экспроприируется: уменьшение доли производителя в продукте и увеличение доли капиталиста, происходящее на наших глазах, заставляет все бо́льшую и бо́льшую часть первых бросать землю, не «обряжать» ее. При этом и в самой общине происходит весьма любопытное явление: нехозяйственным хозяевам общество начинает отводить худшую землю (все равно не обрабатывают ее), сроки же переделов земли хозяйственных домов все увеличиваются и увеличиваются, так что мы присутствуем при акте превращения общинного пользования в—индивидуальное» [1]). Господин Тихомиров совершенно игнорирует выводы замечательного исследования г. Николая—она и упрямо твердит, что у нас «во владении крестьян до сих пор находится 120.628.246 дес. земли» [2]). Он забывает, что сущность дела заключается не в юридических *нормах*, а в экономических *фактах*. Факты же эти показывают, что во многих и многих местностях община настолько уже искажена неблагоприятными ей влияниями, что из средства защиты производителей против капиталистической эксплоатации она превращается уже в могучее орудие этой последней. Чтобы не быть голословными, возьмем опять народ, «каков он есть», взглянем с этой стороны на современную русскую действительность.

[1]) *Николай—он*, «Очерки», стр. 132—136.

[2]) *Прим. ко 2-му изд.* В то время, когда я писал эти строки, была напечатана только первая часть исследования г. Н.—она. В своем законченном виде оно появилось лишь в 1893 году и далеко не оправдало тех ожиданий, которые возлагались на него мною, да,—как сейчас увидит читатель,—и не одним мною. Г. Н.—он в последнем счете оказался таким же утопистом, какими были г.г. В. В., Пругавин, Тихомиров и т. д. Правда, данных у него было несравненно больше, чем у них; но обработаны эти данные были до последней степени односторонне и служили только для подтверждения предвзятых утопических идей, основывавшихся на совершенно неправильном понимании теории стоимости Маркса. Работа г. Н.—она произвела на очень хорошо расположенного Энгельса весьма неприятное впечатление. В одном из своих писем ко мне Энгельс говорит, что он потерял уже всякую веру в то поколение русских людей, к которому принадлежал г. Н.—он, так как, о чем бы ни заговорили эти люди, они непременно сведут речь «на святую Русь», т.-е. обнаружат славянофильские предрассудки. Главный упрек, делаемый Энгельсом г. Н.—ону, состоял в том, что тот не понимает революционного значения переживаемого Россией экономического переворота.

Но предварительно—несколько общих замечаний об истории первобытного аграрного коммунизма.

2. Община.

Если послушать наших народников, то действительно можно подумать, что русская община представляет собою совершенно исключительную, по своей прочности, организацию. «Ни междоусобия удельного времени, ни иго монгольское, ни кровавая эпоха Ивана Грозного, ни смутные годы междуцарствия, ни реформы Петра и Екатерины, вносившие в русскую жизнь начала западно-европейской культуры,—ничто не поколебало, не изменило этого заветного учреждения крестьянской жизни—говорит один из самых легковоспламеняющихся народников, г. К—н, в книге о «формах землевладения у русского народа»—его не могло стереть крепостное право; на его уничтожение не повлияли ни добровольные выходы крестьян на новые земли, ни принудительные выселения» и т. д. и т. д., словом,

Века проходили, все к счастью стремилось,
Все в мире по нескольку раз изменилось,

а русская община оставалась неизменной и неизменимой. К сожалению, славословие это, при всем его бесспорном красноречии, ровно ничего не доказывает. Сельские общины обнаруживают несомненную живучесть до тех пор, пока они не выходят из условий натурального хозяйства. «Простой производительный механизм этих общин, довольствующихся своими собственными продуктами и постоянно воспроизводящихся в одной и той же форме, а в случае разрушения вновь возникающих на том же самом месте, под тем же самым именем,—этот механизм открывает нам тайну неизменного состояния азиатских обществ, находящегося в таком резком противоречии с беспрерывною сменою государств и династий. Структура основного экономического элемента этих обществ остается нетронутою бурями политического горизонта» [1]).

Но тот же самый основной элемент варварских обществ, стойко выдерживающий бури политических революций, оказывается бессильным и беззащитным перед логикой экономической эволюции. Развитие денежного хозяйства и товарного производства мало-по-малу подкапывает общинное землевладение [2]). К этому присоединяется разрушающее влияние государ-

[1]) «Das Kapital», 2 Aufl., S. 371.

[2]) Влияние денежного хозяйства на разложение первобытного коммунизма прекрасно обрисовано г. Г. Ивановым (Успенским) в применении к семейной общине.

«В настоящее время», говорит г. Иванов («Из деревенского дневника», «Отеч. Записки», сентябрь 1880, стр. 38—39), в жизни крестьянских семейств есть такое безмерное скопище неразрешимых и трудных задач, что если еще и держатся крепко большие крестьянские семейства (я говорю о подгородных), то только, так сказать, соблюдением внешнего ритуала, а внутренней правды уже мало. Довольно часто мне приходится сталкиваться с одним из таких больших крестьянских семейств. Во главе семьи стоит старуха лет 70, женщина крепкая, по своему, умная и опытная. Но весь

ства, которое самою силою обстоятельств вынуждается к поддержанию принципа индивидуализма. На этот путь выводят его как собственные все более и более растущие нужды, так и давление высших сословий, интересы которых враждебны общинному принципу. Развитие денежного хозяйства, в свою очередь являющееся следствием развития производительных сил, т.-е. роста общественного богатства, вызывает к жизни новые общественные функции, поддержание которых немыслимо было бы с помощью прежней системы взимания налогов натурою. Нужда в деньгах заставляет правительство поддерживать все те мероприятия и все те принципы общественного хозяйства, которые увеличивают прилив денег в страну и ускоряют пульс общественно-экономической жизни. Но эти отвлеченные принципы общественного хозяйства существуют не сами по себе, а представляют лишь общее выражение действительных интересов известного,—именно, торгово-промышленного,—класса. Выделившийся частью из прежних общинников, частью из лиц других сословий, класс этот существенно заинтересован в том, чтобы мобилизовать как недвижимую собственность, так самих собственников, поскольку эти последние являются работниками. Принцип общинного землевладения препятствует достижению каждой из этих целей. Вот почему оно и становится предметом сначала антипатии, а затем и более или менее решительных нападений со стороны наро-

ее опыт почерпнут в крепостном праве и касается хозяйства исключительно земледельческого, где участвует своими трудами весь дом, причем весь доход идет в руки старухи, а она уже распределяет его по своему усмотрению и общему согласию. Но вот прошла шоссейная дорога, и вдруг кадушка капусты, распродаваемая извозчикам, стала приносить столько доходу, что сделалась выгоднее целого года работы на пашне, положим, одного человека. Вот уже явное нарушение в одинаковости труда и заработка. Прошла машина, телята стали дорожать, потребовались в столицу. Один из сыновей пошел в извозчики, и в полгода заработал больше всей семьи, работавшей в деревне год. Другой брат пожил дворником в Петербурге, получая в месяц по 15 р., чего бывало не получал и в год. А младший брат с сестрами целую весну, целое лето драли корье и не выработали третьей части того, что выработал извозчик в два месяца... И вот, благодаря этому, хотя по виду в семье все ладно, все несут в нее «поровну» плод своих трудов, но на деле не то: дворник «скрыл» от маменьки четыре красных бумажки, а извозчик скрыл еще того больше. Да и как тут поступить иначе? Эта вот девушка ободрала себе до крови руки, и целое лето билась с корьем, чтобы выработать пять целковых, а извозчик выработал 25 в одну ночь за то только, что попутался с господами по Питеру часов с 12 вечера до белого света. Кроме того, авторитет старухи еще значил бы и значил бы очень много, если бы заработок семьи был исключительно результатом земледельческого труда. В этом деле она точно авторитет; но спрашивается: что же такое может она смыслить в дворницком, извозчицком и в других новых заработках? Что она тут понимает и что может присоветывать? Авторитет ее, поэтому, чисто фиктивный и если значит что-нибудь, то для остающихся дома баб, да и бабы очень хорошо знают, что мужья их относятся к старухе с почтением и покорностью только по виду, так как вполне подробно знают достатки своих мужей, знают, много ли кем от нее скрыто, и сами скрывают эти тайны наикрепчайшим образом. Авторитет главы фиктивный и фиктивны все семейно-общинные отношения; у всякого скрыто нечто от старухи, представительницы этих отношений, скрыто для себя. Умри старуха, и большая семья эта не продержится даже в том виде, как теперь, и двух дней. Все захотят более искренних отношений, и это желание непременно приведет к другому—жить каждому по своему достатку: сколько кто добыл, тем и пользуйся»

ждающейся буржуазии. Но и удары не сразу разрушают общину. Ее гибель подготовляется постепенно. Долгое время внешние отношения общинников остаются, повидимому, совершенно неизменными, между тем, как внутренний характер общины переживает тяжелые метаморфозы, которые и приводят ее, наконец, к полному разложению. Этот процесс совершается порой в течение очень продолжительного времени, но, раз дойдя до известной степени интенсивности, он уже не может быть остановлен никакими «захватами власти» со стороны того или другого тайного общества. Единственный серьезный отпор торжествующему индивидуализму может быть дан лишь теми общественными силами, которые вызываются к существованию самим процессом разложения общины. Ее члены, когда-то равные по своему имущественному положению, по своим правам и обязанностям, подразделяются, благодаря указанному процессу, на два слоя. Один тяготеет к городской буржуазии, стремясь слиться с ней в один класс эксплоататоров. В руках этого привилегированного слоя скопляется, мало-по-малу, вся мирская земля. Другой слой—частью выкидывается из общины и, оторванный от земли, несет свои рабочие руки на рынок, а частью образует новую категорию общинников-париев, эксплоатация которых облегчается, между прочим, удобствами, представляемыми общинной организацией. Только там, где исторические обстоятельства вырабатывают новый экономический базис для переустройства общества в интересах этого низшего класса; только тогда, когда класс этот начинает сознательно относиться к коренным причинам своего рабства и к существенным условиям своего освобождения,—только там и только тогда,—можно, не впадая в маниловщину, «ждать» новой социальной революции. Этот новый процесс также совершается лишь мало-по-малу, но, раз начавшись, он точно также доходит до своего логического конца с неуклонностью астрономических явлений. Социальная революция опирается, в этом случае, не на «возможный» успех заговорщиков, а на верный и неотразимый ход общественной эволюции.

Mutato nomine de te fabula narratur,—можем сказать мы, обращаясь к русской общине. Именно недавним развитием в России денежного хозяйства и объясняется та прочность, которая обнаруживалась *до последнего времени* нашей общиной и которая *до сих пор* продолжает умилять людей, слабоватых в деле мышления. До уничтожения крепостного права почти все общественное, а в значительной степени и государственное хозяйство России было хозяйством натуральным, в высшей степени благоприятным сохранению поземельной общины. Вот почему этой последней и не могли разрушить политические события времен удельно-вечевого уклада и московской централизации, петровских реформ и «барабанного просвещения» петербургских самодержцев. Как ни тяжело отзывались на народном благосостоянии многие из этих событий, но несомненно, что сами они, в последнем счете, являлись не предвестниками коренных переворотов в общественном хозяйстве, а лишь следствием тех взаимных отношений, в которых стояли между собою отдельные общины. В основе московского деспотизма лежали именно те «вековые устои народной жизни», которыми восхищаются наши народники. Это одинаково ясно понимали и реакционный бар. Гакстгаузен, и революционный агитатор Бакунин. Будь Россия изолирована от экономических и политических влияний западноевропейской жизни,—трудно было бы и предвидеть, когда история подкопает, наконец, экономический фундамент ее политического устройства. Но влияние международных отношений ускорило естественный, хотя и медленный, процесс развития денежного хозяйства и товарного производства. Реформа 19-го февраля была необходимой уступкой новому экономическому течению, и в свою очередь придала ему новую силу. Община не сумела, да и не могла приспособиться к новым условиям. Ее организм надломился, и только ослепленные люди не замечают теперь признаков его разложения. Вот факты.

3. Разложение нашей общины

Процесс разложения нашей сельской общины отражается даже на внешнем ее виде. «Я долго стоял у околицы погоста, всматриваясь в наружный вид деревень (расположенных внизу, под горой),—говорит г. Н. Златовратский.—Какое разнообразие, однако! Тут куча изб, очевидно, дряхлых, двуоконных, крытых соломой. ...Здесь, напротив, новые, трехоконные избы, с большими проулками между ними, крыты тесом, а между ними мелькают даже зеленые железные крыши с флюгерами на трубах. А вот третья—длинная, извивающаяся, как червяк, где рядом с хоромами зажиточного кулака торчит, чуть поднимаясь от земли, не то шалаш, не то конура» [1]). Этому, очень живописному, по внешности, разнообразию соответствует разнообразие цифр, выражающих бюджеты отдельных хозяйств. По словам г. Златовратского, избранная им для изучения община заключала в себе, «не смотря на очень небольшой объем, довольно крайние ступени экономического неравенства, *от сиденья на капиталах*, погрызывая целыми днями орехи, до гусарихи (вдовы солдата-гусара) бедствующей с целой оравой ребятишек; при том эта деревня очень ясно делилась на *красную сторону и холодную сторону*». А между тем эта община «представляла собою тот средний тип современной *новой* деревни, к которому или стремятся приблизиться все вообще русские деревни, или некоторые успели уже шагнуть далеко и дальше в том же направлении т.-е. в направлении дезорганизации устоев деревни старой, как представительницы принципа труда и экономического равенства». Г. Златовратский знает, что есть еще такие деревни «и много еще их есть, где вы чувствуете и видите крепкие, несокрушимые основы» старого общинного быта. «Но больше этих деревень *было*, чем есть» [2]). Теперь же в деревне все более и более укрепляется то, что автор «Будней» называет «атмосферой деревенского двоедушия и

[1]) *Н. Златовратский*, «Деревенские будни», С.-Петербург 1880 г., стр. 9.
[2]) «Деревенские будни», стр. 191.

двуличия» и что составляет неизбежное следствие разложения общины на несколько различных слоев с совершенно непримиримыми интересами.

С одной стороны, вы видите «добродушного *хозяйственного мужичка*, «который имеет надел всего только на одну душу, а между тем обрабатывает три, четыре, даже пять наделов своих собратьев. которые не в силах их тянуть»; с другой стороны, перед вами именно эти «малосильные» хозяева, «чернота», «беднота» и т. д., которые «или сами же, в качестве наемщиков, работают у своего арендатора, или совсем заколачивают свои избы и уходят на сторону, Бог весть куда, никогда, другой раз, даже не заявляясь в свою родную общину». И таких бедняков немало. В № 2922 «Нового Времени», от 18 апреля текущего года, мы прочитали следующее многозначительное сообщение: «Вот факт, достоверность которого засвидетельствована официально. Из 9.079.024 дворов в сельских обществах России (за исключением Привислинского и Прибалтийского краев) насчитывается 2.437.555 дворов безлошадных. Это значит, что из четырех дворов крестьянских в одном нет лошади. Но крестьянин, не имеющий лошади, уже не может быть самостоятельным земледельцем-хозяином. Это значит, что четвертую часть сельского населения России надобно исключить из числа земледельцев, ведущих самостоятельное хозяйство» [1]). Крестьянин же, не могущий вести самостоятельное хозяйство, есть кандидат на звание пролетария, кандидат, утверждение которого в этом звании должно состояться в самом скором времени. Избегая пока непосредственной эксплоатации крупного капиталиста-предпринимателя, такой крестьянин находится уже, однако, в полной зависимости от мелкого ростовщического капитала деревенских кулаков, или

[1]) Сведения эти заимствованы газетой из книги «Конская перепись в 1882 г.». Указанный здесь средний вывод подтверждается частными исследованиями по отдельным губерниям и уездам. Так, например, даже для Тамбовской, вообще более или менее зажиточной, губернии мы имеем следующие данные:

	Спасский уезд.	Темниковский.
Хозяйств безлошадных	21 %	21,6 %
» однолошадных	41 »	42,9 »
» 2 и 3 лошадных	33 »	31,3 »

	Моршанский.		Борисоглебский.	
» безлошадных	21,6%	50,5%	18%	46%
» однолошадных	28,9 »		28 »	

(Смотри ст. г. *Григорьева*, „Земско-статистические исследования по Тамбовской губернии», «Русская Мысль», сентябрь 1884, стр. 79). В Покровском уезде Владимирской губ. (Кудыкинский район) «безлошадные составляют 24 проц. всех домохозяев. В Юрьевском уезде той же губернии процент безлошадных не особенно велик, но зато мы находим здесь весьма много домов, имеющих всего одну лошадь. А такого рода семьи бесспорно должны быть отнесены к числу слабых, мало способных к земледелию». Впрочем, в некоторых районах того же уезда (Никульская волость) безлошадные составляют от 19 (помещичьи крестьяне) до 24 процентов (крестьяне государственные) всего числа домохозяев. В Спасской волости домохозяева, лично обрабатывающие землю, составляют только 73%.

даже просто «умственных хозяев». Как обращаются «умственные хозяйственные мужички» с обнищавшими сообщинниками—видно из цитированной уже книги г. Златовратского.

« — А эти вот заколоченные-то избы «воздушному» народу принадлежат?—спрашивает автор своих собеседников.

— Воздушному... вполне!—улыбнулись собеседники:—потому летает, как птица! Все сидит, все крепится, перемогается как ни то на десятине-то своей, а потом—фю! и улетел... Попросит соседа, чтобы у него паспорта не задержали, взять его надел в аренду, *Христом Богом еще просит*, водкой напоит и денег обязуется присылать в приплату—только сделай милость, возьми! Ну и берут... нам это, хозяйственным мужичкам, на руку... случается так—вернется назад, и хочется взять землю-то—да взяться за нее нечем: к рендателю же на свою землю в батраки наймется... Все ведь это кого чем Господь пошлет!..»

Нравится ли вам, читатель, община таких «хозяйственных мужичков»? Если да, то ваши вкусы едва ли схожи в этом случае со вкусами «воздушного народа», который «Христом Богом просит», чтобы его развязали с землею. И заметьте, что этот «народ» совершенно прав по своему. Разница между вашими и его симпатиями обусловливается тем очень простым обстоятельством, что симпатичная вам община совсем непохожа на ту, с которой приходится иметь дело «воздушному народу». В вашем воображении рисуется та идеальная община, которая *может* явиться после революции во вкусе народников и народовольцев. Воздушный же народ имеет дело с тою *действительной* общиной, в которой утвердился уже его непримиримый антагонист, «хозяйственный, умственный мужичек», самодовольно повторяющий—«у нас чернота не держится... у нас ей вздоху нет... кабы не *они*, так разве нам можно было бы жить? Кабы не этот воздушный народ, так нам бы весьма утеснительно было... А вот теперь, как поспустишь от мира этого воздушного народу достаточно, оно тебе и свободно» [1]). Мир, «спускающий от себя» черноту, есть мир кулаков и эксплоататоров. Не имеющий «вздоху» воздушный народ бежит от него, как от ярма.

Но умственный мужичок не всегда увольняет «черноту» даром. Забравши «в один надел—четыре», принадлежащих его разорившимся односельчанам, он требует от последних еще «придачи». Отсюда-то и рождаются удивительные договоры, в роде нижеследующего, увековеченного г. Орловым: «1874 года. Ноябрь 13. Я, нижеподписавшийся Московской губернии, Волоколамского уезда, деревни Курвиной, дал сию расписку своему обществу крестьян деревни Курвиной в том, что я, Григорьев, отдаю в общественное пользование землю—надел на три души, *за что я, Григорьев, обязывалось уплачивать в год 21 руб.* и означенные деньги должен высылать ежегодно к первому апреля, кроме паспортов, на которые я должен высылать особо, также на посылку оных, в чем и под-

[1]) «Деревенские будни», стр. 203—204.

лисуюсь». Что этот случай не может быть единственным—видно из сравнения платежей, лежащих на крестьянских наделах, с арендной платой за них. В среднем выводе по 12 уездам Московской губ. размер платежей, лежащих на душевом наделе, равняется 10 руб. 45 коп., средняя же орендная цена душевого надела не превышает 3 руб. 60 коп. Таким образом, средняя приплата со стороны владельца за сдаваемый в аренду душевой надел доходит до 6 руб. 80 к. «Встречаются, конечно, и такие случаи, когда надел сдается по цене, окупающей лежащие на нем платежи,—говорит г. Орлов,—но такие случаи крайне редки, а потому их можно считать исключением, общим же правилом является бо́льшая или меньшая приплата к арендной цене надела. Понятно теперь, почему у крестьян, по их собственному выражению, нет зависти на мирскую землю» [1]). Кто знаком с прекрасным исследованием г. Янсона о крестьянских наделах и платежах, тот знает, что в бо́льшей части России существует указываемое г. Орловым несоответствие между доходностью душевых наделов и общей суммой лежащих на них платежей. Очень часто несоответствие это достигает размеров, поистине ужасающих. В Новгородской губернии «платежи с десятины земли для отдельных групп плательщиков, по отношению их к нормальному доходу с этих земель, составляют:

С земель крестьян государственных	160%
С земель крестьян собственников:	
бывших удельных	161%
» помещичьих	180%
временно-обязанных	210%

При неблагоприятных же условиях, т.-е. при дополнительных платежах с крестьян собственников, при малых наделах и при высоких общих повинностях для временно-обязанных крестьян, платежи эти достигают:

для выкупившихся крестьян до	275%
для временно-обязанных до	565% [2])

В общем сопоставляя данныя, собранные в XXII т. «Трудов податной комиссии», с данными, заключающимися в докладе комиссии сельско-хозяйственной, г. Николай—он нашел, что «государственные удельные крестьяне в 37 губерниях (не считая, след., западных) Европейской России платят из чистого дохода, даваемого землею, 92,75%, т.-е. на всякие нужды из земельного дохода им остается 7,25%. Платежи же бывших помещичьих крестьян по отношению к чистому доходу с их земли выражаются 198,25,— т.-е. они не только отдают весь свой доход с земли, но должны еще приплачивать столько же из сторонних заработков». Отсюда следует, что «спущенная миром» чернота в бо́льшей части случаев должна ежегодно платить известную сумму денег за право отказа от надела и свободного

[1]) «Сборник Статистических сведений по Московской губ.», Отдел хозяйственной статистики, т. IV, выпуск I, Москва 1879, стр. 203—204.

[2]) «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства» и т. д., отд. III, стр. 6.

передвижения. Этот бесспорный вывод подтверждается фактами всюду, где экономические отношения крестьян подвергались сколько-нибудь внимательному изучению. Так, напр., в супесчаном районе Юрьевского уезда, Владимирской губ., по словам г. В. С. Пругавина, «скудная, неблагодарная надельная почва представляется бременем для хозяйства, земля является мачехой для крестьян. Здесь надел не только не окупает лежащих на нем платежей, но сдающий землю должен приплачивать еще от себя 8—10 р. за каждый надел, так как средняя арендная цена душевого участка земли в этом районе равняется 4—5 рублям в год» [1]). Подавленная бременем налогов, разоренная «мачехой»-землей, деревенская «чернота» попадает в самое безвыходное положение. С одной стороны она не может, по недостатку средств, возделывать землю, которою она владеет, с другой стороны, существующие законоположения запрещают ей отказываться от землевладения, не приносящего ничего, кроме убытков. Куда ведет такое положение дел? Очень ясно. По словам г. Орлова, так называемые, пустырники, т.-е. домохозяева, забросившие свою землю, выделяются в особую группу и становятся как бы отверженными, изгнанными из мира; община раскалывается на две части, из которых каждая становится во враждебное отношение к другой: хозяева смотрят на пустырников, как на тяжелое бремя, так как им, по круговой поруке, бо́льшею частью приходится отвечать за последних, с которых обыкновенно взять бывает нечего; пустырники же, окончательно разорившись и переставши заниматься хлебопашеством, принуждены бывают со своими семьями уходить *на сторону* для заработков, а между тем, не пользуясь своими наделами, должны платить все лежащие на них подати, иначе мир не выдаст им паспорта и при том «стегает» их в волостном правлении за неплатежи; *очевидно, мир в глазах пустырников является обузою, бичем, тормозом.* Понятно, что «связь между двумя указанными частями общины чисто внешняя, искусственная, фискальная; с уничтожением этой связи должно по необходимости произойти *окончательное распадение означенных групп*: община будет состоять из одних хлебопашцев; пустырники же, не имея средств вновь завести хозяйство и исподволь отвыкая от него, окончательно обратятся в безземельных, которыми фактически они являются и теперь» [2]).

На известной стадии разложения общины неизбежно почти наступает такое время, когда беднейший слой общинников начинает восставать против этой формы землевладения, сделавшейся его «бичом и тормозом». Во Франции, в конце прошлого века, беднейшие крестьяне требовали часто «раздела общинных земель, так как или, не имея скота, не пользовались ими, или надеялись завести самостоятельное хозяйство, но в таком случае *имели против* себя фермеров и вообще самостоятельных хозяев, которые посылали на эти земли скот» [3]). Иногда имело, правда, место и обратное

[1]) *В. С. Пругавин*, «Сельская община» и т. д. Юрьевского уезда Влад. губ. Москва 1884 г., глава III, стр. 94—95.

[2]) *Орлов*, «Сборн. статистич. свед.», стр. 55.

[3]) *Кареев*, Ibid., стр. 132.

явление, т.-е. бедные желали сохранения общинных пастбищ, а богатые захватывали их в свое исключительное пользование, но, во всяком случае, несомненно, что деревенская коммуна являлась ареной самой ожесточенной борьбы материальных интересов. Антагонизм занял место первобытной солидарности [1]). Такой же антагонизм замечается теперь, как мы видели, и в русских деревнях, причем стремление бедных к выходу из общины замечается на более ранних ступенях ее разложения. Пахатные земли, например, в Московской губ. не успели еще перейти в частную собственность, а между тем гнет государственных налогов ставит уже беднейшую часть крестьян во враждебное отношение к общине. «В тех общинах, в которых не имеется благоприятных условий для земледельческого хозяйства... крестьяне среднего состояния стоят за сохранение мирского владения; крестьяне же крайних состояний, т.-е. *наиболее и наименее состоятельные, сочувственно относятся к замене мирского владения подворно-наследственным* [2]). Кулаки и «пустырники» одинаково стремятся разорвать свою связь с общиной.

Как сильно распространено такое стремление? Мы знаем уже, что оно обнаруживается там, где «не имеется благоприятных условий для земледельческого хозяйства всех дворов», там, где «часть дворов постепенно беднеет, слабеет, а затем и совсем расстраивает свое земледельческое хозяйство, перестает заниматься хлебопашеством, обращается исключительно к сторонним промыслам и, таким образом, разрывает свою непосредственную связь с мирскою землею». Всюду, где встречается такое положение дел,—стремление бедняков к разрыву с общиною настолько естественно, что оно представляет собою или уже существующий факт или дело очень близкого будущего. Там, где существует причина, не замедлит обнаружиться и следствие.

Мы знаем также, что большинство наших общин поставлено не только в неблагоприятные, но просто в невозможные условия. Наше хозяйство, как общегосударственное, так и специально *народное*, покоится теперь на самом ненадежном основании. Чтобы разрушить это основание, не нужно ни чудес, ни неожиданностей: к этому ведут нас—самая строгая логика вещей, самое естественное отправление функций современного нашего общественно-экономического организма. Фундамент разрушается просто от тяжести и несоразмерности частей построенного на нем здания.

Как быстро теряет равновесие хозяйство беднейшей части общинников, видно отчасти из приведенных выше данных о числе безлошадных крестьянских дворов, а отчасти—и при том с большей ясностью—из следующих многозначительных фактов. В Подольском уезде «по переписи 1869 года из 33.802 душевых наделов не обрабатывалось 1.750, т.-е. 5%; в переводе на десятины это значит, что из 68.544 десятин пахатной крестьянской земли запущено было 3.564 дес. Точные данныя о необработанных наделах в 1877 году собраны только по трем волостям, где они дают 22,7% запущенной пашни. Не имея оснований считать эти волости чем-то исключительным и предполагая, поэтому, что и в остальной части уезда господствует запущение в тех же размерах [1]), мы найдем, что количество необрабатываемой земли с $3^1/_2$ тысяч десятин возвысилось до $15^1/_2$, т.-е. увеличилось в 4—5 раз. И это в 8 лет! Это приблизительное определение количества запущенной пашни находит себе подтверждение в сведениях о числе хозяев, необрабатывающих своих наделов» [2]). И действительно, между тем, как в 1869 г. число таких хозяев составляло 6,9% получивших надел дворов, в 1877 году *оно возрасло до* 18%. Это средняя цифра для всего уезда. В некоторых отдельных местностях возрастание числа не занимающихся земледелием домохозяев шло еще быстрее. В Кленовской волости оно поднялось с 5,6% (в 1869 г.) до 37,4% в 1877 году! Но и это еще не предельная величина. В одиннадцати селениях, взятых исследователями, как пример, мы находим, что в указанный промежуток времени скотоводство сократилось на 20,6%, число же забросивших земледелие возросло с 12,3% до 54,3%, т.-е. «большая половина населения принуждена в 1877 г. искать заработка вне земледелия». В лучше обставленных местностях того же уезда, в тех селениях, где, по словам исследователей, земледелие «процветает», процент необрабатывающих землю все-таки возрос больше, чем вдвое: с 4—в 1869 г. до 8,7 в 1877 году. Таким образом это относительное «процветание» только замедляет разрыв крестьянина с землею, но вовсе не устраняет его. Общая, роковая для крестьянина, тенденция нашего народного хозяйства остается неизменной.

Но, может-быть, этот уезд составляет исключение из общего правила? Едва ли. Другие уезды Московской губернии, равно как и другие губернии европейской России, находятся в аналогичном положении. В Серпуховском уезде количество незанимающихся хлебопашеством хозяев простирается до 17%, в Верейском—16%. В Гжатском уезде Смоленской губ. «есть селения, в которых оставлено земли на половину и даже до $^3/_4$; ...крестьянское полеводство, вообще, в уезде сократилось на четвертую часть» [3]). Не плодя цитат и выписок, мы смело можем, по крайней мере, к половине России применить сказанное г. Орловым о Московской губернии: «Возникают резкие противоположности в имущественном состоянии крестьянского населения: *громадный процент крестьян постепенно теряет всякую возможность вести самостоятельное хозяйство и обращается в разряд безземельных и бездомных*, а вместе с этим незначительный процент крестьян с каждым годом увеличивает степень своего

[1]) Une commune est presque toujours divisée par la difference des esprits qui gouvernent et qui opposent leurs vues particulières au bien general, цитированоу Кареева, стр. 135.

[2]) *Орлов*, стр. 289—290.

[1]) Читатель тотчас увидит, что это предположение вполне основательно.

[2]) «Московская губ. в трудах ее земских статистиков», «Отеч. Записки», 1880 г., кн. 5, стр. 22.

[3]) Сведения эти относятся еще к 1873 г. См. «Доклад» сельско-хоз. ком., Дополнение, ст. о «Земледелии», стр. 2.

имущественного благосостояния» [1]). А это значит, что, по крайней мере, половина сельских общин в России является бременем для общинников.

Сами народники хорошо сознают неотразимость этого вывода. В брошюре «Социализм и политическая борьба» мы цитировали уже г. N. Z., по мнению которого «несчастная община дискредитируется в глазах народа» [2]). Г. Златовратский также говорит где-то, что община дорога теперь лишь деревенским старичкам да городской интеллигенции. Наконец, сам г. В. В. признает, что «община распадается, как добровольный союз, остается «общество» в административном смысле, группа лиц, насильственно связанных круговой порукой, т.-е. ответственностью каждого за ограниченность сил всех плательщиков и неспособность фиска понять эту ограниченность. Все выгоды, когда-то доставляемые общиной, исчезли, остались лишь неудобства, связанные с принадлежностью к обществу» [3]). Так называемая несокрушимая основа народного быта ежедневно и ежечасно сокрушается давлением государства. Капитализм мог бы, пожалуй, и не вступать в активную борьбу с этой «Непобедимой Армадой»; она и без того разрушается о подводные камни малоземелья и налоговых тягостей.

Но, махнувши рукой на современную, *действительную* общину, народники не перестают петь дифирамбы общине абстрактной, общине an und für sich, общине *возможной* при известных благоприятных условиях. Они твердят, что община разрушается под влиянием внешних независящих от нее обстоятельств, что ее разложение *несамопроизвольно* и прекратится с устранением современного государственного гнета. На эту сторону их аргументации нам и нужно обратить теперь внимание.

Наши народники, в огромном большинстве случаев, отличаются поистине умилительною кротостью. Забота об избавлении общины от ее современного «египетского пленения» охотно возлагается ими на то самое правительство, усердием которого доведена до нищеты чуть не вся Россия. Гнушаясь политикой, как «буржуазной» забавой, презирая конституционные стремления, как несогласные с народным благом, наши легальные общинофилы стараются убедить правительство, что поддержка пресловутых «устоев» лежит в его собственных интересах. Само собою разумеется, что голос их остается голосом вопиющего в пустыне. Кот Васька слушает, да ест, да время от времени прихлопывает те газеты и журналы, которые слишком уже надоедают ему разъяснением его «правильно понятых интересов». Бесспорная мораль знаменитой басни оказывается аксиомой и в области социально-политической жизни.

Вопрос об избавлении крестьянского хозяйства от неблагоприятных ему условий сводится, таким образом, к вопросу об избавлении России от гнета абсолютизма. С своей стороны, мы думаем, что эта политическая эмансипация нашего отечества станет возможной лишь в результате того перераспределения народных сил, которое несомненно будет вызвано и

[1]) Орлов, ibid., стр. 1.
[2]) См. «Неделю», № 39, 1883 г., ст. «В родных местах».
[3]) Экономический упадок России, «Отеч. Записки», 1881 г., кн. 9, стр. 149.

уже вызывается разложением некоторой части наших сельских общин. Но об этом речь впереди. Теперь же мы сделаем уступку народникам, забудем о *действительной* и поговорим о *возможной* общине.

4. Идеальная община народников.

Все предыдущие доводы наши основывались на том предположении, что русская община надолго останется под бременем непосильных для нее налогов и малоземелья. Взглянем теперь на дело с другой стороны. Допустим, что, благодаря тем или другим обстоятельствам, общине удастся избавиться от этого бремени. Спрашивается, не остановится ли тогда ее, начавшееся уже, разложение? И не помчится ли она тогда к коммунистическим идеалам с быстротой и неудержимостью гоголевской тройки?

В настоящее время общая сумма платежей, лежащих на крестьянских наделах, в большинстве случаев, далеко превышает доходность этих наделов. Отсюда происходит весьма естественное стремление некоторой части крестьян развязаться с землею, приносящею им лишь отрицательную ренту. Вообразим теперь обратный случай. Представим себе, что совершена серьезная реформа нашей податной системы и что лежащие на крестьянской земле платежи стали значительно ниже ее доходности. Этот предполагаемый нами общий случай и теперь уж существует в виде отдельных исключений. И теперь есть общины, в которых земля не является бременем для крестьянина, в которых она приносит ему, напротив, некоторый, хотя и небольшой, доход. Тенденции, обнаруживаемые такими общинами, должны показать нам, какую судьбу имела бы старинная форма нашего крестьянского землевладения в том случае, если бы все общины попали в такие, сравнительно благоприятные, условия. Посмотрим же, какие надежды, какие ожидания может возбудить в нас пример этих привилегированных общин.

В «Сборнике статистических сведений по Московской губ.» мы находим следующее в высшей степени важное указание. «Общие переделы мирских полей повторяются тем чаще, чем *выше* размер платежей, лежащих на мирской земле, чем в бо́льшем несоответствии находятся они (платежи) с доходностью земли. Если ценность платежей не выше доходности мирского надела, то переделы повторяются через длинные промежутки времени, простирающиеся до 15—20 и более лет; если, наоборот, размер платежей превышает доходность земли, то промежутки между переделами бывают более короткими, и при том переделы повторяются тем чаще, чем значительнее несоответствие между ценностью платежей и доходностию земли, при равенстве всех других условий» [1]). То же самое явление было замечено г. Личковым в Рязанской губернии. Смысл этого явления очень понятен: оно показывает нам, что уменьшение лежащих на крестьянской земле платежей вызвало бы стремление к удлинению

[1]) «Сборник стат. свед.», т. IV, вып., стр. 200.

сроков переделов. Впрочем, выражаясь точнее, нужно сказать, что уменьшение платежей только *увеличило* бы это стремление, так как оно существует уже и в настоящее время. «Сопоставление по отдельным уездам средних чисел, выражающих промежутки времени между общими переделами с числами частости переделов указывает на тенденцию к удлинению сроков переделов, а следовательно, к уменьшению числа переделов, т.-е. к бóльшей продолжительности владения» [1]). Та же тенденция указана в «Докладе» сельско-хозяйственной комиссии по отношению к другим губерниям европейской России. Многие из наших народников очень сочувственно относятся к такой тенденции. По их мнению, она даст возможность устранить или ослабить некоторые сельско-хозяйственные неудобства, неразрывно связанные с коренными переделами общинной земли. Это справедливо, но беда в том, что неудобные следствия общинного принципа устраняются в этом случае такими средствами, которые ведут к подрыву самого принципа и очень напоминают лечение головной боли посредством ампутации головы. Удлинение сроков переделов есть один из признаков предстоящего разложения общины. Всюду, где эта форма землевладения исчезла под напором возрастающего индивидуализма, исчезновение ее совершалось путем довольно продолжительного процесса приспособления *общины* к народившимся потребностям в *индивидуальной* недвижимой собственности. *Фактические* отношения здесь, как и везде, опережали *юридические:* земля, составлявшая собственность целой общины, все дольше и дольше оставалась в руках данного, обрабатывавшего ее семейства, пока, наконец, удлинение сроков переделов не подготовляло почву для полного устранения отживших правовых норм. Причина этого явления очень понятна и легко обнаруживается при сколько-нибудь внимательном изучении процесса индивидуализации недвижимой собственности.

Деревенская община представляет собою не более, как *одну из ступеней разложения первобытного коммунизма* [2]). Коллективная собственность на землю не могла не возникнуть в тех обществах, которые не знали никаких других видов собственности. «Историк-этнограф,—справедливо говорит г. Ковалевский,—станет искать древнейших форм общения имуществ не у осевших уже племен, а у бродячих звероловов и рыболовов, и видеть *в общинном землевладении* первых *не более, как перенесение на недвижимое имущество тех правовых* идей и *учреждений*, которые, под гнетом необходимости, возникли у отдельных племен в ту эпоху, когда единственным средством к пропитанию было занятие звериным и рыбным промыслами» [3]). Таким образом, относящиеся к *движимой* собственности «правовые идеи и учреждения»—оказывали решающее влияние на характер собственности *недвижимой*. Это влияние не только

[1]) Ibid., стр. 158.

[2]) *Примечание ко 2-му изданию.* Повторяю, теперь уже доказано фискальное происхождение нашей общины.

[3]) «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», стр. 27.

не ослабело, но еще более возросло в то время, когда движимая собственность приняла индивидуальный характер. Но зато оно приняло теперь противоположное направление. Прежде движимая собственность стремилась придать недвижимой—коллективный характер, потому что сама она принадлежала не отдельным лицам, а целому племени. Теперь, наоборот, она подрывает *общинную* недвижимую собственность, потому что сама она принадлежит не целой общине, а отдельным лицам. И это несомненное влияние движимой собственности на недвижимую с особенною силою сказывается там, где, как в земледелии, самая сущность хозяйственного предприятия требует одновременного употребления в дело объектов как частной, так и коллективной собственности. Хлебопашцу нужна, во-первых, земля, поступающая в его пользование лишь на известное время, а во-вторых,—удобрение, семена, рабочий скот и орудия труда, составляющие его частную собственность. В этой-то точке соприкосновения двух родов собственности разлагающее влияние индивидуализма достигает наивысшей степени, и победа тем скорее клонится на его сторону, чем более возрастает в земледельческой культуре значение предметов движимой (частной) собственности, т.-е. чем более труда, удобрения и ухода требует данная категория общинных земель. Вот почему огороды и вообще приусадебные земли, подвергающиеся наиболее старательной обработке, раньше других переходят в подворно-наследственное владение, между тем, как дольше других в общинной собственности остаются выгоны и пустоши, требующие разве лишь огораживания, для охраны пасущегося на них скота. Между этими двумя крайностями другие общинные угодья располагаются в порядке возрастающей или убывающей сложности их обработки.

Таким образом, удлинение сроков переделов есть естественное следствие возрастающей тщательности в обработке земельных угодий.

Вот несколько примеров в пояснение сказанного.

В Заозерской сельской общине (Новгородской губ.) «все пахатные поля разделяются на два вида—1) *степенные поля* и 2) пашни». Первые переходят от одного домохозяина к другому только во время коренных переделов, происходящих только при ревизии; поля второго рода, *пашни*, «каждый год под осень делятся между домохозяевами». Это различие обусловливается тем обстоятельством, что «*степенные поля* удобряются обыкновенно навозом» и «крестьяне довольны большими промежутками времени от передела до передела», потому что, по их собственным словам, «нужно получить свою пользу от земли, *а то на кой чорт я буду хорошо работать на своей полосе, если завтра другому отдай*». Более тщательная обработка ведет к бóльшей продолжительности владения, которая, в свою очередь, естественно распространяется и на другие виды общинных угодий, почему-либо имеющие в глазах крестьян большую ценность, хотя и не требующие никаких специальных затрат на свою обработку. В той же Заозерской общине сенокосы, как и поля, подразделяются на несколько разрядов, причем сенокосы лучшего разряда,

«обширные поемные луга» по реке Хоринке, «поступают только в коренной передел» [1]).

То же самое и еще более рельефно выраженное явление мы встречаем в Торховской общине Тульской губернии. *Те из домохозяев этой общины, «которые удобряют свои полосы, крепко за них держатся и только в крайнем случае решаются уступить их другому* домохозяину».

В Михайловском уезде Рязанской губернии «крестьяне не делят навозных полей».

В Мценском уезде Орловской губернии «при переделах одну полосу земли оставляют неделимою, чтобы ее каждый мог удобривать. Это называется навозниками. Такого навозника, никогда не переделяемого, приходится на крестьянина сажен 5».

В Курмышском уезде Симбирской губ. «в последние годы (писано в начале семидесятых годов) переделы полей делаются на более долгие сроки, вследствие чего земледелие улучшается и удобрение полей навозом входит в общее употребление» [2]).

Связь между удлинением сроков переделов и улучшением обработки полей—выясняется вышеприведенными примерами до очевидности. Не остается никакого сомнения в том, что домохозяева очень неохотно расстаются с землей, обработка которой потребовала от них каких-нибудь специальных затрат. Это стремление к возможно более продолжительному удержанию в своих руках раз полученной в надел полосы значительно ослабело бы, конечно, если бы все члены общины имели материальную возможность одинаково удобрять свои поля. «Если бы все, или, по крайней мере, значительное большинство дворов, одинаково исправно могли бы заниматься хлебопашеством, то большой разницы между полосами не могло бы быть, и общие переделы полей были бы ни для кого не обременительны»—говорили г. Орлову крестьяне Московской губернии. Но такое равенство само по себе очень непрочно в сельской общине, где на *мирской земле ведется подворное хозяйство*, где каждый самостоятельный общинник на свой собственный страх и риск обрабатывать полученную им в надел землю. Количество скота, качество сельско-хозяйственных орудий, рабочие силы семьи—представляют переменные величины, значительно разнообразящие доходы отдельных дворов. Развитие промышленности вокруг или внутри общины открывает новые пути для заработка, но вместе с тем и новые источники неравенства. Один двор совсем не имеет возможности «работать на стороне», другой—получает оттуда значительную часть своего дохода. Один домохозяин, занимаясь кустарной промышленностью, становится «мастерком», эксплоататором членов своей собственной общины, другому суждено попасть в более многочисленный

[1]) См. «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», издание Вольного Экономического и Русского Географического Обществ, С.-Петербург 1880, стр. 257—265.

[2]) «Доклад сельско-хозяйственной комиссии», Приложение I, отд. 1, глава 2; общинное и участковое пользование землею.

разряд эксплоатируемых. Все это, разумеется, отражается на хозяйственной способности различных дворов. Наконец, не все дворы переносят с одинаковой легкостью гнет государственных налогов. Таким-то образом, община распадается на «красную» и «холодную» стороны, на слой богатых, «хозяйственных мужичков», и слой бедняков, превращающихся, мало-по-малу, в «пустырников». Тогда переделы становятся в высшей степени невыгодными для исправных хозяев. Последним приходится «трудиться не на себя, а на своих малосильных и неисправных соседей». Само собою понятно, что зажиточные крестьяне стараются избежать этой, печальной для них, необходимости; они начинают очень несочувственно относиться к переделам. Мы можем сказать, поэтому, что *неравенство, необходимо возникающее в общине, в известный более или менее ранний период ее существования, также необходимо ведет к удлинению сроков переделов.*

Но на этом дело не останавливается. С удлинением сроков переделов неравенство между общинниками не только не исчезает, но, напротив, еще более усиливается. Домохозяева, имеющие возможность лучше обрабатывать свои наделы, не боятся теперь, что земля их «завтра» же перейдет в другие руки. Они возделывают ее с большим старанием, не останавливаются перед затратами на ее улучшение. Эти заботы естественно вознаграждаются лучшими урожаями. Хорошо обработанная полоса исправного домохозяина приносит больший доход, чем еле вспаханные наделы деревенской «черноты» [1]). Благодаря этому, в общине повторяется старая, но вечно новая история, рассказанная в притче о талантах: исправные домохозяева становятся еще «исправнее»; бедняки—еще беднее. Зажиточные домохозяева образуют между собою оборонительный и наступательный союз против «черноты», за которой остается еще право голоса при решении мирских дел и которая может потребовать переверстки. Желая, во что бы то ни стало, сохранить за собою лучше обработанные полосы общинной земли и не решаясь или не будучи в состоянии установить подворно-наследственное владение, зажиточные крестьяне прибегают к следующей, весьма остроумной, мере. Они выделяют свои земли в особый участок, из которого наделы отводятся лишь исправным домохозяевам. «Мирское поле разбивается на две неравные части: одна, состоящая из лучших ярусов, идет в надел исправным хлебопашцам и обрабатывается ими; другая, состоящая из худших ярусов, поступает в надел бесхозяйным дворам и лежит в пустырях» [2]). Бедняки лишаются, таким образом, всякой надежды когда-нибудь получить в свое распоряжение хорошо

[1]) В Спасской волости Юрьевского уезда, Влад. губ., «при посеве 12 мер ржи на душу нажинают 6 сотен снопов, намолачивают 5 мер с сотни». Таков средний урожай. В частности он неодинаков у крестьян различной степени благосостояния. Самый больший урожай бывает «у зажиточных крестьян—по 10 сотен снопов на душу, умолот *6 мер с сотни*», самый меньший «у бобылок—200—300 снопов, по *3—4 меры* умолота». *Пругавин*, «Сельская община» и т. д., стр. 15.

[2]) *Орлов*, «Формы крестьянского землевладения», стр. 55.

обработанную землю своих счастливых соседей. Община радикально изменяет свой характер: из оплота и опоры беднейших своих членов она становится источником окончательного их разорения. *Удлинение сроков переделов, явившееся, как результат неравенства между общинниками, ведет лишь к усилению неравенства и окончательному подрыву сельской общины.*

Добиваясь осуществления своих требований, наши реформаторы полагают, что они работают для упрочения «вековых устоев, выдержавших» и проч., и проч., т.-е., переводя с народнического языка на общечеловеческий,—для сохранения общинного землевладения. Но жизнь готовит им немало самых неприятных неожиданностей. Увеличение наделов и уменьшение податей приведет к тому, что крестьяне станут «дорожить», землею; а там, где ею «дорожат», не любят переделов и стремятся удлинять их сроки; а там, где удлиняются сроки переделов, возрастает неравенство между общинниками, крестьяне исподволь и самою логикою вещей подготовляются к подворно-наследственному владению. Словом, мера, рекомендуемая, как средство сохранения общины, только увеличит ту неустойчивость ее равновесия, которая и теперь уже поражает беспристрастного наблюдателя; эта мера будет настоящим подарком данайцев для общины. Нужно сознаться, что только с помощью очень пылкой фантазии и довольно крупной дозы невежества можно строить какие-нибудь реформаторские планы на шатком основании бытовой формы, находящейся в таком безвыходном и противоречивом положении.

Противоречия, свойственные данной социальной форме, неизбежным и роковым образом отражаются на образе мыслей и на поведении ее сторонников. Наши народники-легалисты, столь плодовитые на всякого рода рецепты для поддержания и упрочения «вековых устоев русского народного быта», не замечают, что фактически они все более и более становятся выразителями интересов той части крестьянства, которая является представительницей индивидуалистического принципа и кулацкой наживы.

Толки о народном кредите и умиление перед, так называемыми, «мирскими» арендами помещичьих земель могут служить новыми примерами близорукого отношения к интересам общины. В сущности, как мирская аренда, так и мелкий поземельный кредит, нисколько не упрочивают дорогих нашим народникам «устоев» и даже прямо подрывают общинный принцип. Мы еще вернемся к этому предмету, но прежде считаем нужным покончить с другими, уже затронутыми нами, причинами разложения общины.

Мы знаем уже, что крестьяне стоят за удлинение сроков переделов мирской земли в интересах лучшей ее обработки. Они не хотят «*хорошо работать*» на той полосе, которая может скоро перейти в чужие руки. Хорошая обработка земли предполагает затрату не только живого труда работника, но и мертвых продуктов его прошлого труда, тех средств производства, которые в буржуазной экономии носят название капитала.

Эти затраты «капитала» окупаются в более или менее продолжительный период времени. Одни уже через год или через несколько лет сполна возвращаются собственнику, в виде увеличенного дохода с его земли; другие требуют, напротив, весьма продолжительного времени для своего оборота. Первые называются затратами оборотного, вторые—затратами постоянного капитала. Само собою понятно, что чем более будут возрастать затраты постоянного капитала в крестьянском земледелии, тем более будет усиливаться у богатых и зажиточных домохозяев стремление удерживать свои наделы в течение возможно более длинного срока. Унаваживание земли не Бог знает какая затрата, а между тем мы видим, что и оно уже вызывает у некоторой части нашего крестьянства враждебное отношение к переделам. «Это дурно, потому: у меня три коровы, а у него один петух»—отзываются о переверстках земли крестьяне Сенгилеевской волости, Юрьевского уезда [1]). Что же будет со введением более рациональных способов хозяйства, интенсивной культуры, многопольной системы? Общинное землевладение несомненно явится серьезным препятствием для их упрочения. Оно и теперь уже ведет к таким ненормальным явлениям, как отказ от удобрения пахатных полей. В Калужской губ., некоторые «крестьяне почти все удобрение вывозят на конопляники, а поля свои очень мало удобряют из опасения, что при переделе удобренная полоса перейдет к другому хозяину». В Московской губ. «вывозка навоза на пашню останавливается года за 3 до передела». В Кинешемском уезде Костромской губ. «есть примеры, что зажиточные крестьяне продают накопленное удобрение», не решаясь, по указанным причинам, вывозить в поле. В Тульской губ. «у крестьян, не вышедших еще на выкуп и остающихся до времени на оброчной повинности, поля с каждым годом приходят к истощению, по случаю неудобрения, ибо навоз не вывозят на поля уже десятый год и хранят его до раздела земли». Наконец, в Сызранском уезде Симбирской губ. «из многих сведений о сдаточных ценах явствует, что наемная цена земли при общинном землевладении (при сдаче целыми наделами), в среднем выводе, вдвое ниже наемной цены земли, находящейся в личной собственности, при подворном владении. Это факт, не подлежащий сомнению; удостовериться в этом легко из книг, сделок и договоров в волостных правлениях.

Объясняется он тем, что просто самая обработка земли при тех незначительных делянках, которые приходятся на долю каждого домохозяина, весьма неудобна; факт этот вполне сознается наиболее зажиточной и развитой частью крестьянского населения, и он вызвал, с своей стороны, два явления, которые следует признать самыми характеристичными для определения настоящего положения крестьянского землевладения. Во-первых, в некоторых селениях (Кравкове, Головине, части сел Федрина и Загарина) состоялись приговоры о разделении общинной земли на подворные участки. Во-вторых, в весьма многих селениях отдельные домо-

[1]) *Пругавин*, «Сельская община», стр. 40—41.

хозяева вносят выкуп за свои наделы и требуют выдела их из общинной земли. Подобные случаи встречаются в селах: Репьевке, Самойкине, Окуловке и многих других, они встречались бы гораздо чаще, если бы было поболее порядка в крестьянском управлении, теперь же некоторая неясность закона, усиливаемая еще недостатками крестьянского управления, невольно задерживает случаи выкупа» [1]).

Но этим не исчерпываются неудобства общинного землевладения. Связанная с ним обязательность севооборота также немало затрудняет усовершенствование земледелия.

Возможны ли радикальные улучшения земледелия, например, в Торховской общине, Тульской губ., где «*ни огораживать своих полей, ни изменять системы полеводства не дозволяется*», или в Погореловской общине Костромской губ., где «ведется трехпольная, *обязательная для всех*, система полеводства». Такие общины вовсе не составляют исключения; напротив, существующие в них порядки могут быть признаны общим правилом, основанным на том простом соображении, что в случае огораживания полей или изменения системы полеводства каким-нибудь членом общины—«пришлось бы для одного всем стесниться в выпуске скота на пар и на жнивье» [2]). По заявлению старшины и крестьян Тиховской волости Калужского уезда—«ни одна хозяйственная работа не может быть выполнена так, как бы желательно было отдельному домохозяину: троить пар, когда все только двоят, ему не позволят, потому что пар служит выгоном для скота; посеять озимую рожь раньше других он по той же причине не может; начать сенокос он должен тоже в одно время с другими, ибо косить нельзя до раздела покосов, а косить после других нельзя, потому что надо перегонять с парового поля скот; и так решительно во всех работах встречаются подобные препятствия». Нечего и говорить о введении новых культурных растений. Это невозможно, если они «высеваются позже наших растений, по снятии которых мирской скот все вытопчет» [3]). Поэтому можно сказать, что совершенно неизбежна борьба между общиною, с одной стороны, и общинниками, видящими выгоду в изменении системы полеводства *имеющими необходимые для того* средства. И нетрудно предсказать, на чью сторону склонится победа: «богатый бедного всегда засилит»—говорят крестьяне; в данном же случае богатое меньшинство будет «засиливать» бедняков с помощью самого страшного оружия, какое когда-либо создавалось историей, т.-е. с помощью усовершенствованных средств производства.

Много бумаги исписано было нашими народниками для доказательства того положения, что община сама по себе, т.-е. по сущности лежащего в ее основе принципа, не враждебна никаким усовершенствованиям

[1]) «Доклад» сельско-хозяйственной комиссии, прилож. I, отд. I, гл. 2, условия хозяйства крестьян.

[2]) «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», стр. 161 и 234.

[3]) «Доклад», Услов. хоз. кр.

в земледелии. Стоит только всем членам данной общины взяться за такие усовершенствования, а еще лучше—ввести коллективную обработку полей, говорили они, и дело не только не затруднится, но, напротив, будет значительно облегчено отсутствием частной собственности на землю. Это, конечно, справедливо, но ведь мало ли *возможностей*, переход которых в *действительность* мыслим лишь при известных, *невозможных* в данное время, условиях?

Ах, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали!

справедливо говорит песня. Но возможно ли, чтобы в нашем климате зимой не было морозов! Нет? Ну так и цветы не расцветут зимою иначе, как в теплицах. Наши крестьяне *могли бы* есть устрицы и запивать их шампанским, *если бы... если бы* имели для этого средства. Неотвязный вопрос о средствах всегда был холодной водою, охлаждавшей порывы пылкой маниловской фантазии. Если бы *все* наши крестьяне имели средства не только для обработки своих полей по усовершенствованным системам, но просто для поддержания традиционного трехпольного хозяйства,—то у нас не было бы и того аграрного вопроса, над решением которого так усердно и так безуспешно трудятся г.г. народники. Действительность говорит, что таких средств у огромной части нашего крестьянства нет, а раз их нет, то ни отдельным домохозяевам, ни всему государству нет ни охоты, ни основания откладывать улучшение земледельческой культуры до тех пор, пока «поправится» большинство общинников: ведь наша допотопная соха и без того уже довольно подгадила нам в борьбе за рынок, хотя бы с американцами, не откладывающими употребления паровых плугов до золотого века братства и равенства.

Мы можем сказать, следовательно, что *введение усовершенствованных способов земледелия явится новым фактором разложения нашей общины*, если только каким-нибудь чудом не исчезнет неравенство, уже существующее в современной, «пореформенной» деревне. Но о чудесах ниже.

Что же такое, однако, это усовершенствованное земледелие? Представляет ли оно собою отрицательное условие общественного развития, продукт окружающих земледельца неблагоприятных влияний—или, напротив, является оно результатом устранения этих неблагоприятных влияний, следствием повышения уровня материального благосостояния крестьян? Нам кажется, что второе предположение вернее первого. Теперь большинство крестьян очень бедно, а круговая порука грозит разорением даже зажиточному их меньшинству. Понятно, что им теперь не до интенсивной культуры. Но поставьте их в лучшие условия, снимите давящий их податной гнет — и сама круговая порука перестанет быть грозою богатых крестьян: меньше несостоятельных общинников—меньше и ответственности за них. Уверенная в своем будущем, зажиточная часть крестьянства задумается о серьезных улучшениях в земледелии. Но тогда-то и столкнется она с общиной, тогда-то и придется вступить ей с нею в смер-

тельную борьбу. Перед нами опять вырастает, следовательно, тот вывод, что улучшение материального благосостояния крестьян увеличит неустойчивость общинного землевладения, сделает более частым явление, и теперь уже встречающееся, напр., в Тамбовской губ., где «богатеющие крестьяне заводят владение участковое, а пока они бедны, держатся владения общинного, с переделом полей» [1]). Плох, плох наш больной! Он истощен теперь до такой степени, что разлагается заживо, и в то же время все питательные вещества, рекомендуемые нашими легальными народниками-гомеопатами, как средство восстановления его сил,—могут только ускорить начавшееся разложение.

Но не пора ли нам кончить с общиной? Не указаны ли уже нами все факторы ее разложения? О нет! Таких факторов много, очень много. Все принципы современного хозяйства, все пружины современной экономической жизни находятся в непримиримой вражде с общиною. Вследствие этого, надеяться на ее дальнейшее самостоятельное «развитие» так же странно, как странно надеяться на долговечность и дальнейшее размножение вытащенной на берег рыбы. Дело не в том, на какой крюк посажена рыба, а в том—приспособлены ли ее дыхательные органы к окружающей атмосфере. Атмосфера же современного денежного хозяйства убивает нашу архаическую форму землевладения, подкапывает ее в самом корне. Хотите иллюстраций? Вот они.

Мы видели уже, как разрушительно влияет денежное хозяйство на семейную общину. Поищем теперь примера влияния его на сельскую общину, собственно так называемую.

5. Выкупная операция.

Вот перед нами выкупная операция, долженствующая подарить Россию новым сословием крестьян-собственников. Некоторые общины уже успели выкупить свои земли. Как же отразилось это на их внутреннем складе?

«Еще в Сборнике статистических сведений по Тамбовской губернии—говорит г. Л. С. Личков [2])—между прочим указано было В. И. Орловым на то, что система *выкупа земель чрезвычайно сильно влияет на уничтожение между крестьянами земельных переделов*, утверждая и распространяя в крестьянстве взгляды на выкупаемую землю как на *личную, неотъемлемую их собственность*... Такое же явление мне и моим товарищам по собиранию статистических сведений удалось подметить и в Рязанском уезде».

Нужно сознаться, что г. Личкову удалось подметить в высшей степени любопытное и поучительное явление. «В Рязанском уезде—говорит он—состоящие на выкупе крестьяне *совсем не переделяют* своих земель

[1]) «Доклад» С. К. Пр. 1. Отд. II, стр. 178.

[2]) См. его статью «Выкупная операция, как разрушитель общины», «Дело», № 11, 1881.

в тех общинах, *где землею дорожат*, тогда как временно-обязанные, и особенно государственные, производят земельные переделы. Собственники же делят землю только там, где землей не дорожат, т.-е. где приходится делить в сущности не землю, а приносимые ею тягости... Весьма характерно, что во всех выкупных общинах, где земля поделена по живым душам, распределение это сделано *не после, а до* или при самом выходе на выкуп *(обыкновенно с тем, чтобы никогда уже более не делить)*. После же выхода на выкуп *ни в одной общине*, за исключением тех, где плохая земля только обременяет крестьян,—ни в одной, говорю я, не было передела земли, несмотря на явную неравномерность в ее распределении. Как ни прискорбно, а приходится все-таки признать как этот, так и другие факты, *характеризующие совсем не мирское настроение крестьянских интересов*,—приходится потому, что всякому факту надо глядеть прямо в глаза, не прикрашивая его вредящими делу фразами».

Тенденция выкупленных крестьянами земель к переходу в частную,—вернее подворную,—собственность замечается не в одной только Рязанской губернии. То же явление обнаруживается и в других местностях.

В Крестецком уезде Новгородской губ. «около половины бывших помещичьих крестьян, вышедших на выкуп, мирским приговором определили разделить всю землю чересполосно, по душам, а переделы навсегда уничтожить». Такие же случаи указаны «Докладом сельско-хозяйственной комиссии» и для Калужской губернии. В деревне Старухине Тульской губернии «общинная земля не переделялась со времени реформы». В случае же частных переверсток число душ, «получивших надел при реформе», служит нормой для дележа. Даже «при разделе *семьи* считаются те же души, *не принимая во внимание малолетних*. Усадебная земля совсем не переделяется и переходит к семье». Общинный принцип сделал, как мы видим, немало уступок индивидуализму в этой деревне крестьян-*собственников*, несмотря на то, что, по словам г-жи Ел. Якушкиной, они видят в общинном землевладении «единственное средство против обезземеления. Объективная логика вещей оказывается сильнее субъективной логики крестьянина. Но здесь между этими родами логики все-таки происходит еще борьба, существует разногласие, а вот в Борокской общине (Псковской губ.), состоящей на выкупе с 1864 года, субъективная логика большинства давно уже заключила самый тесный союз с объективной логикой денежного хозяйства. На требование бедняками нового передела им отвечают, что «хотя ныне владеющие лишними наделами владеют ими и не по праву (не по числу душ), но все-таки они очистили эти наделы податью (выкупные платежи), а, следовательно, и несправедливо было бы взять от них эти наделы» [1]). В другой деревне той же местности произошел такой характерный случай: один крестьянин принял подкидыша и просил мир нарезать в общем поле надел; тогда прие-

[1]) См. названный выше «Сборник», статью г. *П. Зиновьева*, стр. 308.

ный отец выкупил этот участок за 100 руб., т.-е. *исключил его навсегда из передела»*. Выкуп земли и здесь оказался враждебным общинному землевладению.

Этот случай переводит нас к вопросу о выкупе надела не целым миром, а отдельными его членами. Такая операция допускается законом и нередко имеет место в действительности. Иногда крестьяне, окончательно выкупившие свой надел, продолжают владеть им на прежнем мирском начале, но иногда они противятся переделам, и тогда мир принужден считаться с ними, как с собственниками. В селе Сорогужине, Влад. губ., Юрьевского уезда, «есть три дома полных собственников, окончательно выкупивших свой надел, из них двое безусловно согласились на коренной передел со всеми его последствиями (перемена места по жребию, уменьшение земельных участков и т. п.), а один потребовал добавления своего надела, и мир отвел ему недостающую землю прирезкою с краев каждого поля» [1]). В д. Хорошевке и с. Николаевском той же губернии «есть полные собственники и мир намерен им *выделить*, хотя и чересполосно, *полный надел* в том размере, как они выкупили его» [2]). Иногда, наоборот, мир препятствует выделу собственников, и тогда самый выкуп замедляется. Так, например, в Тамбовской губ. «выкупить отдельно свои наделы многие крестьяне желают, но общества не допускают такого выкупа, чтобы не освободить богатых крестьян от круговой поруки». Иногда выкупившим свои наделы домохозяевам мир отводит отдаленные и неудобные участки. Вот почему в Харьковской губ. «крестьяне гораздо более покупают чужих земель, чем выкупают свои [3]).

Этих фактов достаточно, чтобы показать, до какой степени неустойчивым становится равновесие общинных отношений, благодаря выкупной операции. Правда, окончательный, юридический переход к подворно-наследственному владению не только не является необходимым *непосредственным* результатом выкупа, но, наоборот, составляет редкое относительно явление. Крестьянин консервативен вообще, а в своих отношениях к земле—в особенности. Но это не изменяет дела. Взаимные отношения членов выкупившей свои земли общины только по названию напоминают собою деревенский «мир» доброго, старого времени, времени натурального хозяйства, крепостного права и отсутствия всяких путей сообщения. В основу распределения земли кладется уже не потребность в ней того или другого хозяина, не количество рабочих сил в его семье, наконец, даже не налоги и не повинности. Новые птицы поют новые песни. Крестьяне-собственники не любят переделов и не смущаются нуждою своих соседей. Деревенские старики охают и жалуются на «избалованность» народа, интеллигенция вздыхает еще усерднее, и, с сокрушением видя, что «повреждение нравов» неудержимо проникает в деревню, она надеется лишь на «революцию», которая все поправит, все загладит и возвратит общине

[1]) *Пругавин*, «Сельская община», стр. 19.
[2]) Ibid., стр. 48.
[3]) «Доклад» С. К. Отд. II.

свежесть времен Гостомысла. Но что же удивительного в этом явлении, столь печальном для деревенских «старичков» и для столичных народников? Ровно ничего. «Нравы» не испортились, они только получили другую экономическую подкладку. В прежнее время земля была царская, «божья», какая вам угодно, но только не купленная. Крестьянину достаточно было добиться принятия его в общину, чтобы получить на пользование землею право, ограниченное, иногда, лишь переделами его собственной рабочей силой. А община и вовсе была господином занятой ею территории, она распоряжалась всюду, куда ее топор, коса и соха ходили. Крепостное право сковало и принизило земледельца, но не изменило его отношения к земле. «Мы ваши, а земля наша»—говорили крестьяне помещикам. Но вот пришло время, когда крестьяне перестали быть барскими, но за то и земля перестала быть крестьянскою. Ее нужно выкупать, платить за нее деньги. Что такое деньги? Это прежде всего товар, и при том совершенно особенного свойства, товар, за который покупаются все другие товары, который служит мерилом и выражением их стоимости. Само собою понятно, что этот особенный товар не может быть исключен из действия общих законов товарного производства и обращения. Напротив, он является носителем этих законов, он распространяет их действие всюду, куда забрасывает его случайность той или другой меновой сделки. Но каковы же законы товарного производства? Что такое товар и откуда он берется? Товарное производство развивается лишь в том обществе, где средства, а следовательно, и продукты производства составляют частную собственность производителя; без этого условия никакое разделение труда недостаточно было бы для его возникновения. Таким образом, товарное производство представляет собою следствие развития *частной собственности*. Деньги, естественно вырастающие из обмена товаров, также точно предполагают *частного собственника*, как предполагает его, говоря вообще, весь процесс товарного производства. Отдельные члены общины могут приобрести деньги лишь в обмен за те или другие предметы их *частной собственности*, хотя бы собственностью этого рода и являлись продукты обработки общинной земли. Эти-то деньги крестьянин и должен платить теперь в виде выкупа.

Но «деньги родят деньги», между прочим, и в том смысле, что купленные за них средства производства и предметы обработки сами составляют уже *меновую стоимость*, эквивалентную заплаченной за них денежной сумме и способную к новому превращению в деньги, по желанию приобретателя. Следовательно, предметы, купленные тем или другим лицом, должны составлять его частную собственность. Такова бесспорная логика денежного хозяйства. Эта-то логика и вступает в борьбу с традицией общинного землевладения. Выкупная операция приводит крестьянский мир к противоречию, разрешимому лишь посредством окончательного разрушения общины. В силу привычки, предания, а частью и сознательного убеждения, он стремится сохранить старый *коллективный* принцип *владения* землею, после того как способ *приобретения* этой

земли стал всецело основываться на новом, денежном, *индивидуалистическом* принципе. Само собою понятно, что стремление это неосуществимо, что невозможно передать в коллективную собственность мира предметов, приобретенных в обмен за частную собственность отдельных домохозяев.

«Хотя по *Положению о выкупе* крестьянские наделы выкупаются в общинную собственность,—говорит г. Личков,—тем не менее, уплата выкупа, по обычаю (т.-е. в силу фактов, которые всегда сильнее всяких юридических норм, тем более всяких юридических противоречий), в большинстве общин производится *членами* общины, *сообразно количеству* земли. По мере уплаты, величина выкупной платы с каждым годом уменьшается. Последствием этого может оказаться вот что: усердно платившие выкуп, иногда даже в течение двух-трех десятков лет, могут лишиться при переделе значительной доли выкупленной ими земли, и, наоборот, не платившие ничего могут получить землю даром. Иными словами, каждый новый взнос части выкупной суммы, повидимому, увеличивая собою права платящего на выкупаемую землю, *тем самым* приближает его к тому времени, когда он фактически *лишится* этих потом и кровью заработанных прав, при первом же переделе земель общины. Понятно, что мужик не мог не заметить этого практического противоречия». Мы уже видели, что противоречие это разрешается уничтожением переделов и закреплением земли за теми членами общины, которые платили за нее выкуп.

К январю 1883 года выкуплено было 20.353.327 дес. крестьянской земли. А так как во владении крестьян всей земли считается 120.628.246 дес., то на основании предыдущего мы можем сказать, что выкупная операция успела уже поставить в условия, несовместимые с общинным принципом, *шестую часть* крестьянских земель.

До какой степени несовместим принцип общинного землевладения с *выкупом* или покупкой земли на деньги—ясно из следующего. В Московской губ. некоторые крестьянские общества, помимо надельной земли, имеют еще «дарственную землю», т.-е. полученную в дар при выходе на волю от своих бывших помещиков. За исключением одной только деревни, «владение дарственной землею везде общинное». В тех же случаях, когда крестьянские общества *покупают* помещичьи земли, «владение доставшимися каждому двору долями устанавливается всегда подворно-наследственное, при котором каждый двор получает право свободного распоряжения и отчуждения части или всей своей доли посредством продажи, дарения и т. п. Таким образом, размер доли каждого двора, участвовавшего в покупке земли, остается постоянным» [1]).

Точно так же и в Псковской губ., в тех случаях, когда крестьяне «приобретают имения, чему есть немало примеров», владение устанавливается «необщинное».

Но и этим дело не ограничивается. Г. Николай—он справедливо

[1]) *Орлов*, «Формы крестьянского землевладения в Москов. губ.».

замечает, что «выкуп вынуждает производителя обращать все большую и большую часть продукта своего труда в товар и, следовательно, все более и более упрочивать основы капиталистического хозяйства».

Из сказанного ясно, до какой степени наивны народники, видящие в развитии мелкого поземельного кредита средство упрощения общины и борьбы против капитализма. По своему обыкновению, они рекомендуют как раз те меры, которые могут только ускорить торжество ненавистных им буржуазных отношений. С одной стороны, «все проекты, стремящиеся улучшить материальное положение производителя, основанные на кредите, не только не могут улучшить этого положения, но совсем напротив, улучшая положение немногих, ухудшают положение большинства». С другой стороны, купленные земли всегда, а выкупленные—очень часто,—и чем лучше земля, тем чаще,—переходят в личное владение приобретателя.

В случае аренды помещичьих или казенных земель, крестьянский мир также превращается в компанию ответственных друг за друга пайщиков, в которой распределение арендованной земли совершается сообразно количеству внесенных денег. При чем же здесь община, при чем «вековые устои»?

Впрочем, не одни только мирные народники умиляются перед фактами весьма сомнительного значения. Таким «прекраснодушием» могут похвалиться даже и террористы. Г. Тихомиров, например, в своей войне против людей, убежденных в «неизбежности русского капитализма»,—указывает на то обстоятельство, что «количество земель, принадлежащих крестьянам, медленно, но постоянно возрастает». Он считает, повидимому, этот факт настолько многознаменательным, что не сопровождает его никакими комментариями. Но после всего сказанного нами о значении денежного хозяйства в истории разложения общины, мы имеем право считать возрастание крестьянского землевладения фактом, по крайней мере, очень двусмысленным. Действительность вполне оправдывает наш скептицизм.

В Московской губернии количество купленных крестьянами земель «увеличилось за 12 лет с 17.680 десятин до 59.741». Мы видим здесь, стало быть, именно указываемое г. Тихомировым «медленное, но постоянное» возрастание. Прекрасно, как же распределяется эта новая земля между крестьянами? Из 59.741 десятины «31.858 дес. принадлежит *всего 69 владельцам*, т.-е. выходит из размеров крестьянского хозяйства, а 10.428 десятин состоит из владений, *превышающих 100 десятин*» [1]). Как понимать такого рода «крестьянское землевладение»? Доказывает ли оно, что буржуазный строй не может иметь места в России? О г. Тихомирове можно сказать в этом случае то же, что говорил когда-то Прудон об Ад. Смите: он видит и не понимает, он рассказывает и не разумеет смысла своего рассказа!

[1]) *В. В.*, «Судьбы капитализма», стр. 136.

Теперь пора нам кончать с общиной. Мы изложили свой взгляд на ее историю вообще и на положение ее в России в частности. Мы подтверждали свои слова фактами и примерами, заставляли часто говорить за нас самих народников. Наше исследование по необходимости было бегло и поверхностно. Мы не только не могли перечислить всех подтверждающих нашу мысль и уже замеченных исследователями *явлений*; но пределы нашего труда не позволили нам указать даже на все те, очень важные теперь в жизни земледельца, тенденции, развитие которых несовместимо с общинным принципом. И, несмотря на все это, мы можем сказать, что наши положения не были голословными. *Приведенных* примеров, *указанных* тенденций совершенно достаточно для защиты наших положений. Серьезное сомнение невозможно. Всякий беспристрастный наблюдатель видит, что наша община переживает тяжелый кризис, что самый этот кризис близится к концу и первобытный аграрный коммунизм готовится уступить место личному или подворному владению. Многоразличны виды этого владения, часто внедряется оно в деревню под покровом привычных общинных отношений. Но старая форма не в силах изменить новое содержание: она сама должна будет примениться к нему или погибнуть окончательно. И этот переворот, совершающийся все с большею и большею интенсивностью, этот процесс разложения, с каждым днем распространяющийся и в «ширь», и в «глубь», охватывающий все более и более широкое пространство—вносит коренные изменения в привычки и миросозерцание крестьян. В то время, как наши славянофильствующие революционеры утешаются тем соображением, что «три четверти» наших фабричных рабочих «вовсе не пролетарии, а половина работает на фабриках временно и чуть не случайно» [1]),—сами крестьяне отлично сознают, что современная община далеко не такова, как была прежде, и что связь земледельца с землею разрывается все более и более. «Бегут молодые-то, друг мой сладкий, бегут от земли... Город их смущает», говорят крестьяне в «Деревенских буднях» г. Златовратского. И действительно, город все более и более подчиняет себе деревню, он вносит в нее свою «цивилизацию», свою погоню за наживою, свой антагонизм между богатыми и бедными; он возвышает одних, принижает других, создает «образованного» кулака и целую армию «воздушного народа», игнорирует иеремиады деревенских старичков и безжалостно вырывает почву из-под ног наших реформаторов и революционеров старого, так сказать, физиократического пошиба. Здесь-то на отношении к этому процессу коренной переделки наших деревенских «устоев» и выясняется все бессилие того миросозерцания, которое Маркс и Энгельс заклеймили названием *метафизического*. «Для метафизика вещи и их умственные образы, т.-е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит законченными, непосредственными противоположениями; речь его состоит из: да—да, нет—нет, что сверх того, то от лукавого. Для него вещь существует или не существует, для него предмет не может быть самим собою и одновременно быть чем-нибудь другим». Именно таково миросозерцание и приемы мысли г. Тихомирова. Для него «народ» есть застывшее, неизменное, раз навсегда данное понятие, для него община «существует или не существует», для него крестьянин-общинник «не может быть самим собою и одновременно быть чем-нибудь другим», т.-е., в данном случае, представителем принципа индивидуализма, невольным, но зато и неудержимым разрушителем общины. Г. Тихомиров «мыслит законченными непосредственными противоположениями», ему непонятно, как можно признавать полезное действие капитализма и в то же время организовать рабочих для борьбы с ними, как можно отстаивать принцип коллективизма и в то же время видеть торжество прогресса в разложении одного из конкретных проявлений этого принципа. В качестве «человека, последовательного и умеющего собою жертвовать», наш метафизик полагает, что людям, убежденным в «исторической неизбежности русского капитализма», остается лишь поступать на службу к «рыцарям первоначального накопления». Его аргументация может быть классическим образчиком метафизического мышления. «Рабочий, способный к классовой диктатуре, почти не существует. Стало быть, политической власти ему не доставишь. Не гораздо ли выгоднее временно совершенно оставить социализм, как бесполезную и вредную помеху ближайшей и необходимой цели?» Г. Тихомиров не понимает, что рабочий, неспособный к классовой диктатуре, может ежегодно и ежедневно становиться все более и более способным к ней, и что рост этой способности в значительной степени зависит от воздействия людей, понявших смысл исторического развития. Речь нашего автора «состоит из: да—да, нет—нет, что сверх того, то от лукавого».

[1]) «Чего нам ждать от революции?», стр. 228 и 236, «В Н. В.» № 2.

«Этот способ мышления кажется нам, на первый взгляд, потому вполне верным, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, почтенный спутник в домашнем обиходе, между четырьми стенами, переживает крайне удивительные приключения, лишь только он пускается в далекий путь исследования».

Мы знаем уже, какие «удивительные приключения» пережил здравый смысл г. Тихомирова во время своих странствований в области посылок: от него не оставалось часто и слабого воспоминания. Но история этого здравого смысла есть, в конце концов, тоже диалектическая история. Он не существует и существует в одно и то же время. Он разбивается о подводные камни посылок и, несмотря на это, он, как воскресший Рокамболь, снова является во всей красе на более торной дороге умозаключений.

Мы не упустим, конечно, случая опять встретиться с этим веселым спутником. Но теперь нам нужно приостановиться, чтобы запомнить направление пути, уже пройденного нами по инициативе г. Тихомирова.

6. Мелкое землевладение.

Мы видели, что в области обрабатывающей промышленности крупное капиталистическое производство развивается теперь «безостановочно»; что, вооруженное силою капитала и могуществом современной техники, оно все более и более сбивает с позиции, побеждает и покоряет мелких производителей. Мы сказали затем, что к услугам крупного производства всецело готов внутренний рынок, да и на международном—для него закрыты далеко не все пути и выходы. Мы заключили отсюда, что в этой сфере не только ближайшее буду ее, но и настоящее принадлежит капитализму. Но мы вспомнили, что народники видят в общине несокрушимый оплот против капитализма в нашей стране, где главная доля народного труда обращена до сих пор на земледелие. Тогда мы обратились к общине и постарались изучить ее современное положение. Это изучение привело нас к тому выводу, что община разрушается под гнетом налогов, разлагается под влиянием денежного хозяйства и обнаружившегося в ней неравенства, что во многих местностях России, далекая от своего прежнего назначения охранять и защищать интересы всех своих членов без исключения, она превращается в общину кулаков, разрушение которой принесло бы лишь выгоду закабаленной ими деревенской голи. Не довольствуясь этим результатом, мы постарались определить, какое значение имели бы те реформы, на которые возлагается так много надежд нашими народолюбцами. Мы убедились, что эти реформы только увеличили бы уже начавшееся в общине разложение и что она ни в каком случае не может служить оплотом против тех условий производства, которые и теперь уже нанесли ей столько неизлечимых ран. Нам остается теперь сказать два слова о мелком крестьянском земледелии, чтобы иметь право сделать свой окончательный вывод по вопросу о капитализме.

Большою ошибкою было бы думать, что так называемая «ликвидация крупного земледелия» спасет нас от капитализма. Во-первых, «ликвидация» эта может оказаться лишь временным, переходным явлением, а, во-вторых, само мелкое земледелие стремится принять буржуазный характер. Та же самая американская конкуренция, перед которой пасуют наши крупные землевладельцы, наложит свою печать и на крестьянина. Превращая наше хлебопашество в производство хлебного *товара*, она подчинит все отношения земледельцев неумолимым законам товарного производства. А эти неумолимые законы ведут к тому, что на известной стадии своего развития товарное производство ведет к эксплоатации производителя, создает капиталиста-предпринимателя и пролетария-работника. Таким образом, вопрос о мелком или крупном земледелии сводится для России лишь к вопросу о торжестве крупной или мелкой буржуазии. Старинные основы крестьянского хозяйства не только не упрочатся «ликвидацией крупного земледелия», но, наоборот, еще более пострадают, благодаря полному перенесению в крестьянскую среду всех противоречий товарного производства. Крестьянское сословие тем скорее разложится на два враждебных лагеря: эксплоатирующего меньшинства и трудящегося большинства

7. Вывод.

Если, после всего сказанного, мы еще раз спросим себя—пройдет ли Россия через школу капитализма, то, не колеблясь, можем ответить новым вопросом—почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она *уже поступила?*

Все наиболее новые, а потому и наиболее влиятельные течения нашей общественной жизни, все наиболее знаменательные факты в области производства и обмена—имеют один несомненный и бесспорный смысл: они не только расчищают дорогу капитализму, но и сами являются необходимыми и в высшей степени важными моментами его развития. *За капитализм* вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и в свою очередь определяют направление и скорость его движения. *Против капитализма* лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства, да та сила инерции, которая, по временам, так больно дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой, земледельческой страны. Но крестьяне не достаточно сильны, чтобы защищать свои действительные интересы; с другой стороны, они часто не достаточно заинтересованы, чтобы энергично отстаивать старые принципы своего общежития. Главный поток русского капитализма пока еще невелик; еще не много таких мест в России, где отношения нанимателя к работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представлению об отношениях труда к капиталу в капиталистическом обществе; но в этот поток со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что общая масса направляющейся к нему воды огромна, и быстрый, сильный рост потока не подлежит сомнению. Его уже нельзя остановить, еще менее можно его высушить; остается лишь регулировать его течение, если мы не хотим, чтобы он принес нам один только вред, если мы не отказываемся от надежды хотя отчасти подчинить стихийную силу природы разумной деятельности человека.

Но что же делать, в таком случае, нам, русским социалистам, привыкшим думать, что наше отечество обладает какой-то хартией самобытности, выданной ему историей за никому, впрочем, неизвестные заслуги?

Нетрудно ответить на этот вопрос.

Все непонятые законы общественного развития действуют с неотразимою силой и слепою жестокостью законов природы. Но узнать тот или другой закон природы или общественного развития значит уже, во-первых, уметь избегать столкновения с ним, а следовательно, и напрасной траты сил, а во-вторых,—быть в состоянии регулировать его приложение так, чтобы извлекать из него пользу. Эта общая мысль всецело приме-

няется к интересующему нас частному случаю. Нам нужно воспользоваться, в интересах революции и трудящегося населения, совершающимся в России социально-экономическим переворотом. Для нас не должно остаться потерянным то, в высшей степени, важное обстоятельство, что социалистическое движение началось у нас уже в то время, когда капитализм был еще в зародыше. Эта особенность русского исторического развития не придумана славянофилами и славянофильствующими революционерами. Она составляет бесспорный, всем известный факт, который принесет огромную пользу делу нашего рабочего класса, если только русские социалисты не растратят своей умственной и нравственной энергии на постройку воздушных замков в стиле удельно-вечевой эпохи.

ГЛАВА IV.

Капитализм и наши задачи.

1. Характер предстоящей революции!

Сказанное в конце предыдущей главы нуждается в пояснении. Самые недвусмысленные взгляды подают повод к ошибочным истолкованиям, если только такие истолкования служат для защиты чьей-нибудь «программы». Мы должны ставить точки над *i*, потому что, не видя таких точек, наши противники могут, по «недоразумению», принять *i* за еиту или ижицу. Всегда лучше самому сделать вывод из своих посылок, чем полагаться, в этом случае, на добрую волю другого. Кроме того, русские программные вопросы до такой степени исключительно приурочивались к нашей «самобытности», что нельзя считать напрасной тратой времени попытку рассмотрения этих вопросов с той точки зрения, с которой *самобытность* оказывается лишь славянофильством, или «без лести преданным», или взбунтовавшимся и перебежавшим в революционный лагерь. Верна или не верна такая точка зрения, правильно или не правильно рассуждают люди, ее держащиеся,—несомненно, во всяком случае, что несправедливо было бы упрекать их в повторении давно уже всем известных и давно уже многим надоевших «теорий».

Итак, что же именно делать «некоторой части социалистов», убедившейся в «исторической неизбежности русского капитализма»? Какую действительную пользу для дела русского рабочего класса можно извлечь из того обстоятельства, что начало социалистического движения почти совпало у нас с падением экономических порядков доброго старого времени? Вот вопросы, на которые мы необходимо должны ответить.

Мы не позабудем этой обязанности. Но слово принадлежит пока не нам; оно осталось, как помните, за г. Тихомировым, и он должен воспользоваться им по всем законам, божеским и человеческим. Мы довольно коротко и с большою для нас пользой ознакомились с общими основаниями

его философско-исторической и социально-политической теорий. Для вразумления непонимающих и для побиения «несогласно-мыслящих», г. Тихомиров заставил пройти перед нами старуху-историю, с ее «невероятными путями», западную Европу, с ее капитализмом, и, наконец, матушку Русь, с ее китайской неподвижностью и поземельной общиной. Он уяснил нам и прошлое и настоящее. Но можем ли мы удовольствоваться этим? Откажемся ли мы заглянуть в будущее?

Что сулит России это будущее?

Нам казалось, что прежде всего—торжество буржуазии и начало политической и экономической эмансипации рабочего класса. Такой исход казался нам самым вероятным, в виду многих и многих фактов. Мы исследовали современное положение нашего народного хозяйства и решили, что не спасут его старинных основ никакие реформы. Но мы рассуждали так, забывая, что «история человечества идет подчас самыми невероятными путями». Г. Тихомиров твердо помнит это основное положение своей философско-исторической теории и потому, в своих экскурсиях в область будущего, он не смущается невероятностью изображаемой им картины. Последуем же за ним и посмотрим, не окажется ли народовольская революция действительнее народнических реформ.

На нашей дороге нас ждет, во-первых, очень приятное известие. России предстоит революция, «мы идем к катастрофе». Это очень приятно, хотя, право, невольно чувствуешь страх, когда г. Тихомиров начинает разъяснять смысл и без того грозной картины высоким «штилем» во вкусе старика Державина. Попытки правительства затормозить революционное движение страны «только ускоряют наступление того страшного и торжественного момента, когда Россия с размаху (!) войдет в полосу революционного разрушения, как низвергается река», и пр. Хорошо пишет г. Тихомиров! Но соловья не накормишь баснями, хотя бы это были басни самого дедушки Крылова. Спора нет: «полоса революционного разрушения» была бы счастливой полосой в истории нашего отечества; но нам все-таки интересно узнать, что может принести России революция, что «нас ждет за этой таинственной чертой, где бурлят и пенятся волны исторического потока»?

«Начало социалистической организации»—отвечает г. Тихомиров, вопреки мнению «некоторых», полагающих, что нас ждет «царство капитализма».

Как игру судьбы постичь! Вот уж поистине невероятная старуха эта история! Водила она, водила «Запад» по всевозможным мытарствам своих «путей»—и все-таки до сих пор еще не развязала его с капиталистическим производством; нас же она оставляла в покое, не двигала с места в течение целых столетий, а теперь сразу хочет перевести в высший класс своей школы. За какие же это добродетели? Не за то ли, что мы все это время смирно сидели и не приставали к ней с теми нескромными вопросами, на которые такой большой мастер «свободоязычный» Запад?

Впрочем, мы сами начинаем впадать в непозволительное «свободоязычие». Наш скептицизм совсем неуместен в виду того, что история любит подчас пройтись невероятным путем, как Хлестаков любил иногда «прочитать что-нибудь смешное». Credo, quia absurdum!

Признавая вполне вероятными самые невероятные прихоти взбалмошной старухи, мы все-таки позволим себе спросить,—какими средствами обладает история для выполнения обещания, сделанного за нее г. Тихомировым? Через какие страны проходит путь, ведущий нас к «началу социалистической организации»?

Как отвечает на этот вопрос наш автор, что говорит редактируемый им «Вестник»?

Просим читателя не забывать, что программа «Вестника Народной Воли» «охватывает элементы, в некоторой мере нетождественные между собою». Каждый из этих элементов отстаивает свое существование, каждый стремится жить и развиваться, не всегда без ущерба для своего антагониста. Отсюда—противоречия и невозможность составить себе ясное представление о программе этого журнала. Очевидно одно: г. Тихомиров не считает себя связанным не только тем, что говорит его соредактор, но даже и тем, что говорит он сам, в тех случаях, когда соло сменяется дуэтом и к его голосу присоединяется голос почтенного П. Л. Лаврова. Так, напр., по словам г. Лаврова, партия «Нар. Воли» «направляет *все свои силы* [1]) (Курсив наш) против главного врага, мешающего сколько-нибудь рациональному приступу к решению задачи», следующим образом формулированной одним из членов нашей группы [2]):—«помочь нашему рабочему классу выработаться в сознательную общественную силу, восполнить до некоторой степени недостаток его исторического опыта и вместе с ним бороться за освобождение всего трудящегося населения России». Если действительность соответствует тому, что говорит почтенный автор «Исторических Писем», то настоящая задача партии «Народной Воли» сводится к расчищению пути для русской социал-демократии будущего. Вместе с тем, роль названной партии оказывается чисто отрицательной. Она не подготовляет элементов для организации русской рабочей партии, но «направляет *все свои силы против главного врага*», мешающего не только решению, но даже и приступу к решению подобной задачи. Какого же врага имеет в виду г. Лавров? Всякий согласится, что таким врагом может быть в настоящее время только абсолютизм, сковывающий все живые силы России; тем более должны признать это народовольцы, не один раз печатно высказавшие ту мысль, что в нашем отечестве не политический строй опирается на известного рода экономические отношения, а, наоборот, эти последние обязаны своим существованием абсолютизму. Но если это так, то «Народная Воля» борется ни более ни менее, как за политическое освобождение своей родины, и «начало

[1]) См. «В. Н. В.», № 2, отд. II, стр. 67.

[2]) В. З. в предисловии к переводу брошюры Ф. Энгельса «Развитие научного социализма», стр. IX.

социалистической организации России» естественно отодвигается к тому времени, когда русский рабочий класс сложится, наконец, в сознательную общественную силу. Говоря иначе, партия «Народной Воли» есть партия *конституционная*, прежде всего и главным, если не исключительным, образом, так как в сторону разрушения абсолютизма она «направляет теперь все свои силы». Кажется так? Или, быть может, «Нар. Воля» не отличается таким «пристрастием к конституции»? Но тогда, как же понимать деятельность, сводящуюся к борьбе против абсолютизма для «возможного осуществления» в будущем социал-демократической задачи? Некоторые народовольческие писатели действительно не отличаются большим пристрастием к слову—*конституция*, и уверяют, что партия их стремится к «народоправлению». Но между народоправлением и демократической конституцией разница так же велика, как между мокроступами и калошами, т.-е. ограничивается заменой неуклюжего русского слова общепринятым иностранным. Кроме того, во всяком цивилизованном обществе, демократия или, если угодно, народоправление опять-таки предполагает хоть некоторую политическую подготовку народа, если только «народоправление» не означает правления кружка людей, спекулирующих на *народную волю*. Значит, и демократическая конституция—цель не столь еще близкая, и достижимая лишь путем сплочения производительного класса в особую демократическую партию. Но у нас в России «главный враг» мешает даже «сколько-нибудь рациональному приступу» к решению социально-политических задач рабочего класса. Значит, долой «врага»! Да здравствует «пристрастие» к политической свободе, а следовательно, и к конституции? Деятельность партии «Народной Воли» приобретает ясный и определенный смысл.

К таким логическим выводам приходим мы, читая библиографическую заметку П. Л. Лаврова. Здесь все ясно, хотя, быть может, и не все симпатично тому или другому читателю. К сожалению, библиографических заметок недостаточно для уяснения тенденций «социально-политического» журнала, и мы коснулись здесь заметки г. Лаврова лишь потому, что она содержит прямой ответ нашей группе. Руководящие же статьи и непосредственные заявления редакции «Вестника» только запутывают вопрос о действительном направлении этого органа. Возьмите «Объявление» об его издании и прочтите строки, относящиеся к способу осуществления общих целей социализма: вы подумаете, что имеете дело с «убежденными» социал-демократами.—«Эти общие всем социалистам цели—говорят г.г. редакторы—могут быть достигнуты *лишь одним путем* (заметьте это, читатель!): рабочий класс (городской и сельский) должен *постепенно сплачиваться и организоваться* в общественную силу, соединенную общими интересами и стремлениями к общим целям; эта сила в процессе сплочения должна *постепенно подрывать* существующий экономический и политический порядок, скрепляя, вследствие самой борьбы, свою организацию и вырастая в могуществе, пока ей удастся окончательно низвергнуть существующий порядок». Авторы «Объявления» прибавляют даже,

что «в сознании необходимости этого пути сходятся социалисты-революционеры *всех стран*. В виду этого можно думать, что «русский социализм, как он выразился в партии Народной Воли», есть ни более ни менее, как русская социал-демократия. «Объявление» выясняет, повидимому, задачи народовольческой партии еще яснее, чем библиографическая заметка г. Лаврова, и еще ближе, чем она, подходит ко взглядам «мыслящих социалистов» всех цивилизованных стран. Известно, однако, что русские люди часто имеют две мерки, два критерия для оценки общественных явлений: один для «Запада», а другой для домашнего обихода. Никогда не отказываясь симпатизировать наиболее передовым идеалам «Европы», русский человек часто ухитряется прибавить такое многозначительное «но» к своему исповеданию общечеловеческой веры, что дорогие ему идеалы превращаются в нечто совершенно неузнаваемое. Само собою разумеется, что без такого «но» не обходится и занимающее нас «Объявление»; понятно также, что нельзя сказать ничего решительного о программе «Вестника», пока не совершится трудный переход ее с Запада на Восток. Взглянем же на «Объявление» с этой опасной стороны, и взглянем внимательнее, так как авторы его русские суть и ничто русское им, вероятно, нечуждо.

«Но программа русского социализма—читаем мы на той же V странице «Объявления»—в *настоящую* минуту, при *данных* условиях, не может ограничиться этими общими стремлениями социализма. Перед каждою общественною группою история поставила в наше время эти самые задачи в иной форме, сообразно экономическим, юридическим и культурным условиям среды. Партия Народной Воли убедилась, что перед подданными Российской империи эти задачи поставлены теперь неизбежно в форме *необходимости изменения политического строя России* для возможности дальнейшего здорового развития всякой прогрессивной партии, в *том числе* (курсив принадлежит нам) и партии социалистической»... Поэтому, «рядом с социалистическими целями, составляющими сущность программы русской социалистической партии, в эту программу входит ближайшая задача: подготовить и ускорить изменение политического строя России».

Нужно сознаться, что уже это первое «но», сопровождающее изложение «общих социалистических целей русской социалистической партии», отличается большою неясностию и неопределенностию. Настоящее уравнение со многими неизвестными! Читатель остается в полном недоумении относительно того, что понимает редакция под «изменением политического строя России»? «Народоправление» ли это, упоминаемое г.г. Тихомировым и К. Т., или низвержение «главного врага» и т. д., т.-е. попросту падение абсолютизма? И почему эта «ближайшая задача» стоит «*рядом* с общими социалистическими целями», а не вытекает из них в порядке логической последовательности? Обо всем этом можно только догадываться. Многие из наших догадок будут вероятны, но ни одна не будет бесспорной. В самом деле, редакция говорит, что желательное для нее «изменение» должно дать «возможность дальнейшего здорового развития всякой прогрессивной партии, в том числе и партии социалистической». Какие же это *другие* «прогрессивные партии»? Очевидно, буржуазные. Но «здоровое развитие» буржуазных партий в области политики немыслимо без соответствующего ему «дальнейшего здорового развития» в сфере экономической. Значит, буржуазное развитие будет прогрессивным для России явлением? Повидимому, именно это выходит из слов редакции. Что касается до нас, то мы, с некоторыми, весьма, впрочем, существенными оговорками, готовы согласиться с этим мнением. Но дело не в нас, а в одном из авторов «Объявления», г. Тихомирове, который, как мы уже знаем, рекомендует своим читателям «не сотворять себе кумира из частного предпринимательского капитала». Из сказанного им о том, что именно «сумеет такого рода капитал сделать для России»,—выходит, что «дальнейшее здоровое развитие» буржуазных партий будет для нее, пожалуй, чистым убытком. Да и «Объявление» торопится заявить, что социалистическая партия (как и все другие партии, заметим мы мимоходом) считает себя представительницею истинного и единственно-возможного прогресса». Значит, нет никаких других прогрессивных партий? Но тогда при чем же здесь их «дальнейшее здоровое развитие»?

Если, по мнению русской социалистической партии, «изменение политического строя России» должно произойти в интересах прогрессивных партий, и в то же время никаких других прогрессивных партий, кроме социалистической, не существует, то названное «изменение» совершится исключительно в интересах этой последней. Другими словами, предстоящая революция должна повести, по крайней мере, к торжеству уже упомянутого «народоправления», т.-е. к политическому господству «рабочего класса, городского и сельского». Но ведь «социалисты-революционеры всех стран» сходятся «в сознании» той истины, что рабочий класс может лишь «постепенно подрывать существующий экономический и *политический* порядок», а, следовательно также, «постепенно» приближать время своего господства. Точно так же «социалисты революционеры всех стран» согласны, по словам редакции, в том, что к социалистической революции можно придти «лишь одним путем»—путем постепенного сплачивания и организации рабочего класса в «общественную силу» и т. д. Может-быть, «Вестник Народной Воли» видит в такой организации главную задачу русских социалистов? Но мы знаем уже, что в современной России, по мнению г. Лаврова, существует некий «главный враг», мешающий «сколько-нибудь рациональному приступу к решению такой задачи». А пока не решена эта задача, невозможна и социалистическая революция, невозможно и народоправление. Значит, не их имеет в виду редакция, говоря об «изменении политического строя России»? Но что же, наконец, понимает она под этим таинственным изменением? Не ту ли самую конституцию, «пристрастие» в которой «несколько непонятно» г. Тихомирову? Каким прогрессивным партиям создает «Народная Воля» «возможность» дальнейшего «здорового развития»? Не партии ли «частного предпринимательского капитала»?

Как все ясно было на «Западе», и как все потемнело на Востоке! И все это затмение получилось, благодаря одному только «но», сопровождающему изображение «общих целей социализма». Что за таинственная сила в этом коротеньком словечке?

Дело очень просто.

Именно с интересующего нас пункта и начинается тот процесс, благодаря которому составные элементы программы «Вестника» оказываются «в некоторой (и даже очень значительной) мере нетождественными между собою». Восток вступает в борьбу с Западом, как только оканчивается изложение «общих целей социализма» и *единственного пути*, ведущего к их осуществлению. И эта-то борьба, глухая и скрытая в начале,—доходит до полного разгара в статье «Чего нам ждать от революции?». Запад берется в ней «под сомнение». По поводу его истории г. Тихомиров вдается в длинные и довольно «рискованные» рассуждения о «рискованных» и «невероятных путях» истории вообще, и в конце концов указанный «Объявлением» *единственный* путь к победе социализма—превращается в стереотипное издание программы покойного «Набата», дополненное лишь некоторыми иллюстрациями самобытности г. Тихомирова. Все изменяется до неузнаваемости, все превращается в свою противоположность по сю сторону маленького «но», отделяющего западную территорию редакционного миросозерцания—от восточной, или, вернее, взгляды, находящиеся в общинном владении г.г. редакторов, от взглядов, составляющих частную собственность г. Тихомирова. И вся эта транссубстанциация совершается с помощью нескольких новых «но», выловленных из статей П. Н. Ткачева. Само собою разумеется, что аргумент, неубедительный в устах редактора «Набата», не станет убедительнее на страницах «Вестника Народной Воли». Но встреча со старым знакомым всегда приятна, и уже по одному этому мы не устояли бы перед искушением остановить внимание читателя на аргументации г. Тихомирова.

Как истинный последователь Бланки,—или, вернее, Ткачева—г. Тихомиров, приступая к обсуждению тех или других революционных вопросов, прежде всего стремится поставить на место исторического развития свою собственную волю, заменить инициативу *класса* инициативой *комитета*, превратить в дело тайной организации—дело всего рабочего населения страны. Не легко совершать такие фокусы на глазах людей, хоть немного затронутых пропагандой современного социализма, хоть на половину убежденных в том, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Поэтому наш автор и старается доказать, что дело Исполнительного Комитета будет всенародным делом не только в смысле *интереса*, но также в смысле *воли и сознания*. Вынужденный согласиться, что *историческое развитие* мало способствовало до сих пор выработке социалистического сознания и *революционных (а не бунтовских* только) тенденций в русском народе,—он с тем большим усердием убеждает нас в прочности, непоколебимости *доисторических форм* русского быта и миросозерцания.

Экономическая революция, к которой близится Запад, после продолжительного и трудного движения, оказывается очень близкой к нам, благодаря нашему вековому застою. Но так как некоторое знакомство с историей может вызвать сомнение в подобной близости, то читателям и и ставится на вид, что исторические пути «бывали иной раз слишком кривыми и наиболее рискованными из всех, какие можно придумать». Своеобразность излюбленной нашими бакунистами схемы русского общественного развития становится, таким образом, как бы некоторым ручательством за ее вероятность. Подобным же образом обходится необходимость придания *классового характера* борьбе за экономическое освобождение рабочих.

Противопоставление России Западу и здесь с успехом разрешает все трудности. На Западе существуют классы, резко разграниченные экономически, сильные и сплоченные политически. Самое государство является там результатом классовой борьбы и ее орудием в руках победителей. Поэтому овладеть государственной властью там можно, лишь противопоставивши классу класс, лишь победивши победителей. У нас—не то, у нас отношение общества к государству прямо противоположно западно-европейскому. У нас не борьба классов обусловливает данный государственный строй, а, наоборот, этот строй вызывает к жизни те или другие классы, с их борьбой и антагонизмом. Если бы государство решилось изменить свою политику, то лишенные его поддержки высшие классы были бы осуждены на гибель, а народные начала первобытного коллективизма получили бы возможность «дальнейшего здорового развития». Но правительство Романовых не хочет и не может отказаться от своих дворянско-буржуазных традиций, между тем как мы и хотим, и можем сделать это, мы одушевлены идеалами экономического равенства и «народоправления». Поэтому долой Романовых, и да здравствует наш комитет!—вот неизменная схема российско-якобинской аргументации, встречается ли она в оригинале, т.-е. в «письме к Фридриху Энгельсу» или в «списке», т.-е. в статье «Чего нам ждать от революции?».

Мы говорили уже, что основные посылки ткачевской программы заимствованы из того же источника, из которого черпали свою политическую мудрость и русские анархисты. Бакунинские теории легли в основу учений обеих фракций. Но этим не ограничилось, как известно, влияние Бакунина. Он имел учеников и на «Западе», т.-е. в тех самых странах, которые так охотно противопоставлялись им России. И замечательно, что западные последователи автора «Государственности и анархии» приписывают государству такую же преобладающую роль в истории отношений своих, «западно-европейских» классов, какую г.г. Ткачев и Тихомиров отводят ему лишь в России, так сказать, «не в пример» прочим странам. «Уничтожьте правительственную диктатуру,—говорит Артур Арну, обращаясь к французским рабочим,—и у вас останутся только подобные друг другу люди, только экономические силы, равновесие которых немедленно восстановится, вследствие самого простого закона статики. ...Итак, государством, одним только государством, причиняется ваша нищета и

слабость, равно как сила и дерзость ваших врагов» [1]). Западные анархисты рассуждают в этом случае смелее и последовательнее русских бакунистов и ткачевистов. В истории решительно всех стран доводится ими до нуля значение того экономического фактора, который, по мнению их русских «компаньонов», осужден на бездействие только в России. Отличительная черта русской самобытности превращается, таким образом, в космополитический призрак анархического невежества. Объективное условие развития одной страны оказывается субъективным недостатком, логическим промахом «некоторой части социалистов» всех цивилизованных народов.

Утрачивая, вследствие этого, значительную долю своей самобытности, рассуждения русских якобинцев не лишаются, однако, своей поучительности. Не говоря ничего нового о том, *как надо* смотреть на нашу действительность, они собственным примером прекрасно показывают, *как не надо* смотреть на нее, *как не надо* истолковывать ее характерные стороны.

По обычной манере русских якобинцев, г. Тихомиров старается доказать своим читателям, что—как выражался когда-то Ткачев—«переживаемый нами момент особенно благоприятен для социальной революции». Он подвергает анализу современное соотношение всех общественных сил на русской почве и приходит к тому выводу, что из предстоящей революции ничего, кроме «начала социалистической организации России», выйти не может. За доказательствами ему не пришлось идти далеко. «Письмо к Ф. Энгельсу» представляет собою концентрированный экстракт российско-якобинской аргументации, сохранивший в течение целых десяти лет всю прелесть свежести и новизны для многих и многих читателей. Стоит только развести этот экстракт в горячей воде красноречия, и из него получатся все свойственные г. Тихомирову ожидания от революции. Приглядимся поближе к этому упрощенному способу приготовления «новой» программы. Начнем с «фактора» политического.

Что заключается на этот конец в ткачевском консерве?

Читатель помнит, конечно, обширные выписки, сделанные нами выше из «Открытого письма к Фр. Энгельсу». Он не забыл ткачевской уверенности в том, что хотя «у нас нет городского пролетариата, но зато у нас совсем нет буржуазии. Между страдающим народом и угнетающим его государством у нас нет никакого среднего сословия». Это-то отсутствие буржуазии и ложится в основу всех политических рассуждений г. Тихомирова.

По его словам, наша буржуазия ничтожна в экономическом, бессильна в политическом смысле. Что же касается народа, то у него «есть некоторые пункты, на которых он не может разбиться на группы, а, напротив, всегда представляется вполне единодушным» (стр. 251). Первым из этих пунктов оказываются «представления относительно верховной

[1]) «L'Etat et la révolution», p. 65.

власти». Дело в том, что «верховная власть, по воззрениям народа, есть представительство общенародное, а отнюдь не классовое. Только несокрушимою прочностью такого убеждения поддерживалась власть самих царей». Этим-то убеждением в общенародном характере нашей верховной власти и укрепляется вера г. Тихомирова в недалекое торжество народоправления. Переход к последнему от самодержавия царей «не составляет чего-нибудь оригинального (?). Французский народ так же точно от идеи о самодержавном короле, способном говорить l'état c'est moi, перешел без затруднения (?!) к идее о peuple souverain. Господство самодержавного народа там не могло фактически установиться, благодаря силе буржуазии»; у нас нет буржуазии, поэтому ничто не мешает у нас торжеству народоправления, «если только самодержавие не продержится достаточно долго для того, чтобы дать буржуазии время окрепнуть до такой степени, которая необходима для организации всего нашего производства на капиталистических началах». Но «едва ли Россия в современном хаотическом состоянии может ждать, пока буржуазия сложится сама настолько, чтобы уметь привести этот хаос к какому-нибудь порядку, хотя бы даже буржуазному»... Потому, «если мы доживем до крушения существующего строя раньше этого, то буржуазия не имеет никаких данных захватить политическую власть».

Мы видим отсюда, что «переживаемый нами момент», действительно, очень благоприятен для социальной революции: с одной стороны—«едва ли Россия может ждать», а с другой—и власть-то захватить, кроме народа, да, пожалуй, революционной партии, решительно некому. П. Н. Ткачев был совершенно прав, говоря, что социальная революция будет «теперь, или очень не скоро, быть может, никогда». Но в таком случае неправ был П. Л. Лавров, называвший это уверение спекуляцией на невежество русских читателей.

Мы видим также, что по вопросу о «политическом факторе» разогревание ткачевских доводов не причинило больших хлопот г. Тихомирову. Ему оставалось только дополнить частным примером общие рассуждения П. Н. Ткачева о силе западной—и бессилии русской буржуазии. Таким примером и послужила для него великая революция, благодаря которой французский народ, наверное, сделался бы самодержавным, если бы этому не помешала сила буржуазии.

«Счастливы люди, у которых есть *абсолютный принцип*—говорил Н. Г. Чернышевский.—Им не нужно ни наблюдать фактов, ни думать: у них заранее готово лекарство для всякой болезни и для всякой болезни одно и то же лекарство, как у знаменитого доктора, каждому пациенту говорившего—purgare et clystirizare... Подобными талисманами обладают многие. Для «значительного лица», к которому обратился Акакий Акакиевич по поводу пропажи шинели, талисманом было «распечь». Для экономистов отсталой школы таким же талисманом служит прелестный девиз: *«невмешательство государства»*. Наконец, прибавим мы от себя, для «русских социалистов», не менее отсталой школы, роль этого талисмана играет

«буржуазия». Ссылка на ее слабость или совершенное отсутствие решает все самые трудные вопросы прошедшего, настоящего и будущего времени. Г. Тихомиров занимает не последнее место между счастливыми обладателями этого философского камня. Почему во Франции не установилось «самодержавие народа»? Потому, что этому помешала «сила буржуазии». Почему у нас оно установится, когда народ «разочаруется в самодержавии царей»? Потому, что у нас слаба буржуазия. Почему на Западе единственным путем для осуществления «общих всем социалистам целей» является медленный и постепенный путь организации рабочего класса, городского и сельского, «в сознательную общественную силу», между тем как у нас «говорят иногда», что «захват власти революционерами» может послужить исходным пунктом революции», которая в свою очередь послужит исходным пунктом «социалистической организации России»? Опять таки, потому, что у нас очень слаба сильная на Западе буржуазия. Purgare et clistirizare,—как упрощается теория медицины, как облегчается медицинская практика этим талисманом! К сожалению, общественные вопросы несколько сложнее вопросов медицины, и потому даже родственные мольеровскому доктору публицисты должны были бы запастись более хитрыми талисманами. Можно держать пари, что ключ, находящийся в распоряжении «русских социалистов», не отопрет им дверей ко многим историческим вопросам. Почему испанский народ, разочаровавшись «в самодержавии царей», не перешел «без затруднения» к идее о самодержавном народе? Положим, Испания есть одна из самых «западных» стран Европы, но ведь и сам г. Тихомиров не решится приписать большой силы испанской буржуазии в особенности начала нынешнего столетия. К тому же и «принципы общинного землевладения» были и остаются, как это показали недавние исследования г. Лучицкого, гораздо более распространенными в Испании, чем в какой-либо другой еретической стране. Как ни бейся, а тихомировским ключом не отопрешь этой двери!

Мы позволим себе придти на помощь «русским социалистам» в этом затруднительном обстоятельстве. Если ум хорошо, а два еще лучше, то с таким же правом можно сказать, что два талисмана лучше одного, хотя бы и хорошего. Так вот, почему бы им не прибавить к «буржуазии» еще какого-нибудь не менее магического слова, скажем, католицизма, протестантизма или вообще не православного вероисповедания. Положим, этот талисман не нов и довольно-таки поистерся в руках славянофилов консервативного направления, но все-таки он едва ли не универсальнее «буржуазии». Ведь большой еще вопрос, точно ли у нас нет буржуазии и точно ли она,—если и есть,—«слабее» буржуазии всех западных стран, всех периодов «разочарования народа в самодержавии царей»; православие же составляет несомненный, «истинно и крепко русский» признак, совершенно чуждый европейскому Западу. С помощью его очень легко было бы решить вопрос о том, что помешало «фактическому установлению господства самодержавного народа» в Испании двадцатых годов,

вовсе не имевшей сильной буржуазии. Довольно было бы сослаться на католичество. Право, попробовали бы, господа!

Впрочем, мы далеки от мысли унижать значение тихомировского талисмана; мы не только знаем цену ему, но и сами хотим попробовать применить его к делу. Почему на Западе «мыслящие» социалисты знают, о чем они говорят, и не вносят тихомировской путаницы в разбираемые ими вопросы? Не потому ли, что «западная» буржуазия сильнее нашей? Очень на то похоже! Там, где сильна буржуазия, велико и экономическое развитие страны, ясны и определенны все социальные отношения. А там, где ясны социальные отношения, нет места и фантастическому решению политических вопросов; вот почему «на Западе» лишь то совсем уже безнадежным в умственном отношении людям свойственна та «анархия мысли», которая характеризует часто даже «убежденных и мыслящих социалистов» России. Итак, если г. Тихомиров пишет из рук вон плохие публицистические статьи, то в этом нужно винить не его, а слабость нашей буржуазии. Читатель видит, что любимый ключик нашего автора открывает подчас очень хитрые ларчики.

Не составляя чего-нибудь «оригинального», доводы г. Тихомирова поражают, тем не менее, своею «рискованностью». Откуда заключил г. Тихомиров, что верховная власть есть, по народным понятиям, «*представительство*»? Мы полагали до сих пор, что нынешние «представления народа относительно верховной власти» объясняются тем, что он не имеет решительно никакого понятия о представительстве. Подданные персидского шаха, египетского хедива и китайского императора имеют такие же нелепые предрассудки относительно своей верховной власти, как и русские крестьяне. Следует-ли отсюда, что персы, египтяне и китайцы с такою же легкостью перейдут к «идее о peuple souverain»? Если так, то чем более удаляемся мы на Восток, тем более приближаемся к торжеству народоправления. Далее,—почему думает г. Тихомиров, что, «разочаровавшись в самодержавии царей», народ наш может стать лишь сторонником своего собственного самодержавия? Разве ошибочное понятие о сущности абсолютизма гарантировало когда-нибудь отдельную личность, или целый народ, от ошибочных представлений о сущности ограниченной монархии или буржуазной республики? «Против государства классового, если только этот характер его делается сколько-нибудь заметным, единодушно станут миллионы народа»—говорит г. Тихомиров. Но в том-то и дело, что сознание недостатков настоящего еще не дает народу правильного понятия о будущем. Разве абсолютная монархия не была у нас, как и везде, «классовым государством»? Ведь сам г. Тихомиров признает в нашей истории «существование дворянства, *как сословия действительно господствующего*», по крайней мере, с «указа о вольности». И разве народ не объяснял именно влиянием и даже прямым заговором бар и чиновников всех невыгодных для него постановлений нашего законодательства, всех произвольных и стеснительных распоряжений администрации? А если это так, то классовый характер нашей монархии был очень за-

метным. Полагаем, что протест против классового государства проходит красною нитью через всю нашу историю. Против него, действительно, «восставали миллионы», хотя, к сожалению, далеко не так «единодушно», как это предсказывает г. Тихомиров относительно будущего. И что же вышло из этих протестов? Уничтожили они «классовое государство», привели они народ к тому убеждению, что действительная «верховная власть» не соответствует его политическим идеалам? Если нет, то что же гарантирует нас от продолжения той же печальной истории и при конституционной монархии? Разочарование народа «в самодержавии царей»? Но от чего же спасет оно народ, чему оно помешает? Ведь слабая сторона политического миросозерцания народа заключается, по словам г. Тихомирова, в выводах, а не в посылках. Если верить нашему автору, то русский народ хорошо знает, какою *должна быть* верховная власть; он требует, чтобы она была «представительством общенародным», и путается лишь в тех случаях, когда ему приходится определить,—соответствует ли его идеалам данный вид государственного устройства? Заметивши одну ошибку, он может впасть в другую, не менее печальную и грубую. Он может не знать, при каких условиях его собственные верховные права перестанут быть пустым и лицемерным словом, завесой, прикрывающей политическое господство высших классов. Допускает ли г. Тихомиров, что русский народ действительно *может* не знать упомянутых условий? Что касается нас, то мы нимало не поколеблемся ответить на этот вопрос утвердительно: не только может, но даже, наверное, не знает. А если не знает, то будет ошибаться, а если будет ошибаться,—и поскольку будет ошибаться,—не осуществит и приписываемых ему Тихомировым идеалов, т.-е. не будет самодержавным. Г. Тихомиров считает подобные политические неудачи народа возможными лишь на «Западе» и немыслимыми на его излюбленном Востоке, в странах, спасенных заботливой историей от язвы капитализма. Это было бы резонно и утешительно, если бы политические представления народа не были бы тесно связаны с экономическим его развитием. К сожалению, связь эта несомненна, и народ разочаровывается «в самодержавии царей» лишь там, где экономические отношения его утрачивают свой первобытный характер и становятся более или менее буржуазными; но одновременно с этим начинает приобретать силу и буржуазия, т.-е. становится невозможным и непосредственный переход к самодержавию народа. Г. Тихомиров утешает нас, правда, соображениями о самобытном развитии России. Но, во-первых, никакие исторические особенности данной страны не избавляют ее от действия общих социологических законов, а, во-вторых, мы знаем уже, что экономическая действительность современной России вовсе не подтверждает политических парадоксов редактора «Вестника Народной Воли». Разочарование народа в самодержавии царей только начинает казаться *вероятным*, между тем как возрастающее разложение общины и проникновение в народную жизнь буржуазных принципов стало уже несомненным и неоспоримым фактом. Что если такого рода параллель удержится и в будущем? Ведь ко времени полного разрыва народа с царизмом, буржуазия может стать всесильной. Откуда же возьмется у нас тогда «народоправление»?

Заметим г. Тихомирову, что мы противополагаем народное самодержавие господству буржуазии единственно потому, что ему самому угодно было сделать это. В сущности же мы думаем, что такое противоположение может иметь смысл только в исключительных случаях. Политическое самодержавие народа вовсе не гарантирует его от экономического порабощения и не исключает возможности развития в стране капитализма. Цюрихский кантон есть один из самых демократических и в то же время один из самых буржуазных кантонов Швейцарии. Демократическая конституция становится средством социальной эмансипации народа только в том случае, когда естественный ход развития экономических отношений делает невозможным продолжение господства высших классов. Так, например, в передовых странах производство все более и более принимает коллективный характер, между тем как индивидуальное присвоение его продуктов предпринимателями вызывает целый ряд болезненных потрясений во всем общественно-экономическом организме. Народ начинает понимать причину этих потрясений, и потому, наверное, воспользуется, рано или поздно, политическою властью для своего экономического освобождения. Но вообразим иной фазис общественного развития, представим себе страну, в которой крупная промышленность только стремится еще к господству, между тем как товарное производство уже легло в основу ее хозяйства; другими словами, перенесемся в страну мелкой буржуазии. Какие экономические задачи должен будет решать «самодержавный народ в этом случае»? Прежде всего и исключительно—задачу обеспечения интересов мелких индивидуальных производителей, так как именно этот класс составляет большинство народа. Но, идя по этой дороге, не минуешь ни капитализма, ни господства крупной буржуазии, так как сама объективная логика товарного производства заботится о превращении мелких индивидуальных производителей в наемных рабочих, с одной стороны, и буржуа-предпринимателей, с другой. Когда совершится такое превращение, рабочий класс, разумеется, воспользуется всеми политическими средствами для смертельной борьбы с буржуазией. Но тогда взаимные отношения общественных классов станут резко определенными, место «народа» займет рабочий класс, и народное самодержавие превратится к диктатуру пролетариата.

Отсюда следует, что степень подготовки данного народа к истинной и неподдельной демократии определяется степенью его экономического развития. Определенность экономических отношений обусловливает не меньшую определенность в группировке политической, антагонизм труда и капитала вызывает борьбу рабочих партий с буржуазными. Развитие же производительных сил приближает эту борьбу к концу и обеспечивает торжество пролетариата. Так было и есть во всех «западных» странах.

Но г.г. славянофильствующим революционерам не хочется, чтобы точно также было и в России. Подобно тому, как русский крестьянин

не любит писанных законов и стремится обделать всякое дело по своему, «по душе», русский интелигентный человек боится законов исторических, и апеллирует к самобытности, к «субъективному методу в социологии» и т. п., т.-е. в сущности к той же «душе». Рассматриваемая, с точки зрения «души», история получает совершенно своеобразную окраску. Она представляется ни чем иным, как рядом интриг злых против добрых, причем наступлению «царства божия» на земле мешает только сила первых и слабость вторых. Само собою понятно, что именно, вследствие своей испорченности, злые не могут установить между собою прочного и продолжительного союза. Они борются не только с добрыми, но и между собою, образуют фракции и факции, вырывают друг у друга «кормило правления». Это междоусобие в лагере злых идет, разумеется, на пользу добрых, для которых особенно выгодным оказывается тот «момент», когда одна фракция злых уже не в силах удержать власть в своих руках, между тем как другие фракции еще недостаточно сильны для ее захвата. Тогда счастие становится возможным и близким, и нужно только небольшое усилие со стороны добрых, чтобы установить, по крайней мере, «народоправление». Добрый и чувствительный по существу, «русский социализм, как он выразился» в статьях П. Н. Ткачева и г. Тихомирова, любит льстить себя тою надеждою, что в «переживаемый нами момент» Россия находится именно в этом периоде междуцарствия злых и порочных, истощения абсолютизма и бессилия буржуазии.

На предыдущих страницах мы немало потратили труда на разрушение этой наивно-оптимистической стороны русского революционного миросозерцания. Но так как г. Тихомиров все-таки будет более склонен согласиться с своим учителем, П. Н. Ткачевым, чем с нами, своим политическим противником, то мы авторитету редактора «Набата» противопоставим авторитет товарища нашего автора по редактированию «Вестника Народной Воли». Г. Лавров не откажется, вероятно, от солидарности с мыслями, высказанными в руководящей статье 27 № «Вперед». Автор этой прекрасной статьи утверждает, что «в России пышно и быстро разрастается капиталистический строй со всеми последствиями», что «этого не отрицают защитники современного порядка точно так же, как и его противники», и что, наконец, социалисты видят в этих явлениях лишь «фатальный процесс, который может излечиться только одним путем: *самое развитие капиталистическаго строя должно вызвать* и подготовить переворот, который унесет этот строй». Г. Лавров может вполне основательно спросить г. Тихомирова—куда же девались русский капитализм и русская буржуазия, несомненно существовавшие в период издания лондонского «двухнедельного обозрения»? И если ему удастся убедить своего товарища в том, что капитализм не иголка, и что он не мог затеряться в сутолоке русской жизни, то г. Тихомиров и сам увидит, с какой стороны грозит опасность русскому «народоправлению», долженствующему будто бы непосредственно заменить собою царское самодержавие. Там, где «пышно и быстро развивается капиталистический строй со всеми

своими последствиями», буржуазия всегда может иметь достаточно силы, чтобы помешать,—как это было по словам г. Тихомирова, во Франции,— фактическому установлению «господства самодержавного народа».

Если автор цитируемой нами статьи 27 № «Вперед» был прав, говоря о быстром развитии в России капитализма, то не прав г. Тихомиров, полагающий, что именно современные наши экономические отношения в высшей степени благоприятствуют возможности положить «начало социалистической организации в нашем отечестве». Рассуждения его и в этом случае представляют собою лишь легкие вариации на ткачевско-бакунинские темы,

П. Н. Ткачев писал, как мы знаем, Энгельсу: «Народ наш невежествен—это... факт. Но зато он в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного землевладения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции».

Верное эхо Ткачева, г. Тихомиров уверяет, что «в народных понятиях и привычках находится в наличности достаточно элементов для успешной организации его сил. Крестьянин умеет устроить свое самоуправление, умеет принять в мирское владение землю и общественною распоряжаться» [1]). Из факта существования общинного землевладения в России редактор «Набата» делал тот вывод, что, несмотря на свое невежество, народ наш стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада. Редактор «Вестника Народной Воли» не решился последовать за своим учителем до таких крайних умозаключений, но он, разумеется, не преминул напомнить читателям, что «право народа на землю и общественный характер этого орудия труда сознается нашим крестьянином не менее отчетливо, чем сознается европейским пролетарием его право на фабрику проприетера». Плохо знакомый с исторической философией современного социализма, г. Тихомиров никак не может понять той простой истины, что для социалистической революции важно не только сознание «европейским пролетарием его право на фабрику проприетера». Римские пролетарии также довольно ясно сознавали когда-то «свое право» на латифундии богачей, возникшие путем захвата государственных земель и экспроприации мелких собственников; но если бы им удалось реализировать свое право, то никакого социализма из этого никоим бы образом не вышло Социалистическая революция подготовляется и облегчается не тем или другим способом *владения*, а развитием производительных сил и *организацией производства*. В придании этой организации общественного характера и заключается исторически-подготовительное значение капитализма, сведенное г. Тихомировым, со слов г. В. В., к «механическому сплачиванию рабочих». Ни П. Н. Ткачев, ни г. В. В., ни г. Тихомиров, наконец, никто из народников и бакунистов не потрудился доказать нам, что русский народ также «отчетливо понимает» необходимость *общественной организации производства*, как понимает ее «европейский

[1]) «В. Н. В.», № 2, стр. 255.

пролетарий». А между тем в ней-то и все дело. Г. Тихомирову следует запомнить раз на всегда, что не организация производства определяется юридическими нормами, а юридические нормы определяются организацией производства. Порукой в этом служит нам вся социальная история, всех народов, не исключая даже диких и самобытных. А если это так, и если капитализм действительно не имеет у нас места, то, сравнивая Россию с Западом, нужно брать за точку исхода не следствие, а причину, не господствующий тип *землевладения*, а преобладающий характер *земледелия*, его организацию и предстоящие в ней перемены: ведь от этих перемен зависят судьбы самих форм поземельного владения. Пусть же г. Тихомиров попробует доказать нам, что в нашем земледелии господствует теперь та же тенденция, что и в крупной машинной промышленности капиталистических стран, т. е. стремление к планомерной организации в пределах, по крайней мере, целого государства. Если ему удастся эта попытка, то экономическая сторона его ожиданий от революции получит весьма серьезное значение. В противном же случае все его политико-экономические соображения и сопоставления сведутся опять-таки к избитому приему решения всех наших общественных вопросов, так сказать, по методу исключения буржуазии; начало же «социалистической организации России» потеряет всякую связь с «недалеким от нас моментом» предстоящей нам «катастрофы» и снова отодвинется в более или менее туманную даль.

Достаточно ли сказанного нами? Если нет, то мы опять обратимся к помощи многоуважаемого П. Л. Лаврова. «Для огромного большинства русского народа—говорит превосходная статья 27 № «Вперед!»—унаследованное чувство солидарности общинного мира или артели в разных ее формах ограничивается самыми тесными пределами, за которыми начинается область соперничества и борьбы за существование между голодающими и притесненными со всех сторон группами. В этом большинстве старинная традиция, что земля принадлежит земледельцу, старинная ненависть к ближайшим эксплоататорам народного труда... не могла формулироваться в сознание необходимости экономического коммунизма, этому большинству не может быть ясна громадная разница, которая произошла бы для будущего общества, если бы, при удачном народном взрыве, экономический переворот ограничился бы перераспределением имущества (нужно было бы сказать средств производства), а не безусловным признанием его общности». Цитируемый нами автор справедливо полагает, что перераспределение имуществ, вместо их общности, неизбежно поведет к выработке нового разделения классов, нового эксплоататорства и, следовательно, к воссозданию буржуазного общества в новой форме». И действительно, так называемое «всенародное право на землю» нисколько не обусловливает общности движимых средств производства, а потому допускает неравенство в их распределении и эксплоатацию бедных богатыми. Именно, разлагающее влияние движимой частной собственности и привело к разложению первобытных форм коллективизма.

Что скажет по этому поводу бывший редактор «Вперед»? Продолжает ли он признавать справедливость только что приведенной аргументации, или он «совершил» настолько «значительную эволюцию в своих социально-политических убеждениях», что разделяет теперь несовместимые с этой аргументацией взгляды П. Н. Ткачева и г. Тихомирова?

Прямой и категорический ответ на этот вопрос имел бы в высшей степени важное значение. В самом деле, если сознание народом своего «права на землю» не может послужить достаточно прочным фундаментом для заложения «начала социалистической организации России», то все практические выводы г. Тихомирова утрачивают всякий смысл и всякое значение. Если в народе неясно сознание насущнейших условий своего экономического освобождения, то не мыслимо и самое освобождение, а следовательно, и захват власти революционерами не может «послужить исходным пунктом» ожидаемой г. Тихомировым антибуржуазной революции. Нужно, значит, говорить не о том, «чего нам *ждать* от революции», а о том, что нам *делать* для нее, как выяснить народу понимание ее задач, как предотвратить или направить на пользу народа торжество буржуазии, каким образом достигнуть того, чтобы «самое развитие капиталистического строя вызвало и подготовило переворот, который унесет этот строй»?

«Некоторая часть социалистов» советовала нашей «революционной молодежи» заняться пропагандой в среде промышленных рабочих. Г. Тихомиров воспользовался всеми ошибками и всем невежеством наших полицейских статистиков, чтобы доказать непрактичность этого совета. По его мнению, численность рабочего класса наших промышленных центров слишком незначительна для того, чтобы на этом слое нашего трудящегося населения могли основываться какие-либо социально-революционные надежды. Из сказанного им по этому поводу можно было бы заключить, что наш автор стоит на старо-народнической точке зрения, игнорирующей город и возвеличивающей деревню. Но и эта догадка основательна только отчасти. Г. Тихомиров действительно возвеличивает деревню, но всякий внимательный читатель немедленно поймет, что деревне «не поздоровится от этаких похвал». В самом деле идеализация бывает различного рода и ведет за собою различные практические выводы. Народники недавнего прошлого идеализировали народ отчасти с тою целью, чтобы подвинуть самих себя и всю нашу интеллигенцию на революционную деятельность в его среде. Усильте эту идеализацию еще на одну степень, и вы придете к тому убеждению, что, благодаря своим общинным тенденциям, народ наш вовсе не нуждается ни в каких воздействиях со стороны социалистической интеллигенции. Роль последней становится, в таком случае, чисто разрушительной. Она сводится на устранение внешних препятствий, мешающих осуществлению народных идеалов. Именно с такой идеализацией народа мы встречаемся в статье г. Тихомирова. «В революционный момент наш народ не может оказаться раздробленным, когда зайдет речь об основном принципе государственной власти,--решил наш автор.--Точно так же

он окажется единодушным в экономическом отношении по вопросу о земле... Для того, чтобы собрать массы в огромную силу вокруг этих двух пунктов—*не нужно никакой особенной пропаганды*; нужно только, чтобы народ знал, о чем идет дело». Доведенная до крайнего своего выражения, идеализация народа лишает народническую деятельность всякого смысла и значения. Но зато, тем более возрастает значение заговора. Социальная революция—рассуждает заговорщик—задерживается, благодаря влиянию современного правительства. Устраните это влияние—и в результате вашей разрушительной деятельности необходимо должно явиться «начало социалистической организации России». В политической борьбе «власть принадлежит тому, кто имеет возможность в каждый данный момент выставить на защиту своего дела наибольшее количество живой человеческой силы». Нет надобности осведомляться о том, из какого класса выходит эта сила. «Получать» ее «в свое распоряжение можно различно». Можно даже «покупать своих бойцов или выгонять на защиту свою посредством какого-нибудь экономического давления»[1]). Тем более можно вербовать их из каких угодно классов общества. Успех дела зависит лишь от искусного направления «полученных» сил сообразно целям заговорщиков. Вот почему г. Тихомиров «говорит иногда» о захвате власти революционерами, как «об исходном пункте революции». Этот вывод логически вытекает из всех посылок нашего автора.

Вся беда в том, что посылки г. Тихомирова не выдерживают критики, что в народе не все обстоит благополучно даже по вопросу о «двух главных пунктах», и что есть еще и другие пункты, игнорирование которых может привести революционеров лишь к тяжелому разочарованию. А вместе с посылками падают, разумеется, и выводы, дорогие г. Тихомирову, но мало благоприятные для успехов социалистического движения в России. Сантиментальный туман ложной и напускной идеализации народа исчезает, и действительность снова выступает перед нами с своими насущными требованиями. Мы видим, что невозможно надеяться на сколько-нибудь удачный исход русского революционного движения без «особенной пропаганды» в народной среде. Мы убеждаемся, что нашим революционерам невозможно довольствоваться программой Ткачева и не мешает вспомнить о программе журнала «Вперед». Но мы все еще не решили, в какой мере желателен разрыв их с традициями нашего бланкизма. Очень интересно было бы, в этом затруднительном случае, определенно узнать авторитетное мнение г. Лаврова.

2. «Захват власти».

Впрочем, мы можем отчасти предугадать это мнение. Почтенный редактор, наверное, не одобряет того обстоятельства, что г. Тихомиров «иногда говорит о захвате власти революционерами, как об исходном

[1]) «В. Н. В.», № 2, «Чего нам ждать от революции?», стр. 250.

пункте революции». П. Н. Ткачев также имел привычку «иногда говорить» о таком захвате, и этим вызвал сильное порицание со стороны г. Лаврова. Редактор «Вперед» счел даже нужным предостеречь нашу революционную молодежь от союза с *ложными друзьями*. «Есть революционные кружки—писал он,—которые говорят, что они хотят блага народа, что они имеют в виду осуществить это благо путем революции, но революции не народной». Для таких кружков вся философия революции сводится, конечно, к захвату власти. «Другие хотят диктатуру лишь временную, только для того, чтобы распустить войско, *снять* верхний слой противников и сойти со сцены, оставив народ решить свою судьбу. Третьи мечтают передать эту диктатуру, когда они совершат свое дело, Земскому Собору из народных представителей или местным собраниям и т. д., и т. д. Общее у всех революционеров этого рода—революция, произведенная меньшинством, при более или менее продолжительной диктатуре этого меньшинства». В качестве редактора, г. Лавров заявил, что его журнал «никогда не сочтет возможным допустить *без возражения* на свои страницы теорию революционной диктатуры меньшинства, так называемую якобинскую теорию. Названная теория подвергалась остракизму по следующим, довольно уважительным причинам.

«История доказала и психология убеждает нас, что всякая неограниченная власть, всякая диктатура портит самых лучших людей, и что даже гениальные люди, думая облагодетельствовать народы декретами, не могли этого сделать. Всякая диктатура должна окружать себя принудительною силою, слепо повинующимися орудиями; всякой диктатуре приходилось насильственно давить не только реакционеров, но и людей, просто несогласных с ее способами действия; всякой захваченной диктатуре пришлось истратить более времени, усилий, энергии на борьбу за власть с ее соперниками, чем на осуществление своей программы помощью этой власти. *О сложении же диктатуры, захваченной насильно какой-либо партией (т. е. о том, что диктатура послужит лишь «исходным пунктом революции», не правда ли, г. редактор?) можно мечтать лишь до ее захвата*; в борьбе партий за власть, в волнении явных и тайных интриг, каждая минута вызывает новую необходимость сохранить власть, выказывает новую невозможность оставить ее. Диктатуру вырывает из рук диктаторов лишь новая революция»... «Неужели наша революционная молодежь согласна служить подножием трона нескольких диктаторов, которые *и при самых самоотверженных намерениях могут быть лишь новыми источниками общественных бедствий*, но которые, всего вероятнее, будут даже не самоотверженные фанатики, но страстные честолюбцы, жаждущие власти для самой власти, жаждущие власти для себя?..»

Если действительно доля нашей молодежи стоит за диктатуру, за захват власти меньшинством,—продолжал почтенный редактор,—то органом этой доли «Вперед» никогда не будет;.. пусть борются русские якобинцы против правительства; мы им мешать не будем, но партия

народной социальной революции станет всегда их врагом, едва один из них протянет руку к власти, которая принадлежит народу и больше никому»[1]).

Предсказание П. Л. Лаврова исполнилось в точности. Журнал «Вперед», действительно, «никогда не был» органом русских якобинцев. Правда, П. Л. Лавров сделался редактором органа «этой доли молодежи». Но это уже дело другое, нас здесь не касающееся.

В настоящую минуту нас интересует следующее соображение. Автор «Исторических Писем» нигде не заявлял, что он изменил свои взгляды на захват власти; поэтому мы можем с уверенностью сказать, что один из редакторов «Вестника Народной Воли» относится к такому захвату крайне отрицательно. Нас радует подобная уверенность: приятно согласиться во мнениях с известным и уважаемым писателем, а мы можем сказать, что совершенно разделяем его мысли о захвате власти, хотя и пришли к своему убеждению несколько иным путем. Мы всегда стремились обращать главное внимание не на субъективную, а на объективную сторону дела, не на мысли и чувства отдельных личностей—хотя бы эти личности носили даже диктаторское звание,—а на социальные условия, с которыми им приходится считаться, на внутренний смысл тех общественных задач, за решения которых они берутся. Мы не потому говорим против захвата власти, что «всякая диктатура портит самых лучших людей»,—это вопрос едва ли окончательно разрешенный «историей и психологией». Но мы думаем, что если «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих», то никакая диктатура ничего не сделает там, где рабочий класс, «городской и сельский», не подготовлен к социалистической революции. А такая подготовка идет, обыкновенно, параллельно с развитием производительных сил и соответствующей им организации производства. Вот почему мы и задавались вопросом—насколько современные экономические отношения России оправдывают программы людей, стремящихся к захвату власти и обещающих совершить, с ее помощью, целый ряд социально-политических чудес! Есть ли у этих людей более физической возможности исполнить свои обещания, чем у синицы, собиравшейся зажечь море? И мы пришли к отрицательному ответу. В брошюре «Социализм и политическая борьба» мы подробно объяснили, почему мы считаем такой ответ единственно возможным в настоящее время. Не разбирая прямо наших доводов, г. Тихомиров также коснулся в разбираемой статье этого вопроса, причем кинул в «некоторую часть социалистов» некоторою частью употребленных нами выражений. Но аргументация нашего автора, по обыкновению, очень неубедительна; да он не всегда и гонится за убедительностью. По временам он совершенно перестает доказывать и только утверждает, так сказать, декретирует те или другие положения, как будто бы он «захватил» уже «власть»

[1]) «Русской социально-революционной молодежи», редактора журнала «Вперед», Лондон 1874, стр. 40—43.

над умами своих читателей. Так, например, прикрикнувши на людей, считающих физически невозможным захват власти силами современной революционной партии, и обвинивши их в «перетасовке понятий», он противопоставляет их доводам следующее... заявление. «Не подлежит сомнению, что вопрос о захвате власти всякою революционною силою определяется, прежде всего, тем, достаточно ли дезорганизовано, расшатано и непопулярно существующее правительство, и если все эти данные имеются в наличности—государственный переворот не представляет ничего невозможного и даже особенно трудного»[1]). Не останавливаясь долее на этом интересном вопросе, он прямо переходит к обсуждению шансов «удержания власти» нашими революционерами. Волей-неволей, всем «несогласно-мыслящим» приходится мириться с не совсем обычным лаконизмом автора. Помиримся с ним и мы, тем более, что истина некоторых положений автора на этот раз действительно «не подлежит сомнению». Но даже и в этом случае весьма уместно будет спросить—кто же «перетасовывает понятия»— г. Тихомиров, или его противники? Во-первых, «государственный переворот» далеко не то же самое, что и «захват власти всякою революционною силою». Там, где «существующее правительство дезорганизовано, расшатано и непопулярно»— государственный переворот не только «не представляет ничего невозможного», но просто почти неизбежен, а вследствие этого, разумеется, и не «особенно» труден. Но это еще не значит, что «всякая революционная сила» может стать на место свергнутого правительства, захватить потерянную им власть. Государственный переворот может быть совершен совокупным действием многих «сил», враждебных между собою, но, тем не менее, революционных по отношению к существующему порядку. Тогда и «власть» достанется не одной из этих сил, а общей их равнодействующей, воплощенной в новом, временном или постоянном правительстве. Для каждой же из них в отдельности, «вопрос о захвате власти» не только не разрешится, но еще более усложнится таким исходом: вместо слабого и непопулярного противника, им придется спорить за власть с соперниками свежими, бодрыми, еще неутомленными борьбой и имеющими за себя голос некоторой части нации. Все это ясно, как Божий день. А если ясно, то можно ли приурочивать интересующий нас вопрос о захвате власти «партией Народной Воли»—исключительно к непрочности существующего правительства, к вероятности государственного переворота? Позволительно ли так подменять понятия, совершенно различные по своему смыслу и содержанию?

Но, скажут нам, вы придаете «государственному перевороту» совсем не тот смысл, в каком употребляет это выражение г. Тихомиров. Он понимает под ним не только падение существующего и организацию нового правительства; он предполагает, что вся эта революция совершится путем удачного заговора в среде известной, определенной, симпатичной

[1]) «В. Н. В», № 2, стр. 255.

ему революционной партии. Заговор есть предприятие тайное, начинаемое без ведома всех тех, кто мог бы соперничать с заговорщиками после переворота. Когда маленький Наполеон задумывал свой «государственный переворот», то ему и в голову не приходило открывать свои намерения орлеанистам или легитимистам, а еще того менее решился бы он просить у них помощи и содействия. Добыча, приобретенная силами одних бонапартистов, целиком и досталась бонапартистам; соперникам оставалось только злобствовать и сожалеть о том, что не они задумали и выполнили это удалое предприятие. То, что сделал пресловутый племянник,—может быть сделано и искренними революционерами. Неужели одно только зло имеет привилегию успеха? Неужели орудие, доказавшее свою годность в руках политических авантюристов, откажется служить людям, искренно преданным благу своей родины?

Если г. Тихомиров действительно понимает «государственный переворот» в этом последнем смысле, то он прибегает к «перетасовке понятий», еще более грубой, чем мы думали ранее. Что дает ему право так неожиданно и беззастенчиво подменять общую, абстрактную возможность данною, конкретною действительностью? Разве *возможное* в общем смысле не оказывается сплошь и рядом невозможным в применении к тому или другому частному случаю? И потому, разве позволительно, рекомендуя русской революционной партии путь заговора, ограничиваться общими фразами о том, что организовать удачный заговор не «особенно трудно» там, где правительство дезорганизовано и непопулярно? Разве русские революционеры представляют собою заговорщиков вообще, без костей и плоти, стоящих вне всех тех условий, которые превращают возможное для одних в фантастическое и невозможное для других? Разве шансы успеха заговора не определяются свойствами среды, к которой принадлежат его участники, и разве свойства среды не влияют на стремления и цели заговорщиков? Стоит только взглянуть на нашу революционную среду с этой точки зрения,—и общие фразы о не «особенной трудности» успешного заговора совершенно потеряют всякий смысл.

К какому классу, к какому слою общества принадлежало и принадлежит до сих пор огромное большинство наших революционеров? К так называемому мыслящему пролетариату. О политических свойствах этого слоя мы уже подробно говорили в брошюре «Социализм и политическая борьба», и мы очень жалеем, что г. Тихомиров не счел нужным опровергнуть наши соображения. «Наш мыслящий пролетариат, писали мы, сделал уже очень много для освобождения своей родины. Он расшатал абсолютизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса. Он составляет переход от высших классов общества к низшим, он обладает образованием первых и демократическими инстинктами последнего. Это положение облегчало ему его разностороннюю работу агитации и пропаганды. Но то же самое положение дает ему очень мало надежды на успех заговора с целью захвата власти. Для такого заговора недостаточно

талантов, энергии и образования; нужны связи, богатство и влиятельное положение заговорщиков. Именно этого и недостает нашей революционной интеллигенции. Пополнить этот недостаток она может, лишь вступая в союз с другими недовольными элементами русского общества. Допустим, что ее планы и встретят сочувствие со стороны этих элементов, допустим, что к заговору примкнут богатые землевладельцы, чиновники, штаб и обер-офицеры. Успех заговора станет тогда вероятнее, хотя вероятность эта будет еще очень невелика: припомним только исход бо́льшей части известных в истории заговоров. Но главная опасность будет грозить социалистическому заговору не со стороны существующего правительства, а со стороны его собственных участников. Вошедшие в него влиятельные и высокопоставленные лица могут быть искренними социалистами только в виде «счастливой случайности». Относительно же большей части из них не может быть никаких гарантий в том, что они не пожелают воспользоваться захваченною ими властью» для целей, не имеющих ничего общего с интересами рабочего класса... Таким образом, *результаты заговора* социалистической интеллигенции, с целью захвата власти в ближайшем будущем, *станут тем более сомнительными, чем более сочувствия встретит он во влиятельных сферах, т.-е. чем вероятнее будет его внешний успех*; и наоборот, результаты такого заговора—поскольку речь идет о намерениях его участников—будут тем несомненнее, чем более его сфера ограничится нашею социалистической интеллигенцией, т.-е. чем невероятнее будет его счастливый исход». Понятно ли сказанное? Правы ли мы были, говоря, что наш нигилист-отщепенец, очень полезный, как революционный фермент в общественной среде, не захватит власти, потому что этому препятствует его социальное положение? Бонапарт был не нигилист, а и ему, для его государственного переворота, понадобилось сначала стать ни более ни менее, как во главе исполнительной власти республики. Далее. Вероятно ли, что если нигилист и перетянет на свою сторону достаточное число лиц, влиятельных и занимающих важные посты, что если за ним и пойдут всякого рода «белые генералы», то не он воспользуется их общественным положением, а они воспользуются его самоотверженностию и обратят весь заговор в орудие для своих личных целей? Нам скажут, быть может, что высокое общественное положение не всегда же бесповоротно развращает человека, что и под генеральским мундиром может биться преданное народу сердце. Мы вполне допускаем это, но не перестаем бояться данайцев. Какие гарантии будут у революционеров относительно преданности и искренности высокопоставленных участников заговора? Личная известность этих господ центральному комитету? А чем уверит нас комитет в безошибочности своего выбора? Можно ли довольствоваться такими гарантиями в столь важном деле, как судьба рабочего класса целой страны? Здесь-то и обнаруживается различие между точками зрения социал-демократов, с одной стороны, и бланкистов—с другой. Первые требуют объективных гарантий успеха своего дела, гарантий, которые заключаются для них в развитии

сознания, самодеятельности и организации в среде рабочего класса; вторые довольствуются гарантиями чисто субъективного свойства, отдают дело рабочего класса в руки отдельных лиц и комитетов, приурочивают торжество дорогой им идеи к вере в личные свойства тех или других участников заговора. Будут заговорщики честны, смелы и опытны—восторжествует социализм; недостанет у них решимости или уменья — победа социализма отодвинется на время, быть может, короткое, если явятся новые, более умелые заговорщики; а, быть может, и бесконечно долгое,—если таких заговорщиков не будет. Все подводится здесь к случаю, уму, уменью и воле отдельных единиц [1]).

И пусть не говорят нам, что современные русские бланкисты не отрицают значения подготовительной деятельности в среде рабочего класса. Никакое сомнение невозможно на этот счет после того, как «Календарь Нар. Воли» объявил, что городское рабочее население имеет «особенно важное значение для революции» (стр. 130). Но есть ли на свете хоть одна партия, которая не признавала бы, что рабочий класс может оказать ей важную помощь в достижении ее целей? Современная политика железного канцлера ясно показывает, что такого сознания не лишено даже прусское юнкерство. Теперь все обращаются к рабочим, но не все говорят с ними одинаковым голосом, не все отводят им одинаковую роль в своих политических программах. Это различие заметно даже на социалистах. Для демократа Якоби основание одного рабочего союза имело более важное культурно-историческое значение, чем битва при Садовой. Бланкист, конечно, вполне согласится с этим мнением. Но согласится—единственно потому, что не битвы, а революционные заговоры являются в его глазах главными двигателями прогресса. Если же вы предложите ему выбрать между рабочим союзом и «кающимся дворянином» в лице какого-

[1]) Впрочем, это не совсем так. Иногда объективные условия успеха представляются заговорщику в виде каких-нибудь физических или метеорологических воздействий. Так, например, в одной из книжек «Набата» помещена статья о заговоре генерала Малэ. Из этой статьи видно, что в 1812 году революция не имела во Франции места лишь потому, что в ночь с 22 на 23 октября этого года совершенно некстати и неожиданно пошел сильный дождь. Вам это кажется невероятным, читатель? Прочтите нижеследующую выписку и судите сами. «Когда все было кончено, Малэ хотел-было, немедля, отправиться в ближайшую казарму, но дождь лил, как из ведра, и заговорщики вздумали его переждать. Пришлось ждать до 3-х часов—это было роковою ошибкою. Ночью заговор имел все шансы удаться, так как светская власть и военная не имели бы времени столковаться между собою. Заговорщики пропустили удобную минуту», а вследствие этого, и только вследствие этого, не удался и самый заговор.

Как бы кто ни смотрел на такие объяснения исторических судеб народов, несомненно во всяком случае, что они не дают нам никакой возможности сколько-нибудь трезвого предвидения общественных явлений, т.-е., другими словами, исключают всякую попытку серьезного обсуждения программных вопросов.

Известное уже нам, тихомировское «начало социалистической организации России» также, повидимому, будет отменено в случае ненастной погоды. Вообще, сильные дожди тем вреднее для торжества социализма, чем более дело этого последнего приурочивается к успехам того или другого комитета и отвлекается от соображений о степени социально-политического развития рабочего класса данной страны.

нибудь начальника дивизии, то он едва ли задумается предпочесть второго первому. Да оно и понятно. Как ни важны «для революции» рабочие, но высокопоставленные заговорщики еще того важнее, без них нельзя ступить шагу, и часто весь исход заговора может зависеть от поведения того или другого «превосходительства» [1]). С точки зрения социал-демократа истинно-революционное движение настоящего времени возможно только в среде рабочего класса; с точки зрения бланкиста революция только частью опирается на рабочих, имеющих для нее «важное», но не главное значение. Первый полагает, что *революция* имеет «особенно важное значение» *для рабочих*; по мнению второго, *рабочие* имеют, как мы знаем, особенно важное значение *для революции*. Социал-демократ хочет, чтобы рабочий сам *сделал* свою революцию; бланкист требует, чтобы рабочий *поддержал* революцию, начатую и руководимую за него и от его имени другими, положим, хоть г.г. офицерами, если вообразить нечто в роде заговора декабристов. Сообразно с этим, изменяется и характер деятельности, и распределение сил. Один обращается, главным образом, к рабочей среде, другие имеют с ней дело только между прочим и когда этому не мешают многочисленные, сложные, непредвидимые и все более и более возрастающие нужды начатого вне ее заговора. Это—различие огромной практической важности; именно им-то и объясняется враждебное отношение социал-демократов к заговорщицким фантазиям бланкистов.

3. Вероятные последствия «народной» революции.

Но будем сговорчивы. Допустим невероятное, предположим, что «власть» действительно оказалась в руках наших современных революционеров. К чему приведет их такая удача?

Послушаем нашего автора. «Ближайшая и первая задача победоносного временного правительства состоит в том, чтобы явиться на помощь народной революции. Захваченная государственная власть должна быть употреблена для того, чтобы повсюду революционизировать народные массы и организовать их власть, а это такая задача, при выполнении которой революционеры стоят на твердой почве. Тут временное правительство даже ничего не творит, а только разрешает силы, существующие в народе и даже находящиеся в состоянии сильнейшего напряжения... Временное правительство не имеет тут нужды ни приневоливать народную массу, ни учить ее. Оно только помогает ей с чисто внешней стороны» [2]).

[1]) Сообщенная в «Набате» история заговора генерала Малэ подробно выясняет «важность для революции» начальников «частей» или даже простых офицеров. «Для приведения в исполнение задуманного им плана, Малэ нужно было заручиться помощью по крайней мере двух офицеров, способных, ловких, воодушевленных, подобно ему, ненавистью к императору» и т. д.

[2]) «Вестн. Нар. Воли», № 2, стр. 255—256.

Так говорит г. Тихомиров, рассуждая о роли «временного правительства, вынужденного захватить власть».

Он убежден, что эта «чистая внешняя» помощь народу приведет к «началу социалистической организации России». Если мы припомним его родословную, то увидим, что подобная уверенность нисколько неудивительна с его стороны, и перешла к нему просто по закону наследственности: Бакунин «роди» Ткачева, Ткачев роди Тихомирова и братьев его. И если ближайшие литературные предки нашего автора держались того убеждения, что «народ всегда готов» к социальной революции, то потомку их вполне естественно верить в такую готовность народа, по крайней мере, в «переживаемый нами момент». Нужно удивляться не г. Тихомирову, который, стыдясь открыто признать свое происхождение, все-таки свято хранит предания своих духовных отцов. Нужно удивляться тем читателям, которые, отказавшись от теорий Бакунина и Ткачева, воображают, что г. Тихомиров предлагает им нечто более новое, более серьезное и осуществимое. Для таких читателей критика есть пустое слово, а последовательность самое бессодержательное понятие!

Людям, действительно и бесповоротно покончившим с бакунинско-ткачевскими фантазиями, указанная уверенность г. Тихомирова покажется решительно ни на чем не основанной. Такие люди понимают, что социалистическая революция предполагает целый ряд мер для социалистической организации производства. И уже по одному этому «чисто внешняя» помощь революционного правительства никоим образом не может быть признана достаточной для удачного исхода такой революции. Кроме того, социалистическая организация предполагает два условия, без «наличности» которых за нее невозможно и браться. Первое из этих условий имеет объективный характер и заключается в экономических отношениях страны. Другое условие — чисто субъективное и относится к самим производителям: недостаточно одной объективной, экономической возможности перехода к социализму; нужно, чтобы рабочий класс понял и сознал эту возможность. Эти два условия находятся в тесной взаимной связи. Экономические отношения влияют на экономические понятия людей. Экономические понятия людей влияют на их образ действия, на общественные, а следовательно, и экономические отношения. И так как мы «не верим» уже ни в «десницу божию», ни во врожденные идеи, то нам остается предположить, что «порядок идей определяется порядком вещей», и что взгляды людей на окружающую их экономическую действительность обусловливаются свойствами самой этой действительности. Этими же свойствами определяются и наклонности различных классов, консервативные в один, революционные в другой исторический период. Известный класс возмущается против окружающей его действительности, становится в противоречие с нею лишь в том случае, когда она «разделяется на ся», когда в ней самой обнаруживаются те или другие противоречия. Характер, ход и исход начавшейся против нее борьбы определяется характером этих противоречий. В капиталистических странах одним из главных экономических противоречий является противоречие между общественным характером производства, с одной стороны, и индивидуальным присвоением предпринимателями его средств, орудий, а следовательно, и продуктов — с другой. При полной невозможности отказа от общественной организации производства, единственным средством разрешения этого противоречия является приведение юридических норм в соответствие с экономическими фактами, передача орудий и объектов труда в собственность общества, которое распределяло бы продукты, сообразно с потребностями трудящихся. И это противоречие, равно как неотложная необходимость его разрешения, все более и более входит в сознание страдающих от него людей. Рабочий класс все более и более становится склонным и готовым к социалистической революции. Мы не раз уже повторяли ту доказанную Марксом истину, что указанное выше противоречие неизбежно возникает на известной ступени развития товарного производства. Но товарное производство, как и все в мире, имеет не только конец, но и начало. Оно не только подготовляет новый общественный строй, благодаря свойственным ему противоречиям, но и само было когда-то ново, само возникло из противоречий своего предшественника. Известно, что товарному производству предшествовало натуральное хозяйство и первобытный коллективизм. Главнейшей причиной возникновения противоречий в первобытных общинах была свойственная им ограниченность, недопускавшая приложения коммунистического принципа к меж-общинным отношениям. Эти отношения повели к развитию *обмена*, продукты общественного труда стали товарами, и в этом новом своем качестве оказали разлагающее влияние на внутреннюю организацию самой общины. Та ступень разложения первобытного коллективизма, которая носит название сельской общины, характеризуется, как мы знаем, тем противоречием, что на *общественной земле* хлебопашество ведется в ней *отдельными домохозяевами*. Это ведет к развитию частной собственности, к новому усилению товарного производства, а вместе с тем и к зарождению свойственных этому последнему противоречий, т.-е. к эксплоатации труда капиталом. Итак, товарное производство близится к концу, благодаря противоречию между общественной организацией производства и индивидуалистическим способом присвоения. Наоборот, оно развивается, благодаря противоречию между индивидуальным характером хозяйства и общественным характером присвоения одного из самых главных средств производства — земли. Теперь мы спросим г. Тихомирова — какую из ступеней развития товарного производства переживает Россия? Какое из указанных нами противоречий свойственно ее экономическим отношениям? Если первое, то не имеет смысла противопоставление России Западу, а следовательно, и своеобразный характер русских «социально-революционных» программ. Если второе, — то каким путем остановит революционное правительство дальнейшее развитие товарного производства? Какими средствами разрешит оно противоречия, свойственные нашей сельской общине?

Захват власти революционерами может иметь два исхода.

Или временное правительство действительно ограничится «чисто внешней» помощью народу, и, ничему его не уча, ни к чему ни приневоливая, оно предоставит ему самому устроить свои экономические отношения.

Или, не полагаясь на народную мудрость, оно удержит в своих руках захваченную власть, и само примется за организацию социалистического производства.

В брошюре «Социализм и политическая борьба» мы говорили уже о каждом из этих исходов. Теперь нам остается только повторить и развить высказанные там мысли.

Г. Тихомиров избавил нас от необходимости подробно говорить о втором из предположенных нами случаев. Он и слышать не хочет о «деспотизме коммунистического правительства». Он требует, чтобы временное правительство «помогало» народу «с чисто внешней стороны», чтобы оно «организовало народ временно и лишь настолько, насколько его (т.-е. народное) самодержавие может быть осуществлено при тех условиях». Как ни темна эта последняя фраза, но если она имеет какой-нибудь смысл, то означает решительный отказ от всякой попытки насаждать социализм посредством декретов «захватившего власть» тайного общества. Наконец, наш автор прямо заявляет, что временное правительство должно пользоваться властью «разумеется не для создания социалистического строя». Это, конечно, опять очень большая нескладица, потому что смешно социалистическое—хотя бы и временное—правительство, не пользующееся своею властью для создания социалистического строя. Но, как бы там ни было, очевидно, что г. Тихомиров серьезно убежден в том, что временному правительству не нужно будет «ничего творить, а только разрешать силы, уже существующие в народе». Посмотрим же, к чему может привести такого рода «разрешающая» деятельность.

Наш автор не объяснил, как долго протянется тот период времени, в течение которого временное правительство будет «организовать власть народных масс». Он не сообщил также, что означает эта организация в переводе с мистического «наречия» его партии на литературный русский язык. Ни одним словом не обмолвился он о том, каким образом правительство захватившей власть «партии Нар. Воли»—будет заменено правительством, «народом выбираемым, контролируемым и сменяемым». Нам остается, поэтому, самим выбирать наиболее вероятную из всех возможных догадок. Восточные страны отличались до сих пор лишь дворцовыми революциями, или такими народными движениями, в которых было очень мало сознательных политических действий. Чтобы сколько-нибудь наглядно представить себе вероятный ход русской революции, мы, волей неволей, должны предположить, что, при всей своей самобытности, она все-таки совершится хоть отчасти на западный манер. А на Западе дело происходило обыкновенно таким образом. Выдвинутое переворотом временное правительство, продолжая поддерживать революцию

против реакционных посягательств, созывало учредительное собрание, в руки которого и передавало судьбу страны. Выработавши новую конституцию, учредительное собрание создавало правительство постоянное, соответствующее наиболее энергичным требованиям всей страны, или некоторых ее классов. Само собою разумеется, что новое правительство оставалось *постоянным*, лишь до новой революции, или до новой переделки конституционного здания страны.

Вообразим теперь, что, захвативши власть, «партия Народной Воли» останется верна обещаниям г. Тихомирова, и, ни к чему не приневоливая русский народ, созовет его представителей в учредительное собрание. Допустим, что выборы произойдут при самых благоприятных для революционеров условиях, что к ним приступят лишь после «обеспечения экономической независимости народа», т.-е. после экспроприации крупных землевладельцев и предпринимателей. Допустим даже, что временное правительство установит сословный и классовый ценз и признает политическую правоспособность лишь за крестьянами, ремесленниками и пролетариями умственного и физического труда. Допустим, наконец, что временное правительство сумеет отстоять, а учредительное собрание—упрочить «политическую независимость» народа. Это последнее будет делом тем более трудным, чем скорее настанет предсказываемый г. Тихомировым революционный момент; от того же г. Тихомирова мы знаем, что, даже при бессилии буржуазии, народоправление возможно только в том случае, когда народ достаточно разочаруется в самодержавии царей. Отсюда следует, что если ко времени революционного взрыва упомянутое разочарование не будет достаточно сильно, то не будет и народоправления, и совершившаяся революция может привести к политическому уродству в роде древней китайской или перувианской империи, т.-е. к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке. Но мы не будем пессимистами, примем в соображение, что Россия «едва ли может ждать», и предположим, что, в виду такой крайности, наше отечество поторопится покончить с самодержавием. Мы до такой степени уступчивы, что готовы признать наилучший исход наиболее вероятным, готовы допустить, что у нас установится самый чистый вид «народоправления», т.-е. прямое народное законодательство. Мы спросим только, можно ли «ждать», что самодержавный народ немедленно положит «начало социалистической организации России»?

Мы давно знаем, что

... Wo die Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein,

но мы просим читателя вдуматься в значение слов *социалистическая организация производства*, и для большей наглядности представить себе вероятные решения на этот счет русского самодержавного народа.

Собрание представителей вынуждено будет апеллировать к его приговору во всех важных законодательных вопросах.

Оно спросит его, одобряет ли и утверждает ли он совершенную

временным правительством экспроприацию крупных собственников? И он ответит, конечно, утвердительно. Земля, рудники, заводы и фабрики будут признаны собственностью государства.

Но перемена собственника не означает еще перемены в организации производства. Вопрос об *экспроприации* приведет к вопросу об *эксплоатации* конфискованных имуществ.

Самодержавному народу нужно будет организовать на новый лад все свое хозяйство, производство и распределение всех своих продуктов.

Какой вид организации признает он необходимым? Выскажется ли за коммунизм большинство нашего крестьянства?

Этого не «ждет» и сам г. Тихомиров. Находясь на своей настоящей, или на недалекой от нее ступени развития, народ не захотел бы, да и не сумел бы устроить коммунистическое хозяйство.

Даже по отношению к хлебопашеству, народ, наверное, удержал бы ныне существующую организацию производства. На общественной земле хозяйство по-прежнему велось бы отдельными дворами. А мы знаем уже, к чему ведет это противоречие. Оно создает неравенство, способствует развитию товарного производства, а следовательно, и новых противоречий, с ним неразрывно связанных. История разложения общины и возникновения различных общественных классов повторилась бы в новом виде и в более широком масштабе. Наши народники и народовольцы относят, обыкновенно, разложение общины на счет враждебного ей сословного и «классового» государства. Но после всего сказанного на этот счет в предыдущей главе, нам не нужно останавливаться на опровержении или—лучше сказать—на выяснении истинного смысла этого довода. Современная наука не оставляет ни малейшего сомнения относительно того, что неравенство возникает в первобытных общинах прежде, чем сами эти общины организуются в государство. Далекое от того, чтобы быть *первоначальной причиной* возникновения неравенства, государство само является в истории его *продуктом*. Впоследствии и государство начинает, конечно, оказывать свое действие на экономические отношения, разрушать первобытный коммунизм. Но тот, кто желает в корне уничтожить неравенство (а не желая этого, нельзя быть и социалистом),—тот должен обращать главное внимание не на производную, а на коренную его причину. Очень непоследовательно было бы со стороны такого человека стремиться уничтожить ту разновидность государства, которая *усиливает* неравенство, и оставлять неприкосновенными те экономические отношения, которые *создают* как самое неравенство, так и «классовое» государство. Но именно такою-то непоследовательностью и страдало бы временное социалистическое правительство, не задающееся целью ни «учить» народ, «ни приневоливать его» к социалистической организации. Предоставляя дело этой организации совершенно неподготовленным к ней производителям, и ограничиваясь помощью народу «с чисто-внешней стороны», оно в самом лучшем случае срубило бы только ствол, оставляя нетронутым поддерживающий его корень. Бывшие члены такого правительства обнаружили бы

большую наивность, если бы стали удивляться тому, что на месте старого, уже подгнившего ствола, вырос новый, более сильный и крепкий.

Повторяем, если бы у нас действительно установилось народоправление, то самодержавный народ на вопрос,—нужна ли ему земля и следовало ли отобрать ее у помещиков,—ответил бы: да, нужна, и отобрать ее следовало. На вопрос же, нужно ли ему «начало социалистической организации»—сначала ответил бы, что он не понимает, о чем его спрашивают, а затем, с большим трудом поняв, в чем дело, ответил бы—нет, мне этого не нужно. А так как экспроприация крупных землевладельцев вовсе не равносильна «началу социалистической организации», то в результате захвата власти революционерами не было бы никакого социализма [1]). Вышло бы то, что невольно напророчил сам г. Тихомиров, говоря, что временное правительство воспользовалось бы своею властью «вовсе не для создания социалистического строя». Мы имели бы перед собой ту же самую сельскую общину, которую имеем и теперь. Вся разница свелась бы к тому, что эта община, имея приблизительно втрое больше земли, чем имеет она в настоящее время, стала бы, может быть, разлагаться медленнее, а следовательно, и медленнее очищать место для высших форм общежития.

А дальнейшее самостоятельное развитие общины? Да ее развитие и заключается в ее разложении! Кто оспаривает это, тот должен доказать противное, должен указать нам, если не исторические примеры перехода сельской общины в коммунистическую, то, по крайней мере, тенденцию к такому переходу, тенденцию, находящуюся не в головах наших народников, а в самой организации общины и во всей динамике ее земледельческого хозяйства. Мы знаем, где, как и почему первобытные коммунистические общины превращались в общины отдельных домохозяев. Но мы не знаем, почему и как наша русская община перейдет в коммунистическую. Любя побеседовать подчас с народниками, мы не могли, конечно, остаться в неизвестности относительно того факта, что две-три общины завели у нас коллективную обработку полей. Отличившийся такою добродетелью хутор Грековка был одно время на устах решительно у всех «друзей народа», и своим примером разрешал, казалось, весь социальный вопрос в России. Но если бы крестьяне этого знаменитого хутора подверглись когда-нибудь преследованию за коммунистические наклонности, то защитнику их нетрудно было бы доказать, что обвинитель ничего не смыслит в коммунистических учениях. От общественной обработки полей немногим ближе до коммунизма, чем от общественной работы на барщине или от «общественных запашек», вводившихся при Николае Павловиче с помощью штыков и розог. Как ни глуп был «незабвенный» император, но и ему не приходило в голову думать, что общественные запашки могут вызвать самостоятельное движение общины к коммунизму. Центр тяжести во-

[1]) *Примечание ко 2-му изданию.* Этого до сих пор не хотят понять наши нынешние «социалисты-революционеры», старательно воскрешающие наши старые «революционные» предрассудки.

проса заключается не в том, как работают домохозяева—вместе или по одиночке, а в том, существуют ли отдельные хозяйства, и стремятся ли они слиться в одно коммунистическое целое. Хутор Грековка не обнаружил такого стремления. Составляющие его домохозяева продолжали быть собственниками продуктов, обращаемых ими в товары. А раз они не уничтожали товарного свойства своих продуктов, то можно математически доказать, что сильнейшая тенденция этой общины клонилась в сторону капитализма, а отнюдь не коммунизма.

Коллективная обработка полей—вещь очень хорошая и полезная; но странно было бы думать, что она может послужить главным соединительным путем между современной общиной и коммунистическими идеалами. Она может играть роль разве лишь мелкой «питательной ветви», впадающей в большую дорогу, которая идет совсем по другому направлению. Она сослужила бы очень большую службу на Западе, где значение ее привело бы к тому, что, приучая крестьян к коллективному труду, она уменьшила бы их сопротивление коммунистической революции, инициатива которой принадлежала бы городскому и сельскому пролетариату. Но на этом и остановились бы представляемые ею выгоды. Во всяком историческом, как и в механическом, движении часть движущей силы идет на преодоление сопротивления. Уменьшить сопротивление—значит освободить соответствующую долю связанной им силы, ускорить движение. Вымостите грязную улицу, смажьте машину—и вы уменьшите труд лошади, везущей повозку, вы сократите необходимый расход на топливо. Но ни один механик не вообразит, что машина придет в движение лишь потому, что уменьшилось трение ее частей, ни одному извозчику не придет в голову выпрягать лошадь, добравшись до хорошей мостовой. Человек, вообразивший или сделавший что-нибудь подобное, был бы всеми признан за сумасшедшего. И в таком приговоре не было бы ни малейшей несправедливости. Чтобы вызвать движение—нужна активная, а не пассивная сила, положительное, а не отрицательное условие. То же—и с общиной. Коллективная обработка полей хороша в том случае, когда существует активная сила, вызывающая и ускоряющая ее переход в высшую форму общежития. На Западе роль такой силы сыграл бы пролетариат, начавший коммунистическую революцию совсем в другой области—в области крупного производства и земледелия, на заводах, на фабриках, на больших фермах. Сила пролетариата создавалась и направлялась бы вполне определенными экономическими отношениями, существующими вне и помимо общины. Ну, а у нас-то, в мужицком государстве, созданном народовольческой революцией—у нас-то, откуда взялась бы такая активная сила? Из среды самих крестьян? Г. Тихомирову кажется, как мы знаем, что история имеет какое-то самостоятельное «движение к социализму». Ему позволительно думать, что такое самостоятельное «движение» обнаружится и в среде крестьянства. Но мы оставим г. Тихомирова, и поговорим с менее легковерными читателями. Эти последние согласятся, по крайней мере, с тем, что *экономические*

тенденции каждого класса определяются характером тех экономических условий, в которых он живет. Наш крестьянин живет в условиях товарного производства, а в товарном производстве продукт господствует над производителем и предписывает ему свои законы. А законы товарного производства таковы, что прежде всего способствуют развитию капитализма и капиталистических, а вовсе не коммунистических тенденций. Откуда же возьмется стремление к коммунизму у нашего крестьянина?

Ясно ли это? Нет? Перейдем от рассуждения к сравнению. У донских казаков теперь столько земли, сколько было бы ее у наших крестьян после народной (народовольческой тож) революции. Ее приходится почти по 30 дес. на душу. Земля эта принадлежит не отдельным лицам, даже не отдельным общинам, а всему «славному войску». Спрашивается,—обнаруживают ли донские казаки склонность заводить коммунистическое хозяйство? Насколько нам известно,—не коммунистические, а буржуазные стремления все более и более усиливаются в их среде. Может быть, это будет отнесено насчет «разлагающего влияния государства»? Ну, так ведь было время, когда влияние это почти равнялось нулю; почему же тогда не переходили они к коммунизму? Им мешал военный быт? Вообразите же себе, что казаки, совсем избавленные от военной службы, целиком предались мирным занятиям. Что было бы в таком случае? Мы скажем вам—что: тогда-то и началось бы усиленное разложение существующих в среде казаков остатков первобытного коммунизма, тогда-то и приблизилось бы царство казацкой буржуазии.

Многоземелье не спасло казаков от возникновения неравенства, а с ним эксплоатации бедного богатым. Совсем напротив: многоземелье само способствовало возникновению неравенства [1]). Покойный профессор Беляев, несмотря на свою сильно славянофильскую окраску, прекрасно понимал роль многоземелья в истории возникновения классов. «Конечно, в древней России земли было очень много, несравненно больше тогдашних потребностей, и каждый желающий мог свободно занимать огромные пространства диких полей и лесов, никому не принадлежащих, *что, конечно, и делали те, у кого были средства*» [2]). Но средства были не у всех одинаковы, а потому не все занимали одинаковое количество земли; некоторые даже совсем не занимали ее, потому что совсем не имели средств для ее расчистки и обработки. Отсюда—неравенство в доходах, зависимость бедных от богатых. Несомненно также, что, в некоторых случаях, «свободное занятие и разработка земли не замедлили повести к понятию о поземельной собственности». Эта сторона дела хорошо выяснена у М. Ковалевского, в его книге об общинном землевладении. До последнего времени существовало в земле войска Донского,—а в Кубанской области, быть-может, и теперь существует,—право свободного занятия невозделан-

---

[1]) *Прим. ко 2-му изд.* Сказанное здесь подтверждено было, несколько лет спустя, замечательным исследованием г. Бородина об уральском казачьем войске.

[2]) «Крестьяне на Руси», 2 изд., Москва 1879, стр. 19.

ных земель; и именно оно-то и позволяло богатым обогащаться еще более, оно-то и кинуло на эту девственную почву первые зародыши борьбы классов.

Но преобразованное революцией государство помешало бы у нас такому обороту дела,—скажет иной читатель.

Трудно наперед сказать, что сделало бы народное государство в том или другом частном случае, но, имея понятие об экономических условиях жизни большинства граждан, нетрудно предвидеть общее направление его хозяйственной политики. Согласно «ожиданиям» самого г. Тихомирова, созданное революцией государство было бы государством крестьянским по преимуществу. Крестьянин, не желающий и не умеющий положить «начало социалистической организации» у себя в общине, не сумел бы и не пожелал бы заводить такую организацию в гораздо более широких государственных пределах. Экономическая политика народного государства была бы столь же мало коммунистической, как и политика отдельных, составляющих его крестьянских общин. Само собою разумеется, что оно постаралось бы устранить злоупотребления, могущие возникнуть при раздаче общественной земли в обработку отдельным лицам или группам лиц. Но оно никогда не решилось бы отбирать у более зажиточных домохозяев принадлежащих им запасов и орудий. Точно так же, оно считало бы справедливым и естественным ограничение права земледельца на землю лишь мерою его труда и *средств*, составляющих, конечно, его частную собственность. Если у крестьянина действительно есть какие-нибудь идеалы общественного устройства, то, несомненно, в них играет важную роль такое земельное раздолье, благодаря которому каждый может занимать свободную землю всюду, куда его «топор, коса и соха ходит». «Народная революция» дала бы возможность хоть отчасти осуществить этот идеал; осуществление же его повело бы, как мы знаем, к неравенству между земледельцами. Раз получивши такой толчок, неравенство сумело бы, разумеется, дойти до своего логического конца и свести «на нет» все результаты «народной революции».

Далее. Крестьянское государство, конечно, оставило бы неприкосновенным не только торговый, но в значительной степени и промышленный капитал. Это допускает, повидимому, сам г. Тихомиров, полагающий, что народная революция только *обессилила бы* «и без того слабые дворянство и буржуазию». «Обессилить» не значит уничтожить. Нужно ли говорить, к каким последствиям привело бы существование торгово-промышленного капитала? Г. Тихомиров полагает, что обнаружению этих последствий помешало бы опять-таки то же народное правительство. Но мы заметим ему, что не все то, что кажется вредным социалисту, является таким в глазах крестьянина, а следовательно, и крестьянского правительства. Между тем, как мы с г. Тихомировым вообще против «частного предпринимательского капитала», крестьянин возмущается лишь некоторыми приложениями капиталистического принципа и ничего не имеет против него по существу. Он вполне признает возможность *частной* предпринимательской наживы. А если это так, то против нее не будет ничего иметь и «народное» правительство. В лучшем случае его радикализма хватит на борьбу с крупным капиталом фабриканта, но оно даже не задумается о том, чтобы положить предел «хозяйской» эксплоатации вообще. Следовательно, вот уже второй фактор разложения созданного революцией «относительного равенства». Г. Тихомиров думает, что фактор этот будет обессилен «изъятиям земли из области эксплоатации». Но мы знаем уже, что земля не совсем будет «изъята» из нее: народное правительство допустит и неравенство в ее распределении, и возможность признанять «работничка» из числа разорившихся домохозяев. *Крестьянские* «идеалы» легко мирятся с *батрачеством*. Кроме того, всякому, понимающему дело, известно, что только, так называемый, мелкобуржуазный социализм надеется помочь народу «обессиливанием» буржуазии или «изъятием из области эксплоатации» того или другого из средств производства в частности. Да и он-то питает эту надежду лишь потому, что интересующий его «народ» есть мелкая буржуазия, которая только выиграла бы от «обессиления»—крупной. Мелко-буржуазный социализм тем и отличается, что его реформаторские планы оставляют нетронутым товарное производство. Но отсюда-то и проистекает его полное, теоретическое и практическое бессилие. Истинно революционное рабочее движение настоящего времени не имеет ничего общего с трусливыми фантазиями мелкого мещанства. К сожалению, «русский социализм, как он выразился»... в статье г. Тихомирова, стоит в этом случае гораздо ближе к мелко-буржуазному, чем к рабочему социализму. Подобно первому, он также не доводит своих революционных проектов до уничтожения товарного производства. Он предоставляет позаботиться об этом будущей, после-революционной «истории государства российского». Совершенно игнорируя значение экономической эволюции при анализе своих революционных посылок, он возлагает на нее преувеличенные надежды, как только заходит речь о результатах рекомендуемого им переворота. Он взывает к *революции* там, где она немыслима без предшествующей *эволюции*, он апеллирует к *эволюции* там, где она невозможна без коренной *экономической революции*. Он хочет быть революционным по преимуществу и оказывается половинчатым и нелогичным по существу [1]). Скоро увидим мы, откуда заимствовал он эту характерную черту, обращающую в ничто все его революционные фразы.

Стремясь убедить своих читателей в том, что народное правительство сумеет парализовать вредные последствия половинчатости предстоящей экономической революции, г. Тихомиров так изображает вероятный ход будущего социального развития России.

«Правительство, ответственное за ход дел в стране, заинтересованное в ее благосостоянии, от которого зависит и его собственная популярность, без сомнения принуждено будет употреблять меры к повышению

[1]) *Прим. ко 2-му изд.* Это опять может быть целиком применено к нынешним «социалистам-революционерам».

производительности труда, а между прочим и к организации крупного производства... Выгоды и необходимость крупного производства слишком очевидны, а во многих случаях оно даже неизбежно. Это легко понять массе народа. Сверх того (и это в особенности интересно, заметим мы от себя), частная предприимчивость, заторможенная на поприще капиталистического производства, обратится, со всех сторон (какая идиллия, подумаешь!), на разъяснении народу выгод и удобства общественного производства... Мы не говорим уже о влиянии на народ социалистической интеллигенции... Почему же таким путем не может мало-по-малу создаваться переход общины в ассоциацию, *организация обмена между общинами и союзами общин*, самый союз нескольких общин в целях того или другого производства, пока социалистический строй, развиваясь мало-помалу, и все более вытесняя частное хозяйство, не охватит, наконец, всех отправлений страны». Затем, «наступление социалистического переворота, если не во всей Европе, то, по крайней мере, в некоторых ее странах... поставит Россию в почти безусловную необходимость организовать свой международный обмен на тех же (т.-е. на социалистических) началах, а стало быть, почти навяжет нам *социалистическую организацию и в сфере внутреннего обмена*» (стр. 258—259). Так «представляется» этот вопрос г. Тихомирову. Прежде чем рассматривать его по существу, мы сделаем два мимоходных замечания.

Наш автор возлагает большие надежды на влияние русской социалистической интеллигенции и западно-европейской рабочей революции. Мы также признаем значение этого влияния, но думаем, что оно не может быть безусловным. Во-первых, откуда взял г. Тихомиров, что после крестьянской революции у нас будет «беспрепятственно нарождаться» не только социалистическая, но и вообще какая-либо «интеллигенция» в нынешнем смысле этого слова? В настоящее время, наша социалистическая, как и всякая другая, интеллигенция происходит, главным образом, из чиновничьей, помещичьей, купеческой и поповской среды, т.-е. из среды высших классов, видящих в образовании средство к карьере. Создавая карьеристов, наши университеты создают, между прочим, и революционеров. Но и карьеристы, и революционеры составляют собою продукт существования бюрократического государства и высших классов. Это до такой степени несомненно, что сознание своего «буржуазного» происхождения и заставляло наших революционеров—с одной стороны, толковать о своем «долге народу», а с другой—систематически противопоставлять себя этому последнему. «Социалистическая интеллигенция» сознает, что она есть не более, как одна из веток, выросших на общем стволе чиновничьего и «классового» государства. Г. Тихомиров хочет подрубить этот ствол и в то же время надеется, что дорогая ему ветка не только не засохнет, но будет нарождаться «беспрепятственно». Это напоминает известный анекдот о малороссе, который, подрубивши поддерживавший его сук, очень удивился своему падению. Или, быть может, г. Тихомиров думает, что после «народной революции» социалистическая интеллигенция будет «беспрепятственно нарождаться» из среды самого крестьянства? Если это так, то мы боимся, что он ошибается.

К чему сводится значение «ожидаемой» им революции? К аграрному перевороту, к экспроприации крупных землевладельцев, к возможности дать крестьянам наделы, втрое большие против нынешних, к уничтожению податного гнета. Полагает ли г. Тихомиров, что такое увеличение наделов убедит крестьян в необходимости высшего образования, что оно заставит: *их самих*—посылать своих детей в университеты, а *их правительство*—поддерживать и учреждать высшие учебные заведения?

Большое количество земли настолько *упростит* положение крестьянства, настолько увеличит значение лишних рабочих рук в его семье, что оно не увидит ни надобности, ни возможности тратить большое количество денег и времени на высшее образование.

Университеты нужны чиновничьему государству, буржуазии, дворянству, наконец нужны будут пролетариату, который без высшего научного образования не управится с поступившими в его распоряжение производительными силами; в царстве же крестьянских общин университеты будут роскошью, мало привлекательною для практичных домохозяев. Но допустим, что крестьянам «легко понять» значение высшего образования. Припомним, кроме того, что после «народной революции» останется и буржуазия, и дворянство; положим, что и та и другое будут «обессилены» равно настолько, насколько это нужно для того, чтобы, не вредя народу экономически, они имели возможность посылать своих детей в высшие школы. Почему думает г. Тихомиров, что эти школы будут рассадниками *социалистической* интеллигенции? В Швейцарии мы как-раз видим, с одной стороны, зажиточное крестьянство, с другой—довольно «бессильную», т.-е. мелкую, буржуазию. Много ли социалистов выходит из швейцарских школ, где действительно обучается немало крестьянских детей?

Но ведь «легко понять» швейцарским крестьянам выгоды социалистической организации производства?

Да вот подите—легко, а не понимают! И слышать не хотят о социализме, не помогают и остатки общинного землевладения и знаменитые артельные сыроварни!

Выгоды социалистического общежития так очевидны, что, казалось бы, их «легко понять» всякому. Но только социалисты утопического периода могли не знать, что действительное понимание социализма идет лишь рядом с настоятельною экономическою необходимостью. В крестьянском же государстве, такая необходимость может представиться лишь в виде редкой случайности.

Ну, а ныне существующая интеллигенция?—спросит читатель—разве не может она, переживая народную революцию, посвятить свои силы «на служение народу, на организацию его труда и его общественных отношений»?

Много ли таких «интеллигентов»? Много ли, извините, понимают они сами? Что сделают они против неумолимой логики товарного производства?

Их усилиям поможет западно-европейская революция? О ней-то мы и хотим теперь побеседовать.

Западно-европейская революция будет могущественна, но не всесильна. Чтобы оказать решительное влияние на другие страны, социалистические государства Запада должны будут иметь какие-нибудь проводники для такого влияния. «Международный обмен» — могучий, но опять-таки не всесильный проводник. Европейские страны ведут деятельные торговые сношения с Китаем; но едва ли можно быть уверенным, что рабочая революция на Западе в очень скором времени «навяжет» Китаю «социалистическую организацию в сфере внутреннего обмена». Почему? Потому, что «социальная конструкция» Китая очень уже затрудняет решительное влияние на него европейских идей и учреждений. То же можно сказать о Турции, Персии и т. д. А что такое представляет «социальная конструкция» блистательной Порты? Прежде всего—крестьянское государство, в пределах которого сохранилась не только сельская община, но и задруга, по схеме наших народников, гораздо более близкая к социализму. И несмотря на это, несмотря ни на какие «народные» революции в пределах Турецкой империи, невозможно думать, что европейскому пролетариату без труда удастся «навязать» социализм турецким гражданам, хотя бы и славянского происхождения. Здесь опять-таки нужно различать между активной силой обстоятельств, *толкающих народы* к социализму, и отрицательными условиями, *только облегчающими* переход к нему. Объективная логика внутренних отношений крестьянских государств вовсе не «навязывает» им «социалистической организации в сфере внутреннего обмена»; навязывание же ее «с чисто внешней стороны» не может увенчаться успехом. Европейская рабочая революция несомненно и очень сильно повлияет на все те страны, в которых хоть некоторые слои граждан будут походить на европейский рабочий класс по своему экономическому положению, по своему политическому воспитанию и по привычкам мысли. Наоборот, ее влияние будет сравнительно слабо там, где таких слоев не окажется. Февральская революция отразилась почти во всех странах, схожих с Францией по своей «социальной конструкции». Но поднятая ею волна разбилась на пороге крестьянской Европы. Смотрите, как бы не повторилось того же и с будущей революцией пролетариата!

«Смысл басни сей таков», что Запад—Западом, а Россия—Россией, другими словами, на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай. Как бы ни было могущественно возможное влияние европейской революции, но мы должны позаботиться о создании тех условий, которые сделали бы это влияние действительным. Полувинчатая же крестьянско-мещанская революция г. Тихомирова не только не создаст таких условий, но уничтожит даже те из них, которые существуют уже в настоящее время.

В этом случае, как и во всех прочих, «ожидания» г. Тихомирова полны противоречий. Западное влияние на Россию кажется ему возможным, благодаря «международному обмену». Отсюда следует, что чем сильнее будет этот обмен, тем скорее Запад «навяжет» нам «социалистическую организацию в сфере внутреннего обмена». Но развитие наших международных торговых сношений предполагает развитие у нас торговли, товарного производства. А чем более будет развиваться товарное производство, тем более будет разрушаться то «относительное экономическое равенство», которое явится результатом народной революции, тем более затруднится «социалистическая организация в сфере внутреннего обмена», затруднится, по крайней мере, до поры до времени, т.-е. до тех пор, пока развитие товарного производства не дойдет до своего логического конца. Но в таком случае потеряет всякий смысл совершившаяся «народная революция».

Итак, если после «переворота» мы вернемся к натуральному хозяйству, то у нас будет «относительное равенство», но зато и Запад не в состоянии будет влиять на нас, вследствие слабости международного обмена. Если же у нас будет развиваться товарное производство, то Западу будет трудно влиять на нас, потому что очень сильно расшатается наше «относительное равенство», и Россия превратится в страну мелкой буржуазии. В этом заколдованном кругу суждено вращаться ожиданиям г. Тихомирова от Запада. Вот, что значит быть метафизиком, вот, что значит рассматривать предметы «один после другого и один независимо от другого»!

Mein theurer Freund, ich rath euch drum
Zuerst Collegium logicum.

И эти-то противоречивые надежды на Запад питает тот самый человек, который всю новейшую историю Европы подозревает в «рискованности» и «невероятности»! Поистине, collegium logicum был бы очень полезен для г. Тихомирова!

Покончив с этими замечаниями, перейдем к главному содержанию вышеприведенной выписки.

4. Колебания Л. Тихомирова между бланкизмом и бакунизмом.

В своих проектах социалистической организации России г. Тихомиров является бакунистом чистейшей воды. Правда, он не уничтожает государства, но его государство помогает процессу названной организации «с чисто внешней стороны», оно не *создает* элементов такого процесса, оно «только поддерживает их». Ближайший литературный предок г. Тихомирова, П. Н. Ткачев, полагал, что, захвативши власть, меньшинство должно «навязать» социализм большинству. Правительство г. Тихомирова «без всякой насильственности» облегчает народу организацию общественного производства, причем «приходит на помощь *только такому движению*», которое *не может не возникать в стране самостоятельно*». В своих рассуждениях о настоящем г. Тихомиров был верным учеником Ткачева. Его «ожидания» от будущего представляют собою случай идейного атавизма, возврата к теориям более отдаленного духовного предка.

Анархист Артур Арну писал, как мы знаем: уничтожьте государство, и экономические силы придут в равновесие вследствие простого закона статики. Г. Тихомиров говорит: уничтожьте *современное* государство, экспроприируйте крупных собственников, и экономические силы России начнут «самостоятельно» приходить в равновесие. Первый апеллирует к «закону статики», второй—к «народным понятиям и привычкам», т.-е. к тому же «народному идеалу», о котором мы знаем из сочинений М. А. Бакунина. Артур Арну метит в «государство» и не замечает, что его «критика» касается лишь государства современного, буржуазно-централистического. Г. Тихомиров хочет создать государство «народное»—и придумывает новый вид мелкобуржуазного государства, такого государства, которое, не отказываясь окончательно от принципа laissez faire, laissez passer, т.-е., ничего «не создавая», умеет, однако, «поддерживать» самостоятельное «движение истории» нашего отечества к социалистическому строю.

Бакунизм—не система, это ряд противоречий, которые распределяются между г.г. бакунистами и анархистами, сообразно общей совокупности «понятий и привычек» каждого из них.

Наш автор выбрал ту своеобразную разновидность бакунизма, которая выродилась в «программу» П. Н. Ткачева.

Но он не остался до конца верным этой программе. Ему слишком памятны были наставления «первоучителя», он не забыл, что хотя и народ наш явным образом нуждается в помощи», но в то же время «нужно быть слухом царя небесного», чтобы «пытаться учить народ чему бы то ни было, или стараться дать его жизни новое направление. И вот он решился придумать такое революционное правительство, которое помогло бы народу «с чисто внешней стороны», которое, не стремясь «ни приневоливать народную массу, ни учить ее», направило бы, тем не менее, ее дело к благополучному окончанию.

Мы спрашивали г. Тихомирова,—чем отличается социально-политическая философия его статьи от философии «Открытого письма к Фр. Энгельсу»? Теперь нам самим нетрудно будет ответить на этот вопрос. Она отличается бледностью и робостью мысли, стремлением согласить несогласимое. Что же сказать о бледной копии, если самый оригинал мог, по словам Энгельса, увлекать только «зеленых гимназистов».

М. А. Бакунин проповедывал непримиримую ненависть ко всякому государству, и советовал нашим революционерам не захватывать власти, ибо всякая власть—от дьявола. П. Н. Ткачев находил, что им нужно захватить власть и надолго удержать ее в своих руках. Г. Тихомиров выбрал золотую середину. Он думает, что захват власти «легко может оказаться полезным и необходимым», но он полагает, в то же время, что революционерам следует не *удерживать* власть на неопределенное время, а только *подержать* ее, пока не начнется народная революция.

Из этого неудобного положения между двумя стульями может быть только два выхода. Наш автор может сесть или на бакунинский или на ткачевский стул; он может сделаться анархистом, может стать решительным последователем (а не тайным только учеником) П. Н. Ткачева. Но едва ли удастся ему вдохнуть в «народовольскую программу» действительно новое содержание, едва ли удастся ему доказать, что та или другая новая идея нашла «признание только с появлением народовольства». Никогда еще бессодержательный эклектизм не рождал новых могучих теорий, никогда еще робкое нерешительное колебание между двумя старыми «программами» не открывало новой эпохи в истории революционных идей той или другой страны!

Итак, г. Тихомиров будет последователем Ткачева в «первый день революции», и превратится в бакуниста немедленно по истечении ее медового месяца.

Но что же такое бакунизм в его применении к «lendemain de la révolution»? Повторяем, бакунизм—не система. Это смешение социалистических теорий «латинских стран» с русскими крестьянскими «идеалами», народного банка Прудона—с сельской общиной, Фурье—со Стенькой Разиным.

Такая именно смесь характеризует собою тот «род процесса обобществления труда», который рекомендует нашему отечеству г. Тихомиров, и которого не только «нигде и никогда не бывало», но «нигде и никогда» не может быть.

Об этом «процессе» можно без преувеличения сказать словами Фамусова:

Тут все есть, если нет обмана!

Тут есть и община, есть и «переход общины в ассоциацию», есть и «организация *обмена* между общинами и союзами общин», есть даже, кроме всего этого, «самый союз *нескольких* общин в целях *того* или *другого производства*»; словом, сюда целиком вошла пресловутая бакунинско-анархическая «организация производителей снизу вверх». Если читатель имеет понятие об этой «организации», то он не нуждается в дальнейших доказательствах тихомировского бакунизма. Если же ему не случилось ознакомиться с анархическими теориями (что, конечно, и не составляет особенной потери), то мы рекомендуем ему причитать небольшую брошюру известного когда-то Гильома—«Idées sur l'organisation sociale». Ознакомившись с предлагаемым в этой брошюрке «процессом обобществления труда», он увидит, что революционные теории русских самобытников находятся в очень близком родстве с теориями европейских анархистов.

Русскому интеллигентному человеку трудно уйти от влияния «Запада». Объявляя «неприменимыми» к своей стране наиболее передовые теории Европы, русский общественный деятель не спасает этим своей самобытности, а только переносит свои симпатии с серьезного образца на карикатуру. Г. В. В. оказывается родным братом императорско-королевских «штатс-социалистов», г. Тихомиров—поставленным на голову анархистом.

Но такое неудобное положение нашего автора мало благоприятствует последовательности его мысли. Вот почему он и не доходит до тех выводов, до которых доходил когда-то М. А. Бакунин. Даже самые смелые

порывы «революционной фантазии» г. Тихомирова не простираются до уничтожения *выгод предпринимателя*. При организации «общественного» производства, «предприниматель, как инициатор и способный распорядитель (от такой мотивировки не отказался бы и сам Бастиа), приобретает все-таки некоторые выгоды, меньшие, конечно, чем в настоящее время, но единственно ему доступные в то время» [1]). Эта часть проекта «социалистической организации России» как-то невольно напоминает, с одной стороны, ревнивое отношение мелко-буржуазного социалиста к большим «выгодам» крупного предпринемателя, а с другой—рекомендованное Фурье распределение дохода между трудом, капиталом и талантом. Не даром мы говорили, что некоторые разновидности «русского социализма» представляют собою не более, как смесь Фурье со Стенькой Разиным.

Однако, во всем этом нет, по крайней мере, обмана, подумает читатель.

Обмана действительно нет, но есть *самообман*. Нет даже самомалейших дурных намерений, но есть огромная доля наивности. И заключается она ни в чем ином, как в толках о «*социалистической* организации *обмена*». Для всякого понимающего дело, эта последняя есть абсурд, «сапоги в смятку». Только мелко-буржуазные последователи мелко-буржуазного Прудона могли принимать эту нелепость за нечто возможное и желательное. Но за-то о Прудоне и говорили, что он столько же понимает в диалектике, сколько дровосек в ботанике. Созданный пролетариатом общественный строй не может иметь ничего общаго с *обменом*, он будет знать только распределение продуктов по *потребностям* трудящихся. Некоторые непоследовательные коммунисты находят более удобным распределение, соответствующее участию работника в производстве. Нетрудно было бы обнаружить слабые стороны такого требования [2]). Тем не менее даже предъявляющие его люди понимали и понимают невозможность «обмена» в социалистическом государстве.

Кто говорит обмен—говорит товар; кто оставляет товар, тот предполагает все свойственные товару противоречия. И опять-таки только анархисты могли думать, со слов Прудона, что существует философский камень, дающий возможность устранить из «социалистического обмена» все, заключающиеся в обыкновенном обмене, «буржуазные» противоречия.

Такого камня нет и быть не может, потому что обмен есть коренное неотъемлемое свойство буржуазного производства, а буржуазное производство есть необходимое следствие *обмена*. Карл Маркс еще в конце пятидесятых годов прекрасно выяснил эту сторону дела и тем оставил далеко назади современного движения науки мелко-буржуазные теории анархистов и бакунистов всех цветов и оттенков. Нужно не знать азбуки революционного социализма, чтобы основывать свои ожидания «от революции» на социалистической организации обмена.

[1]) «В. Н. В.», № 2, ст. «Чего нам ждать» и т. д., стр. 258.

[2]) *Прим. ко 2-му изданию.* Разумеется, это требование несостоятельно лишь, как *идеал*, а как *переходная мера* оно может оказаться вполне уместным.

В другом месте нам уже приходилось говорить об этом вопросе [1]), но он так интересен, что не мешает еще раз повторить сказанное. Для наибольшей удобопонятности, мы оставим на этот раз отвлеченные формулы науки, и ограничимся простыми, наглядными примерами.

Социалистический обмен есть обмен без денег, непосредственный обмен продуктов один на другой, сообразно количеству труда, затраченного на их производство. В таком виде вышла идея этого обмена из головы Прудона, который, впрочем, лишь повторял в этом случае гораздо ранее его сделанную ошибку.

Вообразим теперь, что «на другой день после революции», нашим бакунистам удалось убедить в выгодах социалистической организации обмена уже знакомую нам Торховскую общину Тульской губ. Общинники решились «положить начало» такой организации и опубликовали свое решение в каких-нибудь «Народных Ведомостях». На их призыв откликнулись архангельские рыболовы, новгородские гвоздари, кимрские сапожники тульские самоварщики и московские портные, все—артельные, мирские» люди. Они также прониклись новыми принципами обмена, под влиянием «беспрепятственно нарождающихся» бакунистов. Сказано-сделано, «договор» заключен, и нужно только привести его в действие. По уборке хлебов, наши крестьяне прудонисты приступают к обмену. Они посылают несколько четвертей хлеба в Архангельск, и получают оттуда рыбу; отправляют несколько возов картофеля в Кимры, и вывозят оттуда сапоги. Портным они предлагают пшено, гвоздарям—крупу и прочее. Каждый из этих продуктов посылается не на удачу, а в силу предварительного условия. Далеконько и хлопотно будет возить все эти предметы, их наверное можно было бы выгоднее сбыть на соседнем рынке, но наши «мужички»—люди идейные и готовы стоять за новый принцип обмена, хотя бы он и обошелся, что называется, «себе дороже». Итак, обмен совершен, и у наших общинников есть гвозди, рыба, сапоги, самовары и готовое платье. Но дело в том, что этими продуктами удовлетворяются далеко не все потребности крестьянина. Ему нужно еще множество других предметов потребления, нужны земледельческие орудия, удобрение, скот и проч. Производители всех этих вещей не хотят вступать в социалистический обмен, потому ли, что читали Маркса и смеются над экономическими «открытиями» Прудона, или потому, что не доросли еще и до прудоновской премудрости и остаются обыкновенными товаропроизводителями. Ведь и сам г. Тихомиров предполагает, что рекомендуемый им «социалистический» строй будет развиваться лишь «мало-по-малу». Что же остается, в таком случае, делать нашим торховским прудонистам? Каким образом могут они удовлетворить те многочисленные потребности, которые не удовлетворяются с помощью «социалистического» обмена? У них один только выход: им остается *покупать* недостающие предметы.

[1]) *Прим. ко 2-му изд.* Я имел здесь в виду свое изложение и критику экономического учения Родбертуса.

В таком же положении окажутся портные, которые не могут, конечно, жить одним пшеном, гвоздари, не могущие просуществовать одной крупою. Словом, рядом с «справедливым», социалистическим обменом будет существовать старый, так сказать, языческий обмен на деньги. К этим «проклятым деньгам» (maudit argent) придется прибегать даже в сделках между прозелитами прудонизма. Если кимрским сапожникам нужен картофель лишь в количестве, воплощающем в себе x дней труда, между тем как торховцам требуется столько пар сапог, сколько можно приготовить в течение вдвое бо́льшего числа дней, то разность должна быть покрыта деньгами, буде кимряки не пожелают ни овса, ни сена, ни соломы, ни каких-либо других земледельческих продуктов. А это легко может случиться, если оправдается предсказание г. Пругавина и кимрские сапожники опять обратятся к земледелию, с «улучшением его условий». Что же выйдет? Организуясь лишь «мало-по-малу», производители-прудонисты будут иметь против себя огромную массу производителей старой экономический «веры», и ничтожный «прогресс», достигнутый с помощью «социалистической организации обмена», будет всегда с огромным избытком перевешиваться тем регрессом в «относительном равенстве», который составляет неизбежное следствие товарного производства и обыкновенного, «буржуазного» обмена. Порок будет пересиливать добродетель, буржуазные отношения станут брать верх над прудоновским социализмом. Окруженные мелко-буржуазным большинством, сами прудонисты станут «развращаться», тем более, что их собственное богатство будет в значительной степени состоять из денег старой «эксплоататорской» породы. Искусившись наживой, кимряки могут послать торховцам сапоги на картонной подошве, за что торховцы не преминут отплатить им полусгнившей «картошкой». «Враг—силен» вообще, а в данном случае сила его будет опираться на неопредолимую логику товарного производства, господствующего даже в среде вступивших в «социалистический обмен» общин. С трудом созданные союзы будут распадаться, прудонисты превратятся в обыкновенных мелко-буржуазных производителей, и воспитанной на бакунизме интеллигенции нужно будет снова и снова приниматься за свою неблагодарную работу пропаганды новых экономических принципов. Сказка про белого бычка, сизифова работа! И эту-то сизифову работу г. Тихомиров задает русским социалистам единственно для того, чтобы как можно более приблизить царство социализма, чтобы не идти к нему медленным и трудным путем капитализма. Вот что значит поспешить—людей насмешить.

По вопросу о «социалистической организации в сфере внутреннего обмена» нужно,—как и в вопросе о международной торговле,—иметь в виду одно из двух: или народная революция вернет нас к натуральному хозяйству, и тогда у нас «социалистический обмен» будет медленно развиваться, потому будет очень слаб обмен вообще; или она сохранит и ныне уже существующую тенденцию к все бо́льшему и бо́льшему разделению труда, к полному отделению хлебопашества от промышленности,—и

тогда социалистическая организация обмена будет представлять собою крайне трудную задачу, вследствие большой сложности производительного механизма страны. А между тем, медленное развитие социалистической организации обмена лишает ее даже того смысла, который видят в ней ее сторонники. Чтобы уединить от разлагающего влияния денежного хозяйства *одну только сельскую общину*, нужно, чтобы ей удалось организовать социалистический обмен *со всеми* теми *производителями*, продукты которых соответствуют различным ее потребностям. В противном случае, ее уродливый денежно-социалистический организм задохнется в собственном противоречии. Но одна община не в состоянии снабдить земледельческими продуктами *всех* производителей *всех* нужных ей предметов потребления. Этим производителям придется или покупать часть необходимого им сырья и, в свою очередь, вести уродливое денежно-безденежное хозяйство,—что посадит на мель их социалистические планы; или дожидаться того блаженного времени, когда число прудонистских сельских общин возрастет до необходимого и достаточного уровня. С наступлением этого блаженного момента получится возможность организовать первую минимальную производительно-меновую ячейку. Но что значит одна такая ячейка в громадном экономическом организме русского государства? Она сама будет задыхаться в окружающей ее атмосфере конкуренции. Она будет изображать собою каплю меда в бочке дегтя. Рядом с ней и против нее будут действовать все производители-язычники; ей будут на каждом шагу подставлять ногу «дворянство и буржуазия», хотя и «обессиленные», но все-таки не уничтоженные «народной» революцией. Как вы думаете, читатель, скоро ли, при таких условиях, «социалистический строй охватит, наконец, все отправления страны»? Мы думаем, что, по крайней мере, очень и очень не скоро. А ведь—повторяем—г. Тихомиров указывает «такого рода процесс обобществления труда» исключительно в видах быстроты и натиска на историю. Путь, избранный социал-демократией всех цивилизованных стран, кажется ему слишком «умеренным и аккуратным». Наш автор пошел «напрямик», и завяз в трясине мелко-буржуазных реформ, чуждых какой бы то ни было последовательности, оригинальности или смелости.

Но не будем уклоняться. Предположим, что дело социалистической организации обмена идет быстро и успешно. Посмотрим, к чему приведет практическое применение его принципов.

Торховская сельская община вступила в союз с ассоциацией кимрских сапожников. Обмен их продуктов совершается на началах «конституированной стоимости», мерилом которой служит труд и один только труд. Прудон торжествует. Но практичные и «исправные» торховски «домохозяева» поднимают вопрос о том, какого рода труд должен слу жить мерою стоимости? Более идеально настроенные кимряки (сапожник всегда немножко философы) не затрудняются ответом. Они говорят, что мерою стоимости должен служить труд вообще, абстрактный человеческие труд. Однако, «свободные хлебопашцы» не унимаются. Они говорят, что

не знают такого труда, и что хотя «по ученому» он, быть может, и существует, но они имеют дело с конкретным, определенным сапожным трудом Петра, Ивана, Федора, или целой ассоциации Петров, Иванов, Федоров. Их обуревают «буржуазные» сомнения, и они полагают, что давать тем больше хлеба кимрякам, чем дольше они провозятся с сапогами—значит учреждать премию за неумелость, медленность и неповоротливость. Доведенные до отчаяния мужицкою недогадливостью, сапожники оставляют Прудона и апеллируют, как им кажется, к самому Марксу. Они говорят, что мерою стоимости их продуктов должен служить «общественно-необходимый труд», тот средний труд, который необходим на производство сапог, при данном развитии техники. Но и этот аргумент не побеждает упорства торговцев. Им непонятно, каким образом можно определить, сколько именно такого общественно-необходимого труда заключается в труде пристающих к ним сапожников. Тогда эти последние ищут спасения в Родбертусе и с торжеством приносят его брошюру «Der Normalarbeitstag», а также и переписку его с архитектором Петерсом из Шверина. Померанский экономист доказывает, что всегда есть возможность определить, сколько именно может и должен сделать средний работник в данной отрасли производства. Эта-то средняя производительность труда и должна считаться трудом общественно-необходимым. Кто может превзойти эту норму—получает больше, кто не достигает ее—получает меньше; вопрос исчерпывается, повидимому, окончательно.—Постойте, однако, восклицают поколебавшиеся-было торговцы. Допустим, что есть возможность определить среднюю производительность и вашего, и нашего труда. Будем надеяться, что за это дело возьмется государство, «способствующее» социалистической организации обмена. Положим, что на пару сапог нужно два дня труда. Но рядом с вашей ассоциацией существует огромное количество других сапожников. Эти производят на сбыт, да и вы, отославши нам 30 пар сапог в год, вывозите целые тысячи их на рынок. Вообразите, что предложение сапогов превышает спрос на них. Тогда понизится их меновая стоимость, потому что каждая пара сапогов будет представлять собою лишь полтора или три четверти дня общественно-необходимого труда. Думаете ли вы, что мы будем давать вам прежнее количество хлеба? Это для нас очень невыгодно, а вы знаете, что своя рубашка ближе к телу. Если, наоборот, сапогов будет приготовлено слишком мало, то *вам* не будет расчета отдавать их нам по прежней «справедливой», социалистической цене. Вообще, нам кажется, что в основе справедливости лежит утилитарный принцип, и что не может быть признана «справедливою» сделка, приносящая убыток одной из сторон. При современных же колебаниях товарных цен, нет никакой возможности уравновесить наши взаимные интересы, так как только посредством этих колебаний и определяется отношение индивидуального труда отдельных производителей—или совокупного труда целой ассоциацией производителей—*к труду общественно-необходимому*. Поэтому, до тех пор, пока товарный рынок будет диктовать нам условия нашего социалистического обмена, весь наш «договор»

будет праздным переливанием из пустого в порожнее. Польза от него будет так же велика, как если бы мы согласились писать свои счеты римскими цифрами вместо арабских. Вы, сапожники, давно уже известны не только пьянством, но и большою склонностью к фантазиям; мы же—мужички умственные, и на вздор тратить времени не намерены.

— Но ведь неудобства социалистического обмена будут существовать лишь до тех пор, пока к нему не согласятся приступить все производители,—ответят сапожники.—Раз наступит такой момент, ничто не помешает социалистическому обмену охватить всех отправлений страны.

— Ну, это еще улита едет, когда-то будет,—возражают хлебопашцы.—Если все согласятся на это, что-ж, и мы от мира не отказчики. А до тех пор нам неспособно.

Исполнение «договора» отсрочивается, таким образом, на неопределенное время, в течение которого товарное производство идет своим чередом и подкапывает «относительное равенство».

Из всего этого следует, что время «социалистической организации в сфере внутреннего обмена» наступит лишь тогда, когда будет возможность устранить все указанные его противоречия. А это возможно будет лишь в том случае, *когда труд каждого отдельного лица примет общественный характер*. А это лишь будет тогда, когда весь общественный производительный механизм будет представлять собою одно планомерное целое. Но тогда «организация обмена» окажется пятым колесом в телеге, потому что всякий обмен имеет смысл лишь до тех пор, пока производительный механизм общества состоит из отдельных, не связанных органически, частей, т.-е. когда труд производителя имеет не общественный, а индивидуальный характер. Ни родовая, ни семейная община не знали «внутреннего обмена» и не нуждались в его организации по той простой причине, что в основании их лежало *организованное производство*. Если они нуждались в чем-нибудь, то разве лишь в тех или других *нормах распределения*; но, при современном развитии производительных сил, и эти нормы могут быть приурочены к одному принципу—человеческим потребностям. Прогулявшись по пути «социалистической организации обмена», мы опять возвращаемся к своему исходному пункту. Мы опять приходим к вопросу о том, каким образом явится в России *социалистическая организация производства*? Мы видели, что его не станет заводить ни временное, ни постоянное народное правительство; мы видели также, что к нему не ведет ни общинное владение землею, ни общинная обработка полей. Теперь мы убедились, кроме того, что к ней не ведет и «социалистическая организация в сфере внутреннего обмена». А ведь г. Тихомиров пророчил нам «начало социалистической организации России»; в этом заключался весь смысл его «народовольской» революции. Каким же образом осуществится его пророчество?

Нужно верить,—восклицает г. Тихомиров,—верить «в народ, в свои собственные силы, в революцию».

«Верую, Господи, помози моему неверию!» Мы знаем, что вера—

прекрасная вещь, что «верою движется мореплаватель, когда, вручив судьбу свою утлому древу, непостоянное стремление волн предпочитает твердейшей стихии, земле». Но тот же самый боговдохновенный отец, который делает эту апологию веры, мог бы рассказать, в какое неустойчивое равновесие попадает вера, приходя в противоречие с разумом. Тихомировская же «вера» сильно страдает этим роковым противоречием. Он верит в *свою*, полубакунистскую, полуткачевскую революцию лишь потому, что его разум вполне удовлетворяется ткачевско-бакунистской философией. Но едва только возрастет требовательность его разума—от *этой* его веры не останется и следа. Он поймет тогда, что он жестоко заблуждался, считая позволительным толковать об экономической революции без малейшего знакомства с азбукой экономической науки, т.-е. с понятием о деньгах, товаре и обмене.

Впрочем, по этому последнему поводу мы не станем особенно упрекать нашего автора. Мы скажем: вера его спасла его. Он ошибался лишь потому, что «верил» в Ткачева и Бакунина; виноват не он, а «соблазнившие» его.

Нам важен общий вывод из всего предыдущего, вывод, который может быть формулирован так: *все тихомировские ожидания «от революции» представляют собою одно сплошное недоразумение и возврат передовой русской мысли на избитую дорогу бакунизма*. Но «что было, то быльем поросло, а что будет, то будет не по-старому, а по-новому», как говорит народная песня. Дискредитированный в семидесятых годах, бакунизм не оживет в восьмидесятых. Воскресить его не удастся «витиям» и более «громким», чем г. Тихомиров.

Те из читателей, которым покажется убедительным этот вывод, могут сделать нам новое и последнее возражение. Они могут сказать нам, что вся наша аргументация основывается на том предположении, что г. Тихомиров только *подержит* власть в своих руках, а не *удержит* ее на более долгое время. Что будет, если революционеры последуют указаниям Ткачева, а не Тихомирова, если оправдается мнение П. Л. Лаврова, который уже десять лет тому назад говорил, что «диктатуру вырывает из рук диктаторов только новая революция»?

5. Вероятные последствия захвата власти социалистами

Что будет тогда? О, тогда произойдет позорнейшее фиаско русской социалистической партии! Она вынуждена будет взяться за дело такой «организации», для которой у нее не хватит ни сил, ни понимания. Все соединится для того, чтобы нанести ей поражение: собственная неподготовленность, вражда высших сословий и сельской буржуазии, равнодушие народа к ее *организаторским* планам, общая неразвитость наших экономических отношений. Русская социалистическая партия даст лишь новый исторический пример для подтверждения мысли, высказанной Энгельсом по поводу крестьянской войны в Германии. «Самым худшим из всего,

что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость овладеть властью в то время, когда движение еще не достаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. *Возможное* для такого вождя зависит не от его воли, а от уровня, достигнутого противоположностью интересов различных классов, уровня, в свою очередь, зависящего от степени развития материальных условий существования, отношений производства и обмена. С другой стороны, то, что такой вождь *должен* делать, то, чего требует от него его собственная партия, также зависит не от него, но в то же время и не от степени развития классовой борьбы и не от ее условий; он остается связанным своими прежними доктринами и требованиями, которые также вытекают не из взаимного положения общественных классов в *данный момент*, не от *временных*, более или менее случайных отношений производства и обмена,—но обусловливаются способностью этого вождя к пониманию общих результатов социального и политического движения. Таким образом, перед ним неизбежно вырастет неразрешимая дилемма: что он *может* сделать—противоречит всем его предыдущим поступкам, его принципам и непосредственным интересам его партии; что он *должен* был бы делать—оказывается неисполнимым. Словом, он будет вынужден отстаивать не свою собственную партию, не свой собственный класс, а тот класс, для господства которого уже созрело движение. Он должен будет в интересах именно этого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего собственного класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными интересами. Кто раз попал в это ложное положение—тот пропал безвозвратно».

Отсюда следует, что очень заблуждается г. Тихомиров, воображающий, что захват власти революционерами послужил бы «исходным пунктом революции». Совершенно наоборот: такой «захват» послужил бы лишь сигналом реакции. Он не упрочил бы влияния передовых сил страны, но, истощивши их первой, бесплодной попыткой, он обеспечил бы торжество консервативных и реакционных партий. Русская революция не только отклонилась бы от дорогого и единственно понятного нашим якобинцам образца французской революции, но представляла бы, своим ходом, прямую противоположность этой последней. Между тем, как, до известного времени, каждая новая волна французской революции выносила на историческую арену новую, более крайнюю партию—наши доморощенные якобинцы свели бы к нулю соответствующий период русской революции. Разбитые и дискредитированные, они удалились бы со сцены под градом вражеских обвинений и насмешек, а оставшиеся без руководителей, нестройные и несплоченные массы народа не смогли бы одолеть систематического сопротивления своих неприятелей. Народные восстания, в самом лучшем случае, окончились бы лишь низвержением остатков старого режима, не принеся трудящемуся классу тех реформ, которые касаются его интересов прямым и непосредственным образом.

По замечанию Маркса, великие события дважды повторяются в истории: в первый раз они являются трагедией, во второй—фарсом. История французских якобинцев представляет собою величественную, полную жгучего интереса, трагедию. История же заговорщицких планов новейших бланкистов (русских и иностранных), *несмотря на героизм* отдельных личностей, остается фарсом, трагикомизм которого заключается в полной неспособности действующих лиц понять смысл и характер предстоящей рабочей революции.

ГЛАВА V.

Истинные задачи социалистов в России.

1. Социал-демократы и «зуботычины».

«Итак, «русский социализм, как он выразился в партии Народной Воли», до тех пор останется чуждым великим задачам европейского социализма, пока он не покинет безвозвратно своего промежуточного положения между анархизмом Бакунина и бланкизмом Ткачева, т.-е. пока он не признает бесплодности теоретических построений г. Тихомирова.

Но так как эти построения представляют собою последнюю, отчаянную попытку оживить наши революционные теории доброго старого времени, то, возвысившись до такого признания, наш социализм перестанет быть «*русским*», и сольется со всемирным социализмом, «как он выразился» в сочинениях Маркса, Энгельса и отчасти Лассаля.

Его сторонники поймут тогда, что:

1) *Коммунистическая* революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мещанско-крестьянского социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры.

2) По внутреннему характеру своей организации, сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

3) При переходе к этим последним, ей предстоит не *активная*, а *пассивная* роль; она не в состоянии *двинуть* Россию на путь коммунизма; она может только *менее сопротивляться* такому движению, чем мелкое подворное землевладение.

4) Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров,—класс.

5) Освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий.

Раз поняв эти простые истины, русские социалисты «из привилегированной среды» оставят помыслы о захвате власти, предоставляя его

нашей рабочей социалистической партии будущего. Их усилия направятся тогда лишь *к созданию такой партии и к устранению всех условий неблагоприятных для ее роста и развития.*

Само собою понятно, что такого рода деятельность не может иметь ничего общего с тем объединением рабочего класса посредством «обезземеления, штрафов и зуботычин», о котором говорит г. Тихомиров, как об исходе, единственно возможном в настоящее время для русских социал-демократов. Одной этой выдумки было бы достаточно для увековечения литературного имени нашего автора, если бы она, подобно всем прочим его выводам, не отличалась полным отсутствием оригинальности. Наш автор и в этом случае повторил лишь то, что давно уже говорилось и печаталось нашими легальными и нелегальными народниками. Даже беллетристы «мужиковствующего» направления отводили марксистам в своих произведениях роль каких-то приспешников капитализма. Года два тому назад г. Эртель поместил в «Вестнике Европы» повесть «Волконская барышня». В этом забавном произведении фигурируют и либеральный землевладелец, и просвещенный буржуа, и народник—занимающийся отчасти собиранием песен, а отчасти амурами с героиней повести,—и, наконец, марксист, посвятивший свои силы на усовершенствование земледельческой культуры в имении либерала-помещика. Эртелевский марксист не любит, правда, «штрафов и зуботычин», но он приходит в восторг при одной мысли о приобретении помещиком какой-нибудь новой машины, не говорим уже завода или фабрики. Он так проникся интересами капитализма, что немедленно заключает тесный и братский союз с упомянутым уже просвещенным буржуа, как только последний приезжает в гости к его патрону. Такая «программа», действительно, не заключает в себе ничего привлекательного, но в этом не виноват ни марксизм вообще, ни упомянутый марксист в частности. Этот последний мог придумать лишь такую программу, какой угодно было наградить его г. Эртелю. Давно уже замечено, что яблоко не далеко падает от яблони, и что герои беллетристических произведений не бывают догадливее их авторов. В подтверждение этой старой истины можно было бы привести то новое доказательство, что сам эртелевский народник говорит целый ряд ни с чем несообразных вещей, например, в разговоре с марксистом, которого он уверяет, что теперь Марксу «пришел карачун», вследствие появления каких-то новых статей в каких-то русских журналах (уж не статей ли г. В. В. в «Отеч. Записках»?). Если читатель примет в соображение эту истину, то, снимая вину с «марксиста», он тем более снисходительно должен будет отнестись к самому марксизму, преступление которого заключается лишь в том, что его не в силах были понять и оценить русские самобытники.

При сколько-нибудь внимательном отношении к вопросу, очевидно, что социал-демократы не только никогда и нигде не могут быть союзниками буржуазии в деле порабощения рабочих, но, наоборот, только они и могут организовать серьезный отпор капиталистической эксплоатации.

Для наглядности опять обратимся к практическому примеру. Припомним современное положение ткачей-кустарников и посмотрим, как могут и должны отнестись к ним различные социалистические фракции.

Об анархистах говорить много нечего. Они рекомендовали бы кустарям «пропаганду действием», посоветовали бы им взорвать тот или другой трактир, изувечить того или другого фабриканта. Никакого систематического образа действий не может указать программа, главной особенностью которой является отрицание всякой логической последовательности, всякой системы. Для нас интереснее бланкисты. На родине Бланки, во Франции, последователи этого замечательного человека представляют собою людей систематического образа действий лишь постольку, поскольку программа их утрачивает свои отличительные свойства и сливается с программой «рабочей партии», как это мы видим в выборной агитации, в пропаганде классовой борьбы и т. д., и т. д. В тех же случаях, когда бланкисты сохраняют во всей неприкосновенности свой «особый отпечаток», их образ действий теряет всякую руководящую нить и сводится к формуле—«шумим, братец, шумим!». Сегодня они агитируют в пользу поднесения почетного револьвера Березовскому, завтра требуют уничтожения постоянной армии, послезавтра горячатся по поводу «Искупительной Капеллы» и т. п. Такого рода «шумная» деятельность, разумеется, невозможна для русских последователей Бланки, т.-е. для явных или тайных сторонников «Набата». В России агитационная деятельность бланкистов по необходимости сводится, главнейшим образом, к «террору»; организационная—к созданию тайных обществ заговорщиков. Спрашивается, какую роль может играть при этом кустарь, как таковой, т.-е. не затерявшийся среди интеллигенции, а остающийся при своем ремесле и при всех тех отношениях к капиталу, которые навязаны ему историей? В террористической борьбе могут принимать участие только отдельные личности. Приглашать же кустарей к сплочению в одну рабочую партию теперь несвоевременно, так как «рабочий», способный к классовой диктатуре, почти не существует, стало быть, политической власти ему не доставишь» и т. д. Ткачам остается уповать на будущее, и поддерживать революционную партию в ее стремлении к захвату власти, в той надежде, что результатом такого захвата будет «начало социалистической организации России»:

Вот приедет барин,
Барин нас рассудит!

Но «барин» может опоздать своим приездом, он может совсем не приехать, может подвергнуться изгнанию тотчас по приезде, не успевши положить знаменитое «начало». Какую же практическую, непосредственную пользу принесет кустарям революционное движение? Уяснит ли оно им их собственное положение, научит ли оно их дружному, организованному отстаиванию своих интересов?

Нет, не научит! А если и научит, то лишь случайно и мимоходом, так как главные усилия бланкистов направляются вовсе не в сторону

социалистической пропаганды между рабочими. Мы уже видели, что тихомировская революция надеется собрать народные силы вокруг таких «пунктов», для уяснения которых «не нужно никакой особенной пропаганды». А между тем, для серьезной и действительно успешной борьбы кустарей с их эксплоататорами, необходима именно «особенная пропаганда». Отсюда следует, что при всем своем желании «брать народ, как он есть», русские бланкисты не могут не игнорировать целого ряда его практических нужд и потребностей.

В какое положение станет к кустарям русский социал-демократ, так часто и так настойчиво обвиняемый в фантазерстве и непрактичности? Зная, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и что степень капиталистической эксплоатации определяется, между прочим, уровнем потребностей и развития эксплоатируемых, он постарается пробудить рабочих к самостоятельной борьбе против капитала. Так как разрозненные усилия рабочих отдельных фабрик и мастерских не могут обеспечить удачного исхода такой борьбы, то ему нужно будет сообщить ей классовый характер. Для этого ему придется энергично и настойчиво вести «ту особенную пропаганду», которая называется пропагандой социализма. Но мы знаем уже, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Поэтому пропаганда нашего социал-демократа должна будет немедленно принять *социально-политический* характер. Он скажет рабочим: «возвышение уровня вашего материального благосостояния возможно лишь при решительном вмешательстве со стороны государства. Одним из вас, именно тем, которые почти окончательно стали уже фабричными рабочими, оно может и должно помочь, прежде всего, путем законодательного ограждения интересов взрослых работников, женщин и детей; те же из вас, мелкое самостоятельное производство которых еще борется против капитализма, могут упрочить свое положение лишь посредством кредита, выдаваемого государством рабочим ассоциациям. Но не всякое государство возьмет на себя роль вашего союзника. Государство будет всецело на вашей стороне лишь тогда, когда оно всецело будет вашим, рабочим государством. К этой цели и должны быть направлены все ваши усилия. А пока эта цель не достигнута,—вы должны *заставлять* делать вам уступки даже враждебное вам государство. Не забывайте при том, что уступки эти будут тем решительнее, чем решительнее вы будете их требовать, чем сильнее будет ваша партия. Создавайте же такую партию, сплачивайтесь в одну грозную и дисциплинированную силу. Когда вам удастся одержать окончательную победу, тогда вы совсем сбросите иго капитала, а до той поры вы будете держать его хоть в какой-нибудь узде, и предохраните, по крайней мере, себя и своих детей от физического, нравственного и умственного вырождения. У вас есть только два выхода из вашего современного положения: или борьба, или полное подчинение капиталу. Я зову с собою тех, которые хотят бороться!»

Как вы думаете, читатель, не будет ли такого рода деятельность наиболее практичною из всех возможных? Вы скажете, что успехи ее бу-

дут слишком медленны и неверны. Допустим, что так; но другие роды деятельности сулят еще менее верные успехи. Ни анархическая «пропаганда действием», ни бланкистские заговоры—ни на шаг не подвинут классовой борьбы в России, а от хода этой борьбы только и зависит эмансипация рабочих.

Социал-демократ, конечно, сделает лишь то, что *может*; но преимущество его положения заключается в том, что *он может сделать для рабочего класса гораздо больше*, чем всякий другой «социалист-революционер». Он внесет в рабочий класс *сознание*, без которого невозможно начало серьезной борьбы с капиталом. А раз внеся это сознание, он придаст революционному движению такую силу, прочность и интенсивность, о каких невозможно и мечтать, оставаясь при старых «программах».

И заметьте, что нашему социал-демократу вовсе не нужно «хлопотать (характерное для русского человека выражение!) о создании класса, во имя которого он хочет действовать». Только при полном незнании экономических отношений современной России можно быть в неведении относительно того бесспорного обстоятельства, что класс этот частью создан, частью все скорее и скорее *создается* неумолимым ходом общественного развития. Только при полном непонимании исторической роли всенивеллирующего капитала—можно сравнивать положение нашего рабочего класса с более или менее исключительным положением нашего «дворянства». Французским англоманам конца прошлого и начала нынешнего столетия не удалось пересадить на свою почву аристократических учреждений Англии; но французская рабочая партия может, ни мало не впадая в утопию, держаться той же самой программы, что и английская демократическая федерация. Откуда такое различие? Это секрет, который, впрочем, без труда откроет сам г. Тихомиров, если он внимательно прочтет хотя бы «Манифест Коммунистической партии». Рекомендуя ему это замечательное произведение, мы, с своей стороны, скажем еще несколько слов о задачах социалистов того «направления, которое считает историческою неизбежностью русский капитализм», и к которому принадлежим мы сами.

Наиболее обыкновенным доводом против этого направления,—доводом, если не «от разума», то *от сердца*,—является указание на невозможность быстрого развития революционного движения в России, в том случае, если шансы его будут приурочены лишь к силе и росту русского рабочего класса. Это-то соображение и возбуждает—с одной стороны, склонность к самобытным программам, а с другой—уже упомянутое опасение того, что самим революционерам придется, пожалуй, определиться на службу русскому капиталу. Этот довод не замедлят, конечно, выставить и против нашей аргументации.

Мы считаем, поэтому, нелишним обратить внимание читателей на странную непоследовательность людей, от которых приходится слышать возражения, подобные только что приведенному. Именно эта непоследовательность наглядно показывает, что многие из так называемых учеников Чернышевского усвоили одни результаты его исследований, не составивши себе ни малейшего понятия о методе своего учителя.

Когда заходит речь о вероятной судьбе русского капитализма или об его влиянии на наши политические отношения, то народники начинают обыкновенно с указания на то, несомненное будто бы, обстоятельство, что капитализм наш находится на той же ступени развития, на какой стоял он «в западной Европе» более века тому назад. Из этого делается тот вывод, что целое столетие должно пройти прежде, чем капитализм сослужит нашей истории ту же «службу», которую он сослужил истории «Запада». Это долго; а так как наша интеллигенция давно уже привыкла подставлять на место революционного развития свою революционную волю, то она обращает свои взоры на общину, и ссылается на доказанную Чернышевским возможность непосредственного перехода ее в социалистическую форму общежития. Таким образом, она апеллирует к вероятности *полного устранения* одной из фаз общественного развития—в значительной степени потому, что не понимает возможности *сокращения продолжительности* этой фазы. Ей и на мысль не приходит, что полное устранение данного исторического периода есть лишь частный случай его сокращения, и что, доказывая возможность первого, мы тем самым, и притом в гораздо более сильной степени, подтверждаем вероятность—второго.

Мы видели уже выше, на примере П. Н. Ткачева, что эта грубая логическая ошибка легла в основание программы наших бланкистов. Но, к сожалению, ее повторяют не одни бланкисты.

Очень и очень многие думают, что социальная революция может совершиться в России «теперь, или очень нескоро, быть может, никогда», т.-е., другими словами, или на основе наших современных экономических отношений, или на основе того строя, создание и упрочение которого отходит в самую туманную даль. Но мы знаем уже,—и этому учит нас история той же западной Европы,—что для капитализма труден был только первый шаг, и что его непрерывное движение от «Запада» к Востоку совершается с постоянно возрастающим ускорением. Не только развитие русского капитализма не может быть так же медленно, как было оно, например, в Англии, но и самое существование его не может иметь такой продолжительности, какая выпала на его долю в «западно-европейских странах». Наш капитализм отцветет, не успевши *окончательно* расцвесть, за это ручается нам могучее влияние международных отношений. Но что дело подвигается, тем не менее, к его более или менее полному торжеству—в этом также невозможно сомневаться. Ни голословные отрицания уже существующего факта, ни скорбные возгласы по поводу распадения старых, «вековых» форм народного общежития—ничто не остановит страны, «ступившей на след естественного закона своего развития». Но это развитие может быть более или менее медленным, роды окажутся более или менее мучительными—в зависимости от комбинации всех общественных и международных отношений данной страны. Более или менее благоприят-

ный для рабочего класса характер такой комбинации, в свою очередь зависит от поведения людей, понявших смысл предстоящей их стране эволюции. Развитие капитализма в Германии застало рабочий класс на более высокой ступени развития, чем в Англии или во Франции, а потому и отпор капиталистической эксплоатации в этой стране был быстрее и решительнее. Немецкие коммунисты и не думали определяться на службу капитализму. Они знали, что более или менее близкая победа рабочего класса зависит, между прочим, от влияния на этот класс людей, понявших смысл исторического развития. Они деятельно взялись за пропаганду в рабочей среде, и успех превзошел их ожидания. Почему бы нам нельзя было последовать их примеру?

Фабрикант так же немыслим без рабочего, как античный «господин» был, по замечанию Аристотеля, немыслим без раба. Развитие буржуазии предполагает развитие рабочего класса; исторический рост капитализма представляет собою двусторонний процесс, причем на каждой из его сторон группируется соответствующий общественный класс. В целом, каждый из этих классов прикован к своему месту «крепче, чем цепи Вулкана приковывали Прометея к скале». В капиталистическом обществе товар господствует над производителем и предписывает ему его поведение. Но для отдельных личностей есть возможность сознательного выбора между каждым из противоположных полюсов. К таким личностям принадлежат наши так называемые «интеллигентные люди». От их собственного нравственного и умственного развития будет зависеть то или другое отношение их к делу рабочего класса. И никакие софизмы не могут дать нравственного оправдания социалисту, перебежавшему в лагерь эксплоататоров. Да и софизмы-то, возможные в этом случае, настолько жалки и бессильны, что ни на минуту не могут показаться убедительными человеку, умеющему правильно построить хоть один силлогизм.

Лишь при свойственной нашим самобытникам прямолинейности и угловатости воззрений, возможны толки о логической необходимости личного участия социалиста в процессе капиталистического развития страны. Самобытник привык подставлять на место исторического развития свою собственную волю, привык довольствоваться догматическим миросозерцанием, вместо критического. Он рассуждает так: капитализм неизбежен, как переходная фаза; поэтому необходимы люди, которые создавали бы капиталистические отношения. А между тем я не могу уже служить рыцарям первоначального накопления, я не могу «грабить рабочего с чистой совестью и энергией». Что—если будет много подобных мне людей? Что—если все проникнутся моими взглядами? Тогда не будет капитализма, который неизбежен, как переходная фаза, и т. д. Бедный самобытник попадает таким образом, в настоящий логический круг посылок, за которым следуют новые концентрические круги умозаключений. Не лучше ли «времени отречься от социализма и приложить свои силы к расширению и укреплению капитализма, если он так безусловно необходим»! «С какой стати, говорит г. Тихомиров, мы будем самого рабочего нацитывать социалистическими идеями, отвлекающими в этом классе лучшие силы от стремления к капиталистической карьере, которую никто не совершает успешнее, чем выходцы из самих рабочих?» Мы успеем вернуться к социализму, когда капитализм исполнит свою историческую миссию, и т. д. Самобытник вечно живет в мире готовых и резко определенных фактов и понятий, не имея ни малейшаго представления *о процессе возникновения* этих фактов и понятий. Поэтому, управляясь кое-как с каждым из них в отдельности, он совершенно теряет из виду их взаимную связь и зависимость.

Он исходит из того предположения, что без развития капитализма невозможно успешное распространение социалистических идей. Но, стремясь, как можно скорее, привести к абсурду взгляды своих противников, он немедленно забывает это предположение, и начинает толковать о том, что быстрое распространение социалистических идей помешает развитию капитализма. Он соглашается признать одно явление следствием, другое—причиной; но он опасается, что следствие явится раньше причины и тем помешает ей обнаружить свое действие, т.-е. вызвать это самое следствие. Наш самобытник попадает, таким образом, в ту самую яму абсурда, которую он так старательно рыл своим противникам. Этим последним остается лишь вытаскивать его на божий свет с помощью следующего, весьма простого, рассуждения.

Они скажут ему: если бы успешное распространение социалистических идей во всей массе народа мыслимо было без того коренного переворота в жизненных отношениях, который вызывается капитализмом, то не нужно было и толковать о каких бы то ни было переходных фазах нашего общественного развития. Эти фазы имеют для нас значение именно потому, что расчищают почву для социалистической пропаганды. Поэтому, смешно было бы опасаться того, что нынешняя наша пропаганда остановит развитие капитализма в нашей стране. Но, с другой стороны, нелепо было бы и оставлять эту пропаганду, так как самая возможность ее есть указание на то, что история уже подготовила для нее некоторую часть почвы. Чем скорее возделаем мы эту часть, тем скорее совершится наше историческое развитие, тем меньше жертв и усилий будет стоить нашему народу окончание предстоящего ему пути. Мы не хотим идти против истории, но мы не хотим и отставать от нее ни на один шаг. По выражению Чернышевского, мы не жалеем ни о чем, отживающем свое время; но мы ни на минуту не хотим откладывать дело, которое теперь уже оказывается своевременным и возможным. Мы беремся за пропаганду наших идей, будучи в состоянии математически доказать, что каждый шаг на пути общественного развития России приближает время торжества этих идей и облегчает нашу дальнейшую работу.

Мы различаемся с вами в том, что, между тем как развитие современных экономических отношений все более и более удаляет вас от ваших общинных идеалов, *наши коммунистические* идеалы все более и более приближаются к нам, благодаря тому же самому развитию. Вы напоминаете человека, который, отправляясь на север, попал в поезд, везущий

его на юг; мы же знаем свою дорогу и садимся в тот исторический поезд, который на всех парах везет нас к нашей цели. Правда, вас смущает принятое нами направление, вам кажется, что социалист не может сочувствовать развитию буржуазных способов производства. Но это происходит от того, что ваша логика слишком уже самобытна.

Вы воображаете, что, оставаясь верным своим идеалам, социалист везде и всюду должен препятствовать развитию капитализма. В этом случае вы опять рассуждаете самым примитивным образом: помешать развитию капитализма,—говорите вы,— значит повредить интересам предпринимателей; а так как интересы последних диаметрально противоположны интересам рабочих, то все, вредящее капиталу, принесет пользу труду. Вы и не подозреваете, что капитализм противоположен не только следующему за ним, но и предыдущему звену в цепи исторического развития, что он ведет борьбу не только с революционными попытками пролетариата, но также и с реакционными стремлениями дворянства и мелкого мещанства. Вы горите ненавистью к капиталу, и готовы нападать на него, где и когда угодно. Это усердие часто заставляет вас сочувствовать тем порождениям капитализма, которые могут быть выгодны *одним только реакционерам*. Программа вашего «русского социализма» совпадает, в таком случае, с программой немецких «социал-консерваторов», и от прогрессивных ее тенденций не остается и следа. Чтобы избежать таких жалких метаморфоз, вам нужно, наконец, проникнуться диалектическим взглядом на историю. Вы, одновременно, должны поддерживать капитализм в его борьбе с *реакцией* и быть непримиримыми врагами того же капитализма в борьбе его с рабочей *революцией* будущего. Только такая программа достойна партии, считающей себя представительницей самых передовых стремлений своего века. Чтобы стать на эту точку зрения, вам опять-таки нужно оставить свое нынешнее положение какого-то промежуточного вещества между различными классами и слиться с рабочими.

2. Пропаганда в рабочей среде.

Но возможно ли такое слияние в настоящее время? Возможна ли, вообще, пропаганда в рабочей среде при современных политических условиях?

Невозможность есть частный случай трудности. Трудности же, переходящие по временам и в невозможность, бывают двух родов. Один род трудности зависит от личных свойств деятелей, от преобладающего характера их стремлений, взглядов и наклонностей. Этот род трудностей создается общественной средой через посредство индивидуумов, и потому оттенки его так же разнообразны, как разнообразны свойства отдельных личностей. *Трудное* для Гольденберга было *легким* для Желябова, невозможное для человека с одним складом характера и убеждений кажется необходимым а потому возможным, хотя, быть может, и трудным, для другого человека с иными привычками, иными воззрениями. Невозможным объявляется часто не то, что невозможно само по себе, а то, что, по мнению данного лица, приносит выгоды, не вознаграждающие сделанных усилий. Оценка же выгод, приносимых данным политическим делом, целиком зависит от взгляда на это дело самого деятеля. Г. В. В., убежденный в том, что само правительство возьмется за желательную для него, г-на В. В., организацию национального производства, естественно будет считать излишними и нецелесообразными те жертвы и усилия, которых будет стоить в настоящее время пропаганда в рабочей среде. Точно так же заговорщик, рассчитывающий, главным образом, на тот или другой «комитет», без большой внутренней борьбы объявит невозможной пропаганду среди рабочих, только *важных*, по его мнению, «для революции», но далеко не представляющих собою исключительных представителей революции. Не так будет рассуждать социал-демократ, убежденный в том, что не рабочие нужны для *революции*, а революция нужна *для рабочих*. Для него пропаганда в рабочей среде будет главной целью его усилий, и он не откажется от нее, не испытавши всех средств, которые находятся в его распоряжении, не сделавши всех усилий, на которые он способен. И чем более будет проникаться истинно-социалистическими взглядами наша революционная интеллигенция, тем возможнее и легче будет казаться ей деятельность между рабочими по той простой причине, что тем сильнее будет стремиться она к такого рода деятельности.

Мы не хотим, да и не могли бы, обманывать кого бы то ни было. Всем известно, сколько трудностей и преследований ожидает теперь у нас пропагандиста и народного агитатора. Но не нужно преувеличивать этих трудностей. Все без исключения роды революционной деятельности сильно затруднены у нас теперь полицейскими преследованиями, но это еще не значит, что белый террор достиг своей цели, т.-е. «вырвал крамолу с корнем». Действие вызывает противодействие, преследование порождает самоотверженность, и как бы ни были энергичны реакционные меры правительства, революционер сумеет всегда обойти их, если только направит в эту сторону надлежащую долю энергии. Было время, когда взрыв Зимнего дворца и подкоп на Малой Садовой показались бы вещью несбыточною и неосуществимою самим революционерам... Но нашлись люди, которые совершили невозможное, осуществили неосуществимое. Неужели проявление подобной же настойчивости немыслимо в других сферах революционной деятельности? Неужели шпионы, преследующие «террористов», менее искусны и многочисленны, чем шпионы, охраняющие нашу рабочую среду от «лжеучений социализма и коммунизма»? Это может утверждать только тот, кто решил, во что бы ни стало, отговориться от неприятной для него работы.

Что касается свойств самой рабочей среды, то они вовсе не оправдывают мрачных предсказаний наших пессимистов. Собственно говоря, за пропаганду в рабочей среде у нас почти никогда не брались сколько-нибудь последовательно и систематически. Опыт показал, однако, что даже разрозненных усилий нескольких десятков человек было достаточно

для сообщения сильного толчка революционной самодеятельности нашего рабочего класса. Пусть читатель припомнит Северно-Русский Рабочий Союз, его социал-демократическую программу и его организацию, очень обширную для тайного общества. Этот союз распался, но, прежде чем винить в этом рабочих, наша интеллигенция должна припомнить, много ли было сделано ею для его поддержания. А поддержать его было возможно и вовсе не так трудно. В своем «Письме в редакцию Земли и Воли», представители Союза даже определяли вид желательной и необходимой для них помощи. Они просили содействия при устройстве тайной типографии для издания рабочего органа. Исполнение этой просьбы признано было несвоевременным со стороны «интеллигентного» общества «*Земля и Воля*». Главные усилия наших «интеллигентных» социалистов были тогда направлены совсем в другую сторону. Результатом этих усилий было не поддержание рабочих, а усиление полицейских преследований, обрушившихся, между прочим, и на рабочие организации. Мудрено ли, что, предоставленный исключительно своим силам в непривычном для него деле конспирации, Рабочий Союз был разбит на более мелкие части, несвязанные между собою единством плана и действия. Но эти мелкие кружки и кучки социалистов-рабочих до сих пор не переставали существовать в наших промышленных центрах; нужно только немного убежденности, энергии и настойчивости, чтобы опять сплотить их в одно внушительное целое.

Само собою понятно, что тайные рабочие общества не составляют еще рабочей партии. В этом смысле совершенно правы те люди, которые говорят, что наша программа рассчитана более на будущее, чем на настоящее. Но что же из этого следует? Значит ли это, что мы не должны немедленно же браться за ее выполнение? Рассуждающие так самобытники опять попадают в безвыходный круг умозаключений. Широкое рабочее движение предполагает хоть временное торжество в данной стране хоть отчасти только свободных учреждений. Но завоевать эти учреждения, в свою очередь, невозможно без политической поддержки наиболее передовых слоев народа. Где же выход? Западно-европейская история разрывала этот заколдованный круг путем медленного политического воспитания рабочего класса. Но наши революционеры как нельзя более боятся медленности кропотливой старухи. Они хотят революции, как можно скорей и во что бы то ни стало. В виду этого, остается только удивляться, как не вспомнят они пословицы—любишь кататься, люби и саночки возить, пословицы, политический смысл которой сводится к тому бесспорному положению, что всякий, желающий поскорее добиться свободы, должен стараться заинтересовать рабочий класс в борьбе с абсолютизмом. Развитие политического смысла рабочего класса есть один из главных видов борьбы против «главного врага, мешающего сколько-нибудь рациональному приступу» к делу создания у нас рабочей партии на западно-европейский манер. В самом деле, что значат уверения историков в том, что в такой-то исторический период буржуазия или,—

что почти в то же самое,—общество боролось в такой-то стране против абсолютизма? Ни более, ни менее, как то, что буржуазия толкала и вела рабочий класс на борьбу или, по крайней мере, рассчитывала на его поддержку. До тех пор, пока ей не была обеспечена такая поддержка, она была труслива, потому что была бессильна. Что сделала против Наполеона III республиканская буржуазия, заслуженным образом лишенная поддержки рабочего класса? Ей оставалось выбирать между безнадежным героизмом и лицемерным одобрением совершившемуся факту. Когда являлось мужество у революционной буржуазии 1830 и 1848 годов? Когда рабочий класс уже одерживал верх на баррикадах. Наше «общество» не может еще рассчитывать на такую поддержку рабочих; оно не знает даже, на кого направит свое ружье рабочий-инсургент: на защитников абсолютной монархии или на сторонников политической свободы? Отсюда его робость и нерешительность, отсюда овладевшее им теперь тяжелое и безнадежное уныние. Но измените положение дел, обеспечьте нашему «обществу» поддержку одних только городских предместий,—и вы увидите, что оно знает, чего хочет, и умеет говорить с властью языком, достойным гражданина. Припомним петербургские стачки 1878—1879 годов. Слух об этих стачках интересовал далеко не одних социалистов. Они стали событием дня, ими интересовался чуть ли не весь интеллигентный и мыслящий Петербург. Вообразите теперь, что в стачках выразился не только антагонизм интересов нанимателей и рабочих данной фабрики, но также и начинающийся политический разлад петербургского рабочего *класса* с абсолютной монархией. Обращение полиции со стачечниками дало немало поводов к проявлению такого разлада. Представьте же себе, что рабочие Новой Бумагопрядильни требовали не только повышения заработной платы для себя, но также известных политических прав для всех русских граждан. Буржуазия увидела бы тогда, что ей нужно серьезнее, чем прежде, считаться с требованиями рабочих. Кроме того, все те ее либеральные слои, экономическим интересам которых успех стачечников не грозил бы прямым и непосредственным образом, почувствовали бы, что их политические требования приобрели, наконец, твердую почву, и что поддержка рабочего класса делает гораздо более вероятным счастливый исход борьбы с абсолютизмом. Политическое движение рабочих вдохнуло бы новую уверенность в сердца всех сторонников политической свободы. Сами народники обратили бы, может быть, свое внимание на новых бойцов из народной среды, и перестали бы, пожалуй, бесплодно и безнадежно ныть по поводу разрушения дорогих им «устоев» [1]).

Спрашивается теперь, кто же, если не революционная интеллигенция, мог бы способствовать политическому развитию рабочего класса? Во время стачек 1878—1879 г.г. сама эта, уверенная в себе, интелли-

[1]) *Примечание ко 2-му изданию.* События последнего года служат блестящим подтверждением всему здесь сказанному—пролетариат разбудил политическое сознание русского «общества».

генция не могла похвалиться ясностью своего политического сознания. Поэтому и стачечники не могли услышать от нее чего-нибудь поучительного насчет связи экономических интересов рабочего класса с его политическими правами. Много и теперь путаницы в головах нашей «революционной молодежи». Но будем надеяться, что путаница эта уступит, наконец, место теориям современного научного социализма, и перестанет парализовать успехи нашего революционного движения. А раз придет такое счастливое время, то и рабочие кружки не замедлят стать на правильную политическую точку зрения. Борьба с абсолютизмом войдет тогда в новый и последний фазис; поддержанные рабочей массой, политические требования передовой части нашего «общества» получат, наконец, столь давно ожидаемое удовлетворение.

Если бы смерть Александра II сопровождалась волнением рабочих в главных городах России, то результаты его, наверное, были бы гораздо более решительными. Но широкая агитация в рабочей среде немыслима без помощи предварительно созданных в ней и возможно более многочисленных тайных организаций, которые подготовляли бы умы рабочих и руководили бы их движением. Поэтому можно сказать, что без серьезной деятельности в рабочей среде, а, следовательно, и без сознательной поддержки со стороны тайных рабочих организаций,—самые смелые подвиги террористов останутся не более, как блестящими вылазками. «Главный враг» будет только поражен, но не уничтожен ими; а это значит, что *террористическая* борьба не достигнет своей цели, так как единственной ее целью должно быть полное и беспощадное уничтожение абсолютизма.

Итак, политическое положение современной России не только не вынуждает нас к отказу от деятельности среди рабочих, но, наоборот, *лишь посредством такой деятельности можем мы избавиться от невыносимого гнета абсолютизма.*

Взглянем теперь на дело с другой стороны. Предыдущее изложение лишний раз подтвердило нам ту истину, что рабочий класс очень важен «для революции» Но социалисту нужно подумать прежде всего о том, чтобы революция была полезна для трудящегося населения его страны. Оставляя пока в стороне крестьянство, мы заметим, что рабочий класс извлечет тем большую пользу из своей политической борьбы, чем яснее будет для него связь между его экономическими нуждами и политическими правами. В «западно-европейских странах» пролетариат очень часто боролся против абсолютизма под знаменем и под верховным руководством буржуазии. Отсюда являлась умственная и нравственная зависимость его от вожаков либерализма, вера в исключительную святость либеральных девизов, убеждение в неприкосновенности буржуазного порядка. В Германии понадобилась вся энергия и все красноречие Лассаля, чтобы только *подорвать* духовную связь рабочих с прогрессистами. Наше «общество» лишено такого влияния на рабочий класс, и социалистам нет ни нужды, ни выгоды создавать его заново. Они должны указать рабочим их собственное, рабочее знамя, дать им вожаков из их собственной, рабочей среды, короче, должны позаботиться о том, чтобы не буржуазное «общество», а тайные рабочие организации приобрели господствующее влияние на умы рабочих. Этим в значительной степени ускорится образование и рост русской рабочей социалистической партии, которая сумеет завоевать себе почетное место среди других партий, после того, как она еще в пеленках способствовала падению абсолютизма и торжеству политической свободы.

Чтобы содействовать, таким образом, умственной и политической самостоятельности русского рабочего класса, нашим революционерам не нужно прибегать к каким-либо искусственным мерам, становиться в сколько-нибудь ложное или двусмысленное положение. Им нужно только проникнуться принципами современной социальной демократии, и, не ограничиваясь политической пропагандой, постоянно внушать своим слушателям, что «экономическое освобождение есть великая цель, которой всякое политическое движение подчинено, как средство». Усвоивши эту мысль, наш рабочий класс сам уже сумеет пройти между Сциллой и Харибдой, между политической реакцией государственного социализма и экономическим шарлатанством либеральной буржуазии.

Способствуя образованию рабочей партии, наши революционеры будут делать самое плодотворное, самое важное дело, какое только можно указать «передовому человеку» современной России. Одна лишь рабочая партия способна разрешить все те противоречия, которые осуждают теперь нашу интеллигенцию на теоретическое и практическое бессилие. Мы уже видели, что наиболее осязательным из этих противоречий является, в настоящее время, необходимость низвержения абсолютизма и невозможность сделать это без поддержки народа. Тайные рабочие организации разрешат это противоречие, привлекая к политической борьбе наиболее развитые слои народа. Но этого мало. Возрастая и укрепляясь под защитой свободных учреждений, русская рабочая социалистическая партия разрешит другое, не менее важное противоречие, на этот раз экономического свойства. Всем известно, что современная сельская община должна уступить место коммунизму, или окончательно разложиться. В то же время экономическая организация общины не имеет тех пружин, которые толкали бы ее на путь коммунистического развития. *Облегчая* переход нашего крестьянства к коммунизму, община не может однако сообщить ему необходимой для такого перехода *инициативы*. Напротив, развитие товарного производства все более и более подрывает старый общинный принцип. И нет у нашей народнической интеллигенции возможности одним решительным движением устранить это коренное противоречие. На ее глазах некоторая часть сельских общин падает, разрушается, становится «бичом и тормозом» беднейшей части общинников. Как ни печально для нее это явление, но она решительно не в силах помочь ему в настоящее время. Между «народом» и народолюбцами нет решительно никакой связи. Разлагающаяся община остается сама по себе, ее интелли-

гентные печальники—сами по себе, и ни та, ни другие не в состоянии положить конец этому печальному положению дел. Как же выйти из этого противоречия? Неужели нашей интеллигенции приходится махнуть рукой на всякую попытку практической деятельности, и утешаться «утопиями» во вкусе г. Г. Успенского? Ничуть ни бывало! Наши народники могут спасти, по крайней мере, некоторую часть сельских общин, если только они пожелают апеллировать к диаликтике нашего общественного развития. Но и такая апелляция возможна только при посредстве рабочей социалистической партии.

Разложение нашей общины представляет собою бесспорный и несомненный факт. Но быстрота и интенсивность этого процесса различны в различных местностях России. Чтобы совершенно остановить его там, где община сохранила наибольшую свежесть и прочность, наши народники должны воспользоваться теми силами, которые освобождаются при распадении общины в наиболее промышленных губерниях. Силы эти суть не что иное, как силы нарождающегося пролетариата. Они, и только они, могут послужить связующим звеном между крестьянством и социалистической интеллигенцией; они, и только они, могут пополнить историческую пропасть, отделяющую «народ» от «образованной» части населения. Через них и с их помощью социалистическая пропаганда проникнет, наконец, во все закоулки деревенской России. Кроме того, своевременно сплоченные и организованные в одну рабочую партию, они могут послужить главным оплотом социалистической агитации в пользу экономических реформ, предохраняющих общину от повсеместного разложения. А когда придет час окончательной победы рабочей партии над высшими сословиями, то опять-таки она, и только она, возьмет на себя инициативу социалистической организации национального производства. Под ее влиянием,—а при случае и давлением,—сохранившиеся сельские общины действительно начнут переходить в высшую, коммунистическую форму. Тогда выгоды, представляемые общинным землевладением, станут *действительными*, а не только *возможными*, и народнические мечты о самобытном развитии нашего крестьянства осуществятся по отношению, по крайней мере, к некоторой его части.

Таким образом, *силы, освобождающиеся при разложении общины в некоторых местностях России, могут предохранить ее от полного разложения в других местностях.* Нужно только уметь правильно и своевременно утилизировать и направить эти силы, т.-е. как можно скорее организовать их в социал-демократическую партию.

Но мелкие поземельные собственники окажут сильное сопротивление социалистическим тенденциям рабочей партии, — возразят самобытники.— Всего вернее, что—да; но зато будет кому и бороться с этим сопротивлением. Появлению класса мелких собственников соответствует возрастание численности и силы революционного пролетариата, который придаст, наконец, жизнь и движение нашей тяжеловесной государственной машине. Сопротивление не страшно там, где есть способная победить его историческая

сила; точно так же, как и наоборот, предполагаемое отсутствие сопротивления—далеко не радостная вещь там, где народ неспособен начать социалистическое движение, где героические усилия отдельных личностей разбиваются об инерцию темной и невежественной массы.

Кроме того, нужно иметь в виду, что та же самая рабочая партия будет служить у нас проводником для западных влияний. Рабочий не останется глух к движению европейского пролетариата, как это легко могло бы случиться с крестьянином. Соединенные же силы внутреннего и международного движения будут более, чем достаточны для победы над реакционными стремлениями мелких собственников.

Итак, еще раз: *возможно-более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России.* На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию.

А террор?—восклицают народовольцы. А крестьянство?—кричат, с другой стороны, народники. Ради ваших отдаленных планов, вы готовы помириться с существующей реакцией,—умозаключают одни; как узкий доктринер, вы жертвуете реальными интересами, ради торжества вашей доктрины—ужасаются другие. Но попросим у своих противников несколько минут терпения, и постараемся ответить хоть на некоторую часть сыплющихся на нас упреков.

Во-первых, мы нисколько не отрицаем важной роли террористической борьбы в современном освободительном движении. Она естественно выросла из наших социально-политических условий. И также естественно должна способствовать изменению их в лучшую сторону. Но взятый сам по себе, так называемый, террор только разрушает силы правительства, очень мало способствуя сознательной организации сил его противников. Террористическая борьба не расширяет сферы нашего революционного движения; напротив, она сводит его к героическим действиям небольших партизанских кучек. После нескольких блестящих успехов, наша революционная партия видимо ослабела от сильного напряжения, и не может уже оправиться без притока свежих сил из новых слоев населения. Мы рекомендуем ей обратиться к рабочему классу, как самому революционному из всех классов современного общества. Значит ли это, что мы советуем ей прекратить на-время активную борьбу с правительством? Не только—нет, но, напротив, мы указываем ей возможность сделать эту борьбу более широкой, более разносторонней, а потому и более успешной. Но само собою разумеется, что мы не можем смотреть на дело рабочего движения лишь с точки зрения важности рабочих «для революции». Мы хотим обратить самое торжество революции на пользу рабочего населения нашей страны, а потому считаем необходимым содействовать его умственному развитию, его сплочению и организации. Мы вовсе не хотим, чтобы тайные рабочие организации превратились в тайные питомники для разведения террористов из рабочей среды. Но мы хорошо понимаем, что политическое освобождение России совершенно

совпадает с интересами рабочего класса, и потому думаем, что существующие в его среде революционные кружки должны содействовать политической борьбе нашей интеллигенции путем пропаганды, агитации, а подчас, и открытой уличной борьбы. Несправедливо было бы целиком взваливать на плечи рабочего класса все трудности освободительного движения, но вполне справедливо и целесообразно было бы привлечь к нему между прочим и рабочих.

Есть другие слои населения, которые с гораздо большим удобством могут взять на себя террористическую борьбу с правительством. Но, помимо рабочих, нет другого такого слоя, который в решительную минуту мог бы повалить и добить раненное террористами политическое чудовище. Пропаганда в рабочей среде не устранит необходимости террористической борьбы, но за то она создаст ей новые, небывалые до сих пор шансы [1])

Сказанное относится к террористам. Побеседуем теперь с народниками.

Их огорчают все те программы, в которых не отводится главного места революционной деятельности в крестьянской среде. Но хотя такого рода деятельность и составляет все содержание их собственной программы, однако от этого обстоятельства

Немного выиграл народ
И легче нет ему покуда!

Начиная с конца семидесятых годов, т.-е. со времени разделения общества «Земля и Воля», революционная деятельность в крестьянской среде не только не расширялась, но суживалась все более и более. В настоящее время ее без большой ошибки можно приравнять к нулю. А между тем, за все это время не было недостатка в людях, полагающих, что центр тяжести всего нашего революционного движения немедленно должен быть перенесен в крестьянскую среду. Откуда это противоречие? Несправедливо было бы подозревать народников в бездеятельности, трусости и нерешительности. Остается думать, что они поставили себе задачу, неисполнимую при настоящих условиях, что не с крестьянства должна начинать наша интеллигенция свое революционное слияние с народом. И мы действительно так думаем. Но это далеко не значит, что мы *не придаем значения* революционной деятельности в крестьянской среде. Мы констатируем факт и стараемся понять его истинный смысл, убежденные в том, что, понявши причину своей неудачи, наши народники сумеют избежать ее в будущем. Нам кажется, что именно образование рабочей партии избавит нас от того противоречия, благодаря которому, в течение последних семи лет, в России могли существовать только совершенно чуждые народу народники.

[1]) *Примеч. ко 2-му изд.* На основании этого места говорили впоследствии, что группа «Освобождение Труда» сочувствовала «терроризму». Но эта группа, с самого начала своего существования, находила, что рабочим терроризм *неудобен*; высказываться против террористической борьбы интеллигенции было тогда безусловно бесполезно: интеллигенция верила в террор, как в бога.

Каким образом сделает это рабочая партия—видно уже из предыдущего изложения. Но не мешает сказать еще несколько слов по этому поводу.

Чтобы влиять на многочисленную темную массу—необходим известный минимум сил, без которого все старания отдельных личностей не пойдут дальше самых ничтожных результатов. Наша революционная интеллигенция не обладает таким необходимым минимумом сил, потому-то ее революционные усилия в крестьянской среде и не оставили по себе почти ровно никакого следа. Мы указываем ей на промышленных рабочих, как на промежуточный слой, способный помочь ее слиянию с «народом». Значит ли это, что мы игнорируем крестьянство! Нисколько. Это значит, напротив, что мы ищем более действительных способов для воздействия на него.

Далее. Кроме известного минимума сил, для влияния на данную среду необходима хоть некоторая общность между характером этой среды и характером обращающихся к ней деятелей. Ни по привычкам мысли, ни по способности к физическому труду наша революционная интеллигенция не имеет ничего общего с крестьянством. Промышленный рабочий и в этом случае составляет середину между крестьянином и «студентом». Он должен, поэтому, послужить связующим звеном между нами.

Наконец, не нужно упускать из виду и еще одно, далеко не маловажное обстоятельство. Что бы ни говорили об исключительно будто-бы земледельческом характере современной России, несомненно, однако, что «деревня» не может привлечь к себе всех сил нашей революционной интеллигенции. Это не мыслимо уже по одному тому, что не в деревне, а в городе вербуются силы этой интеллигенции, что не в деревне, а в городе ищет убежища революционер, подвергшийся полицейским преследованиям, хотя бы даже за пропаганду в крестьянской среде. Наши главные города являются, поэтому, центрами, в которых всегда находится налицо более или менее значительный контингент сил революционной интеллигенции. Само собою понятно, что интеллигенция не может не испытывать на себе влияний города, что она не может не жить его жизнью. С некоторых пор жизнь эта стала принимать политический характер. И мы знаем, что, несмотря на самые «народнические» программы, наша интеллигенция не могла удержаться против течения, вынуждена была взяться за политическую борьбу. Пока у нас нет рабочей партии, «городские» революционеры поневоле обращаются «к обществу», так что фактически они являются его революционными представителями. Народ отодвигается на задний план, а этим не только замедляется установление связи между ним и интеллигенцией, но нарушается и существовавшая прежде связь мжду «сельскими» и «городскими» революционерами из самой интеллигенции. Отсюда—взаимное непонимание, разногласия, расхождения. Не то было бы, если бы политическая борьба в городах приняла, главным образом, рабочий характер. Тогда городские и сельские революционеры различались бы между собою лишь *по месту*, а вовсе

не *по сущности* своей деятельности, и те, и другие были бы представителями *народного* движения, в различных его видах, и социалистам не было бы необходимости жертвовать своею жизнью в интересах чуждого их взглядам «*общества*».

Такое согласие не представляет собою несбыточной утопии. Его очень нетрудно осуществить на деле. Если в настоящее время нельзя насчитать десятка народников, поселившихся в деревне в силу своей программы, по долгу службы *революции*, то немало образованных и искренних демократов живет в деревне по долгу службы *государству*, в силу своей профессии. Многие из этих людей не сочувствуют нашей политической борьбе, в *ее нынешнем виде*, и в то же время не берутся за систематическую революционную работу в крестьянстве, по той простой причине, что не видят партии, с которой они могли бы соединить свои усилия, один же, как известно, в поле не воин. Начните социально-политическое движение в рабочей среде, и вы увидите, что эти сельские демократы мало-по-малу перейдут на точку зрения социал-демократии и, в свою очередь, послужат связующим звеном между городом и деревней.

Тогда наши революционные силы будут распределяться следующим, весьма простым образом: в деревню пойдут все те, кого вынуждают к этому профессиональные обязанности. Само собою разумеется, что таких будет немало. В то же время люди, имеющие возможность поселиться в городах или промышленных центрах, направят свои усилия на рабочую среду, и постараются сделать из нее авангард русской социал-демократической армии.

Такова наша программа. Она не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует крестьянства ради промышленных рабочих. *Она ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения.*

ГЛАВА VI.

Заключение.

Теперь мы позволим себе сказать несколько заключительных слов читателю.

Во всем, что касается защиты нашей *точки зрения*, мы хотели бы апеллировать к его уму, а не к чувству. Дорожа исключительно интересами истины, мы сумеем примириться с нею даже в том случае, если она разойдется с самыми дорогими нам убеждениями. Поэтому мы просим читателя только об одном: пусть критикует он наши доводы с тем вниманием, которого заслуживают затронутые нами революционные вопросы. Одобрит или не одобрит он предложенное нами решение этих

вопросов,—во всяком случае, русская революционная мысль только выиграет от нового пересмотра достигнутых ею результатов.

Но есть другая сторона дела, касающаяся не сущности наших взглядов, а избранной нами формы изложения. Нас—или лучше сказать *меня*—могут обвинить в излишней резкости, во враждебном отношении к фракциям, сослужившим немаловажную службу революционному делу, и, потому, несомненно, заслуживающим уважения.

Знакомые уже мне «баккалавры» могут пойти еще далее и обвинить меня во враждебном отношении ко всей русской революции.

Во всем, что касается *этого* вопроса, я считаю не лишним обратиться к тому чувству читателя, которое называется чувством справедливости и беспристрастия.

Теперь в заключительной главе, как и в начале, в «Письме к П. Л. Лаврову», я могу с полной искренностью повторить, что желаю «Народной Воле» не неудач, а дальнейших успехов. И если я так резко отнесся к литературным упражнениям одного из ее представителей, то на это были свои достаточные причины, не имеющие решительно ничего общего с враждебным отношением к революции или к какой-либо из революционных фракций [1]).

Прежде всего нужно иметь в виду, что революционер не есть революция, и что *теории революционеров* далеко не всегда и не во всех своих частях могут быть названы *революционными теориями*.

Я нисколько не отрицаю важного и полезного значения совершенных народовольцами революционных действий; но я истолковываю их не так, как делают это официальные представители «партии». Я вижу их в том свете, который неприятно раздражает глаза «народовольских» публицистов. Мой взгляд на значение этих действий достаточно выяснился еще в брошюре «Социализм и политическая борьба», где я говорил, что «Народная Воля не может найти оправдания, да и не должна искать его помимо современного научного социализма».

Г. Тихомирову угодно было высказать на этот вопрос другой взгляд, по его мнению, более правильный и революционный.

Огорченный тем, что «в некоторых слоях социалистов»... «политическая демократическая идея»... «приняла формы, которые извращают самую сущность ее», он решился поправить дело, и в статье «Чего нам ждать от революции?» постарался приурочить деятельность своей партии к теориям Бакунина и Ткачева. Благодаря такому обороту, официальные теории «партии Народной Воли» перестали быть революционными теориями, и без малейшего вреда для революции могли быть подвергнуты такой же резкой критике, как и все другие проявления все более и более усиливающейся теперь русской литературной реакции.

---

[1]) *Примечание ко 2-му изданию.* Надо заметить еще вот что. Мне было хорошо известно, что г. Тихомиров уже задолго до появления его статьи «Чего нам ждать от революции?» совершенно «разочаровался» в программе «Народной Воли». Поэтому ее отстаивание им принимало характер крайне возмутительного лицемерия.

Реакционные теории вообще непривлекательны; но они не опасны до тех пор, пока выступают под своим собственным знаменем. Вредной отравой, настоящим умственным ядом они становятся лишь тогда, когда начинают прикрываться революционным знаменем. В таком случае, противником революции является не тот, кто сдергивает с них революционную маску, а тот, кто остается равнодушным зрителем вольной или невольной литературной подделки.

Я неспособен, да и не стремлюсь к такому равнодушию. Ненавидя реакцию вообще, я тем более ненавижу ее, когда она призывает к себе людей во имя революции. И я не могу признать себя виновным в излишней резкоети по отношению к г. Тихомирову, до тех пор, пока мне не докажут следующих двух положений:

1) Что теории г. Тихомирова не представляют собою нового издания учений Бакунина и Ткачева

2) Что эти последние учения не могут быть признаны реакционными, по сравнению с научным социализмом Карла Маркса.

Пусть же противники мои постараются доказать эти положения, не торопясь обвинять меня в оскорблении величества русской революции. Я сам объявлю свою резкость неуместной, если доводы их будут убедительны.

Но для этого необходимо, между прочим, чтобы за основу спора были взяты те самые положения г. Тихомирова, которые послужили поводом к моей полемике против него. Общее направление «*Вестника Народной Воли*» так неясно и неопределенно, что бакунинско-ткачевские тенденции статьи «Чего нам ждать от революции?» не могут помешать появлению марксистских тенденций в статьях других сотрудников, а пожалуй,—как ни трудно ожидать этого,—и в новых статьях г. Тихомирова. Нет ничего невозможного в том, что наш автор вспомнит о той части программы «Вестника», которая лежит по ту сторону рокового «но», и напишет несколько красноречивых страниц об *единственном* пути, ведущем к достижению общих «социалистических целей». Но такая перемена фронта не ослабит реакционного значения разобранной нами статьи, и докажет только, что наш автор не имеет никаких определенных воззрений.

Читателей, более беспристрастных, чем защитники г. Тихомирова, я прошу помнить, что можно от души сочувствовать не только революции вообще, но и революционной «партии Народной Воли» в частности, и в то же время думать, что насущнейшей задачей этой партии, первым, самым необходимым ее успехом должен быть *безусловный разрыв с ее нынешними теориями.*

Напрасно думают сторонники «Народной Воли», что такого рода разрыв был бы изменой памяти героев русской террористической борьбы. Наиболее выдающиеся террористы начали с критического отношения к общепризнанным в их время «программам» революционеров. Почему же люди, идущие по их стопам, не могут предпринять дела такой же критики по отношению к «программам» своего времени; почему думают они, что критическая мысль Желябова должна остановиться перед догматическим миросозерцанием г. Тихомирова?

Вот вопрос, о котором стоит подумать нашим молодым народовольцам [1]).

---

[1]) *Примечание ко 2-му изданию.* Я так и не дождался серьезного ответа на свою книгу. В пятом номере «Вестника Народной Воли» появилась, правда, маленькая библиографическая заметка, в которой говорилось, что возражать мне значило бы прежде всего говорить о моей *личности.* Кроме этого *намека*, который, очевидно, хотел быть *злым*, редакция «Вестника» не сказала *ровно ничего* в защиту тихомировских ожиданий от революции, а спустя несколько лет сам г. Тихомиров заявил, что эти ожидания несбыточны и признался, что уже со времени своего приезда за-границу он считал свою «партию» *трупом.* Это было неожиданным, но весьма многознаменательным заключением всего нашего спора. Мне оставалось только подвести итог, что я и сделал в статье: «Неизбежный поворот», напечатанной в сборнике «Социал-демократ» и в брошюре: «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова», Женева 1889 г.